Библіотека „Общественной Пользы“.

П. Милюковъ.

ГОДЪ БОРЬБЫ.

Публицистическая хроника

1905—1906.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1907.

~~106751~~
27363
131
3-M 60-T

НР. 163
М.
I Бб
М-60
9(47)
М60

Библіотека „Общественной Пользы“.

П. Милюковъ.

ГОДЪ БОРЬБЫ.

Публицистическая хроника

1905—1906.

Инв. 27363
Проверено 1947 г.
005.
10675
БИБЛИОТЕКА
МОРСКОЙ АКАДЕМИИ
Ц. ф.
НЭИ
286
546745
Центральная восп. мор. библиотека

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1907.

I 656

Типографія т-ва „Общественная Польза“, Большая Подъяческая, 39.

Библиотека

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

ПРЕДИСЛОВІЕ . . . . . IX—XVII

I. Первые опыты общественной организаціи.

1. Къ исторіи земскихъ съѣздовъ.

1. Задача земскаго съѣзда 6—9 ноября 1904 г. . . . . 3— 8
2. Депутація коалиціоннаго съѣзда, 6 іюня 1905 г. . . . . 8— 12

Графъ Витте и земцы:

3. Политическая роль послѣдняго съѣзда, 6—13 ноября . . 12— 16
4. Отвѣтъ гр. Витте земцамъ . . . . . 17— 18
5. Надо ли созывать новый земскій съѣздъ?. . . . . 18— 20

2. Дифференціація общественныхъ группъ.

6. Новый варіантъ славянофильской политической доктрины (къ исторіи земскаго „меньшинства“) . . . . . 21— 26
7. Кн. Евгеній Трубецкой и пробужденіе церкви . . . . . 26— 28
8. По поводу отвѣта кн. Е. Н. Трубецкого.. . . . . 29— 30
9. Баллотировать и баллотироваться ли. Возраженіе В. Д. Кузьмину-Караваеву. . . . . 30— 34

3. Къ исторіи союзнаго движенія.

10. Партіи или союзы. . . . . 34— 41
11. „Политическіе“ или „профессіональные“ союзы . . . . . 41— 47
12. Союзное движеніе и „союзъ союзовъ“. . . . . 48— 53

II. Первыя конституціонныя уступки.

13. Государственный актъ 6-го августа. . . . . 54— 69
14. Политическое значеніе учрежденія государственной думы. 69— 72
15. Манифестъ 17-го октября . . . . . 72 — 78
16. Избирательный законъ 11-го декабря . . . . . 78— 81
17. Дума или „временная палата“ . . . . . 81— 86

стр.

18. Новое „учрежденіе госуд. думы“ 20-го февраля . . . . . 86— 91
19. За кулисами конституціоннаго акта. . . . . 91— 92
20. Законъ 4-го марта о союзахъ и о собраніяхъ . . . . . 92— 96

III. Образованіе политическихъ партій.

1. Организація конституціонно-демократической партіи.

21. Вступительная рѣчь на учредительномъ съѣздѣ к.-д. партіи, 14-го октября 1905 г. . . . . 97—101
22. Докладъ II съѣзду к.-д. партіи объ участіи въ избирательной кампаніи и объ отношеніи къ госуд. думѣ, 5-го января 1906 г. . . . . 102—110
23. Къ итогамъ II съѣзда к.-д. партіи. . . . . 110—117
24. Кто виноватъ? Кн. Е. Н. Трубецкой или к.-д. партія? . . . 117—128
25. Еще о кн. Трубецкомъ и о к.-д. партіи . . . . . 128—133
26. Предвыборныя преслѣдованія партіи народной свободы . . 133—137
27. Гр. Витте запрещаетъ (?) преслѣдовать к.-д. партію . . . 137—139
28. „Взглядъ“ гр. Витте и практика правительства. . . . . 140—141
29. Отвѣтъ г. Н. А Демчинскому. . . . . 141—142

2. Образованіе и развитіе „союза 17 октября“.

30. Десница и шуйца „союза 17 октября“. . . . . 143—161
31. А. И. Гучковъ и эпизодъ въ московскомъ земствѣ . . . . 161—163

IV. Политическое положеніе въ концѣ 1905 и въ началѣ 1906 года.

32. Основныя задачи момента. Программная статья . . . . . 163—169

Всеобщая забастовка и вооруженное возстаніе.

33. Своевременна ли всеобщая политическая забастовка? . . . 170—171
34. Кто виноватъ во всеобщей забастовкѣ? . . . . . 172—174
35. Возстаніе въ Москвѣ . . . . . 175—176
36. Мораль московскаго возстанія. . . . . 176—178
37. „Провокація“ или не провокація . . . . . 178—180
38. Политика гр. Витте. Письмо къ издателю „Correspondance Russe“. . . . . 180—187
39. Дума и обыватель. Впечатлѣнія отъ актовъ 20-го февраля. 187—189
40. Конституція и самодержавіе. . . . . 189—191
41. Переломъ въ общественномъ настроеніи. . . . . 191—192
42. Графъ Витте и общественное мнѣніе. По поводу слуховъ объ отставкѣ . . . . . 192—196

V. Избирательная кампанія.

	стр.
43. Отношеніе крестьянъ и рабочихъ къ выборамъ	196—198
44. Проба организованности политическихъ партій	198—202
45. Ненормальныя условія избирательной кампаніи	202—204
46. Духовенство передъ выборами	205—207
47. Первые признаки успѣха	207—209
48. Значеніе партійныхъ списковъ при двухстепенныхъ выборахъ	209—212
49. Вліяніе выборовъ на общественное сознаніе	212—215
50. Возможность побѣды оппозиціи признается правительствомъ	215—219
51. Петербургъ въ день выборовъ	219—222
52. Г. Плехановъ и бойкотъ	222—223
53. Петербургскій тріумфъ и „Русское Государство“	223—226
54. Надежды и опасенія правящихъ сферъ	226—230
55. Почему побѣдили „кадеты“?	230—232
56. Наканунѣ московскихъ выборовъ	232—234
57. Тактика к.-д. большинства въ думѣ по отношенію къ лѣвымъ и къ правымъ	234—239
58. Крестьяне и тактика к.-д. большинства	239—242
59. К.-д. большинство и ожиданія „правыхъ“	242—248
60. Расчеты „правыхъ“ на радикализмъ и на умѣренность к.-д. большинства	248—251
61. Упреки слѣва	251—256
62. Упреки слѣва, отвѣтъ В. Я. Богучарскому	256—259
63. К.-д. какъ посредники между терроромъ снизу и терроромъ сверху	260—264
64. К.-д. и польскія партіи	264—266
65. К.-д. и „революціонеры справа“	266—269

VI. Мѣры предосторожности передъ созывомъ думы.

66. Элементы конфликта I—II	269—281

Программа думскихъ занятій:

67. Что думѣ дозволено?	281—28
68. Что думѣ запрещено?	284—28

„Основные законы“:

	стр.
69. Проектъ „основныхъ законовъ“	286—288
70. Нашъ будущій § 14	288—290
71. „Основные законы“ и декларація к.-д. членовъ государ. совѣта	290—292

Внѣшній заемъ.

72. Переговоры о займѣ I—IV	292—299
73. К.-д. партія и французскій заемъ	300—303

Перемѣна министерства.

74. Отставка гр. Витте	303—306
75. Новое министерство I—II	307—311

VII. Третій съѣздъ партіи народной свободы.

76. Къ открытію III партійнаго съѣзда	311—317
77. Докладъ о тактикѣ партіи народной свободы въ думѣ	317—335
78. Аграрный вопросъ на III съѣздѣ п. н. с.	335—341
79. Къ окончанію III съѣзда	341—342

VIII. Сессія государственной думы.

1. Дума и общее политическое положеніе.

80. Два непримиримыхъ типа	342 344
81. Отношеніе къ думѣ различныхъ общественныхъ группъ	344—346
82. Главное дѣло думы и крайнія партіи	347—351
83. Смертныя казни и политическія убійства	352—356
84. Первый мѣсяцъ думской работы	356—362
85. Еще о тактикѣ думы (отвѣтъ г. Жилкину)	362—367
86. Обостреніе конфликта	367—369
87. Подготовка государственнаго переворота	369—372
88. Дума въ народномъ сознаніи	372—375
89. Преслѣдованіе соціалистической печати	376—378
90. Приближеніе развязки	378—381
91. Наканунѣ кризиса	382—383

2. Группировка партій.

92. Отношеніе между двумя главными партіями	384—387
93. Выступленіе польской группы	387—389

СТР.

94. Фракція автономистовъ . . . . . 389—392
95. Думская фракція с.-д. и ея внѣпарламентскія отношенія. 392—396
96. Эволюція „трудовой группы“ . . . . . 396—400

3. Историческіе дни въ думѣ.

97. Первое засѣданіе . . . . . 401—403
98. Обсужденіе отвѣтнаго адреса . . . . . 403—406
99. Принятіе адреса и единство оппозиціи . . . . . 406—409
100. Вотумъ недовѣрія . . . . . 410—412
101. По поводу формулы недовѣрія . . . . . 412—413
102. Пренія по аграрному законопроекту . . . . . 413—416
103. Военный прокуроръ Павловъ въ думѣ . . . . . 417—418
104. Отвѣтъ г. Столыпина и пренія о погромахъ . . . . . 418—422
105. Отношеніе думы къ министру внутр. дѣлъ . . . . . 422—423
106. Пренія о сверхсмѣтномъ кредитѣ на голодающихъ . . . . 424—426
107. Аграрное „сообщеніе“ думы . . . . . 426—428
108. Значеніе преній и голосованія по аграрному „сообщенію“ думы . . . . . 428—431

4. Враги думы и критика думскаго большинства.

Нападенія справа.

109. „Революціонеры справа“ . . . . . 431—433
110. Губернаторская агитація противъ думы . . . . . 433—434
111. Аграрные проекты думы и критика г. Гурко. . . . . 435—440
112. Критика „Le Temps“ . . . . . 440—441
113. Критика „XX вѣка“ . . . . . 442—446

Полемика и тактика лѣвыхъ партій:

114. Противорѣчія „большевистской“ агитаціи противъ думы. . 446—448
115. Что разумѣютъ с.-д. фракціи подъ „поддержкой“ думы. . 449—453
116. Какъ понимаютъ с.-д. фракціи „взаимодѣйствіе“ народа и думы . . . . . 453—457
117. Задачи мѣстныхъ аграрныхъ комитетовъ въ пониманіи с.-д. и к.-д. . . . . 457—460
118. Споры о мѣстныхъ комитетахъ въ думѣ и въ лѣвой печати. 460—464
119. Черезъ думу или мимо думы? Споръ „меньшевиковъ“ съ „большевиками“ о двухъ формулахъ. . . . . 464—466
120. Г. Плехановъ и г-жа Кукшина: „буржуазно-демократическая“ реформа или „бланкистская“ революція? . . . . . 466—471
121. Думское министерство или внѣдумская организація. . . . 471—474
122. Два пути организаціи общественныхъ силъ. . . . . 474—477
123. Думскіе законопроекты о свободахъ. Отвѣтъ Н. И. Кулябко-Корецкому. . . . . 477—481

5. Вопросъ о думскомъ министерствѣ.

	стр.
124. Отвѣтственность министровъ за-границей и въ Россіи. . .	482—485
125. Связь между идеей „кабинета“ и „политической партіи“ .	485—490
126. Невозможность коалиціоннаго министерства.	490—492
127. Есть ли почва въ думѣ для к.-д. министерства?.	492—495
128. Мысли Д. Ѳ. Трепова о к.-д. министерствѣ.	495—499

6. Дума и государственный совѣтъ.

129. Нежизнеспособность госуд. совѣта и способы его реформы.	499—502
130. Маленькій образчикъ государственной мудрости.	502—503
131. Пренія о смертной казни въ госуд. совѣтѣ	503—505
132. Конфликтъ между госуд. совѣтомъ и министерствомъ . . .	506—508

7. Дума и внѣшняя политика.

133. Отношеніе державъ къ конституціонной борьбѣ	508—511
134, Бѣлостокъ и визитъ англійской эскадры	511—514
135. Дружба демократій и дружба дворовъ.	515—517
136. Сэръ Грей и русское правительство—о кронштадтскомъ визитѣ.	517—519
137. Неловкое отступленіе	519—521
138. Германское вмѣшательство и германское общественное мнѣніе	521—523

IX. Послѣ роспуска думы.

139. Подъ первымъ впечатлѣніемъ.	523—525
140. Министерство переворота и люди изъ общества.	526—528
141. „Мирные обновители“.	528—530
142. По поводу отвѣта гр. Гейдена.	530—531
143. Тишина передъ бурей и логунги момента.	531—534
144. Растерянность побѣдителей и планы либеральной реакціи.	534—538
145. Первые признаки общественнаго „довѣрія“	538—540
146. Невозможность министерства „общественныхъ дѣятелей“.	540—542
147. „Либерализмъ“ quand même.	542—543

Приложеніе: три смерти.

148. † С. Н. Трубецкой.	544—546
149. † П. П. Шмидтъ.	546—548
150. † М. Я. Герценштейнъ.	548—550

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Эта книга обязана своимъ происхожденіемъ невольному досугу, который выпалъ на долю автора послѣ роспуска государственной думы и закрытія газеты „Рѣчь“. Событія такъ быстро слѣдовали одно за другимъ въ теченіе послѣднихъ полутора лѣтъ, и текущій моментъ такъ сполна поглощалъ все вниманіе, что возможность осмотрѣться и оглянуться назадъ на пройденное пространство представилась особенно соблазнительной. Въ этомъ, если угодно, чувствовалась и несомнѣнная практическая необходимость. Партію, къ которой авторъ имѣетъ честь принадлежать, такъ часто и настойчиво обвиняли въ колебаніяхъ, противорѣчіяхъ, двусмысленныхъ ходахъ, что потребность провѣрить самого себя, сравнить выраженіе собственныхъ мнѣній на протяженіи болѣе или менѣе продолжительнаго промежутка времени являлась естественной у человѣка, общественная дѣятельность котораго болѣе или менѣе сливалась съ дѣятельностью представляемой имъ партіи. Намъ думалось: если противорѣчія и „измѣны“ есть не только выдумка нашихъ противниковъ, а объективный фактъ, то фактъ этотъ долженъ же самъ собою всплыть при сопоставленіи ряда письменныхъ отрывковъ, изъ которыхъ каждый является отголоскомъ настроенія той минуты, когда онъ писался. При массѣ быстрыхъ драматическихъ переходовъ, коренныхъ перемѣнъ въ политическомъ положеніи, при сложности политическихъ задачъ и неожиданности ихъ разрѣшеній, казалось, каждая ошибка, каждый диссонансъ или фальшивая нота должны были особенно ярко выдѣлиться на общемъ фонѣ. Столько политическихъ точекъ зрѣнія уже не выдержали строгаго экзамена совершившихся фактовъ, столько политическихъ предсказаній было опровергнуто событіями; такъ все мѣнялось и быстро ветшало въ этомъ головокружительномъ потокѣ: едва прошедшій моментъ

сразу и круто отходилъ въ далекую старину; въ горячемъ спорѣ партіи незамѣтно мѣнялись аргументами и мѣстами... Казалось, что если теперь все сразу вспомнить, что было говорено и писано при различныхъ обстоятельствахъ—и съ тѣхъ поръ обстоятельно позабыто,—то не только у заподозрѣнной въ своемъ постоянствѣ партіи, а рѣшительно у всѣхъ политиковъ и публицистовъ даннаго періода должна получиться самая смѣшная и пестрая путаница ошибокъ и недоразумѣній...

Въ настоящей книгѣ авторъ собралъ почти все, что было имъ писано о политикѣ съ ноября 1904 года по конецъ мая 1906 г. Перечитывая теперь, впервые послѣ написанія, длинный рядъ этихъ публицистическихъ отрывковъ, онъ не находитъ, чтобы ему слѣдовало особенно стыдиться результата произведеннаго экзамена. Правда, уголъ зрѣнія иногда не совсѣмъ совпадаетъ въ статьяхъ разнаго времени; часть матеріала, надъ которымъ произведены наблюденія, можетъ оказаться обветшалой или недостаточно провѣренной; ожиданія и опасенія—неосуществившимися. Но общій критерій, положенный въ основу всѣхъ сужденій и оцѣнокъ, оказывается болѣе или менѣе одинаковъ на всемъ протяженіи книги. Читатель рѣшитъ, насколько этотъ критерій наложенъ извнѣ или взятъ изъ самой сущности обсуждаемыхъ фактовъ, насколько вѣрны или—что еще важнѣе—в ѣ р о я т н ы—сдѣланные прогнозы. Конечно, читатель-другъ и читатель противникъ будутъ разнаго мнѣнія объ этомъ. Но, можетъ быть, ни тотъ, ни другой не откажутъ признать, что въ основѣ сужденій лежитъ нѣкоторая руководящая идея, и что эта идея даетъ для политическихъ объясненій путеводную нить.

Автору казалось, что это впечатлѣніе извѣстной связности и послѣдовательности сужденій, на которое онъ расчитываетъ, само по себѣ уже составляетъ оправданіе его рѣшимости соединить въ одно цѣлое разрозненные отрывки, спѣшно набрасывавшіеся для ближайшаго номера газеты. Будущій историкъ эпохи найдетъ въ нихъ одно изъ возможныхъ освѣщеній событій. Но мы расчитываемъ не на одного только историка. Намъ кажется, что изъ событій необходимо извлекать уроки, что ихъ можно извлекать даже изъ ошибокъ: поэтому мы расчитываемъ болѣе на читателя-политика, чѣмъ на чи-

тателя-историка. Какъ ни быстро отодвигается въ прошлое текущій моментъ, какъ ни далеко осталась позади насъ психологія „революціоннаго года“, все же мы съ нею тѣсно и частью безсознательно связаны. Въ этой связи есть и хорошее, и худое. Мы связаны съ революціоннымъ годомъ, какъ съ источникомъ той внутренней силы, по инерціи которой продолжается наше собственное политическое движеніе, — и какъ съ источникомъ тѣхъ ошибокъ и иллюзій, которыя направляютъ это движеніе по ложному пути, оставляя на немъ массу непроизводительно потраченной энергіи. Сохранить силу толчка, но направить ее на производительную работу—такова та задача, которой должна служить публицистическая критика нашихъ недавнихъ ошибокъ и заблужденій.

Мы раздѣлили весь матеріалъ на девять отдѣловъ, связанныхъ между собой хронологіей и логикой. Книга начинается съ характеристики „первыхъ опытовъ общественной организаціи“, которымъ соотвѣтствуютъ и „первыя конституціонныя уступки“. Первымъ результатомъ этихъ уступокъ является „образованіе политическихъ партій“. Но прежде, чѣмъ начинается ихъ открытая дѣятельность, страна переживаетъ высшее напряженіе революціи въ концѣ 1905 г. и кратковременную общественную реакцію начала 1906 г. Характеристикѣ этого переходнаго момента посвященъ четвертый отдѣлъ. Затѣмъ идетъ, въ хронологической послѣдовательности, періодъ „избирательной кампаніи“, описанный въ отдѣлѣ пятомъ, и характеристика принятыхъ послѣ выборовъ „мѣръ предосторожности передъ созывомъ думы“—въ шестомъ отдѣлѣ. Непосредственно передъ открытіемъ думы вставленъ седьмой отдѣлъ, посвященный „третьему съѣзду партіи народной свободы“, и наконецъ, слѣдуетъ отдѣлъ восьмой, самый обширный въ книгѣ, посвященный „сессіи государственной думы“. Небольшимъ девятымъ отдѣломъ „послѣ роспуска думы“ книга заканчивается, въ приложеніи даны статьи о „трехъ смертяхъ“ трехъ совсѣмъ различныхъ людей, одинаково ставшихъ жертвами политическихъ событій періода: кн. С. Н. Трубецкого, П. П. Шмидта и М. Я. Герценштейна.

Къ сожалѣнію, весь этотъ матеріалъ освѣщаетъ событія далеко не равномѣрно. Начало описаннаго періода, зима 1904—1905 года проведена авторомъ внѣ родины, въ Америкѣ; слѣдить за событіями того времени онъ могъ только

по періодической печати, и наблюденія, сдѣланныя такимъ образомъ, изложены въ англійской книгѣ автора: «Russia and its crisis», также какъ въ небольшой статьѣ «Liberalism in Russia», написанной для Atlantic Monthly (March, 1905). Включать ихъ въ настоящую книгу авторъ не хотѣлъ, чтобы не нарушать однородности изложенія. Затѣмъ слѣдуетъ лѣто и осень 1905 г., періодъ съѣздовъ земскихъ и «союзныхъ»: событія, въ которыхъ авторъ принималъ довольно близкое личное участіе, но которыхъ, по тогдашнему политическому положенію, какъ разъ не приходилось особенно часто и подробно касаться въ печати. Напротивъ, обстоятельно освѣщенъ конецъ 1905 года, по статьямъ существовавшихъ короткое время конституціонно-демократическихъ газетъ: «Свободный Народъ» и «Народная Свобода». Наконецъ, регулярно и послѣдовательно ведется публицистическая хроника событій съ начала изданія «Рѣчи», т.-е. февраля 1906 года. Три четверти книги составились изъ статей, напечатанныхъ въ этой газетѣ и обнимающихъ четыре самыхъ интересныхъ мѣсяца: первые практическіе шаги на пути развитія нашего народнаго представительства.

Эти случайныя обстоятельства личной біографіи автора объясняютъ, почему исторія земскихъ съѣздовъ представлена лишь вступительной статьей къ знаменитому ноябрьскому съѣзду 1904 г. и нѣсколькими бѣглыми характеристиками политической роли послѣдняго съѣзда, собравшагося ровно годъ спустя. Вставная статья о годовщинѣ депутаціи 6-го іюня немного пополняетъ пробѣлъ. Нѣсколько случайныхъ статей, затѣмъ слѣдующихъ, намѣчаетъ политическую физіономію нѣсколькихъ дѣятелей, уже тогда занявшихъ мѣсто въ арріергардѣ освободительнаго движенія: Д. Н. Шипова, кн. Е. Н. Трубецкого и В. Д. Кузьмина-Караваева. Дальнѣйшія статьи переносятъ читателя въ авангардъ освобожденія, давая понятіе объ очень сильно дебатировавшихся тогда организаціонныхъ вопросахъ, связанныхъ съ развитіемъ «союзнаго движенія». Самые споры потеряли теперь всякое значеніе; но для характеристики доисторическаго періода въ образованіи нашихъ политическихъ партій полемика по ихъ поводу сохраняетъ нѣкоторый интересъ.

Отдѣлъ о «первыхъ конституціонныхъ уступкахъ» изложенъ уже болѣе полно: всѣ основные законодательные акты переходнаго періода находятъ здѣсь оцѣнку. Взглядъ автора

на булыгинскую думу 6 августа когда то встрѣтилъ рѣзкія возраженія, какихъ онъ не заслуживалъ по существу. Но въ ту минуту всякая спокойная, объективная оцѣнка первой конституціонной уступки казалась уже измѣной для идеологовъ русской революціи. Въ книгѣ г. Н. Троцкаго «Наша революція» читатель найдетъ гнѣвную реплику автору: реплику «бойкотиста», которому уже черезъ годъ пришлось прибавить къ своей статьѣ любопытный пост-скриптумъ, гдѣ авторъ отступаетъ, отстрѣливаясь, и смѣняетъ непритворный свой гнѣвъ на притворное презрѣніе.

Въ отдѣлѣ объ «образованіи политическихъ партій» характеризованы лишь двѣ, которыя выступили главными конкуррентами на выборахъ въ первую думу: партія народной свободы и союзъ 17 октября. Въ характеристикѣ послѣдняго читатель найдетъ ретроспективный взглядъ на исторію политическихъ настроеній со времени ноябрьскаго съѣзда 1904 г., слабо освѣщенную въ книгѣ.

Отдѣлъ, посвященный характеристикѣ «политическаго положенія въ концѣ 1905 г. и въ началѣ 1906 г.», къ сожалѣнію, далеко не исчерпываетъ даже самаго необходимаго матеріала для оцѣнки этого важнаго момента, бывшаго кульминаціонной точкой нашего революціоннаго движенія. Отчасти это объясняется личной политической позиціей автора, потерявшаго къ тому времени надежду на широкую организацію оппозиціи въ формѣ «союзнаго движенія» и цѣликомъ отдавшагося работѣ сплоченія оппозиціонныхъ въ тѣсномъ смыслѣ элементовъ въ первой широкой и открытой политической партіи— народной свободы. Авторъ помнитъ то сердитое негодованіе, которое овладѣло нѣкоторыми «друзьями слѣва», вышедшими скоро изъ новообразованной партіи, когда среди раскатовъ революціоннаго грома и волненій первой политической забастовки учредительный съѣздъ партіи занялся тяжелой работой выработки своей программы. Мы думаемъ, однако, что послѣдующее время оправдало насъ и доказало важность и своевременность дѣла, въ то время стушевавшагося передъ яркостью массовыхъ уличныхъ выступленій, монополизованныхъ революціонными партіями митинговъ, рисовавшихся въ перспективѣ баррикадъ, смѣлыхъ попытокъ создать самочинное представительство и исполнительные органы «пролетаріата»,—словомъ, всѣхъ тѣхъ приготовленій,

которыми ознаменовалось активное выступленіе «революціонаго народа». Наша собственная точка зрѣнія на «основныя задачи момента» выражена въ программной статьѣ «Свободнаго Народа» (№ 32). Тамъ же читатель найдетъ и наши отклики на декабрьскую всеобщую забастовку и вооруженное возстаніе, и оцѣнку тогдашней политической роли гр. Витте.

Дальнѣйшій отдѣлъ развертываетъ передъ читателемъ эпопею первой избирательной кампаніи. Когда-нибудь русскій композиторъ сдѣлаетъ изъ этого сюжета симфонію, основанную на двухъ руководящихъ мотивахъ. Онъ начнетъ эту симфонію крикливыми фанфарами, знаменовавшими выступленіе въ походъ власти, въ расчетѣ на успѣшную фальсификацію выборовъ; потомъ, на постепенно замирающихъ, хрипящихъ и все болѣе отрывочныхъ звукахъ тѣхъ же фанфаръ, онъ выведетъ сначала неувѣренный въ себѣ, потомъ все болѣе широкій и радостный, наконецъ, торжествующій и все покрывающій мотивъ народной свободы—народной свободы безъ ковычекъ. Слѣды нарастанія этого настроенія читатель найдетъ и въ нашемъ пятомъ отдѣлѣ; но мы надѣемся, что онъ не найдетъ въ этомъ crescendo никакихъ слѣдовъ партійнаго самодовольства, какъ бы оно ни было законно. Мы могли бы по поводу этого нашего торжества ссылаться на то, какъ блестяще оно оправдывало наши предсказанія и какъ рѣшительно покончивало съ тактикой бойкота. Но мы предпочли какъ можно скорѣе заняться анализомъ новаго положенія, созданнаго побѣдой оппозиціи, и выясненіемъ будущей тактики думскаго большинства. Не наша вина, что попутно мы сердили лѣвыхъ и раздражали правыхъ. Мы только хотѣли быть сами собою, и на выясненіе нашей собственной физіономіи направляли всѣ усилія,—занимались ли мы критикой «революціонеровъ справа», или оборономъ отъ «упрековъ слѣва», или разрушеніемъ правительственныхъ надеждъ и опасеній.

Опредѣливъ самихъ себя, мы занялись взвѣшиваніемъ грозившихъ намъ опасностей, „элементовъ конфликта“, и самымъ тщательнымъ образомъ отмѣчали всѣ правительственныя мѣропріятія, имѣвшія цѣлью ввести дѣятельность думы въ заранѣе опредѣленныя рамки и заранѣе ее обезвредить. Мы слѣдили за тѣмъ, какъ министерство пробовало предопредѣлить „программу думскихъ занятій“, мы заблаговременно

обнаружили приготовленія къ изданію „основныхъ законовъ“, обличили подготовку „внѣшняго займа“; наконецъ, характеризовали перемѣну въ составѣ министерства. Предупредить всѣ эти опасности мы, конечно, были безсильны, хотя на частностяхъ мѣропріятій наше вліяніе и сказалось. Во всякомъ случаѣ, общественное мнѣніе было предупреждено и опредѣленнымъ образомъ настроено.

Статьи, относящіяся къ „третьему съѣзду партіи народной свободы“, въ настоящее время представляютъ тотъ особый интересъ, что въ нихъ господствующая партія думы заблаговременно намѣчала свою тактику въ думѣ. Сопоставляя намѣренія съ исполненіемъ, читатель, конечно, найдетъ немаловажныя отступленія; но онъ, во всякомъ случаѣ, лучше оцѣнитъ и ту трудность борьбы съ препятствіями, и ту неизбѣжность уступки общественному настроенію, которыя помѣшали думскому большинству обнаружить должную энергію, когда приходилось противодѣйствовать отклоненіямъ отъ собственной тактики. Афоризмъ: video meliora, proboque, deteriora sequor оправдался отчасти и на партіи народной свободы: но пусть тѣ, кто чувствуютъ себя безгрѣшными (мы не говоримъ о кастратахъ), первые бросятъ въ нее камень.

Впрочемъ, отъ самообвиненія мы опять переходимъ къ самооправданію, какъ только рѣчь заходитъ снова о внутренней неизбѣжности „конфликта“. Первая часть восьмого отдѣла о думѣ—„дума и общее политическое положеніе“—тоже даетъ тему для симфоніи, въ pendant къ главѣ о выборной кампаніи; но только ходъ темъ здѣсь обратный. Мрачное настроеніе постепенно сгущается, какъ въ декадентской драмѣ, отъ невидимыхъ, но всѣми осязаемыхъ причинъ. Зловѣщую интродукцію мы уже находимъ во вступительной статьѣ: „Два непримиримыхъ типа“. Борьба двухъ намѣченныхъ здѣсь мотивовъ сопровождаетъ насъ чрезъ весь отдѣлъ. Уже въ слѣдующей статьѣ (№ 81) „картина усложняется“,—и продолжаетъ усложняться и извнутри, и извнѣ, несмотря на всѣ усилія прояснить ее, несмотря на всю борьбу съ малодушіемъ однихъ, скептицизмомъ другихъ, чрезмѣрнымъ оптимизмомъ третьихъ, тайнымъ злорадствомъ четвертыхъ. 3-го, 6-го іюня мы уже говоримъ объ „обостреніи конфликта“, о „подготовкѣ государственнаго переворота“; 6-го іюля опять указываемъ на „приближеніе развязки“. Увы, это — го-

лось Кассандры. Наши собственные друзья думаютъ, что мы только „пугаемъ“, чтобы расположить къ уступчивости. И, наконецъ, невѣроятное, безсмысленное, фатальное свершается... На другой день послѣ совершившагося факта всѣ философы и историки въ мірѣ получаютъ право насъ обличать въ близорукости, потому что... роспускъ былъ, все равно, неизбѣженъ.

Слѣдующія части того же отдѣла о думѣ характеризуютъ другія стороны вопроса. Во второй части мы даемъ оцѣнку политической роли различныхъ партій въ думѣ. Здѣсь приходится говорить и о „давленіи слѣва“, и о „давленіи извнѣ“ на думу. Конечно, мы не считаемъ эти „давленія“ полезными для собственнаго дѣла думы и стараемся сосредоточить думу на ея главной задачѣ, осуждая разсѣяніе цѣлей и излишнее дробленіе партій. Третья часть характеризуетъ „историческіе дни въ думѣ“, т. е. все таки не ихъ сценическую постановку, а внутренній смыслъ главнѣйшихъ моментовъ: перваго засѣданія, обсужденія отвѣтнаго адреса, вотума недовѣрія, аграрныхъ преній, выступленій прокурора Павлова, П. А. Столыпина по вопросу о погромѣ, о продовольственномъ кредитѣ, объ аграрномъ „сообщеніи“ думы. Четвертая часть защищаетъ думу отъ ея противниковъ справа и слѣва. Здѣсь проходятъ передъ нашими глазами первые шаги къ организаціи черносотеннаго роялизма, фантазіи „XX вѣка“ и ожесточенные споры крайнихъ лѣвыхъ, идти ли „черезъ“ думу или „мимо“ думы, поддерживать ли всю думу или только „трудовую группу“, присоединяться ли къ требованію „думскаго министерства“ или организовать на мѣстахъ новое „выступленіе пролетаріата“, „поддерживать“, или „воздѣйствовать“, или „взаимодѣйствовать“... Г. В. Плехановъ состязается здѣсь съ „госпожей Кукшиной“ русской революціи, съ Ленинымъ и Троцкими, и голосъ его вопіетъ въ пустынѣ революціоннаго „бланкизма“. Пока дебатируютъ „поддержку“, на практикѣ проповѣдуется „недовѣріе“, которое и приноситъ свои плоды какъ разъ тогда, когда поддержка становится необходимой. И еще съ третьей стороны мы приходимъ къ тому же фатальному концу. Часть пятая отдѣла о думѣ обсуждаетъ деликатный „вопросъ о думскомъ министерствѣ“. Для полной исторіи этого эпизода пока еще не наступило время, и потому многимъ—тѣмъ самымъ, которые не вѣрили въ разгонъ думы

наканунѣ разгона,—и „думское министерство“ представляется какой-то уткой, политическимъ маневромъ или приманкой, на которую готовы были поддаться наивные политиканы. Мы не имѣемъ въ виду переубѣдить этихъ скептиковъ, тѣмъ болѣе, что теперь, когда недавнее прошлое кажется такимъ страннымъ и невѣроятнымъ, съ трудомъ начинаютъ вѣрить свѣжему преданію даже и тѣ, кто самъ участвовалъ въ его составленіи...

Въ шестой части описывается нѣсколько эпизодовъ изъ дѣятельности государственнаго совѣта. Седьмой характеризуетъ нѣкоторые эпизоды внѣшней политики, связанные съ дѣятельностью думы.

Послѣдній отдѣлъ „послѣ роспуска думы“ изображаетъ положеніе, созданное роспускомъ въ теченіе первыхъ двухъ недѣль, и лишь слегка намѣчаетъ тѣ ноты, на которыхъ потомъ министерство роспуска разыгрываетъ свои мелодіи. Здѣсь, однако, уже вполнѣ выясняется невозможность поддержки министерства г. Столыпина какими бы то ни было общественными дѣятелями и призрачность министерскаго „либерализма“. Конечно, первоначально намѣченные контуры теперь должны быть исправлены и пополнены содержаніемъ. Въ частности А. И. Гучковъ оказался нѣсколько ниже возлагавшихся на него ожиданій, а „мирные обновленцы“, послѣ своего послѣдняго „обновленія“, нѣсколько выше. Что касается г. Столыпина, мы съ полнымъ удовлетвореніемъ можемъ сказать, что г. Столыпинъ... оправдалъ наши ожиданія. Но объ этомъ пришлось бы говорить въ новой главѣ нашей публицистической хроники. Можетъ быть, мы къ ней и вернемся. А пока мы закрываемъ книгу исторіи на той самой страницѣ, на которой г. Столыпинъ захлопнулъ нашу газету. Грань выходитъ довольно естественная...

Иматра.
25 ноября 1906 г.

I. Первые опыты общественной организаціи.

1. Къ исторіи земскихъ съѣздовъ.

1. Задача земскаго съѣзда 6—9 ноября 1904 г. *).

6-го ноября собирается въ С.-Петербургѣ совѣщаніе представителей губернскихъ земскихъ управъ и другихъ лицъ изъ среды земства, приглашенныхъ въ совѣщаніе «организаціоннымъ бюро по устройству совѣщаній земскихъ людей». Какъ видно изъ самаго этого способа созыва, настоящее совѣщаніе земскихъ людей вовсе не является первымъ: его непосредственнымъ прецедентомъ является подобное же совѣщаніе 1902 года въ Москвѣ, состоявшееся предъ открытіемъ сельско-хозяйственныхъ комитетовъ. Но особенность предстоящаго совѣщанія заключается въ томъ, что на этотъ разъ созывъ «земскихъ людей» получилъ офиціальную санкцію, подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы совѣщаніе состоялось въ Петербургѣ. Въ этой чрезвычайной мѣрѣ, столь непохожей на тѣ, которыхъ русское общество привыкло ожидать отъ министерства внутреннихъ дѣлъ по отношенію къ подобнымъ совѣщаніямъ, нельзя не видѣть прямого указанія свыше, что настоящее совѣщаніе собирается при обстоятельствахъ совершенно исключительныхъ и что самымъ ходомъ событій ему суждено сыграть совершенно особую роль въ выясненіи современнаго политическаго положенія.

Изъ русской столицы голосъ съѣзда раздастся при этихъ условіяхъ громче и будетъ слышнѣе во всей Россіи, чѣмъ голосъ предшествующихъ съѣздовъ. Съ особымъ, совершенно исключительнымъ вниманіемъ будетъ прислушиваться къ этому голосу не одно только русское правительство, но и русское общество. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что только при моральной поддержкѣ общественнаго мнѣ-

*) „Право“, 1904. № 48.

нія голосъ совѣщанія можетъ имѣть авторитетъ въ глазахъ власти. Правительству нужно, въ виду исключительнаго положенія дѣлъ, услышать мнѣніе страны, а не мнѣніе случайной группы лицъ, хотя бы и связанныхъ профессіональными интересами своей особой среды. Страна, при теперешнемъ политическомъ положеніи, не можетъ поднять своего голоса ни въ какой юридически-правильной формѣ, и волей неволей совѣщаніе должно принять на себя миссію— быть выразителемъ голоса страны передъ властью. Только признавъ это свое исключительное положеніе, совѣщаніе можетъ удовлетворить тѣмъ ожиданіямъ, какія возлагаются на него обѣими сторонами.

Съ своей стороны, общество и печать,—какъ единственный пока гласный представитель общества,—имѣютъ несомнѣнное право, въ виду только что указаннаго положенія дѣлъ, съ особенной требовательностью отнестись къ мнѣніямъ лицъ, которыя являются представителями общественнаго мнѣнія по положенію, а не по избранію.

Прежде всего, конечно, какъ уже указано выше, собраніе не можетъ не признать себя совершенно исключительнымъ — и по своему характеру, и по моменту созыва, и по содержанію вопросовъ, подлежащихъ его рѣшенію. Только при этомъ условіи «земскіе люди» петербургскаго совѣщанія могутъ оказаться настоящими земскими людьми и сказать не меньше того, что настоятельно требуется отъ нихъ ихъ положеніемъ и условіями момента. Менѣе всего политической мудрости проявило бы совѣщаніе, если бы рѣшилось пожертвовать такой постановкой дѣла въ интересахъ сохраненія той формы, въ какой оно нынѣ созвано. Конечно, не внутренній, не «органическій» ростъ данной формы частныхъ земскихъ совѣщаній, а исключительно политическое положеніе даннаго момента вознесло совѣщаніе на ту высоту, съ которой оно призвано теперь сказать свое слово. Объ этомъ словѣ, приличномъ моменту, а не о себѣ, своемъ собственномъ прошломъ или будущемъ, будетъ думать совѣщаніе, если оно захочетъ остаться на уровнѣ своей задачи и общихъ ожиданій.

Рѣдко бывали въ русской исторіи минуты, когда подобная задача для подобнаго совѣщанія оказалась бы болѣе легкой и исполнимой. Этого слова, которое предстоитъ сказать собранію, не нужно искать въ канцелярскихъ архивахъ, въ многотомныхъ анкетахъ, въ докладахъ комиссій, совѣщаній, ученыхъ изслѣдованій. Это слово давно у всѣхъ на языкѣ и рвется само наружу: сказать его легче, чѣмъ удержать про себя, потому что оно не продуктъ ученыхъ выкладокъ, а наболѣвшій крикъ жизни.

Можетъ быть, однако, дѣло не обойдется и на этотъ разъ безъ одиночныхъ усилій удержать этотъ крикъ во имя соображеній, которыя инымъ могутъ показаться глубокой государственной мудростью. Эти государственные мудрецы опять будутъ говорить о «нѣжномъ цвѣткѣ наступающей весны», который требуетъ бережнаго ухода, или о «тонкой паутинѣ», на которой виситъ и съ которой можетъ оборваться вся настоящая политическая конъюнктура.

Опытъ прошлаго достаточно уже осудилъ эту мудрость, прикрывающуюся соображеніями узкаго практицизма и лишь свидѣтельствующую о полномъ отсутствіи настоящей политической опытности. Политически мыслящему общественному дѣятелю эти соображенія не могутъ не казаться наивными и дѣтскими.

Никто, разумѣется, не ждетъ отъ совѣщанія, чтобы оно добивалось неосуществимаго и провозглашало утопіи. Но, съ другой стороны, едва ли правильно теперь цѣпляться за психологію текущей минуты или отождествить предѣлы осуществимаго съ тѣмъ, что покажется осуществимымъ въ предѣлахъ собственныхъ профессіональныхъ стремленій земцевъ. Текущая минута у насъ быстро смѣняется послѣдующей, а вмѣстѣ съ тѣмъ значительно мѣняются и понятія о томъ, что немедленно осуществимо. Еще не такъ давно предѣлы немедленно осуществимаго въ земской средѣ отождествлялись съ требованіями отмѣны тѣлеснаго наказанія или введенія всеобщаго обученія. Но сегодняшній день становился вчерашнимъ и границы «немедленно-осуществимаго» постоянно расширялись. За послѣднее время онѣ расширялись значительно быстрѣе, чѣмъ поспѣвало за ними среднее настроеніе земской среды. И вотъ, въ настоящую минуту мы присутствуемъ при оригинальномъ положеніи дѣла; въ виду общегосударственной необходимости и общаго подъема настроенія, отъ земскихъ людей ждутъ гораздо больше, чѣмъ они могли бы сказать—и привыкли говорить—отъ собственнаго имени, въ своей обычной обстановкѣ. Совѣщанію на этотъ разъ нечего бояться опередить требованія момента; оно, напротивъ, должно сдѣлать всяческія усилія, чтобы не отстать отъ этихъ требованій. Чтобы не оказаться немедленно же позади того, что составляетъ очередное «сегодня», совѣщаніе должно взглянуть на вопросъ глубже и дальше своего обычнаго круга занятій. Не ограничиваясь тѣмъ, что покажется собравшимся дѣятелямъ возможными на «сегодня» пріобрѣтеніями, собраніе должно формулировать общія, принципіальныя заявленія и выставлять ихъ какъ постоянное, основное содержаніе земской платформы.

Говоря это, мы не думаемъ навязывать земскимъ людямъ чего либо чуждаго ихъ собственнымъ стремленіямъ. Все, чего можетъ и должна требовать отъ нихъ страна и общественное мнѣніе,—это то, чтобы своими новыми заявленіями они не остались позади своей собственной земской программы.

Совѣщаніе 6 ноября не есть что-либо совершенно новое и единственное въ исторіи земскихъ заявленій. Заявленія эти имѣютъ свою длинную и, прибавимъ, почетную исторію. Но на этотъ разъ положеніе, въ которомъ окажутся земскіе люди, выгодно отличается отъ того, при какомъ въ прежнія времена они считали возможнымъ свободно высказываться. Прежде возможность публичнаго политическаго заявленія отъ имени соединеннаго всероссійскаго земства въ столицѣ представлялась только отдаленнымъ идеаломъ, а теперь это совершившійся фактъ. Прежде всякое заявленіе общаго характера должно было прикрываться флагомъ мѣстныхъ интересовъ, и бдительное око мѣстныхъ администраторовъ, по положенію или по призванію, слишкомъ часто открывало или конфисковало политическую контрабанду подъ земскимъ флагомъ. Теперь съ заявленій общаго характера, по необходимости, будетъ снято запрещеніе. Прежде отдѣльные смѣльчаки изъ земскихъ людей, выступавшіе съ принципіальными земскими заявленіями, обыкновенно дѣлали ихъ на свой страхъ и рискъ; и многочисленные примѣры краснорѣчиво показывали, что рискъ этотъ не есть пустое слово. Теперь возвращеніе въ земскую среду общественныхъ дѣятелей, провинившихся лишь въ честномъ общественномъ служеніи, показываетъ, что взглядъ самой администраціи измѣнился. Свободно выраженное мнѣніе лица, функціонирующаго въ качествѣ представителя пославшихъ его избирателей,—повидимому, вычеркнуто отнынѣ изъ списка преступленій въ томъ негласномъ кодексѣ, который, къ нашему стыду, еще продолжаетъ дѣйствовать наряду съ кодексомъ писанымъ. Словомъ, всѣ условія для серьезнаго общественнаго заявленія, которыхъ прежде не существовало,—теперь на лицо. То, чего такъ усердно, такъ настойчиво, такъ самоотверженно добивались лучшіе люди земли, теперь дается даромъ ихъ сотоварищамъ и преемникамъ. И по всѣмъ этимъ причинамъ нѣтъ нужды уже прибѣгать къ избитымъ ссылкамъ на частные палліативы и къ вывѣтрившимся метафорамъ нашего прежняго эзоповскаго языка.

Каковъ бы ни оказался уровень политическаго пониманія земцевъ, имъ только остается поднять нить на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ она выпала изъ рукъ передовыхъ борцовъ изъ земской среды, и сказать не меньше, чѣмъ говорили тѣ.

Содержаніе того очередного земскаго заявленія, которое страна ожидаетъ услышать отъ петербургскаго совѣщанія, всецѣло опредѣлено прецедентами. Не углубляясь далеко въ прошлое, мы только напомнимъ ту позицію, которую заняли земскіе люди въ уѣздныхъ комитетахъ, созванныхъ особымъ совѣщаніемъ. Исходя изъ частнаго положенія, изъ того конкретнаго случая, который послужилъ поводомъ для ихъ совѣщаній, земскіе люди комитетовъ сумѣли поднять вопросъ, подлежавшій ихъ обсужденію, до общей, принципіальной постановки. Они, однако, не могли вполнѣ выйти изъ поставленныхъ имъ рамокъ, а потому предложенное ими рѣшеніе общероссійскаго кризиса вышло не такимъ полнымъ и цѣльнымъ, какъ имъ бы хотѣлось. Теперь рамки устранены и путы сняты; пора снять совѣщанію 6 ноября и тѣ невольныя оговорки, пополнить тѣ невольныя умолчанія, какія были допущены земскими людьми комитетовъ. Эти предшественники совѣщанія 6 ноября уже сказали во всеуслышаніе, что дѣло не въ палліативахъ и частныхъ мѣрахъ; что подлежащій разрѣшенію кризисъ чувствуется не въ одномъ земледѣліи, а во всѣхъ сферахъ общественной жизни; что его причины не техническаго, а общекультурнаго характера; что причины эти нужно искать не въ засухахъ и оврагахъ, а въ отсутствіи коренныхъ необходимыхъ условій всякой упорядоченной общественной жизни; что лекарства отъ кризиса надо искать не въ агрономіи, а въ политической реформѣ. Эту реформу члены комитетовъ—за исключеніемъ пострадавшихъ — скорѣе описывали косвенно, чѣмъ прямо называли по имени. Они, въ теоретическомъ отношеніи совершенно неправильно, ограничивали политическую реформу предѣлами того вѣдомства, въ которомъ находился формальный предметъ ихъ разсужденій,—предѣлами тѣхъ учрежденій, къ которымъ принадлежали обсуждавшіе. Указывая неоднократно на необходимость участія народнаго представительства въ законодательствѣ, они ограничивали это участіе совѣщательнымъ учрежденіемъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ или опросомъ экспертовъ отъ мѣстныхъ учрежденій. Всѣ эти пріемы формулировки, не предусмотрѣнные ни въ какихъ учебникахъ государственнаго права, должны теперь отпасть и уступить мѣсто выработанной и усвоенной цивилизованными государствами всего міра формулѣ. То, что доступно для всѣхъ, не можетъ быть признаннымъ недоступнымъ для насъ,—если только мы не хотимъ признать себя какими то выродками человѣчества.

Хорошо, конечно, если, наряду съ общей формулой современ-

наго цивилизованнаго государственнаго права, совѣщаніе 6 ноября найдетъ возможнымъ дать также и детальное, дѣловое развитіе этой формулы, вмѣстѣ съ болѣе или менѣе подробными указаніями на способъ ея проведенія въ жизнь. Но это уже нѣкоторая роскошь, тогда какъ заявленіе самой формулы есть политическая необходимость момента. Для дѣловой разработки, также какъ и, вообще, для проведенія формулы въ жизнь, страна не можетъ признать настоящее совѣщаніе компетентнымъ.

Собственно говоря, для собранія 6 ноября нѣтъ выбора. Въ силу историческихъ прецедентовъ, въ силу своего состава и характера, въ силу политическихъ особенностей даннаго момента, оно предназначено высказаться рѣшительно и опредѣленно. Это не только обязанность и не только право, это великая честь, выпавшая на долю участниковъ совѣщанія, — сказать эту формулу, о которой думали, къ которой стремились, которую такъ жаждали бы громко сказать цѣлыя поколѣнія менѣе счастливыхъ предшественниковъ. Мы не сомнѣваемся, что участники совѣщанія оцѣнятъ это свое исключительное положеніе и окажутся на высотѣ его, чтобы не дать жизни сдѣлать ихъ дѣло какъ нибудь стихійно безъ нихъ. Иначе память о совѣщаніи 6 ноября будетъ напоминать ту евангельскую притчу, по которой глупыя дѣвы ждали своего жениха, позабывши зажечь во время свои свѣтильники. Но ожидать такого исхода совѣщанія значило бы позабыть всю предыдущую исторію земскихъ заявленій. Нельзя сомнѣваться, что «земскіе люди» совѣщанія 6 ноября выйдутъ на встрѣчу исторіи съ высоко поднятыми свѣточами всероссійскаго земскаго дѣла.

2. Депутація коалиціоннаго съѣзда 6 іюня 1905 г. *).

Гораздо легче вспомнить, что случилось годъ тому назадъ, 6 іюня 1905 года, чѣмъ, вспомнивъ, не удивиться, что это случилось только годъ назадъ. Кажется, такъ давно это было, что депутація коалиціоннаго земскаго съѣзда была принята Государемъ, и кн. С. Н. Трубецкой сказалъ Государю свою знаменитую рѣчь. Надо сказать, что тогда уже форма выраженія общественнаго мнѣнія, выбранная съѣздомъ, многимъ казалась архаичной; а теперь, послѣ столькихъ политическихъ перемѣнъ и общественныхъ завое-

*) „Рѣчь“, № 92, 6 іюня.

ваній, послѣ крушенія неограниченной монархіи и послѣ передачи верховной власти въ руки царя съ народными представителями— «Государя въ думѣ»—только развѣ «XX Вѣкъ» будетъ настаивать на этой формѣ «представленія», примѣненной, за недостаткомъ лучшаго, московскимъ съѣздомъ. Оглядываясь назадъ, въ эту недавнюю еще, но уже столь далекую отъ насъ психологически, эпоху, мы съ удивленіемъ спрашиваемъ себя: неужели же только годъ прошелъ съ тѣхъ поръ, какъ все это случилось?

Тѣмъ ярче вырисовывается теперь передъ нами въ историческомъ туманѣ, быстро заволакивающемъ былое, эта памятная дата,— и тѣмъ легче намъ оцѣнить ея историческое значеніе.

Припомнимъ положеніе вещей въ моментъ пріема земской депутаціи Государемъ. Тогда, какъ и теперь, медленность, неполнота и нерѣшительность уступокъ со стороны власти питали и двигали впередъ русское освободительное движеніе. Послѣ того, какъ указъ 12 декабря 1905 г. прошелъ молчаніемъ требованіе перваго общеземскаго съѣзда 6 ноября о народномъ представительствѣ; послѣ того, какъ утромъ 18 февраля 1906 г. въ этомъ требованіи было опять отказано, а послѣ полудня дано было первое обѣщаніе выполнить его, созвавъ «выбранныхъ отъ населенія людей» для предварительной разработки законодательныхъ предположеній, — послѣ этихъ первыхъ недобровольныхъ шаговъ къ уступкамъ, мѣсяцъ проходилъ за мѣсяцемъ, а населеніе не видало никакихъ мѣръ къ исполненію обѣщаній и теряло вѣру въ ихъ искренность. Всѣ знали, конечно, что Булыгину поручено разработать проектъ народнаго представительства; но широко распространились слухи и о томъ, что ему былъ данъ совѣтъ—не торопиться. Скоро къ этому стали прибавлять, что проектъ уже готовъ, но что онъ гдѣ-то залежался въ ожиданіи болѣе благопріятнаго времени. Наконецъ, было извѣстно, что, если проекту и суждено осуществиться, то народное представительство предполагается основать на сословномъ базисѣ, съ значительнымъ перевѣсомъ дворянства, словомъ такъ, какъ это заведено и въ земствахъ. Неопредѣленность политическаго положенія внутри связывалась съ неопредѣленностью положенія извнѣ: говорилось, что только исходъ послѣдней попытки—правда, заранѣе обреченной на неудачу—повернуть военное счастье въ нашу сторону, рѣшитъ окончательно судьбы русскаго представительства. По роковому стеченію обстоятельствъ, обѣ борящіяся стороны съ успѣхомъ или неуспѣхомъ эскадры Рожественскаго связывали свою собственную побѣду или пораженіе.

Цусима принесла съ собою развязку этого единственнаго въ своемъ родѣ трагическаго испытанія, поставленнаго русскому патріотизму. Цусима рѣшила затянувшуюся тяжбу между старымъ и новымъ порядкомъ въ пользу новаго. Оставалось сдѣлать переводъ съ языка событій на языкъ народныхъ требованій. Это и сдѣлалъ отъ имени всей Россіи соединенный съѣздъ представителей всѣхъ политическихъ оттѣнковъ, собравшійся въ Москвѣ 24 мая.

Чтобы вынести со съѣзда одно рѣшеніе, которое бы въ эту рѣшительную минуту было голосомъ всей страны, отдѣльнымъ политическимъ группамъ, собравшимся на съѣздъ, пришлось наложить на себя тяжелыя самоограниченія. Первый день преній по вопросу о самой формѣ и о содержаніи обращенія кончился, какъ всѣмъ казалось, полнымъ разладомъ. Затѣмъ, пойдя навстрѣчу всѣмъ ожидавшимся требованіямъ справа, проектъ адреса оказался несоотвѣтствующимъ настроенію слѣва. Съ гнѣвомъ и раздраженіемъ цитировались и осуждались отдѣльныя неудачныя выраженія первоначальнаго проекта,—и, казалось, его невозможно было исправить. Наконецъ, когда достигнутъ былъ компромиссъ, обѣ стороны продолжали оставаться недовольны и подозрѣвали другъ друга въ коварствѣ. Большинство обвиняло меньшинство въ томъ, что, вынудивъ уступки, оно въ послѣднюю минуту отказалось участвовать въ подачѣ адреса. Меньшинство обвиняло большинство въ томъ, что отъ имени всей страны оно выражало, въ сущности, свои партійныя мнѣнія. И, наконецъ, со стороны болѣе лѣвыхъ партій съѣздъ громко обвинялся въ измѣнѣ народному дѣлу за самую попытку компромисса.

И, однако, полемическая пыль, поднятая партійными спорами, улеглась уже настолько, что мы можемъ теперь ясно видѣть и спокойно признать великое значеніе депутаціи 6-го іюня. Страна не знала мелкихъ партійныхъ разногласій, но идею адреса и депутаціи страна поняла и сочла ихъ своими. Послѣ 6-го іюня кн. С. Н. Трубецкой, ораторъ депутаціи, сдѣлался самымъ популярнымъ человѣкомъ въ Россіи, и съ нимъ вмѣстѣ пріобрѣли популярность въ слояхъ, до тѣхъ поръ незатронутыхъ борьбой, идея и самаго адреса и особенно обращенія Трубецкаго къ Государю.

Обращеніе это, строго обдуманное и обсужденное сообща, заключало въ себѣ только то, что депутація могла сказать отъ имени всѣхъ, ее пославшихъ. Самъ кн. Трубецкой, какъ человѣкъ, являвшійся посредникомъ между правыми и лѣвыми элементами освободительнаго движенія, явился самымъ подходящимъ человѣкомъ для

этой роли. Его имя удивительно счастливо и гармонично соединилось съ памятью этого дня, сдѣлавшагося высшей точкой въ его недолгомъ общественномъ служеніи.

Послѣ 6-го іюня эпоха «представленій» окончилась: «воля царская—созывать выборныхъ отъ народа»—объявлена «непреклонной»: дѣло народнаго представительства въ принципѣ выиграно, и послѣдующему времени осталось только обнаружить противорѣчіе этого принципа съ «самобытными русскими началами» и невозможность сочетать самодержавіе съ конституціей. Эта стадія тоже потребовала и, вѣроятно, еще потребуетъ долгой и упорной борьбы; но необходимость дальнѣйшей борьбы не должна заслонять отъ насъ значенія минувшихъ побѣдъ. Въ ряду этихъ побѣдъ 6-е іюня занимаетъ переходное мѣсто между 6-мъ ноября и 17-мъ октября. 6-го ноября страна получила впервые возможность громко формуровать свои желанія. 6-го іюня она услыхала на нихъ такой же громкій отвѣтъ, равносильный обязательству. 17-го октября это обязательство было облечено въ письменную форму, впервые провозгласившую, хотя и въ скрытомъ видѣ, принципъ конституціонализма. Къ сожалѣнію, каждый новый шагъ впередъ требовалъ и искупительныхъ жертвъ,—и число ихъ, увы, далеко еще не исполнилось.

Помимо только что указаннаго общаго значенія депутаціи 6-го іюня въ ряду успѣховъ освободительнаго движенія, она имѣетъ еще и частное значеніе, менѣе понятное и менѣе извѣстное большой публикѣ. Когда посылалась эта депутація, при дворѣ велась упорная борьба за характеръ народнаго представительства. Очень сильно было вліяніе, добивавшееся представительства сословнаго съ преобладаніемъ дворянства. Будущій историкъ разберетъ, какъ и когда побѣждена была окончательно эта идея; но намъ кажется, что рѣшительный ударъ ей нанесъ кн. Трубецкой въ томъ знаменитомъ мѣстѣ своей рѣчи, которая увѣщевала русскаго царя не быть «царемъ дворянъ, или царемъ крестьянъ, купцовъ, царемъ сословій», а быть «царемъ всея Руси». Позднѣе, на петергофскихъ совѣщаніяхъ при обсужденіи закона 6 августа, идею эту пытались оживить, и даже устроили маленкій комплотъ, чтобы ее провести. Но почва для нея уже была неблагопріятна и ея противникамъ удалось легко разбить ее и обратить ея защитниковъ въ отступленіе, страннымъ и случайнымъ результатомъ котораго оказалось... спеціальное представительство крестьянства.

Мы знаемъ, что съ точки зрѣнія очень многихъ—даже изъ

числа нашихъ единомышленниковъ—самая мысль помянуть годовщину 6 іюня можетъ показаться странной... и слишкомъ смѣлой. Не лучше ли забыть эту дату, съ которой связано такъ много несправедливыхъ обвиненій и нелѣпыхъ перетолкованій (вродѣ знаменитаго мѣста въ рѣчи Трубецкого «о крамолѣ»)? Мы думаемъ, что приведенныя выше соображенія и справки показываютъ, что намъ нечего стыдиться депутаціи 6 іюня. Историкъ нашей современной борьбы когда-нибудь будетъ судить справедливѣе насъ и онъ скажетъ, что люди, стоявшіе въ эти годы во главѣ движенія, могли ошибаться въ оцѣнкѣ того, что осуществимо и что неосуществимо; что самая граница осуществимаго передвигалась, благодаря особымъ условіямъ борьбы; но что намѣренія этихъ людей всегда были честны; ихъ пріемы борьбы были чисты, и что, несмотря на всѣ теоретическія разногласія и на самые ожесточенные принципіальные споры, даже и цѣль ихъ политической дѣятельности была у нихъ одна. Рѣдкое, героическое время! Скоро, быть можетъ, оно кончится, и тѣмъ больше мы должны дорожить его послѣдними минутами.

Графъ Витте и земцы.

3. Политическая роль послѣдняго съѣзда, 6—13 ноября *).

Оптимисты и довѣрчивые люди продолжаютъ все еще обращаться къ министерству гр. Витте съ настойчивыми требованіями, чтобы оно что-нибудь дѣлало, и съ указаніями, что́ именно слѣдуетъ дѣлать. Изъ разныхъ медвѣжьихъ becъ Россіи земцы, думцы, промышленники, дворяне, изъ Парижа—Клемансо, изъ Праги—Масарикъ въ одинъ голосъ твердятъ: «собирайте же думу, народное представительство, собирайте немедленно, иначе вы помогаете революціи, ведете Россію къ разоренію и банкротству, ускоряете собственную гибель». Правительство глубокомысленно молчитъ, затѣмъ—такъ, черезъ мѣсяцъ-полтора—успокаиваетъ населеніе офиціальнымъ сообщеніемъ: будьте спокойны, мы бодрствуемъ. Мы завели дѣло за нумеромъ такимъ-то о новомъ порядкѣ выборовъ въ думу, потомъ другое дѣло за другимъ нумеромъ о еще болѣе новомъ способѣ выборовъ и,

*) „Своб. Нар.“, № 3. 2 дек.

наконецъ, еще третье дѣло за нумеромъ о самомъ новомъ порядкѣ выборовъ. Дѣло за нумеромъ благополучно прошло бы въ свое время весь узаконенный для этого путь и, можетъ быть, пришло бы къ желанному концу; но мы не виноваты—виновато общество, что у насъ оказалось нѣсколько дѣлъ за разными нумерами, и что у каждаго дѣла оказались ходатаи и защитники изъ среды не чиновниковъ, а общественныхъ дѣятелей. Мы же, вѣдь, своего собственнаго мнѣнія не имѣемъ, государственныхъ наукъ не изучали, и чѣмъ же инымъ мы можемъ руководиться, когда приходится выбирать изъ трехъ мнѣній, какъ не тѣмъ, что все-таки прежде, чѣмъ уступить, надо поторговаться. Когда мы, наконецъ, сторгуемся, вы все узнаете, будьте покойны.

Покойные люди, дѣйствительно, крѣпятся и ждутъ. Жаль только, что въ Россіи очень ужъ мало осталось покойныхъ людей. Всѣ твердятъ, что ждать больше нельзя, что время разговоровъ прошло и что надобно дѣйствовать за свой собственный страхъ, не дожидаясь болѣе, что предприметъ правительство.

Но какъ же дѣйствовать и что дѣлать?

Предложеній выставлено довольно много, и необходимо въ нихъ разобраться. Сегодня мы остановимся на тѣхъ предложеніяхъ, которыя дѣлались со стороны наиболѣе умѣренныхъ сторонниковъ самочинныхъ дѣйствій. Къ ихъ числу мы относимъ прежде всего «Русь»,—по крайней мѣрѣ, «Русь» недавняго прошлаго, потому что теперь никто не хочетъ прослыть за умѣреннаго. Да, «Русь» тоже требовала и требуетъ временнаго правительства; вся разница со сторонниками болѣе крайнихъ мнѣній въ томъ, какъ должно быть составлено это временное правительство. Время не терпитъ: даже соціалъ-демократы стали оппортунистами въ этомъ вопросѣ и, если судить по рѣшеніямъ третьяго съѣзда, готовы послать своего представителя даже въ буржуазное временное правительство, подъ единственнымъ условіемъ, чтобы это правительство провозгласило демократическую республику. «Русь», конечно, не хочетъ ждать и этого и готова взять первое, что есть подъ руками. Когда въ Москвѣ долженъ былъ собраться съѣздъ земскихъ и городскихъ дѣятелей, въ «Руси» помѣщенъ былъ рядъ статей, въ которыхъ будущіе члены съѣзда приглашались пріѣхать, вмѣсто Москвы, въ Петербургъ и раздѣлить власть съ правительствомъ. Къ большому неудовольствію «Руси», бюро съѣзда рѣшило иначе. Оно рѣшило, что главная задача съѣзда пока должна заключаться не въ томъ чтобы раздѣлить власть съ правительствомъ, а въ томъ, чтобы сохранить полную независи-

мость отъ правительства. Москва казалась болѣе подходящимъ мѣстомъ для этой цѣли.

Было ли бюро съѣзда неправо? Къ удивленію, обвиненія по адресу съѣзда, что онъ не захотѣлъ быть правительствомъ, слышатся не только изъ рядовъ умѣренныхъ людей цвѣта г. Кузьмина-Караваева, но и со стороны болѣе радикальныхъ группъ. Если бы какимъ-нибудь чудомъ земскій съѣздъ, въ самомъ дѣлѣ, сдѣлался временнымъ правительствомъ, мы увѣрены, что изъ этихъ рядовъ раздались бы громкія обвиненія въ самозванствѣ, въ измѣнѣ и предательствѣ, во всевозможныхъ черныхъ преступленіяхъ и порокахъ. Но съѣздъ не пытался взять власти, даже не подумалъ объ этомъ серьезно, и въ тѣхъ же рядахъ чувствуется какое-то разочарованіе. Разумѣется, роль «буржуазіи» въ революціонномъ переворотѣ по теоріи—роль гнусная. «Буржуазія» должна побѣдить и на другой день послѣ побѣды «предать» народъ. Но почему же все-таки «буржуазія» не выполняетъ предназначенной для нея гнусной роли? Какъ смѣетъ буржуазія воздерживаться отъ побѣды и этимъ замедлять поступательный ходъ революціи?

Мы не утверждаемъ, конечно, что «Русь» раздѣляетъ это исторпческое общее мѣсто съ нашими крайними партіями. Но одно несомнѣнно, что въ своихъ предложеніяхъ съѣзду—сыграть роль временнаго правительства—«Русь» основывалась на такой же невѣрной оцѣнкѣ общаго положенія и на такомъ же незнакомствѣ съ настроеніемъ, составомъ и политической ролью съѣзда, какъ и эти партіи. Событія очень скоро обнаружили неправильность расчета «Руси». Въ то время какъ газета готовила съѣзду величественную роль будущаго временнаго представительства,—если не правительства,—графъ Витте завелъ болѣе прямые переговоры съ отдѣльными членами того же съѣзда. Въ заграничной прессѣ обѣ параллельныя линіи сходились: очень прозрачно намекалось, что графъ Витте отъ съѣзда ждетъ «поддержки», а отъ отдѣльныхъ членовъ его—прямого «содѣйствія». Какъ извѣстно, «поддержку» графъ Витте получилъ отъ съѣзда въ такой условной формѣ, которая скорѣе походила на вотумъ недовѣрія, а «содѣйствіе» ограничилось, въ концѣ концовъ, представленіемъ правительству нѣсколькихъ законопроектовъ касательно выборовъ и «свободъ»—проектовъ, которые немедленно превратились въ «дѣла» за нумерами въ синей обложкѣ и очень скоро поросли бюрократическимъ мхомъ. Это, однако же, не избавило земцевъ отъ выраженій негодованія на соціалъ-демократическихъ митингахъ за то, что они осмѣлились войти въ переговоры

съ правительствомъ, а въ частныхъ разговорахъ за то, что они отъ сношеній съ правительствомъ отказались.

Мы не думаемъ защищать земцевъ отъ перваго упрека. Если данная общественная группа можетъ стать правительствомъ за свой собственный страхъ и рискъ, на почвѣ своей собственной программы, то, по нашему мнѣнію, въ такой моментъ, какъ настоящій, она должна это сдѣлать. Ошибка общественнаго мнѣнія—въ Россіи и за границей,—обвинявшаго земцевъ за то, что они уклонились отъ отвѣтственной роли, имъ предложенной,—ошибка эта состояла совсѣмъ въ другомъ. Ошибка заключалась въ томъ, что отвѣтственной роли земцы, какъ таковые, не могли бы нести, и, во-вторыхъ, въ томъ, что таковой роли имъ не предлагалось.

Только цѣльная политическая партія могла бы нести отвѣтственную политическую роль. Но земскій съѣздъ, не смотря на преобладаніе въ средѣ его большинства опредѣленныхъ партійныхъ мнѣній, никогда не былъ партійной организаціей. Поэтому, создавать министерство изъ съѣзда былъ политическій nonsens, и одинъ фактъ обращенія къ съѣзду для этой цѣли могъ бы свидѣтельствовать о полной неосвѣдомленности «конституціоннаго» министра въ положеніи политическихъ партій въ странѣ. Это обращеніе, однако, можетъ свидѣтельствовать и о другомъ. Конституціонный министръ обратился къ съѣзду уже послѣ того, какъ онъ обращался къ отдѣльнымъ членамъ съѣзда, и выборъ этихъ отдѣльныхъ членовъ опредѣлялся чѣмъ угодно, только не конституціонными соображеніями. Лица, къ которымъ обратился графъ Витте, выдѣливъ ихъ изъ состава съѣзда по своему усмотрѣнію, можетъ быть, стояли очень близко къ правительству, но они были очень далеки отъ настроенія большинства съѣзда.

Съ достойной всякаго уваженія политической добросовѣстностью эти лица сказали графу Витте,—они повторили это и печатано,—что они не имѣютъ за собой поддержки общественнаго мнѣнія, выражаемаго настроеніемъ большинства съѣзда. Тогда-то зашла рѣчь объ обращеніи къ бюро съѣзда, а потомъ и къ самому съѣзду за поддержкой и за выраженіемъ довѣрія. Такимъ образомъ, въ сущности дѣло сводилось къ тому, что большинство съѣзда приглашалось выразить довѣріе нѣсколькимъ лицамъ изъ своего меньшинства. Нѣкоторые изъ нихъ только до 17-го октября были убѣжденными монархистами и принципіальными защитниками самодержавія; послѣ манифеста они сдѣлались конституціоналистами поневолѣ, но съѣздъ не могъ бы итти за ними, потому что не могъ знать, чѣмъ

они сдѣлаются завтра. Естественно, что большинство съѣзда не рѣшилось наложить своего штемпеля на такую своеобразную министерскую комбинацію.

При такихъ условіяхъ рѣчь зашла о «дѣловомъ министерствѣ». Этотъ терминъ, впервые употребленный въ тактической резолюціи конституціонно-демократической партіи на ея учредительномъ съѣздѣ, скоро сдѣлался лозунгомъ графа Витте—какъ только онъ убѣдился, что намѣченныя имъ для «переходнаго» министерства лица нисколько не обезпечатъ ему общественнаго довѣрія, если онъ не свяжетъ себя опредѣленной общественной программой. Послѣдняго графъ Витте не хотѣлъ—или не могъ—сдѣлать: поэтому вся комбинація падала. Упомянутыя выше лица продолжали сноситься съ графомъ Витте, но дѣлали это уже за свой страхъ, никѣмъ не уполномоченныя. Большинство съѣзда провело опредѣленную черту между собой и «конституціоннымъ» министерствомъ и, такимъ образомъ, разоблачило его «неконституціонный» характеръ. Болѣе этого при данныхъ условіяхъ оно сдѣлать не могло.'

Такимъ образомъ, самый ходъ событій упразднилъ смѣлую комбинацію «Руси», такъ странно совпавшую съ хитрымъ планомъ премьера—сдѣлать часть общественнаго мнѣнія отвѣтственною за будущую дѣятельность правительства, не связывая въ то же время рукъ правительству. Маневръ былъ отпарированъ, и отвѣтственность въ глазахъ всей Россіи продолжала лежать на Витте и его «дѣловомъ» министерствѣ. Зная личность Витте, можно было заранѣе быть увѣреннымъ, что его дѣловые министры изъ директоровъ департамента будутъ у него въ карманѣ. Но расчитывавшіе такимъ образомъ сдѣлали одну крупную ошибку. Они считали Витте государственнымъ человѣкомъ. Они думали, что Витте пойметъ, гдѣ сила; что, сдѣлавшись министромъ освободительнаго движенія, онъ сдѣлаетъ себя необходимымъ и сумѣетъ навязать свой планъ. Нельзя было думать, что дипломатическія побѣды Витте ограничатся пріемомъ г-жи Витте ко двору, а въ вопросѣ о всеобщемъ и прямомъ голосованіи онъ останется сразу при трехъ различныхъ мнѣніяхъ. Нельзя было ожидать, что маленькій Дурново окажется необходимой опорой для великаго Витте. Теперь мы все это знаемъ; но, вѣдь, исторія на то и исторія, чтобы подготовлять сюрпризы. При измѣнившихся условіяхъ вопросъ о временномъ правительствѣ вступалъ въ новую фазу. И «Русь» выставила новый варіантъ своего стараго предложенія: варіантъ болѣе радикальный, но, какъ намъ кажется, столь же несостоятельный. О немъ поговоримъ въ другой разъ.

4. Отвѣтъ Витте земцамъ *).

Roma locuta est! Совѣтъ министровъ отвѣтилъ земской депутаціи коротко и ясно. Земцы требовали послѣдовательнаго проведенія началъ манифеста 17-го октября: совѣтъ министровъ находитъ, что послѣдовательно проводить ихъ значитъ—«сойти съ пути», указаннаго манифестомъ. Земцы хотѣли немедленнаго превращенія обѣщанныхъ свободъ въ законодательные акты; изъ уваженія къ будущей конституціи совѣтъ министровъ отказывается отъ изданія законовъ, хотя «не исключаетъ необходимости изданія временныхъ правилъ».

Странные государствовѣды - господа члены совѣта министровъ. Они, повидимому, серьезно полагаютъ, что въ настоящее время—и вплоть до созыва думы—законодательной власти въ Россіи болѣе не существуетъ! Они полагаютъ, что, умаливъ права верховной власти, они вмѣстѣ съ тѣмъ сократили и ея компетенцію. Любопытно было бы узнать, гдѣ они проводятъ границу между тѣмъ, что можно издавать только какъ законъ, и тѣмъ, что позволительно издавать какъ «временныя правила»? Самыя основныя государственныя законоположенія, достойныя фигурировать какъ основной законъ, издаются, вѣдь, въ формѣ «временныхъ правилъ».

Далѣе, земцы говорятъ: ваше военное положеніе порождаетъ смуту.—«Нѣтъ, отвѣчаютъ министры: смута порождаетъ военное положеніе». Конечно, правы министры: развѣ военное положеніе въ Польшѣ не успокоило чудодѣйственнымъ образомъ смуту,—такъ что даже оказалось возможнымъ отмѣнить его немедленно послѣ провозглашенія?

Но всего интереснѣе отвѣтъ совѣта министровъ на «вопросъ объ условіяхъ поддержки той или другой партіей правительственной политики». Съ тѣхъ поръ, какъ Витте проспалъ этой поддержки, сколько воды утекло! Теперь правительство уже не проситъ; оно грозитъ и имѣетъ видъ независимый и непроницаемый. Оно «въ данномъ случаѣ озабочено лишь тѣмъ», чтобы общество «давало себѣ отчетъ въ послѣдствіяхъ» отказа правительству въ поддержкѣ. «Задачу выполнить великія начала манифеста» оно теперь рѣшительно предоставляетъ самому себѣ.

---

*) „Своб. Народъ“, № 3. 2 дек.

Инв. 27363

2

346745

Новый тонъ, смѣлый тонъ... Сколько новой крови, сколькихъ жертвъ, моральныхъ и матеріальныхъ, этотъ тонъ будетъ стоить Россіи? И въ какой слѣдующей катастрофѣ «дѣловые» министры потеряютъ снова свою развязную отвагу?

5. Надо ли созывать новый земскій съѣздъ? *).

Вопросъ о созывѣ новаго съѣзда земскихъ и городскихъ дѣятелей самъ собой поднимается послѣ отвѣта совѣта министровъ земской депутаціи. Реагировать на этотъ отвѣтъ можетъ только съѣздъ, и съѣзду бюро обязано сдѣлать докладъ объ исполненіи порученія, возложеннаго на бюро предыдущимъ съѣздомъ. Слѣдовательно, созывъ съѣзда необходимъ уже по однимъ формальнымъ причинамъ. Но здѣсь возникаетъ нѣсколько затрудненій, которыя говорятъ противъ созыва новаго съѣзда. Во-первыхъ, самый составъ съѣзда, чѣмъ далѣе, тѣмъ больше, вызываетъ сомнѣнія въ его дѣеспособности. Сомнѣнія эти идутъ съ совершенно противоположныхъ концовъ. Въ сегодняшнемъ номерѣ газеты читатель найдетъ отчетъ о преніяхъ по этому поводу въ петербургскомъ земскомъ собраніи. Заявленія г. Бодиско это типичный образчикъ той кампаніи, которая съ извѣстнаго времени ведется противъ стараго состава съѣзда. Наши охранители молчали, пока съѣздъ выполнялъ, при тяжелыхъ общественныхъ условіяхъ, ту дѣятельность, которая создала ему его репутацію и обезпечила его авторитетъ. Теперь, когда условія перемѣнились, господа охранители хотятъ пожинать тамъ, гдѣ не сѣяли. Они вдругъ вспомнили, что многіе изъ членовъ съѣзда избраны неправильно и рѣшили замѣнить ихъ новыми.

Дѣйствительно, значительная часть представителей общественнаго самоуправленія,—и многіе изъ тѣхъ, участіемъ которыхъ съѣзды могутъ по справедливости гордиться,—были избраны въ частныхъ собраніяхъ гласныхъ, а не въ офиціальныхъ засѣданіяхъ земскихъ и городскихъ собраній. Вся Россія признала этихъ людей выразителями значительной части общественнаго мнѣнія: въ этомъ качествѣ признавали ихъ, и по необходимости съ ними считались, и представители власти. Теперь эти люди оказываются «самозванцами» въ глазахъ тѣхъ лицъ, которые въ свое время, «стра-

*) „Бирж. Вѣд.“, 3 дек. 1905 г.

ха ради іудейска», уклонились отъ участія въ ихъ избраніи. Они хотѣли бы избрать своихъ. Возражать противъ такого желанія нельзя. Пусть избираютъ, но вопросъ заключается въ томъ, не будутъ-ли вновь избранные представители тоже своего рода «самозванцами» по отношенію къ прежнему составу съѣзда. Если это будутъ люди новаго и противоположнаго прежнему настроенія, то съѣздъ, безъ сомнѣнія, перестанетъ быть тѣмъ, чѣмъ онъ былъ до сихъ поръ въ глазахъ общества. Недавно новгородская дума разослала во всѣ земскія и городскія уѣздныя управы свои постановленія по поводу резолюцій московскаго съѣзда. Въ этихъ постановленіяхъ повторяются въ самой грубой и рѣзкой формѣ всѣ тѣ безграмотныя въ политическомъ и научномъ отношеніи нареканія, которыя раздавались противъ съѣзда въ охранительномъ лагерѣ. Если бы новый составъ съѣзда оказался на уровнѣ пониманія составителей новгородскихъ резолюцій, то общественная роль съѣзда была бы навсегда покончена.

Такого съѣзда, безъ сомнѣнія, созывать не стоило бы. Но, конечно, съѣздъ соберется въ своемъ прежнемъ составѣ, и настроеніе этого состава настолько опредѣленное, что небольшое количество вновь выбранныхъ представителей потонетъ въ старой средѣ, какъ это уже случилось съ новыми представителями, выбранными на послѣдній съѣздъ петербургской городской думой.

Но вопросъ о дѣеспособности съѣзда въ его обычномъ составѣ возникаетъ и съ другой стороны. Когда первоначально намѣчался составъ съѣзда, время было другое: политическихъ партій не существовало; рядомъ шли люди, которые потомъ далеко разошлись въ противоположныя стороны. Въ ноябрѣ 1904 г. съѣздъ еще могъ бы рекомендовать Шипова въ министры Святополку-Мирскому, а въ ноябрѣ 1905 г. бюро съѣзда безусловно отказалась сдѣлать это для Витте. Большинство съѣзда съ теченіемъ времени все болѣе сплачивалось и выступало все болѣе рѣшительно, но оно все болѣе расходилось съ настроеніемъ меньшинства. Въ своемъ большинствѣ съѣздъ примкнулъ къ конституціонно-демократической партіи, тогда какъ лидеры его меньшинства выступаютъ въ роли основателей разныхъ, болѣе или менѣе эфемерныхъ группъ, съ настроеніемъ и программами болѣе или менѣе правыми.

Дѣйствовать вмѣстѣ съѣздъ въ цѣломъ уже не можетъ: онъ можетъ, какъ цѣлое, развѣ только предпринимать такія коалиціонныя дѣйствія, какимъ была посылка депутаціи къ царю іюльскимъ съѣздомъ. Но этотъ коалиціонный актъ въ свое время вызвалъ

рѣзкія нареканія—для того времени несправедливыя. Теперь же тактика различныхъ общественныхъ группъ настолько обособилась, что выборъ способовъ для совмѣстнаго дѣйстія сталъ почти невозможенъ. При такихъ условіяхъ понятно, что вопросъ, созывать ли новый съѣздъ по поводу документа совѣта министровъ, требуетъ серьезнаго обсужденія.

По нашему мнѣнію, съѣздъ все-таки слѣдуетъ созвать. Мы были бы, можетъ быть, другого мнѣнія, если бы партія, къ которой принадлежитъ большинство съѣзда, въ данный моментъ уже являлась окончательно сорганизованной. Но какъ разъ теперь идетъ подготовительная работа на мѣстахъ для партійной организаціи. Результаты этой работы могутъ выясниться не ранѣе святокъ, когда предположено созвать организаціонный (второй послѣ учредительнаго) съѣздъ партіи. Слѣдовательно, въ данный моментъ—можетъ быть, въ послѣдній разъ, въ виду затрудненій, только что указанныхъ,—другой готовой организаціи, болѣе подходящей для выраженія настроенія даннаго оттѣнка общественнаго мнѣнія, не имѣется.

Мы были бы также противъ созыва съѣзда, если бы полагали, что на этотъ созывъ слѣдуетъ возлагать особенныя надежды въ смыслѣ прямого вмѣшательства съѣзда въ управленіе страной. Этихъ надеждъ съѣздъ, конечно, оправдать бы не могъ. Но онъ отлично можетъ и въ настоящемъ своемъ составѣ дать извѣстный лозунгъ и, что особенно важно, объединить при помощи этого лозунга работу политически-единомышленныхъ группъ на мѣстахъ. Противъ большинства съѣзда ведется теперь организованная борьба: съѣздъ долженъ также организовать свою защиту тамъ же, гдѣ его членамъ приходится выдерживать нападеніе.

Такимъ образомъ, нашъ выводъ слѣдующій: если не навязывать съѣзду неосуществимыхъ для него чисто партійныхъ задачъ и не возлагать на него слишкомъ большихъ ожиданій, то съѣздъ созвать можно. Его нужно созвать, чтобы дать отпоръ откровенному выступленію реакціи и чтобы ускорить процессъ организаціи на мѣстахъ общественныхъ элементовъ.

2) Дифференціація общественныхъ группъ.

6. Новый варіантъ славянофильской политической доктрины. (Къ исторіи земскаго «меньшинства»). *).

Мы разумѣемъ не Шарапова и не Демчинскаго. Новый варіантъ на старую славянофильскую тему — о дружномъ союзѣ «власти» и «мнѣнія» — представленъ въ недавно напечатанной запискѣ Д. Н. Шипова, авторы которой задались неблагодарной цѣлью примирить существующій государственный строй съ «новыми условіями общественной и государственной жизни». Сама по себѣ эта попытка не заслуживала бы особаго критическаго разбора, но на нее приходится обратить вниманіе, потому что она сдѣлана въ документѣ политическаго характера, въ документѣ, имѣющемъ въ виду послужить программой для цѣлой политической партіи, вновь создаваемой. Практическія цѣли партіи ясны, и ясно, зачѣмъ понадобились ей новыя теоретическія доказательства давно опровергнутаго заблужденія. Опровергать вновь самое это заблужденіе мы здѣсь не будемъ. Разбирать по существу славянофильскую теорію по поводу разсужденій о ней гг. Герасимова и Шипова представляется тѣмъ менѣе надобности, что они принимаютъ теорію готовой и аргументируютъ не положительно, а отрицательно: не путемъ доказательствъ своего собственнаго взгляда, а путемъ критики взгляда противоположнаго — «такъ называемыхъ конституціоналистовъ». Какъ увидимъ, однако, то общее положеніе, что нападать выгоднѣе, чѣмъ защищаться, въ данномъ случаѣ не совсѣмъ оправдалось.

Начнемъ съ того, что гг. Герасимовъ и Шиповъ избираютъ своей мишенью не настоящаго противника, а предполагаемаго, что, конечно, значительно упрощаетъ дѣло. Предполагаемаго противника можно заставить подавать такія реплики, какія надобно; его можно заставить говорить глупости, и потомъ эти глупости побѣдоносно опровергнуть. Вотъ тѣ глупости, которыя авторы разбираемаго документа влагаютъ въ уста своимъ предполагаемымъ противникамъ. «Воззрѣнія этой партіи (конституціоналистовъ) опираются, какъ намъ думается, на два невѣрныхъ положенія: 1) на признаніе, что политическое творчество человѣчества изсякло и что поэтому, разъ мы хотимъ отрѣшиться отъ господствовавшаго у насъ бюрократическаго строя, тѣмъ самымъ мы, слѣдовательно, перехо-

*) Русское Богатство, апрѣль, (№ 4) 1905.

димъ къ конституціонному западно-европейскаго образца, какъ будто доказано уже, что всякое дальнѣйшее политическое творчество кончилось и ничего, кромѣ западнаго парламентаризма, ни одинъ народъ для себя создать не можетъ; 2) на признаніе, что условія какъ прошлаго, такъ и настоящаго Россіи не имѣютъ въ себѣ такихъ коренныхъ различій съ прошлыми и настоящими условіями жизни и развитія западно-европейскихъ государствъ, которыя могли бы помѣшать перенесенію къ намъ выработанныхъ на Западѣ государственныхъ формъ».

Въ дѣйствительности, «конституціоналисты» вовсе не утверждаютъ того, что заставляютъ ихъ утверждаать гг. Герасимовъ и Шиповъ. Они утверждаютъ лишь, что каковы бы ни были «коренныя различія» Россіи и «западно-европейскихъ государствъ», всѣмъ имъ одинаково обще то, что любимый авторъ составителей записки, Брайсъ, называетъ «законами политической біологіи»: извѣстные общіе законы политической эволюціи; и что на извѣстной ступени этой эволюціи политическое представительство является непзбѣжной формой, совершенно независимо отъ тѣхъ конкретныхъ чертъ, какія это представительство можетъ принять подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ мѣстныхъ условій данной страны. Дѣло заключается не въ «перенесеніи», а именно въ «созданіи для себя» всякимъ народомъ аналогичныхъ политическихъ формъ; политическое творчество, конечно, не кончилось, но продукты этого творчества, при сходствѣ условій, его вызывающихъ, получаются сходные, также какъ и продукты творчества во всѣхъ другихъ областяхъ соціальной жизни. Чтобы доказать, что «западно-европейскія» конституціи не годятся для Россіи, наши авторы цитируютъ «знаменитаго Джемса Брайса», утверждающаго, что англійская конституція не годится для Америки. Они и не замѣчаютъ, что этимъ доказательствомъ уничтожили въ корнѣ всю свою аргументацію. Несомнѣнно, что «политическое творчество человѣчества» не изсякло на Англіи, и что Америка представляетъ «коренныя различія» отъ Англіи; и, однако, Америка создала себѣ, въ своеобразныхъ формахъ, всѣ тѣ же элементарныя условія свободной политической жизни, какія «человѣчество» всегда и вездѣ должно создать, чтобы быть достойнымъ своего названія. Очевидно, и «западно-европейскія» государства отдѣлены другъ отъ друга той же пропастью, какую роетъ авторъ между ними и Россіей; и очевидно, не смотря на раздѣляющую ихъ пропасть «коренныхъ различій», ничто человѣческое имъ не чуждо, не можетъ оно быть чуждо и Россіи.

Какъ видимъ, попытка авторовъ понять точку зрѣнія ихъ противниковъ оказывается неудачной. Но эта попытка для нихъ имѣетъ собственно другое значеніе: путемъ отрицательнымъ она помогаетъ имъ установить свой собственный взглядъ. Они сами, очевидно, думаютъ, что «коренныя различія Россіи мѣшаютъ перенесенію къ намъ выработанныхъ на Западѣ государственныхъ формъ»; но они утѣшаютъ себя той мыслью, что «творчество человѣчества не изсякло и что поэтому, отрѣшаясь отъ бюрократическаго строя, мы можемъ создать нѣчто иное, чѣмъ западный парламентаризмъ». Что же это такое, и какъ авторы доказываютъ свое собственное утвержденіе?

Доказательство ведется весьма оригинально. Гг. Гераспмовъ и Шиповъ, очевидно, хотятъ побить «конституціоналистовъ» ихъ собственнымъ оружіемъ; и потому, вмѣсто ссылокъ на Хомякова, Аксакова или Самарина, они цитируютъ «знаменитаго Джемса Брайса», Дайси и Токвиля. Изъ Брайса они узнаютъ, что «всякая власть, способная внушать готовность къ повиновенію и уваженію, должна имѣть глубокіе корни въ прошломъ», вмѣстѣ съ Дайси они «улыбаются, глядя на массу труда, потраченную во Франціи на созданіе «неизмѣняемыхъ» конституцій, просуществовавшихъ менѣе десяти лѣтъ каждая»; они совѣтуютъ, кстати, «не забывать словъ Каутскаго», что «парламентъ отнюдь не обязательно является представительствомъ народа»; въ итогѣ, все такъ же цѣпляясь за слова своихъ авторитетовъ, они «утверждаютъ, что всѣ написанныя по западному образцу конституціи окажутся у насъ «негодными на практикѣ», такъ какъ явятся по отношенію къ нашему быту и строю «придуманными по недостатку прецедентовъ».

Итакъ, **всѣ** французскія конституціи оказались негодными на практикѣ? Итакъ, **всякая** власть, имѣющая глубокіе корни въ прошломъ, внушаетъ готовность къ повиновенію и уваженію? Итакъ, парламентъ, **никоимъ** образомъ не можетъ явиться представительствомъ народа? Итакъ, русскій государственный строй долженъ быть сохраненъ, потому что «не только англійскій парламентаризмъ, но и американская демократическая республика не обезпечиваетъ интересовъ массы»... а русскій строй обезпечиваетъ ихъ гораздо лучше?..

Гг. Гераспмовъ и Шиповъ, очевидно, забываютъ основное правило Брайса (чтобы остаться въ предѣлахъ ихъ научнаго арсенала): изъ конкретныхъ историческихъ примѣровъ, изъ «удачи или неудачи» конституціонныхъ экспериментовъ никакихъ непосред-

ственныхъ выводовъ дѣлать не слѣдуетъ, и главная мудрость, которую можно извлечь изъ эмпирическаго изученія, состоитъ въ томъ, чтобы не довѣрять простымъ аналогіямъ. Если бы они всегда помнили это правило, то они знали бы и то, что не все «придуманное» непрочно и не всѣ «медленно созрѣвшія государственныя учрежденія» носятъ въ себѣ самихъ залогъ своей прочности. Впрочемъ, намъ нечего учить ихъ. Только что признавши все сказанное и удовлетворивъ, такимъ образомъ, своей теоріи, они немедленно признаютъ «непригодность господствовавшаго до сихъ поръ строя» и начинаютъ усердно «придумывать», какъ бы его улучшить, не отказываясь даже при этомъ отъ опыта Запада, цитируя то Германію—какъ добрый примѣръ безотвѣтственности министровъ, то Соединенные Штаты (дурной примѣръ безпорядка въ законодательной техникѣ).

Вся разница въ томъ, что они не хотятъ «никакой ломки». Поэтому они и непригодность стараются обратить въ пригодность, а придумываютъ по возможности умѣренно—и именно поэтому неудачно.

Въ самомъ дѣлѣ, чего мудрить? Въ непригодномъ строѣ надо просто «устранить то, что дѣлало его непригоднымъ». Мы ждемъ, что будетъ: кажется, всѣмъ такъ ясно, что именно дѣлало строй «непригоднымъ»... но какъ же тогда безъ ломки?.. Авторы, однако, не даютъ намъ долго думать и тотчасъ же торопливо доканчиваютъ такъ рѣшительно начатую фразу готовой формулой, взятой на вѣру: «а дѣлала его непригоднымъ обособленность царя отъ народа, недоступность къ царю голоса населенія»,—тутъ авторы становятся смѣлѣе,—«скажемъ откровеннѣе—созданное бюрократіей ограниченіе самодержавной царской власти». Итакъ, все дѣло въ усиленіи самодержавной царской власти путемъ устраненія «средостѣнія»? Вѣрятъ ли эти господа сами въ то, что говорятъ? Мы сейчасъ это увидимъ.

Дальше идетъ еще лучше. По самобытному, не «заимствованному» и не «придуманному» плану г.г. Шипова и Герасимова, народное представительство при русскомъ монархѣ «будетъ выраженіемъ не интересовъ, а мысли народной». Положеніе, лишенное всякаго смысла и всякаго содержанія, такъ какъ невозможно представить себѣ «мысль», которая бы не выражала «интересы», разъ рѣчь идетъ не о философіи и наукѣ, а о народномъ представительствѣ. Все дѣло въ томъ, *какіе* «интересы» данное представительство защищаетъ. Но наши авторы не даромъ отдѣлили «мысль» отъ «ин-

тересовъ» населенія. Изъ этого искусственнаго различенія они дѣлаютъ очень важные и весьма нужные имъ практическіе выводы о системѣ выборовъ. Если бы представительство было «политическимъ» (т. е. представительствомъ «интересовъ»), тогда—о, тогда, конечно, единственной логической формой представительства было бы всеобщее избирательное право. Но при представительствѣ чистой «мысли», при выборахъ только для «общенія и единенія Верховной власти съ населеніемъ»—(не «политическое»!) представительство «должно главнымъ образомъ служить выраженіемъ дѣйствительнаго направленія и силы общественнаго мнѣнія», . . . « *а потому* (очень хорошо это «потому») выборы не должны быть организованы самостоятельно (т. е. прямо отъ населенія)... Въ этомъ случаѣ мы полагаемъ правильнѣе пріурочить выборы къ учрежденіямъ земскаго и городского самоуправленія»...—Что и требовалось доказать.

«Не чисто, князь»! Наше сомнѣніе, вѣрятъ ли авторы сами въ свои аргументы, становится все крѣпче... Но пойдемъ за ними еще шагъ. Что это за учрежденіе, черезъ которое представители «не интересовъ, а»... земскаго и городского самоуправленія будутъ упражнять свою «силу мнѣнія» и свой «нравственный авторитетъ»?.

Авторы предлагаютъ ввести представителей въ государственный совѣтъ (выведя изъ него чиновниковъ), сдѣлать всѣ другія учрежденія, занятыя составленіемъ законопроектовъ, учрежденіями подготовительными, назначить предсѣдателя совѣта прямымъ докладчикомъ «мнѣній» совѣта передъ царемъ—и устранить всѣ другія промежуточныя инстанціи между государемъ и представителями. Замѣтимъ, прежде всего, что это—постановка существенно различная отъ рескрипта 18-го февраля. Въ рескриптѣ говорится лишь о «предварительной разработкѣ и обсужденіи законодательныхъ предположеній народными представителями», т. е. приблизительно о томъ же, что имѣлось въ виду въ концѣ царствованія имп. Александра II по знаменитой «конституціи» Лорисъ-Меликова. «Предварительно обсужденные» законопроекты должны были тогда возвращаться назадъ и проходить весь свой обычный законодательный путь черезъ министра и государственный совѣтъ. По проекту г.г. Шипова и Герасимова народные представители должны занять мѣсто въ концѣ этого пути, въ послѣдней инстанціи, а не въ началѣ. Даже министры, «отвѣтственные передъ государемъ», устраняются въ этой стадіи прохожденія закона.

Мы, кажется, теперь начинаемъ понимать. И по мѣрѣ того, какъ

насъ осѣняютъ новыя мысли и догадки, наши лица проясняются, мы всматриваемся пристальнѣе въ загадочныя, сосредоточенныя лица авторовъ проекта, мы говоримъ имъ: протяните ваши руки, друзья; вы *наши*: вы «конституціоналисты» тоже.

Но, впрочемъ, нѣтъ, погодите немножко. Вы конституціоналисты и мы конституціоналисты, но гдѣ же у васъ наше всеобщее избирательное право и много другихъ хорошихъ вещей? Позвольте, господа, кого же вы этакъ провести хотите? Тѣхъ, что сверху, или тѣхъ, что снизу? Или, можетъ быть, тѣхъ и другихъ?... Нѣтъ, ужъ лучше идите одни своимъ византійскимъ путемъ и оставьте намъ нашу западно-европейскую прямолинейность.

7. Кн. Евгеній Трубецкой и пробужденіе церкви *).

Кн. Евгеній Трубецкой—очень хорошій писатель, и, вѣроятно, не одинъ я читаю его статьи съ большимъ удовольствіемъ. Но какъ то такъ выходитъ, что его читатели и почитатели никогда не могутъ отдаться безраздѣльно чувству удовольствія при чтеніи его статей. Онъ ведетъ очень красивыми путями, но часто ведетъ къ такой цѣли, къ которой читатель вовсе не расположенъ за нимъ слѣдовать. И вотъ, открывши ложку дегтя въ бочкѣ меда его краснорѣчивой прозы, читатель сперва недоумѣваетъ, а потомъ, наконецъ, начинаетъ сердиться... Въ недавней статьѣ о «Церкви и современномъ общественномъ движеніи», помѣщенной кн. Евгеніемъ Трубецкимъ въ № 15 «Права», обычная пропорція между медомъ и дегтемъ оказывается перевернутой, и потому читатель начинаетъ сердиться раньше и сердится сильнѣе, чѣмъ обыкновенно при чтеніи статей талантливаго автора. Правъ ли читатель,—судите сами.

«Великое событіе совершается на нашихъ глазахъ», оповѣщаетъ кн. Трубецкой въ началѣ статьи. «Наша церковь прервала молчаніе и готовится сбросить съ себя путы вѣкового рабства». Первое впечатлѣніе, производимое этимъ заявленіемъ на читателя, нѣсколько двойственное. Читатель не знаетъ, точно ли событіе, о которомъ идетъ рѣчь, совершается, и если оно совершается, онъ не знаетъ, слѣдуетъ ли ему испытывать чувство радости, или чувство нѣкотораго страха. Церковь, наша казенная церковь, заговорила? Что-то она скажетъ? Если то, что мы привыкли слышать изъ ея

*) „Право“, № 16, 24 апр. 1905.

рядовъ,—хорошо ли еще это будетъ? Если другое, новое, хорошее,— откуда оно возьмется?

Кн. Трубецкой сразу насъ успокаиваетъ: «церковь», говоритъ онъ, «охвачена процессомъ обновленія». Мы рады и ждемъ доказательствъ. Чѣмъ дальше, однако, онъ ихъ развиваетъ, тѣмъ болѣе, успокоенные за церковь, мы начинаемъ безпокоиться за самого кн. Трубецкого.

Церковь стремится къ автономіи, говоритъ авторъ. Но автономія ей нужна вовсе не для одной только свободы внутренней жизни. Такая цѣль «была бы весьма и поверхностной и не заслуживала бы особеннаго сочувствія». Нѣтъ, свобода отъ міра нужна ей лишь для того, чтобы вліять на міръ. «Задача церкви заключается въ томъ, чтобы вести активную борьбу противъ зла, въ какихъ бы формахъ оно ни проявлялось. Она должна изобличать сѣятелей вражды и смерти и «изгонять бѣсовъ», какое бы вліятельное положеніе они ни занимали». Читатель нѣсколько смущенъ. Онъ вспоминаетъ, что совершенно тѣ же цѣли ставилъ недавно «батюшкамъ» святѣйшій синодъ, и думаетъ: хорошо то оно хорошо вести «активную борьбу противъ зла, только вѣдь какъ поймутъ «батюшки» корень зла? А что если они начнутъ—или вѣрнѣе, поощренные кн. Трубецкимъ,—будутъ продолжать вести «активную борьбу» противъ «сѣятелей» Некрасова и примутся «изгонять бѣсовъ» Достоевскаго? Тогда будетъ уже нехорошо, и лучше бы ужъ тогда церковь не прерывала молчанія. И опять кн. Трубецкой спѣшитъ насъ успокоить. Онъ напоминаетъ намъ, что архипастыри возрождающейся церкви «осуждаютъ тѣхъ провокаторовъ, которые систематически возбуждаютъ одну часть населенія противъ другой»; по его утвержденію, «лучшія преданія православной русской церкви воскресаютъ передъ нами» и, «продолжая дѣла св. Филиппа, признаютъ своимъ все то доброе и свѣтлое, что есть въ современномъ освободительномъ движеніи». И мы бы готовы были успокоиться, если бы не этотъ случайный оборотъ, приданный авторомъ послѣдней фразѣ: «*то* доброе, что есть». Теперь же мы должны предварительно узнать, что именно признается «добрымъ» и что «злымъ» въ современномъ освободительномъ движеніи», и кто будетъ судьей добраго и злого?

Оказывается по дальнѣйшимъ разъясненіямъ автора, что судьей должна быть именно церковь, а критеріемъ для ея суда «идеалъ живой дѣятельной любви Христовой». Идеалъ высокій, безъ сомнѣнія, но сильно дискредитированный тѣмъ практическимъ употребленіемъ, которое изъ него дѣлалось.

Конечно, кн. Трубецкой совѣтуетъ дѣлать изъ этого высокаго идеала лишь самое чистое употребленіе. Увы, кн. Трубецкой только повторяетъ то, что реакціонеры всѣхъ временъ всегда говорили на эту тему. Руководясь своими «высшими началами вѣчной правды», церковь должна «отличить истинный демократизмъ отъ того антихристіанскаго демократизма, для котораго народъ есть кумиръ», «дабы демократія не выродилась въ массовой деспотизмъ». «Въ наши дни всеобщей ожесточенной борьбы между классами, національностями, партіями» она должна «водрузить крестъ между борющимися». «Въ наши дни новаго смутнаго времени», «въ виду повсемѣстно надвигающейся анархіи», церковь должна «сплотить насъ во-едино и спасти отъ окончательнаго распаденія нашъ государственный и общественный организмъ».

Итакъ, вотъ какъ опредѣляется задача «активной борьбы» для «обновившейся» церкви. Кн. Трубецкой призываетъ ее спасти общество отъ «анархіи» и бороться противъ «антихристіанскаго демократизма»,—опредѣленіе котораго, какъ «массового деспотизма» и какъ преклоненія передъ «кумиромъ» народа, не оставляетъ для служителей церкви никакого сомнѣнія, гдѣ именно они должны искать «сѣятелей вражды» и какихъ «бѣсовъ» изгонять. Опредѣливъ корень зла, «батюшки» затѣмъ уже сами разберутся въ томъ, «что есть добраго и свѣтлаго въ современномъ освободительномъ движеніи?»

Что же это такое? Развѣ, исполняя порученіе св. синода, «батюшки» не говорятъ повсюду то же самое, «только немножко другими словами». Развѣ нужно батюшкамъ очень перерождаться, чтобы успѣшно исполнить «примирительную» миссію, рекомендуемую имъ кн. Трубецкимъ? Развѣ не этотъ самый страхъ «надвигающейся анархіи» руководитъ Мещерскимъ и Грингмутомъ? Они, правда, взываютъ къ ненависти, тогда какъ кн. Трубецкой взываетъ къ «незримой силѣ любви». Но, признаться, мы думаемъ, что въ данномъ случаѣ они правѣе кн. Трубецкого, и что взывать къ любви теперь—значитъ ослаблять слабаго и подкрѣплять сильнаго. Ибо слабый силенъ своей ненавистью, а сильный слабъ односторонностью своей физической силы и страшно нуждается въ перемиріи, въ малѣйшей отстрочкѣ, которая могла бы спасти его отъ нравственно уничтожающей его ненависти. И вотъ при такомъ-то положеніи дѣла кн. Трубецкой льетъ свое лампадное масло «любви» на расходившіяся волны общественной борьбы. Чье дѣло онъ дѣлаетъ?

8. По поводу „отвѣта“ кн. Евгенія Трубецкого *).

Кн. Трубецкой очень настойчиво подчеркиваетъ, что его отвѣтъ мнѣ, собственно, не есть отвѣтъ. Мнѣ онъ не сталъ бы отвѣчать, если бы моя замѣтка не была помѣщена въ такомъ серьезномъ органѣ, какъ «Право»,—что только и «придало ей значеніе, не соотвѣтствующее ея содержанію». Въ моихъ словахъ кн. Трубецкой «не рѣшается искать какого-либо опредѣленнаго смысла» и только тогда согласенъ со мной полемизировать, если я «напишу что-нибудь болѣе достойное моего пера», а, главное, если я «измѣню свои полемическіе пріемы».

Долженъ признаться, что я не могу подражать полемическимъ пріемамъ кн. Трубецкого, и, боюсь, я не сумѣю сказать ничего болѣе серьезнаго, чѣмъ сказалъ, по поводу его статьи. Такимъ образомъ, мнѣ приходится отказаться отъ дальнѣйшей бесѣды съ кн. Трубецкимъ, и если я все-таки берусь опять за «перо», то лишь потому, что, собственно, я бесѣдовалъ въ моей замѣткѣ не столько съ кн. Трубецкимъ, сколько съ читателями «Права» по поводу кн. Трубецкого. Не отвѣчая мнѣ, кн. Трубецкой только «возстановляетъ смыслъ своей статьи, искаженной» мною; и, не отвѣчая ему, я, однако, не могу оставить своихъ читателей подъ впечатлѣніемъ, будто я дѣйствительно повиненъ въ искаженіи словъ кн. Трубецкого. Я понялъ слово «церковь» въ смыслѣ духовенства церковной іерархіи, тогда какъ князь Трубецкой употреблялъ его въ болѣе возвышенномъ смыслѣ—общества вѣрующихъ, включающаго въ себѣ не только духовенство, но и мірянъ. Такимъ образомъ, «мы говоримъ, очевидно, о совершенно различныхъ предметахъ, и уже это одно лишаетъ споръ всякаго интереса».

Охотно вѣрю, что кн. Трубецкой придаетъ понятію «церкви» старый славянофильскій—въ сущности, ультра-протестантскій и, во всякомъ случаѣ, не «элементарный»—смыслъ нѣкотораго живого, мистическаго цѣлаго. Но не менѣе вѣрно и то, что этотъ смыслъ остается сокровеннымъ для всѣхъ читателей его первой статьи; а то, что въ ней говорится о русской церкви, какъ историческомъ явленіи, о ея «пастыряхъ», о ея противоположности «мірскому обществу»,—не можетъ не быть понято обыкновеннымъ читателемъ

*) „Право“, № 22, 8 іюня 1905 г.

въ томъ прямомъ смыслѣ, въ которомъ терминъ «церковь» употребляется повседневно. Да и въ своемъ отвѣтѣ кн. Трубецкой продолжаетъ употреблять терминъ церковь въ томъ же употребительномъ смыслѣ. Если онъ говоритъ, напримѣръ, «пусть церковь благословитъ народъ нашъ на участіе въ царственномъ созиданіи, дѣлѣ созиданія государственнаго порядка и устроенія земли русской», то, очевидно, слово церковь невозможно понять ни въ какомъ другомъ смыслѣ, кромѣ имѣющихъ право «благословлять», т. е., именно, церковной іерархіи. Иначе трудно было бы понять, какъ «общество» вѣрующихъ можетъ благословлять народъ—т. е. самое себя. Какъ бы то ни было, моя статья имѣла, по крайней мѣрѣ, одну заслугу передъ читателемъ: она заставила перевести послѣднюю фразу на языкъ простыхъ смертныхъ, и оказалось при этомъ, что слова кн. Трубецкого «ясно признаютъ за народомъ законодательную и учредительную власть». Очень пріятно; но очень жаль, что кн. Трубецкой и теперь оставилъ безъ перевода другую половину той же фразы: «Пусть она (церковь) отличитъ этотъ истинный демократизмъ отъ того антихристіанскаго демократизма, для котораго народъ есть кумиръ». А между тѣмъ, именно, эта фраза и вызывала тѣ недоумѣнія со стороны читателя, которыя я формулировалъ въ своей статьѣ. Такъ какъ я въ своихъ полемическихъ пріемахъ не иду такъ далеко, чтобы отказываться «искать какого либо опредѣленнаго смысла въ словахъ кн. Трубецкого», то я и пробовалъ указать автору, какой смыслъ можно вывести изъ двусмысленностей его высокаго «штиля». Очень радъ категорическимъ утвержденіямъ автора, что смыслъ, мною указанный, несовмѣстимъ съ его «направленіемъ, слишкомъ хорошо извѣстнымъ читателямъ «Права». Но долженъ, все-таки, признаться, что я лично менѣе счастливъ, чѣмъ другіе читатели: мнѣ и теперь точный смыслъ послѣдней фразы кн. Трубецкого остается неизвѣстнымъ.

9. Баллотировать и баллотироваться ли? возраженіе В. Д. Кузьмину-Караваеву.

В. Д. Кузьминъ-Караваевъ въ № 152 «Руси» обращается къ тѣмъ, кто стоитъ за «всеобщее, прямое и закрытое голосованіе» для первыхъ же выборовъ въ народные представители, съ горячимъ призывомъ: не дискредитировать выборовъ и не отказываться участвовать въ нихъ изъ за одного того, что выборы будутъ несогласны съ ихъ принципіальными взглядами на народное представительство. Доводы

г. Кузьмина-Караваева слѣдующіе. Настоящій режимъ ни въ какомъ случаѣ не способенъ дать ни всеобщаго избирательнаго права, ни тѣхъ гарантій, которыя нужны для его правильнаго примѣненія. Между тѣмъ, народные представители нужны Россіи немедленно, и ихъ первымъ шагомъ будетъ «справиться съ задачей организаціи всеобщихъ, прямыхъ и равныхъ выборовъ». Не довѣрять имъ и «безапелляціонно осуждать ихъ», во всякомъ случаѣ, преждевременно. Сторонники всеобщаго избирательнаго права—этой «теоріи, пріобрѣтшей колоссальную популярность и неуязвимо сильной въ своей логической конструкціи»,—эти сторонники есть «громадная сила для страны, ибо за ними и въ ихъ рукахъ—общественное мнѣніе». Въ ихъ власти «отдать родину въ руки всесокрушающей реакціи или пугачевщины». И они должны «примириться съ фактомъ» и «стремиться достичь наименѣе дурного, наиболѣе, при данномъ фактѣ, хорошаго». Они должны «баллотировать и баллотироваться».

Для насъ не совсѣмъ ясно, къ кому именно г. Кузьминъ-Караваевъ обращается со своими увѣщаніями. Если къ тѣмъ, «за кѣмъ и въ чьихъ рукахъ общественное мнѣніе», то, повидимому, здѣсь разумѣется русская интеллигенція. Но, пока мы не знаемъ подробностей избирательнаго закона, было бы преждевременно приглашать эту интеллигенцію «баллотировать и баллотироваться». Значитъ, какъ стоитъ дѣло теперь, приглашеніе г. Кузьмина-Караваева можетъ быть адресовано только къ тѣмъ, кто въ рядахъ людей съ цензомъ являются представителями «теоріи, пріобрѣтшей колоссальную популярность и неуязвимо сильной въ своей логической конструкціи». Такихъ людей, къ счастью, много, и они дѣйствительно сильны, такъ какъ «за ними общественное мнѣніе». За ними, но не «въ ихъ рукахъ». Они сильны общественнымъ мнѣніемъ, и они до тѣхъ поръ и постольку сильны, пока и поскольку общественное мнѣніе на ихъ сторонѣ. Создать общественное мнѣніе и перемѣнить его теченіе они не могутъ; напротивъ, они сами созданы этимъ теченіемъ. Значитъ, если кто-нибудь можетъ «отдать родину въ руки всесокрушающей реакціи или пугачевщины», то не эта группа баллотирующихъ и баллотирующихся сама по себѣ, а то, дѣйствительно сильное и могучее, что за ними стоитъ. И съ этимъ сильнымъ и могучимъ «чѣмъ-то» имъ приходится, по необходимости, сообразоваться.

«Вы можете внести умиротвореніе въ страну, успокоеніе умовъ», говоритъ г. Кузьминъ-Караваевъ сторонникамъ всеобщаго избирательнаго права; «вы же можете разбудить окончательно готовыя

проснуться и кое-гдѣ уже проснувшіяся боевыя силы народа. Но тогда направить ихъ, дать имъ исходъ—будетъ внѣ вашей власти». Предупредить такое пробужденіе, по мысли г. Кузьмина-Караваева, сторонника всеобщаго голосованія, смогутъ только активнымъ участіемъ въ выборахъ, на основаніи того закона, какой обнародуетъ правительство.

Мы не знаемъ, какъ рѣшитъ отнестись къ выборамъ та земская группа, къ которой обращается Кузьминъ-Караваевъ. Ея рѣшеніе, очевидно, будетъ зависѣть отъ того, сочтетъ ли она то новое средство, какое даетъ въ ея руки участіе въ народномъ представительствѣ, важнымъ или неважнымъ, сильнымъ или безсильнымъ для достиженія своей главной цѣли, т. е. настоящаго, правильнаго представительства съ настоящими конституціонными гарантіями. Но, во всякомъ случаѣ, если она будетъ вѣрна самой себѣ, она будетъ смотрѣть на свое участіе въ выборахъ и въ будущемъ собраніи не какъ на цѣль, а какъ на средство. И въ этомъ средствѣ она должна будетъ видѣть не средство «успокоенія»,—такъ какъ успокоеніе страны отъ нея не зависитъ, а зависитъ отъ достиженія той цѣли, къ которой страна стремится,—а только новый способъ приложенія своего гражданскаго «безпокойства».

Повторяемъ: намъ неизвѣстно, какъ рѣшатъ вопросъ сторонники всеобщаго избирательнаго права и конституціонныхъ гарантій въ земскихъ рядахъ, но только тогда они рѣшатъ вопросъ правильно, если будутъ твердо помнить, что общественное мнѣніе, на которомъ покоится ихъ сила, не «въ ихъ рукахъ», что они—только малая часть той волны, которая неудержимо стремится къ своему предѣлу, и что раньше, чѣмъ предѣлъ этотъ не будетъ достигнутъ, никакое «умиротвореніе» немыслимо.

Мы боимся, что это необходимое условіе для удержанія «за собой» силы общественнаго мнѣнія не вполнѣ сознается проф. Кузьминымъ-Караваевымъ. Можетъ быть, впрочемъ, и по вопросу, въ чемъ именно состоитъ эта сила и гдѣ ея источникъ, мы разойдемся во мнѣніи съ почтеннымъ авторомъ. На это сомнѣніе, по крайней мѣрѣ, насъ наводитъ его отношеніе къ «лѣвой» политической партіи. По его словамъ, эта «лѣвая пользуется движеніемъ, какъ средствомъ вызвать взрывъ и соціальный переворотъ, и потому (такъ же какъ реакціонная правая партія) стремится противодѣйствовать успѣшному и скорому осуществленію реформы». Признаемся, мы очень пожалѣли, что такая характеристика могла выйти изъ-подъ пера нашего автора. Если эти строки не случайны

и если авторъ дѣйствительно думаетъ то, что сказалъ, то мы полагаемъ, что ни «въ его рукахъ», ни «за нимъ» уже не можетъ остаться ни одного золотника той «громадной силы», которую онъ приписываетъ общественному мнѣнію. Въ цитированныхъ словахъ его нѣтъ ни правды, ни справедливости, такъ какъ теперь ни одна «лѣвая» партія въ *немедленный* соціальный переворотъ не вѣритъ и такъ какъ въ «успѣшной и скорой реформѣ» всѣ партіи видятъ расширеніе возможныхъ способовъ дѣйствія,—и всѣ, не исключая г. Кузьмина-Караваева, ссылаются постоянно на дѣятельность «лѣвой», какъ на самый сильный аргументъ въ пользу немедленной «реформы». Конечно, не всѣ такъ убѣждены, какъ, повидимому, убѣжденъ проф. Кузьминъ-Караваевъ, что «скорая» реформа можетъ быть «успѣшной», а «успѣшная» будетъ «скорой»; но вѣдь и г. Кузьминъ-Караваевъ не совѣтуетъ на первой побѣдѣ складывать оружія. Онъ только, кажется, полагаетъ, что впредь никакого другого рода оружія не понадобится, кромѣ запросовъ въ парламентѣ, для достиженія дальнѣйшихъ общественныхъ тріумфовъ. Мы не ручаемся, однако, что самъ г. Кузьминъ-Караваевъ не перемѣнитъ своего мнѣнія въ ближайшемъ будущемъ.

Не знаемъ, будетъ ли интеллигенція «баллотировать и баллотироваться» и будетъ ли дѣлать то же самое земская группа, къ которой обращается г. Кузьминъ-Караваевъ. Но одно мы знаемъ довольно твердо: именно, что «сила» можетъ быть сохранена послѣдней группой только въ союзѣ съ первой, и что условіемъ такого союза должна остаться полная ясность взаимныхъ стремленій къ одной и той же общей цѣли. Средства, «родъ оружія» могутъ быть различны, но политическая задача должна быть одна: та самая, которая уже и намѣчена послѣдней частью постановленій послѣдняго земскаго съѣзда.

Въ послѣднее время, къ сожалѣнію, эта увѣренность въ единствѣ стремленій начала колебаться, и статьи, подобныя разбираемой теперь, меньше всего могутъ поддержать престижъ тѣхъ, къ которымъ авторъ обращается, какъ къ своимъ единомышленникамъ. Общество не знаетъ лицъ и не можетъ входить въ оцѣнку личныхъ—или хотя бы даже скрытыхъ партійныхъ—побужденій. Оно видитъ только коллективныя дѣйствія, въ нихъ ловитъ фальшивыя ноты и по нимъ судитъ цѣлую группу, по нимъ отгадываетъ ея возможные поступки въ будущемъ. Если мнѣніе общества есть quantité négligeable въ данной политической игрѣ, то, конечно, съ нимъ партія можетъ и не считаться, довольствуясь сознаніемъ чи-

стоты своихъ внутреннихъ побужденій и надеждой на правильный судъ исторіи. Но если мнѣніе общества есть сила и, по выраженію проф. Караваева, «сила громадная», въ такомъ случаѣ кое что все таки надо же дѣлать, чтобы сохранить эту силу на своей сторонѣ. Мы сказали бы: прежде всего, кое чего не надо дѣлать; не надо, напр., трактовать союзниковъ, какъ враговъ, слѣдуя дурному примѣру проф. Караваева. Но мало, конечно, и этой одной чистоплотности политическаго поведенія. Нужно, и особенно болѣе, чѣмъ когда-нибудь, нужно въ настоящій моментъ, сохранять единство и послѣдовательность политическаго поведенія. Только тогда общество будетъ знать, съ кѣмъ имѣетъ дѣло и можно ли идти вмѣстѣ съ данной общественной группой. Мы сказали, что это особенно нужно именно теперь, потому что никогда, начиная съ ноябрьской петиціи о правахъ, земская группа не нуждалась такъ въ общественномъ кредитѣ и никогда еще общественный кредитъ не колебался такъ сильно, какъ именно въ настоящую минуту. Едва ли можно сомнѣваться, что земцы рѣшатъ использовать создавшееся положеніе путемъ активнаго участія въ выборахъ. Они пойдутъ въ законосовѣщательное учрежденіе, которому предстоитъ дѣйствовать подъ контролемъ чиновниковъ. И общество, оставаясь при принципіально отрицательномъ отношеніи къ установленному порядку выборовъ, все таки могло бы примириться съ ихъ вступленіемъ въ думу, если бы оно знало навѣрное, что тамъ, въ этомъ учрежденіи, они будутъ продолжать дѣлать общее дѣло. Но даже въ этомъ случаѣ общество сохранитъ за собой право не считать «скорую» реформу «успѣшной». Интеллигенція, выброшенная, наравнѣ съ настоящимъ «народомъ», за бортъ этой реформой, безъ сомнѣнія, не демобилизируется. Она, напротивъ, употребитъ всѣ свои силы, чтобы довести до конца ту мобилизацію «боевыхъ силъ», которой г. Кузьминъ-Караваевъ такъ много обязанъ уже теперь и по отношенію къ которой онъ обнаруживаетъ такую черную неблагодарность.

3) Къ исторіи союзнаго движенія.

10. „Партіи“ или „союзы“ *).

Интересная статья г. Ландау, напечатанная въ № 51 «Сына Отечества», независимо отъ того частнаго вопроса, по поводу котораго она написана, поднимаетъ въ высшей степени важный общій

*) „Сынъ Отеч.“, № 55, 21 апрѣля.

вопросъ. Г. Ландау привѣтствуетъ — и я привѣтствую вмѣстѣ съ нимъ — выдѣленіе изъ рядовъ «чистыхъ» конституціоналистовъ извѣстной группы г. Шипова. Онъ совершенно правильно находитъ, что сохраненіе подобной группы въ составѣ конституціонно-демократической партіи привело бы къ обезличенію ея программы и къ обезсиленію ея тактическихъ дѣйствій. Опредѣленность программы и энергія тактики, говоритъ онъ, возможны только при сплоченности извѣстной политической группы. Такой сплоченностью и энергіей отличаются нѣкоторыя крайнія партіи; по тому же образцу слѣдовало бы переорганизовать и другія дѣйствующія общественныя группы

Соображенія г. Ландау кажутся мнѣ вполнѣ основательными и заслуживающими вниманія. Несомнѣнно, теперешнее состояніе политическихъ группировокъ въ Россіи надо признать временнымъ, и, несомнѣнно, при сколько-нибудь нормальномъ ходѣ дальнѣйшей нашей политической жизни, эти группировки должны будутъ уступить мѣсто новымъ, болѣе опредѣленнымъ и сплоченнымъ.

Теперешній временный и переходный характеръ политическихъ организацій не есть, однако, вполнѣ случайный. Онъ тѣсно связанъ какъ со всѣмъ прошлымъ нашего литературно-общественнаго развитія, такъ и съ тѣми чрезвычайными условіями, въ которыхъ ведется современная политическая борьба.

Мы переживаемъ трудный процессъ переработки литературныхъ мнѣній въ политическія программы. Литература являлась до сихъ поръ единственнымъ органомъ политической мысли въ Россіи; при существовавшихъ цензурныхъ стѣсненіяхъ политическіе вопросы поневолѣ должны были обсуждаться въ общихъ выраженіяхъ; самыя существенныя черты того или другого общественнаго міровоззрѣнія должны были обходиться молчаніемъ, даже самыя имена извѣстныхъ политическихъ теченій не могли быть упоминаемы. Естественно, что даже самые яркіе органы самыхъ передовыхъ общественныхъ теченій привлекали къ себѣ скорѣе людей одинаковыхъ симпатій, чѣмъ вполнѣ опредѣленныхъ политическихъ взглядовъ. Съ другой стороны, не было и прямого повода ставить на очередное, практическое рѣшеніе извѣстные политическіе вопросы, такъ какъ никакихъ надеждъ на ихъ немедленное разрѣшеніе не было. Теперь, по мѣрѣ того, какъ коренная политическая реформа становится предметомъ очереднаго законодательства, основные вопросы программы выдвигаются на первый планъ, и, вмѣсто простого отрицанія и критики, которыя объединяли всѣхъ, начинается положительная творческая работа, которая не можетъ не разъединять.

*

При этихъ условіяхъ вполнѣ понятно, почему, послѣ полосы единодушныхъ общественныхъ заявленій, которую мы переживали въ минувшіе мѣсяцы, мы вступаемъ въ полосу оживленныхъ принципіальныхъ споровъ и партійной дифференціаціи. Было бы ошибкой считать это признакомъ упадка общественнаго настроенія: несомнѣнно, это только показываетъ дальнѣйшій ростъ и напряженіе общественной мысли.

Но условія, при которыхъ совершаются эти первые шаги нашего вступленія въ нормальную политическую жизнь, остаются все еще совершенно ненормальными. Если бы общество имѣло полную свободу обсужденія всѣхъ тѣхъ вопросовъ, которые представляютъ для него теперь насущный, жизненный интересъ, то всѣ различія мнѣній, принципіальныя и программныя, представились бы совершенно ясными, дифференцировка и перегруппировка общественныхъ теченій совершилась бы весьма быстро, и такъ же быстро произошло бы окончательное соединеніе группъ въ болѣе широкія общественныя партіи. Въ настоящее же время образованіе партій искусственно задержано отсутствіемъ гарантій свободы обсужденія. Общественная мысль уже не умѣщается въ старыя рамки, и правительство сознаетъ это; но, сдѣлавъ шагъ впередъ, оно дѣлаетъ два шага назадъ, и такимъ образомъ, одна изъ самыхъ насущныхъ, жизненныхъ задачъ текущаго политическаго момента не можетъ быть выполнена какъ слѣдуетъ.

Время, однако, не ждетъ, и то, что не можетъ быть сдѣлано вполнѣ правильно, все таки какъ-нибудь дѣлается, потому что это безусловно необходимо дѣлать. Не имѣя возможности сразу разгруппироваться по партіямъ, интеллигентная Россія предварительно группируется по «союзамъ».

Каждый день приноситъ извѣстія о какомъ-нибудь новомъ союзѣ лицъ одной и той же профессіи, объединившихся, съ цѣлью общественной дѣятельности, на какой-нибудь платформѣ. Платформы эти, или «резолюціи» союзовъ, оказываются болѣе или менѣе однородными по общему настроенію; ихъ отрицательная и критическая часть совершенно одинакова; болѣе или менѣе сходенъ и ихъ политическій отдѣлъ. Но далѣе начинаются разногласія, на которыя намекаетъ и г. Ландау въ своей статьѣ. Причина ясна: принадлежность къ одной и той же профессіи—даже такой, какъ земская дѣятельность, или дѣятельность журналиста, не говоря уже о дѣятельности инженера или врача, вовсе не предполагаетъ принадлежности каждаго члена профессіи также и къ одной и той же общественной группѣ.

Конечно, люди, согласные въ настоящій моментъ объединиться на извѣстномъ общественномъ заявленіи, уже этимъ однимъ примыкаютъ къ совершенно опредѣленному политическому настроенію, но отъ настроенія до опредѣленной программы еще очень далеко. И вотъ, какъ только начинается детальное обсужденіе программы въ средѣ людей, повидимому, очень опредѣленныхъ, тотчасъ же обнаруживается трудность, почти невозможность сговориться. Если, несмотря на эти трудности, союзы все таки образуются, то это достигается или путемъ исключенія спорныхъ пунктовъ совсѣмъ изъ программы, или путемъ разрѣшенія ихъ въ духѣ той или другой преобладающей въ данный моментъ группы. Въ первомъ случаѣ программа становится безличной, во второмъ она становится партійной. И тотъ, и другой исходъ естественно вызываютъ недовольство въ значительной части членовъ союза: недовольство, часто доходящее до желанія покинуть союзъ. Статья г. Ландау является отголоскомъ такого именно настроенія. Насколько это настроеніе основательно и насколько правиленъ дѣлаемый изъ него выводъ?

Прежде всего, разберемся въ причинахъ разногласій. Причинъ этихъ, кажется, можетъ быть три. Разногласіе можетъ быть принципіальное, т. е. вытекающее изъ разницы основныхъ взглядовъ, изъ разницы цѣлыхъ міровоззрѣній—такихъ, какъ, напр., индивидуализмъ и коллективизмъ. Какъ ни важно по существу этого рода разногласіе, оно само по себѣ не составляетъ безусловной причины для расхожденія, такъ какъ въ рядѣ случаевъ практическая дѣятельность для представителей самыхъ противоположныхъ воззрѣній можетъ до извѣстнаго момента совпадать. Если этотъ моментъ еще не наступилъ, если извѣстныя общія цѣли еще не достигнуты, расхожденіе по этому поводу нельзя не признать преждевременнымъ. Такое расхожденіе было бы чисто теоретическимъ и свидѣтельствовало бы только о непониманіи политическаго характера соединенія. Другая причина расхожденія заключается въ разномъ пониманіи ближайшихъ задачъ практической политики, при одинаковомъ пониманіи общаго направленія ея. Люди могутъ сходиться въ пониманіи программы-максимумъ, но разойтись въ опредѣленіи программы-минимумъ (или «платформы»). Одни могутъ добиваться «немедленнаго» осуществленія въ законодательномъ порядкѣ того, что другимъ можетъ казаться задачей дальнѣйшей пропаганды и общественной борьбы. При наличномъ состояніи нашей политической подготовки этотъ пунктъ фактически является наиболѣе частымъ поводомъ для споровъ и разногласій. Устранить его теперь

же очень трудно и даже едва ли возможно, такъ какъ не только понятіе о предѣлахъ «немедленно осуществимаго» сильно колеблется, но даже и вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли, вообще, составляя программу, имѣть въ виду ея «осуществимость»,—для многихъ оказывается вовсе нерѣшеннымъ или рѣшеннымъ отрицательно. Надежда на осуществимость общественныхъ требованій и мѣра этой осуществимости дается лишь практикой свободныхъ общественныхъ учрежденій; нашъ же политическій опытъ могъ привести только къ полнѣйшему скептицизму относительно дѣйствующаго порядка, соединенному съ самыми сангвиническими ожиданіями отъ порядка, имѣющаго установиться. Разочарованія неизбѣжны, и только въ результатѣ разочарованій станетъ понятно многимъ, какъ важно отдѣлять «программу» отъ «платформы» и какъ осторожно надо составлять послѣднюю. Но пока самая надежда на свободныя учрежденія остается проблематической, нельзя не понять психологіи тѣхъ людей или группъ, которые самое составленіе какой бы то ни было платформы объявляютъ дѣломъ преждевременнымъ. Такимъ образомъ, выставленіе непримиримыхъ программъ является только однимъ изъ общественныхъ симптомовъ, свидѣтельствующихъ о степени довѣрія—или, вѣрнѣе, недовѣрія—къ предстоящей политической реформѣ. Чѣмъ она будетъ радикальнѣе и послѣдовательнѣе, тѣмъ практичнѣе окажутся, навѣрное, платформы всѣхъ дѣйствующихъ партій, не исключая и самыхъ крайнихъ. Дайте всѣмъ партіямъ прямое участіе въ созиданіи жизни и вы увидите, какъ быстро шагнетъ впередъ ихъ пониманіе условій житейской дѣйствительности.

Въ ожиданіи этой перемѣны очень трудно рѣшить, должно ли разногласіе въ пониманіи ближайшихъ задачъ практической политики служить поводомъ для немедленнаго расхожденія или нѣтъ. Есть люди и группы, для которыхъ только энтузіазмъ къ отдаленнымъ задачамъ политики можетъ служить достаточнымъ побужденіемъ къ активной общественной дѣятельности; есть другіе люди и группы, которыхъ, напротивъ, только постановка ближайшей практической задачи можетъ побудить быть дѣятельными. Рѣшительно разойтись тѣ и другіе должны тогда, когда ближайшія цѣли начинаютъ противорѣчить или становиться несовмѣстимыми съ борьбой за дальнѣйшія. Но, пока даже и ближайшія цѣли оказываются довольно отдаленными и трудно осуществимыми, расходиться, повидимому, нѣтъ резона. Каждый день рѣшеніе этого вопроса можетъ перемѣниться по отношенію къ настоящему положенію, но, пока въ положеніи нѣтъ перемѣны, форсировать разрывъ, повидимому, нѣтъ

практическаго основанія. Помимо практической цѣли, расхожденіе по данному пункту могло бы преслѣдовать еще одну цѣль: при помощи разрыва познать самихъ себя и сосчитаться. Цѣль эта, однако, едва ли можетъ быть вполнѣ достигнута, такъ какъ тѣ же практическія соображенія, о которыхъ мы говорили, могутъ побудить рядъ лицъ, не вполнѣ согласныхъ, по принципіальнымъ вопросамъ или по вопросу о ближайшей платформѣ, все таки остаться въ рядахъ той или другой уже сорганизовавшейся группы. Другими словами, расколъ изъ чисто теоретическихъ побужденій—если онъ при томъ не будетъ сопровождаться переходомъ въ одну изъ партій, вовсе не считающихся съ «осуществимостью»,—едва ли существенно измѣнитъ политическое положеніе отколовшихся.

Но здѣсь мы подходимъ къ третьей причинѣ расхожденія. Существенная перемѣна въ положеніи будетъ, говорятъ намъ: она будетъ состоять въ свободѣ дѣйствій для отдѣлившейся группы и въ выборѣ ею болѣе энергичной тактики, болѣе активнаго образа дѣйствій, чѣмъ тотъ, который допускается при болѣе широкомъ составѣ болѣе «рыхлаго объединенія». Изъ всѣхъ перечисленныхъ соображеній въ пользу отдѣленія этотъ послѣдній—разница тактики—есть, несомнѣнно, наиболѣе существенный. Соображеніе это имѣетъ безусловную силу, если рѣчь идетъ о такого рода тактикѣ, которая неразрывно связана съ программой: въ этомъ случаѣ, очевидно, вѣрность тактикѣ равносильна вѣрности самой программѣ. Но такая неразрывная связь тактики съ программой составляетъ рѣдкое исключеніе въ исторіи политическихъ партій. Общимъ правиломъ можно считать, что тактика приноровляется къ обстоятельствамъ, совершенно независимо отъ программы. Тактика очень рѣзкая можетъ быть принята партіей весьма умѣренной по своей политической программѣ, и, наоборотъ,—тактика очень умѣренная можетъ сдѣлаться обычной у партіи съ очень рѣзкой программой. Первое неизбѣжно случается, когда политическая дѣятельность не умѣщается въ рамкахъ установившейся жизни; второе—когда въ странѣ создались навыки свободной политической жизни. Но даже въ случаяхъ, когда рѣзкая партійная тактика становится, по условіямъ времени, необходимой, трудно представить себѣ партію, объединенную только тактикой. Такого рода объединеніе можетъ быть вызвано особенной напряженностью борьбы въ извѣстный моментъ, но вмѣстѣ съ моментомъ оно и проходитъ—все равно, достигнута ли цѣль или не достигнута. Болѣе длительное напряженіе можетъ быть создано только извѣстной гармоніей между тактикой и про-

граммой, но тогда мы возвращаемся къ случаю упомянутому выше. Если же рѣзкость тактики не принципіальная, то она только и можетъ быть временнымъ пріемомъ, способнымъ объединить людей какой угодно партіи, но неспособнымъ послужить основаніемъ для созданія новой партіи, объединенной только единствомъ дѣйствій.

Каковъ же нашъ практическій выводъ изъ всего сказаннаго? Выводъ этотъ слѣдующій. Если расколъ вызывается принципіальными разногласіями, но такими, отъ которыхъ не зависятъ ближайшія практическія мѣропріятія, то этотъ расколъ преждевременъ и можетъ оказаться политической ошибкой. Если расколъ вызванъ разногласіями относительно этихъ самыхъ ближайшихъ задачъ, тогда, конечно, онъ необходимъ, но надо, прежде чѣмъ отдѣляться, дважды подумать, дѣйствительно ли данныя задачи очередныя. Если, наконецъ, расколъ вызывается разницей взглядовъ не на задачи, а на способы дѣйствія, то онъ можетъ быть только временный, и вопросъ о немъ возникаетъ и падаетъ по мѣрѣ того, какъ растетъ или слабѣетъ вѣра въ цѣлесообразность болѣе рѣзкой тактики.

Всѣ наши разсужденія были бы вполнѣ вѣрны, если бы рѣчь шла о партійномъ расколѣ, но—могутъ намъ возразить—рѣчь вѣдь идетъ о расколѣ союзовъ, а не партій. Союзы мы сами признали за временныя и случайныя соединенія, вызванныя къ существованію лишь ненормальными условіями современной политической жизни. Расколоться эти союзы рано или поздно, все равно, должны, такъ какъ въ нихъ разногласія по всѣмъ тремъ пунктамъ—принциповъ, минимальной программы и тактики—соединяются вмѣстѣ и достигаютъ высшей степени напряженности.

Эту поправку ко всему сказанному выше мы безусловно принимаемъ. Наши замѣчанія, дѣйствительно, относились только къ такого рода союзамъ, которые были бы болѣе или менѣе близки къ понятію партіи. Большинство же союзовъ включаютъ въ себя по всѣмъ намѣченнымъ выше пунктамъ элементы настолько разнородные, что расколъ въ нихъ былъ бы явленіемъ прогрессивнымъ, если бы онъ сопровождался выдѣленіемъ и группировкой въ болѣе широкія партіи элементовъ однородныхъ. Такое выдѣленіе и группировка давно уже произошли на наиболѣе активномъ полюсѣ нашей политической жизни, и тѣ же явленія происходятъ теперь на полюсѣ противоположномъ—среди тѣхъ «правыхъ» элементовъ, которые по самому свойству своей политической программы пользуются исключительной привилегіей публичности въ своихъ общественъ-

ныхъ дѣйствіяхъ и заявленіяхъ. Недифференцированными и некристаллизовавшимися политически остаются только тѣ средніе элементы русской политической жизни, которымъ не хватаетъ своеобразной «правоты» правыхъ и рѣшительности лѣвыхъ. Между тѣмъ, отъ активнаго выступленія этой средней группы зависитъ тотъ характеръ и то содержаніе, которые будутъ свойствены русской политической жизни въ первое время ея освобожденія отъ старыхъ путъ, если только, конечно, ей суждено быть освобожденной.

Мы не можемъ предрѣшать, на какое количество отдѣльныхъ группъ или «партій» хватитъ матеріала въ этой недифференцировавшейся средней группѣ. Но прежде всего необходимо привлечь какъ можно больше матеріала къ предстоящему перераспредѣленію, а для этого сложившіеся уже теперь союзы и сформулированныя до сихъ поръ программы даютъ наилучшее средство, представляютъ наиболѣе удобную исходную точку. Вотъ почему не расколъ—и тѣмъ болѣе не расколъ по тактическому вопросу, а дальнѣйшее расширеніе уже существующихъ группъ представляется намъ очередной задачей текущаго политическаго момента. Строить дальше надо съ той платформы, которая уже возведена; было бы ошибкой все вновь разрушить и начинать постройку сначала. «Союзы» уже оказали огромную услугу, познакомивъ другъ съ другомъ людей, принимающихъ болѣе или менѣе активное участіе въ современной политической жизни, и выяснивъ силы и взаимное соотношеніе разныхъ группъ и разныхъ политическихъ и общественныхъ формулъ. «Союзы» же должны оказать и другую, еще болѣе важную услугу обществу: они должны послужить той организаціей, посредствомъ которой познакомившіеся другъ съ другомъ люди и группы вновь разойдутся для созданія кадровъ и программъ большихъ русскихъ политическихъ партій. Только такого рода расколъ, который будетъ сопровождаться не распаденіемъ, а расширеніемъ организаціи, мы готовы привѣтствовать, какъ въ высшей степени важный и необходимый шагъ впередъ въ нашей политической жизни.

11. „Политическіе“ или „профессіональные“ союзы? *)

По поводу моей статьи въ № 55 «Сына Отечества» г. Н. Рожковъ напечаталъ въ № 60 той же газеты чрезвычайно интересную замѣтку. Продолжая обсужденіе затронутаго мною вопроса о «пар-

*) „Сынъ Отеч.“, № 67, 5 мая 1905 г.

тіяхъ или союзахъ», г. Рожковъ приводитъ нѣкоторые факты, дающіе, по его мнѣнію, ясный отвѣтъ на вопросъ, должны ли вновь возникающіе «союзы» быть политическими или профессіональными? На первый вглядъ, самая постановка такой диллемы кажется излишней, такъ какъ значеніе и практическое удобство вновь образующихся союзовъ состоитъ, очевидно, для всѣхъ именно въ соединеніи обѣихъ чертъ: въ томъ, что союзы, будучи профессіональными по формѣ объединенія, являются политическими по цѣли. Неожиданная постановка вопроса—такъ же, какъ неожиданное рѣшеніе его въ томъ смыслѣ, что союзы должны быть профессіональными,—вызывается особыми причинами, которыя авторъ и излагаетъ въ своей замѣткѣ.

Г. Рожковъ исходитъ изъ факта, случившагося при организаціи союза учителей и дѣятелей по народному образованію, факта, насколько намъ извѣстно, не одиночнаго въ исторіи образованія союзовъ. Сторонники одной уже сплотившейся партіи не согласились принять тотъ пунктъ проекта устава, по которому союзъ имѣетъ цѣлью «борьбу за политическое освобожденіе Россіи и за широкія соціально-экономическія реформы». Казалось бы, что данная формулировка настолько обща, что можетъ служить формулой союза очень разнообразныхъ партій. Но упомянутая партія, по тѣмъ или другимъ основаніямъ, считаетъ принятіе такой общей формулы измѣной своей партійной программѣ - минимумъ и такимъ образомъ приходитъ къ естественному заключенію, что для нея никакой, вообще, союзъ съ другими политическими группами невозможенъ. Можно спорить противъ такого пониманія; можно доказывать, что «союзъ», точно такъ же, какъ и временное «соглашеніе», налагаетъ на вступившую въ союзъ группу только такія обязательства, которыя вытекаютъ изъ общей формулы, положенной въ основу соглашенія; что, слѣдовательно, опасеніе очутиться въ противорѣчіи съ собственной партійной праграммой—опасеніе неосновательное, если только «союзъ» сохраняетъ полную корректность по отношенію къ вступившимъ въ него единицамъ. Не быть корректнымъ «союзъ» не можетъ: иначе онъ рискуетъ распасться и превратиться въ категорію, въ простой политическій клубъ, за которымъ не пойдетъ значительная часть элементовъ, отъ имени которыхъ союзъ долженъ говорить и дѣйствовать. Итакъ, партіи нечего опасаться войти въ «союзъ»—особенно, если эта партія сильна и опредѣленна сама по себѣ, потому что въ этомъ случаѣ ей нѣтъ основаній бояться, что ее «смѣшаютъ» съ ея временными союзниками. Нѣтъ также осно-

ваній думать, что вступленіе въ «союзъ» непремѣнно означаетъ «постоянный», а не «временный» характеръ соглашенія. Длительность соглашенія опредѣляется характеромъ цѣли, которую соглашеніе преслѣдуетъ, и понятіе «временнаго» есть понятіе относительное. Если предметъ соглашенія есть точно опредѣленное дѣйствіе, то соглашеніе и кончается съ осуществленіемъ этого дѣйствія. Если же имѣется въ виду рядъ дѣйствій или рядъ возможныхъ соглашеній, тогда долженъ быть продолженъ и срокъ. Словомъ, тутъ нѣтъ различія принципіальнаго, и кто идетъ на соглашенія временныя, не можетъ отрицать въ принципѣ и возможности соглашеній длительныхъ.

Все это можно доказывать, но, какъ бы то ни было, партія смотритъ на дѣло иначе: она этотъ свой взглядъ высказала и сдѣлала обязательнымъ для своихъ членовъ. Та дисциплина, съ которой члены проводятъ рѣшеніе партіи, безъ сомнѣнія, можетъ служить хорошимъ примѣромъ другимъ общественнымъ группамъ. Итакъ, г. Рожковъ вполнѣ правъ, что члены данной группы, съ своей точки зрѣнія, «поступили правильно», отказавшись вступить въ союзъ учителей. Очевидно, до тѣхъ поръ, пока партія не пересмотритъ своего общаго рѣшенія, вступленіе въ какія бы ни было политическія соединенія для нея, вообще, будетъ невозможно и этимъ вопросъ, повидимому, исчерпанъ.

Но положеніе, въ которое партія поставила своихъ членовъ, оказывается дѣйствительно неудобнымъ, и имъ приходится искать изъ этого положенія искусственный выходъ. Лишенные возможности перемѣнить партійный взглядъ сообразно обстоятельствамъ, члены партіи пытаются приспособить обстоятельства къ партійному взгляду. Если рѣшено, что партія не можетъ вступать въ политическіе союзы, то остается сдѣлать такъ, чтобы вновь возникающіе союзы не были политическими или, по крайней мѣрѣ, не заявляли себя такими формально: тогда вступить въ нихъ будетъ возможно.

Къ этой цѣли направлена вся аргументація г. Рожкова, а также и аргументація г. Ландау въ его отвѣтѣ мнѣ, напечатанномъ въ № 61 «Сына Отечества». «Необходимо, чтобы эти профессіональные союзы,—говоритъ г. Рожковъ,—были не политическими въ широкомъ смыслѣ, а дѣйствительно профессіоннальными, т. е. преслѣдующими интересы юридической, нравственной и матеріальной взаимопомощи лицъ, принадлежащихъ къ составу данной профессіи, равно какъ и интересы того профессіональнаго дѣла, которому члены даннаго союза служатъ». «Союзъ, — говоритъ

г. Ландау,—долженъ развиваться не въ сторону, такъ сказать, программнаго и тактическаго уплотненія, а въ сторону освобожденія отъ всякой конститутивной программы, т. е. такой, признаніе которой предполагается условіемъ вступленія въ союзъ. Только при этомъ условіи всѣ партіи, ни отъ чего не отказываясь, могутъ въ немъ существовать. Союзы, словомъ, должны въ своемъ развитіи приближаться не къ расколу на партійные союзы или на партіи, а къ растворенію въ обществѣ».

Было бы нетрудно доказать, что союзы», предлагаемые гг. Ландау и Рожковымъ,—союзы, допускающіе въ свой составъ всѣ партіи и преслѣдующіе «интересы профессіональнаго дѣла», не только не могли бы исполнить той миссіи, которую возлагаетъ на союзы общественное мнѣніе, но не обезпечивали бы даже и той среды «свободнаго общенія», нужной для партійной пропаганды, какую расчитываетъ создать съ ихъ помощью г. Ландау. Но, конечно, мои оппоненты и сами не думаютъ того, что можно было бы вывести изъ ихъ словъ. Конечно, и для нихъ возникающіе теперь «союзы» представляются по существу соединеніями политическими. Если такъ, то ихъ должно объединять что-нибудь общее. Если это «что-нибудь» фактически существуетъ и даже предполагается необходимымъ, то отчего же недозволительно выразить это нѣчто членораздѣльными звуками? Вѣдь формула, отвергнутая упомянутой группой въ союзѣ учителей, представляетъ именно такой минимумъ единства общественныхъ симпатій, безъ котораго союзы не могли бы служить даже и «ареной для пропаганды партій» (не всѣхъ, конечно, а извѣстныхъ партій), какъ требуетъ г. Ландау. Отчего же, невыраженная словами, эта формула подразумѣвается, какъ необходимое условіе общенія, а выраженная словами—она же становится «программой», вызывающей преждевременные программные конфликты? Причина, по нашему, одна: эта причина—недостатокъ политической опытности въ нашемъ обществѣ.

Мнѣ могутъ возразить, что есть тутъ и другая причина: именно та, которая въ статьѣ г. Ландау выражена словами: «союзы должны служить ближайшей ареной воздѣйствія, средою роста, въ нѣкоторыхъ случаяхъ—орудіемъ дѣятельности партій, партіи должны быть руководителями, направляющими силами союзовъ». Другими словами, «союзы» представляются обоимъ моимъ оппонентамъ не столько соединеніемъ сознательныхъ элементовъ русскаго общества, сколько «аморфной» массой, прямо зачерпнутой изъ «общества» и подлежащей дальнѣйшей обработкѣ. Мое представленіе нѣсколько

ное. Я не осуждаю «аморфные элементы» союзовъ на пассивную роль присоединенія къ одной изъ существующихъ партій, а возлагаю извѣстную надежду на ихъ самодѣятельность и активность. Я не представляю себѣ союзовъ ни «ареной воздѣйствія», ни, тѣмъ болѣе, «орудіемъ дѣятельности» существующихъ партій, а скорѣе разсадникомъ партій, имѣющихъ образоваться при условіяхъ свободной политической жизни. Партіи, уже существующія и имѣющія возможность дѣйствовать и при современныхъ условіяхъ, въ «союзахъ», конечно, не нуждаются—или нуждаются только, какъ въ «аренѣ» и «орудіи дѣятельности». Но если роль союзовъ сведется къ одному этому, то придется заключить, что политическая роль союзовъ, вообще, не удалась. Ихъ настоящая задача—объединить такіе элементы, которые, по тѣмъ или другимъ причинамъ, въ дѣйствующія теперь партіи не могли войти. Эти элементы, по самому существу дѣла, суть элементы средніе между правыми и лѣвыми группами. Безъ сомнѣнія, политическое воспитаніе для этихъ элементовъ еще только начинается: но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что результатомъ этого воспитанія необходимъ будетъ переходъ въ одну изъ дѣйствующихъ партій. Напротивъ, и теперь въ рядахъ этихъ среднихъ группъ находится не мало сторонниковъ взглядовъ дѣйствующихъ партій, но такихъ, которые и сами въ эти партіи не пойдутъ и которыхъ, можетъ быть, и партіи не примутъ, какъ недостаточно «ортодоксальныхъ». Осудить всѣ эти элементы заранѣе на роль присоединенія къ одной изъ дѣйствующихъ партій—значитъ не дать имъ возможности составить собственныя политическія группировки. Въ итогѣ—очень немногіе изъ нихъ перейдутъ въ готовые ряды; большинство же просто отстранится. Между тѣмъ, предоставленные самимъ себѣ, эти элементы, навѣрное, могутъ сдѣлаться политически-активными.

Итакъ, я остаюсь при мнѣніи, что главная роль союзовъ—не въ томъ, чтобы послужить почвой для вербовки членовъ въ существующія партіи, а въ томъ, чтобы вызвать активность элементовъ, до сихъ поръ бездѣятельныхъ. Поэтому я и полагалъ, что форма «союза» наиболѣе подходитъ для временной группировки пробуждающихся политически элементовъ; подходитъ именно, какъ «политическое», но еще не «партійное» соединеніе. Для какихъ и для сколькихъ партій дадутъ матеріалъ союзы,—объ этомъ говорить рано: многое, очевидно, опредѣлится конкретными условіями и соотношеніемъ силъ въ тотъ моментъ, когда явится возможность свободной и открытой выборной агитаціи, т. е. когда будетъ на-

лицо ближайшая практическая задача для партійной группировки.

Я понимаю, что нужно много и сильно работать активнымъ общественнымъ силамъ, чтобы этотъ моментъ приблизить. Но однимъ нетерпѣніемъ—какъ можно скорѣе дойти до образованія политическихъ партій—и однимъ самообманомъ, будто «прошла эпоха первыхъ шаговъ», этой упорной работы замѣнить нельзя. «Эпоха первыхъ шаговъ», къ сожалѣнію, едва ли пройдетъ раньше того момента, когда формы политической жизни въ Россіи станутъ, болѣе или менѣе, свободными, а «крайнее напряженіе для быстраго созданія партій» можетъ привести только къ тому, что наиболѣе активные элементы оторвутся отъ «большихъ массъ» и, вмѣсто созданія прочныхъ кадровъ болѣе широкой организаціи, используютъ себя въ одиночныхъ усиліяхъ. При спокойной и систематической работѣ «профессіональные союзы» могутъ именно дать матеріалы для созданія кадровъ: они могутъ покрыть всю страну сѣтью организованныхъ группъ, достаточно жизненныхъ уже потому, что въ основу ихъ кладется живая связь, устанавливаемая одинаковостью профессій. Но при «крайнемъ напряженіи» нетерпѣнія эти кадры быстро превратятся въ политическіе клубы, общественныя дѣйствія которыхъ потеряютъ цѣну, какъ скоро выяснится, что за ними ничего не стоитъ.

Правда, и тутъ мы расходимся съ оппонентами въ оцѣнкѣ политическаго положенія и вытекающей изъ этой оцѣнки тактики. Оба мои оппонента, повидимому, убѣждены, что достаточно выставить принципіальную программу—и чѣмъ принципіальнѣе, тѣмъ лучше,—и «люди сбѣгутся сами на огонь программнаго маяка:» «партійная программа въ настоящую минуту—это именно и есть орудіе роста общественнаго движенія». Партійная программа и рѣшительная тактика—вотъ насущныя потребности текущаго момента: то и другое должно быть расчитано на массы, на привлеченіе ихъ къ содѣйствію. Я не отрицаю огромной важности опредѣленныхъ программъ и сплоченныхъ дѣйствій, но изъ того, что «союзы» не могутъ дать ни того, ни другого я не думаю дѣлать вывода, что союзы и не должны имѣть никакой политической программы и тактики. Отъ союзовъ нужно взять то, что они могутъ дать: элементы политической организаціи,—и эти элементы я считаю для настоящаго переходнаго момента настолько важными, что для ихъ сохраненія готовъ пожертвовать—въ предѣлахъ союзовъ—и «опредѣленностью» программъ, и «энергіей» тактики. Во всякомъ случаѣ, надо ясно и опредѣленно признать, что въ сою-

захъ необходимо преслѣдовать или то, или другое, но нельзя добиваться и того, и другого заразъ. Не надо увлекаться тѣмъ обстоятельствомъ, что на первыхъ шагахъ своего образованія многіе союзы обнаружили и извѣстную энергію тактики, и опредѣленность—доходящую иногда до партійности—союзныхъ программъ. Нужно помнить, что союзы организовались немногочисленными группами очень опредѣленныхъ людей, и что расширяться они могутъ только посредствомъ привлеченія людей, менѣе опредѣленныхъ. Дальше можно идти въ одномъ изъ двухъ направленій: или немедленно использовать готовое настроеніе, не расширяя союзовъ до «растворенія въ обществѣ»; или же поставить задачей дальнѣйшее расширеніе ихъ состава—на почвѣ менѣе яркой программы и тактики. Я самымъ рѣшительнымъ образомъ высказываюсь за второй путь, и въ данномъ случаѣ нахожу союзника въ г. Ландау, который идетъ еще дальше меня. Г. Ландау совѣтуетъ идти впередъ съ партіями и—въ извѣстномъ смыслѣ—идти назадъ съ союзами. Я же совѣтую не отказываться заранѣе отъ наступленія и съ союзами, но на первое время отодвинуться нѣсколько назадъ съ боевого поля, чтобы занять твердую позицію, укрѣпить ее и собрать подкрѣпленія. Я, къ сожалѣнію, слишкомъ твердо увѣренъ, что исторія оправдаетъ не «нетерпѣніе» г. Ландау, а мою медлительность,

Впрочемъ, всѣми этими соображеніями я отнюдь не думаю совѣтовать медлительной тактики существующимъ партіямъ и «близкимъ къ партіи» соединеніямъ. Рѣчь идетъ только о профессіональныхъ союзахъ. Пусть образованіе партій идетъ ускореннымъ темпомъ, пусть гдѣ нибудь во внѣ (профессіональныхъ союзовъ) «жизнь заново построитъ нужныя ей формы». Форма союзовъ не перестанетъ существовать и быть политически полезной вслѣдствіе этой возможной конкуренціи. Всякая конкуренція въ данномъ случаѣ будетъ лишь сотрудничествомъ: важно только, чтобы при этомъ сотрудничествѣ всевозможныхъ политическихъ соединеній каждая форма была использована въ полной мѣрѣ. Въ этомъ смыслѣ я вполнѣ присоединяюсь къ лозунгу г. Ландау: пусть будутъ и партіи, и союзы: я не стою за приписываемую мнѣ формулу: «партіи или союзы»; я боюсь только, что, преждевременно использовавъ вновь возникающія соединенія, мы рискуемъ остаться съ формулой: «ни союзовъ, ни партій».

12. Союзное движѐніе и „союзъ союзовъ“.

Образованіе профессіональныхъ союзовъ есть едва ли не самый крупный фактъ въ исторіи русской политической жизни послѣднихъ двухъ-трехъ мѣсяцевъ. За этотъ короткій промежутокъ времени успѣло возникнуть болѣе полутора десятка организацій; и, при всей недавности ихъ возникновенія, нѣкоторыя изъ нихъ уже считаютъ своихъ членовъ тысячами и имѣютъ развѣтвленія по всей Россіи. Безъ сомнѣнія, эта необычайная быстрота объясняется особенностью минуты: необходимостью для всѣхъ передовыхъ общественныхъ интересовъ какъ можно скорѣе сорганизоваться, чтобы быть готовыми сказать свое слово по поводу предстоящихъ общественныхъ преобразованій. Та же необходимость подготовиться къ предстоящимъ общимъ заявленіямъ и дѣйствіямъ общественнаго характера выдвинула и дальнѣйшій вопросъ—объ устройствѣ междусоюзной организаціи или, такъ называемаго, «союза союзовъ».

Въ настоящее время такая организація есть уже совершившійся фактъ. Конечно, въ виду недавности существованія самыхъ единицъ, входящихъ въ «союзъ союзовъ», въ виду незаконченности организаціи многихъ изъ нихъ, въ виду невыясненности политическаго характера нѣкоторыхъ, и междусоюзная организація имѣетъ, такъ сказать, предварительный и временный характеръ. Ея самостоятельная дѣятельность едва началась, а между тѣмъ отъ характера этой дѣятельности не менѣе, чѣмъ отъ развитія самыхъ союзовъ, зависитъ, чѣмъ будетъ и какую политическую роль сыграетъ «союзъ союзовъ». Однако, какъ ни скуденъ нашъ матеріалъ, онъ все-таки позволяетъ сдѣлать нѣкоторыя наблюденія; въ виду интереса предмета, лучше, конечно, если эти наблюденія и соображенія будутъ высказаны возможно раньше.

Строго говоря, «союзъ союзовъ» можетъ и долженъ быть, прежде всего, учрежденіемъ федеративнымъ, т. е. дѣйствующимъ лишь въ предѣлахъ полномочій, даваемыхъ ему отдѣльными союзами. Ни одинъ изъ входящихъ въ общую организацію союзовъ, конечно, не можетъ быть принужденъ дѣлать или рѣшать что бы то ни было, не соотвѣтствующее его собственнымъ желаніямъ. Это начало строгой федеративности и было, дѣйствительно, положено въ основу конституціи «союза союзовъ». Въ этомъ смыслѣ «союзъ союзовъ» есть ни что иное, какъ органъ, посредничающій между союзами и исполняющій ихъ порученія.

Однако же, этой одной ролью—посредника и исполнителя порученій—задача «союза союзовъ» не могла ограничиться по цѣлому ряду причинъ. Первою и главною была, конечно, та самая причина, которая вызвала и торопливое образованіе самыхъ союзовъ: именно, неотложныя задачи, которыя ставятся русскому обществу характеромъ настоящаго политическаго момента. При другихъ обстоятельствахъ, при болѣе нормальномъ темпѣ общественной жизни «союзъ союзовъ», вѣроятно, имѣлъ бы возможность и время выждать, пока формальныя полномочія всѣхъ союзовъ точно опредѣлятъ его компетенцію и возложатъ на него выполненіе извѣстныхъ общихъ всѣмъ союзамъ дѣйствій. При настоящихъ условіяхъ центральный органъ союзовъ принужденъ былъ ограничиться лишь временными полномочіями и началъ свою дѣятельность, руководясь мыслью, что время не ждетъ и что бездѣйствіе по формальнымъ соображеніямъ навлекло бы на него болѣе серьезные упреки, чѣмъ черезчуръ, быть можетъ, поспѣшныя дѣйствія.

Но была и другая причина, побуждавшая «союзъ союзовъ» повести опредѣленную линію политическаго поведенія. Причина эта—самый характеръ вошедшихъ въ союзъ единицъ. При всѣхъ различіяхъ взглядовъ между членами каждаго союза, при всѣхъ разногласіяхъ между платформами отдѣльныхъ союзовъ, у союзовъ все-таки оказался извѣстный, очень опредѣленный фондъ политическихъ воззрѣній и политическаго темперамента: это единство взглядовъ и настроенія и дало рѣшимость дѣйствовать центральному органу.

Единство политическихъ взглядовъ и настроенія оказалось у союзовъ даже болѣе полное, чѣмъ ожидали люди, признавшіе за союзами опредѣленную политическую роль, не говоря уже о тѣхъ, кто требовалъ, чтобы союзы ограничились ролью чисто профессіональныхъ организацій. Тотъ, кто наблюдалъ характеръ преній на всевозможныхъ союзныхъ собраніяхъ послѣднихъ недѣль, долженъ былъ невольно придти къ заключенію, что союзы вовсе не представляютъ той «свободной среды общенія», какую хотѣли найти въ нихъ сторонники нѣкоторыхъ существующихъ партій. Вмѣсто того, чтобы послужить «ареной дѣйствій» существующихъ партій, союзы сами, повидимому, фактически складываются въ особую общественную группу, могущую послужить матеріаломъ для образованія особой политической партіи. Эта ихъ черта и составляетъ то новое,—можно сказать, неожиданное,—что особенно интересно и важно отмѣтить политическому хроникеру.

Когда нѣсколько недѣль тому назадъ, говоря о союзахъ, мы за-

мѣтили, что единство профессіи еще не составляетъ основанія для единства политическихъ убѣжденій, мы были правы только наполовину. На дѣлѣ оказывается, что принадлежность огромнаго большинства членовъ союзовъ къ свободнымъ профессіямъ—къ лицамъ, живущимъ личнымъ заработкомъ, несомнѣнно налагаетъ извѣстную печать единства на политическія симпатіи этой общественной группы. Политическая психологія группы несомнѣнно отдѣляетъ какъ отъ партіи «пролетаріата», такъ и отъ земцевъ и горожанъ—или «цензовиковъ», по установившейся терминологіи нашего политическаго жаргона. Что касается первой, эта партія, какъ мы раньше имѣли случай замѣтить, сама устранила себя отъ прямого участія въ политической дѣятельности союзовъ. Къ послѣдней же группѣ въ союзахъ существовало и существуетъ непобѣдимое недовѣріе, мало смягчаемое даже тѣмъ, что въ составѣ «союза союзовъ» имѣются и представители этой группы—«земцы-конституціоналисты». Въ лицѣ отдѣльныхъ своихъ членовъ союзы близко подходятъ къ обоимъ упомянутымъ полюсамъ русской политической оппозиціи, но въ массѣ настроеніе союзовъ, несомнѣнно,—среднее между обоими. Въ первые моменты казалось, правда, что значительная часть членовъ союзовъ сохранитъ непосредственную близость къ крайнимъ партіямъ; но не совсѣмъ удачные партійные пріемы одной изъ нихъ и отвлеченность ихъ программъ постепенно приближаютъ, повидимому, союзы къ болѣе конкретной постановкѣ вопросовъ средними группами. Вмѣстѣ съ тѣмъ, союзы несомнѣнно пріобрѣтаютъ политическое значеніе—тѣмъ въ большей степени, чѣмъ рѣшительнѣе начинаютъ говорить отъ собственнаго имени. Въ глазахъ правыхъ это—сила «третьяго элемента»; въ глазахъ лѣвыхъ—сила «буржуазной демократіи».

Характерной иллюстраціей самостоятельнаго политическаго положенія, занятаго союзами, представляется ихъ отношеніе къ московскому съѣзду 24-го мая, обратившемуся къ верховной власти съ извѣстнымъ адресомъ. Предложеніе выразить этому съѣзду сочувствіе и поддержать его заявленіе было точно также отвергнуто союзами, какъ и противоположное предложеніе—заявить протестъ противъ способа обращенія, избраннаго съѣздомъ. Положеніе, занятое «союзомъ союзовъ», было положеніемъ доброжелательнаго нейтралитета. Доброжелательнаго,—потому что союзы не могли не чувствовать, что ихъ друзья и союзники на этомъ съѣздѣ представителей русскаго самоуправленія дѣлаютъ то же дѣло, которое хотятъ дѣлать сами союзы. Нейтралитета,—потому что способы, какими это дѣло дѣлалось, были чужіе, не свои, для огромнаго боль-

шинства членовъ союзовъ. Способы эти могли быть цѣлесообразными для той общественной группы и для того момента, которая и предпринимала данное дѣйствіе. Но внѣ этихъ временныхъ и случайныхъ условій соглашеніе между всѣми безъ исключенія политическими оттѣнками воззрѣній, представленныхъ на съѣздѣ, очевидно, было бы невозможно... Это, конечно, очень хорошо сознавали и сами иниціаторы съѣзда, какъ видно изъ многихъ рѣчей, произнесенныхъ на самомъ съѣздѣ. Однако же, важность политическаго акта, предпринятаго съѣздомъ отъ имени всей самоуправляющейся Россіи, такова, что совершенно оправдываетъ рѣшимость иниціаторовъ войти во временное соглашеніе съ политическими противниками—спеціально для этого акта; и принятая на съѣздѣ петиція не заключаетъ ничего противорѣчащаго программѣ самыхъ лѣвыхъ членовъ съѣзда. Все это было принято въ соображеніе союзами, и потому именно и возобладало мнѣніе, что отношеніе союзовъ къ данному акту должно быть доброжелательно нейтральное. Нѣтъ сомнѣнія, что оно тотчасъ же превратилось бы въ открыто враждебное, если бы обнаружилось, что соглашеніе достигнуто цѣной компромисса или цѣной отреченія отъ постановленій большинства послѣдняго земскаго съѣзда (8-го—9-го мая) относительно того характера, какой должно имѣть ближайшее учредительное собраніе. Всякая попытка исказить народное представительство и «подмѣнить» прямое и всеобщее избирательное право какимъ либо другимъ, безъ сомнѣнія, будетъ встрѣчена союзами безусловно отрицательно и будетъ немедленно дискредитирована въ общемъ мнѣніи страны. Такова ближайшая роль союзовъ въ очередномъ и существенномъ политическомъ вопросѣ, волнующемъ русское общество.

Наша характеристика союзнаго движенія была бы неполной, если бы къ изображенію настоящаго момента въ жизни союзовъ мы не прибавили нѣсколькихъ соображеній о томъ, каковы должны быть задачи союзовъ въ ближайшемъ будущемъ. Я говорю здѣсь не о тактическихъ задачахъ, хотя именно онѣ особенно занимаютъ въ настоящее время общество. Я говорю о задачахъ организаціонныхъ, такъ какъ несомнѣнно, по крайней мѣрѣ для меня, что и удачная постановка и рѣшеніе вопросовъ тактическихъ могутъ быть достигнуты лишь на почвѣ дальнѣйшихъ успѣховъ союзной организаціи. Въ послѣднемъ же отношеніи, несомнѣнно, очередная задача союзовъ состоитъ въ расширеніи движенія вширь и вглубь. Вширь,— т. е. на всемъ пространствѣ Россіи; вглубь, т. е. въ болѣе глубокихъ общественныхъ слояхъ.

*

Въ настоящее время запасъ болѣе активныхъ элементовъ столичнаго общества—Петербурга и Москвы,—примкнувшихъ къ союзамъ, можно считать болѣе или менѣе исчерпаннымъ. Дальнѣйшій ростъ, конечно, возможенъ и здѣсь, но врядъ ли онъ будетъ совершаться въ сколько-нибудь значительныхъ размѣрахъ до наступленія осенняго сезона. Другое дѣло въ провинціи: и сюда должно быть теперь устремлено все вниманіе союзовъ. Конечно, наличный запасъ лицъ либеральныхъ профессій въ иныхъ провинціальныхъ углахъ можетъ оказаться недостаточно значительнымъ, чтобы дать возможность каждому союзу открыть повсюду свои филіальныя отдѣленія. Но вездѣ найдется достаточное количество лицъ опредѣленнаго политическаго направленія, которыя могли бы примкнуть къ союзамъ вообще. Въ такихъ случаяхъ самымъ нормальнымъ исходомъ было бы лицамъ, принадлежащимъ къ разнымъ союзамъ, сойтись вмѣстѣ и составить общіе кружки: такъ сказать, провинціальные «союзы союзовъ». Такія соединенныя группы составили бы очень цѣнное дополненіе къ филіальнымъ отдѣленіямъ союзовъ въ болѣе значительныхъ провинціальныхъ центрахъ, и политическое значеніе всѣхъ союзовъ вмѣстѣ усилилось бы чрезвычайно, въ результатѣ этого—расширеніе ихъ дѣятельности на всю Россію. При предстоящей выборной кампаніи эти мѣстныя группы могли бы сыграть въ высшей степени важную и незамѣнимую роль.

Что касается проникновенія союзнаго движенія въ болѣе глубокіе общественные слои, начало этому уже положено самой жизнью. На послѣднемъ съѣздѣ «союза союзовъ» присоединенъ былъ новый союзъ—крестьянскій. Пока—это лишь очень скромное начало, такъ какъ крестьянскій союзъ существуетъ очень недавно и объединяетъ лишь 40—50 волостей изъ семи губерній,—по преимуществу изъ московской. Но союзъ обѣщаетъ быстро разростись и обнаруживаетъ большую жизненность. Если общее политическое положеніе не измѣнится, можно быть увѣреннымъ, что крестьянскій союзъ въ ближайшемъ будущемъ получитъ большое распространеніе и силу. Но крестьянскій союзъ не единственный, расширяющій группировку лицъ «свободныхъ профессій» въ болѣе широкую группировку лицъ «трудящихся классовъ» вообще. Не упоминая уже вошедшіе теперь въ организацію союзы этого характера, упомянемъ о движеніи среди приказчиковъ и мелкихъ торговыхъ служащихъ, а также о движеніи профессіонально-политическаго характера среди рабочихъ. Необходимо отмѣтить, что во всѣхъ случаяхъ рѣчь идетъ не о группировкѣ около какой-либо крайней программы, а о группировкѣ та-

кого же общеполитическаго и, по преимуществу, практическаго характера, какъ и группировка болѣе старыхъ союзовъ. Можно предвидѣть, что развитіе движенія въ этой сферѣ, до сихъ поръ монополизировавшейся болѣе крайними партіями, вызоветъ особенное обостреніе отношеній къ союзамъ со стороны послѣднихъ. Мы, однако, еще болѣе сожалѣли бы о такомъ обостреніи, чѣмъ о томъ, которое уже произошло по поводу союзнаго движенія среди лицъ свободныхъ профессій. Несомнѣнно, тамъ разнымъ партіямъ было бы труднѣе размежеваться, чѣмъ здѣсь, и теоретики пролетаріата имѣли бы больше поводовъ смотрѣть на такое расширеніе союзнаго движенія, какъ на вторженіе въ ихъ собственную сферу вліянія. Но болѣе спокойное отношеніе къ новымъ конкурентамъ могло бы показать имъ, что при настоящемъ состояніи ихъ собственной пропаганды, при огромномъ несоотвѣтствіи между задачами и имѣющимися налицо средствами,—мѣста еще много для всѣхъ, кто хочетъ работать для развитія политическаго самосознанія трудящихся классовъ. Только слѣпое доктринерство можетъ сводить все движеніе въ этой средѣ къ той небольшой кучкѣ, которая оказывается способной вмѣстить «программу-минимумъ», закрывая глаза на все, что дѣлается за этой чертой. Тѣ партіи много потеряютъ, которыя не спохватятся во-время, что политическое положеніе Россіи страшно перемѣнилось за послѣдніе полгода, и что тактика всѣхъ партій должна быть немедленно приспособлена къ измѣнившемуся положенію. Прошло то время, когда говорили въ Россіи только самые смѣлые и развивались только самыя крайнія программы. Теперь начинаютъ говорить и тѣ, кто прежде молчалъ; начинаетъ говорить вся Россія, и немудрено, что движеніе оказывается несравненно сложнѣе и пестрѣе, чѣмъ могло казаться вначалѣ. Это не измѣна и не трусость, что рядомъ съ крайними и принципіальными начинаютъ все громче звучать болѣе умѣренные и практическіе голоса: это только результатъ сознанія, что десятками лѣтъ наболѣвшіе жизненные вопросы, наконецъ, близятся къ своему,—если не окончательному, то, по крайней мѣрѣ, наиболѣе очередному и неотложному рѣшенію. Повторять теперь, что лучше никакого рѣшенія не надо, чѣмъ такое, и мѣшать хорошему въ ожиданіи лучшаго—значитъ рисковать лишиться всякаго вліянія на ходъ событій, такъ какъ этого хода остановить все равно уже нельзя.

Союзное движеніе въ общемъ и цѣломъ должно остаться совершенно чуждо такого доктринерства—и въ этомъ, какъ мнѣ кажется, будетъ заключаться залогъ его дальнѣйшаго роста и практическаго успѣха.

II. Первыя конституціонныя уступки.

13. Государственный актъ 6 августа 1905 г. *).

Давно и нетерпѣливо ожидавшійся русскимъ обществомъ правительственный актъ, наконецъ, появился. Нельзя сказать, чтобы содержаніе его составляло сюрпризъ для общества. Проектъ гофмейстера Булыгина съ нѣкотораго времени получилъ огласку въ самыхъ широкихъ кругахъ, и самыя разнообразныя общественныя группы много разъ публично и печатно высказывались по его поводу. Общественное мнѣніе въ данномъ случаѣ было замѣчательно единодушно. Во всѣхъ безъ исключенія заявленіяхъ указывалось на рѣзкое несоотвѣтствіе между важными задачами, которыя ставитъ себѣ проектъ, и совершенной неудовлетворительностью средствъ для ихъ выполненія. Законосовѣщательный характеръ учрежденія, узкій, цензовой принципъ, положенный въ основу избирательнаго права, наконецъ, бюрократическій способъ выработки закона встрѣтили со всѣхъ сторонъ безусловное осужденіе.

Наша цѣль здѣсь не критиковать «учрежденіе государственной думы». Эта задача была съ достаточной обстоятельностью выполнена всѣми тѣми общественными заявленіями, о которыхъ мы только что говорили,—и цѣлыя груды этихъ заявленій находились въ распоряженіи членовъ совѣта министровъ при обсужденіи имъ проекта г. Булыгина. Несмотря на всю эту критику и возраженія, проектъ сталъ закономъ; и теперь приходится присмотрѣться къ его конструкціи поближе—уже не съ точки зрѣнія архитектора, а съ точки зрѣнія жильцовъ вновь воздвигнутаго государственнаго сооруженія.

Прежде всего, продуктъ бюрократическаго творчества—особенно такой... стильный, какъ настоящій, не рождается изъ морской пѣны,

*) „Право“ № 31.

а «органически развивается» изъ историческихъ прецедентовъ. Этимъ и объясняется его оригинальность и «самобытность». Таково, по крайней мѣрѣ, ученіе нашихъ націоналистовъ, и вполнѣ умѣстно примѣнить его къ характеристикѣ учрежденія, очевидно не созданнаго «по западному шаблону».

Однако же, намъ не придется заглядывать и очень далеко вглубь исторіи, чтобы найти корни «учрежденія государственной думы». Связь его съ земскими соборами достаточно краснорѣчиво опровергнута въ самыхъ матеріалахъ и объяснительныхъ запискахъ, на которыхъ основывался проектъ. Идея «единенія» съ народомъ могла бы дать нить для исторической экскурсіи въ довольно отдаленное прошлое, но эта идея слишкомъ обща и допускаетъ слишкомъ разнообразныя формы осуществленія, чтобы связать ее именно съ той формой, которую избралъ для цѣлей «единенія» настоящій законъ. Исторія же данной формы—очень недавняя. Представительство при государственномъ совѣтѣ есть самая слабая форма, въ которой правительство, подъ давленіемъ внѣшнихъ обстоятельствъ, соглашалось съ нѣкотораго времени допустить «нѣкоторое участіе» народа «въ дѣлахъ законодательства». Послѣднія слова заимствованы нами изъ записки, представленной статсъ-секретаремъ Валуевымъ 13 апрѣля 1863 г.; и въ той же запискѣ находимъ слѣдующее поясненіе руководящаго характера. «Трудно будетъ постоянно отклонять подобныя просьбы (т. е. просьбы общества «о нѣкоторомъ участіи въ дѣлахъ законодательства»). Если же трудно ихъ отклонить окончательно, то не лучше ли предупредить?» И «въ этихъ видахъ» Валуевъ въ томъ же году представилъ свой проектъ, изъ котораго суждено было, путемъ ряда неосуществившихся попытокъ, развиться проекту нынѣ осуществленному—и, очевидно, преслѣдующему тѣ же «виды».

Валуевъ исходилъ въ своемъ проектѣ изъ факта предстоявшаго тогда «введенія въ дѣйствіе новыхъ земско-хозяйственныхъ учрежденій». Проектированное имъ центральное представительство должно было «увѣнчать зданіе» земскихъ учрежденій, какъ тогда выражались. Съ этой цѣлью проектировалось собраніе представителей, «избираемыхъ мѣстными земскими собраніями» («не предстоитъ надобности въ отдѣльныхъ представителяхъ отъ городовъ; изъятіе можетъ быть допущено для столицъ и для значительнѣйшихъ торговыхъ или губернскихъ городовъ, каковы Одесса, Рига, Кіевъ»). Участіе представителей «въ дѣлахъ общаго государственнаго управленія» должно было быть—«только совѣщательное», и поэтому

«собраніе представителей должно (было) быть пріурочено къ государственному совѣту—потому именно, что и онъ имѣетъ только совѣщательное участіе въ разрѣшеніи подвѣдомыхъ ему дѣлъ». Компетенція земскихъ представителей обнимала только часть компетенціи государственнаго совѣта, именно «вопросы законодательные и главные вопросы по части государственнаго хозяйства, какъ-то: разсмотрѣніе государственной приходо-расходной смѣты и установленіе новыхъ налоговъ». Участіе представителей въ этой части дѣятельности совѣта должно было осуществляться путемъ допущенія ихъ въ самыя засѣданія совѣта, но «съ принятіемъ надлежащихъ предосторожностей, на тотъ конецъ, чтобы за членами совѣта по назначенію отъ правительства была сохранена надлежащая доля вліянія на ходъ дѣлъ и на составляемыя по онымъ постановленія».

Въ «проектѣ новаго учрежденія государственнаго совѣта», представленномъ Валуевымъ 18 ноября 1863 г., только что изложенныя начала получаютъ дальнѣйшее развитіе. Именно, въ этой послѣдней своей формѣ проектъ Валуева представляетъ исходную точку нынѣ опубликованнаго государственнаго акта. «Земскіе представители» получаютъ здѣсь названіе «государственныхъ гласныхъ». Они состоятъ «при государственномъ совѣтѣ», но не прямо входятъ въ его составъ, а образуютъ отдѣльный «съѣздъ». Кромѣ гласныхъ, выбранныхъ губернскими земскими собраніями, и 18-ти гласныхъ отъ столицъ и большихъ городовъ (всего 151—177), вводилась категорія гласныхъ, «назначаемыхъ высочайшею властью», въ количествѣ «не свыше $^1/_5$ части выборныхъ гласныхъ», т. е. 30—35. Созываемый ежегодно на срокъ, всякій разъ опредѣляемый указомъ о созывѣ, съѣздъ государственныхъ гласныхъ долженъ былъ имѣть назначеннаго предсѣдателя при двухъ выборныхъ вице-предсѣдателяхъ и штатнаго статсъ-секретаря, при трехъ выборныхъ. Въ компетенцію съѣзда входила значительная часть предметовъ, вѣдавшихся государственнымъ совѣтомъ,—приблизительно та же, которая осталась въ вѣдѣніи теперешней государственной думы послѣ обсужденія проекта въ совѣтѣ министровъ (въ первоначальномъ проектѣ она была нѣсколько шире). Дѣла, касавшіяся этихъ предметовъ вѣдомства, вносились въ съѣздъ исключительно предсѣдателемъ государственнаго совѣта, но обсуждались съѣздомъ отдѣльно отъ совѣта. Если рѣшеніе съѣзда гласныхъ не встрѣтило бы согласія ни въ большинствѣ членовъ соотвѣтствующаго департамента государственнаго совѣта, ни у соотвѣтствующаго министра, тогда дѣло должно было возвращаться на вторичное обсужденіе съѣзда. Затѣмъ окон-

чательное рѣшеніе принадлежало общему собранію государственнаго совѣта. Въ это собраніе, однако, съѣздъ посылалъ двухъ своихъ вице-предсѣдателей и 14 членовъ, всякій разъ спеціально для этого выбранныхъ съѣздомъ, съ правомъ голоса при разсмотрѣніи соотвѣтствующаго дѣла.

Всѣ эти предположенія остались безъ осуществленія, по причинамъ, на которыхъ мы не станемъ подробно останавливаться въ настоящей статьѣ. Суть дѣла заключалась въ измѣнившемся общественномъ настроеніи, при которомъ исчезло прежнее единодушіе общества въ вопросѣ о политической реформѣ, и, слѣдовательно, не встрѣчалось уже ни «трудности—отклонить окончательно» общественныя требованія, ни надобности—«предупреждать ихъ» уступками*). Вопросъ о реформѣ былъ снятъ съ очереди—и только тогда правительство вспомнило о немъ снова, когда опять создалось общественное настроеніе, подобное настроенію начала шестидесятыхъ годовъ.

Въ 1880 г., «съ цѣлью принятія мѣръ, которыя содѣйствовали бы успокоенію умовъ, до крайности возбужденныхъ безуспѣшностью усилій правительства къ обузданію крамолы», а также «въ виду предстоявшаго юбилея царствованія», образовано было особое совѣщаніе для разсмотрѣнія вопроса о допущеніи въ государственный совѣтъ выборныхъ отъ населенія. В. к. Константинъ Николаевичъ, назначенный предсѣдателемъ совѣщанія, внесъ въ него особую записку, обсуждавшуюся, вмѣстѣ съ изложенными выше предположеніями Валуева, въ двухъ засѣданіяхъ 23-го и 25-го января. Совѣщаніе нашло допущеніе выборныхъ несвоевременнымъ и опаснымъ, но в. к. Константинъ Николаевичъ возражалъ противъ этого заключенія въ новой запискѣ, считая необходимымъ «принять мѣры къ удовлетворенію тѣхъ желаній общества, которыя окажутся разумными и справедливыми».

Великій князь находилъ «возможнымъ достигнуть желаемой цѣли безъ малѣйшаго прикосновенія къ священнымъ правамъ самодержавія». Отвѣчая на возраженія, сдѣланныя особымъ совѣщаніемъ, онъ предлагалъ ограничить численный составъ «совѣщательнаго собранія гласныхъ» 46-ю (35 гласныхъ отъ земскихъ губерній и 11 гласныхъ отъ городовъ). Онъ предлагалъ, далѣе, «изъ осторожности, особенно необходимой на первыхъ порахъ», созывать гласныхъ не въ полномъ составѣ, а дробить собраніе на отдѣленія,

---

*) Подробнѣе объ этомъ см. въ моей книгѣ Russia and its crisis, только что вышедшей въ Чикаго (University Press) въ Лондонѣ (Fischer Unwn.)

«поручивъ каждому соображеніе различныхъ дѣлъ». Адвокатовъ предполагалось вовсе не допускать въ гласные. Затѣмъ, собранія предполагались «не постоянныя и не для разсмотрѣнія всѣхъ, вообще, дѣлъ, а временныя, на срокъ, точно опредѣленный правительствомъ, съ указаніемъ и самыхъ дѣлъ, подлежащихъ обсужденію собранія». Засѣданія должны были быть непубличныя, подъ предсѣдательствомъ спеціально назначеннаго члена государственнаго совѣта. «Возбуждать вопросы новые или вообще выходить изъ предѣловъ предположенныхъ вопросовъ» гласнымъ не разрѣшалось. Дѣла, подлежавшія ихъ рѣшенію, опредѣлялись Высочайшими повелѣніями, испрашиваемыми предсѣдателемъ государственнаго совѣта. Такимъ образомъ, проектъ великаго князя воспроизводилъ валуевскій проектъ шестидесятыхъ годовъ въ сильно урѣзанной формѣ и сводился къ «созыву, по мѣрѣ надобности, при государственномъ совѣтѣ совѣщательнаго собранія изъ экспертовъ, особо избираемыхъ губернскими земскими собраніями и городскими думами наиболѣе значительныхъ городовъ» для «предварительнаго разсмотрѣнія законодательныхъ предположеній, требующихъ ближайшаго соображенія съ мѣстными потребностями». Одинъ только гласный—докладчикъ по данному дѣлу—допускался къ окончательному разсмотрѣнію дѣла въ засѣданіи государственнаго совѣта. Поставленная въ подобныя рамки реформа, по справедливому замѣчанію великаго князя, «ничѣмъ не стѣсняла правительство», «не имѣла значенія политическаго» и являлась простымъ приложеніемъ и развитіемъ существующихъ уже въ законѣ положеній о правѣ мѣстныхъ учрежденій обращаться съ ходатайствами, выбирать депутатовъ и правѣ совѣта приглашать къ совѣщанію постороннихъ лицъ. И, однако, несмотря на всѣ эти оговорки, идея приглашенія «гласныхъ» продолжала казаться опасной и была оставлена безъ осуществленія.

Въ той же ослабленной формѣ предположеніе о созывѣ народныхъ представителей было, однако, годъ спустя вновь возобновлено гр. Лорисъ-Меликовымъ. Онъ, впрочемъ, еще болѣе ослабилъ значеніе проекта, введя между «собраніемъ представителей отъ общественныхъ учрежденій» и Государственнымъ Совѣтомъ бюрократическія «подготовительныя комиссіи», по образцу «редакціонныхъ». Подготовительныя комиссіи эти—на первый разъ двѣ: административно-хозяйственная и финансовая—составлялись изъ чиновниковъ и экспертовъ, по назначенію, и должны были подготовить въ опредѣленный срокъ нѣсколько очередныхъ законопроектовъ. Составлен-

ные законопроекты «предварительно вносились» въ Общую Комиссію, которая и должна служить «собраніемъ представителей». И въ самое это собраніе, однако, вносился бюрократическій элементъ, такъ какъ Общая Комиссія состояла, подъ предсѣдательствомъ особо назначеннаго Высочайшей волею лица, изъ предсѣдателей и членовъ подготовительныхъ комиссій, и только рядомъ съ ними—изъ выборныхъ «отъ земскихъ губерній и значительнѣйшихъ городовъ». Работы не только подготовительныхъ, но и Общей Комиссіи должны были «имѣть значеніе исключительно совѣщательное и ни въ чемъ не измѣняющее существующаго нынѣ порядка возбужденія законодательныхъ вопросовъ и разсмотрѣнія ихъ въ Государственномъ Совѣтѣ». Ничего не было сказано о постоянствѣ или непрерывности дѣятельности «Общей Комиссіи». При такой постановкѣ дѣла Лорисъ-Меликовъ, конечно, имѣлъ полное основаніе, подобно в. к. Константину Николаевичу, противопоставлять предлагавшіяся имъ формы участія выборныхъ людей въ законодательствѣ—«западнымъ формамъ народнаго представительства».

Справедливость требуетъ замѣтить, что опубликованный нынѣ государственный актъ является гораздо болѣе рѣшительной попыткой приблизиться къ этимъ послѣднимъ формамъ, чѣмъ всѣ попытки, только что упомянутыя. Не только отъ проектовъ Лорисъ-Меликова и в. к. Константина Николаевича этотъ актъ возвращается къ болѣе смѣлой постановкѣ вопроса у Валуева, но и сравнительно съ Валуевскимъ проектомъ онъ ставитъ вопросъ значительно шире. Любопытно, что для такой болѣе широкой постановки составителямъ пришлось подняться еще дальше вглубь русской исторіи и извлечь изъ-подъ спуда нѣкоторыя предположенія гр. Сперанскаго. Можетъ быть, идя такимъ путемъ, мы черезъ нѣсколько столѣтій дойдемъ и до «кондицій» имп. Анны...

Валуевскій «съѣздъ» превращается въ нашемъ документѣ въ «Государственную Думу» Сперанскаго; и члены Думы, изъ представителей отъ учрежденій мѣстнаго самоуправленія, превращаются въ выборныхъ отъ населенія Имперіи. Правда, эти выборные просѣяны путемъ многостепенныхъ и цензовыхъ выборовъ, отчасти напоминающихъ ту систему выборовъ изъ «департаментскихъ списковъ», которую Сперанскій заимствовалъ изъ французской конституціи VIII года (1799). Такъ, отъ «западныхъ формъ» мы, въ концѣ концовъ, не ушли, не смотря на всѣ старанія, а только ушли отъ современныхъ и лучшихъ формъ политической жизни цивилизованнаго міра... Или, скорѣе, не дошли до нихъ...

Справедливость, однако, опять-таки, требуетъ отмѣтить, что нѣкоторыя усилія въ этомъ направленіи дѣлались даже въ промежуткѣ времени, пока обсуждался настоящій законъ. Если мы сравнимъ первоначальный проектъ, какъ онъ сдѣлался извѣстенъ въ печати, съ только что опубликованнымъ актомъ, то замѣтимъ существенныя измѣненія въ нѣсколькихъ пунктахъ, правда, пока болѣе важныхъ теоретически, чѣмъ практически. Къ числу такихъ измѣненій, прежде всего, относятся положеніе предсѣдателей и секретарей Думы и значеніе «заключенія Государственной Думы» (т. е. мнѣнія большинства). Въ первоначальномъ проектѣ предсѣдатели и секретари какъ Думы, такъ и отдѣловъ, непосредственно назначались верховной властью. Совѣтъ министровъ единогласно призналъ такой способъ назначенія неудобнымъ для учрежденія, состоящаго изъ выборныхъ лицъ. А такъ какъ и способъ утвержденія властью изъ нѣсколькихъ выбранныхъ собраніемъ кандидатовъ также найденъ многими членами нежелательнымъ—въ интересахъ самой верховной власти, то рѣшено было на послѣднемъ совѣщаніи въ Петергофѣ принять предложеніе тѣхъ членовъ Совѣта, которые находили нужнымъ предоставить свободный выборъ предсѣдателей и секретарей самой Думѣ. Соотвѣтственно этому, Думѣ, вообще, предоставлено окончательнымъ текстомъ закона больше свободы во внутреннемъ распорядкѣ занятій, чѣмъ предполагалось дать ей вначалѣ. Не опредѣлено, напр., точно число и характеръ занятій отдѣловъ, на которые рѣшено было (очевидно, по соображеніямъ, сходнымъ съ тѣми, какія высказаны в. к. Константиномъ Николаевичемъ) раздѣлить Думу вначалѣ. Думѣ же предоставлено самой составить свой внутренній наказъ. Можетъ быть, во всѣхъ этихъ рѣшеніяхъ сказалась отчасти боязнь—санкціонировать прямымъ правительственнымъ вмѣшательствомъ дѣятельность учрежденія, характеръ котораго остается неизвѣстнымъ правительству; но, по тѣмъ или другимъ соображеніямъ, съ Думы снята часть путъ, которыя стѣсняли свободу ея дѣйствій по первоначальному проекту.

Еще важнѣе та постановка, которая дана въ законѣ вопросу о роли большинства Думы. Пересмотръ вопроса о значеніи рѣшеній большинства, повидимому, вызванъ былъ возраженіями одного члена Совѣта противъ первоначальныхъ предположеній проекта, какъ несоотвѣтствующихъ Основнымъ Законамъ. Въ случаѣ отклоненія большинствомъ Совѣта и Думы законодательныхъ предположеній проектъ предлагалъ возвращать ихъ министру для пересмотра. Упомянутый членъ Совѣта, напротивъ, считалъ необходимымъ и въ

этомъ случаѣ отвергнутыя предположенія министра доводить до свѣдѣнія верховной власти, съ приложеніемъ мнѣнія меньшинства. Однако, огромное большинство Совѣта нашло, что въ данномъ случаѣ рѣчь можетъ идти «не объ ограниченіи верховной власти, а развѣ только объ уменьшеніи власти министра, и что преграждеиіе неудовлетворительному законопроекту пути къ Престолу служитъ къ дѣйствительной охранѣ значенія въ населеніи Самодержавной власти». Въ послѣдующихъ совѣщаніяхъ было указано также на то, что «мнѣніе большинства въ *Думѣ* имѣетъ существенно другое значеніе, чѣмъ въ Государственномъ Совѣтѣ, такъ какъ въ Думѣ рѣчь идетъ не о простой экспертизѣ, при которой число голосовъ несущественно, а о выраженіи настроенія большинства страны, съ которымъ необходимо считаться». Въ результатѣ всѣхъ этихъ соображеній окончательный текстъ не только не уничтожилъ, а, напротивъ, рѣзче подчеркнулъ значеніе мнѣнія большинства Думы. Въ случаѣ коллизіи между обоими собраніями и министромъ удержано было прежнее постановленіе проекта, съ той, однако, прибавкой, что для возвращенія проекта министру оно должно быть отклонено не простымъ большинствомъ, а большинствомъ двухъ третей обоихъ собраній. Въ случаѣ, если оно отклонено *простымъ* большинствомъ обоихъ собраній, окончательное сужденіе о законопроектѣ, очевидно, отнимается у нихъ.

Разъ подчеркнуто было особое самостоятельное значеніе «заключенія» Думы, явился новый вопросъ—о возможности коллизіи между Думой и Совѣтомъ. По окончательному тексту закона, Общее Собраніе Совѣта *можетъ* (факультативно?) въ такомъ случаѣ устраивать особыя согласительныя комиссіи «изъ равнаго числа членовъ отъ обѣихъ» палатъ. Однако же, если «согласительнаго заключенія не будетъ выработано, то дѣло возвращается въ Общее Собраніе Государственнаго Совѣта».

Такимъ образомъ, Высочайшая власть предоставлена самой себѣ въ рѣшеніи вопроса законодательнаго характера въ двухъ случаяхъ: именно въ случаѣ несогласія только простого большинства обѣихъ палатъ съ законопроектомъ и въ случаѣ непримиримаго разногласія между палатами.

Конечно, такой исходъ является отступленіемъ отъ общаго взгляда закона на значеніе рѣшенія «большинства» думы. Остается еще одинъ возможный случай: коллизія между верховной властью и рѣшеніемъ большинства обѣихъ палатъ. Но въ этомъ случаѣ законъ открываетъ исходъ, не противорѣчащій духу всѣхъ послѣд-

нихъ исправленій. Въ окончательномъ текстѣ предусматривается именно возможность досрочнаго распущенія думы, съ назначеніемъ немедленно новыхъ выборовъ.

Въ противорѣчіи съ такой эволюціей вопроса о «законосовѣщательномъ» характерѣ думы, параграфъ первый «учрежденія государственной думы» эволюціонировалъ въ обратномъ смыслѣ. По первоначальному тексту его, «государственная дума образуетъ установленіе, въ коемъ подвергаются предварительной разработкѣ и обсужденію особо поименованныя въ семъ учрежденіи законодательныя предположенія и дѣла управленія, восходящія, чрезъ государственный совѣтъ къ верховной императорской власти». Какъ видимъ, текстъ этотъ, черезъ указъ 18 февраля, связываетъ нашъ законъ съ проектами в. к. Константина Николаевича и Лорисъ-Меликова. Но связь эта, повидимому, казалась все еще недостаточно прочной, и, въ окончательномъ текстѣ мы читаемъ: «государственная дума учреждается для предварительной разработки и обсужденія законодательныхъ предположеній, восходящихъ, *по силѣ основныхъ законовъ*, черезъ государственный совѣтъ къ верховной *самодержавной* власти». Такимъ образомъ, далеко переросши свое первоначальное положеніе «*при*» государственномъ совѣтѣ, государственная дума все еще оказывается прикованной къ нему «силою основныхъ законовъ». Но само «учрежденіе государственной думы» развѣ не достойно, по своей важности, тоже получить «силу основного закона?» Мы скоро увидимъ, что такой силы оно не получаетъ—и, можетъ быть, пока—это къ лучшему.

Предварительно перейдемъ къ вопросу объ избирательномъ правѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ совѣтъ министровъ включилъ евреевъ въ число избирателей и распространилъ избирательное право на нѣкоторыхъ—правда, очень состоятельныхъ—плательщиковъ квартирнаго налога, вопросъ этотъ не получилъ дальнѣйшаго развитія. Базисъ для выборовъ остался въ законѣ такимъ же узкимъ, какимъ былъ и въ проектѣ; а въ проектѣ онъ опредѣленъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ у́же, чѣмъ даже въ проектахъ в. к. Константина Николаевича и Валуева. Въ тѣхъ проектахъ, по крайней мѣрѣ, за выборщиками оставлялось право выбирать представителей изъ всѣхъ лицъ, владѣвшихъ земскимъ или городскимъ цензомъ. Такъ же поставлено было дѣло и въ земскомъ положеніи 1864 г., которое проектъ взялъ офиціально за исходную точку. Между тѣмъ, въ проектѣ,—и теперь въ законѣ,—очевидно, подъ вліяніемъ идеи Сперанскаго, выборщики имѣютъ право избирать лишь изъ своей

собственной среды, что окончательно сводитъ выборъ къ олигархіи избирательныхъ коллегій *). Не говоримъ уже о слишкомъ высокомъ уровнѣ квартирнаго цензa, устраняющемъ фактически отъ выборовъ почти всѣхъ лицъ интеллигентныхъ профессій и весь рабочій классъ. Какъ бы для того, чтобы окончательно закрыть всѣ щели, черезъ которыя могли бы проникнуть въ Думу подозрительные элементы, устранено изъ окончательнаго текста право (учрежденій и женщинъ) передовѣрять избирательное право. Несмотря на такую неудовлетворительную постановку вопроса о выборахъ, даже достигнутая ступень показалась слишкомъ крайней и опасной нѣкоторымъ вліятельнымъ общественнымъ группамъ. Они употребили всѣ свои усилія, чтобы вернуть дѣло назадъ—къ принятію сословнаго базиса для выборовъ. Въ этомъ смыслѣ дѣйствовала извѣстная депутація «русскихъ людей» и главные члены депутаціи оказались затѣмъ въ составѣ членовъ, петергофскаго совѣщанія. Однако всѣ ихъ попытки—или почти всѣ—оказались, очевидно, безплодными. Агитація, начатая въ пользу дворянства, кончилась послѣ долгихъ и упорныхъ преній, компромиссомъ, имѣвшимъ цѣлью обезпечить интересы крестьянъ. По предложенію проф. Таганцева, рѣшено было включить въ текстъ постановленіе, по которому, по крайней мѣрѣ, одинъ депутатъ отъ губерніи долженъ быть крестьянинъ. То обстоятельство, что данное постановленіе проведено было, какъ уступка «русскимъ людямъ», уже вскрываетъ, какого рода ожиданія соединяются съ крестьянскимъ представительствомъ въ думѣ. Упомянемъ мимоходомъ, что тѣ же стремленія—усилить сословный характеръ избирательнаго права—привели еще къ одному послѣдствію, едва ли входившему въ намѣренія «русскихъ людей». Изъ числа промежуточныхъ избирательныхъ ступеней исключена одна,—именно, уѣздныя избирательныя собранія. Въ нихъ, по одному изъ первоначальныхъ предположеній, избиратели разныхъ классовъ впервые сходились и выбирали всѣ вмѣстѣ. Вмѣсто того, теперь выборщики каждой изъ трехъ избирательныхъ коллегій прямо посылаютъ своихъ довѣренныхъ изъ уѣзда въ губернію, и уже только тамъ составляется общая избирательная коллегія. Вслѣдствіе этого, выборы изъ трехстепен-

---

*) Общее число выборщиковъ въ губернскихъ избирательныхъ собраніяхъ будетъ всего 5.368 человѣкъ; въ томъ числѣ отъ крестьянъ 2.295 (42,7%), отъ землевладѣльцевъ 1.828 (34,1%) и отъ лицъ остальныхъ категорій 1.245 (23,1%).

ныхъ и четырехстепенныхъ (для крестьянъ) обратились въ двухъ и трехстепенные.

Мы упомянули здѣсь о главнѣйшихъ измѣненіяхъ, вошедшихъ въ самый текстъ «учрежденія думы». Но этимъ далеко не ограничиваются тѣ перемѣны, которыя новый законъ долженъ произвести въ функціонированіи нашихъ центральныхъ учрежденій. О нѣкоторыхъ изъ такихъ необходимыхъ измѣненій вопросъ уже поднятъ министромъ внутреннихъ дѣлъ и, конечно, долженъ быть рѣшенъ, прежде чѣмъ дума начнетъ правильно функціонировать. Прежде всего, министрамъ неловко будетъ теперь выносить свои внутреннія разногласія предъ собраніемъ народныхъ представителей. Это поднимаетъ вопросъ объ «объединеніи дѣятельности вѣдомствъ»—или, говоря прямѣе, объ образованіи кабинета. Затѣмъ, участіе думы въ законодательствѣ поднимаетъ другой серьезный вопросъ: о томъ, что, вообще, можетъ считаться закономъ и какія учрежденія, въ какой формѣ могутъ издавать законы. Разрѣшеніе этого вопроса предполагаетъ «правильное разграниченіе понятій закона и правительственнаго распоряженія»—и проведеніе такого разграниченія въ жизнь. Всякій знаетъ, какимъ громаднымъ переворотомъ будетъ для Россіи послѣдовательное выполненіе этой, казалось бы, столь простой задачи. Наконецъ, учрежденіе, созданное «при» государственномъ совѣтѣ уже теперь, на бумагѣ, настолько переросло самый Совѣтъ, что приходится поднимать вопросъ о расширеніи функцій послѣдняго. Рѣчь идетъ о правѣ инициативы и правѣ запроса—или, чтобы выражаться терминами нашего закона,—«правѣ возбуждать законодательныя предположенія, равно какъ просить министровъ о сообщеніи свѣдѣній, касающихся (ихъ) дѣйствій, въ которыхъ дума усмотритъ нарушеніе закона или повелѣній, отъ Высочайшей власти послѣдовавшихъ». Собраніе чиновниковъ—и право запроса и инициативы!.. Кажется, достаточно было бы сопоставить эти термины, чтобы немедленно почувствовать всю ненатуральность положенія совѣта въ роли опекуновъ народнаго представительства. Единственнымъ правильнымъ выходомъ изъ затрудненій, создаваемыхъ такимъ положеніемъ, было бы—не стремиться уравнять совѣтъ съ думой, а превратить его въ учрежденіе *при* думѣ, вмѣсто того, чтобы думѣ состоять при совѣтѣ.

Если, такимъ образомъ, уже при самомъ обсужденіи закона ненормальность первоначальной постановки была почувствована; если силой вещей многія изъ исправленій пошли въ томъ самомъ направленіи, которое упорно отрицается принципіально, но такъ же

настойчиво навязывается самымъ существомъ дѣла, то не ясно ли, что и въ дальнѣйшемъ практическомъ приложеніи закона придется либо какъ можно скорѣе разстаться съ кричащими недостатками его, либо разстаться съ самымъ закономъ. Непрочность и шаткость компромиссной постановки, очевидно, очень хорошо чувствовалась всѣми, имѣвшими дѣло съ обсужденіемъ закона: но, страннымъ образомъ, средствъ противъ этой непрочности искали не тамъ, гдѣ слѣдовало, а совсѣмъ въ обратномъ. Такъ, совѣтъ министровъ останавливался на предположеніи, для приданія занятіямъ думы большей устойчивости, установить, на первые, по крайней мѣрѣ, годы существованія думы, воспрещеніе касаться въ возбуждаемыхъ думою петиціяхъ содержанія учрежденія государственной думы. Другими словами, предлагалось признать недостатки думы—непримиримыми: увѣковѣчить то самое, что наиболѣе можетъ грозить существованію думы, и именно въ наиболѣе опасное для думы время. Довольно естественно, что совѣтъ, по обмѣнѣ мнѣній, усомнился въ необходимости такого правила и, «принявъ на видъ, что ходатайство думы о пересмотрѣ частностей ея учрежденія, въ случаѣ выяснившихся на практикѣ неудобствъ, не можетъ воспріять силы безъ высочайшаго соизволенія»,—предпочелъ отказаться отъ этого намѣренія. Въ петергофскомъ совѣщаніи повторена была та же попытка—лишить думу права вліять на собственное «самоустройство»,—но также безъ всякаго успѣха. Если и приписано было въ окончательномъ текстѣ, что «предложенія (думы) не должны касаться началъ государственнаго устройства, установленныхъ законами основными», то, очевидно,—и это важно подчеркнуть, пока ходъ обсужденія еще свѣжъ въ памяти участниковъ,—что эта прибавка никакого отношенія къ вопросу о «самоустройствѣ» думы не имѣетъ. Во вставкѣ этой видна та же рука, которая придала окончательную редакцію параграфу первому; и цѣль прибавки, очевидно, та же: удержать неприкосновенность «основныхъ законовъ», существовавшихъ въ моментъ изданія «учрежденія государственной думы». Этимъ самымъ, само учрежденіе въ число такихъ законовъ, очевидно, не включается. А слѣдовательно, и вопросы «самоустройства» думы могутъ быть предметомъ ея обсужденія въ обычномъ, установленномъ для нея порядкѣ.

Конечно, степень важности всѣхъ этихъ соображеній и истолкованій зависитъ отъ того, насколько вообще государственная дума окажется жизнеспособной. Если этому учрежденію суждено жить и развиваться,—въ данномъ случаѣ это одно и то же,—то въ ней

самой должны имѣться на лицо средства саморазвитія. Совѣтъ министровъ признавалъ, что въ «самыхъ основаніяхъ образуемаго учрежденія должны заключаться начала, могущія способствовать спокойной его дѣятельности...; оно сразу должно быть снабжено возможно широкими правами, чтобы не дѣлать предметомъ домогательствъ его такія полномочія, которыя, не отступая отъ основныхъ намѣреній реформы, могутъ быть теперь же ему дарованы». «По соображеніямъ политическимъ,—замѣтилъ совѣтъ министровъ по другому поводу (рѣчь идетъ объ урѣзанномъ правѣ запроса),— для правительства предпочтительнѣе самому даровать думѣ это право, чѣмъ ждать, чтобы она стала добиваться пріобрѣтенія его косвенными путями».

Если совѣтъ министровъ вполнѣ оцѣнивалъ вѣскость своихъ замѣчаній, въ такомъ случаѣ придется признать, что его дѣйствія по обсужденію и передѣлкѣ представленнаго ему законопроекта не стояли въ уровень съ его пониманіемъ. Начала, положенныя въ основу учрежденія думы, не могутъ «способствовать спокойной его дѣятельности», и думѣ несомнѣнно придется «добиваться» многаго и многаго—«косвенными путями». Не будемъ обсуждать, можно ли было, вообще, положить иныя «начала» и создать прямые пути, не отступая отъ «основныхъ намѣреній» и не нарушая слишкомъ очевидно неприкосновенности «Основныхъ Законовъ». Весьма возможно, что уже принятыя учрежденіемъ мѣры стоятъ по ту сторону традиціонной границы—и даже ихъ проведеніе можетъ быть лишь искусственно приведено въ гармонію со старыми принципами. Возможно, что всякія дальнѣйшія уступки слишкомъ противорѣчили бы привычкамъ мысли и условной политической фразеологіи данной общественной среды. Но за подобное сохраненіе условныхъ приличій приходится слишкомъ дорого платиться всѣмъ въ наше время. И, можетъ быть, въ виду исключительности положенія совѣтъ могъ бы позволить себѣ сказать то, что онъ несомнѣнно думалъ: именно, что нужно гораздо, несравненно болѣе дать думѣ «правъ и полномочій», чтобы явилась для нея возможность «спокойной дѣятельности» въ рамкахъ закона и чтобы люди перестали искать «косвенныхъ путей».

При тѣхъ уступкахъ, какія провелъ совѣтъ, положеніе остается столь же неустойчивымъ, какъ было прежде, а можетъ быть даже оно сдѣлалось еще болѣе неустойчивымъ. Манифестъ вполнѣ признаетъ это, считая вопросъ объ окончательномъ образованіи думы открытымъ и обѣщая, что «верховная власть не преминетъ» сдѣлать

въ учрежденіи думы тѣ дальнѣйшія измѣненія, какихъ «потребуетъ жизнь и духъ времени». Въ высшей степени важно констатировать, что сама власть признаетъ, такимъ образомъ, недостаточность реформы и необходимость ея дальнѣйшаго развитія. Манифестъ, впрочемъ, въ данномъ случаѣ, только развиваетъ ту мысль, которая была уже высказана самимъ государемъ въ его отвѣтѣ депутаціи «русскихъ людей»: «сама жизнь укажетъ пути къ исправленію тѣхъ несовершенствъ и погрѣшностей, которыя могутъ оказаться въ такомъ большомъ и новомъ дѣлѣ». Необходимо, чтобы указанія жизни были, дѣйствительно, приняты во вниманіе, и въ интересахъ устойчивости лучше было бы теперь же дать себѣ ясный отчетъ въ требованіяхъ жизни—и удовлетворить ихъ, не стѣсняясь условными рамками «первоначальныхъ намѣреній» и старыхъ основныхъ законовъ. Во всякомъ случаѣ, инициативу предстоящихъ измѣненій можетъ взять на себя и сама дума, такъ какъ право думы заботиться о своемъ самоустройствѣ, несомнѣнно, у нея не отнято учрежденіемъ. Въ противномъ случаѣ можно было бы опасаться, что иныхъ путей, кромѣ «косвенныхъ», у самой думы для ея самосовершенствованія не останется.

Разъясненіе этого вопроса въ высшей степени важно въ виду того общественнаго настроенія, при которомъ думѣ приходится начинать свое существованіе. Между тѣмъ, что даетъ обществу дума, и тѣмъ, чего хочетъ общество,—цѣлая пропасть. Общество въ правѣ не отказываться отъ своихъ намѣреній и стремленій и не считать ихъ упраздненными самымъ фактомъ учрежденія думы. Весь вопросъ для общества въ томъ, можетъ ли оно воспользоваться думой для проведенія этихъ своихъ стремленій или, по прежнему, можетъ расчитывать только на «косвенные пути». Мы не принадлежимъ къ числу крайнихъ пессимистовъ, которые полагаютъ, что ничего въ этомъ смыслѣ отъ думы ожидать нельзя. Мы думаемъ, что уже самый фактъ появленія народныхъ представителей, избранныхъ населеніемъ, влечетъ такой новый тонъ въ общій ходъ нашей политической жизни, при которомъ сохраненіе старыхъ порядковъ окажется совершенно невозможнымъ. Какъ это ни странно, но въ настоящій моментъ само правительство, какъ видно изъ его предосторожностей, яснѣе понимаетъ огромное политическое значеніе той мѣры, на которую оно рѣшилось, чѣмъ многія общественныя группы, склонныя отрицать какое бы то ни было значеніе принятой мѣры. Какъ бы то ни было, практическія послѣдствія, неизбѣжно вытекающія изъ опубликованія «Учрежденія Го-

сударственной Думы», должны обнаружиться немедленно. Какъ бы ни смотрѣло правительство, вообще, на свободу собраній союзовъ и т. д., оно принуждено было уже въ самомъ законѣ формально допустить, въ извѣстныхъ предѣлахъ, эту свободу на время предстоящей выборной кампаніи. Жизнь пойдетъ, конечно, еще далѣе этого условнаго разрѣшенія,—какъ она, вообще, шла впереди юридической эволюціи въ теченіе всего послѣдняго времени. Правда, указъ сенату объявилъ дѣйствіе указа 18 февраля, во имя котораго производилось свободное обсужденіе политическихъ вопросовъ, прекратившимся. Съ этимъ можно согласиться, но дѣйствіе акта 6 августа, безъ всякаго сомнѣнія, будетъ гораздо могущественнѣе, чѣмъ дѣйствіе, потерявшаго свою силу указа. Свобода партійной борьбы сама собой предполагаетъ свободу партійныхъ группировокъ, которыя, конечно не прекращаютъ существованія съ періодомъ выборовъ; то и другое предполагаетъ свободу слова, печати, неприкосновенность личности и т. д. Противостоять этому напору жизненныхъ требованій едва ли окажется возможнымъ, если уже допущенъ принципъ народнаго представительства. Въ виду этого было бы всего цѣлесообразнѣе не игнорировать, а считаться съ тѣми новыми условіями, которыя созданы для русской политической жизни опубликованіемъ акта 6 августа. Если содержаніе писанаго документа и оказалось возможнымъ, съ нѣкоторымъ успѣхомъ, вмѣстить въ тѣсныя рамки «Основныхъ Законовъ», то свободную политическую дѣятельность общества, необходимо вытекающую изъ того же документа, умѣстить въ тѣхъ же рамкахъ будетъ уже совершенно нельзя. Создать причину и принимать мѣры противъ обнаруженія послѣдствій этой самой причины—было бы такого рода противорѣчіемъ, въ которомъ до сихъ поръ еще не былъ повиненъ существующій «бюрократическій строй». Въ этомъ строѣ была своего рода послѣдовательность и логика, которую можно было бы понять даже тому, кто отъ нея страдалъ. Но теперь, послѣ 6 августа, въ Россіи нѣтъ болѣе бюрократическаго строя и сохраненіе его пріемовъ было бы необъяснимымъ и непонятнымъ отрицаніемъ только что провозглашеннаго новаго политическаго принципа. Актъ 6 августа—не простая бумага. Отъ него возврата нѣтъ назадъ. Есть только возможность идти впередъ, и только открытое признаніе всѣхъ его послѣдствій, соединенное съ коренной перестройкой и расширеніемъ началъ, положенныхъ въ его основу, можетъ обезпечить этому акту устойчивость и долговѣчность. Черезъ него, мимо него—жизнь пойдетъ впередъ, и тѣ, кто надѣется на-

править широкій и бурный потокъ жизни въ этотъ каналъ, должны этотъ каналъ расширить—и сдѣлать это какъ можно скорѣе, потому что жизнь не ждетъ.

14. Политическое значеніе закона 6-го августа *).

Можно быть самаго различнаго мнѣнія о государственномъ актѣ, только что опубликованномъ. Можно считать его лишь новымъ звеномъ въ той длинной цѣпи обѣщаній, которой начало положено 12 декабря 1904 г., и можно думать, что онъ начинаетъ собой новою эру—свободной политической жизни въ Россіи. Можно вѣрить или не вѣрить въ его осуществимость; можно страшиться его послѣдствій, или надѣяться на нихъ, или вовсе не ждать никакихъ послѣдствій. Въ жару общественной борбы можно съ чувствомъ глубокой скорби мѣрить ту пропасть, которая отдѣляетъ содержаніе и фразеологію этого акта отъ того результата борьбы, къ которому всѣ стремятся, котораго ждутъ и надѣятся. Но при всѣхъ этихъ разницахъ оцѣнки, при всѣхъ преувеличеніяхъ или преуменьшеніяхъ значенія объявленной реформы, нельзя отдѣлаться отъ чувства, которое, кажется, объединяетъ и друзей, и противниковъ: того чувства, что тутъ перейдена какая-то грань, что сегодня мы на другой сторонѣ того перевала, къ которому шли вчера —какъ бы ни была незамѣтна линія перевала—и что назадъ, на ту сторону историческаго ската, на вчерашнюю, уже возврата быть не можетъ. Чтобы оцѣнить значеніе акта независимо отъ настроенія даннаго момента, надо только вспомнить, сколько разъ русская историческая жизнь, казалось, совсѣмъ и совсѣмъ уже подходила къ этому самому мѣсту, и какой-нибудь «капризъ исторіи», какая-нибудь наносная буря относила ее далеко, на цѣлыя дѣсятилѣтія—назадъ. Въ шестидесятыхъ годахъ, когда и власть, и общество готовились къ «увѣнчанію зданія», мы, казалось, совсѣмъ уже перешли Рубиконъ и были отброшены назадъ, въ самый разгаръ великихъ реформъ. Потомъ опять, въ восьмидесятыхъ годахъ, напоръ общественной волны на минуту вынесъ насъ на ту же самую грань; еще моментъ и, казалось, перевалъ сдѣланъ; чуть ли не бумага была написана... подписана... и опять оборвалось, опять нѣсколько десятилѣтій пришлось провести въ томительномъ ожиданіи, опять приносить сотни,

*) Сынъ Отеч. 7 авг., № 147.

тысячи, подъ конецъ уже десятки тысячъ искупительныхъ жертвъ. Наконецъ, послѣ всѣхъ этихъ новыхъ жертвъ, новаго напряженія—небывалаго напряженія и жертвъ—и новыхъ отсрочекъ—этотъ актъ! И въ самыхъ первыхъ строкахъ—какъ будто безусловное возвращеніе къ старому: старыя условныя фразы, старые, всѣмъ извѣстные термины. Неужели только? и неужели этого мы ждали такъ долго?

Это не такъ мало, какъ кажется—первымъ рядамъ бойцовъ. Во-первыхъ,—и это объективный фактъ, не зависящій отъ какого бы то ни было минутнаго настроенія,—мы дѣйствительно перешли историческую грань. Во-вторыхъ,—это другой объективный фактъ,—мы перешли ее не такъ, какъ перешли бы въ 1881 году, съ проектомъ Лорисъ-Меликова, и даже не такъ, какъ перешли бы въ 1863, съ проектомъ Валуева, болѣе широкимъ и смѣлымъ. Изъ комиссіи при государственномъ совѣтѣ, изъ «съѣзда» государственныхъ гласныхъ, собраніе народныхъ представителей превратилось теперь въ самостоятельное учрежденіе хотя формально и дѣйствующее черезъ государственный совѣтъ, но уже теперь, въ настоящей стадіи, его переросшее и живущее самостоятельной жизнью. Изъ учрежденія, подающаго только совѣты по мѣстнымъ вопросамъ или только подготовляющаго законопроекты на манеръ наполеоновскаго трибунала, государственная дума превратилась въ учрежденіе, призываемое къ совмѣстной законодательной работѣ съ правительствомъ, и заключеніе «большинства» думы въ нѣкоторыхъ случаяхъ рѣшаетъ участь законопроекта.

Наконецъ, изъ учрежденія, собираемаго по «мѣрѣ надобности», на сроки, каждый разъ опредѣляемые особо, дума сдѣлалась учрежденіемъ постоянно дѣйствующимъ, и ея распущеніе, по прямому распоряженію закона, должно сопровождаться одновременнымъ назначеніемъ новыхъ выборовъ. И всѣ эти пріобрѣтенія еще разъ подчеркнуты въ сопровождающемъ законъ манифестѣ, который говоритъ о думѣ, какъ объ «особомъ» учрежденіи, призванномъ къ «постоянному и дѣятельному участію въ составленіи законовъ». Правда, все это носитъ слѣды стараго періода; правда, что постановка избирательнаго права вызоветъ въ обществѣ глубокое разочарованіе и новыя усилія борьбы, но сама дума въ этой борьбѣ можетъ и должна явиться однимъ изъ самыхъ сильныхъ орудій, и возможность ея дальнѣйшаго измѣненія въ духѣ, болѣе соотвѣтствующемъ «потребностямъ времени», не исключена закономъ и прямо признана манифестомъ. Все это такія политическія завоеванія,

принципіальное значеніе которыхъ огромно, и было бы непростительной политической ошибкой оставить эти позиціи безъ защиты—или даже очистить ихъ безъ боя, какъ, повидимому, хотѣли бы тѣ, кто расчитываетъ занять главную позицію непосредственно.

Въ Россіи сегодня родился «народный представитель», и этого факта не уничтожатъ никакія толкованія ни справа, ни слѣва. Что значитъ этотъ фактъ, читатель? Онъ значитъ, что русскіе обыватели формально признаны активными участниками въ общественномъ и государственномъ дѣлѣ, что отнынѣ они—граждане. Онъ значитъ, что мы не только можемъ, но должны проявлять это наше активное участіе на дѣлѣ. Самъ законъ еще не выводитъ всѣхъ послѣдствій этой великой перемѣны; но послѣдствія не замедлятъ сказаться—и отъ насъ зависитъ ихъ вывести со всей возможной энергіей. Законъ допускаетъ извѣстную свободу избирательной борьбы; но избирательная борьба не можетъ вестись безъ существованія политическихъ партій. Безъ сомнѣнія, эти партіи, уже теперь существующія въ зародышѣ, быстро сформируются и будутъ дѣйствовать совершенно открыто. Партіи не могутъ составляться только на случай избирательной борьбы и затѣмъ исчезнуть, чтобы вновь появиться черезъ пять лѣтъ, когда начнутся новые выборы. Партіи будутъ существовать такъ же непрерывно, какъ и сама государственная дума, въ которой эти партіи будутъ представлены. Слѣдовательно, сама жизнь создастъ свободу союзовъ и собраній,—и закону останется лишь констатировать это завоеваніе жизни. Но свобода собраній, свобода слова не можетъ же существовать одиноко, безъ необходимо сопровождающихъ ее свободы печати, неприкосновенности личности. Необходимо стоять на той точкѣ зрѣнія, что все это само собой вытекаетъ—съ логической и жизненной необходимостью—изъ существованія народнаго представительства. Далѣе, если большинство думы необходимо участвуетъ въ изданіи закона, тогда сразу проводится рѣзкая граница между закономъ и произволомъ. Право запроса по новому закону ограничено одной только задачей—охраны законности; но и въ этихъ предѣлахъ—это право является могущественнымъ рычагомъ, который народные представители не замедлятъ использовать. Сколько «временныхъ» мѣръ и внѣзаконныхъ дѣйствій администраціи должно исчезнуть, какъ дымъ отъ лица огня, при правильномъ и законномъ примѣненіи одного этого законнаго права? Народные представители будутъ ли молчать о томъ, о чемъ, несмотря на всѣ усилія, не всегда удается заставить молчать даже подцензурные органы печати?

Но мы не можемъ исчислить всѣ тѣ политическія послѣдствія, которыя неизбѣжно вытекаютъ изъ послѣдовательнаго проведенія принятаго закономъ принципа. Мы не говоримъ, что такое послѣдовательное проведеніе уже теперь совершенно обезпеченно. Напротивъ, чѣмъ менѣе будетъ общество считать обезпеченой завоеванную формально позицію, тѣмъ лучше. Позицію эту, можетъ быть, придется защищать энергично; но для этого необходимо, чтобы всѣми понималась необходимость и цѣль защиты, и чтобы защитники были налицо, на своемъ посту. Вотъ почему такъ необходимо было бы теперь, именно теперь, единеніе общественныхъ группъ, одинаково настроенныхъ, и такъ опасенъ былъ бы разбродъ. Мы должны принять провозглашенный закономъ принципъ, какъ пріобрѣтеніе,—*наше* пріобрѣтеніе,—и должны проводить въ жизнь его послѣдствія, какъ *мы* ихъ понимаемъ. Говорить же, что мы ничего не пріобрѣли съ изданіемъ закона, значило бы помогать его противникамъ справа.

Отсюда не слѣдуетъ, конечно, что на пріобрѣтенной позиціи можно было бы успокоиться. Тѣ, кто склоненъ ею пренебрегать, дѣлаютъ это именно изъ страха, какъ бы жизнь не остановилась, какъ бы общественное движеніе не замерло на этомъ этапѣ. Кажется, однако же, что такого исхода опасаться не приходится. Его не ожидаетъ даже и манифестъ, и жизнь, безъ сомнѣнія, тотчасъ же потребуетъ немедленнаго исполненія данныхъ въ манифестѣ обѣщаній. Тогда и пріобрѣтенная позиція окажется далеко нелишней.

15. Манифестъ 17 октября.

Между закономъ о государственной думѣ 6 августа и манифестомъ 17 октября—какая огромная разница! Нѣтъ больше рѣчи о соглашеніи новыхъ требованій жизни съ «исконными началами» русской государственности; нѣтъ ссылокъ на предѣлы, полагаемые преобразованіямъ рамками «основныхъ законовъ»; нѣтъ указаній на преемственную связь предстоящихъ реформъ съ примѣрами предковъ. Манифестъ содержитъ въ себѣ, наконецъ, принципіальное признаніе справедливости тѣхъ основныхъ требованій, за которыя боролись многія поколѣнія русскаго общества, за которыя уже нѣсколько лѣтъ подрядъ льетъ свою кровь русскій народъ. Если сосчитать число жертвъ, которыхъ стоилъ этотъ документъ, ихъ окажется навѣрное больше, чѣмъ стоили мартовскіе и февральскіе дни

въ Западной Европѣ. Эта кровь не лилась бы и не создалось бы того плотнаго, непроницаемаго слоя ненависти, который отдѣляетъ теперь правителей отъ управляемыхъ и лежитъ роковымъ препятствіемъ дѣлу умпротворенія Россіи, если бы провозглашенные теперь съ высоты престола принципы были признаны три, два, даже одинъ годъ тому назадъ. Тяжелой, дорогой цѣной купила Россія признаніе, что она была права въ своихъ требованіяхъ и что требованія эти не есть ни безсмысленныя мечтанія, ни минутныя увлеченія, а вполнѣ реальная и неотложная насущная потребность. Но не станемъ сводить счеты за прошлое; спросимъ себя лучше, воспользовалась ли, по крайней мѣрѣ теперь, правительственная власть жестокимъ урокомъ, который дала ей исторія.

«Положеніе дѣлъ требуетъ отъ власти пріемовъ, свидѣтельствующихъ объ искренности и прямотѣ ея намѣреній». Эти слова, тысячу разъ справедливыя и нужныя въ настоящую минуту, стоятъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ гр. Витте, напечатанномъ вмѣстѣ съ манифестомъ и составляющемъ къ нему въ высшей степени интересный комментарій. Повидимому, комментарій столь авторитетный не долженъ былъ бы стоять въ противорѣчіи съ комментируемымъ текстомъ. Въ дѣйствительности, однако, это противорѣчіе существуетъ: противорѣчіе роковое, фатальное, такъ какъ оно вытекаетъ изъ всего фактическаго положенія, а не одной доброй воли руководящихъ дѣятелей.

Манифестъ начинается съ указанія на «великую и тяжкую скорбь», ощущаемую государемъ при видѣ «смутъ и волненій» въ имперіи, и кончается призывомъ, обращеннымъ ко всѣмъ «вѣрнымъ сынамъ Россіи»—помочь прекращенію «сей неслыханной смуты». Смуты и волненія, однако же, стоятъ въ самой тѣсной и неразрывной связи со стремленіемъ къ достиженію тѣхъ самыхъ принциповъ, которые провозглашаются настоящимъ манифестомъ. Ихъ прекращеніе или продолженіе, очевидно, зависитъ исключительно отъ степени полноты и послѣдовательности, съ которыми эти основные принципы будутъ осуществлены въ жизни. Такимъ образомъ, основной источникъ смутъ и волненій, безъ сомнѣнія, лежитъ не въ нихъ самихъ, а въ тѣхъ препятствіяхъ, которыя такъ долго мѣшали признанію нынѣ провозглашенныхъ основныхъ принциповъ политической свободы. Съ устраненіемъ—но только полнымъ—«прямымъ и искреннимъ» — какъ выражается гр. Витте въ своемъ докладѣ—этихъ препятствій должны устраниться и смуты. Манифестъ кладетъ основаніе такому устраненію препятствій,—и народу остается

возвратить по принадлежности обращенную къ нему просьбу о помощи. Не народъ, а власть должна «помочь прекращенію сей неслыханной смуты».

Нельзя сказать, чтобы манифестъ 17 октября сдѣлалъ въ этомъ отношеніи все, что зависѣло сдѣлать отъ власти. Если бы даже не было въ манифестѣ длиннаго изложенія тѣхъ причинъ, которыя сдѣлали изданіе манифеста необходимымъ, то и изъ остальнаго содержанія его можно было бы сдѣлать выводъ, что шагъ тотъ предпринятъ далеко не съ тѣмъ настроеніемъ, котораго, по справедливому замѣчанію гр. Витте, «требуетъ отъ власти положеніе дѣлъ».

Въ манифестѣ выражается, во-первыхъ, «непреклонная воля» государя — «даровать населенію незыблемыя основы гражданской свободы на началахъ дѣйствительной неприкосновенности личности, свободы совѣсти, слова, собраній и союзовъ». Свобода совѣсти даруется высочайшимъ актомъ уже въ третій разъ на пространствѣ очень короткаго промежутка времени. Очевидно, особенность настоящаго раза заключается въ присоединеніи выразительнаго термина «дѣйствительный». Документъ не упоминаетъ, къ сожалѣнію, должна ли считаться такой же «дѣйствительной» свободой—та «свобода собраній», которая только что дана изданнымъ недавно закономъ; такъ что пока истинный смыслъ термина «дѣйствительный» остается неяснымъ. Между тѣмъ, отъ его выясненія только и зависитъ та степень «прямоты и искренности», какую русскій народъ признаетъ въ обѣщаніяхъ манифеста. Неувѣренность въ дѣйствительности этого термина «дѣйствительный» — еще усугубляется тѣмъ, что вмѣсто выраженія «свобода печати»—котораго Россія такъ жаждетъ, манифестъ употребляетъ, безъ всякой надобности уклончивое выраженіе «свобода слова». Уклончивъ и неясенъ также и терминъ «гражданская свобода», когда рѣчь идетъ объ основныхъ политическихъ правахъ. Къ сожалѣнію, эта боязнь словъ—и словъ ли только — проникаетъ весь манифестъ и сопровождающій его докладъ, совершенно уничтожая столь необходимое правительству впечатлѣніе «прямоты и искренности». Прибавимъ, что одно голое провозглашеніе принциповъ, очевидно, еще не устанавливаетъ формальнаго права; чего оно стоитъ, это мы знаемъ еще со времени указа 12 декабря прошлаго года. Основные принципы необходимо еще облечь въ точныя законодательныя нормы.

Вторымъ обѣщаніемъ манифеста является привлеченіе теперь же къ участію въ думѣ «*всѣхъ* классовъ населенія, которые нынѣ

совсѣмъ лишены избирательныхъ правъ». Значеніе слова «всѣхъ», очевидно, чрезвычайно ограничено здѣсь прибавкой слова «совсѣмъ». «Совсѣмъ исключены» изъ избирательной системы 6 августа, кажется только рабочіе: такъ какъ интеллигенцію и свободныя профессіи, съ очень большой натяжкой, можно считать включенными. Итакъ, дѣло идетъ, повидимому, о прибавкѣ «рабочей куріи». Это соотвѣтствовало бы тому, что ранѣе было извѣстно о политикѣ гр. Витте играть на антагонизмѣ трудящихся классовъ и «буржуазіи». Но исторія съ участіемъ рабочихъ въ комиссіи Шидловскаго показываетъ, что въ данномъ случаѣ гр. Витте можетъ натолкнуться на неожиданныя препятствія въ отношеніи самихъ рабочихъ къ государственной думѣ. Кромѣ того, дѣйствительность обѣщанія относительно «возможнаго» расширенія избирательныхъ правъ въ очень значительной степени подрывается тѣмъ, что манифестъ предполагаетъ ввести обѣщаемыя перемѣны, «не останавливая предназначенныхъ выборовъ въ государственную думу». Такимъ образомъ, перемѣны, дѣйствительно, могутъ быть введены только «въ мѣрѣ возможности, соотвѣтствующей краткости остающагося до созыва думы срока». А такъ какъ мѣра эта очень малая, то, очевидно, и данное манифестомъ обѣщаніе является въ значительной мѣрѣ мнимымъ. Нѣкоторое утѣшеніе заключается въ перспективѣ «дальнѣйшаго развитія начала общаго избирательнаго права», веденіе котораго предоставляется въ манифестѣ «вновь установленному законодательному порядку». При иномъ, чѣмъ теперь, настроеніи общества, можетъ быть, этой перспективы оказалось бы достаточно, чтобы привлечь на сторону власти кое какіе оппозиціонные элементы. Но при современномъ положеніи обѣщаніе манифеста получаетъ другое и совсѣмъ неожиданное значеніе. Вѣдь оппозиціонные элементы именно стремятся использовать думу для выработки избирательнаго закона на основѣ всеобщаго голосованія; и туманныя слова манифеста, въ связи съ этимъ опредѣленнымъ намѣреніемъ, имѣютъ значеніе указанія, что правительство не намѣрено этому мѣшать. Но если такъ, то не лучше ли, не подвергая Россію дальнѣйшимъ случайностямъ и катастрофамъ, неизбѣжнымъ, если придется внѣзаконнымъ путемъ превращать будущую думу въ «предварительный парламентъ» для подготовки учредительнаго собранія—не лучше ли, повторяю, сразу созвать это учредительное собраніе для выработки основного закона. «Учредительное собраніе»—страшное слово для многихъ, и исторія русскаго употребленія этого термина связана съ исторей преувеличенныхъ ожиданій, которыя возлагались на него—и отчасти еще возла-

гаются теперь—нашими крайними партіями. Но сама по себѣ идея учредительнаго собранія ничего страшнаго въ себѣ не заключаетъ, и въ исторіи можно найти примѣры учредительныхъ собраній самаго мирнаго характера. Конечно, оппозиціонные элементы не признаютъ значенія «учредительнаго» ни за какимъ собраніемъ, созваннымъ на иной основѣ, кромѣ всеобщаго голосованія. Но послѣ того, какъ самъ манифестъ призналъ «общее голосованіе» достижимой цѣлью, очевидно, препятствія къ немедленному ея достиженію уничтожаются. Всеобщее избирательное право могло казаться отдаленной цѣлью политики до изданія закона 6 августа; но съ тѣхъ поръ, какъ этотъ законъ ввелъ представительство крестьянства въ его наиболѣе сырой, наиболѣе непосредственной формѣ, ввеля этимъ самый рѣзкій изъ классовыхъ антагонизмовъ въ самую думу, иного исхода, кромѣ перехода къ правильному всеобщему голосованію, быть не можетъ. Ошибки правительства и въ этомъ случаѣ открыли путь для непосредственнаго удовлетворенія народныхъ требованій.

Третье обѣщаніе манифеста расширяетъ законодательную власть думы, установляя «незыблемое правило, чтобы никакой законъ не могъ воспріять силу безъ одобренія государственной думы». Это, безъ сомнѣнія, весьма значительная уступка, но настоящей законодательной власти народному представительству она все-таки не даетъ, а даетъ ему своеобразное право законодательнаго акта, переворачивая, такимъ образомъ, естественное отношеніе между представительствомъ и верховной властью. Дума, очевидно, можетъ, на основаніи этого полномочія, не допустить изданія закона, ей непріятнаго, но обезпечить изданіе закона, ей нужнаго, она не можетъ. Государственный совѣтъ продолжаетъ оставаться учрежденіемъ конкуррирующимъ съ народными представителями, за кулисами манифеста. Въ докладѣ, права, предполагается ввести въ совѣтъ выборный элементъ; но врядъ ли и такая реформа примиритъ общественное мнѣніе съ вмѣшательствомъ худшей части петербургской бюрократіи въ законодательную работу. Только полное устраненіе государственнаго совѣта отъ функцій законодательства могло бы помочь дѣлу.

Во второй части только что разобраннаго послѣдняго параграфа манифеста содержится обѣщаніе «обезпечить выборнымъ отъ народа (манифестъ все еще избѣгаетъ названія «народные представители») возможность дѣйствительнаго участія въ надзорѣ за закономѣрностью дѣйствій» правительственныхъ органовъ. Непонятно, что въ этомъ обѣщаніи новаго сравнительно съ тѣмъ, что уже содержится въ законѣ 6 августа. Недостатокъ этого закона заклю-

чается не въ томъ, что тамъ не предусмотрѣно никакой отвѣтственности, а въ томъ, что отвѣтственность бюрократіи ограничена провѣркой «законности» ихъ дѣйствій, вмѣсто того, чтобы допустить и оцѣнку «цѣлесообразности» ихъ дѣйствій, т. е. критики по существу дѣла. То же повторено и въ манифестѣ, но на этотъ разъ мы узнаемъ, что имѣется въ виду «дѣйствительный» надзоръ. Слѣдуетъ ли заключить отсюда, что надзоръ, предоставленный народнымъ представителямъ по закону 6-го августа, самъ законодатель считаетъ «недѣйствительнымъ»? Но тогда опять—гдѣ же на этотъ разъ гарантія «дѣйствительности» обѣщаній самого манифеста; гдѣ его «прямота и искренность»?

Какъ бы косвеннымъ указаніемъ на возможность дальнѣйшихъ, еще болѣе «дѣйствительныхъ» обѣщаній служитъ всеподданнѣйшій докладъ гр. Витте. Здѣсь мы встрѣчаемся съ болѣе широкими перспективами, чѣмъ въ манифестѣ. Открыто признается, что «Россія переросла форму существующаго строя», и намѣчаются новыя учрежденія, «которыя бы соотвѣтствовали выяснившейся политической идеѣ большинства русскаго общества». Идея эта характеризуется осторожнымъ терминомъ «правовой порядокъ». Очевидно, провозглашая свободу слова для общества, власть сохраняетъ цензуру для внутреннихъ правительственныхъ актовъ: существуютъ слова и понятія, употребленіе которыхъ въ этой средѣ недозволительно. Графъ Витте не рѣшается назвать по имени «конституцію», тогда какъ на улицахъ и митингахъ громко раздаются требованія «демократической республики». Не заключается ли въ этомъ одномъ сопоставленіи разгадка того, почему правительственные документы оказываются безсильными удовлетворить даже самую умѣренную часть общественнаго мнѣнія? Какъ сказано недавно въ одномъ документѣ, правительство дѣлаетъ вчера то, что слѣдовало сдѣлать сегодня, и его уступки, поэтому, всегда приходятъ слишкомъ поздно.

Очевидно, и манифестъ 17-го октября, хотя онъ и даетъ значительно больше, чѣмъ предыдущіе государственные акты того же характера, все еще не представляетъ послѣдняго слова возможныхъ уступокъ, и не представляетъ даже минимума уступокъ, необходимыхъ на сегодняшній день. Критикуя законъ 6-го августа, его противники изъ всѣхъ слоевъ и учрежденій единогласно предсказывали, что его опубликованіе не только не улучшитъ положенія и не внесетъ умиротворенія, но, напротивъ, само послужитъ поводомъ для новыхъ обостреній. Мы желали бы не повторять подобнаго же предсказанія по поводу манифеста 17-го октября. Но предска-

занія иного характера станутъ возможны только тогда, когда власть «дѣйствительно» обнаружитъ ту «прямоту и искренность», о которой идетъ рѣчь въ докладѣ гр. Витте. Пока представители власти объ этомъ только говорятъ и ограничиваются повтореніемъ однихъ обѣщаній, «смута» не прекратится; она остановится только тогда, когда лечить ее примутся не наружными, а внутренними средствами; когда всѣ предварительныя мѣры для введенія правильнаго народнаго представительства будутъ быстро и рѣшительно проведены въ порядкѣ чрезвычайнаго законодательства, когда созваны будутъ настоящіе представители народа и когда народъ самъ поручитъ дѣло своей реформы людямъ, которымъ онъ вѣритъ.

16. Избирательный законъ 11 декабря *).

Правительство, наконецъ, рѣшилось сдѣлать выборъ. Увы, чтобы сдѣлать такой выборъ, долго думать и колебаться не стоило. Только что опубликованный законъ о выборахъ, извѣстный посвященнымъ подъ именемъ «проекта № 2», былъ готовъ уже въ ближайшіе дни послѣ манифеста 17-го октября. Долгіе для Россіи недѣли и мѣсяцы, протекшіе съ тѣхъ поръ, правительство графа Витте и Дурново употребило совсѣмъ не на то, чтобы—лучше поздно, чѣмъ никогда—изучить учебники государственнаго права и дѣйствующую практику европейскихъ державъ. Нѣтъ, оно медлило не потому, чтобы было очень ужъ занято серьезной подготовительной работой. Оно медлило потому, что выжидало. Притаившись въ канцеляріяхъ и совѣщаніяхъ, оно ждало удобнаго момента, чтобы отказать русскому общественному мнѣнію въ томъ, что составляетъ главную суть, главный нервъ всѣхъ его чаяній и ожиданій, средоточіе всѣхъ его надеждъ и практическихъ плановъ на будущее. Эту драгоцѣнную вещь, къ которой мы уже, казалось, прикасались, уже осязали ее, у насъ отняла бюрократія. Что же она дала взамѣнъ?

На первый взглядъ, она дала кое что, и даже довольно много. На той точкѣ, на которую особенно напирало общественное мнѣніе, она отступила. Мы получили, если не всеобщее избирательное право, то нѣчто вродѣ «англійской системы»—ценза квартирохозяевъ. Система, которой передовая демократическая страна доби-

*) Нар. Своб. 15 дек. 1905 г.

лась путемъ долгаго процесса борьбы за демократизацію избирательнаго права. Отчего бы, говорятъ намъ, съ этой системой намъ не начать нашей свободной политической жизни?

Въ самомъ дѣлѣ, отчего бы не начать, если бы въ русской и англійской системѣ было что нибудь общее, кромѣ внѣшняго сходства? Сходство выдвинуто, дѣйствительно, на первый планъ. Но тамъ, на второмъ планѣ, сохранены такія черты старой избирательной системы 6-го августа, которыя разрушаютъ всякое сходство и лишаютъ сдѣланную уступку всякаго значенія.

Во-первыхъ, новый законъ сохраняетъ старое дѣленіе избирателей, выборщиковъ и депутатовъ—по куріямъ. Крестьяне продолжаютъ выбирать отдѣльно—и по-старому; горожане выбираютъ отдѣльно, фабричные въ первыхъ двухъ ступеняхъ—тоже отдѣльно. Распредѣленіе числа депутатовъ между куріями остается совершенно произвольнымъ, и не можетъ быть инымъ, пока существуетъ самое дѣленіе на курін. Пока крестьянамъ дано одно опредѣленное число депутатовъ, горожанамъ другое, фабричнымъ третье,—до тѣхъ поръ всеобщаго и равнаго избирательнаго права не существуетъ, хотя бы даже дано было право выбирать каждому взрослому, а не каждому квартирохозяину и служащему на жалованьѣ.

Другая черта—еще болѣе нелѣпая и еще болѣе вызывающая протестъ: разведенные по перегородкамъ курій, избиратели внутри каждой курін еще разгорожены другъ отъ друга и размѣщены по стойламъ собственнаго избирательнаго участка. Каждый можетъ не только выбирать, но и выбираться—только тамъ, гдѣ онъ имѣетъ жительство, и только тѣми, кто состоитъ его сосѣдями. Такъ какъ выборы остаются двухстепенными, то право быть выбраннымъ въ думу еще ограничивается предварительнымъ условіемъ—быть выбраннымъ въ выборщики отъ своей группы. Первостепенный, по достоинству политическій дѣятель можетъ не попасть въ думу, потому что его взглядовъ не раздѣляютъ въ его кварталѣ. Повторяемъ, такое ограниченіе пассивнаго избирательнаго права является безпримѣрнымъ въ лѣтописяхъ западно-европейскаго представительства.

Третье ограниченіе — и притомъ самое коварное—заключается въ обстоятельствѣ, на первый взглядъ, совсѣмъ незамѣтномъ. Дѣло въ томъ, что пользованіе избирательнымъ правомъ для новыхъ разрядовъ избирателей фактически ограничивается тѣмъ чрезвычайно короткимъ срокомъ, въ теченіе котораго они могутъ воспользоваться своимъ правомъ. Записываться въ избирательные списки предоста-

вляется доброй волѣ новыхъ избирателей, если они не платятъ налога и не получаютъ жалованья. Ихъ списки составляются явочнымъ порядкомъ, и для заявленій дается короткій срокъ—три недѣли со времени изданія закона, то есть со вчерашняго дня. Въ то же время и этотъ срокъ фактически сокращается, такъ какъ заявленія должны быть подаваемы учрежденіямъ, которыя въ настоящее время еще не созданы. Отъ усмотрѣнія начальства, слѣдовательно, зависитъ сократить срокъ заявленій до любого минимума. Принимая въ расчетъ общее враждебное отношеніе къ думѣ и къ выборамъ, правительство можетъ надѣяться, что наиболѣе нежелательные для него элементы могутъ и вовсе не записываться. Тогда, по прошествіи трехъ недѣль, списки будутъ закрыты, и значительная часть лицъ, сдѣланныхъ избирателями по новому закону, останется за порогомъ выборовъ.

Что новый избирательный законъ—не всеобщій, не прямой и не равный, что изданіе его есть политическая ошибка, чреватая новыми тяжелыми послѣдствіями,—это едва ли нужно доказывать. Въ рукахъ правительства былъ превосходный шансъ дѣйствительно умиротворить значительную часть общественнаго мнѣнія страны. Какъ всегда, правительство этотъ шансъ пропустило, издавъ свой іезуитскій законъ. Какъ должно теперь реагировать общество на новое политическое положеніе, созданное изданіемъ закона?

П. Б. Струве въ одной изъ своихъ недавнихъ лекцій, сдѣлалъ глубокое и мѣткое замѣчаніе, впрочемъ, совершенно непонятое и неправильно перетолкованное его оппонентами. Русская революція не можетъ имѣть успѣха,—говорилъ онъ,—до тѣхъ поръ, пока у нея не будетъ власти. Существующая власть потеряла свою санкцію послѣ того, какъ на словахъ объявила себя конституціонною. Но, потерявъ право на власть, правительство не передало власти тѣмъ, кто получилъ на нее новое право. Отсюда получилось явленіе, безпримѣрное въ исторіи. Во всѣхъ великихъ революціяхъ власть, ускользавшая отъ старыхъ правительственныхъ органовъ, переходила къ народному представительству, созванному старой правительственной властью. Такимъ образомъ, революціи было на что опереться. Народное представительство было тѣмъ стволомъ, по которому революціонная идея взвивалась вверхъ, выходила на свѣтъ и на просторъ. Въ Россіи ростки революціонной идеи стелятся по землѣ, потому что у нихъ нѣтъ силъ подняться, нѣтъ твердой опоры, нѣтъ власти. Русская революція инстинктивно ис-

кала—и ищетъ—этой власти, но она ищетъ власти тамъ, гдѣ ея нельзя найти—въ революціонномъ временномъ правительствѣ. Это выходитъ какой-то заколдованный кругъ: безъ временнаго правительства нѣтъ революціи, а безъ революціи нѣтъ временнаго правительства. Мы указывали («Биржевыя Вѣд.» отъ 3 дек.) на ошибки «Руси» въ ея исканіяхъ такого временнаго правительства въ земскомъ съѣздѣ, въ союзахъ и совѣтахъ делегатовъ. «Молва» все еще цѣпляется за эту идею, которая принимаетъ у нея форму временнаго совѣта при правительствѣ изъ выборныхъ отъ разныхъ организацій. Опять странное сочетаніе революціонныхъ идей съ реакціонными. Раньше «Молвы» гр. Витте уже позаботился приготовить себѣ на всякій случай выборныхъ отъ земствъ, чтобы конкурировать съ либералами стараго большинства земскаго съѣзда. Мы не хотимъ говорить ничего о «союзномъ» элементѣ предполагаемаго временнаго совѣта при правительствѣ, потому что предполагаемъ поговорить объ этомъ особо.

Нѣтъ, не фантастическое временное правительство «Молвы» и «Руси», осужденное остаться плѣнительной мечтой, можетъ дать твердую опору освободительному движенію и вывести Россію изъ ея положенія. Мы должны принять задачу такъ, какъ поставили ее обстоятельства. Мы должны взять избирательный законъ 11-го декабря и попытаться сдѣлать изъ него все, что можемъ. На это должны быть направлены наши ближайшія усилія и, прежде всего, усилія ближайшихъ трехъ недѣль для введенія нашихъ избирателей въ списокъ.

17. Дума или временная палата *).

Использовать выборы при избирателяхъ по новому закону работа нелегкая и неблагодарная—въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Но все же она болѣе благодарна и легка, чѣмъ сизифова работа созданія временнаго правительства изъ земцевъ и союзниковъ. И притомъ въ этой работѣ есть одна сторона, въ высшей степени благодарная. На этой работѣ мы можемъ и должны сорганизоваться, закончить дѣло образованія политической партіи. Не будемъ возражать на то, что поздно организоваться, когда нужно дѣйствовать. Въ дѣйствіи,—въ данномъ случаѣ, въ подготовкѣ выборовъ, въ веденіи избира-

*) „Нар. Своб.“ 17 декабря. 1905 г.

тельной кампаніи,—заключается самый могущественный толчокъ и къ организаціи. Въ недѣли выборовъ можетъ быть развита такая широкая агитація и пропаганда, такъ далеко можетъ подвинуться организаціонная работа, какъ въ другое время нельзя сдѣлать въ мѣсяцы и годы. Не будемъ же смотрѣть въ пространство и пренебрегать тѣмъ, что подъ ногами. Всю ту энергію, на которую мы способны, употребимъ на борьбу за наилучшій возможный составъ народнаго представительства. Ни разрушить, ни предупредить выборовъ мы, повидимому, теперь уже не сможемъ. Постараемся же ихъ использовать въ нашихъ цѣляхъ и не дадимъ использовать ихъ нашимъ врагамъ.

По поводу нашего предложенія въ № 1 использовать избирательный законъ 11-го декабря для борьбы за наилучшій составъ народнаго представительства, «Молва» выражаетъ «нѣкоторое недоумѣніе» и спрашиваетъ насъ: «Какъ это сдѣлать при современномъ положеніи, переживаемомъ страной»? Вопросъ слишкомъ важенъ, чтобы оставить его безъ отвѣта. Но, прежде чѣмъ мы дадимъ отвѣтъ, намъ хотѣлось бы самой «Молвѣ» задать тотъ же вопросъ, который она задаетъ намъ. Какъ выполнить планъ дѣйствій, предлагаемый этой газетой.

Требованія «Молвы» сводятся къ слѣдующимъ пунктамъ:

1) Графъ Витте долженъ уйти.

2) Премьеромъ долженъ быть назначенъ политически-честный человѣкъ, который практически и немедленно осуществилъ бы въ администраціи пріемы управленія конституціоннаго министра.

3) Правительство должно признать общественныя организаціи, въ которыя собрались общественныя силы, предупреждая анархію,— и въ результатѣ:

4) Необходимо немедленно созвать временную палату выборныхъ отъ земствъ и городовъ, съ представителями отъ союзовъ и рабочихъ.

Съ первыми двумя пунктами мы безусловно согласны. Но «Молва» намъ тоже не говоритъ, какъ ихъ осуществить. Это не планъ дѣйствія; это только требованія.

Да, вѣрно, графъ Витте долженъ уйти. Но онъ не уходитъ, а укрѣпляетъ свое положеніе и, можетъ быть, укрѣпляетъ его отчасти при помощи нашихъ требованій, чтобы онъ ушелъ. Да, политически-честный государственный человѣкъ долженъ занять мѣсто Витте и долженъ сдѣлаться конституціоннымъ министромъ. Но гдѣ этотъ человѣкъ, кто его выберетъ и назначитъ на мѣсто Витте? Если не исполнены будутъ выставленныя требованія, «Молва» гро-

зитъ правительству «всероссійскимъ погромомъ». Но, вѣдь, страхъ всероссійскаго погрома уже оказалъ свое дѣйствіе на правительство: онъ, именно, и привелъ правительство прямо къ противоположному образу дѣйствій. Можетъ быть, «Молва» апеллируетъ къ благоразумію правительства? Увы, это средство многократно испробовано и цѣли своей не достигло.

Но здѣсь слѣдуютъ два другіе совѣта «Молвы», которыхъ мы не можемъ, къ сожалѣнію, признать благоразумными ни для какого правительства. «Молва» требуетъ «признанія» нѣкоторыхъ общественныхъ организацій и составленія временной выборной палаты изъ ихъ представителей. Цѣль этого требованія ясна, и мы совершенно согласны съ «Молвой» въ формулировкѣ этой цѣли: «образованіе самостоятельной и авторитетной палаты выборныхъ есть необходимое условіе для спасенія страны отъ анархіи и общаго разоренія». Но думаетъ ли «Молва», что рекомендуемый ею способъ составленія временной палаты изъ «выборныхъ отъ земствъ и городовъ съ представителями отъ союзовъ и рабочихъ» достаточенъ и удовлетворителенъ для составленія «самостоятельной и авторитетной палаты»? Думаетъ ли она, что гипотетическій «политически-честный человѣкъ», который ее соберетъ,—потому что не графъ же Витте это сдѣлаетъ,—что такой человѣкъ, собирая такую палату, «осуществитъ пріемы управленія конституціоннаго министра»?

Признаться, мы сильно сомнѣваемся въ томъ и въ другомъ. Мы не говоримъ уже, что подобная палата могла бы быть только результатомъ побѣды революціонныхъ силъ, т. е. временнымъ правительствомъ побѣдоносной революціи,—и что въ такомъ случаѣ въ ней, навѣрное, не было бы «выборныхъ отъ земствъ и городовъ». Мы не говоримъ, что, собранная какимъ угодно правительствомъ, она навѣрное не включила бы другой половины предполагаемыхъ представителей. Но отбросимъ этотъ вопросъ, какъ могла бы такая выборная палата осуществиться. Спросимъ только, въ случаѣ если бы какимъ нибудь чудомъ смѣшанная изъ огня и воды палата «Молвы» осуществилась, была ли бы она признана страной, какъ «конституціонная»,—была ли бы она самостоятельна и авторитетна?

Мы критикуемъ избирательный законъ правительства, потому что считаемъ, что собранные на основаніи его представители не могутъ быть достаточно авторитетны въ глазахъ страны. Мы считаемъ произвольнымъ распредѣленіе общаго числа депутатовъ между группами, представляющими различные и иногда противоположные классовые интересы.

*

Мы хотимъ, чтобы в с я страна высказалась, чтобы она высказалась сознательно, подготовленная и просвѣщенная свободной борьбой мнѣній, свободной избирательной агитаціей. И только такое представительство мы согласны признать «самостоятельнымъ и авторитетнымъ» вполнѣ. Насколько же дальше стоитъ отъ этого идеала—даже сравнительно съ палатой, какую могутъ дать выборы 11-го декабря,—палата, предлагаемая «Молвой»? Кто и какъ опредѣлитъ въ ней пропорцію между рабочими и союзами, между каждымъ союзомъ отдѣльно—пропорціонально или непропорціонально его дѣйствительной силѣ,—наконецъ, между союзами и органами мѣстнаго самоуправленія? Будутъ ли представлены органы самоуправленія тѣми делегатами, которые представляли ихъ на земскомъ и городскомъ съѣздѣ, или «Молва» предполагаетъ использовать для этого новыхъ,—«подлинныхъ» депутатовъ, нынѣ избираемыхъ вмѣсто старыхъ по настоянію графа Витте, который, повидимому, хочетъ создать изъ нихъ особый «контръ-съѣздъ», для противодѣйствія слишкомъ либеральному старому съѣзду? И отъ союзовъ—будетъ ли избрано новое представительство (причемъ попутно придется реорганизовать и нѣкоторые изъ самыхъ союзовъ), или «союзъ союзовъ» будетъ непосредственно инкорпорированъ во временную палату? Какому изъ элементовъ будущей палаты данъ будетъ перевѣсъ, и кто будетъ давать перевѣсъ тому или другому элементу? Какъ будутъ чувствовать и вести себя противоположные политическіе элементы, очутившись въ непосредственномъ сосѣдствѣ и облеченные частицей власти? Г. Дилетъ можетъ имѣть свои основанія утверждать, что въ Россіи конституціонные элементы ничѣмъ не отличаются отъ революціонныхъ, но «Молвѣ», конечно, эта разница должна быть извѣстна.

Мы вовсе не исчерпали тѣхъ трудностей, которыя стоятъ на пути осуществленія проекта «Молвы»—даже если бы нашлась та сила, которая попробовала бы его осуществить. Сказаннаго довольно, чтобы придти къ заключенію, что созывъ временной палаты по проекту «Молвы» не имѣлъ бы ничего общаго съ «конституціонными пріемами», которые «Молва» совѣтуетъ будущему «политически-честному» министру.

Если бы мы могли расчитывать на появленіе такого чуда изъ Назарета, мы бы сказали ему: «Исполните, наконецъ, то, чего страна повелительно требуетъ. Объявите всеобщее избирательное право и соберите правильно избранное учредительное собраніе». Если бы мы могли хотя бы разсчитывать на нѣкоторое приближеніе

къ идеалу «политически-честнаго» министра, мы бы сказали: «Такъ и быть, для сокращенія времени, сохраните вашъ избирательный законъ, но сдѣлайте возможнымъ правильное примѣненіе хотя бы этого закона. Уничтожьте дѣленіе на курін, устраните перегородки для пассивнаго избирательнаго права, дайте странѣ свободу выборной агитаціи,—и мы, быть можетъ, сдѣлаемъ все остальное сами». Но, увы, нѣтъ у насъ даже и приблизительно честнаго министра, а есть іезуитскій законъ 11-го декабря. Игнорировать этотъ законъ, изданный дѣйствительнымъ, а не воображаемымъ министромъ, мы могли бы, конечно, если бы вѣрили въ возможность созвать учредительное собраніе «явочнымъ порядкомъ», какъ и предлагаютъ нѣкоторые политическіе теоретики. Но въ эту возможность, кажется, не вѣритъ и «Молва». Если такъ, то остается одинъ способъ для формированія общественныхъ силъ: дѣятельное участіе въ предстоящей избирательной кампаніи. Мы думаемъ, что только на этой почвѣ, а не на фантастической почвѣ созыва кѣмъ-то временныхъ палатъ изъ случайныхъ людей, должно быть дано и можетъ быть выиграно ближайшее сраженіе. Это будетъ борьба тяжелая, обставленная всяческими препятствіями. Для начала подъ самыми ногами у насъ разставлена ловушка.

Во всѣхъ политически зрѣлыхъ странахъ вниманіе политическихъ дѣятелей прежде всего было бы обращено на то, чтобы не попасться въ эту ловушку. Ловушка гр. Витте—это трехнедѣльный срокъ для записи новыхъ избирателей въ списки. Если всѣ, заинтересованные въ прогрессивномъ исходѣ выборовъ, запишутся своевременно, можетъ быть, мы еще сможемъ что-нибудь сдѣлать изъ выборовъ и будущей думы. Если нѣтъ,—къ нашимъ прежнимъ врагамъ прибавится новый, и весьма опасный. Не будемъ же легкомысленны: не будемъ напоминать героиню извѣстной французской пѣсенки:

Perrette, sur sa tête ayant un pot au lait...

«Какъ» добиться наилучшаго состава въ будущей думѣ,—спрашиваетъ насъ «Молва»? Отвѣтъ ясенъ: давайте «дѣлать» выборы. Не критиковать и не строить невозможные планы временныхъ палатъ, а дѣлать палату, которая отчасти все-таки въ нашихъ рукахъ. Не «требовать» ухода однихъ министровъ и прихода другихъ «политически-честныхъ», не ждать выполненія нашихъ «требованій» и плановъ отъ кого бы то ни было, а выполнять ихъ самимъ—и попробовать наши силы на выполненіи. Если можетъ быть для насъ какой-нибудь практическій лозунгъ на ближайшее время, и если этотъ

лозунгъ не есть вооруженное возстаніе, то имъ можетъ быть только одинъ призывъ: *граждане, записывайтесь немедленно въ избирательные списки, созывайте избирательныя собранія, формируйте политическую партію.*

18. Новое „Учрежденіе Государственной Думы“ 20-го Февраля *).

I.

Принимая власть, гр. Витте намѣтилъ для своего будущаго министерства двѣ основныя задачи: во-первыхъ, «осуществленіе теперь же, впредь до законодательной санкціи черезъ Государственную Думу, основныхъ элементовъ правового строя, свободы печати, совѣсти, собраній, союзовъ и личной неприкосновенности, во-вторыхъ, «установленіе такихъ учрежденій и такихъ законодательныхъ нормъ, которыя соотвѣтствовали бы выяснившейся политической идеѣ большинства русскаго общества и давали положительную гарантію въ неотъемлемости дарованныхъ благъ гражданской свободы». Таковы подлинныя слова извѣстнаго доклада гр. Витте. Какъ «конституціонное министерство» осуществило свою первую задачу, слишкомъ хорошо извѣстно всѣмъ и каждому. Законодательные акты 20 февраля, только что опубликованные, показываютъ, какъ министерство рѣшило свою вторую задачу.

Манифестъ 17 октября, въ томъ и другомъ отношеніи, устанавливалъ лишь общіе принципы. Онъ торжественно сдвигалъ Россію съ той мертвой точки, на которой остановилъ ее законъ 6 августа о законосовѣщательной Думѣ при государственномъ совѣтѣ. Эта позиція, оказавшаяся незащитимой, была офиціально сдана, но никто не зналъ, до какой слѣдующей позиціи дойдетъ правительство въ своей готовности къ уступкамъ. Санкціонированныя манифестомъ слова министерскаго доклада обѣщали, казалось, все, что нужно: «задача сводилась къ устроенію правового порядка», а «правовой порядокъ», какъ извѣстно, есть лишь описательное выраженіе вмѣсто «конституціи». Цензура не была еще тогда отмѣнена, и эзоповскій языкъ министерскаго доклада могъ объясняться тѣмъ, что авторъ отчасти смотрѣлъ на свой докладъ, какъ на литературное произведеніе.

Увы, скоро обнаружилось, что общество и правительство разно смотрятъ на обѣщанія манифеста 17-го октября. Если общество

*) „Рѣчь“ № 1.

стремилось впередъ, къ развитію принциповъ манифеста, и твердо рѣшилось не дѣлать ни шагу назадъ, то правительство не только не хотѣло сдѣлать ни шагу впередъ, но и обнаружило явное стремленіе по возможности вернуть всѣ сдѣланныя уступки.

При такихъ условіяхъ являются на свѣтъ новые законодательные документы, первональная цѣль которыхъ была—создать учрежденія, соотвѣтствующія «выяснившейся политической идеѣ большинства русскаго общества», и дать «положительную гарантію неотъемлемости дарованныхъ благъ гражданской свободы». Гр. Витте самъ установилъ этими словами тотъ критерій, которымъ мы должны судить новое произведеніе его министерства.

Въ манифестѣ 17 октября не было ни слова о государственномъ совѣтѣ, и, читая въ немъ выраженіе «непреклонной воли» монарха, «чтобы никакой законъ не могъ воспріять силы безъ одобренія государственной думы», русское общество какъ то забыло, что рядомъ съ этимъ торжественнымъ возведеніемъ думы въ рангъ законодательнаго учрежденія потихоньку возводится въ докладѣ гр. Витте въ тотъ же рангъ и дореформенное собраніе отставныхъ помпадуровъ. Правда, гр. Витте оговорился, что «только при условіи виднаго участія выборнаго элемента» въ государственномъ совѣтѣ «можно ожидать нормальныхъ отношеній между этимъ учрежденіемъ и государственной думой». При большемъ вниманіи къ «выяснившейся политической идеѣ большинства русскаго общества» гр. Витте, однако, долженъ бы былъ понять тогда же, что даже и при «видномъ участіи» нельзя ожидать никакихъ «нормальныхъ отношеній» между думой и совѣтомъ. Тотъ составъ, въ какомъ войдутъ въ государственный совѣтъ «выборные» представители духовенства, дворянства, купечества, фабрикантовъ и университетовъ, отнюдь не можетъ поднять авторитетъ совѣта во мнѣніи «большинства русскаго общества» и примирить его съ принципіальнымъ противорѣчіемъ подобнаго учрежденія основной идеѣ народнаго представительства. Уравненіе бюрократически-цензоваго учрежденія въ правахъ съ палатой народныхъ представителей есть оскорбленіе для послѣднихъ, и нельзя сомнѣваться, что борьба противъ самаго существованія совѣта сдѣлается новымъ лозунгомъ освободительнаго движенія, усложнивъ, а не упростивъ, такимъ образомъ, задачу умпротворенія страны.

Новое учрежденіе государственной думы есть попытка «согласовать» законъ 6 августа съ «началами» манифеста 17 октября. Нельзя не признать, что въ этомъ новомъ изданіи стараго закона

есть очень значительныя улучшенія противъ прежняго. Новый законъ окончательно отказывается регламентировать внутреннее раздѣленіе думы на отдѣлы и комиссіи; кромѣ гласности, наконецъ, введена и публичность — по прежнему условно и «въ числѣ, не превышающемъ количества отведенныхъ (для публики) мѣстъ»; законъ рѣшился назвать право *запроса* министровъ по поводу *незакономѣрности* ихъ дѣйствій—настоящими именами, вмѣсто описательныхъ выраженій прежняго § 35; право внесенія законопроектовъ въ думу, кромѣ министровъ, дано и «комиссіямъ, образованнымъ изъ членовъ думы»; устранено запрещеніе министрамъ быть членами думы, — и даже дано право министрамъ изъ членовъ думы участвовать въ ея голосованіи (39); передѣланъ коренным образомъ весь отдѣлъ о прохожденіи законопроектовъ черезъ думу, соотвѣтственно превращенію этого учрежденія изъ совѣщательнаго въ законодательное. Однако, сохранено въ силѣ то нелѣпое ограниченіе, по которому дума, чтобы дать движеніе законопроекту, внесенному ея собственными членами, должна предварительно согласиться съ «желательностью» внесенія такого законопроекта (57). Рядомъ съ этимъ, нельзя не отмѣтить тенденціи цѣлаго ряда измѣненій, внесенныхъ въ новый текстъ учрежденія государственной думы. Въ самомъ первомъ параграфѣ законодательный характеръ думы, безъ сомнѣнія, слишкомъ недостаточно подчеркнутъ простымъ устраненіемъ словъ стараго текста, что дума учреждается «для предварительной разработки» законовъ; сохраненное затѣмъ слѣдующее слово «*для обсужденія*» законодательныхъ предположеній—само по себѣ еще не выражаетъ того, что необходимо было выразить: что дума есть учрежденіе законодательное. Затѣмъ, изъ круга законодательной дѣятельности думы изъято измѣненіе «основныхъ законовъ». По старому закону 6 августа дума, въ своей законосовѣщательной работѣ, «не должна» была «касаться началъ государственнаго устройства, установленныхъ законами основными». О смыслѣ этой перемѣны въ функціяхъ думы можно спорить. Намъ кажется, однако, что ключъ къ объясненію даютъ слова сопровождающаго новый законъ манифеста, въ которомъ «основные государственные законы» противопоставляются «учрежденію государственнаго совѣта и государственной думы» и «постановленіямъ о выборахъ въ совѣтъ или думу». Очевидно, послѣднія «учрежденія и постановленія» касаются такихъ «началъ государственнаго устройства», которыя сами по себѣ не причисляются къ законамъ основнымъ и, слѣдовательно, могутъ быть измѣняемы ду-

мой. Внѣ ея компетенціи остаются, стало быть, лишь постановленія основныхъ законовъ о верховной власти,—и лишь этого рода постановленій запрещаетъ касаться новый законъ о думѣ подъ общимъ названіемъ «основныхъ законовъ». Если такъ, то законодательная компетенція думы 20 февраля опредѣлена шире, чѣмъ законосовѣщательная компетенція думы 6 августа. Это, впрочемъ, соотвѣтствуетъ и обѣщаніямъ манифеста 17 октября, предусматривавшаго возможность для думы заняться «дальнѣйшимъ развитіемъ началъ общаго избирательнаго права», и многочисленнымъ указаніямъ правительства, что думѣ будетъ предоставлено пересмотрѣть и замѣнить законами всѣ печальной памяти «временныя правила», касающіяся «незыблемыхъ основъ гражданской свободы».

Первый параграфъ новаго закона сохранилъ, между прочимъ, и упоминаніе о «самодержавной власти», къ которой «восходятъ законопроекты по силѣ основныхъ законовъ». Въ связи съ этимъ упоминаніемъ находится новое постановленіе, котораго не было въ старомъ законѣ (ср. § 16 и § 17), именно, что «членъ думы, отказавшійся дать торжественное обѣщаніе при вступленіи въ думу, почитается сложившимъ съ себя свое званіе». Припомнимъ, что, по тексту этого обѣщанія, членъ думы обязуется «хранить вѣрность его Императорскому Величеству Государю Императору и Самодержцу Всероссійскому»—слова, которыхъ не было въ первоначальномъ проектѣ формулы *) и внесеніе которыхъ, какъ извѣстно, послѣдовало по настоянію г. Побѣдоносцева.

Мы еще вернемся къ вопросу объ употребленіи титула «самодержецъ», которое намъ кажется совершенно неправильнымъ и неоправдываемымъ тѣмъ особымъ значеніемъ (внѣшней независимости), которое ему хотятъ придать для «чистой публики». Теперь же, не останавливаясь на другихъ подробностяхъ новыхъ законодательныхъ актовъ, упомянемъ только объ одной знаменательной чертѣ манифеста, которая также едва ли соотвѣтствуетъ «выяснившейся политической идеѣ большинства русскаго общества» и тѣмъ менѣе походитъ на «положительную гарантію въ неотъемлемости дарован-

*) Приводимъ первоначальный текстъ присяги: „мы, нижепоименованные, бывъ призваны къ присутствованію въ государственной думѣ, обѣщаемъ предъ лицомъ всевидящаго Бога и обязуемся всѣми священными клятвами вѣрности и чести исполнять возложенную на насъ обязанность по крайнему нашему разумѣнію и силѣ, и на сей конецъ поступая, какъ по словамъ общей присяги, такъ и сей особенной, помня единую общую пользу, потщимся всѣми силами дѣйствовать ко благу имперіи, въ увѣреніе чего своеручно подписуемся“.

ныхъ благъ». Мы говоримъ о сохраненіи за верховной властью права принимать самостоятельно, помимо думы, мѣры, «требующія обсужденія въ порядкѣ законодательномъ», «во время прекращенія занятій государственной думы» и «если чрезвычайныя обстоятельства вызовутъ необходимость въ такой мѣрѣ». Подобное постановленіе, правда, есть и въ нѣкоторыхъ западныхъ конституціяхъ; но— не говоря уже о томъ, что на практикѣ пользованіе этимъ правомъ всегда приводило къ конфликтамъ—или являлось уже само выраженіемъ конфликта между короной и народными представителями,— въ другихъ конституціяхъ пользованіе этимъ правомъ обставлено такими ограниченіями, которыхъ не находимъ въ нашемъ новомъ законѣ. Продолжительность сессій, сроки ежегодныхъ созывовъ, продолжительность перерыва между распущеніемъ думы и созывомъ новой — все это опредѣляется императорскими указами. Затѣмъ, дѣйствіе экстренной мѣры не только не прекращается съ возобновленіемъ занятій думы, а, напротивъ, продолжается въ теченіе первыхъ двухъ мѣсяцевъ ея засѣданій; министръ не испрашиваетъ санкціи думы на состоявшіяся мѣры. Такимъ образомъ, созывая думу ежегодно на сессію не болѣе двухъ мѣсяцевъ, правительство получаетъ полную возможность, не нарушая русской «конституціи», въ остальное время править при помощи какихъ угодно исключительныхъ, «временныхъ» или вѣчныхъ законовъ и мѣропріятій.

Такъ министерство Витте исполнило свою вторую задачу.

Россіи, очевидно, суждено удивлять міръ новыми изобрѣтеніями въ области конституціоннаго творчества. Документъ, который мы печатаемъ сегодня, навѣрное не имѣлъ себѣ подобнаго никогда и нигдѣ. Земскіе начальники получили наставленіе о воздержаніи отъ «явнаго активнаго вмѣшательства» въ выборы. Способы этого воздержанія слѣдующіе: 1) предупреждать насилія со стороны «противоправительственныхъ» партій, въ томъ числѣ и конституціоналистовъ-демократовъ. 2) Разъяснять программы партій и выяснять всю неосновательность тѣхъ изъ нихъ, которыя клонятся къ измѣненію основного государственнаго строя. 3) Удалять, какъ «безпокойныхъ», тѣхъ ораторовъ, которые будутъ обольщать крестьянъ несбыточными надеждами. 4) Не допускать въ помѣщенія для выборщиковъ лицъ неблагонадежныхъ. 5) Вывѣсить имена кандидатовъ, выборъ которыхъ навѣрное будетъ кассированъ, какъ неблагонадежныхъ. Все это до такой степени невѣроятно, что почти хочется думать, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ какой-то мистификаціей. Но послѣднее время пріучило насъ ко всему невѣроятному.

19. За кулисами конституціоннаго акта *).

Мы получили нѣкоторыя свѣдѣнія, подтверждающія то освѣщеніе, которое дано было въ нашей вчерашней статьѣ различнымъ подробностямъ новаго учрежденія Государственной Думы. Такъ, мы подчеркнули въ § 1 недостаточную опредѣленность указаній на законодательный характеръ Думы. Теперь мы можемъ добавить, что неопредѣленность эта—намѣренная и что въ совѣщаніи гр. Сольскаго однимъ изъ членовъ совѣщанія было предложено дать первому параграфу гораздо болѣе опредѣленную редакцію: «Государственная Дума учреждается для участія, совмѣстно съ государственнымъ совѣтомъ, въ осуществленіи Императорскимъ Величествомъ законодательной власти» и т. д. Предложеніе это, однако, не было поддержано другими членами. Другая очень важная перемѣна была сдѣлана въ § 3, гдѣ совѣщаніе признало существенно важнымъ оговорить что, въ случаѣ досрочнаго распущенія Думы, она созывается въ новомъ составѣ въ теченіе шести мѣсяцевъ со дня ея распущенія. Въ опубликованномъ текстѣ закона этой существенно-важной оговорки не сдѣлано, въ виду чего и является та опасность, о которой мы говорили въ концѣ вчерашней статьи: что промежутки между ежегодными созывами Думы могутъ сдѣлаться произвольно-долгими, а ея сессіи—произвольно короткими. Любопытно, что меньшинство совѣщанія считало также необходимымъ внести въ законъ указаніе, что Дума и совѣтъ должны быть созываемы и распускаемы одновременно.

Въ вопросѣ о публичности засѣданій, какъ мы слышали, П. Н. Дурново оказался либеральнѣе нашего премьера, такъ какъ первый, съ двадцатью другими членами, находили возможнымъ допускать (съ вѣдома предсѣдателя) постороннихъ въ засѣданія Думы и Совѣта, а послѣдній, съ 4 другими членами, считалъ возможнымъ допускать (тоже факультативно) исключительно представителей печати,—и то въ ограниченномъ количествѣ.

Развивая идею о законодательной власти народныхъ представителей, два члена совѣщанія считали необходимымъ дать Думѣ преимущество передъ совѣтомъ въ томъ отношеніи, чтобы законопроектъ, отклоненный совѣтомъ послѣ вторичнаго обсужденія въ Думѣ,

---

*) „Рѣчь“ № 2, 24 февраля.

представлялся непосредственно Государю, въ случаѣ, если онъ будетъ принятъ двумя третями членовъ Думы. Но совѣщаніе нашло, что предоставленіе Думѣ такого права было бы умаленіемъ значенія совѣта и нарушало бы основной принципъ равноправности обоихъ учрежденій. Очень интересно отмѣтить, что совѣщаніе предлагало запретить только лично представлять въ Думу словесныя или письменныя заявленія; въ § 61 учр. Думы это слово «лично» пропущено, вслѣдствіе чего явилась возможность толкованія, что запрещено представленіе всякихъ петицій въ Думу. Любопытны также прямыя указанія, сдѣланныя въ совѣщаніи, на цѣль опредѣленія состава государственнаго совѣта. Совѣщаніе желало ввести въ совѣтъ наиболѣе устойчивые, по взглядамъ и направленію, слои населенія; этимъ оно само объясняетъ какъ повышенный цензъ для членовъ совѣта, такъ и намѣренное введеніе въ совѣтъ большинства членовъ, принадлежащаго къ дворянскому сословію. Несмотря на многочисленныя ходатайства представителей торговаго и промышленнаго класса объ усиленіи численности ихъ членовъ въ совѣтѣ, совѣщаніе имъ въ этомъ отказало.

Всѣ эти свѣдѣнія, почерпнутыя нами изъ достовѣрнаго источника, чрезвычайно ярко оттѣняютъ тѣ особенности въ учрежденіи Думы и государственнаго совѣта, которыя заслуживаютъ особеннаго вниманія общества.

20. Законъ 4 марта о союзахъ и собраніяхъ *).

Законодательная энергія государственнаго совѣта, повидимому, находится въ обратно-пропорціональномъ отношеніи къ ожиданіямъ общества. Послѣ манифеста 17 октября мы всѣ желали и требовали, чтобы какъ можно скорѣе были воплощены въ законодательныя нормы тѣ общія обѣщанія, которыя были даны манифестомъ. Мы ждали долго, но тщетно. Видя, какъ все, что совершалось кругомъ, стояло въ самомъ рѣшительномъ противорѣчіи съ обѣщаніями, мы, наконецъ, перестали ждать и вѣрить, что что-либо путное можетъ быть сдѣлано для осуществленія «незыблемыхъ основъ гражданской свободы». Но какъ разъ, когда мы перестали вѣрить и ждать, нашъ ржавый законодательный механизмъ заработалъ и день за днемъ дарить насъ новыми актами величайшей государственной важности, но въ важность которыхъ такъ же мало вѣритъ публика, какъ въ

*) Рѣчь, № 15, 9 марта.

продолжительность сыплющихся нынѣ, какъ изъ рога изобилія, карательныхъ мѣръ.

Общественный скептицизмъ вполнѣ оправдывается содержаніемъ издаваемыхъ «временныхъ» законовъ. Всѣ они начинаются ссылками на «обязанность правительства осуществить непреклонную монаршую волю» о дарованіи свободъ,—и всѣ безъ исключенія кончаются новыми «скорпіонами». Такимъ образомъ, обѣщанное манифестомъ 12 декабря «устраненіе излишнихъ стѣсненій» въ законахъ о печати привело къ установленію новыхъ видовъ преступленій печати: «возможное ограниченіе стѣсненій правъ частныхъ лицъ случаями, дѣйствительно угрожающими государственной безопасности»—къ распространенію понятія объ «угрозѣ» для государственной безопасности рѣшительно на всѣ случаи и положенія частной жизни; забота объ интересахъ рабочихъ—къ установленію спеціальныхъ каръ за спеціальные виды стачекъ; забота объ огражденіи свободы выборовъ—къ регламентаціи пріемовъ правительственнаго вліянія и т. д. Только что изданные законы о союзахъ и собраніяхъ не составляютъ исключенія; исключеніемъ на этотъ разъ является лишь то, что государственный совѣтъ счелъ нужнымъ подробно указать тѣ мотивы, благодаря которымъ новыя главы нашей «декларацiи правъ» превращаются въ рукахъ нашихъ законодателей въ дополнительные отдѣлы полицейскаго и карательнаго кодекса. Съ этой точки зрѣнія, откровенная мотивировка новыхъ законовъ представляетъ несомнѣнный и довольно значительный интересъ,

Въ мотивахъ къ закону о союзахъ интересно, прежде всего, объясненіе, почему наблюденіе за союзами должно быть передано не суду, а административнымъ комиссіямъ, носящимъ неуклюжее названіе «губернскихъ по дѣламъ объ обществахъ присутствій». «Прикосновеніе къ политикѣ всегда и вездѣ низводило судъ съ его высоты, на которой онъ долженъ стоять»,—разсуждаетъ государственный совѣтъ,—«и не можетъ оно пройти безнаказанно для русскихъ судовъ». Сентенція,—продиктованная самой истинной мудростью. Если бы нужны были доказательства правильности этого положенія, мы могли бы сослаться на свѣжій примѣръ—судебные процессы по дѣламъ о печати. Безусловно вѣрно и въ высшей степени цѣнно исходящее изъ такого высокаго мѣста признаніе, что судъ не долженъ быть вмѣшиваемъ въ политику. Но мы спрашиваемъ: слѣдуетъ ли изъ этого, что процессы по дѣламъ печати не должны быть разсматриваемы судами, а особыми «по дѣламъ о печати присутствіями»? Очевидно, выводъ долженъ быть другой:

процессы о печати не должны имѣть характера политическихъ преслѣдованій. Мы рѣшаемся думать, что это истина безспорная для процессовъ о печати, столь же безпорна и для дѣлъ объ обществахъ. Но точка зрѣнія государственнаго совѣта — иная. Судъ не можетъ быть подходящей инстанціей для преслѣдованія общества, потому что тогда самыя преслѣдованія пришлось бы ограничить предѣлами того, что запрещено закономъ. Государственный совѣтъ находитъ, что такой признакъ былъ бы черезчуръ грубъ. «Не слѣдуетъ забывать, что препятствіемъ къ открытію общества или основаніемъ къ его закрытію служитъ не только преслѣдованіе обществомъ цѣли, нарушающей уголовный законъ, но и цѣли, противной нравственности, или таковая дѣятельность общества, которая угрожаетъ общественной безопасности и спокойствію, а также образованіе служащими въ правительственныхъ учрежденіяхъ общества съ цѣлью политической». Такъ какъ поводы къ такого рода преслѣдованіямъ «не поддаются точному опредѣленію», то государственный совѣтъ находитъ, что опредѣленіе ихъ слѣдуетъ предоставить усмотрѣнію административныхъ комиссій. Подобныя комиссіи способны «руководиться соображеніями цѣлесообразности» (при извѣстныхъ условіяхъ дѣятельность общества, не отступающая отъ устава, можетъ оказаться вредной, напр., дѣятельность, посвященная укрѣпленію національныхъ особенностей» и т. д.). Между тѣмъ, «всякій правильно дѣйствующій судъ долженъ воспитать въ себѣ привычку отрѣшаться отъ подобныхъ соображеній». Администрація, очевидно, должна усвоить себѣ привычку противоположную и потому ее слѣдуетъ предпочесть правильному суду, какъ болѣе гибкое орудіе для политическихъ преслѣдованій.

Не менѣе интересны соображенія, которыя побуждаютъ государственный совѣтъ провести тонкое различіе между «обществомъ» и «союзомъ». Дѣло въ томъ, что «возникшіе въ послѣднее время союзы съ политическими цѣлями, хотя они и успѣли проявить особо вредное и опасное для государства направленіе, не могли бы на основаніи дѣйствующихъ карательныхъ постановленій быть привлечены къ уголовной отвѣтственности». Необходимы, слѣдовательно, новыя постановленія, которыя и дѣлаетъ настоящій законъ. Чтобы отдѣлить наказуемое отъ ненаказуемаго, законъ, прежде всего, устанавливаетъ самое понятіе «союза». Союзъ—это «объединеніе нѣсколькихъ обществъ въ общую организацію, равно какъ развѣтвленіе одного общества на различныя отдѣленія». Мотивъ для такого—совершенно искусственнаго и произвольнаго—опредѣленія

приводится тутъ же: такого рода «объединеніе» и «развѣтвленіе» «сосредоточиваетъ въ центральномъ органѣ такого союза или общества значительную власть, открывая ему возможность почти безграничнаго вліянія на дѣятельность отдѣльныхъ лицъ». Не ясно ли, что, подобно новымъ законамъ о преступленіяхъ печати и о стачкахъ, настоящій законъ исходитъ изъ вполнѣ конкретнаго случая и для этого случая устанавливаетъ новую норму и санкцію? Мы должны признаться, что этотъ методъ нѣсколько напоминаетъ намъ процессъ законодательнаго творчества въ Русской Правдѣ. Кто укралъ одну корову, такая-то пеня. А если пришли три человѣка и украли три коровы, то пеня такая-то.

Приблизительно одинаковый характеръ имѣютъ и разъясненія по поводу новаго закона о собраніяхъ. Открыто признанная двоякая цѣль закона есть «согласованіе правилъ 12-го октября съ началами гражданской свободы и приведеніе ихъ въ соотвѣтствіе съ обязанностью предупрежденія и преслѣдованія опасныхъ для государственнаго порядка и общественнаго спокойствія проявленій дѣятельности собраній». Естественно, что вторая цѣль лежитъ гораздо ближе къ сердцу законодателя, чѣмъ первая, и существенное содержаніе новаго закона сводится къ тщательному замазыванію тѣхъ щелей, которыя старый законъ оставилъ для дѣйствительнаго осуществленія «началъ гражданской свободы» въ примѣненіи къ собраніямъ. Съ этой цѣлью государственный совѣтъ особенно внимательно остановился на опредѣленіи понятія «публичное собраніе». При этомъ опредѣленіи основною цѣлью было устранить все то, что могло бы «затруднить административную власть въ надзорѣ за такими собраніями». Въ своемъ усердіи законодатель пошелъ такъ далеко, что установленный имъ принципіально явочный порядокъ устройства собраній самъ собой превратился въ концессіонный—замѣчаніе, которое съ одинаковой справедливостью можно бы было сдѣлать и относительно закона объ обществахъ. Мы узнаемъ, что въ одномъ частномъ случаѣ такая коренная перемѣна была замѣчена и нѣкоторыми членами совѣта. Они обратили вниманіе на то, что проектъ закона уже совершенно откровенно употребляетъ терминъ «разрѣшеніе» собраній, тогда какъ, по смыслу «незыблемыхъ основъ гражданской свободы», слѣдовало бы говорить только о «предварительномъ заявленіи».

Помимо чрезвычайнаго расширенія по новому закону понятія о «публичности» собраній, новый законъ, вообще, расширилъ «право не допускать устройства собраній» цѣлымъ рядомъ новыхъ разъ-

ясненій и дополненій къ старому закону. Распространена необходимость разрѣшенія губернатора или градоначальника на всякое собраніе подъ открытымъ небомъ какъ внутри, такъ и внѣ городовъ.

Правила о разстояніи этихъ собраній отъ резиденціи государя и отъ мѣстъ засѣданія думы и совѣта распространены и на собранія въ закрытыхъ помѣщеніяхъ. Цѣлый рядъ помѣщеній изъятъ изъ числа тѣхъ, въ которыхъ, вообще, могутъ быть устраиваемы собранія. Словомъ, какъ уже сказано, забота о «согласованіи правилъ съ началами гражданской свободы» совсѣмъ не безпокоила законодателя при изданіи правилъ 4-го марта. Въ этомъ и главное отличіе этихъ правилъ отъ всѣхъ предыдущихъ.

III. Образованіе политическихъ партій.

1. Организація конституціонно-демократической партіи.

21. Вступительная рѣчь на учредительномъ съѣздѣ к.-д. партіи 14 октября 1905 года.

Цѣль настоящаго съѣзда—создать и формально провозгласить большую политическую партію, первую открытую политическую партію въ Россіи, которой общественная молва уже присвоила имя *конституціонно-демократической*. Цѣль эта—до такой степени является естественной, не выдуманной, а, напротивъ, необходимой и неизбѣжной въ виду настоящаго политическаго положенія, что жизнь уже предварила наши формальныя постановленія, и конституціонно-демократическая партія считается чѣмъ-то давно существующимъ и даже имѣющимъ свою традицію, свою опредѣленную политическую физіономію. Однако же, каждый представляетъ эту физіономію по своему, и если мы своевременно не наложимъ на это нѣсколько расплывающееся изображеніе, свой штемпель, мы рискуемъ совершенно разрушить уже намѣтившіяся очертанія партіи и выпустить изъ рукъ политическое руководство. Въ виду этого созывъ съѣзда является болѣе чѣмъ своевременнымъ, и рѣшеніе съѣзда должно быть немедленнымъ и окончательнымъ.

Рѣшеніе это, повторяю, не выдумано въ тишинѣ кабинета, а продиктовано жизнью. Образованіе партіи является завершеніемъ широкаго жизненнаго процесса группировки болѣе или менѣе однородныхъ элементовъ, и самая группировка совершилась не на однихъ программныхъ разговорахъ, но на нѣкоторой предварительной политической дѣятельности—насколько такая дѣятельность была возможна при политическихъ условіяхъ, нынѣ, къ счастью, отходящихъ въ вѣчность. Эта тѣсная связь образующейся партіи съ предшествовавшимъ ей общественнымъ движеніемъ ссставляетъ главное

основаніе ея теперешней силы; съ этимъ же связаны, однако, и нѣкоторыя слабыя стороны партійной жизни. Какъ она теперь есть, партія сложилась главнымъ образомъ изъ двухъ группъ, въ свою очередь уже связанныхъ между собой и личнымъ составомъ, и характеромъ общественныхъ взглядовъ и дѣятельности. Первая группа—это извѣстный «союзъ освобожденія», вторая—«союзъ земскихъ конституціоналистовъ». Каждая изъ двухъ группъ имѣетъ свое прошлое и болѣе или менѣе продолжительную исторію; но мы сейчасъ на этомъ прошломъ не имѣемъ надобности останавливаться. Въ своемъ теперешнемъ фазисѣ дѣятельность обѣихъ группъ ведетъ начало отъ 1903 года. Не буду характеризовать этой дѣятельности; скажу только, что политическій размахъ ея былъ очень широкъ; можно сказать, что все русское освободительное движеніе за послѣдніе годы, поскольку оно не было результатомъ дѣятельности соціалистическихъ партій, такъ или иначе было связано съ дѣятельностью двухъ упомянутыхъ организованныхъ группъ.

Развернутая широкимъ фронтомъ, дѣятельность эта вовлекла въ движеніе элементы, самымъ разнообразнымъ образомъ настроенные о какой-либо о д н о й политической окраскѣ, о д н о й политической или экономической доктринѣ, о д н о м ъ соціальномъ слоѣ не можетъ быть и рѣчи при характеристикѣ партіи. Ее связывало прежде всего общее отрицаніе, общая оппозиція противъ существующихъ порядковъ и борьба съ ними. Одни находили въ этой борьбѣ цѣль саму по себѣ, другіе видѣли въ ней лишь временное средство; но всѣ были согласны въ томъ стремленіи къ политическому «освобожденію», которое и дало имя всему направленію. Мало по малу, однако, по мѣрѣ того, какъ группа людей лучше узнавала другъ друга, дѣйствуя вмѣстѣ, выяснилось, что ихъ связываетъ не одна эта задача п о л и т и ч е с к а г о освобожденія,—не одна борьба за к о н с т и т у ц і ю, но что, при всѣхъ различіяхъ въ оттѣнкахъ, всѣ активно борящіеся группы настроены д е м о к р а т и ч е с к и. Соціальныя реформы—аграрныя, рабочія, финансовыя—выяснились, какъ та живая цѣль, то содержаніе, къ осуществленію котораго русское освободительное движеніе хотѣло идти путемъ политической реформы. Такимъ образомъ, конституціонно-демократическое настроеніе центральныхъ элементовъ дѣйствующихъ двухъ группъ сообщило имъ извѣстное внутреннее единство и дало имъ опредѣленную окраску въ общественномъ мнѣніи; эта окраска исключала, справа и слѣва, группировки на опредѣленномъ классовомъ началѣ: конституціонно-демократическое теченіе фактически отмежевалось, съ одной стороны, отъ

чистой классовой доктрины, пролетаріата, съ другой,—отъ общественныхъ элементовъ, надѣющихся со временемъ создать политическія группы аграріевъ и промышленниковъ. Самъ характеръ политической борьбы, возможной при старомъ порядкѣ, сообщилъ движенію и закрѣпилъ за нимъ оттѣнокъ идейнаго внѣ-классового, движенія, соотвѣтствующій традиціонному настроенію русской интеллигенціи.

Въ меньшей, но все болѣе возрастающей чистотѣ, то же настроеніе было перенесено группой земскихъ конституціоналистовъ на съѣзды земскихъ и городскихъ дѣятелей. Начиная съ принципіальныхъ заявленій 6—9 ноября и кончая постановленіями послѣдняго сентябрьскаго съѣзда, конституціонно-демократическое настроеніе съѣздовъ постоянно прогрессивало, и ростъ его, наконецъ, завершился, на послѣднемъ съѣздѣ, принятіемъ резолюцій, по содержанію своему почти тождественныхъ съ тѣми, какія тогда уже партійное ядро подготовляло для настоящаго нашего съѣзда.

Такимъ образомъ, при самомъ своемъ возникновеніи к. д. партіи уже является группирующей около себя извѣстные общественные элементы и получаетъ въ наслѣдство весьма значительное нравственное и общественное вліяніе, которое пріобрѣтено предшествующей дѣятельностью входящихъ въ нее группъ.

Вопросъ о соединеніи этихъ и единомышленныхъ имъ элементовъ въ открытую политическую партію также не возникъ впервые въ настоящую минуту. Вопросъ этотъ былъ формально поставленъ на разрѣшеніе освобожденскаго съѣзда въ ноябрѣ 1904 г. и вторично весной 1905 г., но тогда группа предпочла временно сохранить за собой названіе «союза освобожденія». Группа «з. к.» также постоянно имѣла въ виду образованіе партіи, какъ завершеніе всей своей дѣятельности по объединенію прогрессивныхъ земскихъ элементовъ. Если что задерживало осуществленіе этихъ стремленій, то это, во первыхъ, значительное разнообразіе элементовъ, входившихъ въ «союзъ» или въ «съѣздъ», но не могшихъ войти въ сплоченную и дисциплинированную «партію», во-вторыхъ, отсутствіе ближайшей практической цѣли и технической—возможности широкой партійной дѣятельности. Но практика съѣздовъ и совѣщаній въ значительной степени сблизила разнородные элементы и выработала нѣкоторое среднее теченіе; въ то же время актъ 6 августа и послѣдовавшія событія дали возможность и цѣль для широкой партійной дѣятельности. Въ виду этого, провозглашеніе партіи на основѣ опредѣленной партійной программы является въ настоящее время уже совершенно неотложной политической задачей момента.

Конечно, организуемая партія, при всемъ сплоченіи входящихъ въ нее элементовъ, все еще продолжаетъ соединять въ своей средѣ значительное разнообразіе воззрѣній. Предстоящему съѣзду предстоитъ выяснить степень этого разнообразія и рѣшить, является ли оно препятствіемъ дѣлу соединенія въ большую политическую партію. Организаторамъ съѣзда казалось, что этого рода препятствія—не неустранимы, если только не смотрѣть на партію, какъ на соединеніе вѣчное. Жизнь уже отграничила данную группу отъ сосѣднихъ. Справа противъ насъ уже выставлены лозунги, которыми эта граница проводится отъ имени самихъ нашихъ противниковъ. Но надо сказать, что здѣсь граница проведена искусственно, съ политическими цѣлями, скрывающими истинныя стремленія нашихъ противниковъ, и намъ предстоитъ задача—разоблачить этотъ полемическій и избирательный пріемъ. Противъ насъ выставляютъ принципы единства Россіи и неприкосновенности частной собственности,—какъ будто, мы отрицали единство и частную собственность: ни того, ни другого к.-д. партія, разумѣется, не отрицаетъ, но она является непримиримымъ противникомъ бюрократической централизаціи и министерства. Настоящая граница, такимъ образомъ, проходитъ совсѣмъ не тамъ, гдѣ хотятъ провести ее, къ выгодѣ для себя, наши противники справа. Эта граница тамъ, гдѣ они выступятъ во имя узкихъ классовыхъ интересовъ русскихъ аграріевъ и промышленниковъ. Наша партія никогда не будетъ стоять на стражѣ этихъ интересовъ въ ущербъ интересамъ трудящихся классовъ. Между нами и нашими—мы хотѣли бы сказать, не противниками, а союзниками, слѣва также существуетъ извѣстная грань, но она иного характера, чѣмъ та, которую мы проводимъ справа. Мы не присоединяемся къ ихъ требованіямъ демократической республики и обобществленія средствъ производства. Одни изъ насъ не присоединяются къ этимъ лозунгамъ, потому что считаютъ ихъ, вообще, неприемлемыми, другіе—потому, что считаютъ ихъ стоящими внѣ предѣловъ практической политики. До тѣхъ поръ, пока возможно будетъ идти къ общей цѣли вмѣстѣ, несмотря на это различіе мотивовъ, обѣ группы партіи будутъ выступать, какъ одно цѣлое; но всякая попытка подчеркнуть только что указанныя стремленія и ввести ихъ въ программу будетъ имѣть послѣдствіемъ немедленный расколъ. Мы не сомнѣваемся, однако, что въ нашей средѣ найдется достаточно политической дальновидности и благоразумія, чтобы избѣжать этого раскола въ настоящую минуту.

Въ очерченныхъ предѣлахъ наша партія ближе всего подхо-

дитъ къ тѣмъ интеллигентскимъ западнымъ группамъ, которыя извѣстны подъ названіемъ «соціальныхъ реформаторовъ». Сохраняя связь съ интеллигентскими традиціями, мы дѣлаемъ первую попытку пріотворить интеллигентскіе идеалы въ осуществимыя практическія требованія и взять изъ литературныхъ декларацій все, что можетъ быть введено въ политическую программу. Наше дѣло слишкомъ ново для русскаго общества, не привыкшаго къ практическо-политической дѣятельности,—чтобы мы могли расчитывать на безусловное и полное одобреніе и признаніе со стороны всѣхъ элементовъ общественнаго мнѣнія. И, однако, наша программа является, несомнѣнно, наиболѣе лѣвой изъ всѣхъ, какія предъявляются аналогичными намъ политическими группами западной Европы. Этотъ характеръ программы можетъ быть не оцѣненъ по достоинству въ моментъ такого высокаго напряженія общественныхъ силъ, какой мы сейчасъ переживаемъ,—но онъ безъ, сомнѣнія, будетъ оцѣненъ впослѣдствіи.

Для настоящаго момента на первую очередь выдвигаются вопросы тактическіе, которые и будутъ подняты на съѣздѣ послѣ вопросовъ программныхъ. Общее теченіе въ обѣихъ группахъ достаточно выяснилось и по тактическому вопросу: вступленіе въ думу съ исключительной цѣлью борьбы за политическую свободу и за правильное представительство. Намъ остается опредѣлить, слѣдуетъ ли дать указанія по этому поводу нашимъ депутатамъ, и въ какой степени эти указанія должны быть детальны. Во всякомъ случаѣ, едва ли будутъ сомнѣнія въ томъ, что, добиваясь нашей цѣли, мы не можемъ расчитывать ни на какія соглашенія. Мнѣ остается сообщить свѣдѣнія о тѣхъ подготовительныхъ работахъ, которыя были исполнены для настоящаго съѣзда. На съѣздѣ «земск. конст.» въ іюлѣ постановлено было для образованія партіи избрать комиссію въ составѣ 20 членовъ; комиссія эта выдѣлила небольшую подкомиссію, работавшую лѣтомъ и составившую первоначальный набросокъ партіи на основаніи сходныхъ между собой программъ однородныхъ обществъ и группъ. Затѣмъ, съѣздъ союза освобожденія 20-го августа избралъ для той же цѣли комиссію въ составѣ 40 членовъ (въ это число вошли и 15 членовъ 20-членной комиссіи) и уполномочилъ эту комиссію выработать программу, положивъ въ основаніе программу союза освобожденія. 40-членная комиссія распредѣлила между собой составленіе программы по ея различнымъ отдѣламъ, затѣмъ обсудила составленныя спеціальными комиссіями программы въ соединенныхъ засѣданіяхъ и составила окончательный текстъ, представляемый на разсмотрѣніе съѣздовъ.

22. Докладъ II съѣзду конституціонно-демократической партіи объ отношеніи къ избирательной кампаніи и къ государственной думѣ, по закону 11 декабря 1905 г.

Второму съѣзду конституціонно-демократической партіи приходится при измѣнившихся обстоятельствахъ снова рѣшать вопросъ, который былъ рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ первымъ съѣздомъ: вопросъ о томъ, входить или не входить въ государственную думу. Надо признать, что съ тѣхъ поръ правительство ничего не сдѣлало для того, чтобы облегчить рѣшеніе этого вопроса, но сдѣлало очень многое, чтобы его затруднить. Мнѣ извѣстны члены, для которыхъ не возникло сомнѣній относительно вступленія въ думу 6-го августа, но для которыхъ теперь вопросъ кажется вовсе не безспорнымъ и не несомнѣннымъ. Такимъ образомъ, новый пересмотръ вопроса является совершенно необходимымъ. Центральный комитетъ поручилъ мнѣ предпослать обсужденію этого капитальной важности вопроса на съѣздѣ нѣсколько вступительныхъ замѣчаній.

Прежде всего, я позволю себѣ внести въ обсужденіе вопроса одно различіе, которое обыкновенно не дѣлается, а между тѣмъ можетъ значительно упростить рѣшеніе. Я предложилъ бы съѣзду различить вопросъ объ участіи въ выборной кампаніи отъ вопроса объ участіи въ думѣ. Дума по закону 11 декабря можетъ состояться или не состояться, смотря по ходу дальнѣйшихъ событій: составъ думы, а въ зависимости отъ этого и ея политическое значеніе можетъ опредѣлиться такъ или иначе; но тотъ вступительный актъ, который составляетъ первый шагъ къ созыву думы—избирательная кампанія, въ настоящее время уже осуществляется. Отношеніе партіи въ этой вступительной стадіи должно быть опредѣлено немедленно—и можетъ быть опредѣлено внѣ всякой зависимости отъ вопроса о существованіи и дѣятельности думы. Любопытно, что даже нѣкоторые изъ крайнихъ партій, прежде непоколебимо стоявшихъ на почвѣ «бойкота», расчленили его на нѣсколько стадій и по отношенію къ первой стадіи—избирательной кампаніи—въ нѣкоторыхъ случаяхъ отвергли.

Дѣйствительно, есть рядъ соображеній, которыя заставляютъ рѣшать вопросъ объ участіи въ выборахъ въ положительномъ смыслѣ даже тѣхъ, кто вполнѣ отрицательно относится къ будущей думѣ. Одно

изъ такихъ соображеній уже выставлено нѣкоторыми, такъ называемыми, крайними партіями: оно заключается въ томъ, что первая стадія выборовъ можетъ дать, въ лицѣ выборщиковъ,—болѣе правильное представительство рабочаго класса и крестьянства, чѣмъ то, которое имѣется въ настоящее время въ формѣ профессіонально-политическихъ союзовъ. Наша партія, ставящая на своемъ знамени улучшеніе трудящихся классовъ путемъ ряда насущныхъ, практически осуществимыхъ реформъ, можетъ только привѣтствовать всякую подобную попытку, такъ какъ дѣятельность партіи, безъ сомнѣнія, найдетъ себѣ тѣмъ скорѣе признаніе среди заинтересованныхъ демократическими реформами группъ населенія, чѣмъ правильнѣе и шире будутъ основы ихъ политической организаціи.

Но, и помимо этого соображенія, участіе въ выборахъ имѣетъ для конституціонно-демократической партіи иное, гораздо болѣе прямое и непосредственное значеніе: Опять-таки, совершенно независимо отъ отношенія къ будущей думѣ, выборы имѣютъ огромное значеніе для всякой большой политической партіи, какъ могущественное и незамѣнимое средство агитаціи и пропаганды въ духѣ программы партіи. И это значеніе выборовъ также уже оцѣнено, такъ называемыми, крайними партіями, которыя начинаютъ предлагать своимъ сторонникамъ записываться въ избирательные списки, хотя бы только въ агитаціонныхъ цѣляхъ. Поскольку эти цѣли чисто отрицательныя, т. е. пропаганда идеи бойкота выборовъ на самыхъ выборахъ,—избирательныя собранія могутъ, правда, оказаться и не совсѣмъ удобной почвой для соотвѣтственной агитаціи; но всякая положительная партійная программа непремѣнно найдетъ въ избирательныхъ собраніяхъ внимательныхъ слушателей и сторонниковъ.

Серьезное возраженіе противъ участія въ выборахъ съ агитаціонной цѣлью состоитъ въ томъ, что при настоящемъ политическомъ положеніи при отсутствіи надлежащихъ законныхъ гарантій для свободы выборовъ, партійная агитація и пропаганда на выборахъ могутъ оказаться крайне затруднительными. Не говорю уже объ исключительныхъ условіяхъ, въ которыхъ будутъ поставлены выборы въ тѣхъ мѣстностяхъ Россіи, гдѣ дѣйствуетъ военное положеніе, усиленная охрана и т. под. чрезвычайныя мѣры. Избирательная комиссія въ этихъ мѣстностяхъ можетъ оказаться дѣйствительно невозможной—и фактически, и морально. Но законъ 11 декабря это предвидѣлъ и предусмотрительно объявилъ засѣданія думы за-

конными при наличности хотя половины всѣхъ депутатовъ. При какихъ же условіяхъ будетъ выбирать эта половина? Къ сожалѣнію, и въ данномъ случаѣ имѣются вѣскія основанія опасаться болѣе или менѣе открытаго правительственнаго давленія на выборы. Изъ провинціи все чаще стали приходить въ послѣднее время извѣстія, что правительство готовится къ выборамъ не менѣе энергично, чѣмъ наши политическія партіи. Должностныя лица, выполняя какія-то таинственныя предписанія свыше, созываютъ благонадежныхъ людей на полуофиціальныя собранія и всячески поощряютъ ихъ вступать въ правительственныя партіи и организаціи. Въ тоже время мѣстные представители власти стараются внушать пугливому обывателю, что партіи и организаціи оппозиціонныя—«нелегальныя» и что правительство ихъ не одобряетъ. Организаціи эти начинаютъ встрѣчать всякія препятствія въ самыхъ законныхъ проявленіяхъ своей общественной дѣятельности. Самое существованіе комитетовъ оппозиціонныхъ партій встрѣчаетъ мѣстами такого рода принципіальныя возраженія, подъ которыя никто не пытается подвести комитеты правительственныхъ партій. Нашъ секретарь сообщилъ вамъ рядъ поучительныхъ иллюстрацій къ только что сказанному изъ жизни конституціонно-демократической партіи. Въ столицахъ еще удается болѣе или менѣе успѣшно бороться съ подобной пропагандой второстепенныхъ властей, за дѣйствія которыхъ ихъ высшее начальство не всегда рѣшается брать на себя отвѣтственность открыто, но въ провинціи партійная жизнь вполнѣ зависитъ отъ политическаго міровоззрѣнія и отъ степени политической грамотности мѣстнаго губернатора. А какъ плохо можетъ оказаться положеніе пропагандиста оппозиціонныхъ партій въ деревнѣ, показываетъ цѣлый рядъ самоуправствъ и насилій, жертвой которыхъ сдѣлались многіе изъ нихъ въ послѣднее время.

Если иныя изъ этихъ насилій и могутъ объясняться усмотрѣніемъ и самоуправствомъ мѣстныхъ властей, то общій тонъ и характеръ отношенія властей къ дѣятельности партій на мѣстахъ не можетъ быть объясненъ иначе, какъ опредѣленными и однородными указаніями, идущими свыше. Правительство, очевидно, намѣрено воспользоваться всѣмъ своимъ вліяніемъ на мѣстахъ, чтобы «сдѣлать выборы». Оно используетъ всѣ свои чрезвычайныя полномочія, чтобы устранить непріятныхъ ему людей отъ участія въ выборахъ, запугать трусливыхъ, ограничить имъ же данную свободу собраній и печати; словомъ, все возможное будетъ испробовано, чтобы фальсифицировать выборы. При такомъ отсутствіи

формальныхъ условій свободы избирательной кампаніи и при наличности прямого правительственнаго давленія, спрашиваютъ пессимисты, стоитъ ли идти на выборы, чтобы только потерпѣть пораженіе и обнаружить собственное безсиліе бороться при данныхъ обстоятельствахъ? Сомнѣнія эти грѣшатъ тѣмъ, что, во-первыхъ, предрѣшаютъ многое неизвѣстное и не подлежащее учету до конца выборовъ, а, во-вторыхъ, придаютъ неудачѣ въ избирательной кампаніи совсѣмъ не тотъ политическій смыслъ, который эта неудача можетъ имѣть. Опредѣлить степень вліянія правительственнаго давленія на мѣстѣ при теперешнемъ состояніи общаго недовольства никто не можетъ. Еще труднѣе учесть возможный результатъ примѣненія новаго избирательнаго закона. Кто будетъ тотъ избиратель, который придетъ къ урнамъ, каковъ будетъ составъ выборщиковъ, какова степень возможнаго воздѣйствія интеллигенціи и передовыхъ политическихъ партій на этихъ выборщиковъ—все это пока совершенно не ясно. Самыя отрицательныя стороны новаго избирательнаго закона могутъ сыграть роль прямо противоположную ожиданіямъ правительства. Многостепенные выборы гораздо болѣе прямыхъ допускаютъ воздѣйствіе на избирательныя коллегіи; но воздѣйствіе это можетъ быть разнаго рода, и если избирательныя коллегіи низшаго разряда могутъ отразить на своемъ составѣ непосредственное вліяніе мѣстной администраціи, за то коллегіи высшаго разряда могутъ отдестиллировать выборщиковъ, соотвѣтствующихъ господствующему общественному настроенію; а то, что останется «дикаго» въ средѣ выбранныхъ этими выборщиками депутатовъ, можетъ подвергнуться обработкѣ подъ вліяніемъ господствующихъ общественныхъ теченій въ самой думѣ. Словомъ, выборы нельзя считать заранѣе проиграннымъ сраженіемъ—это проблема, которая рѣшится только самимъ фактомъ.

Но допустимъ, что сраженіе будетъ все таки проиграно. Развѣ будетъ лучше, если противники выиграютъ его безъ боя? Если оппозиція уклонится вполнѣ или отчасти отъ участія въ выборахъ, то въ той же мѣрѣ побѣда правительственныхъ партій пріобрѣтетъ характеръ безспорной и мирной побѣды, и тѣмъ труднѣе будетъ доказывать потомъ, что собранная такимъ путемъ дума въ дѣйствительности не выражаетъ общественнаго настроенія.—«Гдѣ же вы были во время выборовъ», будутъ спрашивать тѣхъ, кто будетъ жаловаться, что люди его партіи не попали въ думу. И доказать тогда, что отсутствіе партій на выборахъ было добровольнымъ и намѣреннымъ, что ея отсутствіе и уронъ не означало ея полнаго

несуществованія—доказать все это будетъ не легко. Совершенно иное получится, если оппозиція, хотя бы мѣстами и малочисленная, приметъ дѣятельное участіе въ выборахъ и заставитъ правительство открыто и на глазахъ у всѣхъ пустить въ ходъ всѣ тѣ средства вліянія, которыя могутъ обезпечить ему успѣхъ. Тогда даже неудача выборовъ будетъ въ извѣстномъ смыслѣ побѣдой: если будетъ очевидно, какими средствами правительство добилось побѣды, то выборы сами собой будутъ дискредитированы въ глазахъ общественнаго мнѣнія, и у оппозиціи получится могущественное средство борьбы противъ правительственной думы. Не говорю уже о томъ, что пораженіе кандидата далеко не всегда есть пораженіе партіи. Если всѣмъ станетъ ясно, кто, какіе люди и какіе интересы одерживаютъ верхъ надъ людьми и стремленіями конституціонно-демократической партіи,—одинъ этотъ результатъ самъ по себѣ стоитъ иной побѣды.

Всякая политическая партія должна, конечно, быть готова взять въ свои руки власть: но ничто такъ не изнашиваетъ политическихъ партій какъ непосредственное участіе во власти. А въ моменты, подобные настоящему, темпъ этого изнашиванія гораздо болѣе быстрый, чѣмъ въ нормальное время. Всѣ партіи, и наша въ томъ числѣ, должны стремиться къ тому, чтобы взять въ свои руки ликвидацію тяжелаго наслѣдія, оставленнаго прошлымъ режимомъ: но завидовать тѣмъ, на чью долю выпадетъ процессъ ликвидаціи, намъ, во всякомъ случаѣ, нечего. Если мы не можемъ стать властью,—это, конечно, худо для дѣла, какъ мы его понимаемъ; но для партіи это лучше: лучше для моральнаго вліянія ея на ближайшее будущее. Вотъ почему партія не должна и не можетъ отказаться отъ участія въ выборахъ, хотя бы ей даже грозило несомнѣнное пораженіе: ей предстоитъ въ этомъ случаѣ еще болѣе благопріятная роль—политической оппозиціи.

Наша партія есть по преимуществу партія парламентарная; ея характеръ, способы политическаго воздѣйствія, ей доступные, все это дѣлаетъ для нея періодъ избирательной кампаніи особенно важнымъ въ партійномъ смыслѣ. Участіе въ выборахъ необходимо ей не только какъ средство агитаціи, не только какъ способъ борьбы за власть, но—и прежде всего—для ея собственной организаціи. Каковъ бы ни былъ исходъ выборовъ,—избирательная кампанія послужитъ для партіи незамѣнимымъ организаціоннымъ средствомъ. Изъ избирательной борьбы партія выйдетъ съ окрѣпшими мѣстными комитетами, съ яснымъ понятіемъ о партійной дисциплинѣ, съ

прочной сѣтью связей, съ испытанными на дѣлѣ кадрами организаторовъ и пропагандистовъ, съ увеличеннымъ и подсчитаннымъ на выборахъ составомъ членовъ. Представители крайнихъ партій возражали мнѣ на этотъ аргументъ, съ точки зрѣнія своей тактики, что для нихъ выборы вовсе не есть единственное средство сосчитаться, что они сосчитываютъ своихъ членовъ въ иныхъ кампаніяхъ и иными способами. Этотъ аргументъ имѣетъ всю силу и всю слабость того бланкистскаго міровоззрѣнія, изъ котораго онъ истекаетъ. Какъ бы то ни было, ни сила, ни слабость этого аргумента насъ не задѣваетъ. Мы не бланкисты и не якобинцы: это не похвала, не порицаніе, а голый фактъ.

Приведенные аргументы кажутся мнѣ неоспоримыми и рѣшающими. Но они рѣшаютъ только вопросъ объ участіи въ выборахъ. Вопросъ объ участіи въ самой думѣ долженъ быть рѣшенъ совершенно отдѣльно. Аргументы въ пользу или противъ такого участія должны быть совсѣмъ особые. Предположимъ, что выборы не дали бы думѣ ни одного члена отъ конституціонно-демократической партіи. Въ такомъ случаѣ вопросъ, конечно, отпалъ бы самъ собой. Предположимъ, что партія получила бы на выборахъ два или три мѣста. Въ такомъ случаѣ вопросъ о неучастіи партіи въ думѣ было бы очень соблазнительно рѣшить отрицательно. По мѣрѣ возрастанія числа членовъ партіи въ думѣ вопросъ осложняется. Очевидно, его рѣшеніе должно быть не принципіальнымъ, а зависѣть отъ исхода выборовъ. Поскольку же мы должны рѣшить этотъ вопросъ сейчасъ, онъ только и можетъ быть рѣшенъ соображеніями о вѣроятности той или другой численности членовъ нашей партіи въ думѣ. Два мѣсяца тому назадъ мнѣ приходилось говорить о шансахъ нашей партіи на выборахъ. Тогда, какъ мнѣ казалось, шансы эти были весьма велики. Наша партія, элементы которой были подготовлены всей предыдущей освободительной борьбой, тогда была единственной не только жизненной, но и въ извѣстной степени организованной партіей. Она первая создала свою организацію и нѣкоторое время оставалась единственной политической партіей, выступившей публично и открыто. При нѣкоторой ловкости въ практической политикѣ этотъ шансъ можно было использовать чрезвычайно широко въ интересахъ распространенія партіи. Но это значило бы привлечь въ ряды партіи, помимо тѣхъ политически-чистыхъ и цѣнныхъ элементовъ, изъ которыхъ составились ея кадры, въ годы борьбы и тяжелыхъ испытаній, также и менѣе закаленные, болѣе пестрые по политическому настроенію,

ряды пришельцевъ, готовыхъ раздѣлить съ партіей ея торжество. Я долженъ сказать, что лично мнѣ не хотѣлось спѣшить расширеніемъ рядовъ партіи въ только что указанномъ направленіи; я указывалъ тогда же на необходимость образованія въ Россіи партіи болѣе правыхъ, чѣмъ наша. И уже на послѣднемъ земскомъ и городскомъ съѣздѣ мнѣ пришлось привѣтствовать появленіе первыхъ зародышей политической организаціи, исходившей изъ меньшинства земскихъ и городскихъ съѣздовъ. Я привѣтствовалъ появленіе этихъ группъ, какъ своего рода оттяжной пластырь, въ интересахъ чистоты нашей собственной партіи; и время показало, что я не ошибался. Широкіе круги публики нѣкоторое время считали нашу группу стоявшей на чредѣ власти, и къ намъ обращались съ упреками,—и изъ среды обывателей и изъ рядовъ болѣе лѣвыхъ, чѣмъ мы,—что мы не только поспѣшили протянуть руки за властью, но даже, будто бы, оттолкнули протянутую намъ руку. Это обвиненіе лицемѣрно повторенное въ нѣкоторыхъ официальныхъ и официозныхъ документахъ, въ сущности было результатомъ нѣкотораго оптическаго обмана, или несовершеннаго пониманія политическаго положенія. Мы, какъ *мы*,—т. е. оставаясь самими собою, ни минуты не были «министеріаблями», не смотря на всѣ успѣхи русской революціи, даже въ самомъ апогеѣ революціоннаго настроенія. Когда, вслѣдствіе всѣмъ извѣстныхъ ошибокъ революціонныхъ партій, это настроеніе въ обществѣ стало ослабѣвать, мы оказались въ положеніи своего рода максимальнаго барометра русскаго общественнаго настроенія. Направо и ниже насъ оказалось пустое, никѣмъ незанятое мѣсто, въ которомъ, при благосклонномъ покровительствѣ властей, пышно расцвѣли правительственныя партіи, надѣвшія на себя личину конституціонализма, — такъ какъ тогда графъ Витте еще не дѣлалъ конфиденціальныхъ заявленій, что манифестъ 17 октября сохраняетъ неприкосновеннымъ самодержавіе. Итакъ, въ результатѣ ошибокъ революціонеровъ и нашей собственной брезгливости, наша политическая роль перешла къ партіямъ 17 октября и правового порядка. Если бы правительство, подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ испуга, овладѣвшаго обществомъ, произвело тогда же свои выборы въ думѣ, вѣроятно, многимъ и многимъ изъ насъ пришлось бы подумать, стоитъ ли принимать участіе въ выборахъ съ расчетомъ хотя бы на очень скромный успѣхъ. Къ счастью, положеніе, бывшее такимъ, какъ сейчасъ сказано, еще недѣлю — другую тому назадъ, сейчасъ уже начинаетъ замѣтно измѣняться къ лучшему для нашей партіи. Пра-

вительство использовало свою побѣду неумѣло; выборы были отложены; наконецъ, правыя партіи показали свой истинный цвѣтъ: таковы тѣ главныя обстоятельства, которыя послужили намъ на пользу въ эти послѣднія недѣли. Всѣмъ извѣстно, что пушки и пулеметы Дубасова оказались гораздо опаснѣе для средняго обывателя, чѣмъ браунинги членовъ революціонной дружины. Хаосъ, который долженъ былъ внушить обывателю ужасъ противъ революціоннаго террора, внушилъ ему въ гораздо большей степени страхъ передъ терроромъ правительственнымъ; а примѣненные на практикѣ способы усмиренія показали обывателю, что правительственное искусство побѣждать осталось тѣмъ же, чѣмъ было во время японской войны. Испугавшись революціонеровъ, обыватель все-таки не повѣрилъ и правительству. Между тѣмъ, власть, увлекшись легкой побѣдой надъ ею же самой провоцированнымъ и раздутымъ революціоннымъ движеніемъ, начала отбирать одну за другой уступки, данныя среднему обывателю, и этимъ окончательно его отъ себя оттолкнула.

Если бы выборы были произведены подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ революціонныхъ неудачъ, весьма возможно, что правительству удалось бы использовать настроеніе общества въ своихъ интересахъ и ослабить шансы прогрессивныхъ партій на выборахъ. Наоборотъ, отсрочка выборовъ даетъ избирателямъ время осмотрѣться и оправиться отъ испуга. Раздраженіе правительственной реакціей успѣетъ сдѣлать свое дѣло, и ко времени выборовъ оппозиціонное настроеніе опять станетъ общераспространеннымъ. Конечно, отсрочка выборовъ дастъ возможность и правительству принять свои мѣры: но если общее настроеніе создается не въ его пользу, правительственныя усилія фальсифицировать выборы еще могутъ быть въ значительной степени парализованы, при условіи активной и энергичной работы со стороны прогрессивныхъ партій. Необходимой предпосылкой нашего расчета является то, что ошибочное направленіе теперешней правительственной политики не будетъ измѣнено; что Дурново останется душой «конституціоннаго» министерства, и обѣщанныя манифестомъ свободы останутся привилегіей правительственныхъ агентовъ. Но, кажется, въ этомъ отношеніи мы можемъ быть покойны. Расчеты на самодѣятельность общества и на силу революціи, на силу страха или силу энтузіазма, могли бы оказаться невѣрными; но до сихъ поръ насъ никогда не обманывалъ—напротивъ, превосходилъ всѣ наши ожиданія—расчетъ на правительственныя ошибки.

Откровенная поддержка министерствомъ правительственныхъ партій и столь же безцеремонное преслѣдованіе партій прогрессивныхъ—есть одинъ изъ существенныхъ элементовъ этого расчета. Когда мѣстныя полицейскія и административныя власти, руководясь какими-то таинственными предписаніями свыше, всячески поощряютъ образованіе однѣхъ политическихъ группъ и всячески препятствуютъ распространенію другихъ, тогда всякому становится ясенъ секретъ партійной борьбы и всякій знаетъ, на чью сторону ему стать. Естественный подборъ состава тѣхъ и другихъ партій очень скоро опредѣлится,—а вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлится и отношеніе къ партіямъ населенія. Правительственное покровительство очень скоро дискредитируетъ правыя партіи и окраситъ ихъ въ цвѣтъ «черной сотни». Моральный выигрышъ нашей партіи при такомъ положеніи дѣлъ—совершенно несомнѣненъ.

Итакъ, обстоятельства слагаются такимъ образомъ, что намъ нѣтъ основанія отчаиваться въ болѣе или менѣе значительномъ успѣхѣ въ будущей избирательной кампаніи. Въ зависимости отъ ея исхода будетъ находиться и наше отношеніе къ будущей думѣ. Именно потому, что нашъ взглядъ на думу и на нашу роль въ ней опредѣлится только результатами выборовъ,—относительно этой части нашей тактической задачи не можетъ быть такого опредѣленнаго, заранѣе установленнаго рѣшенія, какъ по вопросу о нашемъ участіи въ выборахъ. Важно, однако, установить предѣлы возможныхъ колебаній,—тѣмъ болѣе, что именно въ этой части вопроса намъ приходится считаться съ принципіальными рѣшеніями и съ общими задачами всего освободительнаго движенія. Дѣятельность въ думѣ, какъ бы ни смотрѣть на нее, во всякомъ случаѣ, можетъ быть лишь частью нашей общей дѣятельности въ цѣломъ освободительномъ движеніи.

23. Къ итогамъ второго съѣзда к.-д. партіи *).

Я не буду говорить въ этой замѣткѣ о тѣхъ итогахъ дѣятельности 2-го партійнаго съѣзда, которые выразились въ его постановленіяхъ и резолюціяхъ. Мнѣ хочется сказать здѣсь нѣсколько словъ о томъ, что можно было бы назвать психологіей съѣзда. Психологія съѣзда есть, въ большей или меньшей степени, психо-

*) „Еженедѣльникъ партіи Нар. Своб., № 1.“

логія партіи; и можно сказать, что въ лицѣ делегатовъ II съѣзда вся партія «нашла самое себя», почувствовала въ себѣ наличность коллективной мысли и коллективной воли и съ этого момента «самопознанія» начала жить своей особенной жизнью, стала сама собой.

Въ этомъ результатѣ, по моему, состоитъ главное значеніе II-го съѣзда. Когда мы собирали первый съѣздъ, о томъ, чѣмъ будетъ партія, можно было только гадать. Даже люди, наиболѣе близко стоявшіе къ тѣмъ основнымъ ячейкамъ, изъ которыхъ сложилось ядро партіи,—къ «союзу освобожденія» и къ группѣ «земскихъ конституціоналистовъ»,—могли лишь приблизительно догадываться, изъ какихъ элементовъ сложится тѣло партіи, гдѣ пройдетъ равнодѣйствующая между элементами разнородными и будетъ ли политическій центръ тяжести партіи лежать въ дѣйствительномъ центрѣ ея однородной массы, или окажется математической точкой, лежащей гдѣ-нибудь въ пространствѣ между нѣсколькими разнородными тѣлами, вошедшими въ составъ партіи. Общее опасеніе состояло въ томъ, что на учредительномъ съѣздѣ создадутся не одна, а двѣ или, можетъ быть, три партіи; а если создастся одна, то это будетъ не партія, а «блокъ», своего рода «союзъ союзовъ».

Однако же, первый съѣздъ благополучно прошелъ черезъ всѣ подводные камни программныхъ разногласій; онъ выдержалъ самыя серьезныя испытанія тактическаго характера, пережилъ въ немногіе дни своихъ засѣданій драматическій переходъ отъ политической забастовки къ «конституціи» 17 октября, ярко отозвался на всѣ эти текущія явленія—и не раскололся.

Недоброжелатели съѣзда объясняли это тѣмъ, что составъ съѣзда оказался, по случайнымъ обстоятельствамъ, болѣе однороднымъ, чѣмъ составъ партіи, имѣвшей сложиться: провинціальные делегаты не могли съѣхаться въ достаточномъ количествѣ, и на съѣздѣ было представлено—непропорціонально сильно—столичное ядро. Внимательное наблюденіе за голосованіями и преніями могло бы тогда же показать, что разнородные элементы партіи были представлены на съѣздѣ достаточно полно; но никто, конечно, не могъ утверждать, что пропорціи между ними окажутся дѣйствительно таковыми въ жизни, какими они оказались на съѣздѣ. Такимъ образомъ, все крупное и важное дѣло перваго съѣзда—дѣло созданія первой въ Россіи большой политической партіи, выступающей открыто,—осталось подъ вопросомъ и подъ сомнѣніемъ. Новый съѣздъ былъ необходимъ, и было совершенно неясно, санкціонируетъ

ли этотъ второй съѣздъ дѣло перваго или кореннымъ образомъ его передѣлаетъ. Намъ говорили и справа, и слѣва, что мы провели линію, отграничивающую партію отъ смежныхъ съ нею политическихъ элементовъ, не тамъ, гдѣ слѣдовало. И мы могли, въ самомъ дѣлѣ, думать, что, вмѣсто одного цѣльнаго тѣла, мы создали систему тѣлъ, объединенныхъ искусственнымъ и неустойчивымъ равновѣсіемъ, которое немедленно разрушится, какъ только отдѣльныя составныя части партіи обрѣтутъ свои естественные центры тяжести.

Только работа на мѣстахъ,—работа надъ созданіемъ мѣстныхъ комитетовъ партіи и надъ партійной пропагандой среди мѣстнаго населенія,—могла показать, кто правъ. Работа эта велась при исключительныхъ обстоятельствахъ,—и тѣ же исключительныя обстоятельства замедлили созывъ II-го съѣзда. Собирая его, при первой возможности, въ Петербургѣ, вмѣсто Москвы, мы стояли передъ еще большей неизвѣстностью, чѣмъ наканунѣ созыва перваго съѣзда. Мы не знали, кто изъ нашихъ прежнихъ друзей на мѣстахъ отнесся сочувственно, кто отнесся враждебно къ новообразовавшейся партіи; изъ какихъ элементовъ сложились партійныя группы въ провинціи и какіе политическіе оттѣнки будутъ представлены на съѣздѣ. Мы тѣмъ менѣе могли знать это, что въ промежуткѣ вся политическая жизнь Россіи прошла черезъ самое грандіозное изъ потрясеній, когда либо ею испытанныхъ. Потрясеніе это не могло не отразиться на психологіи общественныхъ элементовъ, изъ которыхъ складывалась партія, и мы должны были готовиться, кромѣ ожидающихся и предусматривавшихся нами затрудненій, къ сюрпризамъ совершенно неожиданнымъ.

Дѣйствительность показала, что всѣ наши опасенія были совершенно напрасны, и что дѣло перваго съѣзда, въ общихъ чертахъ, было сдѣлано совершенно правильно. Лучшимъ доказательствомъ этого была судьба элементовъ, оставленныхъ нами справа и слѣва, внѣ предѣловъ нашей партіи. Элементы, стоявшіе справа и частью очень близко къ намъ примыкавшіе въ моментъ, когда совершался разрывъ, очень скоро послѣ того были далеко отброшены назадъ подъ вліяніемъ «буржуазнаго страха» передъ грозными событіями конца 1905 года. Элементы болѣе лѣвые горькимъ опытомъ должны были убѣдиться въ ошибочности тѣхъ иллюзій, которыхъ мы не хотѣли раздѣлять съ ними. Между реакціоннымъ настроеніемъ однихъ и якобинской тактикой другихъ занятое нами политическое положеніе оказалось наиболѣе правильнымъ, и тяжелыя испытанія жизни

только помогли провести наши дѣла въ общее сознаніе широкихъ круговъ общества.

У второго съѣзда было не мало отрицательныхъ сторонъ, но только не тѣхъ, на какія указывали наши противники. Справедливость требуетъ сказать, что отвѣтственность за эти отрицательныя стороны лежитъ, главнымъ образомъ, на насъ, на устроителяхъ съѣзда. Нѣкоторые доклады были подготовлены для съѣзда черезчуръ спѣшно; нѣкоторые изъ нихъ оказались недостаточно опредѣленными, или ихъ опредѣленность шла въ разрѣзъ съ настроеніемъ съѣзда; члены центральнаго комитета по временамъ сбивали съѣздъ своими внутренними разногласіями; наконецъ, мы, можетъ быть, нѣсколько злоупотребили своимъ «профессорскимъ» краснорѣчіемъ и охотнѣе говорили сами, чѣмъ выслушивали пріѣзжихъ... А между тѣмъ, настроеніе пріѣзжихъ и оказалось, въ концѣ концовъ, тѣмъ огромнымъ плюсомъ, который покрылъ всѣ недочеты съѣзда и сдѣлалъ съѣздъ тѣмъ, чѣмъ онъ теперь оказывается: настоящей эрой въ жизни к.-д. партіи.

Въ самомъ дѣлѣ, пріѣзжіе делегаты явились къ намъ обогащенные всѣмъ тѣмъ тяжелымъ опытомъ, который пережила за предшествовавшіе два мѣсяца русская провинція. За этотъ промежутокъ они очень энергично работали, не останавливаясь передъ попытками воплотить въ жизнь даже самые отвлеченные лозунги партійной программы и тактики. Но именно поэтому отвлеченные лозунги въ ихъ передачѣ оказались одѣтыми плотью и кровью русской дѣйствительности. Они знали,—и могли сказать намъ,—гдѣ «жметъ башмакъ» они нетерпѣливо и невнимательно слушали насъ, когда, по старой привычкѣ, мы начинали ораторствовать и вдавались въ теоретическіе споры,—и съ жадностью ловили всякую крупицу практическихъ указаній.

Это дѣловое, серьезное настроеніе пріѣзжихъ делегатовъ дало тонъ съѣзду. Какъ-то сразу почувствовалось, что люди эти пріѣхали къ намъ не для того, чтобы плодить теоретическія разногласія; интересъ къ ходячимъ аргументамъ, которыми мы сражались другъ противъ друга еще два мѣсяца тому назадъ, куда-то совершенно исчезъ. Нельзя сказать, чтобы всѣ принципіальные вопросы уже оказались разрѣшенными для членовъ съѣзда. Напротивъ, упорная борьба около нѣкоторыхъ принципіальныхъ разногласій, имѣвшихъ практическое значеніе, показала, что интересъ къ защитѣ принципіальныхъ позицій нисколько не ослабѣлъ. Но защищались лишь тѣ позиціи, которыя имѣли отношеніе къ непосредственному практическому рѣшенію очередныхъ вопросовъ; и, защищая ихъ, люди не

хотѣли тратить времени на то, чтобы убѣждать другъ друга, а только на то, чтобы сосчитаться. Чувствовалось, что все, что можетъ быть сказано за или противъ извѣстнаго положенія, уже сотни разъ сказано, давно извѣстно и взвѣшено каждымъ при составленіи его собственнаго мнѣнія. Мнѣнія опредѣлились, и на очереди стоялъ не пересмотръ ихъ, а обсужденіе способовъ, какъ провести ихъ въ жизнь.

Чувствовалось также, что и пониманіе тѣхъ очередныхъ задачъ, которыя подлежатъ проведенію въ жизнь, и тѣхъ способовъ проведенія, которыми располагаетъ партія,—болѣе или менѣе одинаково у огромнаго большинства членовъ съѣзда, несмотря на всѣ принципіальныя разногласія. Члены съѣзда, очевидно, дорожили этимъ сознаніемъ единства ближайшихъ цѣлей и способовъ дѣйствія и хорошо сознавали, какую огромную дополнительную силу получаютъ единичныя попытки, сливаясь въ опредѣленную тактику большой политической партіи. Это чувство солидарности и сознаніе каждымъ цѣнности самаго факта принадлежности его къ большому цѣлому явилось на съѣздѣ чувствомъ новымъ не только для его членовъ,—но новымъ, быть можетъ, и, вообще, въ русской политической жизни. Это было то чувство, появленія котораго мы давно и нетерпѣливо ожидали и которое мы съ восторгомъ привѣтствуемъ, видя въ немъ начало и первый результатъ политическаго самовоспитанія русскаго общества. До послѣдняго времени русскому человѣку было совершенно чуждо и непонятно чувство партійнаго патріотизма. Принадлежать къ партіи, дѣйствовать въ партіи—до такой степени ново и непривычно для русскаго обывателя, что мы уже начинаемъ встрѣчаться въ печати и въ жизни съ прямыми протестами противъ «партійной дисциплины», какъ своего рода моральнаго насилія. Общественная солидарность у насъ слишкомъ часто еще трактуется какъ «партійная узость», и самое слово «партія», «партійный» употребляется въ одіозномъ смыслѣ. Мы присутствовали недавно при нѣсколькихъ попыткахъ создать политическія партіи безъ партійной дисциплины, мы читали статьи, прикрывающія привычки русской разрозненности и обособленности высокими этическими императивами [1]); мы встрѣчались съ требо-

---

[1]) Послѣ того, какъ эти строки были напечатаны въ „Правѣ“, появилось письмо кн. Е. Трубецкого, вызвавшее, между прочимъ, замѣтку *П. Б. Струве* въ „Полярной Звѣздѣ“, № 8, подъ мѣткимъ заглавіемъ, взятымъ у самого кн. Трубецкого о „роковомъ недостаткѣ“ русской интеллигенціи.

ваніями, во имя свободы совѣсти и личнаго убѣжденія, выбросить за бортъ партійную программу и объединиться вокругъ какого-нибудь одного громкаго лозунга.

Все поведеніе делегатовъ II к.-д. съѣзда было блестящимъ доказательствомъ, что русской общественной анархіи, наконецъ, насталъ конецъ и что русская общественная жизнь шагнула гораздо дальше растерянныхъ и запоздалыхъ сомнѣній нашихъ литературныхъ и ученыхъ индивидуалистовъ. Люди, собравшіеся на съѣздъ, очевидно, жили политической жизнью не со вчерашняго дня, давно разобрались въ программныхъ «аксіомахъ» и потому очень легко справились съ вопросами, которые кажутся «проклятыми» только въ самомъ преддверіи политической жизни. Убѣжденные сами, не пытаясь убѣждать или «насиловать совѣсть» другихъ, они пришли не разсуждать, а дѣлать общее дѣло. Рѣшенія съѣзда показали, что у нихъ это общее дѣло есть, и что дѣлать его они *могутъ*.

Необходимо отмѣтить еще одно неизбѣжное послѣдствіе того чувства солидарности, которое обнаружилъ II делегатскій съѣздъ. Это—чувство *отвѣтственности* за принимаемыя рѣшенія,—не личной, а коллективной отвѣтственности—и соотвѣтственная осторожность и осмотрительность въ принятіи партійныхъ рѣшеній. Постороннему наблюдателю могла показаться легкомысленной и смѣшной та готовность, которую обнаружилъ съѣздъ—пересматривать и перерѣшать свои собственныя рѣшенія, какъ только онъ замѣчалъ ихъ теоретическую и практическую неудовлетворительность. Такому наблюдателю могло казаться непонятнымъ, какимъ образомъ, на пространствѣ нѣсколькихъ минутъ, съѣздъ могъ высказывать взгляды и обнаруживать настроенія, повидимому, исключавшія другъ друга. Съ точки зрѣнія съѣзда, такія перемѣны были совершенно естественны и логичны: онѣ вытекали изъ чувства той внутренней дисциплины, которая заставляетъ подчинять частности высшему цѣлому. Такимъ образомъ, въ этихъ, на первый взглядъ отрицательныхъ, чертахъ особенно ярко сказалось то новое, что внесъ съѣздъ въ жизнь партіи: проба способности собравшихся вмѣстѣ людей дѣлать общее дѣло. Это было то «крещеніе корабля», которое такъ живописно разсказано въ одномъ изъ разсказовъ Киплинга: признаніе общей связи какъ результатъ борьбы и тренія отдѣльныхъ частей новой, только-что налаженной машины.

Со стороны второй съѣздъ упрекали въ томъ, что онъ «двинулся вправо»; находили, что онъ недостаточно подумалъ о сохраненіи возможности «блока» съ лѣвыми партіями. Это правда, что

съѣздъ думалъ больше о самомъ себѣ, чѣмъ о другихъ, и, стремясь уладить внутреннія трудности и тренія, совсѣмъ забылъ, что *на чужой взглядъ* онъ самъ представляетъ только «блокъ», а не партію. Но послѣ всего сказаннаго понятно, почему и какъ это произошло. Почувствовавъ себя единымъ цѣлымъ, съѣздъ въ то же время почувствовалъ себя силой и понялъ, что необходимымъ условіемъ силы является—быть и оставаться, прежде всего, самимъ собой. Сознаніе силы чувствовалось и въ спокойныхъ разъясненіяхъ принципіальныхъ положеній программы, и въ обсужденіи основныхъ началъ партійной тактики. Во всемъ этомъ съѣздъ не сказалъ ничего новаго. Онъ только вывелъ послѣдствія изъ положеній, принятыхъ ранѣе и провѣренныхъ на мѣстахъ—практическимъ примѣненіемъ въ процессѣ партійной пропаганды. Поэтому противники к.-д. партіи совершенно напрасно стараются отыскать въ рѣшеніяхъ II съѣзда какія-то доказательства «измѣны» или малодушія, совершенно неосновательно упрекаютъ его въ перемѣнѣ позиціи и едва ли правильно подсказываютъ всякія возможности дальнѣйшихъ перемѣнъ въ ближайшемъ будущемъ. Вообще, слѣдовало бы оставить ту точку зрѣнія, по которой партія отъ кого-то другого, отъ какихъ-то постороннихъ ей группъ или элементовъ должна ждать одобренія, или порицанія, или санкціи своихъ дѣйствій и мнѣній.

Повторяю, II съѣздъ не принялъ ничего новаго: онъ только прочнѣе утвердилъ партію на основѣ, заложенной первымъ съѣздомъ. Этотъ консерватизмъ въ общихъ принципахъ не помѣшалъ, однако, съѣзду сохранить то бодрое, боевое настроеніе, которое выразилось—ярче, чѣмъ когда либо прежде—въ цѣломъ рядѣ его тактическихъ резолюцій. Что нибудь было же, очевидно, въ этомъ съѣздѣ, что, несмотря на его «правое» настроеніе, заставило отдѣлиться отъ партіи нѣкоторыхъ наиболѣе правыхъ ея членовъ, до сихъ поръ не находившихъ несовмѣстнымъ съ личными убѣжденіями слѣдовать за партіей въ ея развитіи и дѣятельности. Это было то, что, несмотря на всѣ политическія разочарованія послѣднихъ мѣсяцевъ, несмотря на все то движеніе «вправо», которое явилось въ общественномъ настроеніи отраженіемъ—надѣемся, временнымъ *)—послѣднихъ неудачъ «освободительнаго движенія»,

---

[1]) Въ настоящее время наши надежды блестяще исполняются, какъ о томъ свидѣтельствуютъ съѣзды партій 17 октября и торгово-промышленной въ Москвѣ. При всемъ отрицательномъ отношеніи нашемъ къ этимъ партіямъ, мы не можемъ не признать, что лучшіе люди вернули

несмотря даже на соблазнительные авансы«справа»,—на попытки организацій болѣе правыхъ помочь своему идейному безсилію союзомъ съ «правымъ крыломъ» к.-д. партіи,—несмотря на все это к.-д. партія на съѣздѣ осталась партіей оппозиціонной, заранѣе готовой призвать къ публичному отвѣту всѣхъ насильниковъ, всѣхъ враговъ и фальсификаторовъ демократической конституціи и соціальныхъ реформъ. Увѣренная въ себѣ, сознающая свою моральную силу, партія можетъ спокойно смотрѣть на всѣ обвиненія въ «крамолѣ» или «измѣнѣ», откуда бы они ни шли. Партія уже не «блокъ», и если «блоки» теперь стали для нея возможны, то именно потому, что партія уже сознала свое внутреннее единство. Она измѣрила свои силы, нашла свою собственную дорогу, поставила себѣ свои собственныя задачи. Тѣхъ, кто находитъ, что у нихъ дорога и задачи общія съ нами и кому мы можемъ вѣрить, что пути и средства у насъ одинаковы,—мы усердно зовемъ въ попутчики. Отзовется ли кто-нибудь на нашъ зовъ или нѣтъ,—во всякомъ случаѣ, мы останемся самими собой и будемъ дѣлать свое дѣло. По дѣламъ нашимъ пусть насъ и судятъ.

24. Кто виноватъ? Кн. Е. Н. Трубецкой и к.-д. партія *).

Кн. Е. Н. Трубецкой вышелъ изъ состава конституціонно-демократической партіи. Поскольку этотъ выходъ есть дѣло его личныхъ убѣжденій и совѣсти, конечно, нѣтъ повода обсуждать вопросъ публично. Но кн. Трубецкой захотѣлъ придать своему выходу значеніе нѣкотораго общественнаго событія, явленія не личнаго, а симптоматическаго, и печатно объяснилъ въ „*Русск. Вѣд.*“ причины, заставившія его покинуть партію. Рядъ соображеній, приведенныхъ имъ въ пользу выхода изъ конституціонно-демократической партіи, превращается, самъ собой, въ рядъ обвинительныхъ пунктовъ противъ конституціонно-демократической партіи. Обвинительный актъ, составленный кн. Трубецкимъ, является притомъ въ его глазахъ не только продуктомъ субъективной оцѣнки, а имѣетъ, по его мнѣнію, извѣстную объективную цѣнность. Кн. Трубецкой убѣжденъ и предвидитъ, что тѣ же самыя причины, которыя сдѣлали для него долгомъ совѣсти покинуть партію, окажутъ то же дѣйствіе и на дру-

---

себѣ равновѣсіе и оправились отъ того испуга, который овладѣлъ ими въ концѣ 1905 года.

*) „Русск. Вѣд.“ № 24.

тихъ и что, притомъ, эти другіе будутъ «лучшіе люди» партіи, которые и образуютъ впослѣдствіи новую «партію будущаго». Все это дѣлаетъ необходимымъ печатно же провѣрить объективную стоимость тѣхъ аргументовъ, которыми кн. Трубецкой счелъ нужнымъ объяснить печатно свое отпаденіе. В. Е. Якушкинъ уже разобралъ нѣкоторые изъ этихъ аргументовъ и основательно доказалъ ихъ несостоятельность. Но статья В. Е. Якушкина еще не исчерпываетъ темы, и я позволяю себѣ присоединить свой голосъ къ его голосу.

Прежде всего, остановимся нѣсколько на этихъ «лучшихъ людяхъ» партіи. По весьма понятнымъ и уважительнымъ причинамъ кн. Трубецкой не приложилъ списка тѣхъ «лучшихъ людей», на выходъ которыхъ изъ партіи вслѣдъ за собою онъ возлагаетъ надежду, и мы лишены возможности опредѣлить, какимъ критеріемъ руководствовался кн. Трубецкой при выдѣленіи изъ партіи категоріи ея «лучшихъ людей». Пишущій эти строки, во всякомъ случаѣ, въ «партію будущаго» не войдетъ, такъ какъ одно изъ его печатно высказанныхъ мнѣній, раздѣляемое партіей (именно объ отношеніи партіи къ лѣвымъ, «не противникамъ, а союзникамъ»), по словамъ кн. Трубецкого, и служитъ причиной для выхода «лучшихъ людей» изъ партіи. Это даетъ возможность автору настоящей статьи занять вполнѣ нейтральную позицію въ вопросѣ о «лучшихъ людяхъ».

Вообще говоря, по мнѣнію кн. Трубецкого, въ конституціонно-демократической партіи очень много лучшихъ людей, даже исключительно много. «Въ партіи, безъ сомнѣнія, сосредоточиваются лучшія умственныя и нравственныя силы страны—цвѣтъ русской интеллигенціи; ни въ какой другой политической организаціи нѣтъ столькихъ именъ, такой плеяды блестящихъ талантовъ и крупныхъ общественныхъ дѣятелей». Къ удивленію, въ этой особенности кн. Трубецкой находитъ источникъ не только силы, но и слабости партіи. «Какъ только на почвѣ манифеста 17-го октября началась предвыборная борьба, прекрасная а к а д е м і я оказалась слабой п а р т і е й»—замѣчаетъ онъ. Итакъ, лучшіе люди партіи—«академисты»? Есть партія «еще лучшая»,—партія демократическихъ реформъ,— но она, къ вящшему сожалѣнію кн. Трубецкого, уже совсѣмъ не партія, а какой-то литературно-политическій «кружокъ». Руководясь этими данными, мы никакъ не могли бы угадать, какова будетъ проектированная самимъ кн. Трубецкимъ,—и, несомнѣнно, «самая лучшая» партія,—«партія будущаго». Пойдутъ ли туда преимущественно лучшіе люди, «академисты», которые т а м ъ

будутъ только источникомъ силы, или, наоборотъ, партія сложится изъ дѣльцовъ, недовольныхъ «академическимъ» характеромъ предыдущаго освободительнаго движенія, или, наконецъ, она окончательно будетъ состоять изъ однихъ «дикихъ», даже неспособныхъ образовать «кружокъ»? Впрочемъ, кн. Трубецкой обѣщаетъ удовлетворить наше любопытство относительно партіи будущаго, и мы можемъ быть покойны. По всей вѣроятности, партія будетъ гармоническимъ сочетаніемъ всѣхъ необходимыхъ для большой политической партіи элементовъ, и намъ остается пожалѣть, что сами мы далеки отъ такого идеала.

Но кто же къ нему близокъ? И кто ближе насъ въ настоящую минуту?—рѣшаемся мы спросить кн. Трубецкого. «Цвѣтъ русской интеллигенціи»?—Да, этимъ партія наша можетъ гордиться. Но «академія»? Нѣтъ, кн. Е. Н., вы плохо знаете цвѣтъ русской интеллигенціи, если вы ее считаете т о л ь к о академіей. Позвольте вамъ напомнить, что въ тотъ доисторическій періодъ, когда вы, къ сожалѣнію, еще не принадлежали къ партіи, но многіе другіе представители русской интеллигенціи уже въ ней работали, партія вовсе не имѣла только академическаго характера. Почему нибудь да вышло такъ, что, когда открылось сравнительно свободное и легальное поприще для открытой политической дѣятельности, конституціонно-демократическая партія сложилась первая и—до сихъ поръ—привлекала къ себѣ, а не отталкивала «лучшихъ людей», хотя характеръ ея былъ вполнѣ ясенъ для каждаго и выражался въ началѣ ея существованія еще ярче, чѣмъ выражается теперь. Если нѣкоторые «академическіе элементы», примкнувшіе къ ней въ послѣдній часъ,—въ часъ видимаго торжества ея идей,—спѣшатъ ее покинуть при первомъ испытаніи, поставленномъ жизнью,—той же жизнью, которая создала и самую партію,—то вина лежитъ не на партіи, а на этихъ приходящихъ извнѣ элементахъ, родственныхъ партіи только отчасти.

Но довольно объ этомъ. Homines novi въ партіи предъявляютъ претензію понимать партію лучше, чѣмъ она сама себя понимаетъ, и готовы помочь ей своей критикой. Посмотримъ же, какова ихъ критика.

Обвиненія кн. Трубецкого противъ партіи не новы. Всѣ они формулировались много разъ, и внутри, и внѣ партіи, и часто обставлялись болѣе яркими и болѣе сильными доказательствами, чѣмъ тѣ, которыя приводятся въ торопливой и небрежной аргументаціи кн. Трубецкого. Конституціонно-демократическая партія есть

«не партія, а союзъ, объединяющій въ себѣ довольно разнородные элементы»; въ программѣ партіи отразился ея разнородный составъ; отношеніе партіи къ будущей думѣ—двусмысленно и противорѣчиво; ея взглядъ на «учредительное собраніе»—доктринерскій и связываетъ партіи руки; наконецъ, last not least, отношеніе партіи къ лѣвымъ группамъ составляетъ тотъ «роковой недостатокъ тактики партіи, который дѣлаетъ для кн. Трубецкого «пребываніе въ ней невозможнымъ». Вотъ и весь перечень. Мы займемся разборомъ всѣхъ этихъ обвиненій не по существу, такъ какъ для этого статья кн. Трубецкого не представляетъ достаточнаго повода, а лишь въ связи съ вопросомъ, насколько всѣ они могутъ дать достаточное основаніе для выхода изъ партіи ея «лучшихъ людей». Мы при этомъ позволимъ себѣ обратить особенное вниманіе читателей на то, какъ стоялъ вопросъ о всѣхъ этихъ преступленіяхъ партіи въ тотъ моментъ, когда кн. Трубецкой входилъ въ партію, какъ онъ стоитъ въ моментъ, когда кн. Трубецкой изъ партіи выходитъ, и каковы виды на лучшую и болѣе правильную постановку въ той «партіи будущаго», которую приготовляется основать кн. Трубецкой изъ «лучшихъ» элементовъ покидаемой имъ нынѣ партіи. Ознакомившись со всѣмъ этимъ матеріаломъ, читатель уже самъ рѣшитъ, слѣдуетъ ли подражать примѣру кн. Трубецкого.

Конституціонно-демократическая партія пестра по своему составу,—говоритъ кн. Трубецкой. Это совершенно вѣрно, и, можетъ быть, было еще болѣе вѣрно въ то время, когда кн. Трубецкой входилъ въ партію, чѣмъ теперь, когда онъ изъ нея выходитъ. Почему партія пестра и можетъ ли быть вполнѣ однородна по составу и настроенію въ такой моментъ, какъ настоящій, партія такого характера, какъ конституціонно-демократическая; можетъ ли быть, вообще однородна какая бы то ни была большая политическая партія,—все это вопросы, которыхъ мы здѣсь обсуждать не будемъ. Вопросъ заключается для насъ въ томъ, зачѣмъ кн. Трубецкой входилъ въ пеструю партію и почему онъ изъ нея выходитъ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда партія подъ вліяніемъ непосредственнаго столкновенія съ дѣйствительностью, вызваннаго началомъ ея практической дѣятельности, принялась за пересмотръ своихъ взглядовъ и рѣшеній и, несомнѣнно, сдѣлалась болѣе однородной, чѣмъ была когда либо прежде? Партія была «академична», абстрактна, теоретична,—все, что угодно, прежде, пока не наступила пора для открытой политической дѣятельности: пустъ такъ, согласимся, что въ этомъ источникъ ея теперешней слабости, хотя въ этомъ

же былъ источникъ ея силы, когда «академическая» дѣятельность была единственной доступной формой открытой борьбы, а «практики» предпочитали молчать. Кн. Трубецкой недоволенъ излишнею «академичностью» партіи; но едва партія вступаетъ на почву практической дѣятельности, кн. Трубецкой изъ нея уходитъ. Въ чемъ же дѣло? Въ томъ ли, что совершается этотъ переходъ, необходимый и неизбѣжный въ настоящій моментъ для всякой партіи, или въ томъ, что при такомъ переходѣ внутренняя пестрота выходитъ наружу, противорѣчія вскрываются и партія поневолѣ отдѣляетъ себя отъ чуждыхъ ей элементовъ? Кн. Трубецкой жаждетъ практической партійной дѣятельности и уходитъ въ компанію «независимыхъ», для которыхъ никакая практическая дѣятельность невозможна, которые могутъ только «поддерживать» настоящія партіи. На чьей же сторонѣ теперь «академичность»? Или опять тутъ совсѣмъ не въ академичности дѣло, а въ большей опредѣленности,—только въ опредѣленности въ обратную сторону?

Дальнѣйшія соображенія кн. Трубецкого заставляютъ догадываться, что все дѣло именно въ послѣднемъ. Онъ недоволенъ неопредѣленностью программы и «двойственностью» тактики конституціонно-демократической партіи: по его мнѣнію, эта неопредѣленность и двойственность создаютъ «совершенно неразрѣшимые конфликты для совѣсти»; онъ «по совѣсти не можетъ давать избирателямъ противорѣчивыхъ обѣщаній по одному и тому же вопросу». Кн. Трубецкой, повидимому, увѣренъ, что всѣ остальные, въ томъ числѣ и «лучшіе» члены партіи, даютъ такія «противорѣчивыя обѣщанія» и, слѣдовательно, обращаются и съ избирателями, и со своею собственною «совѣстью» совсѣмъ не такъ, какъ кн. Трубецкой. Маленькое размышленіе должно бы было убѣдить кн. Трубецкого, что тутъ что нибудь да не такъ... Но кн. Трубецкой предпочелъ этому маленькому размышленію публичное сведеніе счетовъ со своей и съ чужими совѣстями на страницахъ «Русскихъ Вѣдомостей». Приходится и намъ за нимъ послѣдовать.

По мнѣнію кн. Трубецкого, несомнѣнная сдѣлка съ совѣстью заключается въ двухъ «противорѣчивыхъ отвѣтахъ» партіи на вопросъ, что она будетъ дѣлать въ думѣ. Къ сожалѣнію, кн. Трубецкой пріѣхалъ очень поздно на второй партійный съѣздъ и, поэтому не участвовалъ въ той коллективной работѣ, которая привела съѣздъ къ опредѣленному рѣшенію по этому дѣйствительно трудному и сложному вопросу. Это не помѣшало ему взять на себя роль судьи рѣшеній съѣзда. Рѣшенія эти сами по себѣ ясны:

съѣздъ партіи не счелъ возможнымъ смотрѣть на будущую думу какъ на правильно собранное и правильно дѣйствующее законодательное учрежденіе и рѣшилъ ограничить ея дѣятельность, поскольку это будетъ зависѣть отъ партіи, самымъ необходимымъ. Предѣлы этого необходимаго понимались разными членами съѣзда различно, что и выразилось въ различной степени опредѣленности и единодушія рѣшеній съѣзда по отношенію къ разнымъ возможнымъ задачамъ будущей дѣятельности думы. Я долженъ прибавить, однако, что степень опредѣленности и единодушія оказалась на съѣздѣ какъ разъ по этому вопросу очень большая и превзошла самыя смѣлыя ожиданія нашихъ партійныхъ оптимистовъ. Органическую работу въ думѣ, которую готовъ былъ защищать позднѣе пріѣхавшій кн. Трубецкой, съѣздъ единогласно отвергнулъ. И кн. Трубецкой ошибается, когда утверждаетъ, что ту же «органическую работу» съѣздъ ввелъ обратно, подъ названіемъ «мѣръ неотложнаго характера, необходимыхъ для успокоенія страны». Очевидно, кн. Трубецкой не принялъ во вниманіе ни доклада Ѳ. Ѳ. Кокошкина, ни многочисленныхъ рѣчей, въ которыхъ «неотложная» работа думы вводилась въ очень тѣсныя рамки. Впрочемъ, только что признавъ рѣшеніе съѣзда недостаточно опредѣленнымъ, кн. Трубецкой тотчасъ же обвиняетъ его въ чрезмѣрной опредѣленности только не въ ту сторону, въ которую онъ желалъ бы. Съѣздъ постановилъ «доктринерское» и даже «безчеловѣчное рѣшеніе» не рѣшать въ думѣ аграрнаго вопроса. При большомъ вниманіи къ фактамъ кн. Трубецкой долженъ былъ бы оговорить, что такого рѣшенія съѣздъ не принималъ, что настоятельность аграрнаго вопроса не менѣе ясно сознавалась съѣздомъ, чѣмъ ее сознаетъ кн. Трубецкой, что самая возможность постановки аграрнаго вопроса въ думѣ формально признана съѣздомъ, но партія благоразумно рѣшила обождать, какова будетъ эта дума и каково будетъ настроеніе въ странѣ, прежде чѣмъ рѣшать, будетъ ли возможно дѣйствительно поставить аграрный вопросъ, и, поставивъ, слѣдуетъ ли пойти въ первой думѣ дальше подготовительныхъ работъ къ его разрѣшенію.

Повидимому, для кн. Трубецкого этихъ соображеній, также какъ и соображеній о техническихъ трудностяхъ, дѣлающихъ немедленное рѣшеніе вопроса невозможнымъ, не существуетъ, и онъ хочетъ достигнуть «успѣха среди народныхъ массъ», обѣщавъ имъ «немедленное рѣшеніе аграрнаго вопроса,—болѣе того, всего крестьянскаго вопроса во всей его полнотѣ». При какой поста-

новкѣ,—этой ли, или той, болѣе осторожной постановкѣ, которую сдѣлалъ съѣздъ,—мы скорѣе рискуемъ ввести въ заблужденіе и въ обманъ «народныя массы», и кому эти массы скорѣе повѣрятъ: партіи ли, или кн. Трубецкому и его клубу «независимыхъ»,—объ этомъ предоставимъ судить избирателямъ.

Кн. Трубецкой думаетъ, что указанная имъ, и въ дѣйствительности несуществующая, двусмысленность рѣшеній второго съѣзда о будущихъ занятіяхъ въ думѣ явилась «роковымъ послѣдствіемъ ошибочнаго постановленія, принятаго первымъ делегатскимъ съѣздомъ по вопросу объ у ч р е д и т е л ь н о м ъ с о б р а н і и». Не буду отрицать, что въ постановкѣ вопроса объ учредительномъ собраніи русской интеллигенціей было много отвлеченнаго и доктринерскаго. Но менѣе всего повинны въ этомъ доктринерствѣ конституціонно-демократическая партія и ея первый съѣздъ, а на второмъ сдѣлано было все возможное, чтобы разсѣять «клеветы противниковъ партіи», основанныя на этомъ предполагаемомъ доктринерствѣ. Я утверждаю, что понятіе «учредительнаго собранія» у лицъ, стоявшихъ близко къ организаціи партіи, уже съ самаго начала явилось съ инымъ значеніемъ, чѣмъ то, съ которымъ оно употреблялось нашими крайними партіями. Какъ доказательство, я принужденъ сослаться на свое собственное свидѣтельство, относящееся къ декабрю 1904 г., т. е. за годъ до учредительнаго съѣзда партіи. Извиняюсь за эту личную ссылку, но мнѣ приходится отвѣчать ею на личныя нападки противъ меня по этому самому вопросу, появившіяся въ печати; и я пользуюсь случаемъ сдѣлать эту справку теперь, по поводу замѣчаній кн. Трубецкого. Комментируя въ моей англійской книгѣ «R u s s i a a n d i t s c r i s i s» извѣстное парижское соглашеніе осени 1904 г., я подчеркивалъ, во избѣжаніе недоразумѣній, что подъ «демократическимъ режимомъ», котораго согласились добиваться тогда всѣ оппозиціонныя партіи, участвовавшія въ соглашеніи, члены «союза освобожденія» разумѣли именно конституціонную монархію, чѣмъ опредѣлялась въ ихъ глазахъ и роль учредительнаго собранія. Но отсюда еще далеко до той позиціи, которую защищаетъ кн. Трубецкой: до роли «конституціоннаго монархиста по у б ѣ ж д е н і ю». Я понимаю, что можно быть индивидуалистомъ или коллективистомъ по убѣжденію, потому что тутъ рѣчь идетъ о цѣломъ міровоззрѣніи, покоящемся на извѣстныхъ философскихъ основахъ. Но я отказываюсь понять, и особенно отказываюсь понять въ устахъ спеціалиста по государствовѣдѣнію, что значитъ быть «монархистомъ» или «республиканцемъ» по убѣжденію. Я

всегда думалъ,—можетъ быть, я ошибался,—что современная философско-политическая мысль стоитъ на признаніи принципа относительности достоинствъ и недостатковъ той или другой формы правленія и что для нея абсолютно справедливой или наилучшей формы правленія не существуетъ. Почва, на которой создавались убѣжденія въ вопросахъ этого рода, мнѣ казалась уже совершенно оставленной современной государственной наукой. На ней стоятъ у насъ славянофилы. На ней ли стоитъ и кн. Трубецкой?

Какъ бы то ни было, болѣе чѣмъ несправедливо упрекать партію, что она въ этомъ вопросѣ не «использовала того шанса», который въ дѣйствительности находился въ распоряженіи лишь кн. Трубецкого и, рѣшаюсь думать, весьма немногихъ его сторонниковъ въ составѣ нашей партіи. Кн. Трубецкой полагаетъ, что это былъ «единственный шансъ», какимъ располагала партія для «успѣха среди народныхъ массъ». Не буду стараться разсѣять того глубокаго заблужденія и непониманія, которыя, по моему, заключаются въ этомъ утвержденіи. Каковы настоящіе шансы успѣха въ массахъ для партіи, считающей себя демократической, объ этомъ уже не мало говорилось въ литературѣ, и мнѣ только приходится отослать кн. Трубецкого къ статьямъ А. А. Чупрова, А. А. Кауфмана, П. Б. Струве и др., которыя съ разныхъ точекъ зрѣнія, но въ результатѣ совершенно согласно, освѣщаютъ этотъ вопросъ. Кн. Трубецкой полагаетъ, что конституціонно-демократическая партія не можетъ конкурировать въ массахъ съ «крайними партіями, дающими болѣе широкія обѣщанія». Еще разъ какое глубокое заблужденіе, какое недовѣріе къ «массѣ», будто бы способной только гоняться за «широкими обѣщаніями», какое, наконецъ, отсутствіе вѣры въ себя,—въ тѣхъ, кто эти обѣщанія даетъ съ намѣреніемъ, очевидно, исполнить! И какое противорѣчіе съ основнымъ принципомъ самого кн. Трубецкого: «не кланяться ни направо, ни налѣво!» Вы не можете поклониться налѣво, такъ поклонитесь направо; не можете «использовать» одного «шанса успѣха», такъ, по крайней мѣрѣ, используйте другой: если вы не соціалистическая партія, такъ объявите себя хоть монархической!

Мы не объявили свою партію ни той, ни другой именно потому, что хотѣли остаться самими собою; и именно въ тотъ моментъ, когда мы, не расчитывая «шансовъ успѣха», объявили себя «наконецъ» самими собою, кн. Трубецкой, который подаетъ намъ этотъ запоздалый совѣтъ, отъ насъ отдѣлился!

Въ самомъ дѣлѣ, второй партійный съѣздъ совершенно ясно и

категорически, «не боясь окрика слѣва», опредѣлилъ, что партія разумѣетъ подъ «учредительнымъ собраніемъ»; «не боясь окрика справа» (кн. Трубецкой на этотъ разъ считаетъ это «неосторожнымъ»), ораторы партіи заявили на съѣздѣ, что они признаютъ «конституціонную и парламентарную монархію» не потому, что они—«монархисты по у б ѣ ж д е н і ю». Кн. Трубецкой, который рекомендуетъ «не бояться окриковъ справа и слѣва», все-таки недоволенъ: «этотъ промахъ, несомнѣнно, будетъ использованъ недоброжелателями (справа) во время избирательной борьбы». Будемъ, по крайней мѣрѣ, надѣяться, что самъ кн. Трубецкой не окажется въ данномъ случаѣ нашимъ недоброжелателемъ и не станетъ въ ряды тѣхъ, кто старается доказать избирателямъ, что конституціоналисты-демократы суть монархисты п о н е в о л ѣ.

Мы только что сказали, что кн. Трубецкой, повидимому, могъ бы быть доволенъ поведеніемъ второго съѣзда насчетъ «поклоновъ налѣво». Но—увы!—въ этотъ самый моментъ кн. Трубецкой объявляетъ, что наше отношеніе къ лѣвымъ дѣлаетъ для него дальнѣйшее пребываніе въ партіи невозможнымъ. Болѣе неудачнаго момента, чѣмъ настоящій, для подобной декларацiи выбрать было невозможно. Если послѣ того, какъ мы «дѣйствительно» и «окончательно» «стали самими собою», кн. Трубецкой все-таки считаетъ нужнымъ отъ насъ отдѣлиться, значитъ, рѣчь идетъ уже не объ однихъ «поклонахъ» и «окрикахъ». Значитъ, партія въ самомъ своемъ существѣ, въ своихъ постоянныхъ и неотъемлемыхъ признакахъ для него не подходитъ, и тогда только и останется, къ сожалѣнію, заключить, что и кн. Трубецкой не подходитъ для партіи.

Въ чемъ же дѣло? Говоря просто и ясно, въ томъ, что и послѣ всѣхъ программныхъ поправокъ къ программѣ могутъ примыкать люди соціалистическихъ убѣжденій; и, несмотря на всѣ отграниченія слѣва въ тактикѣ, тактика партіи остается оппозиціонной и эвентуально-революціонной. По поводу соціализма и революціонизма партіи я позволю себѣ сдѣлать нѣсколько замѣчаній.

Прежде всего, вѣроятно, самъ кн. Трубецкой признаетъ, что одно вовсе не необходимо связано съ другимъ: соціализмъ съ революціонизмомъ. Соціализмъ есть міровоззрѣніе; революціонизмъ есть методъ, пріемъ. Въ странѣ съ развитой политической жизнью соціализмъ можетъ бороться мирными и легальными средствами; въ Россіи и предводители дворянства въ своихъ еще недавнихъ заявленіяхъ выступали настоящими революціонерами. Конституціонно-демократическая партія есть по существу партія парламентская, и,

какъ большая политическая партія, она, конечно, возможна только при извѣстной степени простора для мирной политической дѣятельности. Но основное ядро партіи существовало и при иныхъ условіяхъ и привычка дѣйствовать при этихъ условіяхъ еще не успѣла прійти въ забвеніе. Поскольку русская политическая жизнь вернется къ старымъ условіямъ, и конституціонно-демократическая партія вернется къ старымъ пріемамъ. Когда слѣва намъ говорятъ, что о д и н ъ пролетаріатъ завоевалъ для Россіи ту скромную дозу политической свободы, которой мы теперь обладаемъ, мы съ гордостью можемъ сказать: это—неправда. Мы тамъ тоже были и мы работали вмѣстѣ, мы тоже отвоевывали у русской рутины «явочнымъ порядкомъ» тѣ новыя привычки и создавали тѣ новыя условія политической жизни, которыми теперь можетъ пользоваться обыкновенный обыватель. Попробуйте отнять у насъ завоеванное,—и мы снова всѣ сдѣлаемся революціонерами. Впрочемъ, не всѣ, къ сожалѣнію, только часть насъ. Не знаю, по классификаціи кн. Трубецкого, будутъ ли это «лучшіе», или худшіе люди.

Повидимому, кн. Трубецкой не считаетъ пріемлемой для себя и ту, сравнительно скромную, степень «революціонизма» въ партіи, которую я только что старался охарактеризовать. Но я не думаю все-таки, что «соціализмъ» нѣкоторыхъ членовъ партіи, независимо отъ ихъ «революціонизма», самъ по себѣ составляетъ препятствіе для дальнѣйшаго пребыванія въ партіи кн. Трубецкого. Уже независимо отъ того, что ничего специфически-соціалистическаго не введено партіей въ ея программу и что позиція второго съѣзда въ этомъ случаѣ была еще опредѣленнѣе и рѣшительнѣе, чѣмъ позиція перваго, я позволю себѣ спросить кн. Трубецкого: можетъ ли онъ опредѣлить точную границу, гдѣ кончается вліяніе соціалистическихъ идей на политическіе и соціальные взгляды русской интеллигенціи? Въ странѣ, гдѣ идея соціальной монархіи имѣетъ за собой извѣстную традицію, гдѣ она защищалась людьми, какъ Левъ Тихомировъ, Зубатовъ и гр. Витте,—вліяніе соціалистическихъ идей, очевидно, даже не ограничивается предѣлами ея «интеллигенціи». Итакъ, я не предполагаю, что кн. Трубецкой вышелъ изъ партіи потому, что нѣкоторые изъ ея членовъ—соціалисты, въ болѣе или менѣе широкомъ смыслѣ этого слова.

Мое письмо становится длиннымъ, а я многое еще могъ бы сказать по поводу статьи кн. Трубецкого. Но все, что я могъ бы сказать, будетъ опять сводиться къ тому же выводу. Въ партіи есть недостатки и отрицательныя стороны, но кн. Трубецкой вошелъ въ

партію тогда, когда эти недостатки чувствовались сильнѣе и были опаснѣе для дальнѣйшаго существованія и дѣятельности партіи, чѣмъ они представляются теперь. Кн. Трубецкой выходитъ изъ партіи, когда въ результатѣ дружной работы общее настроеніе партіи выровнялось, и онъ выбралъ для выхода тотъ самый моментъ, когда энергичнымъ усиліемъ членовъ второго съѣзда партія освободилась отъ важнѣйшихъ изъ тѣхъ промаховъ, въ которыхъ кн. Трубецкой продолжаетъ ее упрекать. Мы рады были бы думать, что это—результатъ простого недоразумѣнія и недостатка фактической освѣдомленности. Къ сожалѣнію, приходится опасаться, что причины разногласія лежатъ глубже. Въ тотъ моментъ, когда партія дѣйствительно опредѣлилась, отграничивъ себя справа и слѣва, она, очевидно, опредѣлилась не такъ, какъ этого хотѣлъ бы кн. Трубецкой. Чего же именно хотѣлъ бы кн. Трубецкой и куда онъ уходитъ отъ этой непріятной для него опредѣленности?

Кн. Трубецкой уходитъ въ «клубъ независимыхъ» и ближайшее сродство съ этимъ вновь возникающимъ московскимъ клубомъ находитъ въ петербургскомъ клубѣ, называющемъ себя «партіей демократическихъ реформъ». Не знаю, какова будетъ дѣятельность обоихъ клубовъ, но ихъ первыя попытки самоопредѣленія возбуждаютъ большія недоумѣнія. На ряду съ людьми, которые требуютъ отъ нашей партіи большей опредѣленности, сюда ходятъ люди, которымъ и достигнутая теперь степень партійной опредѣленности кажется чрезмѣрной и излишней. Всякая попытка найти общій признакъ или общій поводъ, объединяющій собравшихся здѣсь людей, на первый взглядъ кажется безнадежной. Сюда идутъ люди, принципіально не признающіе партійной дисциплины; уходятъ и такіе, которымъ наша аграрная программа показалась черезчуръ умѣренной, и такіе, которымъ наша программа по автономіи показалась слишкомъ радикальной. Сюда уходятъ будущіе кандидаты въ думу, за которыхъ некому вотировать, и будущіе избиратели, которые не знаютъ, за кого подать голосъ. Но каждая изъ указанныхъ причинъ, соединившихъ почтенныхъ членовъ обоихъ клубовъ въ одно цѣлое, имѣла значеніе только для нѣкоторыхъ, а не для всѣхъ участниковъ «объединенія новаго типа». Что же общаго остается между всѣми членами «лучшей» въ Россіи партіи, «партіи будущаго»? Общи имъ, кажется, только двѣ черты: одна—отрицательная, другая—положительная. Отрицательная состоитъ въ томъ, что для насъ—такъ же какъ и другъ для друга—они слишкомъ индивидуальны. Положительная же, повидимому, заключается въ томъ, что мы для

нихъ черезчуръ радикальны. Можно ли образовать хотя бы ядро новой партіи изъ составленнаго по такимъ признакамъ случайнаго собранія людей, покажетъ будущее. Во всякомъ случаѣ, сейчасъ намъ приходится констатировать, что намъ такъ же трудно понять, зачѣмъ кн. Трубецкой отъ насъ ушелъ, какъ и то, почему онъ вышелъ изъ партіи. Намъ казалось, что мы это понимаемъ, прежде чѣмъ мы прочли его объясненія. Можно было бы кое-что понять и изъ проникшихъ въ печать данныхъ объ образованіи клубовъ. Но отъ самого кн. Трубецкого мы доступныхъ для насъ и понятныхъ объясненій не слышимъ. Удовлетворимся хотя тѣмъ, что партія въ его выходѣ оказалась безъ вины виноватой. Позволимъ себѣ также высказать мнѣніе, что «лучшимъ людямъ» партіи рѣшительно незачѣмъ слѣдовать приглашенію кн. Трубецкого и идти въ одинъ изъ рекомендуемыхъ имъ salons des refusès. Рѣшаемся также выразить и надежду, что если изъ одного изъ этихъ почтенныхъ учрежденій, паче чаянія, и въ самомъ дѣлѣ разовьется какая-нибудь политическая партія, то кн. Трубецкой и въ ней останется такимъ же «дикимъ», какимъ онъ былъ въ нашей средѣ. При данныхъ обстоятельствахъ, кажется, это—самое лучшее, что мы могли бы пожелать на прощанье нашему бывшему сочлену.

25. Еще о кн. Трубецкомъ и о конституціонно-демократической партіи*).

Я долженъ извиниться передъ редакціей «Русск. Вѣд.», что обращаюсь еще разъ къ гостепріимству уважаемой газеты, чтобы вернуться къ вопросу, который читателямъ, можетъ-быть, уже кажется исчерпаннымъ. Я дѣлаю это, впрочемъ, не столько, чтобы продолжать полемику съ кн. Трубецкимъ, сколько для того, чтобы выразить согласіе со многими его утвержденіями въ его отвѣтѣ мнѣ, которыя иначе могли бы произвести впечатлѣніе возраженій, болѣе или менѣе убѣдительныхъ, по адресу конституціонно-демократической партіи и моему лично.

Я радъ, что кн. Трубецкой «соціализма не боится», и жалѣю только, что онъ позабылъ высказаться о «революціонизмѣ» партіи. Я очень радъ также разъясненію того, что кн. Трубецкой разумѣетъ подъ «монархизмомъ по убѣжденію». Я опасался, что этимъ могутъ быть охарактеризованы взгляды, раздѣляемые, напр., семьей

*) „Рус. Вѣд.“ № 34.

Самариныхъ; но кн. Трубецкой опредѣленно заявляетъ: «Быть убѣжденнымъ монархистомъ—значитъ думать, что въ данную историческую эпоху въ Россіи монархія (для меня, разумѣется, конституціонная) есть образъ правленія, наиболѣе соотвѣтствующій общественной пользѣ». Кн. Трубецкой правъ, что «такое воззрѣніе не имѣетъ ничего общаго со славянофильствомъ» и что «въ т а к о м ъ монархизмѣ нѣтъ ничего противорѣчащаго началамъ конституціонно-демократической партіи». Въ такой ли же степени онъ правъ, что думать такъ значитъ быть «монархистомъ по убѣжденію»,—разбирать не стану; разъ мы сговорились по существу, о словахъ спорить не стоитъ: согласимся на томъ, что и я, и онъ, и значительное большинство членовъ нашей партіи суть «монархисты» одинаковаго типа, т. е. одинаково стоящіе на принципѣ «относительности достоинствъ и недостатковъ формъ правленія».

Итакъ, я радъ констатировать, что разногласій по упомянутымъ вопросамъ между нами и кн. Трубецкимъ болѣе не существуетъ. Если бы кн. Трубецкой не заговорилъ о нихъ первый въ той статьѣ, гдѣ онъ объяснялъ причины своего выхода изъ партіи, то я и, вообще, не имѣлъ бы никакого повода эти вопросы поднимать. Въ своемъ отвѣтѣ на этотъ разъ кн. Трубецкой даетъ вполнѣ категорическій отвѣтъ на мой вопросъ, почему же именно онъ выходитъ изъ партіи. «Потому,—говоритъ онъ,—что я не считаю возможнымъ дѣйствовать с о с в я з а н н ы м и р у к а м и».

Дѣйствовать со связанными руками, по опредѣленію кн. Трубецкого, значитъ заранѣе опредѣлить свое поведеніе въ думѣ. Итакъ, кн. Трубецкой вышелъ изъ партіи потому, что она захотѣла заранѣе опредѣлить свое поведеніе въ думѣ? Я очень радъ, если это такъ, потому что у меня возрождается надежда, что кн. Трубецкой, можетъ быть, вернется въ партію, узнавъ, что ничего подобнаго партія не постановляла. Точно такъ же, какъ и кн. Трубецкой, партія не хочетъ «дѣйствовать со связанными руками».

Но партія,—возражаетъ кн. Трубецкой,—рѣшила «во в с я к о м ъ случаѣ, не заниматься органической работой» въ думѣ, тогда какъ онъ не считаетъ возможнымъ предрѣшать это. Однако, и противоположное обязательство—«участвовать въ органической работѣ при всѣхъ возможныхъ комбинаціяхъ въ будущемъ»—кн. Трубецкой теперь рѣшительно признаетъ «столь же неосторожнымъ». Кн. Трубецкой предполагаетъ даже, что «въ немногихъ крайнихъ случаяхъ» «можетъ оказаться нужнымъ» «самый уходъ депутатовъ партіи изъ думы». Долженъ покаяться, что эти заявленія кн. Трубец-

кого для меня нѣсколько неожиданны, и его рѣчи на съѣздѣ о необходимости органической работы производили на меня другое впечатлѣніе. Но я чрезвычайно радъ констатировать, что я ошибался и что взгляды кн. Трубецкого по данному вопросу гораздо ближе къ взглядамъ партіи, чѣмъ я предполагалъ раньше.

Въ чемъ же дѣло и что остается разъяснить, чтобы между нами и кн. Трубецкимъ не осталось уже никакихъ разногласій? Мнѣ кажется, что все дѣло теперь въ этомъ несчастномъ терминѣ «органическая работа», который, какъ и многіе другіе, въ текущей общественной борьбѣ получилъ совершенно особый смыслъ, съ которымъ кн. Трубецкой не хочетъ считаться. Съѣздъ отвергъ «органическую работу» въ думѣ въ смыслѣ текущей законодательной дѣятельности и призналъ необходимымъ въ ней же, кромѣ основныхъ учредительныхъ мѣръ, лишь принятіе мѣръ «неотложныхъ и безусловно необходимыхъ для успокоенія страны» и для осуществленія тѣхъ же учредительныхъ задачъ думы. Кн Трубецкой видитъ въ этомъ противорѣчіе, столь ужасное и нестерпимое для его совѣсти, что послѣ этого именно рѣшенія онъ и не счелъ возможнымъ оставаться въ партіи.

Не буду отрицать, что между принципіально-отрицательнымъ взглядомъ на думу и практической необходимостью въ нее идти, въ ней оставаться и работать есть противорѣчіе. Кн. Трубецкой видитъ источникъ этого противорѣчія въ «анти-историческомъ складѣ мысли» русской интеллигенціи вообще и тѣхъ двухъ историковъ по профессіи, В. Е. Якушкина и меня, которые ему возражали. Нашего брата-историка такъ часто упрекаютъ въ излишнемъ «историзмѣ», что выслушать обвиненіе въ «анти-историческомъ складѣ мысли» для меня, по крайней мѣрѣ, всегда составляетъ истинное удовольствіе. Но дѣло въ томъ, что и противникъ историзма и защитникъ (если не ошибаюсь) «естественнаго права»—кн. Трубецкой въ данномъ случаѣ,—повидимому, не чуждъ того самаго противорѣчія, въ которомъ онъ насъ обвиняетъ. Я, правда, раньше думалъ, что онъ спасается отъ этого противорѣчія легкимъ, но недоступнымъ намъ способомъ: отказомъ отъ принципіальнаго осужденія и принципіальнымъ признаніемъ думы. Но разъ кн. Трубецкой предвидитъ возможность ухода изъ думы и признаетъ «неосторожнымъ» давать обязательство участвовать въ «органической работѣ» думы во что бы то ни стало, онъ уже лишаетъ насъ, правда, думать, что онъ эту думу принципіально одобряетъ. Поскольку онъ ее не одобряетъ, онъ вступаетъ—увы!—на почву того же «партійнаго ослѣпленія»,

въ которомъ обвиняетъ съѣздъ. Я очень радъ все-таки формальному заявленію кн. Трубецкого, что онъ по этому поводу,—по поводу противорѣчія между осужденіемъ думы и рѣшеніемъ въ ней работать,—не обвиняетъ съѣздъ въ «недобросовѣстности», а только въ «партійномъ ослѣпленіи». Я прошу его только о дальнѣйшемъ снисхожденіи въ виду того извинительнаго источника,—принципіальнаго отношенія къ вопросу о народномъ представительствѣ,—изъ котораго «партійное ослѣпленіе» происходитъ и который, къ моему большому удовольствію, у насъ оказывается съ нимъ общій. Я чрезвычайно радъ намеку, который брошенъ кн. Трубецкимъ въ его отвѣтѣ: что, въ сущности, противорѣчіе, имъ указываемое,—не формальное, а реальное; что оно заключается не въ мысли, а въ жизни. Надѣюсь, что кн. Трубецкому, который не обладаетъ «анти-историческимъ складомъ ума», съ этимъ противорѣчіемъ будетъ гораздо легче примириться, чѣмъ намъ.

Позволю себѣ сдѣлать еще одинъ шагъ и указать кн. Трубецкому самый путь возможнаго примиренія. Онъ хочетъ дѣлать въ думѣ «органическую» работу; мы хотимъ дѣлать работу «неотложную». Въ докладѣ Ѳ. Ѳ. Кокошкина, основныя положенія котораго приняты съѣздомъ, перечисляется, какая именно это работа. Мы находимъ, что сравнительно съ тѣмъ, что мы понимаемъ подъ «органической» работой, это списокъ очень короткій; кн. Трубецкой находитъ, что списокъ достаточно длиненъ и что въ немъ уже и содержится «органическая работа». Помиримся же на э т о г о р о д а работѣ, какъ уже помирились на и з в ѣ с т н а г о р о д а монархизмѣ, и предоставимъ кн. Трубецкому называть это «органической работой» и «монархизмомъ по убѣжденію». Во что бы то ни было и с ч е р п а т ь даже списокъ Кокошкина, о б я з а т ь с я исчерпать его вѣдь не хочетъ ни кн. Трубецкой, ни Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ, ни съѣздъ. До сихъ поръ, кажется, разногласій по существу нѣтъ, и руки у насъ, такъ же какъ у кн. Трубецкого, достаточно «развязаны». Разница взглядовъ между кн. Трубецкимъ и партіей можетъ начаться лишь тамъ, гдѣ партія проводитъ границу между важной и менѣе важной работой въ думѣ и выбираетъ изъ списка нѣсколько принципіальныхъ задачъ, которыя должны быть осуществлены въ первую очередь, поскольку это будетъ зависѣть отъ партіи (всеобщее и прямое избирательное право и законы о свободахъ). Если эти задачи будутъ дѣйствительно осуществлены, то затѣмъ д о л ж н о стать на ближайшую очередь распущеніе думы и созывъ новаго, болѣе правильнаго представительства. Т о л ь к о въ этихъ предѣлахъ, указанныхъ дополненіемъ Ѳ. Ѳ. Ко-

*

кошкина къ формулѣ Струве и Родичева, и можно говорить объ «обязательствахъ», налагаемыхъ на партію принципомъ демократизма. Все остальное не есть «обязательство», а лишь извѣстный планъ, и необходимость какого-нибудь плана дѣйствій для большой политической партіи, какова конституціонно-демократическая, отрицать было бы странно.

Кн. Трубецкой не только не отрицаетъ необходимости предварительнаго обсужденія разныхъ шансовъ и возможностей дѣятельности въ думѣ, но, напротивъ, предается этимъ обсужденіямъ съ большей детальностью, чѣмъ сдѣлалъ это съѣздъ, не пожелавшій связывать себя заранѣе гипотетическими рѣшеніями. Именно поэтому всѣ упреки, дѣлаемые кн. Трубецкимъ по адресу партіи въ виду того или другого возможнаго поведенія ея въ думѣ, просто висятъ въ воздухѣ. Партія не желаетъ «дѣйствовать со связанными руками» и потому установитъ свой образъ дѣйствій только тогда, когда «реальная обстановка» для дѣятельности вполнѣ опредѣлится. Соображенія, которыя приводятъ партію къ такому рѣшенію, до такой степени сходятся со многими разсужденіями самого кн. Трубецкого, что очень часто аргументація послѣдняго кажется просто болѣе или менѣе удачнымъ воспроизведеніемъ разсужденій партійнаго съѣзда.

Итакъ, можетъ быть, кн. Трубецкой согласится, что «оковы, наложенныя на конституціонно-демократическій идеалъ нынѣшнею конституціонно-демократической тактикой», не такъ тяжелы, какъ онѣ ему показались вначалѣ, и признаетъ, что границу между его тактикой, какъ она опредѣлилась въ его отвѣтѣ, и тактикой партіи провести довольно трудно. Если такъ, то не признаетъ ли онъ также, что для выхода его изъ партіи, въ сущности, не было достаточныхъ основаній?

Въ заключеніе еще одна оговорка. Кн. Трубецкой упрекаетъ меня, что я не читалъ его рѣчи о задачахъ клуба независимыхъ. Дѣйствительно, этой рѣчи я не читалъ, но я читалъ отчетъ объ учредительномъ засѣданіи клуба, слышалъ о немъ отъ очевидцевъ и настаиваю на своей характеристикѣ клуба и на той параллели, которую я провелъ между двумя Salons des refusés—московскимъ и петербургскимъ. Можетъ быть, кн. Трубецкой мечтаетъ о «внѣпартійномъ собраніи», но другіе ораторы учредительнаго собранія,— и даже самъ кн. Трубецкой въ той статьѣ, на которую я отвѣчалъ, — достаточно подчеркнули, что «внѣпартійный клубъ» будетъ зародышемъ будущей партіи, а газетныя нескромности по-

вѣдали намъ, что клубъ даже имѣетъ своего кандидата въ думу, кн. Голицына, и настолько увѣренъ въ своемъ торжествѣ на выборахъ, что даже прочитъ этого кандидата въ предсѣдатели думы. Мы, партія, пока на такія предсказанія не рѣшаемся. Впрочемъ, можетъ быть, газетные слухи, только что переданные, такъ же невѣрны, какъ сообщенія газетъ, будто, будущая партія клуба независимыхъ будетъ состоять изъ «праваго крыла» конституціоналистовъ-демократовъ и, будто, члены конституціонно-демократической партіи на «частномъ совѣщаніи» рѣшили идти въ клубъ независимыхъ. Мнѣ извѣстно, что нѣкоторые конституціоналисты-демократы получили приглашенія въ клубъ, но послѣ совѣщанія рѣшили это приглашеніе отклонить и поэтому противоположное рѣшеніе, оповѣщенное въ газетахъ, кажется мнѣ маловѣроятнымъ.

Мнѣ хотѣлось бы думать,—что, взвѣсивъ предѣлы и основанія раздѣляющихъ насъ разногласій, кн. Трубецкой найдетъ возможнымъ пересмотрѣть свое рѣшеніе и что мы снова встрѣтимся съ нимъ не въ клубѣ независимыхъ, а въ нашей партіи. Его отвѣтъ, во всякомъ случаѣ, сократилъ, а не расширилъ раздѣляющее насъ разстояніе.

26. Предвыборныя преслѣдованія партіи „Народной Свободы“ *).

Изъ такого хорошо освѣдомленнаго источника, какъ с.-петербургскій градоначальникъ, намъ приходится узнать, что мы обязаны преслѣдованіями, воздвигнутыми противъ конституціонно-демократической партіи, не министру внутреннихъ дѣлъ, а самому нашему премьеру. Г. Дурново партію, какъ таковую, по его собственнымъ словамъ, совсѣмъ не преслѣдуетъ, что указывается, по его собственному заявленію, тѣмъ, что нѣкоторые его личные знакомые принадлежатъ къ этой партіи—и до сихъ поръ не арестованы. Г. Дурново не преслѣдуетъ партіи, во-первыхъ, потому, что онъ, вообще, партій въ Россіи не признаетъ, и, во-вторыхъ, потому, что, игнорируя партіи, онъ не читаетъ ихъ программъ и не считается съ ихъ взглядами. Противъ такого рода аргументаціи партія, разумѣется, безоружна. Точка зрѣнія главы министерства, повидимому, нѣсколько иная. Судя по сообщеніемъ г. градоначальника, графъ Витте знаетъ партію и далъ указанія препятствовать ея засѣданіямъ именно по-

*) „Рѣчь“ № 3.

тому, что ее знаетъ. Вина партіи, въ глазахъ премьера, двоякая.

Во-первыхъ, гр. Витте находитъ, что партія «слишкомъ много себя рекламируетъ». Во-вторыхъ, партія «перешла Рубиконъ»—повидимому, въ томъ смыслѣ, что, по выраженію г. фонъ-деръ-Лауница, трудно разобрать, гдѣ кончаются революціонеры и гдѣ начинаются конституціоналисты-демократы. Когда членамъ партіи на митингахъ дѣлаютъ подобный упрекъ, обыкновенно они отвѣчаютъ, что революція кончается тамъ, гдѣ начинается свободная политическая жизнь, гдѣ кончается конспирація и гдѣ начинается жизнь большой открытой, политической партіи. Безъ «рекламы» созданіе большой политической партіи невозможно, и это очень хорошо знаютъ тѣ, кто черезъ губернаторовъ, исправниковъ и другихъ подчиненныхъ властей дѣлаетъ официальную рекламу партіямъ, находящимся подъ особымъ покровительствомъ правительства, печатая ихъ воззванія въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ въ явныхъ и тайныхъ типографіяхъ, распространяя эти воззванія черезъ полицію и искусственно создавая мѣстные комитеты партій на официально собираемыхъ полицейскими чинами собраніяхъ. Если дѣйствительно подлиненъ тотъ циркуляръ земскимъ начальникамъ, который мы напечатали въ № 1 «Рѣчи»—и опроверженія котораго до сихъ поръ не послѣдовало,—то мы имѣемъ право сказать, что правительственное рекламированіе «программъ различныхъ партій» отнынѣ возведено въ систему и будетъ практиковаться въ каждой русской деревнѣ. Къ сожалѣнію, тотъ же документъ, своими указаніями на тѣ «неблагонадежные» и «безпокойные элементы», которые «необходимо удалять для правильнаго теченія выборовъ», «не допуская ихъ въ помѣщенія для выборщиковъ» и даже «вывѣшивая» въ этихъ помѣщеніяхъ ихъ имена,—наводитъ насъ на объясненіе, почему «рекламированіе» нашей партіи признано министерствомъ излишнимъ. Очевидно, это сдѣлано для того, «чтобы во время выборовъ не имѣли мѣста насилія со стороны различныхъ противоправительственныхъ партій, какъ-то: соціалъ-демократовъ, соціалистовъ-революціонеровъ, конституціоналистовъ-демократовъ и имъ подобныхъ». Противъ «насилій» необходимо покровительство и защита, и вотъ въ № 20 «Русскаго Государства» мы находимъ продолженіе той же руководящей мысли, которая подходитъ къ мыслямъ только что цитированнаго документа, какъ два обрывка разорванной пополамъ бумаги. Въ министерскомъ органѣ намѣчается слѣдующій планъ дѣйствій (во избѣжаніе искаженій, цитируемъ эти драгоцѣнныя признанія собственными словами статьи: «Крестьянство и партіи»). «Въ ихъ ру-

кахъ (крайнихъ партій и представителей окраинъ) крестьянскіе депутаты могутъ натворить много нехорошаго; могутъ сдѣлать законодательныя работы безплодными и даже вызвать досрочное распущеніе собранія (это—угроза?)... Выходъ можетъ быть только одинъ; эти здравомыслящіе, но неопытные въ политикѣ (крестьянскіе) депутаты должны образовать министерскую партію... Примкнувъ къ вожакамъ министерской партіи (NB: вотъ зачѣмъ, по новому учрежденію о думѣ, министры вотируютъ въ палатѣ вмѣстѣ съ ея членами: прообразъ, очевидно, взятъ отъ уѣздныхъ земскихъ собраній, съ ихъ членами—земскими начальниками и съ волостными старшинами, вотирующими вслѣдъ за ними, какъ рота солдатъ), крестьяне-депутаты получатъ надежныхъ руководителей и останутся вѣрны несомнѣннымъ наказамъ «міра» и «громады», которые ихъ выберутъ и пошлютъ съ завѣтомъ (NB: будетъ преподанъ земскимъ начальникамъ въ одномъ изъ послѣдующихъ циркуляровъ): идти къ батюшкѣ-царю и чтить его волю».

«Министерскія партіи» всего міра, навѣрное, позавидуютъ той патріархальной откровенности, съ которой правительственный органъ оповѣщаетъ urbi et orbi о цѣляхъ и пріемахъ своего участія въ избирательной кампаніи. Въ Европѣ такъ не дѣлаютъ,—а въ Азіи объ этомъ не говорятъ,—и мы понимаемъ недовольство нѣкоторой части правительственныхъ сферъ на попытку шефа нашего министерства сочетать восточные пріемы съ западными въ рекламированіи будущей «министерской партіи» путемъ собственнаго официальнаго органа.

Надо, впрочемъ, прибавить, что «Русское Государство» смягчаетъ возможное недовольство его излишней откровенностью тѣмъ совершенно правильнымъ соображеніемъ, что отъ оппозиціи, все равно, своихъ намѣреній не скроешь и шила въ мѣшкѣ не утаишь. «Вѣроятно, въ предчувствіи того, что крестьяне-депутаты, образовавъ министерскую партію, парализуютъ всѣ дурныя теченія въ государственной думѣ, уже теперь вожаки разныхъ партій усилили свои нападки на министерство и на людей, работающихъ съ нимъ». Министерскій органъ по близкому ему опыту знаетъ, что «въ предчувствіи», что какая нибудь партія «парализуетъ» желательную ему дѣятельность въ думѣ, «выходъ можетъ быть только одинъ»—«усилить свои нападки на эту партію». Или—еще лучше: органъ можетъ молчать; лучше пусть дѣйствуетъ министерство: на несправедливыя «нападки» оно можетъ отвѣтить справедливыми преслѣдованіями.

Положеніе, какъ всякій видитъ, трудное для партіи, офиціально признаваемой «противоправительственной». Васъ упрэкаютъ въ томъ, что вы хотите дѣйствовать въ интересахъ партіи законнымъ путемъ избирательной «рекламы»: и въ то же время васъ заподазриваютъ въ намѣреніи дѣйствовать подпольно. Вамъ закрываютъ ротъ, когда вы хотите дѣйствовать легально, и изобличаютъ въ томъ, что вы хотите дѣйствовать насильственно. Вы хотите ослабить позицію бойкота; правительство васъ самихъ старается изо всѣхъ силъ поставить въ положеніе бойкотистовъ.

Мы должны, однако, рѣшительно заявить, что, поскольку это будетъ зависѣть отъ партіи, правительству это никоимъ образомъ не удастся. Если бы мы теперь вдругъ объявили бойкотъ думѣ, правительству ничего лучшаго не оставалось бы дѣлать. Зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, было бы тогда хлопотать объ образованіи «министерской партіи», напрягать воображеніе для созданія циркуляровъ, точно взятыхъ изъ Щедрина, къ чему мобилизовать земскихъ начальниковъ и мѣстную полицію? Къ урнамъ тогда, все равно, никто бы не пришелъ—или, во всякомъ случаѣ, не дошелъ бы. Достаточно было бы поставить стражу снаружи выборныхъ помѣщеній, тогда какъ теперь приходится вводить «довѣренныхъ людей» (терминъ офиціальнаго циркуляра, см. «Рѣчь» № 1) внутрь ихъ и, сверхъ того, заботиться о внутренней ассенизаціи избирательскихъ мозговъ путемъ «разъясненія всей неосновательности программъ» и даже оберегать ихъ отъ «насилія» («насилія» могутъ быть и моральныя надъ «здравомыслящими, но неопытными въ политикѣ» мужичками) со стороны «неблагонадежныхъ» избирателей, попавшихъ въ помѣщеніе благодаря оплошности земскаго начальника, который собственно обязанъ «озаботиться о недопущеніи» подобныхъ элементовъ уже «наканунѣ выборовъ».

Картина выборовъ складывается довольно назидательная, какъ видимъ.

P. S. Справедливость требуетъ добавить, что отношеніе къ выборной кампаніи и планъ созданія «министерской партіи» не есть личное изобрѣтеніе настоящаго министерства. У этой тактики есть своя традиція, довольно давняя и почти современная первому закону о думѣ. Уже 1 сентября 1905 г. тульскій губернаторъ писалъ генералъ-майору Д. Ф. Трепову слѣдующія строки: «2 сентября въ Тулѣ имѣетъ состояться частное совѣщаніе лицъ, вполнѣ благонамѣренныхъ, съ цѣлью объединенія въ интересахъ правительственныхъ. Я не имѣю основаній къ недопущенію подобнаго

рода собраній, какъ по цѣли ихъ созыва, такъ и по составу лицъ. убѣжденный въ томъ, что работа такихъ совѣщаній предпринимается въ интересахъ опредѣленной партіи. Но, разрѣшая собираться однимъ, а другимъ отказывая, администрація естественно вызоветъ неудовольствіе и обвиненіе въ пристрастномъ отношеніи къ различнымъ частямъ населенія и можетъ вселить въ немъ убѣжденіе въ преднамѣренной, съ опредѣленными цѣлями, предвыборной агитаціи въ государственную думу». На этомъ письмѣ Д. Ф. Треповымъ была положена такая резолюція: «Сего взгляда не раздѣляю. Правительство обязано поддерживать друзей и не поощрять враговъ правительства». Различіе между Треповымъ и графомъ Витте только въ томъ, что второй послѣдовательнѣе—да и откровеннѣе—перваго.

27. Графъ Витте запрещаетъ (?) преслѣдовать к.-д. партію*).

Наша передовая статья въ № 3 въ тотъ же вечеръ вызвала слѣдующее опроверженіе «Русскаго Государства».

Газета «Рѣчь» начинаетъ сегодня передовую статью сообщеніемъ «изъ такого хорошо освѣдомленнаго источника, какъ с.-петербургскій градоначальникъ, намъ приходится узнать, что мы обязаны преслѣдованіями, воздвигнутыми противъ конституціонно-демократической партіи, не министру внутреннихъ дѣлъ, а самому нашему премьеру».

«Приведенная ссылка на с.-петербургскаго градоначальника, по всей вѣроятности, основана на какомъ-либо недоразумѣніи. Что же касается отношенія предсѣдателя совѣта министровъ къ конституціонно-демократической партіи, то мы имѣемъ возможность вполнѣ категорически удостовѣрить, что гр. С. Ю. Витте рѣшительно никакихъ указаній въ отношеніи означенной партіи никому не давалъ,—если не считать неоднократныхъ указаній, кому слѣдуетъ, о томъ, чтобы никакимъ легальнымъ политическимъ партіямъ не чинилось никакихъ препятствій и чтобы онѣ не подвергались никакимъ преслѣдованіямъ—за дѣйствія ихъ въ предѣлахъ законности».

Мы очень рады «опроверженію» министерскаго органа и желаемъ только, чтобы «неоднократныя указанія» гр. Витте о прекращеніи преслѣдованій противъ политическихъ партій, наконецъ, дошли по назначенію. Центральный комитетъ предлагалъ сдѣлать эти «ука-

*) „Рѣчь“, № 5.

занія» въ видѣ циркулярнаго распоряженія по министерству внутреннихъ дѣлъ. Мы ничего не имѣемъ и противъ какой-либо другой формы, но очень настаиваемъ, чтобы распоряженія были сдѣланы немедленно и сдѣланы такъ, чтобы ни у кого не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія въ единствѣ воли нашего кабинета. Къ сожалѣнію, ссылка гр. Витте на «неоднократность» указаній какъ бы показываетъ, что въ прошломъ эти указанія не были приняты къ исполненію, какъ обязательныя: иначе не понадобилось бы ихъ повторять.

Что касается нашей ссылки на петербургскаго градоначальника, то, можетъ быть, тутъ и есть какое-нибудь недоразумѣніе, но, къ сожалѣнію оно заключается не въ неточности передачи того, что мы слышали отъ г. градоначальника. Г. фонъ-Лауницъ сослался на мнѣніе и желаніе гр. Витте уже во время разговора съ нимъ первой депутаціи отъ к.-д. партіи (І. В. Гессена, Н. И. Карѣева и П. Н. Милюкова); но мы тогда не огласили этой части его словъ, предполагая, подобно министерскому органу, что тутъ можетъ быть какое-нибудь недоразумѣніе. Однако, и вторая депутація (Е. И. Кедринъ и г. Лобза) выслушала отъ г. фонъ-Лауница тѣ же объясненія въ еще болѣе категорической формѣ.

Мы не знаемъ, что разумѣетъ министерскій органъ подъ «предѣлами законности». Г. Дурново, въ разговорѣ съ нами, ссылался на то, что законъ надо исправлять съ помощью «здраваго смысла», а на этой психологической почвѣ трудно установить какой-либо общеобязательный критерій. Если чины полиціи, присутствующіе на нашихъ митингахъ, будутъ останавливать ораторовъ при словѣ «бойкотъ», или «демократическая республика», или «вооруженное возстаніе», то, въ ихъ понятіи, «предѣлъ законности» можетъ быть, будетъ достигнутъ и перейденъ, тогда какъ насъ это, лишитъ свободы преній по вопросамъ, которые болѣе всего нуждаются въ разъясненіи. Точно также не только мы съ администраціей, но и представители мѣстной администраціи между собой расходятся самымъ плачевнымъ образомъ по вопросу, гдѣ наступаютъ «предѣлы законности» при распространеніи нашихъ программъ и воззваній. Одному губернатору даже и программа нашей партіи кажется нелегальнымъ произведеніемъ, другой дозволяетъ ее, но съ исключеніемъ мѣстъ, которыя кажутся ему цензурными, третій привыкъ къ программѣ и готовъ допустить ее къ не распространенію цѣликомъ, но не допускаетъ воззваній, четвертый допускаетъ и воззванія, но только прошедшія мѣстную цензуру, пятый требуетъ

цензуры столичной и т. д., и т. д. Очень бы важно было также выяснить опредѣленно, какимъ изъ правительственныхъ вѣдомствъ кончаются «предѣлы законности» при поступленіи чиновниковъ тихъ вѣдомствъ въ члены партіи. Министерство народнаго просвѣщенія въ данномъ случаѣ либеральнѣе министерства финансовъ, министерство финансовъ—либеральнѣе судебнаго вѣдомства и т. д. Мы были бы очень благодарны министерскому органу, если бы онъ далъ требуемыя разъясненія съ такой же быстротой, съ какой онъ отозвался на нашу статью.

P. S. Въ сегодняшнемъ № «Нашей Жизни» находимъ указанія, проливающія нѣкоторый свѣтъ на колебанія высшей администраціи въ вопросѣ о к.-д. партіи. По свѣдѣніямъ газеты, въ послѣднемъ засѣданіи совѣта министровъ часть членовъ находила, что «путемъ этой партіи можно привлечь (въ думу) наиболѣе интеллигентные слои общества, что это вполнѣ соотвѣтствуетъ видамъ правительства, ибо эта партія стоитъ на платформѣ монархизма и участія въ думѣ, и, стало быть, если она крайняя, то тѣмъ важнѣе ея участіе». Напротивъ, графъ Витте «вполнѣ опредѣленно высказался что партія эта—рѣзко оппозиціонная и что, поэтому, необходимо парализовать ея вліяніе на составъ думы; правыя партіи, по мнѣнію графа, работаютъ очень слабо, а к.-д. работаютъ весьма энергично»... По мнѣнію гр. Витте, «первую сессію думы необходимо, по возможности, избавить отъ слишкомъ большого вліянія крайнихъ партій, къ которымъ к. д. партія, по мнѣнію графа, относится».

Желательно было бы, чтобы «Р. Г.» выяснило, нѣтъ ли и въ сообщеніяхъ «Нашей Жизни» какого-нибудь «недоразумѣнія». Не можетъ же министерскій органъ быть менѣе освѣдомленъ объ истинномъ отношеніи премьера къ к.-д. партіи, чѣмъ газетный репортеръ. Притомъ же, мы вспоминаемъ всеподданнѣйшій докладъ гр. Витте, въ которомъ опредѣленно говорилось, что «правительство должно поставить себѣ непоколебимымъ принципомъ полное невмѣшательство въ выборы въ государственную думу», и справедливо указывалось, что относительно думы «заботой правительства должно быть поддержаніе ея престижа, довѣрія къ ея работамъ и обезпеченіе подобающаго сему учрежденію значенія». Очевидно, достигнуть этихъ результатовъ съ помощью «министерской партіи» въ думѣ—довольно трудно. Но, можетъ быть, и проектъ созданія «министерской партіи» есть тоже—недоразумѣніе? Было бы интересно выслушать объясненія министерскаго органа.

28. „Взглядъ“ гр. Витте и практика правительства*).

«Русское Государство» отчасти удовлетворило высказанное нами желаніе и дало скорый отвѣтъ на нашъ вопросъ о колебаніяхъ графа Витте по поводу преслѣдованій конституціонно-демократической партіи. Изъ новаго «опроверженія» министерскаго органа видно, что «взглядъ о необходимости парализовать дѣятельность конституціонно-демократической партіи, приписываемый нѣкоторыми газетами предсѣдателю совѣта министровъ, лишенъ всякаго основанія». Съ удовольствіемъ констатируемъ это категорическое заявленіе, но не можемъ, все-таки, воздержаться отъ выраженія нѣкотораго недоумѣнія. Графъ Витте не держится взгляда о необходимости парализовать дѣятельность нашей партіи,—и, однако же, она парализуется. Телеграммы и корреспонденціи о преслѣдованіяхъ партіи продолжаютъ приходить отовсюду: ими полны телеграммы, хроника, провинціальный отдѣлъ не въ одной нашей газетѣ, но и во всѣхъ другихъ. Должны ли мы заключить отсюда, что «взглядъ» графа Витте еще неизвѣстенъ его товарищамъ по министерству и подвѣдомственнымъ имъ лицамъ? Или мы должны заключить, что это только «взглядъ», мнѣніе, необязательное для подчиненныхъ властей? Мы не рѣшаемся остановиться ни на одномъ изъ этихъ предположеній и не можемъ найти никакого иного. Если графъ Витте отвѣтственъ за политику своего министерства, то у него должны же быть въ рукахъ средства проводить эту политику. Если же такихъ средствъ провести свой «взглядъ» у него нѣтъ, тогда, очевидно, «кабинета» не существуетъ,—и тогда нарушенъ, очевидно, еще одинъ основной принципъ манифеста 17 октября. Этотъ манифестъ вѣдь былъ своего рода обязательной инструкціей, для выполненія которой признано было «необходимымъ объединить дѣятельность высшаго правительства». Если не въ лицѣ нашего премьера, то въ чьемъ другомъ лицѣ, сбоку или сзади его, объединяется теперь дѣятельность правительства? Въ лицѣ Дурново? Или, можетъ быть, Трепова? Но тогда, какую же роль играетъ графъ Витте?

---

*) „Рѣчь“, № 6.

29. Отвѣтъ г. Н. А. Демчинскому.

Наши партійные противники рѣдко дѣлаютъ намъ честь—спросить насъ, на чемъ основаны тѣ клеветы, которыя они про насъ распространяютъ. Самимъ же намъ нагибаться и поднимать эти клеветы изъ грязи, въ которой онѣ родятся,—не всегда есть охота. Тѣмъ пріятнѣе, когда противникъ исполняетъ за васъ эту обязанность, галантно подноситъ грязный комокъ къ самому вашему носу и любезно спрашиваетъ васъ, чѣмъ пахнетъ? Мы тогда можемъ отвѣтить: да, это пахнетъ... отъ вашихъ рукъ.

Въ № 396 «Слова» г. Н. А. Демчинскій проситъ меня дать «категорическій отвѣтъ», извѣстно ли мнѣ, что к.-д. партія «выпустила одно и то же воззваніе, но для двухъ разныхъ случаевъ: для интеллигенціи—на бѣлой бумагѣ и для крестьянъ—на сѣрой. Въ первомъ говорится о выкупѣ земли отъ помѣщиковъ и ни слова объ ея раздачѣ; во второмъ же—приписана фраза: «крестьянамъ же землю раздаетъ въ пользованіе даромъ».

Фактъ, указываемый г. Демчинскимъ, совершенно вѣренъ; освѣщеніе же факта принадлежитъ ему самому. Вѣрно то, что послѣдняя фраза имѣется въ первомъ изданіи воззванія и что она исключена изъ второго; невѣрно же то, что двойственность текста—умышленна и что два разныхъ текста предназначались для двухъ разныхъ типовъ читателя,—подтвержденіе чему г. Демчинскій находитъ въ напечатаніи одного текста на сѣрой, а другого на бѣлой бумагѣ.

Вина за оплошность помѣщенія фразы въ первомъ текстѣ лежитъ на мнѣ лично. Обстоятельства же, смягчающія мою вину, слѣдующія. Во второй половинѣ декабря петербургскій комитетъ партіи спѣшно готовился къ распространенію программы и воззваній партіи среди новыхъ петербургскихъ избирателей въ думу по закону 11 декабря. Въ виду скораго истеченія срока записи въ избирательные списки надо было особенно торопиться съ подготовкой документовъ, объяснявшихъ избирателямъ важность полученныхъ ими правъ. При такихъ обстоятельствахъ былъ доставленъ комитету первоначальный текстъ воззванія, который былъ для ускоренія тотчасъ же набранъ и въ корректурѣ разосланъ членамъ комитета, которые немедленно же отмѣтили рядъ мѣстъ, въ первоначальномъ текстѣ, подлежащихъ измѣненію.

Къ сожалѣнію, типографія отпечатала воззваніе не по окончательно установленной комитетомъ корректурѣ, а по случайно попавшей, заключавшей въ себѣ только частныя поправки, и воззваніе появилось на слѣдующее утро въ приложеніи ко второму (провинціальному) изданію «Биржевыхъ Вѣдомостей». Въ первый моментъ ни я, ни другіе члены комитета не замѣтили ошибки, и нѣсколько первыхъ дней наши добровольные сотрудники въ бюро партіи усердно распространяли забракованный текстъ воззванія, котораго такъ нетерпѣливо дожидались. Дня черезъ два или три ошибка была замѣчена, и дальнѣйшее распространеніе неисправленнаго текста немедленно остановлено. Г. Демчинскій и теперь можетъ видѣть тюки этого неиспользованнаго изданія на сѣрой бумагѣ, если заглянетъ въ наше бюро на Моховой. Но почему же изданіе вышло на сѣрой бумагѣ? И эта черта нашего макіавелизма объясняется довольно просто. Мы не были хозяевами изданія; хозяиномъ былъ издатель «Биржевыхъ Вѣдомостей», и документъ вышелъ на той бумагѣ, на которой издается эта газета. Наши собственныя изданія, т. е. всѣ исправленныя, распространяющіяся и до сихъ поръ, печатаются на лучшей бумагѣ.

Въ той же статьѣ «Слова» Демчинскій возражаетъ мнѣ по поводу моего мнѣнія о «провокаціи революціи»,—но возражаетъ моими же собственными мнѣніями. Я говорю, что правительство въ декабрѣ расчитывало на свою силу для подавленія забастовки и поэтому эту забастовку намѣренно вызывало; г. Демчинскій прибавляетъ, что сила правительства заключалась въ испугѣ обывателя. Ну, да,—это и указано мною въ извѣстныхъ г. Демчинскому статьяхъ; на это и расчитывало заранѣе правительство, какъ видно изъ разговоровъ гр. Витте съ г. Диллономъ. Такимъ образомъ, это не возраженіе мнѣ, а только дальнѣйшее развитіе моего же аргумента, мною же сдѣланное. Я, конечно, не хочу обвинить г. Демчинскаго въ томъ, что онъ это объясненіе у меня заимствовалъ: я думаю, что пониманіе этой тактики правительства вовсе не составляетъ моего «секрета», такъ же какъ и приложеніе ея не составляетъ «секрета» одного графа Витте.

2. Образованіе и развитіе союза 17 октября.

30. Десница и шуйца „Союза 17 октября“ *).

I.

Вѣсти изъ провинціи о ходѣ выборовъ показываютъ, что, поскольку, вообще, избирательная борьба будетъ вестись на почвѣ партійныхъ программъ, а не личной популярности,—она должна рѣшиться поединкомъ между союзомъ 17 октября (съ примыкающими къ нему группами той-же политической окраски) и конституціонно-демократической партіей. Споры и пререканія на политическихъ митингахъ въ послѣднее время замѣтно измѣнили свой характеръ, и к. д. партія принуждена теперь отбиваться не отъ нападенія слѣва, а отъ нападенія справа. К.-д. партія, вообще, не заражена тѣмъ полемическимъ жаромъ, какимъ отличаются ея противники: она предпочитаетъ укрѣплять свою собственную позицію и только по необходимости переходитъ отъ обороны къ наступленію. Въ данномъ случаѣ, однако, необходимости этой избѣжать нельзя. Мы должны познакомиться внимательнѣе съ нашими противниками и познакомить съ ними другихъ; отчасти—какъ мы убѣдились на опытѣ—это необходимо сдѣлать и для ихъ собственныхъ членовъ.

Итакъ, что такое союзъ 17 октября? Отвѣтъ не такъ легокъ, какъ кажется съ перваго взгляда. Члены этого союза задавались цѣлью обвинять к.-д. партію во внутреннихъ противорѣчіяхъ, въ неясности программы, въ нестротѣ состава партіи и т. д. Но тѣ внутреннія различія взглядовъ и настроеній, которыя дѣйствительно существуютъ въ средѣ к.-д. партіи,—ничтожны въ сравненіи съ тѣмъ, что мы видимъ въ самомъ союзѣ 17 октября.

Въ своемъ составѣ этотъ союзъ обнимаетъ рѣшительно всѣ оттѣнки современнаго политическаго настроенія, начиная съ черной сотни и правового порядка и кончая скрытными сторонниками к.-д. партіи. Дѣйствительно, правительственныя преслѣдованія нашей партіи въ провинціи мѣстами такъ напугали провинціальное общество, что даже союзъ 17 октября сталъ казаться чѣмъ-то небезопаснымъ, и иные изъ нашихъ сторонниковъ примкнули къ нему, какъ къ самой лѣвой изъ партій, имѣющихъ возможность дѣйствовать открыто. Въ другихъ мѣстахъ покровительство мѣст-

*) „Рѣчь“, № 16.

ныхъ властей союзу 17 октября обнаружилось такъ явно, что лицамъ, занимающимъ извѣстное общественное и служебное положеніе пришлось поневолѣ записаться въ члены этого союза, хотя бы по убѣжденіямъ они раздѣляли взгляды к.-д. партіи. Но, разумѣется, участіе подобныхъ членовъ въ союзѣ не характеризуетъ самого союза, а характеризуетъ только современное положеніе. Настоящее зерно союза состоитъ, конечно, изъ тѣхъ, кто примыкаетъ къ нему «не токмо за страхъ, но и за совѣсть».

Однако, и въ такомъ коренномъ составѣ союза политическія настроенія разнятся до полной противоположности одно другому. Мы лучше поймемъ эту разницу, если обратимся къ исторіи союза.

II.

Подъ «воззваніемъ», съ котораго начинается эта исторія, подписались лица, изъ коихъ нѣкоторыхъ мы привыкли считать нашими собственными товарищами въ освободительной борьбѣ. Во главѣ стоитъ подпись графа П. А. Гейдена, благородная сѣдовласая фигура котораго и открытая, смѣлая, но корректная рѣчь хорошо извѣстна всѣмъ посѣтителямъ земскихъ и городскихъ съѣздовъ. Несмотря на нѣкоторую горячность и на ту, не то пуританскую, не то масонскую стойкость, съ которой гр. Гейденъ ведетъ своѐю личную ноту въ преніяхъ, онъ какъ-то самъ собой выдвинулся въ почти безсмѣнные предсѣдатели съѣздовъ, и одно это само по себѣ показываетъ, какъ высоко стоитъ въ общемъ мнѣніи безупречная личность гр. П. А. Гейдена. Слѣдующая подпись принадлежитъ лицу, также сосредоточившему на себѣ симпатіи лучшихъ людей въ той средѣ, гдѣ ему приходилось работать,—Д. Н. Шипову, извѣстному земскому дѣятелю. Общее мнѣніе утверждаетъ, что если Д. Н. Шиповъ что-нибудь говоритъ, онъ это въ самомъ дѣлѣ думаетъ; и если не вся истина, то, по крайней мѣрѣ, доля истины должна быть въ томъ, что думаетъ Д. Н. Шиповъ,—такъ какъ онъ не только убѣжденный человѣкъ, но еще и тонкій, впечатлительный наблюдатель, понимающій жизнь. Мы не будемъ упоминать другихъ именъ, подписавшихся подъ воззваніемъ, относительно которыхъ общее мнѣніе не такъ единодушно. Скажемъ только, что и далѣе есть имена, которыя всякій привыкъ встрѣчать въ сопровожденіи другихъ, всѣми уважаемыхъ, и что большая часть этихъ именъ принадлежитъ постояннымъ и усернымъ работникамъ на земскихъ и городскихъ съѣздахъ.

Въ «воззваніи» учредителей союза 17 октября эта близость къ земскому большинству чувствуется очень сильно. Подобно своимъ товарищамъ по съѣзду, основатели союза настроены очень рѣшительно и опредѣленно; подобно имъ, они требуютъ коренной политической реформы, и если они соглашаются объединиться вокругъ знамени 17 октября, то только потому, что манифестомъ 17 октября «вводится въ нашъ государственный строй новое начало—начало конституціонной монархіи». Они желаютъ «настоять на возможно скоромъ, полномъ и широкомъ осуществленіи началъ, провозглашенныхъ манифестомъ». Они требуютъ «прочныхъ гарантій незыблемости» и согласны для достиженія этихъ гарантій, «на почвѣ права, отстаивать свои интересы, мирной и открытой борьбой добиваться своихъ идей, своихъ убѣжденій».

Это—тотъ языкъ, которымъ мы всѣ говорили, когда сидѣли вмѣстѣ съ основателями союза 17 октября и дѣлали одну общую работу на съѣздахъ. Если бы больше ничего не было бы въ «воззваніи», кромѣ этого требованія «коренного преобразованія нашего государственнаго строя на началахъ конституціонныхъ»,—то мы, вѣроятно, и до сихъ поръ работали бы въ одинхъ рядахъ. Что же такое произошло, что раздѣлило насъ на два лагеря? Что положило между нами непроходимую грань?

III.

Если не полный расколъ, то глубокая трещина существовала давно между нами и ими,—между большинствомъ и меньшинствомъ земскихъ съѣздовъ. Обѣ группы раздѣлились уже на самомъ первомъ изъ этихъ съѣздовъ—на съѣздѣ 6 ноября 1904 г. Но тотъ, кто знаетъ только упомянутое «воззваніе», никогда не догадается, какая была первоначальная причина раскола. Въ воззваніи (т. е. *послѣ* манифеста 17 октября 1905 года) говорится, что «прежній неограниченный самодержецъ... (теперь) становится конституціоннымъ монархомъ... (и) находитъ предѣлы своей воли въ правахъ народнаго представительства». *До* манифеста 17 октября большинство земскихъ съѣздовъ какъ разъ къ этому стремилось, а меньшинство, сдѣлавшее потомъ манифестъ своимъ знаменемъ, противъ этого протестовало. Ноябрьскій съѣздъ 1904 г. впервые громко потребовалъ превращенія самодержца въ конституціоннаго монарха и ограниченія его правъ правами народнаго представительства. Но тогда Д. Н. Шиповъ нашелъ невозможнымъ присоединиться къ такому требованію; и не только по практическимъ и

тактическимъ соображеніямъ, а по принципіальнымъ, онъ настаивалъ на сохраненіи самодержавія. Возражая противъ «правовыхъ гарантій», онъ утверждалъ, что въ основу государственной реформы «долженъ быть положенъ не правовой принципъ, а принципъ нравственный»; что «этотъ принципъ соотвѣтствуетъ всему міровоззрѣнію русскаго народа». Онъ находилъ, что «если въ основу народнаго представительства будетъ теперь же положена идея правовая—требованіе правъ, обезпеченіе ихъ формальными гарантіями и участіе въ осуществленіи законодательной власти, то можно опасаться, что такимъ путемъ изъ народнаго самосознанія будетъ вытравлена нравственная идея». Другими словами, онъ пробовалъ установить устарѣвшую славянофильскую теорію, что народу должна принадлежать лишь «сила мнѣнія», право подавать совѣты; а «сила власти» должна цѣликомъ остаться за самодержавіемъ.

Естественно, что Д. Н. Шиповъ былъ очень обезпокоенъ, когда рескриптъ 18-го февраля 1905 г. впервые далъ Россіи положительное обѣщаніе «привлекать избранныхъ отъ населенія людей къ участію въ предварительной разработкѣ и обсужденіи законодательныхъ расположеній». Это уже пахло «кореннымъ преобразованіемъ» государственнаго строя,—и Д. Н. Шиповъ поспѣшилъ составить проектъ преобразованія... чтобы сдѣлать его возможно менѣе «кореннымъ». Онъ находилъ тогда, что «коренная» реформа «на началахъ конституціонныхъ» «ничего, кромѣ вреда, не принесетъ» и что единственнымъ «измѣненіемъ, не вносящимъ никакой ломки въ строй русской жизни, является открытіе непосредственнаго доступа къ Царю народной мысли черезъ избранныхъ населеніемъ людей». Д. Н. Шиповъ особенно подчеркивалъ, что дѣло идетъ именно о народной «мысли», о мнѣніи, а не о народной «волѣ» или народныхъ «интересахъ». «Интересы» народа,—такъ развивалъ онъ свою мысль, дѣйствительно, могутъ быть удовлетворены только представительствомъ народа по четырехчленной формулѣ, но «мнѣніе» народное всего лучше будетъ представлено, если представители будутъ выбраны... земскими собраніями и городскими думами. Сдѣлавъ такой рискованный скачекъ, Д. Н. Шиповъ уже безъ труда дѣлалъ и другой. Онъ заключалъ, что «для осуществленія этой реформы нѣтъ надобности создавать новое учрежденіе, такъ какъ нынѣ существующій государственный совѣтъ, путемъ замѣны его состава «избранными отъ населенія (по методу Д. Н. Шипова) людьми», можетъ явиться предъ царемъ органомъ выраженія народ-

ной мысли». Какъ извѣстно, Д. Н. Шиповъ тогда же съѣздилъ въ Петербургъ для пропаганды своего плана въ высшихъ сферахъ,— и это ему мы обязаны идеей эскамотировать государственную думу при помощи разбавленнаго представителями земствъ государственнаго совѣта. Нелѣпость разсужденій Д. Н. Шипова была тогда же указана ему прессой, въ томъ числѣ и нами (въ «Русск. Богат.»). Справедливость требуетъ сказать, что самое нелѣпое и... неискреннее въ его аргументаціи принадлежало не ему, а нѣкоему г. Герасимову, тому самому, который теперь при министрѣ народнаго просвѣщенія играетъ ту роль, которую при гр. Витте играетъ П. Н. Дурново.

Идея Д. Н. Шипова имѣла успѣхъ не только въ «высшихъ сферахъ». Въ Москвѣ скоро стало ходить по рукамъ т. наз. «конституція г. Крестовникова», почти цѣликомъ основанная на запискѣ Шипова и только прибавлявшая скромное примѣчаніе къ параграфу о представительствѣ отъ земскихъ собраній и городскихъ думъ: «фабрично-заводской промышленности и торговлѣ, составляющимъ крупную отрасль народнаго хозяйства, нужды которой не могутъ быть въ достаточной мѣрѣ представлены въ учрежденіяхъ земскаго и городского самоуправленія, можетъ быть предоставлено право выбора своихъ представителей въ земскій соборъ». Какъ извѣстно, желаніямъ г. Крестовникова не суждено было исполниться въ полной мѣрѣ; дворяне признаны были въ Петербургѣ болѣе «устойчивымъ по взглядамъ и направленію, слоемъ общества» и имъ дано преобладаніе въ государственномъ совѣтѣ.

Въ проектахъ гг. Шипова и Крестовникова «союзъ 17 октября» уже заключался en germe. Какъ и потомъ, основатели будущаго союза не шли въ своихъ планахъ дальше того, чего хотѣло само правительство, и выставляли эти предположенія правительства, какъ послѣднее слово русскаго освободительнаго движенія. Правительство, въ свою очередь, видѣло въ нихъ представителей русскаго общественнаго мнѣнія и было введено въ заблужденіе ихъ уступчивостью. Проекты обоихъ лидеровъ земской и думской правой принимались— какъ это и было въ дѣйствительности—не за ихъ личное мнѣніе, а за выраженіе взглядовъ значительной и вліятельной части земцевъ и думцевъ.

Таково было состояніе группы 17 октября за шесть мѣсяцевъ до ея официальнаго объявленія.

*

IV.

Въ то вромя, какъ гг. Шиповъ и Крестовниковъ со своими единомышленниками работали надъ «ограничительнымъ» истолкованіемъ рескрипта 18 февраля и, такимъ образомъ, расчищали путь для закона 6 августа о законосовѣщательной думѣ, большинство земскихъ съѣздовъ, не становясь вовсе на почву рескрипта, шло своимъ путемъ. Это былъ тотъ самый путь, который былъ намѣченъ постановленіями 6—9 ноября 1904 г. и на которомъ земцы чувствовали за собой могущественную поддержку всего русскаго освободительнаго движенія. Установивъ 6 ноября основной принципъ конституціоннаго устройства, земцы занялись на своихъ съѣздахъ разработкой главныхъ основаній будущей русской конституціи. Установлены были основныя и принципіальныя требованія, въ силу которыхъ выработка конституціоннаго акта должна была быть передана правильно созванному народному представительству, а правильнымъ рѣшено было считать лишь такое представительство, которое основано на всеобщей, прямой, равной и закрытой подачѣ голосовъ.

Представители меньшинства не откалывались еще открыто отъ большинства въ это время, но на съѣздахъ почти не выступали ораторами и уклонились отъ участія въ извѣстной депутаціи кн. С. Н. Трубецкого, хотя депутаты и связали себя обязательствомъ говорить передъ царемъ отъ имени *всего* съѣзда, а не только его большинства. Это, между прочимъ, налагало на депутатовъ обязанность не подчеркивать въ аудіенціи того пункта, по которому меньшинство осталось при особомъ мнѣніи: именно пункта о прямомъ голосованіи. По какому то недоразумѣнію, которое мнѣ казалось и кажется результатомъ недостаточнаго знакомства съ дѣломъ, меньшинство, уступивъ по принципіальному вопросу о всеобщемъ избирательномъ правѣ, запнулось о сравнительно детальный технической вопросъ о прямомъ или многостепенномъ голосованіи. Оно настаивало на многостепенной подачѣ голосовъ, сохраняя, такимъ образомъ, позицію, уже ранѣе занятую гг. Шиповымъ и Крестовниковымъ. Я полагаю, что исходъ настоящихъ выборовъ въ значительной степени разочаруетъ самыхъ упорныхъ сторонниковъ многостепенныхъ выборовъ,—и разочаруетъ по соображеніямъ, не имѣющимъ ничего общаго съ принципами демократизма. Какъ бы то ни было, тогда прямые выборы отвергались меньшинствомъ именно потому, что большинство на нихъ настаивало во имя идеи демократизма.

Какъ извѣстно, депутація кн. Трубецкого нанесла окончательный ударъ идеѣ сословныхъ выборовъ, но не спасла Россію отъ выборовъ цензовыхъ, и депутаты совѣщательной думы 6 августа должны были представлять не весь народъ, а только свои сословныя куріи, притомъ очень ограниченныя по составу избирателей, благодаря высокому цензу. Идея многостепенности выборовъ восторжествовала такъ же, какъ и идея совѣщательныхъ функцій народнаго представительства.

По отношенію къ первоначальнымъ требованіямъ гг. Шипова и Крестовникова, дума 6 августа была все-таки большимъ шагомъ впередъ. Но по отношенію къ требованіямъ всего русскаго общества, выставленнымъ и земскими съѣздами, законъ 6 августа былъ «обманомъ» и вызвалъ глубокое разочарованіе. Естественно, что отношеніе обѣихъ группъ съѣзда къ закону 6 августа должно было быть прямо противоположное, и на этомъ первомъ противорѣчіи практическаго характера обѣ группы должны были окончательно расколоться. Сентябрьскій земскій—на этотъ разъ и городской—съѣздъ собирался при мрачныхъ предзнаменованіяхъ, при заревѣ аграрныхъ пожаровъ, при первыхъ проявленіяхъ черносотенной реакціи въ провинціальныхъ городахъ. Организаторы съѣзда ожидали, что обывательскій испугъ отразится и на настроеніи депутатовъ, что настроеніе большинства съѣзда можетъ измѣниться подъ впечатлѣніемъ этого испуга. Однако, всѣ опасенія оказались напрасными, — и не столько потому, что испуга не было, сколько потому, что постоянные участники съѣздовъ оказались выше обывательскаго настроенія. Но это и значило, что сплоченное большинство съѣзда уже превращалось изъ безформеннаго союза въ однородную партію. Элементы, не подходившіе къ настроенію большинства, оказались недостаточно активны, чтобы выступить самостоятельно. Они просто отошли въ сторону и замолкли.

Они молчали на съѣздѣ, но не молчали, однако, за стѣнами его. Недовольство сплоченнымъ большинствомъ выразилось въ обвиненіяхъ по адресу бюро съѣздовъ за его «самовластіе», а затѣмъ и по адресу самого съѣзда—за «самозванство» его состава и за «радикализмъ» его постановленій.

Къ этому времени относится возникновеніе тѣхъ легендъ и небылицъ, которыми съ тѣхъ поръ противники большинства не устаютъ преслѣдовать его, несмотря на явно клеветническій характеръ ихъ политическихъ нападеній. Заслуга перваго опыта такой черносотенной демагогіи принадлежитъ Н. А. Хомякову. Этотъ извѣстный

земскій дѣятель разослалъ по уѣзднымъ управамъ циркуляръ, въ которомъ впервые формулировано было гласно обвиненіе, будто съѣздъ хочетъ раздѣлить Россію на части. Поводомъ, какъ извѣстно, послужило рѣшеніе съѣзда о польской автономіи.

V.

На сентябрьскомъ съѣздѣ земскихъ и городскихъ представителей внимательному наблюдателю стало ясно, что расколъ между большинствомъ и меньшинствомъ мирной русской оппозиціи—есть совершившійся фактъ. Было очевидно, что большинство и далѣе сохранитъ свою связь со всѣмъ русскимъ освободительнымъ движеніемъ, тогда какъ меньшинство будетъ искать своихъ сторонниковъ среди той обывательской массы, которая до сихъ поръ или оставалась безучастной, или даже начинала бояться, что движеніе зашло слишкомъ далеко. Большинство, дѣйствительно, шло своей прежней дорогой. На сентябрьскомъ съѣздѣ оно поставило во главу своего обращенія къ народу то самое требованіе, которое откололо отъ него меньшинство еще въ ноябрѣ 1904 года: требованіе конституціи, проектъ которой былъ выработанъ и одобренъ en bloc предыдущимъ съѣздомъ. Въ сентябрѣ же были приняты рѣшенія по вопросу земельному, рабочему, финансовому, народнаго просвѣщенія, мѣстнаго самоуправленія и автономіи. Въ своей совокупности всѣ эти рѣшенія уже составляли опредѣленную партійную программу. И дѣйствительно, только случайныя обстоятельства замедлили созывъ съѣзда, на которомъ большинство земскихъ съѣздовъ должно было и формально превратиться въ политическую партію. Съѣздъ этотъ собрался, наконецъ, въ серединѣ слѣдующаго мѣсяца. Въ первые же дни засѣданій (14 октября) съѣздъ рѣшилъ объявить «конституціонно-демократическую» партію существующей, чтобы имѣть возможность отъ имени партіи высказать свою принципіальную солидарность съ тѣмъ «мирнымъ и организованнымъ» движеніемъ рабочихъ массъ, которое послужило послѣдней гирей на вѣсахъ борьбы за русскую конституцію. Три дня спустя, первый камень русской конституціи былъ заложенъ манифестомъ 17 октября.

По особой ироніи судьбы, этотъ самый манифестъ 17 октября рѣшили сдѣлать теперь своимъ знаменемъ тѣ, кто больше всего старался, чтобы этого манифеста не было: Д. Н. Шиповъ и его сторонники.

VI.

Случилось это, однако, не сразу. Среди общаго подъема настроенія, предшествовавшаго и сопровождавшаго памятный день 17 октября, меньшинство земскаго съѣзда чувствовало себя одинокимъ, слабымъ и безсильнымъ. Недавніе принципіальные защитники самодержавія не могли сразу превратиться въ принципіальныхъ конституціоналистовъ. И они замолкли. Старый земскій съѣздъ, пережившій себя уже въ сентябрѣ, оставался ихъ единственной связью съ освободительнымъ движеніемъ,—и теперь, когда съѣздъ, въ сущности, уже превратился въ партію,—они попробовали ухватиться за съѣздъ. Приглашенный гр. Витте для переговоровъ о министерскомъ портфелѣ, Д. Н. Шиповъ обнаружилъ достаточно политической честности, чтобы сказать премьеру, что за нимъ никто не стоитъ и что онъ войдетъ въ министерство не иначе, какъ съ одобренія съѣзда. Графу Витте пришлось обратиться къ бюро съѣзда за требуемой санкціей,—и, какъ извѣстно, онъ получилъ отказъ, съ указаніемъ на ту сентябрьскую программу, на почвѣ которой только и могутъ идти какіе-либо переговоры со съѣздомъ. Оставался еще рессурсъ: отъ бюро можно было апеллировать къ самому съѣзду. Тогда въ изобрѣтательной головѣ премьера созрѣла мысль: приблизить къ себѣ съѣздъ, созвавъ его въ Петербургѣ, и использовать его въ интересахъ своей политики. Былъ расчетъ на то, что теперь, когда земскій съѣздъ не только не преслѣдуется, но и поощряется свыше, на него рѣшатся послать представителей болѣе консервативные элементы губернскихъ земствъ. Торжественный вотумъ довѣрія долженъ былъ положить начало дружному сотрудничеству правительства съ «благомыслящими» элементами... противъ остальнаго освободительнаго движенія и его конституціонныхъ стремленій. По нѣкоторымъ признакамъ можно думать, что гр. Витте боялся *конституціонныхъ* стремленій освободительнаго движенія еще больше, чѣмъ *соціальныхъ*.

Всѣ эти расчеты, однако, были сдѣланы безъ хозяина. Съѣздъ собрался въ Москвѣ, а не въ Петербургѣ, уже этимъ подчеркивая свое желаніе—остаться независимой общественной силой. На съѣздѣ не было недостатка въ офиціозныхъ и добровольныхъ парламентерахъ, но всѣ ихъ убѣжденія были напрасны. Съѣздъ не вотировалъ довѣрія министерству Витте, а поставилъ это довѣріе въ зависимость отъ выполненія цѣлаго ряда поставленныхъ съѣздомъ условій, общей цѣлью которыхъ было «правильное и послѣдователь-

ное проведеніе конституціонныхъ началъ манифеста». Основнымъ условіемъ было «немедленное изданіе акта о примѣненіи къ созыву народнаго представительства всеобщей, прямой, равной и закрытой подачи голосовъ и формальная передача первому собранію народныхъ представителей учредительныхъ функцій для выработки, съ утвержденія государя, конституціи Росс. Имперіи». Эта коренная задача не исключала возможности для «перваго собранія» заняться и другими мѣрами, необходимыми при установленіи новаго правопорядка, а также «установленіемъ основныхъ началъ земельной реформы и принятіемъ необходимыхъ мѣръ въ области рабочаго законодательства». Наконецъ, «не дожидаясь созыва народныхъ представителей», съѣздъ предлагалъ правительству теперь же заняться «осуществленіемъ въ законодательныхъ нормахъ всѣхъ основныхъ началъ политической свободы», провозглашенныхъ манифестомъ, разслѣдованіемъ погромовъ, утопившихъ въ крови первую радость при изданіи манифеста, смѣной состава старой администраціи, непригодной для осуществленія новыхъ началъ, изданіемъ закона объ амнистіи и отмѣной смертной казни. Въ особой депутаціи съѣздъ излагалъ графу Витте мотивы, почему такой исходъ онъ считалъ единственно возможнымъ для блага страны.

VII.

Плачевный исходъ депутаціи—извѣстенъ. Рѣшенія съѣзда обнаруживали передъ всей Россіей истинный смыслъ сложной игры, которую велъ гр. Витте. Надо было парировать ударъ.

На этой то почвѣ начинается усиленная агитація противъ «самозваннаго» земскаго съѣзда. Графъ Витте задумываетъ создать противовѣсъ ему, въ видѣ особаго контръ-съѣзда, представляющаго «истинное» настроеніе земствъ и городовъ. Мѣстные органы самоуправленія, къ большому своему удивленію, получаютъ приглашеніе отъ премьера — выбрать по четыре представителя и держать ихъ на готовѣ, пока графу Витте не понадобятся ихъ совѣты. Газета «Русь» неосторожно открываетъ свои столбцы для агитаціи въ пользу созыва особаго съѣзда земцевъ при графѣ Витте. И только, когда странная двусмысленность этихъ затѣй наканунѣ созыва настоящихъ народныхъ представителей становится уже слишкомъ очевидной, когда земскія собранія начинаютъ одно за другимъ отказывать премьеру въ исполненіи его страннаго желанія,—когда, съ другой стороны, финансовыя затрудненія и требованія дворянства дѣлаютъ назначеніе срока со-

зыва думы неизбѣжнымъ, только тогда правительство гр. Витте оставляетъ мысль о суррогатахъ народнаго представительства и принимается усиленно подготовлять «благонадежный» составъ будущей думы.

При такихъ-то условіяхъ—и для той же цѣли—чтобы парализовать значеніе рѣшеній ноябрьскаго съѣзда, создается, наконецъ, и «союзъ 17 октября». Знамя манифеста 17 октября при этомъ, очевидно, получаетъ уже совсѣмъ не тотъ смыслъ, какой оно имѣло въ октябрьскіе дни. Это—не цѣль, которой надо еще достигнуть; это—завоеванная позиція, которую надо охранять. И дѣйствующая армія сдаетъ охрану позиціи—гарнизону. Но гарнизонъ ухитряется придать защитѣ «драгоцѣннаго завоеванія» совсѣмъ особое значеніе. Коренной задачей союза становится защищать манифестъ не отъ *правыхъ*, а отъ *лѣвыхъ*. Если старое большинство съѣзда—отнынѣ называемое к.-д. партіей—хлопотало о томъ, чтобы идти *впередъ* отъ манифеста и, во всякомъ случаѣ не дѣлать *ни шагу назадъ*, то весь смыслъ возникновенія союза 17 октября заключается въ томъ, чтобы не идти *ни шагу дальше*. Вчерашніе монархисты, оправившись отъ новаго смущенія и сдѣлавшись конституціоналистами поневолѣ, опять хотѣли остановить освободительное движеніе и свести его плоды къ минимуму, какъ, они хотѣли этого 6 ноября, хотѣли послѣ 18 февраля и послѣ 6 августа. Позиція была не нова. Нова была только вывѣска «17 октября», наскоро намалеванная на неуспѣвшихъ еще высохнуть «конституціяхъ» гг. Шипова и Крестовникова.

VIII.

Наученный горькимъ опытомъ, принужденный отказаться отъ министерскаго портфеля, потому что за нимъ никто не стоялъ, Д. Н. Шиповъ такъ-же, какъ и его друзья изъ стараго меньшинства, стали искать союзниковъ. Они обратились туда же, куда обращался и Н. А. Хомяковъ и графъ Витте: къ болѣе консервативнымъ элементамъ земствъ и городскихъ думъ. Эти слои надо было поссорить съ передовымъ земскимъ движеніемъ, отколоть ихъ отъ «съѣздовъ». Слѣдовательно, надо было оклеветать «съѣзды», въ глазахъ этихъ мирныхъ обывателей. Надо было помахать краснымъ лоскуткомъ передъ ихъ глазами; надо было расшевелить въ ихъ душѣ темные инстинкты шовинизма и самосохраненія. На *эту* работу основатели «союза 17 октября» оказались болѣе пригодными, чѣмъ можно было предполагать по ихъ прошлому.

За матеріаломъ дѣло не остановилось. Путь уже былъ указанъ Н. А. Хомяковымъ. Сентябрьскій съѣздъ принялъ извѣстныя рѣшенія о польской автономіи, впервые послѣ многихъ десятилѣтій примирившія русскую интеллигенцію съ польской, впервые формально введшія польскія желанія въ рамки непосредственно-исполнимаго и пріемлемаго для обѣихъ сторонъ. Призракъ польской революціи, который тщетно старались оживить враги освободительнаго движенія, мечтавшіе воспользоваться имъ, какъ въ 1863 году,—этотъ призракъ изчезъ передъ конкретнымъ соглашеніемъ передовыхъ русскихъ и польскихъ партій. Для націоналистовъ, мнившихъ себя послѣдователями стараго, благороднаго славянофильства, и для замоскворѣцкихъ «почвенниковъ» въ стилѣ Аполлона Григорьева,—это было равносильно предательству и измѣнѣ «престолъ-отечеству». И они ударили въ набатъ.

«Сохраненіе единства и нераздѣльности россійскаго государства»—единства и нераздѣльности, на которыя никто не покушался,—стало призывнымъ кличемъ, чтобы приманить подъ знамя «17 октября» тѣхъ сторонниковъ, въ которыхъ такъ нуждались г. Шиповъ и его товарищи. Съ этого момента можно говорить: г. Шиповъ и Гучковъ, такъ какъ А. И. Гучковъ своими возраженіями на сентябрьскомъ съѣздѣ выдвинулся въ шефы націоналистической реакціи. Правда, на ноябрьскомъ съѣздѣ онъ призналъ, что возражалъ противъ автономіи, не понимая, что это такое,—и въ ноябрѣ онъ не совсѣмъ еще овладѣлъ этимъ сложнымъ понятіемъ государственнаго права. Но суть не въ сути дѣла: суть—въ знамени; а цвѣтъ этого знамени не измѣнился отъ успѣховъ, достигнутыхъ А. И. Гучковымъ въ изученіи учебниковъ государственнаго права. Обвиненія противъ большинства—и смѣнившей его партіи к.-д.—не ограничились упрекомъ въ раздѣленіи Россіи на части. Основатели союза 17 октября пошли дальше въ своей изобрѣтательности и обвинили своихъ противниковъ въ намѣреніи... ввести въ Россіи республиканскій образъ правленія.

Напрасно имъ указывали на «утвержденіе государя», которымъ, по рѣшенію сентябрьскаго съѣзда, должна была быть санкціонирована выработанная первымъ собраніемъ конституція; напрасно говорили, что требованія «учредительнаго собранія» не имѣло въ представленіи оппозиціоннаго большинства того смысла, который придавался этому термину революціонными партіями; напрасно указывали, что функціи перваго собранія прямо ограничиваются «составленіемъ основного закона», и нѣтъ рѣчи о предоставленіи

ему той «полноты власти», которую могла бы не «требовать», а *взять*—только побѣдоносная революція; напрасно ссылались на историческое употребленіе этого термина, никогда не придававшагося революціоннымъ собраніямъ, которыя сами себя провозглашали учредительными: употребленіе, вполнѣ совмѣстимое съ делегаціей такому собранію строго опредѣленныхъ функцій отъ существующей власти. Напрасно говорили, наконецъ, что такая формальная делегація первому собранію учредительныхъ функцій—гораздо безопаснѣе для самой власти, чѣмъ узурпація этихъ функцій самимъ собраніемъ. Основатели «союза 17-го октября» не слушали никакихъ аргументовъ и торжественно отлучили отъ общенія съ собой и съ своей—тогда еще будущей—партіей какъ тѣхъ, «которые провозглашаютъ требованіе демократической республики и желаютъ, чтобы предстоящее собраніе народныхъ представителей служило цѣлямъ революціоннымъ», такъ и тѣхъ, кто противъ «единства и нераздѣльности Россіи». Основатели «союза», такимъ образомъ, пріобрѣтали мишень для нападеній, пріобрѣтали выгодную позицію,— и расчетъ ихъ оказался вѣренъ. Хотя врагъ, на котораго они указывали, и былъ въ сущности вѣтренной мельницей, но обыватель, котораго они ополчили на этого врага, совсѣмъ не походилъ на Донъ-Кихота Ламанчскаго, а скорѣе на его знаменитаго оруженосца.

IX.

Союзъ 17 октября явился на свѣтъ не въ добрый часъ для себя, и первая его прокламація, какъ признался А. И. Гучковъ на ноябрьскомъ съѣздѣ, не могла быть напечатана своевременно, потому что не нашлось типографіи и наборщиковъ, которые бы согласились ее набирать. Казенныхъ тайныхъ типографій тогда, кажется, еще не было. Однако же, было ясно, что въ ближайшемъ будущемъ новая партія будетъ имѣть успѣхъ, и пишущій эти строки первый привѣтствовалъ ея появленіе, предсказавъ ей роль «оттяжного пластыря» для худшихъ и наименѣе надежныхъ элементовъ освободительнаго движенія, отъ которыхъ иначе могъ бы пострадать составъ к.-д. партіи. Пора успѣха, дѣйствительно, скоро пришла, и успѣхъ превзошолъ всѣ ожиданія. Дѣло въ томъ, что на помощь партіи пришелъ, какъ вѣрно замѣтилъ кн. Е. Н. Трубецкой, «буржуазный страхъ», вызванный революціонными эксцессами. Въ партію шарахнулась «сѣрая публика», напуганная забастовками и уличной стрѣльбой. Съ другой стороны, мѣстами на помощь партіи

пришли правительственныя власти, легко усмотрѣвшія въ «союзѣ» друзей квалифицированнаго, полицейскаго «порядка». Благодаря этой двойной поддержкѣ, партія росла, какъ снѣжный комъ, по мѣрѣ того, какъ ея политическое сознаніе катилось подъ гору. И когда, мѣсяца два спустя, провинціальные представители партіи пріѣхали въ Петербургъ,—учредители союза ахнули отъ изумленія. Десница и шуйца партіи пришли въ соприкосновеніе и впервые познали другъ друга.

Отрекаться отъ своего дѣла было поздно. Навербованная въ партію «сѣрая публика» (это—выраженіе кн. Трубецкого: «сѣрая» не въ смыслѣ принадлежности къ низшимъ соціальнымъ слоямъ, а въ смыслѣ низменнаго уровня политическаго самосознанія)—была именно той публикой, которая только и могла сгруппироваться около задачъ, выставленныхъ союзомъ. И что «десница» партіи вѣдала, что творила,—это явствуетъ изъ документальныхъ доказательствъ. Цѣлый рядъ прокламацій, изданныхъ партіей за это время, сознательно обращался къ черносотеннымъ инстинктамъ. Основатели союза 17 октября пожали то, что посѣяли. Бѣглый разборъ этихъ прокламацій покажетъ, что наше утвержденіе справедливо.

X.

Первоначальное воззваніе «союза», какъ мы видѣли, еще говорило о «борьбѣ» за «осуществленіе началъ манифеста», требовало «гарантій», призывало обывателей чего-то «добиваться» и что-то «отстаивать»—очевидно, у правительства. Скоро эта позиція совершенно мѣняется. Союзъ начинаетъ утверждать (въ прокламаціи, подписанной однимъ Д. Н. Шиповымъ), что «реакціонныя попытки» не страшны, а страшна «возможность надвигающейся анархіи, опасность перехода власти въ руки элементовъ, неспособныхъ къ творческой работѣ»; и союзъ приглашаетъ обывателя объединиться для выбора въ думу людей, которые могли бы «внести въ страну умиротвореніе путемъ созидательной законодательной дѣятельности и укрѣпленія государственной власти». Въ дальнѣйшихъ обращеніяхъ къ народу эта тема разрабатывается еще рѣшительнѣе. Оказывается, что манифестъ «далъ все, что нужно»; что то, что «газеты говорятъ дурного про чиновниковъ (бюрократію)... конечно, невѣрно, пересолъ», и говорятъ это «заблуждающіеся люди, которые не хотятъ спокойствія»; а мутятъ эти люди потому, что «многимъ изъ нихъ плохо живется, они озлобились и хотятъ *сразу добиться*

богатства и забрать себѣ власть злыми кровавыми дѣлами». Разъ вступивъ на эту наклонную плоскость, союзъ 17 октября уже остановиться не можетъ. «Заблуждающіеся люди» становятся «врагами отечества», людьми, которые «русскому народу не вѣрятъ, его презираютъ», «бунтовщиками», по справедливости наказанными войсками, которыя «вразумилъ» самъ Богъ. «Правительство дало имъ и намъ свободу слова, свободу личности и проч., а бунтовщики у насъ ихъ отняли». Они «не жалѣютъ патроновъ, стрѣляя въ людей, съ нами согласныхъ». И дѣлаютъ это «когда-же? Наканунѣ Рождества Спасителя міра Іисуса Христа». И союзъ 17 октября взываетъ къ «людямъ русскимъ»: «много разъ вы спасали родину: отъ татаръ, отъ французa въ двѣнадцатомъ году... Граждане, народъ русскій! не дайте погибнуть святой родинѣ нашей; помогите Царю и его правительству».

Естественно, что при такомъ настроеніи авторъ прокламаціи къ народу отъ имени «союза» уже не стоитъ и на томъ, что манифестъ «далъ все, что нужно». Нѣтъ, манифестъ далъ больше, чѣмъ нужно, и «при той свободѣ, которая дана, не долго и до грѣха дожить».

«Дана, скажемъ, свобода слова,—иллюстрируетъ союзъ свою новую мысль,—значитъ это, что я могу, ни на кого не глядя, свободно говорить о своихъ нуждахъ... а если я, вмѣсто этого, *начну кричать:* «тотъ плохъ, этотъ никуда не годится, побить его мало, ругаться буду, безобразничать, такъ, *конечно, меня въ кутузку* заберутъ». Тоже и со свободой собраній: «можно собираться съ *хорошими* людьми потолковать о дѣлахъ... ежели люди *подходящіе,* такъ можно съ ними и союзъ составить—сообща просить, чтобы намъ то или другое дали... Ну, а если всѣ такіе союзы и собранія *сразу кричать станутъ*: подавай мнѣ того и другого, а не то я работать не стану и все разнесу... такъ конечно... (съ ними) будутъ обращаться, какъ съ разбойниками». Словомъ, если бы народъ вышелъ изъ своей роли почтительнаго «сына», то «отецъ» «навѣрное отнялъ бы у него опять и довѣріе, и всю данную ему свободу».

Мы далеко ушли здѣсь отъ первоначальныхъ намѣреній союза «добиваться торжества» «начала конституціонной монархіи» и «возможно скораго, полнаго и широкаго осуществленія началъ «манифеста» «съ прочными гарантіями ихъ незыблемости». Эти намѣренія остаются въ воззваніи, предназначаемомъ для чистой публики, а въ народѣ распространяются тѣ черносотенныя воззванія, образчики которыхъ мы только-что привели. На занятой разъ позиціи «союзъ» остается и до сихъ поръ. Не далѣе, какъ 6 марта сто-

личные избиратели московской части получили отъ комитета союза 17 октября слѣдующее воззваніе, совершенно однородное со всѣми, только-что разобранными. «Много недруговъ у русскаго народа внѣ государства, но и внутри его есть немало людей, желающихъ вести Россію по ложному пути. Одни хотятъ вернуть страну къ прежнему безправію гражданъ и разорительному своеволію начальниковъ. Другіе желаютъ раздѣлить нашу родину на части, уничтожить ея единство и силу, обратить государство въ союзъ разныхъ племенъ, которыя будутъ жить за счетъ коренного русскаго населенія, не давая ему ничего взамѣнъ. Третьи идутъ еще дальше, (ужъ, кажется, куда же дальше!): имъ мало уничтожить собранное нашими предками наслѣдіе, они хотятъ вовсе отмѣнить царскую власть и замѣнить ее республикой: они требуютъ, чтобы имъ въ жертву всѣ остальные граждане отдали свою свободу, свой трудъ, свое достояніе. Забастовки, голоданіе рабочихъ, разореніе крестьянъ, торговли, фабрикъ и всей страны, кровавые бунты, убійства—вотъ то, къ чему уже привела дѣятельность этихъ людей».

Какъ видимъ, союзъ 17 октября не отказывается ни отъ одной изъ тѣхъ клеветъ, которыя онъ—сперва, можетъ быть, и bona fide, но теперь уже завѣдомо недобросовѣстно распространяетъ про своихъ политическихъ противниковъ. Когда противъ этихъ обвиненій клеветникамъ приводятъ положительные факты, тексты, историческія и юридическія справки и объясненія,—они отвѣчаютъ: вы такъ не думаете: *значитъ* вы такъ думали раньше и, слѣдовательно, вы перемѣнили свое мнѣніе! Отвѣтственность за подобное упорство въ клеветѣ, конечно, лежитъ не столько на рядовыхъ агитаторахъ партіи, сколько на ея организаторахъ и руководителяхъ. Вождямъ партіи принадлежитъ починъ въ изобрѣтеніи ложныхъ обвиненій; малообразованные послѣдователи, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ, добросовѣстно вѣрятъ въ правдивость и освѣдомленность своихъ вождей.

XI.

Но обратимся теперь отъ «шуйцы» партіи опять къ ея «десницѣ», отъ массы къ вождямъ. Исходной точкой ихъ политической программы была та мысль, что «теперь никакія реакціонныя попытки не могутъ уже сдвинуть Россіи съ пути къ свободѣ». Эта увѣренность должна была въ ихъ собственныхъ глазахъ оправдать ихъ призывы «къ русскимъ людямъ»—помочь правительству противъ «надвигающейся анархіи». Въ прокламаціяхъ для народа эта

мысль развивалась такимъ образомъ: «До 17 октября главари революціи еще могли подстрекать народъ, говоря, что Государь только сулитъ выслушать отъ выборныхъ изъ народа людей о нуждахъ народныхъ, а что слова своего онъ не сдержитъ. Теперь же, послѣ манифеста 17 октября, никто не имѣетъ ни права, ни основанія не вѣрить манифесту».

Увы, и съ этой стороны основателей «союза» ждало тяжелое испытаніе. Въ декабрѣ они еще «вѣрили»—въ непреложность манифеста и провозглашали тосты за «вразумленнаго Богомъ» адмирала Дубасова, какъ за спасителя отечества. Въ январѣ, на своемъ съѣздѣ, они стали колебаться между требованіями о немедленномъ созывѣ думы и объ отмѣнѣ исключительныхъ законовъ. Послѣ актовъ 20 февраля ихъ положеніе стало окончательно невозможнымъ, такъ какъ, по ихъ собственному признанію, «эти законодательные акты существенно отклоняются отъ основныхъ началъ манифеста 17 октября». Та неподвижная точка, на которой они укрѣпили свой якорь,—оказалась способной перемѣщаться! Что было отвѣчать теперь тѣмъ противникамъ, которые иронически предложили партіи переименовать свою дату 17 октября, служившую ихъ политической эрой,—на какую-нибудь другую? Одни предлагали 20 февраля 1906 г., другіе шли еще дальше и предлагали 1895 г. Люди, убѣжденные въ томъ, что манифестъ 17 октября «не подлежитъ измѣненію», и на этомъ основаніи объявившіе себя «конституціоналистами», выданы были съ руками—тѣми, на кого они положились. У иныхъ изъ нихъ должна была мелькать мысль: не вернуться ли ужъ опять къ «конституціямъ» гг. Шипова и Крестовникова?

Но,—noblesse oblige,—и къ тому же такой быстрый переходъ былъ бы и практически преждевременнымъ. Само правительство пока находитъ лишь нужнымъ сохранить титулъ «самодержавія», не настаивая на формальномъ сохраненіи старой «неограниченности» власти монарха. На это быстро идутъ и члены «союза 17 октября». Фальшивая историческая справка, будто когда-то, лѣтъ 400 тому назадъ, слово «самодержавіе» имѣло офиціальное значеніе другое, чѣмъ оно всегда имѣло и раньше, и послѣ,—приходитъ какъ разъ кстати, чтобы выручить «союзъ» изъ затрудненія, какъ ему быть между «самодержавіемъ» и «конституціонной монархіей». Конституціонный монархъ будетъ «самодержцемъ» — въ смыслѣ независимости отъ татарскаго ига!

Какъ бы то ни было, мы должны констатировать, что «десница»

союза 17 октября дальше этой уступки пока идти не рѣшается. Мало того, акты 20 февраля ставятъ «союзъ» въ печальную необходимость—признать, что акты эти, какъ «безспорно противорѣчащіе установленнымъ манифестомъ 17 октября началамъ конституціоннаго строя»,—явятся помѣхою для правильной и плодотворной работы народнаго представительства». До этихъ актовъ «союзъ 17 октября» предоставлялъ себѣ «проведеніе ближайшихъ по очереди политическихъ реформъ, направленныхъ къ усовершенствованію народнаго представительства, какъ-то: пересмотра избирательнаго закона, положенія о «госуд. думѣ» и «написаніе» законовъ о «свободѣ»—въ думѣ «перваго призыва». Но, главнымъ образомъ, онъ мечталъ объ органической, созидательной работѣ», чтобы не «отдалить желаннаго часа успокоенія страны». По мнѣнію союза, этотъ «желанный часъ» удаляли только такіе «враги Россіи», какъ к.-д. партія, осмѣлившаяся называть дѣятельность по «усовершенствованію народнаго представительства» учредительными функціями думы. И вдругъ, оказывается, что законы о «свободахъ» уже «написаны» безъ думы такъ же, какъ и законы о народномъ представительствѣ и о самой думѣ,—такъ что уже не сочиненіе, а «пересмотръ ихъ становится одною изъ главныхъ задачъ, предстоящихъ госуд. думѣ перваго призыва». Союзъ 17 октября хватается за соломинку; «пересмотръ» этотъ все еще возможенъ, «такъ какъ эти законоположенія не введены въ основные законы имперіи». А что, если завтра введутъ,—откажется ли «союзъ» отъ требованія пересмотра?

Положеніе тѣмъ болѣе трудное, что «пересмотръ»,—по прежнимъ рѣшеніямъ союза, «не долженъ задерживать текущей законодательной дѣятельности по жизненнымъ для государства вопросамъ», т. е. «органической созидательной работы». Какъ же быть?

Только что опубликованная резолюція центральнаго комитета этой трудности не раздѣляетъ. Отдѣльные же члены партіи, какъ можно судить по ихъ органу, газетѣ «Слово»,—придумываютъ противорѣчивые исходы. Если вѣрить г. Демчинскому (№ 411), союзъ сперва проведетъ въ думѣ «органическую» работу», а потомъ устроитъ самой думѣ, а кстати уже и государственному совѣту, «вселенскую смазь» по бурсацкому выраженію Помяловскаго,—для чего г. Демчинскій и рекомендуетъ думѣ обзавестись «здоровымъ помеломъ». Другой сотрудникъ «Слова», г. Брянчаниновъ (въ №407), идетъ еще дальше. Исходя изъ мысли, что «вѣрноподданнымъ невозможно сомнѣваться въ желаніи монарха сдержать

свое слово—осуществить конституцію съ дѣйствительными гарантіями успокоенія страны онъ признаетъ «первой обязанностью думы» — выработать «конституціонный текстъ въ осуществленіе манифеста 17 октября» и считаетъ, что «все остальное проложится само собой», всѣ эти «и аграрный, и рабочій, и окраинный, и еврейскій и бюджетный вопросы»,—словомъ вся «органическая созидательная работа» въ думѣ могутъ быть отодвинуты на второй планъ.

Г. Брянчаниновъ, повидиму, сознаетъ, что такая, вынужденная обстоятельствами, постановка, въ сущности совершенно одинакова съ постановкой вопроса объ «учредительномъ собраніи» к.-д. партіей. И онъ призываетъ свою и нашу партію «столковаться и сплотиться во имя идеи полнаго осуществленія обѣщанной, но не данной конституціи».

Мы были бы рады протянуть руку г. Брянчанинову, если бы... не его партія. Г. Брянчаниновъ полагаетъ, что надо прямо спросить избирателя: «хочетъ ли онъ и впредь уповать на Николая Чудотворца и жить на честномъ словѣ, безъ увѣренности въ завтрашнемъ днѣ». И онъ готовъ, во имя этой ясной и правильной постановки, «бороться со всѣми тѣми, кто надѣлъ на себя временную личину поклоненія принципамъ 17 октября, на самомъ же дѣлѣ далеко не излечился еще отъ пониманія служенія монарху, не какъ эмблемѣ государства, а какъ личности, желающей опираться на пресмыкающихся лакеевъ, а не на честныхъ правдивыхъ подданныхъ».

Это—сильно и хорошо сказано. И мы горячо привѣтствуемъ г. Брянчанинова въ его будущей борьбѣ противъ всѣхъ, кто носитъ «личину поклоненія принциповъ 17 октября». Но мы боимся, что г. Брянчанинову придется бить по своимъ. И когда мы вспомнимъ опять разобранныя выше черносотенныя брошюры союза 17 октября, то у насъ даже возникаетъ сомнѣніе, благополучно ли обстоитъ въ этой партіи (мы говоримъ о ея «шуйцѣ») даже на счетъ «Николая Чудотворца».

31. А. И. Гучковъ и эпизодъ въ московскомъ земствѣ *).

Громкое событіе въ московскомъ земствѣ окончилось благополучно. Либеральная управа вышла съ честью изъ испытанія, которому подверглись противники, не уступивъ имъ ни пяди и заставивъ ихъ покинуть ихъ собственную позицію. Подъ предлогомъ защиты земскаго дѣла отъ вторженія политики и партійной борьбы сторонники гг. Гучковыхъ пытались свалить людей непріятнаго имъ

*) „Рѣчь“, № 8, 2 марта.

направленія. Но достаточно было пройти нѣсколькимъ днямъ, чтобы для всѣхъ стало ясно, кто въ этомъ столкновеніи защищаетъ интересы земскаго дѣла и кто слѣпо повинуется велѣніямъ узкаго партійнаго расчета. Знатокъ и фанатикъ земскаго дѣла, Д. Н. Шиповъ, самъ помогъ общественному мнѣнію распутать московскую интригу, соучастникомъ которой его хотѣли сдѣлать. Д. Н. Шиповъ вынесъ изъ этой нечистой исторіи незапятнаннымъ свое честное имя и заставилъ насъ еще разъ преклониться передъ личностью человѣка, котораго въ тяжелые дни сипягинскаго и плевевскаго режима оппозиціонные элементы земства выставили своимъ вождемъ.

Мы, однако, не можемъ поддаться впечатлѣнію благороднаго поступка Д. Н. Шипова и пойти за «Русью», которая уже ставитъ его кандидатуру на мѣсто гр. Витте. «Русь» вообще любитъ наглядность въ политическихъ рѣшеніяхъ и хватается за первую попавшуюся конкретную форму, не разбирая, способна ли она вмѣстить требуемое содержаніе. Она цѣплялась когда-то на земскій съѣздъ, потомъ пропагандировала фантастическую идею соединеннаго представительства этого съѣзда и разныхъ союзовъ; теперь она намѣчаетъ Д. Н. Шипова въ спасители отечества.

Къ сожалѣнію, этой роли Д. Н. Шиповъ сыграть не можетъ. Онъ—глубоко честный человѣкъ, идеальный земецъ, но его политическая эволюція совершается черезчуръ ужъ медленно. Надо думать, что въ настоящій моментъ онъ уже переросъ ту стадію, на которой ему приходилось прибѣгать къ начитанности г. Герасимова въ русскихъ переводахъ Брайса и Дайси. Но его странная роль въ союзѣ 17 октября показываетъ, что въ политическихъ задачахъ и факторахъ текущаго момента онъ еще не разобрался. И приглашать его, при такихъ условіяхъ, въ спасители отечества —значитъ только заставить его безполезно рискнуть своимъ честнымъ именемъ.

Что же сказать объ А. И. Гучковѣ, другомъ «кандидатѣ, который выдвигается» въ спасители отечества? Намъ не хотѣлось бы дурно говорить объ этомъ человѣкѣ, котораго мы знаемъ давно,—и знаемъ не съ дурной стороны. Мы настойчиво отвергали обвиненія, которыя съ нѣкоторыхъ поръ слышатся,—что А. И. Гучковъ способенъ на довольно неразборчивую интригу. Теперь—фактъ налицо. Московскій выпадъ А. И. Гучкова «неожиданный» для такихъ лицъ, какъ предсѣдатель собранія и Д. Н. Шиповъ,—выпадъ, произведенный при неполномъ составѣ гласныхъ и въ присутствіи какихъ-то подозрительныхъ «замѣстителей», выпадъ, къ которому, очевидно, готовились,—какимъ другимъ именемъ назвать этотъ поступокъ?

У насъ остается, однако, одно маленькое утѣшеніе. Мы несогласны съ П. Б. Струве, что А. И. Гучковъ есть виртуозъ интриги и геній безпринципности. Мы, правда, не знаемъ «принциповъ» А. И. Гучкова, но у него есть нѣчто, что замѣняетъ ему принципы; есть такой якорь, къ которому А. И. прикованъ крѣпко и навсегда. А. И. Гучковъ есть плоть отъ плоти и кровь отъ крови московскаго интеллигентнаго купечества, съ его національнстической традиціей, съ избыткомъ силъ, не находящихъ должнаго приложенія, съ дилетантскими порывами къ грандіозному. Это—люди инстинкта, слѣпого и сильнаго; люди, которые не знаютъ удержу, когда заговоритъ инстинктъ, и не привыкли къ дисциплинѣ. Насчетъ мастерства интриги—мы все еще питаемъ нѣкоторыя сомнѣнія и, во всякомъ случаѣ, не рѣшаемся приравнять А. И. Гучкова къ виртуозамъ этого ремесла. А. И., несомнѣнно, стоитъ на этомъ пути, и, можетъ быть, не сумѣетъ на немъ остановиться. Но пока онъ дѣлаетъ лишь первые невѣрные шаги, проходитъ первые опыты. И неудача московскаго эксперимента доказываетъ правильность нашей догадки. Московскій дебютъ А. И. Гучкова—это еще не coup de maitre, не мастерской, вѣрный ударъ, нанесенный искусившейся въ интригѣ рукой. Это, пока, лишь «разыгранный Фрейшицъ перстами робкихъ ученицъ».

IV. Политическое положеніе въ концѣ 1905 г. и въ началѣ 1906 года.

32. Основныя задачи момента *).

Мы переживаемъ одинъ изъ самыхъ рѣшительныхъ моментовъ русской исторіи. Быстро рушатся остатки стараго строя, а новый порядокъ еще не успѣлъ создаться. Правительство, растерявшееся и дезорганизованное, стоитъ лицомъ къ лицу съ революціоннымъ движеніемъ, сознательные элементы котораго уже теперь не могутъ справиться со стихійными. Правительство, очевидно, своими силами не можетъ сдержать движенія, а движеніе, столь же очевидно, развивается по инерціи и не можетъ остановиться само. Пропасть между двумя противниками расширяется съ каждымъ днемъ, и все труднѣе становится предсказать исходъ ихъ столкновенія. Завершитъ-ли русская революція весь логическій, законченный циклъ великихъ всемірныхъ революцій, чтобы прійти къ ихъ неизбѣжному, фатальному результату—успленію власти? Или какой-нибудь диктатурѣ

*) „Свободный Народъ“. № 1.

удастся еще овладѣть движеніемъ на полудорогѣ? Въ обоихъ случаяхъ результатъ будетъ печальный, такъ какъ плоды русскаго освободительнаго движенія при этомъ рискуютъ быть утраченными Не исключена, однако, и третья возможность. Сознательные элементы общества, не потерявшіе головы вмѣстѣ съ правительствомъ и не подвергшіеся революціонному гипнозу, могутъ еще попробовать вмѣшаться. Отъ ихъ участія, отъ степени ихъ активности зависитъ, добьется-ли освободительное движеніе наибольшихъ результатовъ съ наименьшими жертвами—или же оно слѣпо пойдетъ навстрѣчу невѣдомому исходу, съ упрямствомъ природнаго инстинкта и съ расточительностью стихійныхъ силъ природы. Эти сознательные элементы должны какъ можно скорѣе съорганизоваться, чтобы быть въ состояніи сдѣлать то, чего не могутъ сдѣлать ни правительство, ни вожди революціоннаго движенія: спасти революцію отъ нея самой—ея положительные результаты отъ ея увлеченій и эксцессовъ.

Въ самомъ дѣлѣ, можетъ-ли правительство овладѣть движеніемъ? Можетъ ли овладѣть имъ русская революція?

Правительство могло бы овладѣть движеніемъ лишь въ томъ случаѣ, если бы во-время пошло навстрѣчу требованіямъ народа и общественнаго мнѣнія. На дѣлѣ давно уже стало ясно, что правительство органически неспособно поступить такимъ образомъ. До сихъ поръ оно только уступало—уступало поздно и неискренне, и не умѣло даже приличнымъ образомъ скрыть, что дѣлаетъ необходимыя уступки невольно и нехотя. Сдавши одну позицію, оно никогда не умѣло во-время укрѣпиться на слѣдующей, которую можно бы было защищать съ расчетомъ на успѣхъ. Не мудрено, что когда, наконецъ, озираясь по сторонамъ и оглядываясь назадъ, оно добиралось до слѣдующей позиціи, позиція неизмѣнно оказывалась уже въ рукахъ противника. Если бы нужно было нарочно создать революцію и обезпечить ея успѣхъ, нельзя было бы выдумать болѣе удачной тактики. Это тактика Карла I и Людовика XVI. Нашимъ представителямъ власти слѣдовало бы взять нѣсколько дополнительныхъ уроковъ исторіи, чтобы узнать, пока не поздно, что не уступки вообще губятъ монархіи, а такія позднія, непослѣдовательныя и неискреннія уступки, которыя не удовлетворяютъ однихъ и не даютъ твердой точки опоры другимъ.

Нѣсколько времени тому назадъ казалось, правда, что правительство хочетъ покончить съ этой «куропаткинской» тактикой. Прошло нѣсколько недѣль послѣ манифеста 17-го октября—и ожиданія общества снова были обмануты. Даже гр. Витте оказался безспль-

нымъ ускорить ходъ и измѣнить пріемы бюрократической машины. Съ каждымъ днемъ его яркая фигура отодвигается для русскаго обывателя въ тотъ полумракъ исторіи, гдѣ всѣ кошки сѣры, и всѣ чиновники похожи одинъ на другого. Яркая фигура настоящаго момента уже другая—и она ярка не своими личными качествами, а своими типическими, бытовыми чертами. Эта фигура всегда одна и та же—все равно, будетъ ли ея носитель геній или идіотъ фонъ-Плеве или будочникъ Мымрецовъ—или П. Н. Дурново. Противъ революціи опять пускаются въ ходъ старыя, излюбленныя средства домашней медицины. Для русской оппозиціи это тоже значительно упрощаетъ дѣло; единственнымъ требованіемъ, которое можетъ быть предъявлено т а к о м у правительству, остается требованіе, чтобы оно уходило, какъ можно скорѣе.

Переходя къ другой сторонѣ политическаго положенія—къ русской революціи—мы не думаемъ ставить ее въ параллель съ первой. Мы не принадлежимъ къ числу тѣхъ, которые выискиваютъ сходство между крайностями, ставя на одну доску «тираннію революціи» съ «тираннією самодержавія» и предлагая распространить политическую амнистію съ террористовъ на «черную сотню».

Мы хорошо понимаемъ и вполнѣ признаемъ верховное право революціи какъ фактора, создающаго грядущее право въ открытой борьбѣ съ историческимъ правомъ отжившаго уже нынѣ политическаго строя. Но мы не обоготворяемъ революціи, не дѣлаемъ изъ нея фетиша и такъ же хорошо помнимъ, что революція есть только методъ, способъ борьбы, а не цѣль самъ по себѣ. Этотъ методъ хорошъ, если—и пока—онъ достигаетъ цѣли: напротивъ, онъ плохъ, если вредитъ тому дѣлу, которому хочетъ служить. И цѣли, и пріемы русскаго революціоннаго движенія должны быть предметомъ серьезной и независимой общественной критики,—тѣмъ болѣе серьезной, чѣмъ болѣе мы цѣнимъ значеніе и дѣйствительность революціоннаго метода борьбы. Заниматься такой критикой—вовсе не значитъ ослаблять то революціонное настроеніе, которому всѣ мы обязаны столькими важными завоеваніями. Напротивъ, это значитъ сдѣлать это дѣйственное настроеніе болѣе *дѣйствительнымъ*, сосредоточивъ его въ одномъ руслѣ, въ которомъ вся сила напора можетъ быть использована цѣлесообразно, вся сумма скрытой энергіи можетъ быть превращена въ полезную работу. Примѣра недалеко искать: пусть только вожди русскихъ политическихъ партій присмотрятся къ тому, какъ искусно, умѣло и дисциплинированно было использовано современное политическое положеніе финляндцами.

Конечно, кое-какія усилія въ этомъ направленіи дѣлаются наиболѣе сознательными элементами и въ русскомъ революціонномъ потокѣ. Если не опытомъ исторіи и не современнымъ политическимъ опытомъ Запада, то по крайней мѣрѣ горькимъ опытомъ собственныхъ неудачъ наши революціонныя организаціи приходятъ мало-помалу къ сознанію и къ исправленію своихъ тактическихъ ошибокъ.

Они постепенно отказываются отъ той переоцѣнки собственныхъ силъ, которыя такъ естественна въ пылу борьбы и въ опьяненіи ея первыми успѣхами. Рано или поздно они признаютъ,—какъ уже теперь признаютъ нѣкоторые изъ нихъ,—что въ ихъ надеждѣ одолѣть техническія силы государства путемъ 'прямого вооруженнаго возстанія и въ другой ихъ надеждѣ—сдѣлать Россію немедленно демократической республикой—заключалась—или заключается—очень большая доза такой переоцѣнки собственныхъ силъ. Но оффиціальный революціонный жаргонъ гораздо труднѣе передѣлать, чѣмъ измѣнить убѣжденія отдѣльныхъ лицъ, и мы боимся, что процессъ превращенія прежнихъ конспирацій въ серьезныя политическія партіи не пойдетъ такъ быстро, какъ этого требуютъ событія. Тѣмъ нужнѣе открыто и настойчиво указывать нашимъ друзьямъ-противникамъ слѣва на причины и слѣдствія ихъ практическихъ неудачъ, которыя, безъ сомнѣнія, будутъ и нашими собственными неудачами.

Въ промежуткѣ между правительствомъ и его органами съ одной стороны и активными борящимися группами съ другой—лежитъ обширная область общественныхъ элементовъ болѣе или менѣе пассивныхъ. Въ острые политическіе моменты, подобные настоящему, отъ настроенія этой средней, обыкновенно молчащей массы, зависитъ необыкновенно много. Иногда отъ этого настроенія зависитъ все, и стоитъ этому настроенію рѣзко выразиться, чтобы, какъ по волшебству, перемѣнились политическія декораціи очередного момента. Оттуда, изъ этихъ низовъ, выходятъ погромы и аграрные пожары; оттуда же можетъ выйти термидоріанская реакція или наполеоновскій плебисцитъ. Туда, въ эти низы, надо итти, ихъ надо узнать, чтобы имѣть право пророчествовать о будущемъ русской революціи; тамъ надо стараться сѣять идеи и девизы, чтобы на это будущее такъ или иначе повліять.

Правительство поняло это—и шлетъ туда своихъ генераловъ Богдановичей и Сахаровыхъ; оно это поняло—и издаетъ указы о выкупныхъ платежахъ и о крестьянскомъ надѣленіи; оно поняло это—и пробуетъ опереться на эти слои, чтобы какъ-нибудь спастись

съ ихъ помощью отъ либеральныхъ уступокъ. До сихъ поръ оно извлекло, однако, изъ своего пониманія одни только скудные и отрицательные результаты. Его агенты устроили погромы, дискредитировавшіе въ глазахъ всего цивилизованнаго міра первое конституціонное министерство. Его приверженцы устроили бутафорскія депутаціи «русскихъ людей» и курскихъ дворянъ, депутаціи, блистательно доказавшія только одно,—что въ Россіи нѣтъ «монархической партіи». Но, можетъ быть, правительство не всегда будетъ такъ несчастливо въ своихъ попыткахъ опереться на русское политическое «болото»?

Сейчасъ это еще зависитъ отъ насъ—отъ русскаго оппозиціоннаго и революціоннаго освсбодительнаго движенія. Мы должны твердо помнить, что есть извѣстный предѣлъ въ этой средѣ, за которымъ созидательная и творческая сила революціонной пропаганды становится разрушительной, и вчерашній другъ и союзникъ можетъ завтра стать ожесточеннымъ врагомъ. Мы близко подходимъ къ этому предѣлу, если слишкомъ часто и легко прибѣгаемъ къ такимъ сильно дѣйствующимъ тактическимъ средствамъ—какъ, напр., политическая забастовка: средствомъ, расчитаннымъ на революціонный энтузіазмъ и нарушающимъ болѣе или менѣе глубоко нормальный ходъ жизни въ странѣ. Мы ставимъ на карту успѣхъ движенія и рискуемъ потерять изъ виду его главную цѣль, если будемъ строить наши разсчеты на обостреніи классовыхъ антагонизмовъ. Наконецъ, мы должны употребить всѣ усилія, чтобы сдѣлать понятными массѣ наши общіе лозунги и не допустить перетолкованія ихъ нашими противниками. Мы не должны терпѣть, чтобы борьба противъ освободительнаго движенія велась въ массѣ на почвѣ такихъ искаженныхъ и упрощенныхъ лозунговъ, какъ «за или противъ Царя», «за или противъ единства и цѣлости Россіи».

Можемъ быть, въ такомъ большомъ центрѣ, какъ Петербургъ, гдѣ борьба литературныхъ кружковъ слишкомъ заслоняетъ борьбу политическихъ партій, наши предостереженія и опасенія покажутся напрасными и преувеличенными. Но мы увѣрены, что «тамъ, во глубинѣ Россіи», гдѣ «вѣковая тишина» рѣшительно уступила мѣсто самымъ острымъ и противоположнымъ политическимъ настроеніямъ, наши слова будутъ найдены слишкомъ справедливыми. Въ литературѣ часть этихъ настроеній провинціи принято считать чѣмъ-то совершенно отдѣльнымъ, изолированнымъ въ предѣлахъ «черной сотни». Но мы полагаемъ, что гр. Витте правъ, когда думаетъ, что между элементами, уже окрещенными кличкой «чер-

ной сотни», и элементами, до сихъ поръ нейтральными—есть цѣлая гамма оттѣнковъ и переходовъ. Отъ настроенія нейтральныхъ элементовъ въ значительной степени зависитъ судьба русской революціи.

Изъ сказаннаго ясно, какъ мы отвѣтимъ на вопросы, которые въ упоръ ставятся намъ нашими крайними партіями. «За революцію мы или противъ революціи?» «Съ народомъ мы, или съ правительствомъ?» Да, мы за революцію, поскольку она служитъ цѣлямъ политическаго освобожденія и соціальной реформы; но мы противъ тѣхъ, кто объявляетъ революцію «непрерывной», потому что полагаемъ, что непрерывная революція—революція во что бы то ни стало—служитъ лишь цѣлямъ реакціи и укрѣпляетъ контръ-революціонные замыслы правительства. Да, мы съ народомъ—но мы отвергаемъ претензіи тѣхъ, кто одинъ хочетъ говорить отъ имени народа и ограничиваетъ понятіе народа книжнымъ понятіемъ «сознательнаго пролетаріата». Намъ не нужно даже собственныхъ признаній крайнихъ партій, чтобы заключить, что даже въ городѣ, въ классической средѣ «пролетаріата», рабочее движеніе уже не умѣщается въ рамкахъ строгой доктрины. Профессіональныя рабочія организаціи тотчасъ начинаютъ опережать чисто-партійную группировку, какъ только движеніе изъ интеллигентнаго становится дѣйствительно классовымъ. Въ крестьянской средѣ положеніе еще менѣе выгодно для теоретиковъ «пролетаріата». Въ городѣ русскій соціализмъ прилагаетъ доктрину, очень обстоятельно разработанную Западомъ,—и ему остается только поднять свою домашнюю тактику на высоту заимствованной доктрины. Деревенскій соціализмъ—есть специфически русское изобрѣтеніе: онъ имѣетъ твердую почву въ крестьянскомъ вѣковомъ инстинктѣ, но его теоретическія основы до сихъ поръ крайне слабы. Поэтому деревенскій соціализмъ продолжаетъ мечтать о томъ, о чемъ давно пересталъ мечтать соціализмъ городской: о немедленной соціализаціи земли, какъ средства производства. Этой неясности теоретической мысли соотвѣтствуетъ и упрощенная тактика, дѣйствительное примѣненіе которой грозитъ самой серьезной опасностью для русскаго освободительнаго движенія. Правда, аграрный терроръ, какъ основной пріемъ этой тактики, въ послѣднее время отвергается партійной литературой; но мы боимся, что и мирный способъ «взятія земель во временное управленіе», рекомендуемый взамѣнъ открытаго грабежа, насилія и поджоговъ, на практикѣ очень часто поведетъ къ тому же.

Всѣмъ сказаннымъ выше достаточно ясно опредѣляется наше положеніе относительно главныхъ силъ, дѣйствующихъ на политической аренѣ. Мы обращаемся ко всѣмъ, кто хочетъ насъ слышать,—не только отъ нашего собственнаго имени, но и отъ имени той группы, съ которой идемъ. Мы говоримъ правительству: если вы не умѣете выполнить народныхъ требованій, то уходите и очистите мѣсто для настоящихъ представителей народа. Оставаясь у власти и ничего не дѣлая, вы съ каждымъ днемъ только ухудшаете положеніе, увеличиваете разрушительную силу революціи и парализуете ея творческія сплы. Уходите какъ можно скорѣе. Нашимъ крайнимъ партіямъ мы говоримъ: не забывайте, что у насъ есть общія цѣли съ вами, и тогда вы будете имѣть насъ на своей сторонѣ. Но вы себя изолируете и сами роете себѣ яму, ставя революціи недостижимыя цѣли, разнуздывая ея стихійныя силы и объявляя революцію непрерывной. Никакія ссылки на исключительныя условія революціоннаго періода, переживаемаго нами, не могутъ освободить васъ отъ признанія законовъ исторіи—хотя бы въ томъ видѣ, какъ признала ихъ доктрина экономическаго матеріализма. Замѣнять, подъ напоромъ минутнаго настроенія, марксизмъ якобинствомъ и бланкизмомъ, а научный соціализмъ дополнять аграрнымъ—значитъ возвращаться на тридцать лѣтъ назадъ и губить собственное дѣло. Мы, наконецъ, обращаемся ко всему обществу, ко всѣмъ элементамъ его, способнымъ сознательно реагировать на сложное политическое положеніе,—и говоримъ: не ждите, пока анархія въ странѣ вызоветъ безпощадную реакцію. Не оставайтесь пассивными и какъ можно скорѣе организуйтесь, чтобы успѣть сохранить завоеванія революціоннаго времени отъ контръ-революціонныхъ попытокъ, которыя неминуемо послѣдуютъ, если дѣла будутъ идти такъ, какъ идутъ сейчасъ. Помните, чтовысшая и важнѣйшая задача времени есть созданіе правильнаго народнаго представительства и ликвидація, при его посредствѣ, всѣхъ остатковъ отжившаго самодержавнаго порядка. Помните, что напряженіе борьбы бываетъ тѣмъ недолговѣчнѣе, чѣмъ оно сильнѣе; что всякій захватъ и насиліе должны будутъ уступить мѣсто организованной защитѣ новаго права, и что только то переживетъ настоящій моментъ, что можно будетъ поставить подъ охрану новаго закона. На созданіе этого закона и права, а не увѣковѣченіе революціи, должны быть дружно направлены всѣ творческія революціонныя силы.

Всеобщая забастовка и вооруженное возстаніе.

33. Своевременна ли всеобщая политическая забастовка?

Многіе скажутъ, прочтя это заглавіе: что за вопросъ? Когда же всеобщая политическая забастовка была болѣе своевременна, чѣмъ теперь? Теперь, когда арестованы представители крестьянскаго союза и совѣтъ рабочихъ депутатовъ, когда закрыты 8 газетъ, изданы законы о репрессіи стачекъ и забастовокъ, даны губернаторамъ права самодержавной власти на этотъ случай—теперь отступить, промолчать, не значитъ-ли признать себя побѣжденными? Провоцированныя правительствомъ общественныя группы такъ долго грозили ему всеобщей политической забастовкой, такъ пріучили всѣхъ къ мысли о ней, что теперь отказаться отъ забастовки—не значитъ-ли измѣнить себѣ и, пропустивъ моментъ, дискредитировать самую идею забастовки, отказаться отъ нея навсегда? Le vin est tiré il faut le boire!

И вотъ, всеобщая забастовка объявлена официальнымъ рѣшеніемъ совѣта рабочихъ депутатовъ съ участіемъ депутатовъ крестьянскаго союза и московскаго желѣзнодорожнаго съѣзда. Она объявлена,—и можетъ быть поздно критиковать это рѣшеніе? Критика допускается въ военномъ совѣтѣ наканунѣ битвы, но, когда рѣшено принять сраженіе, когда диспозиціи сдѣланы и сомкнутые ряды готовы двинуться въ бой,—умѣстно-ли, не поздно-ли заниматься критикой?

Я рѣшаюсь думать, что еще не поздно. Рѣшеніе центральныхъ организацій, вѣроятно, еще подлежитъ обсужденію въ мѣстныхъ группахъ, и люди заинтересованные въ успѣхѣ грядущей битвы, должны подать свой голосъ прямо и рѣшительно.

Всѣмъ извѣстно, какъ относится та партія, къ которой я принадлежу, къ самой идеѣ забастовки. Въ своемъ тактическомъ рѣшеніи, принятомъ на учредительномъ съѣздѣ, партія признала забастовку могучимъ средствомъ организованной, и потому мирной,—революціонной борьбы. Она выразила сочувствіе знаменитой октябрьской забастовкѣ и оказала поддержку какъ ей, такъ и слѣдующей забастовкѣ почтово-телеграфныхъ чиновниковъ.

Но нѣтъ средства, которое одинаково успѣшно могло бы примѣняться при всякихъ обстоятельствахъ. Особенно необходимо принимать въ расчетъ обстоятельства, когда примѣняются сильнодѣйствующія средства. И вотъ, для всякаго неослѣпленнаго наблю-

дателя должно быть яснѣе дня, что эти обстоятельства, чрезвычайно благопріятныя во время первой забастовки, были уже менѣе благопріятны во время второй—и грозятъ оказаться совершенно неблагопріятными при третьей! Самопожертвованіе, энтузіазмъ, конечно, остались такъ же велики и безпримѣрны, какъ были; но эти великія качества принадлежатъ солдатамъ, а обязательнымъ качествомъ офицеровъ и генераловъ революціонной арміи долженъ быть не энтузіазмъ, а холодный расчетъ. Главный штабъ долженъ быть убѣжденъ, что ведетъ своихъ солдатъ на побѣду, а не на бойню. Если этого убѣжденія нѣтъ, то рѣшеніе начать политическую забастовку, которое было великимъ гражданскимъ подвигомъ въ октябрѣ, которое, несомнѣнно, было политической ошибкой при объявленіи второй забастовки—это рѣшеніе теперь можетъ оказаться преступленіемъ,—преступленіемъ передъ революціей.

Въ самомъ дѣлѣ, при какихъ обстоятельствахъ объявляется общая политическая забастовка? Значительная часть будущихъ забастовщиковъ уже измучены тѣмъ непрерывнымъ революціоннымъ напряженіемъ, которое имъ пришлось обнаружить: они изстрадались и изголодались. Сочувствующіе забастовкѣ начинаютъ сомнѣваться въ ея дѣйствительности, вслѣдствіе неудачи второго опыта. Нейтральная масса страдаетъ отъ ужасныхъ матеріальныхъ послѣдствій забастовокъ и раздражается: одинъ толчокъ можетъ ее отбросить теперь въ ряды враговъ освободительнаго движенія. И, наконецъ, чѣмъ труднѣе условія, чѣмъ сомнительнѣе результатъ, тѣмъ меньше основаній расчитывать, что удастся сохранить въ рукахъ центральное руководство забастовкой.

Вотъ тѣ затрудненія, которыя ясны всякому и которыя необходимо принять въ расчетъ, прежде чѣмъ принимать рѣшеніе, которое можете быть роковымъ для всего хода освободительнаго движенія. Нѣсколько недѣль тому назадъ руководители движенія гордо объявляли, что они примутъ битву съ врагомъ не тогда и не тамъ, гдѣ и когда захочетъ ген. Треповъ, а когда найдутъ выгоднымъ сами. Я сильно боюсь, что теперь «пролетаріатъ» принимаетъ битву на той почвѣ, какую выбралъ для вѣрнаго удара П. Н. Дурново. И во имя интересовъ общаго дѣла, въ интересахъ революціи, въ интересахъ сохраненія авторитета самихъ центральныхъ организацій, во имя сохраненія самой идеи политической забастовки до лучшаго времени, до болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ,—я умоляю всѣхъ тѣхъ, отъ кого зависитъ рѣшеніе, подумать еще разъ—и остановиться, пока не поздно.

II.

34. Кто виноватъ во всеобщей забастовкѣ *).

Вчера мы высказались по поводу всеобщей политической забастовки, объявленной совѣтомъ рабочихъ депутатовъ, и нашли забастовку несвоевременной. Этимъ, однако, вопросъ далеко не исчерпывается. Несвоевременной считали, повидимому, забастовку и представители партіи соціалистовъ-революціонеровъ. Намъ извѣстно, что и среди самихъ рабочихъ далеко не существуетъ полнаго единодушія по вопросу о забастовкѣ. Наступленіе праздниковъ дѣлаетъ моментъ для объявленія забастовки особенно неудобнымъ и ея послѣдствія особенно тяжелыми для рабочихъ. И, однако, несмотря на всѣ несомнѣнныя трудности, опасности и жертвы, забастовка объявлена и, повидимому, имѣетъ нѣкоторые шансы осуществиться. По крайней мѣрѣ, въ частичномъ видѣ. Страна стоитъ наканунѣ новыхъ жертвъ: мирному населенію придется выносить ихъ послѣдствія. Многіе, можетъ быть, будутъ разорены; разстройство нормальнаго хода жизни пойдетъ еще дальше и глубже; словомъ, все населеніе прямо и непосредственно будетъ вовлечено въ тотъ кризисъ, который переживаетъ Россія.

Кто виноватъ во всемъ этомъ? Кто вызвалъ такой рискованный, отчаянный шагъ, какъ забастовка въ настоящій моментъ? Римская поговорка отвѣчаетъ на это: «тотъ сдѣлалъ, кому выгодно»—«is fecit, cui prodest». Кому же выгодна всеобщая забастовка?

«Сѣверный Голосъ» утверждаетъ, что забастовка необходима, для рѣшительнаго революціоннаго удара. Отъ забастовки онъ ждетъ и обѣщаетъ великія послѣдствія: мѣстныя власти капитулируютъ передъ революціонными комитетами, революція создастъ свою власть свои «временныя правительства», — и послѣдніе остатки стараго режима будутъ сметены, а на его развалинахъ водворится учредительное собраніе, созванное «революціоннымъ народомъ». Итакъ, забастовка выгодна для дѣла революціи?

Мы высказали свое мнѣніе объ этомъ въ предыдущей статьѣ. Забастовка, по-нашему, не выгодна, а страшно опасна для русской революціи. Кому же она полезна?

---

*) „Б. В.“ утр. 2 изд., 9 дек.

Напомнимъ читателю одно очень поучительное мѣсто изъ извѣстной ему бесѣды гр. Витте съ корреспондентомъ «Daily Telegraph», г. Диллономъ. Гр. Витте нашелъ, что русское общество недостаточно проникнуто инстинктами самосохраненія. Общество, къ удивленію гр. Витте, упорно одобряетъ такія дѣйствія революціонеровъ, которыя приносятъ ему только одинъ вредъ. Въ частности, вотъ, напр., почтово-телеграфная забастовка. Общество отъ нея страдаетъ и, тѣмъ не менѣе, не только терпитъ ее, но даже поощряетъ, помогаетъ ей непосредственно. Надо, значитъ, этому обществу дать хорошій урокъ. Пусть оно само заинтересуется въ прекращеніи забастовки; тогда и правительство придетъ ему на помощь. Какъ ребенокъ, непривыкшій играть съ ножомъ или съ огнемъ, пусть русское общество само обрѣжется или обожжется, тогда оно само запроситъ помощи у правительства.

Нельзя сказать, чтобы эта точка зрѣнія проводилась правительствомъ послѣдовательно. Если гр. Витте хочетъ вызвать въ обществѣ инстинкты самосохраненія, то для этого надо уже вполнѣ предоставить обществу самому о себѣ заботиться. Но бюрократія слишкомъ привыкла опекать народъ; она никакъ не можетъ взглянуть на него, какъ на взрослаго, который только нуждается въ опытѣ, а смотритъ, какъ на ребенка, которому нужна отеческая опора. Она не боится дразнить народъ забастовкой, но боится дать ему самому привыкнуть къ свободѣ собраній, слова, печати и т. д.

А этотъ ребенокъ,—русское общество, упорно стремится къ запрещенному плоду! Общество не оцѣнитъ покоя, элементарнаго блага, которое считаетъ общедоступнымъ и само собой разумѣющимся; оно, напротивъ, страстно жаждетъ деликатныхъ экзотическихъ фруктовъ, вродѣ разныхъ свободъ, права управляться самими собой и т. п. Странный вкусъ у этого общества и странная склонность къ саморазрушенію. Надо, очивидно, радикально вылечить его отъ его дѣтскихъ причудъ, а для этой цѣли надо его хорошенько напугать угрозой, что, гонясь за высшими благами, оно рискуетъ потерять и то, что имѣетъ. Всеобщая забастовка—самое подходящее средство, чтобы напугать общество. Надо его хорошенько разорить, а тогда оно ужъ будетъ ручное, и, разоривъ, его можно будетъ потомъ утѣшить испытаннымъ средствомъ всѣхъ реакціонныхъ эпохъ. Ему можно будетъ повторить отеческій совѣтъ іюльскій монархіи: «Обогащайтесь — и предоставьте правительству заботу о вашемъ благополучіи».

Корреспонденція англійской газеты намъ показываетъ, что у графа Витте есть именно такой планъ, о которомъ мы говоримъ. Но мы, конечно, не думаемъ, что такой планъ былъ у нашего премьера съ самаго начала. И что, раздражая систематически русское общество въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, онъ имѣлъ въ виду втравить его въ политическую забастовку. Вина гр. Витте въ этомъ послѣднемъ смыслѣ т. е. въ смыслѣ систематической провокаціи русскаго общества--достаточно ясна и сама собою. Нельзя же было, въ самомъ дѣлѣ, думать, что всѣ тѣ вызовы, которые бросались русскому обществу со времени манифеста 17-го октября, пройдутъ безнаказанно. Повторяя одинъ за другимъ эти вызовы и накопляя горючій матеріалъ, вспыхнувшій теперь яркимъ пламенемъ, правительство, конечно, явилось самымъ сильнымъ и вліятельнымъ агитаторомъ въ пользу политической забастовки. Но врядъ ли оно эту свою роль достаточно понимало. Мы обвиняемъ его уже не въ этомъ—не въ безознательной подготовкѣ забастовки всѣми своими дѣйствіями, со времени манифеста 17-го октября. Мы обвиняемъ его въ томъ, что, подготовивъ этотъ горючій матеріалъ, оно стремится теперь произвести пожаръ уже совершенно сознательно и намѣренно. Полупризнаніе гр. Витте намъ доказываетъ, что правительство готово сыграть въ забастовку, какъ въ средство преподать урокъ русскому обществу.

Ему грозили этой забастовкой: оно хочетъ теперь поймать на словѣ тѣхъ, кто грозилъ. Всеобщая политическая забастовка рисовалась въ болѣе или менѣе отдаленной перспективѣ, какъ послѣдняя ставка, послѣдній козырь; правительство поставило ея сторонниковъ въ такое положеніе, при которомъ забастовка является долгомъ чести. Этого козыря оно разсчитываетъ убить: иначе оно не провоцировало бы забастовки.

Читатель, вамъ интересенъ этотъ спортъ, который разыгрывается на вашей собственной спинѣ? Вы согласны быть той двойкой которая убьетъ козырного туза? И для кого вы будете убивать? К о м у э т о в ы г о д н о ?

Рѣшите этотъ вопросъ для себя, тогда вамъ будетъ ясно и то: к т о в и н о в а т ъ в ъ з а б а с т о в к ѣ ?

35. Возстаніе въ Москвѣ *).

I.

Въ древней столицѣ Россіи происходятъ невѣроятныя событія, Москву разстрѣливаютъ изъ пушекъ. Разстрѣливаютъ съ такой яростью, съ такимъ упорствомъ, съ такой мѣткостью, какихъ ни разу не удостаивались японскія позиціи.

Самый богатый городъ Россіи, полный своеобразныхъ историческихъ памятниковъ, въ полномъ ходу промышленной, торговой, общественной жизни,—русскія орудія громятъ, какъ никогда не умѣли громить броненосцевъ микадо.

Что же случилось? Противъ кого адмиралъ Дубасовъ выкатилъ свои пушки? Гдѣ непріятель? Грозитъ ли Москвѣ участь—пережить ужасные дни парижской коммуны? Или грозитъ Москвѣ ея «хозяинъ» новыми іюньскими днями?

Правительство молчитъ. Изъ телефонныхъ сообщеній и частныхъ свѣдѣній мы кое что узнаемъ, но это кое что оставляетъ насъ въ полномъ недоумѣніи, какая же надобность Москвѣ въ новыхъ спасителяхъ отечества. Баррикады возникаютъ повсюду; но, пока онѣ возникаютъ, спасители отечества гдѣ-то отсутствуютъ и во всякомъ случаѣ бездѣйствуютъ; а когда спасители отечества являются на мѣсто дѣйствія и принимаются стрѣлять изъ пушекъ и пулеметовъ,—объектами ихъ разстрѣла оказываются стѣны домовъ и желѣзныя вывѣски баррикадъ, а за баррикадами любопытствующая публика. Дружинники куда-то исчезаютъ, ждутъ, пока пушки и пулеметы храбраго адмирала разрушатъ проволоку и вывѣски баррикадъ, и затѣмъ снова принимаются ткать свою ткань Пенелопы. Такимъ образомъ, нелѣпая борьба длится два, три, пять—неизвѣстно сколько дней,—адмиралъ палитъ изъ пушекъ, дружинники упорно не желаютъ подставлять свои спины подъ его выстрѣлы, а число жертвъ,—постороннихъ, непричастныхъ жертвъ адмиральскаго разстрѣла растетъ: изъ десятковъ обращается въ сотни, изъ сотенъ въ тысячи.

Что же это такое? Завоеватели новаго времени, воюя въ чужой странѣ, стараются щадить и самый городъ, и имущество, и жизнь горожанъ. Адмиралъ Дубасовъ, повидимому, считаетъ себя отъ этой обязанности свободнымъ. Москва переживаетъ дни, передъ кото-

---

*) „Бирж. Вѣд.“ утр., 14 д.

рыми меркнутъ наполеоновскіе дни двѣнадцатаго года, а офиціально—въ Москвѣ все спокойно. Неужели пріемы московскаго генералъ-губернатора въ борьбѣ со вспыхнувшей въ его «владѣніяхъ» революціей считаются совершенно правильными и нормальными?

Красные флаги, развѣвающіеся на баррикадахъ, повидимому, дѣйствуютъ на московскую администрацію, какъ красный цвѣтъ на испанскихъ быковъ. Въ глазахъ у нея кровь, много крови, одна только кровь, и она, ничего не видя, не слыша и не понимая, безпощадно бьетъ по всему милліонному населенію столицы, стараясь доказать себѣ и другимъ, что вся Москва на сторонѣ революціи.

Наконецъ, и войскъ оказывается недостаточно для борьбы съ московскими торреадорами. На помощь регулярному войску призывается щербатовская милиція. И, о чудо, по какому-то мановенію волшебнаго жезла, улицы очищаются. Видали вы, какъ въ Парсифалѣ, движеніемъ сгущающихся облаковъ, быстро затуманивается сцена, облака разрѣжаются вновь, и вмѣсто пустыни зритель видитъ передъ собой величественный храмъ рыцарей св. Грааля? Пулеметы адмирала Дубасова, кажется, должны сыграть роль этого театральнаго тумана. Сейчасъ была революція—и Москва представляла картину крови и ужаса. Сейчасъ будетъ щербатовская милиція—и Москва спокойна. Была революція, сталъ величественный храмъ; была Москва красная, стала Москва черносотенная.

Это ли надо было доказать адмиралу Дубасову?

36. Мораль московскаго возстанія.

Когда кругомъ падаютъ мирные граждане, когда гора труповъ въ Москвѣ все растетъ—трудно разсуждать, трудно обобщать... Одинъ крикъ просится изъ груди: довольно крови, довольно убійствъ. Но, наряду съ этимъ, сама собою назрѣваетъ первая неясная мысль, скорѣе какъ результатъ недоумѣнія, чѣмъ обсужденія. Бывали и въ Западной Европѣ возстанія и баррикады, бывали и ужасныя усмиренія. Но въ московской трагедіи есть нѣчто свое, самобытное. Московское движеніе обмануло всѣ предсказанія и опрокинуло всѣ расчеты: оно развивалось какъ будто по какимъ-то особымъ законамъ, совершенно невѣдомымъ цивилизованному міру.

Съ одной стороны, всѣ усилія могущественной государственной машины. Съ другой—небольшая группа храбрецовъ. Въ чемъ секретъ ихъ успѣха, непропорціональнаго ихъ численной силѣ? И въ чемъ загадка этой неудачи и полнаго безсилія государственнаго всемогущества передъ этимъ бурнымъ взрывомъ?

Вглядитесь хорошенько въ пріемы усмиренія: въ этихъ пріемахъ, такихъ нелѣпыхъ на первый взглядъ, вы найдете нѣчто, что намекаетъ на разгадку секрета. Вотъ передъ вами огромный домъ; изъ него раздается одиночный выстрѣлъ. На выстрѣлъ собирается цѣлый отрядъ артиллеріи; начинается штурмъ по всѣмъ правиламъ искусства. Въ короткое время огромный домъ разнесенъ. Очевидно, жильцы огромнаго дома заранѣе признаются солидарными съ виновникомъ одиночнаго, быть можетъ, случайнаго выстрѣла. Вѣроятность ихъ вины такъ велика въ глазахъ власти, что даже полевой судъ для нихъ оказывается излишней роскошью. Ихъ разстрѣливаютъ, какъ куропатокъ; на томъ свѣтѣ Богъ различитъ виноватыхъ и правыхъ. Вотъ передъ вами милліонное предпріятіе—типографія въ полномъ ходу. Въ ней скрывались подозрительные люди, они ужъ ушли, зданіе пусто. Ничего не значитъ: раздраженный исполнитель невѣдомыхъ приказаній вымещаетъ свою злобу на зданіи вмѣсто людей; самыя стѣны подозрѣваются въ солидарности съ возстаніемъ. Темная ночь; по улицѣ идетъ человѣкъ. Онъ непремѣнно вооруженъ: надо обыскать его. Для чего вооруженъ,—для защиты или нападенія, не спрашиваютъ. Есть револьверъ—значитъ, это дружинникъ: надо его арестовать. Если онъ не вооруженъ и трусъ—спѣшитъ спастись бѣгствомъ,—значитъ, виноватъ, и надо его пристрѣлить на мѣстѣ.

Ужасны, конечно, самые факты массоваго разстрѣла, разоренія. Но смыслъ московскихъ событій заключается совсѣмъ въ другомъ. Если все населеніе огромнаго города подозрѣвается въ соучастіи съ революціонными дѣятелями, и блюстители общественнаго порядка являются ихъ палачами, то всѣ понятія о томъ, гдѣ враги, гдѣ охранители общественной связи, спутываются безнадежно. Связь между властью и обществомъ мертвѣетъ и совсѣмъ отпадаетъ. Если всѣ противъ власти,—это значитъ, что власть противъ всѣхъ. Если возстановить порядокъ можно, только приставивъ къ каждому обывателю солдата съ ружьемъ и поставивъ у каждаго дома пушку, то, значитъ, солдаты и пушки охраняютъ не тѣхъ, кого слѣдуетъ.

Да, все значеніе московской борьбы откроется передъ нами только тогда и только тогда мы поймемъ секретъ этого безсилія,

силы и могущества нравственной рѣшимости, если посмотримъ на московскія событія съ этой точки зрѣнія. Власть, которая только непрерывнымъ употребленіемъ силы можетъ удержать каждаго отдѣльнаго обывателя, на каждомъ отдѣльномъ его шагу, отъ неповиновенія, которая не можетъ расчитывать ни на чью помощь и принуждена считать врагами все населеніе поголовно,—такая власть существовать не можетъ; ее не могутъ поддержать даже штыки и пули, такъ какъ и для нихъ необходимы мускулы, ими управляющіе.

Вотъ почему эта власть принуждена напрягать всю свою силу, чтобы произвести самое маленькое дѣйствіе. Вотъ почему она ставитъ свои пушки на пустой площади и стрѣляетъ цѣлыми часами вдоль пустыхъ улицъ; вотъ почему она не можетъ овладѣть человѣкомъ, не разрушивъ пушечными гранатами дома, въ которомъ онъ находится. То, что Монтескье сказалъ про худшую изъ формъ правленія—про самую безформенную, можно теперь примѣнить къ положенію дѣлъ въ Москвѣ. «Человѣкъ хочетъ достать яблоко, для этого онъ рубитъ дерево. Вотъ вамъ опредѣленіе деспотіи».

37. „Провокація“, или не провокація? *).

Г. Демчинскій въ «Словѣ» началъ рядъ статей, посвященныхъ критикѣ конституціонно-демократической партіи. Къ статьямъ этимъ мнѣ, по всей вѣроятности, придется вернуться; но, не дожидаясь ихъ продолженія, я принужденъ немедленно отозваться на одинъ упрекъ г. Демчинскаго лично по моему адресу. Г. Демчинскій говоритъ:

«Въ цитируемой рѣчи проф. Милюкова меня поразило, и признаюсь поразило непріятно, слѣдующее мѣсто:

«Власть, увлекшись ею же самой провоцированной и раздутой революціей, начала отбирать» и т. д.

... Въ устахъ такого выдержаннаго оратора, какъ г. Милюковъ, такіе дешевые эффекты прямо-таки непростительны».

Я согласенъ съ г. Демчинскимъ, что «дешевые эффекты» вообще непростительны, и потому, между прочимъ, нахожу непростительнымъ и его совѣтъ намъ въ той же статьѣ—учиться у нашихъ «старшихъ товарищей-студентовъ» и его игру кличкой «кадетъ». Но г. Демчинскій напрасно думаетъ, что я такъ же легко, какъ

*) „Рѣчь“, № 4, 26 февр.

онъ, удовлетворяюсь дешевыми эффектами, вмѣсто серьезной критики. Мои слова о «провоцированной революціи» я строго взвѣсилъ, прежде чѣмъ рѣшился произнести ихъ. Документальныхъ доказательствъ провокаціи у меня, разумѣется, не было: эти доказательства въ полномъ своемъ объемѣ будутъ доступны только будущему историку переживаемаго нами момента. Но при нѣкоторой привычкѣ наблюдать то, что происходитъ на глазахъ у всѣхъ, уже послѣ ареста совѣта рабочихъ депутатовъ, можно было подозрѣвать у власть имущихъ сознательное намѣреніе—провоцировать вооруженное возстаніе. По мѣрѣ того, какъ развертывались дальнѣйшія событія, у меня лично подозрѣніе обратилось въ увѣренность; и въ ту самую ночь, когда второй совѣтъ рабочихъ депутатовъ постановилъ всеобщую политическую забастовку, я въ особой статьѣ противъ забастовки старался убѣдить ея сторонниковъ не принимать сраженія на томъ мѣстѣ и въ тотъ моментъ, которыя выбраны г. Дурново Въ этой статьѣ, которая,—я это зналъ,—должна была обратить на меня всѣ громы теоретиковъ и энтузіастовъ вооруженнаго возстанія,—я говорилъ о провокаціи не для «дешеваго ораторскаго эффекта». И что же? Не только исходъ неравной борьбы подтвердилъ мои худшія опасенія, но и подозрѣнія мои относительно роли администраціи были недавно блестяще подтверждены прямымъ признаніемъ самого московскаго Галлифэ.

Это явствуетъ изъ письма въ «Matin» петербургскаго корреспондента этой газеты, Пьера Леру, интервьюера столь же искуснаго какъ и правдиваго.

«Можете ли вы объяснить мнѣ, ваше превосходительство, какимъ образомъ правительство, столь увѣренное въ себѣ относительно будущаго времени, въ прошломъ оказалось столь неосвѣдомленнымъ? Очевидно, полиція плохо освѣдомляла его? Вы, стало быть, не были предупреждены, что возстаніе можетъ вспыхнуть съ такой силой и, позволю себѣ прибавить, такъ спокойно?»

Полиція и правительство знали,—отвѣчалъ адмиралъ Дубасовъ.

— Но тогда, что же остается предположить?

Его превосходительство въ затрудненіи потираетъ слегка руки; его сѣрые глаза блуждаютъ по потолку. Послѣ нѣкотораго колебанія, онъ произноситъ буквально слѣдующія четыре слова:

«On a laissé faire».

Эти слова адмирала Дубасова останутся въ исторіи *).

---

*) Ср. косвенное указаніе г. Шванебаха, цитир. въ статьѣ № 87.

Скептики скажутъ: однако, все же, вѣдь, это взято не изъ первоисточника, а изъ газетной корреспонденціи легкомысленнаго француза?

Повторяю: пройдетъ время, и, можетъ быть, мы узнаемъ что нибудь и изъ первоисточниковъ. Октябрскіе погромы, сопровождавшіе манифестъ, еще не далеко отодвинулись вглубь исторіи, а относительно ихъ—я разумѣю роль провокаціи въ этихъ событіяхъ—кое какіе источники уже имѣются. Чтобы не быть голословнымъ, позволяю себѣ, на этотъ разъ, привести одинъ образчикъ.

Германскій консулъ въ Баку, Релль, телеграфировалъ 28 октября германскому послу въ Спб.: «Въ настоящій моментъ тихо, но есть основаніе бояться, что въ воскресенье будутъ опять безпорядки, которые вызовутъ новые пожары и кровопролитія въ армянской части города, гдѣ живетъ много иностранцевъ. Прошу употребить всѣ усилія, чтобы мѣстныя власти получили строжайшія указанія всѣми силами не допускать никакихъ демонстрацій».

Вмѣсто того, чтобы дать эти указанія, министерство нашло возможнымъ ограничиться посылкой слѣдующей телеграммы:

«Германскій повѣренный въ дѣлахъ проситъ оградить личность, имущество германскихъ подданныхъ въ Баку. Не откажите въ зависящихъ распоряженіяхъ».

38. Политика гр. Витте.

(Письмо въ „Correspondance Russe“).

Милостивый Государь!

Вы просите меня написать для «Русской корреспонденціи» мое мнѣніе о современномъ положеніи вещей въ Россіи. Прошу извиненія за то, что отвѣтъ мой будетъ кратокъ; надѣюсь, все-таки, что Вы найдете его достаточно опредѣленнымъ.

Вы спрашиваете, во-первыхъ: думаю ли я, что графъ Витте оказался на высотѣ положенія? Вы ждете отъ меня, конечно, отрицательнаго отвѣта на этотъ вопросъ. И, дѣйствительно, мой отвѣтъ отрицательный; но вполнѣ признавая, что графъ Витте не исполнилъ—и даже не поставилъ—той задачи, которую долженъ былъ бы поставить на его мѣстѣ всякій истинно-государственный человѣкъ, я долженъ признать, что ту задачу, которую онъ себѣ, повидимому, поставилъ, какъ карьеристъ и куртизанъ, онъ выполняетъ довольно искусно и успѣшно, при благосклонномъ содѣйствіи нашихъ

крайнихъ партій. Его задача заключалась въ томъ, чтобы возбудить въ русскомъ обществѣ инстинкты самосохраненія, и, при ихъ помощи, создать для правительственной программы поддержку въ обществѣ, обрушившись, затѣмъ, всѣми силами противъ революціоннаго движенія. Первоначально графъ Витте думалъ достигнуть этой цѣли прямо и непосредственно, опираясь на либеральную часть русскаго общества. Но скоро онъ увидалъ, что прогрессивные элементы общества не легко поддаются чувству страха, имѣютъ, притомъ, свою собственную политическую программу и не желаютъ быть слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ графа Витте. Тогда графъ Витте перенесъ свои надежды на элементы болѣе консервативные, начиная съ т. наз. «союза 17 октября», т. е. съ группы такихъ же конституціоналистовъ поневолѣ, какъ самъ гр. Витте, и кончая прославленной «черной сотней». На графа Витте оправдалась пословица, что никто не знаетъ, гдѣ найдетъ, гдѣ потеряетъ. Ошибшись въ своихъ разсчетахъ на русскихъ либераловъ, гр. Витте нашелъ неожиданную поддержку въ русскомъ революціонномъ движеніи, которое своими дѣтскими лозунгами «вооруженнаго возстанія» и «демократической республики» именно и произвело то устрашающее дѣйствіе на средняго обывателя, на которое такъ расчитывалъ гр. Витте, по его собственному, неоднократному заявленію. Въ этомъ смыслѣ не графъ Витте оказался «на высотѣ положенія», а положеніе пришлось въ уровень съ его низменными планами. Въ результатѣ, приходится признать, что общая энергія освободительнаго движенія нѣсколько понизилась въ послѣднее время, и достигнутымъ уже плодамъ борьбы грозитъ опасность. Если это значитъ, что графъ Витте справился съ положеніемъ, то, онъ, несомнѣнно, справился съ нимъ.

Но второй вопросъ заключается—какъ вы и спрашиваете далѣе,—сможетъ ли гр. Витте найти удовлетворительный исходъ изъ настоящаго кризиса. На этотъ вопросъ съ увѣренностью могу отвѣчать: нѣтъ, не сможетъ. Графъ Витте хотѣлъ обмануть исторію; на дѣлѣ онъ самъ будетъ обманутъ исторіей,—такъ жестоко, фатально и безповоротно, какъ исторія это умѣетъ дѣлать. Въ глазахъ исторіи, графъ Витте—покончennый человѣкъ. Его шансъ прошелъ и больше не вернется. Изъ кризиса придется выводить Россію другимъ людямъ; а графъ Витте только затянетъ кризисъ и сдѣлаетъ развязку болѣе ужасной. Онъ принудитъ нашу бѣдную, измученную страну къ новымъ конвульсіямъ, новому напряженію. Если временный колляпсъ общественнаго напряженія будетъ глубокъ и зна-

чителенъ, то графъ Витте воспользуется имъ, чтобы сойти съ почвы даже манифеста 17 октября. Не исключена возможность даже такихъ попытокъ, какъ отсрочка созыва думы или возстановленіе стараго режима при помощи думы, если она окажется «черносотенной». Подобныя мысли уже теперь посѣщаютъ головы нашихъ полицейскихъ и придворныхъ политиковъ. И, можетъ быть, вступивъ на эту соблазнительную стезю, правительство своими новыми ошибками еще исправитъ ошибки нашихъ революціонеровъ. Послѣдніе разъединили общество, отбросивъ умѣренную часть его направо; безразборчивая правительственная реакція можетъ снова возстановить единство оппозиціоннаго настроенія и отбросить средніе элементы влѣво. Кровавое усмиреніе московскаго возстанія, безъ сомнѣнія, явилось первой и весьма крупной въ ряду этихъ возможныхъ въ будущемъ ошибокъ правительства. Повсемѣстныя нарушенія свободы собраній, печати, союзовъ,—свободы, къ которой уже отчасти привыкла публика, а также драконовскіе исключительные законы, ставящіе неприкосновенноссь личности въ зависимость отъ второстепенныхъ полицейскихъ чиновъ и превосходящіе даже ту мѣру произвола, которую Россія испытала до сихъ поръ,—все это дѣйствуетъ въ томъ же направленіи—въ направленіи возбужденія общаго недовѣрія, раздраженія и ненависти къ «конституціонному» министерству графа Витте.

Частнымъ случаемъ въ ряду только что перечисленныхъ антилиберальныхъ мѣръ является и избирательный законъ 11 декабря. Правительство имѣло въ данномъ случаѣ превосходный шансъ удовлетворить общественное мнѣніе, единодушно требовавшее созыва учредительнаго собранія на основѣ всеобщаго голосованія, такъ какъ хотя «всеобщее избирательное право» и «учредительное собраніе», правда, продолжаютъ быть какими-то пугалами во мнѣніи нашего правительства, но въ глазахъ всякаго понимающаго государственнаго человѣка—это, несомнѣнно, мѣры болѣе консервативныя, чѣмъ тѣ, которыя уже теперь приняты правительствомъ,—чѣмъ тотъ чреватый опасностями классовыхъ антагонизмовъ, при полной теоретической несостоятельности, избирательный законъ, который оно издало, и та дума съ неопредѣленными функціями, которой оно заранѣе предоставляетъ узурпировать функціи учредительнаго собранія. Полтора мѣсяца тому назадъ мнѣ пришлось бесѣдовать съ гр. Витте и я говорилъ ему, что, поступая такъ нерасчетливо, правительство упускаетъ дорогое время и плыветъ по теченію безъ руля, навстрѣчу всѣмъ возможнымъ катастрофамъ. Я говорилъ, что

всякое благоразумное правительство, рѣшившись разъ навсегда дать конституцію, всего лучше поступило бы въ своихъ собственныхъ интересахъ, если бы прямо и открыто сказало это и немедленно октроировало хартію, достаточно либеральную, чтобы удовлетворить широкіе круги общества. Какъ на образецъ такой хартіи, я указывалъ графу Витте на болгарскую конституцію или на какую нибудь другую разновидность бельгійской, но со всеобщимъ избирательнымъ правомъ. Впрочемъ, проектъ такой конституціи уже разработанъ земскимъ съѣздомъ. Графъ Витте отвѣчалъ мнѣ двумя аргументами, которые взаимно уничтожали другъ друга. Онъ сказалъ — и это было совершенно правильно, — что общество уже не удовлетворится конституціей, данной сверху. Другими словами, графъ Витте въ этой своей репликѣ оказался либеральнѣе и меня самого. Я былъ радъ констатировать это и объяснилъ ему, почему именно общество не удовлетворится откроированной конституціей: потому что оно не вѣритъ въ возможность получить отъ бюрократіи такую либеральную конституцію, какъ болгарская. Я не прибавлялъ гр. Витте другого аргумента,—что нѣкоторая часть общества не приметъ откроированной конституціи по принципу—какъ исходящей не отъ народнаго суверенитета. Но эту ссылку на народную санкцію сдѣлалъ совершенно неожиданно самъ графъ Витте и притомъ въ обратномъ смыслѣ всему тому, что говорилось раньше. Онъ привелъ меня въ удивленіе возраженіемъ, что народъ не захочетъ конституціи. Я не отвѣчалъ графу Витте, что этимъ аргументомъ онъ зачеркиваетъ все имъ сдѣланное и заставляетъ подозрѣвать свои намѣренія. Я только возразилъ ему, что дѣло не мѣняется отъ того, что въ своемъ докладѣ царю онъ назвалъ конституцію — «правовымъ порядкомъ», — и что если онъ разумѣлъ дѣйствительно конституцію, и если народъ, въ самомъ дѣлѣ, такъ привыкъ ко власти царя, то, очевидно, гораздо скорѣе народъ примирится съ конституціей, данной властью царя, чѣмъ съ хартіей, какую издастъ дума,—да притомъ еще неправильно созванная Дума цензоваго состава. Я говорилъ графу Витте, что при современномъ состояніи кризиса — величайшій рискъ вести Россію къ нормальному положенію путемъ тройныхъ выборовъ въ неправильную думу, которая составитъ правильный избирательный законъ, потомъ—въ учредительное собраніе, собранное на основаніи этого закона, и наконецъ уже—въ нормальное законодательное собраніе на основаніи хартіи, какую дастъ учредительное собраніе. Я говорилъ, что путь этотъ слишкомъ длиненъ, чреватъ боковыми толч-

ками и катастрофами, что выборы будутъ, при современномъ положеніи, вѣроятно, кровавые, и что, при недовѣріи общества къ октропированной хартіи, всего лучше сократить путь прямымъ созывомъ учредительнаго собранія, какъ и требуетъ того русское общество. Графъ Витте могъ бы, конечно, отвѣтить, что такъ какъ народъ не хочетъ конституціи, то весь этотъ гипотетическій путь къ конституціонному режиму будетъ сокращенъ отказомъ отъ него народа на первомъ же собраніи думы. Но моя наивность, вѣроятно, обезоружила на этотъ разъ гр. Витте, и онъ воздержался отъ отвѣта.

Когда мы вели этотъ разговоръ съ гр. Витте, несомнѣнно, еще существовала возможность для правительства согласиться съ значительной частью оппозиціи въ одинаковомъ пониманіи того пути, который бы могъ вывести Россію изъ кризиса. Послѣдній съѣздъ земскихъ и городскихъ дѣятелей только-что объяснилъ, что подъ „учредительнымъ собраніемъ“ русская оппозиція разумѣетъ такое же собраніе народныхъ представителей съ учредительными функціями“, какимъ фактически должна была стать и сама дума, даже въ пониманіи самого правительства. При этомъ условіи всеобщее избирательное право оставалось въ сущности единственнымъ требованіемъ раздѣлявшимъ правительство и оппозицію, и даже самые умѣренные изъ членовъ московскаго съѣзда, приглашенные гр. Витте для переговоровъ, объяснили ему, что дарованіе всеобщаго избирательнаго права является необходимымъ условіемъ примиренія. Правительство колебалось цѣлыхъ два мѣсяца, безвозвратно потеряло, благодаря этому промедленію, всю свою популярность и лишилось довѣрія общества, и, въ концѣ концовъ, убѣдившись, что энергія освободительной борьбы временно ослабѣла,— издало избирательный законъ 11 декабря.

Законъ 11 декабря не есть всеобщее избирательное право, и въ этомъ отношеніи онъ обманулъ ожиданія русскаго общества. Но, все же, новый законъ даетъ довольно широкія избирательныя права, приближающіяся къ англійскимъ, и болѣе либеральныя, чѣмъ прусскія или австрійскія. Русская оппозиція могла бы, повидимому, если не примириться навсегда съ такимъ избирательнымъ правомъ, то, по крайней мѣрѣ, принять его за исходную точку для будущей думы, какъ предлагало и само правительство. Но правительство и тутъ сдѣлало все возможное, чтобы возстановить населеніе противъ закона 11 декабря. Сходство этого закона съ англійской избирательной системой—только видимое. Избиратели по закону 11

декабря продолжаютъ искусственно дѣлиться на куріи, съ отдѣльнымъ классовымъ, а отчасти и сословнымъ представительствомъ. Внутри каждой куріи избиратели дѣлятся между избирательными округами по мѣсту жительства; выборы, не будучи равными, не являются и прямыми, такъ какъ избиратели выбираютъ не прямо депутатовъ, а выборщиковъ, и относительно нѣкоторыхъ категорій избирателей эта процедура повторяется три и четыре раза. Наконецъ, каждая избирательная коллегія—какъ низшаго, такъ и высшаго разряда,—можетъ избирать только изъ состава своихъ членовъ, такъ что пассивное избирательное право, является ограниченнымъ въ первой степени предѣлами ближайшаго околотка, а въ дальнѣйшихъ степеняхъ—составомъ выборщиковъ данной коллегіи. Все это существенно искажаетъ и лишаетъ практическаго значенія положенный въ основу широкій принципъ избирательнаго права. Далѣе, даже такимъ избирательнымъ закономъ населеніе не имѣетъ возможности воспользоваться, какъ слѣдуетъ, такъ какъ правительство ограничило время составленія избирательныхъ списковъ (дополнительныхъ къ спискамъ 6 августа съ высокимъ цензомъ) чрезвычайно короткимъ срокомъ, и, притомъ, часть этого срока приходится на праздничные дни, а отдаленныя мѣстности Россіи могутъ получить свѣдѣнія о выборахъ, когда срокъ для составленія списковъ уже пройдетъ. Въ то же время, правительство, пользуясь революціонными волненіями въ странѣ, фактически отмѣнило даже ту ограниченную свободу избирательной агитаціи, которую оно само допустило только-что изданными законами. Въ настоящее время министръ внутреннихъ дѣлъ, сообща съ министромъ юстиціи, усердно употребляютъ время, оставшееся до выборовъ, для того, чтобы фальсифицировать будущіе выборы. Они покровительствуютъ дѣятельности партійныхъ организацій, дружественныхъ правительству, всячески стѣсняютъ дѣятельность партій оппозиціонныхъ. Трудно было бы перечислить здѣсь всѣ насилія и злоупотребленія, допущенныя правительствомъ для электоральныхъ цѣлей въ послѣдніе дни.

Вы спрашиваете меня, что, при этихъ условіяхъ, должны предпринять передовыя русскія партіи? Я могу отвѣчать только за ту изъ нихъ, къ которой принадлежу самъ,—именно за конституціонно-демократическую партію. Мои друзья и я—мы дѣлаемъ всѣ усилія, чтобы убѣдить общество въ необходимости принять активное участіе въ выборахъ, несмотря на всѣ препятствія, которыя ставитъ правительство. Я долженъ, однако, сознаться, что задача сто-

ронниковъ участія въ выборахъ въ Думу—не изъ благодарныхъ. Я не могу скрыть отъ себя, что окончательное отношеніе даже нашей партіи къ думѣ можетъ выясниться только по окончаніи избирательной кампаніи, въ зависимости отъ ея хода и исхода. Дума, составъ которой будетъ подтасованъ при помощи правительственнаго давленія, едва ли будетъ имѣть болѣе нравственнаго вліянія въ странѣ, чѣмъ теперь имѣетъ само правительство.

Что касается другихъ передовыхъ партій, болѣе радикальныхъ, чѣмъ наша, весьма возможно, что ихъ отношенію къ Думѣ будетъ съ самаго начала отрицательное. Принципъ всеобщаго права имѣлъ бы то огромное преимущество, что даже если результатомъ его примѣненія было бы пораженіе крайнихъ партій на выборахъ, тѣмъ не мѣнѣе, партіи не имѣли бы нравственнаго основанія протестовать противъ выборовъ. Дума, свободно избранная на основѣ всеобщаго голосованія, могла бы послужить русломъ для введенія политической дѣятельности партій въ легальныя рамки. Теперь результатъ правительственныхъ подтасовокъ и репрессій получается прямо противоположный. Наши крайнія партіи, въ результатѣ нѣкоторыхъ либеральныхъ уступокъ послѣдняго времени, только-что готовились перейти изъ состоянія тайныхъ конспираціи въ состояніе легальныхъ, открыто дѣйствующихъ политическихъ партій. Ихъ вожди, послѣ дарованія амнистіи вернувшіеся изъ-за границы и прекратившіе свою нелегальную дѣятельность тамъ, и теперь еще дѣйствуютъ открыто. Если правительственная реакція отниметъ у нихъ возможность открытой политической борьбы, то мы, по всей вѣроятности, будемъ свидѣтелями обратнаго хода вещей. Остатки крайнихъ партій, которыя уцѣлѣютъ отъ правительственнаго гоненія, опять „законспируются“, и едва ли у нихъ будетъ сомнѣніе въ томъ, что имъ слѣдуетъ дѣлать. Можно почти предсказать, что наиболѣе рѣшительные изъ нихъ вернутся къ системѣ того индивидуальнаго террора, обращеннаго противъ руководящихъ лицъ высшей администраціи, который до сихъ поръ былъ отличительной чертой русскаго революціоннаго движенія. Но теперь для такого террора найдется несравненно болѣе готоваго психологическаго матеріала. Мы, безъ сомнѣнія, переживемъ нѣчто подобное тому переходу отъ открытой организованной дѣятельности въ массахъ къ индивидуальному террору, который русское общество пережило въ 1878—1881 годахъ,—но только въ гораздо болѣе грандіозныхъ размѣрахъ. Каковъ будетъ исходъ этого новаго поединка революціонеровъ съ правительствомъ, предсказать невозможно. Во всякомъ случаѣ, на этомъ пути нельзя искать выхода изъ кризиса.

39. Дума и обыватель *).

Это былъ его послѣдній шансъ. Когда русскому среднему обывателю приходилось уже очень туго, онъ привыкъ говорить: вотъ соберется дума—она все устроитъ и разсудитъ. Думы ждали, какъ свѣтлаго праздника примиренія между двумя враждебными лагерями, среди которыхъ мирному русскому обывателю становилось все труднѣе оставаться нейтральнымъ и въ ссору которыхъ ему все-таки не хотѣлось вмѣшиваться. Дума—это былъ тотъ русскій «авось», на который обывательская публика поставила свою безпроигрышную ставку.

И вдругъ ставка бита. Вотъ впечатлѣніе законовъ 20 февраля, въ связи со всей предвыборной тактикой правительства.

А между тѣмъ, свѣтлый праздникъ примиренія былъ такъ возможенъ, такъ близокъ... Испуганный смутой, обыватель уже готовился къ торжеству мира; счастливый финалъ затянувшейся смуты, казалось, самъ давался ему въ руки. Готовилось и правительство—использовать настроеніе обывателя. Карты были подтасованы и сданы; игра была выиграна напередъ.

И вмѣсто того такой исходъ. Почему? Отчего?

Намъ кажется, причина ясна. Удачливый игрокъ слишкомъ уже пренебрежительно отнесся къ своему партнеру. Средній обыватель смиренъ и тихъ, но онъ совсѣмъ не глупъ. У него есть и глаза, и, если опытный игрокъ уже слишкомъ злоупотребляетъ проворствомъ рукъ, средній обыватель начинаетъ сердиться. Онъ не будетъ дѣлать скандала, не обзоветъ партнера нехорошимъ именемъ, потому что боится дуэли; онъ даже будетъ продолжать подавать ему руку, но про себя онъ все-таки будетъ думать свое и постарается уклониться отъ новой встрѣчи.

Средній обыватель не читаетъ длинныхъ правительственныхъ документовъ, а ловитъ только главную суть ихъ, съ чужого пересказа. Вотъ почему онъ такъ радикально позабылъ про государственный совѣтъ, когда ему обѣщали разныя улучшенія государственной думы, и такъ разсердился теперь, когда ему вдругъ напомнили—чего онъ не долженъ бы былъ никогда забывать,—что чиновничье «средостѣніе» не только не разрушено, но, напротивъ,

---

*) „Рѣчь", № 2, 24 февр.

укрѣплено на новомъ фундаментѣ. Онъ не вникъ и теперь въ тѣ тонкости, которыми опять авансомъ оплетаютъ его игру въ будущей думѣ; но онъ уже чувствуетъ, что съ нимъ хитрятъ. «Основные законы»—какіе «основные законы»? Почему нельзя думѣ обсуждать «основные законы»?

Средній обыватель не особенно свѣдущъ: онъ, поэтому, подозрѣваетъ, что и «общее избирательное право», и «свободы», и устройство думы, вообще, все это относится къ области «основныхъ законовъ». Онъ поэтому и не можетъ никакъ понять, какимъ образомъ одной рукой у него берутъ то, что дали другой—уже данное ему позволеніе ввести «общее избирательное право» и окончательно установить «свободы». Тутъ, конечно, легко его успокоить: «основные» законы въ собственномъ смыслѣ, какъ ихъ понимаютъ правительственные документы,—это лишь тотъ «государственный строй», котораго нельзя касаться,—а нельзя касаться, въ концѣ концовъ, самодержавной власти. Средній обыватель, разумѣется, не сторонникъ республики; однако же, въ качествѣ конституціоннаго монархиста, онъ опять обезпокоенъ. Въ нѣкоторыхъ благонадежныхъ газетахъ онъ читаетъ, что акты 20 февраля есть весьма удачная попытка сочетать конституцію съ самодержавіемъ. Это повергаетъ обывателя въ полное недоумѣніе. Какъ же такъ? Все время говорили, что самодержавіе есть самодержавіе, а конституція — это «ниспроверженіе существующаго строя»—статья такая-то. И вдругъ конституція—почти то же, что самодержавіе? Средній обыватель человѣкъ не ученый, и потому ему ничего не говоритъ даже разъясненіе, что самодержавіе впредь будетъ не такое, какъ теперь, а такое, какъ было прежде. Если бы онъ зналъ хорошенько свою исторію, то понялъ бы, что «прежде»—это значитъ: «во время сверженія татарскаго ига», а не въ XVI, не въ XVII, не въ XVIII и не въ XIX столѣтіи. Но онъ исторію знаетъ такъ же плохо, какъ иностранцы, а потому и понимаетъ ошибочно это слово «прежде», какъ тождественное со словомъ «всегда». На самомъ же дѣлѣ, «прежде» значитъ не «всегда», а «когда-то», не immer, а vormals. Если бы онъ понялъ, что самодержавіе будетъ теперь не такимъ, какъ было «всегда», а какъ было «когда-то», то онъ бы успокоился и понялъ, что, дѣйствительно, можно примирить самодержавіе съ конституціей. Но никто не хочетъ снизойти до него и объяснить ему этого. Поэтому онъ очень обезпокоенъ.

Естественно, что средній обыватель проникается чувствомъ недовѣрія. Обращаемъ на это вниманіе, кого слѣдуетъ. Вѣдь такъ

легко успокоить средняго обывателя! И такъ много отъ его спокойствія зависитъ!

40. Конституція и самодержавіе *).

«Русское Государство» иногда обмолвливается драгоцѣннѣйшими признаніями. Во вчерашнемъ номерѣ, въ статьѣ г. Лирика, такихъ признаній содержится цѣлыхъ два, и если бы выводъ изъ нихъ соотвѣтствовалъ ихъ содержанію, то мы готовы были бы заключить, что истина для официальной газеты стоитъ выше всего, — даже выше собственнаго интереса.

Г. Лирикъ, во-первыхъ, почти правильно объяснилъ причину неудачи манифеста 17 октября. «Казалось бы,—замѣчаетъ онъ,— съ нимъ (т. е. манифестомъ) правительство получило крупнѣйшій козырь въ борьбѣ съ революціей—козырной тузъ. И что же? Революція вырвала его изъ рукъ правительства, подмѣнила на двойку и обвинила правительство въ томъ, что оно двойку выдало за туза». Прекрасное сравненіе. Именно «тузъ», подмѣненный на «двойку». Мы расходимся съ авторомъ только по вопросу, к т о именно совершилъ подмѣну. Но надо сказать, что и самъ г. Лирикъ не настаиваетъ на мысли, что это сдѣлала о д н а революція. Онъ признаетъ, что правительство при этомъ сыграло роль пособника,—и дѣлаетъ такимъ образомъ второе цѣнное признаніе. Правительство, по его мнѣнію, не сдѣлало того, что должно было сдѣлать: не сумѣло надлежащимъ образомъ «сервировать» то «блюдо, на которомъ былъ положенъ драгоцѣннѣйшій плодъ русской жизни». «Такія историческія мгновенія»,—поясняетъ г. Лирикъ свое кулинарное сравненіе,—«должны быть вправлены въ рамку, достойную ихъ и разсчитанную на то, чтобы не умалить, не дать расхитить производимое ими впечатлѣніе, а, наоборотъ, усилить его».

Итакъ, ошибка правительства заключается въ томъ, что, облекши великій государственный актъ въ недостойную его «рамку», правительство умалило и дало расхитить произведенное имъ впечатлѣніе. Другими словами, эта ошибка—въ томъ, что съ такой яркостью изобразилъ г. Шебуевъ: въ «рукоприкладствѣ» Трепова къ акту 17 октября. Знаменитый мистеръ Стэдъ выразилъ ту же са-

*) „Рѣчь“, № 11, 5 марта.

мую мысль другимъ яркимъ образомъ въ своемъ разговорѣ съ Треповымъ. «Вашъ государь, говорилъ онъ Трепову, создалъ великолѣпную картину, а вы взяли швабру и замазали ее черной (Стэдъ не думалъ о красной) краской».

Какая же мораль вытекаетъ изъ наблюденій г. Лирика относительно текущаго момента?—Акты 20 февраля есть, конечно, другой «драгоцѣнный плодъ». Это—«чистѣйшій и вѣрнѣйшій признакъ вступленія страны на путь конституціонализма». Ихъ, на этотъ разъ, надо «сервировать», какъ слѣдуетъ, чтобы революція не «вышибла блюда изъ рукъ» у правительства и не «использовала въ своихъ цѣляхъ» правительственныхъ актовъ. Мы готовы согласиться съ г. Лирикомъ. Подобно намъ, онъ, кажется, опасается, какъ бы не случилось новаго «рукоприкладства» къ актамъ 20 февраля,—рукоприкладства г. Дурново. Ужъ не поступилъ ли и онъ въ «кадеты»?

Наше любопытство разрѣшается самымъ неожиданнымъ образомъ. Чтобы «сервировать» законы 20 февраля, какъ слѣдуетъ, г. Лирикъ, дѣйствительно, продолжаетъ усиленно доказывать, что за ними страна вступила на путь конституціонализма. Но «кадеты», по его утержденію, доказываютъ прямо противоположное. Крайнія партіи, въ союзѣ съ конституціоналистами-демократами, говоритъ онъ, стараются утвердить населеніе въ мысли, что никакого коренного измѣненія въ режимѣ нашемъ не послѣдовало и что октябрьскій и февральскій манифесты, будучи изданы неограниченной властью, ни въ чемъ существа послѣдней не мѣняютъ.

Мы до сихъ поръ думали, что это говорятъ «Московскія Вѣдомости»; нашъ же упрекъ правительству состоитъ какъ разъ въ томъ, въ чемъ упрекаетъ насъ г. Лирикъ: именно въ томъ, что правительство не желаетъ признать «никакого коренного измѣненія въ режимѣ», хотя таковое несомнѣнно произошло и произошло, именно въ смыслѣ «вступленія на путь конституціонализма» (см., напр., статьи В. М. Гессена въ нашей газетѣ).

Это ли утверждаетъ официальный органъ? Увы, основная мысль г. Лирика совсѣмъ другая, хотя она и закутана въ самыя туманныя выраженія. Нашъ «конституціонализмъ», по его признанію, есть «не вполнѣ западный», и, отмѣнивъ «абсолютизмъ», верховная власть не отмѣнила «самодержавія». И мы возвращаемся въ старый заколдованный кругъ.

Нѣтъ, г. Лирикъ, на вашей кухнѣ никто не сумѣетъ «сервировать драгоцѣннаго плода русской жизни» и, превращая «туза» въ

«двойку», вы дождетесь, что кто-нибудь опять «вышибетъ изъ вашихъ рукъ» ваше «вкусное блюдо».

41. Переломъ въ общественномъ настроеніи *).

За послѣдніе дни на мрачномъ фонѣ нашей политической жизни начинаютъ появляться новые тоны. Изо дня въ день мы привыкли въ послѣдніе мѣсяцы заносить въ политическую хронику все новыя и новыя извѣстія о побѣдахъ чрезвычайной власти надъ присмирѣвшимъ и испуганнымъ обывателемъ. Репненкампфъ и Риманъ, потомъ Абрамовъ и Ждановъ, цензоръ Соколовъ, адмиралъ Чухнинъ—всѣ эти собственныя имена сдѣлались символами торжествующей реакціи, забывшей, въ своемъ торжествѣ, всякую мѣру и всякую осторожность. Казалось, изъ медоваго мѣсяца своей «конституціи» Россія перенесена въ полулегендарныя времена ассирійскихъ карательныхъ походовъ... Новости продолжаютъ приходить и теперь въ томъ же родѣ. Но скрытый смыслъ этихъ послѣднихъ новостей какъ будто получается совсѣмъ другой, чѣмъ прежде. Изъ Москвы пишутъ, что тамъ закончилось распредѣленіе войскъ на станціяхъ московскаго узла. Планъ похода, очевидно, готовъ; но это, столь же очевидно, не есть повтореніе набѣговъ въ Перово и Голутвино. Цѣль новой дислокаціи — не наступательная, а оборонительная. «Быстрое принятіе мѣръ на случай безпорядковъ,—пишутъ газеты,—объясняется тревожными вѣстями, полученными въ Москвѣ, о начинающихся на югѣ забастовкахъ, вызвавшихъ большое броженіе, а также нежеланіемъ рабочихъ принимать участіе въ выборахъ въ думу». «Тревожныя вѣсти» получаются и изъ другихъ источниковъ. Департаментъ полиціи получаетъ ихъ относительно предстоящей выработки наступательнаго плана въ лагерѣ враговъ правительства и опять спѣшитъ принять оборонительныя мѣры. Можно было думать, что это излишняя мнительность, ничѣмъ не вызванная. Но нѣтъ, «тревожныя вѣсти», даже не принимая опредѣленной конкретной формы, носятся въ воздухѣ; онѣ, очевидно, соотвѣтствуютъ какому-то новому настроенію обывательской массы; онѣ какъ будто формулируютъ общую невысказанную еще мысль. Газета «Слово» не выражаетъ, конечно, настроенія «крайнихъ партій», но и эта газета проникается новымъ обывательскимъ настроеніемъ. Говоря о той торжествующей офиціальной нотѣ, которую подрядились тянуть сотрудники «Русскаго Государства», «Слово» замѣчаетъ по адресу «почтеннаго» министерскаго органа, что, собственно говоря, для его ликованія имѣется очень мало объек-

*) „Рѣчь“, № 16, 10 марта.

тивныхъ основаній. «Вмѣсто того, чтобы пѣть побѣдную пѣснь, поющую, взывающую и глаголющую,—говоритъ «Слово»,—«Русскому Государству» можно было бы посовѣтовать серьезнѣе отнестись къ дѣлу, а не закрывать глаза легкомысленно на дѣйствительность, которая, быть можетъ, окажется весьма суровой». Конечно, министерская газета можетъ привести отводъ. «Серьезнѣе» отнестись къ дѣлу—есть задача департамента полиціи и тѣхъ учрежденій, которыя занимаются дислокаціей войскъ. Спеціальность газеты—поддерживать бодрое настроеніе,—а для этого необходимо «закрывать глаза», если не себѣ, такъ другимъ. Русское государство (безъ кавычекъ) освѣдомлено,—и не задача офиціальной газеты освѣдомлять общественное мнѣніе.

Что же, однако, произошло, и гдѣ коренной источникъ «тревожныхъ вѣстей»? Для насъ дѣло ясно: мы этого ждали; мы это предсказывали. Усиленная дѣятельность правительства за послѣдніе четыре мѣсяца, очевидно, не осталась безъ результатовъ. Молекулярная работа, которая все время совершалась въ умѣ обывателя, наконецъ, начинаетъ слагаться въ осязательный и для всѣхъ наглядный результатъ. Страхъ передъ революціей прошелъ, но за нимъ начинаетъ снова проходить и страхъ передъ властью. Еще Екатерина Великая знала, что есть предѣлъ, за которымъ система устрашенія перестаетъ производить свое дѣйствіе. Предѣлъ этотъ повидимому, достигнутъ.

Мы не будемъ напоминать все, что скоплялось мѣсяцами въ мозгу обывателя и, наконецъ, привело къ такому результату. Послѣдними мастерскими штрихами, подѣйствовавшими на умы, очевидно, были законодательные акты 20 февраля и послѣдующихъ дней. Послѣднимъ ударомъ, могущественно подѣйствовавшимъ на чувство и соединившимъ массу въ одинаковомъ настроеніи, были два имени, отнынѣ символическія, значеніе которыхъ всѣмъ понятно и доступно. Эти имена—Шмидтъ и Спиридонова.

Мы поздравляемъ правительство съ достигнутымъ успѣхомъ!..

42. Графъ Витте и общественное мнѣніе. По поводу слуховъ объ отставкѣ*).

Слухи объ отставкѣ графа Витте возникали періодически, и всякій разъ услужливая заграничная пресса спѣшила оповѣстить міръ, что графъ силенъ и вліятеленъ, какъ никогда. Теперь, повидимому, изъ-за границы,—изъ тѣхъ же биржевыхъ сферъ, которыя

*) „Рѣчь“, № 23, 17 марта.

прежде считали себя заинтересованными въ сохраненіи власти за нашимъ премьеромъ, идетъ обратный лозунгъ: кредитъ графа Витте не пережилъ кредита Россіи,—и чтобы возстановить второй, надо окончательно ликвидировать первый.

«Какъ мало прожито, какъ много пережито»,—могъ бы меланхолически замѣтить графъ, окидывая взглядомъ короткую карьеру своего «конституціоннаго» министерства! Не прошло пяти мѣсяцевъ съ тѣхъ поръ, какъ портсмутскій герой, прославленный прессой вернулся побѣдителемъ въ сѣверную столицу. Все ему улыбалось старые финансовые грѣхи были забыты; средняя публика смотрѣла на него, какъ на спасителя отечества; даже его враги въ придворныхъ сферахъ и въ высшемъ чиновничествѣ на время замолкли,—и премьерство, какъ зрѣлый плодъ, само свалилось къ его ногамъ, свалилось даже вопреки желаніямъ и волѣ князей міра сего. Сергѣй Юльевичъ былъ человѣкомъ судьбы; Сергѣя Юльевича надо было взять, его надо было пустить впередъ, потому что одинъ Сергѣй Юльевичъ зналъ секретъ и владѣлъ ключемъ положенія. Недаромъ «Московскія Вѣдомости» ежедневно обличали его въ подозрительной близости къ «крамолѣ» и изображали чуть не вождемъ всероссійскаго заговора противъ самодержавія. Тяжело было измѣнника дѣлать первымъ министромъ, но выбора не было: онъ одинъ зналъ заговоръ противъ крамолы, «зналъ, какъ спасти Россію». И графъ Витте использовалъ свое положеніе. Не онъ просилъ—его просили; Онъ могъ диктовать свои условія. Съ нимъ поторговались, но—дѣлать нечего—его условія были приняты.

Положеніе было единственное въ своемъ родѣ. И если бы графъ Витте въ самомъ дѣлѣ зналъ въ тотъ моментъ, что нужно, чтобы «спасти Россію»,—кто знаетъ, можетъ быть, теперь мы бы уже благополучно перевалили черезъ критическій моментъ великаго историческаго перелома, и имя графа Витте стояло бы въ ряду такихъ именъ, какъ Кавуръ, Бисмаркъ, Гамбетта.

Увы, графъ Витте не зналъ, что нужно дѣлать, и совершенно не понялъ политическаго положенія. Онъ пустилъ въ ходъ свой «секретъ». Но секретъ этотъ оказался вышедшимъ изъ моды и совершенно потерявшимъ свою кабалистическую силу. Графъ Витте разсчитывалъ на свои старыя испытанныя средства, которыя нѣкогда ему удавались.

Онъ разсчитывалъ на свое знаніе людей и совершенно не понималъ историческихъ силъ, которыя стояли за этими людьми. Онъ думалъ, что ему удастся безъ труда приручить русскую оппозицію,

какъ въ старое доброе время онъ приручалъ профессоровъ и журналистовъ. Его средства могли казаться новыми и болѣе дѣйствительными, чѣмъ средства его предшественниковъ: они были менѣе сентиментальны и болѣе реалистичны, чѣмъ голое «довѣріе» кн. Святополкъ-Мирскаго, и не такъ брутальны, какъ голое запугиваніе другого великаго читателя въ сердцахъ,—фонъ-Плеве. Но эти средства оказались столь же безсильны замѣнить истинное государственное искусство.

Графъ Витте ошибся въ расчетѣ. Ему обѣщали меньше, чѣмъ было нужно, а онъ обѣщалъ больше, чѣмъ могъ исполнить. Онъ продешевилъ, диктуя свои условія; и русская оппозиція не захотѣла раздѣлить съ нимъ плачевныхъ результатовъ его ошибки въ расчетѣ. На этомъ вся комбинація рухнула. Русское освободительное движеніе пошло своимъ путемъ, мимо того русла, въ которое его хотѣлъ уложить графъ Витте. И онъ остался одинъ,—отставши отъ одного берега и не приставъ къ другому. Вмѣстѣ съ тѣмъ, исчезъ и источникъ его силы, и въ его кулакѣ, вмѣсто секрета, какъ спасти Россію, оказалась — пустышка. Вчерашній магъ и волшебникъ сегодня не сумѣлъ сладить съ вызванными имъ духами; можно было предвидѣть, что завтра и тѣмъ, кто расчитывалъ на его заклинанія, онъ станетъ не нуженъ.

Маленькая ошибка расчета. Въ Портсмутѣ гр. Витте оказался болѣе искуснымъ дипломатомъ, чѣмъ въ Петергофѣ и Петербургѣ. Онъ заблудился между Версалемъ и Парижемъ нашей современной исторіи.

Мы ничуть не хотимъ этимъ сравненіемъ умалить дипломатическихъ талантовъ нашего премьера. Все дѣло въ томъ, что во время у него не хватило необходимыхъ знаній. Теперь, можетъ быть, онъ эти знанія имѣетъ, но теперь уже поздно начинать сызнова: время неизгладимыми штрихами врѣзало въ исторію повѣсть послѣднихъ пяти мѣсяцевъ, и къ пропущеному моменту нѣтъ возврата. Тогда, въ октябрѣ и ноябрѣ, имя гр. Витте могло бы быть окружено другими именами. Теперь оно останется въ памяти исторіи въ сопровожденіи именъ Чухнина и Дубасова, Дурново и полк. Римана et tutti quanti.

Если въ оплошности гр. Витте есть что-либо непонятное и непзвинительное, то это—не дипломатическія ошибки, даже не незнакомство съ матеріаломъ, на которомъ премьеръ строилъ свои дипломатическія комбинаціи. Это—поразительная забывчивость, которую обнаружилъ графъ Витте и неумѣнье читать въ событіяхъ, свидѣ-

телемъ и участникомъ которыхъ онъ только-что былъ самъ. При небольшой внимательности къ причинамъ крушенія эры кн. Святополкъ-Мирскаго, гр. Витте могъ бы избѣжать своего собственнаго крушенія. Отъ октября 1905 до марта 1906 г., въ сущности, повторилась въ болѣе крупныхъ размѣрахъ та же исторія, которая разыгралась съ ноября 1904 до января 1905.

Разница въ размѣрахъ между этими двумя циклами русскаго освободительнаго движенія, само собой разумѣется, была страшно велика. Но теченіе событій, смѣна общественныхъ настроеній внутри каждаго цикла—болѣе или менѣе одинаковы. Начало эры кн. Святополка-Мирскаго было также многообѣщающе, какъ и начало премьерства гр. Витте. Оба министра были сильны надеждами, которыя возлагались на нихъ не сверху, а снизу. И сверху съ ними считались именно потому и до тѣхъ поръ, пока они могли опираться на тѣ надежды и ожиданія, которыя возбудили въ широкихъ кругахъ общества. Къ несчастью, оба не поняли источника своей силы. Можетъ быть, они не знали даже, гдѣ находится этотъ источникъ; во всякомъ случаѣ, они не умѣли оцѣнить силу той поддержки, которую оба могли получить изъ этого источника. Въ этомъ невѣдѣніи и непониманіи заключалась наивность одного и дипломатическая ошибка другого.

И если оба министра, все-таки, имѣли свою минуту успѣха, то минута эта продолжалась ровно столько времени, сколько продолжалось недоразумѣніе между ними и общественнымъ мнѣніемъ, повѣрившимъ въ ихъ обѣщанія. Ноябрьскій земскій съѣздъ 1904 г. былъ зенитомъ популярности кн. Святополкъ-Мирскаго. Манифестъ 17 октября былъ верхомъ торжества гр. Витте. Съ этой высоты начинается короткій путь обоихъ—отъ Капитолія къ Тарпейской скалѣ. Путь этотъ былъ пройденъ, какъ только общество окончательно почувствовало себя обманутымъ въ своихъ ожиданіяхъ.

Общество ждало немногаго—и исполнимаго; оно ждало самаго важнаго и неотложнаго, безъ чего дальше жить и мирно работать казалось невозможнымъ. Въ первый разъ оно ждало народнаго представительства и конституціи, во второй—конституціи и всеобщаго, прямого избирательнаго права. Ему отвѣтили въ первый разъ—указомъ 12 декабря, во второй—указомъ 11 декабря и закономъ 20 февраля.

Друзья кн. Святополкъ-Мирскаго говорили ему послѣ 12 декабря 1904 г., что ему надо уйти для сохраненія, если не своей кратковременной популярности, то, по крайней мѣрѣ, своего неза-

пятнаннаго имени; графа Витте громко и настойчиво просило уйти русское общественное мнѣніе, если онъ не можетъ осуществить задачъ текущаго момента.

Но оба министра пропустили минуту для добровольной отставки, которая еще могла бы примирить съ ними общественное мнѣніе. Оба, такъ сказать, пережили самихъ себя. Прежде—одни ихъ боялись, другіе на нихъ надѣялись. Послѣ того—и страхъ, и надежда исчезли, или — лучше сказать — были перенесены на другіе объекты. Надѣяться общество стало только на самого себя,—и верхъ взяли въ обществѣ болѣе оппозиціонные элементы. Отвѣтомъ были попытки—внушить обществу спасительный страхъ. Потерявшіе моральную силу представители политики «довѣрія» принуждены были уступить мѣсто представителямъ физической силы, а сами отошли на задній планъ и стыдливо умыли руки. Треповъ заслонилъ Святополка; Дурново заслонилъ Витте. Началась расправа безъ перчатокъ, съ засученными рукавами.

Какой же результатъ? Кто побѣжденъ? Кто побѣдители? Побѣдителями будутъ не тѣ, на чьей сторонѣ сила, а тѣ, на чьей сторонѣ право. И побѣждены будутъ не одни непосредственные исполнители, а также и попустители, и вдохновители, лицемѣрно умывшіе руки. Вотъ почему, когда гр. Витте при общемъ равнодушіи уходитъ, и уходъ его даже не обѣщаетъ быть замѣтнымъ событіемъ, — мы знаемъ, что это значитъ. Эти люди сами надъ самой поставили крестъ. Генію исторіи они больше не нужны.

V. Избирательная кампанія.

43. Отношеніе крестьянъ и рабочихъ къ выборамъ *).

Выборная кампанія началась, и ея первая стадія, выборъ уполномоченныхъ изъ крестьянъ и рабочихъ, скоро будетъ закончена. Свѣдѣнія отъ газетъ о результатахъ этихъ первыхъ выборовъ еще недостаточно полны и ясны, но кое какія наблюденія можно сдѣлать и по этимъ неполнымъ даннымъ. На волостныхъ сходахъ, болѣе чѣмъ гдѣ либо, выборы должны были быть «слѣпыми»: до этой глубины еще не успѣла дойти агитація нашихъ политическихъ партій, а встрѣчная агитація снизу, въ средѣ самихъ крестьянскихъ

*) „Рѣчь“ № 8, 2 марта.

массъ, или имѣетъ слишкомъ безформенный, стихійный характеръ, или—поскольку рѣчь идетъ объ агитаціи крайнихъ партій—представляется одиночными каплями въ крестьянскомъ морѣ. Этимъ объясняется, почему во многихъ мѣстахъ крестьянскіе сходы отбыли выборы, какъ простую формальность, и легко подчинились мѣстнымъ административнымъ давленіямъ. Повсюду въ этихъ мѣстахъ выборы прошли «благополучно» съ точки зрѣнія властей, и въ уполномоченные попали прежнія выборныя крестьянскія власти—старшины, старосты, вліятельные и зажиточные крестьяне. Но рядомъ съ этимъ уже теперь имѣются свѣдѣнія о болѣе сознательныхъ крестьянскихъ выборахъ, въ результатѣ которыхъ прошли лица, заявившія себя ранѣе энергичной защитой крестьянской бѣдноты отъ мѣстныхъ властей и хозяйственныхъ мужиковъ. Ни о какой «платформѣ» или «программѣ» на этихъ крестьянскихъ выборахъ говорить, конечно, не приходится. И тѣмъ не менѣе, безъ всякаго предварительнаго уговора, безъ съѣздовъ и преній, крестьянская программа сложилась сама собой, и она настолько жизненна, что защитниками ея на дальнѣйшихъ ступеняхъ выборовъ необходимо окажутся и подлинные крестьянскіе «радѣтели» и ходоки, и ставленники мѣстной власти. Какова будетъ эта программа? Нѣкоторыя указанія на это могутъ дать программы тѣхъ крестьянскихъ «партій», которыя примыкаютъ къ нашимъ правымъ организаціямъ и перекочевываютъ отъ правового порядка къ его «лѣвому крылу», конституціоналистамъ-монархистамъ, или къ союзу 17 октября. Какъ-то всегда при этомъ оказывается, что аграрная программа, скомканная и состоящая изъ умолчаній и увертокъ въ основныхъ программахъ и воззваніяхъ этихъ партій, сразу развертывается и болѣе или менѣе сближается съ программой конституціонно-демократической партіи. Послѣдній экспериментъ въ этомъ родѣ представленъ съѣздомъ крестьянъ въ Москвѣ, устроеннымъ правыми партіями. Какъ ни старался проф. Кулешовъ доказать мужичкамъ на этомъ съѣздѣ, въ духѣ партійной программы, что при дѣлежѣ земель крестьянамъ достанется только полъ десятины на душу, и что суть дѣла не въ дополнительномъ надѣлѣ, а въ повышеніи урожайности крестьянскихъ земель—,убѣдить своихъ слушателей онъ не могъ. «Мы и сами знаемъ пользу навоза», — слышалось въ отвѣтъ,—«да гдѣ его взять» Теперь дѣло не въ навозѣ, а въ землѣ,—хоть три четверти десятины, и то будетъ облегченіе... Ѣсть намъ нечего... А что касаемо, будто земель мало, такъ это—неправда!..» «Намъ бы землицы купить, да по сходной цѣнѣ»,—заявлялъ другой делегатъ на томъ же съѣздѣ. «Дайте намъ матушку-

кормилицу—землю. Мы не хотимъ ни убійствъ этихъ, ни разныхъ насилій, мы хотимъ, чтобы узелъ развязанъ былъ».

Вотъ—крестьянская программа, которой не разрушатъ и не затушуютъ никакіе министерскіе циркуляры и никакіе компромиссы съ какими угодно партіями. Въ думѣ крестьянская группа будетъ, безъ сомнѣнія, болѣе сплоченной, болѣе однородной по настроенію и задачамъ, чѣмъ какая либо другая группа. И она пойдетъ съ тѣми, чья программа включитъ крестьянскія требованія безъ экивоковъ и умолчаній, хотя бы и безъ возбужденія «несбыточныхъ надеждъ на даровыя надѣленія частновладѣльческими землями», выражаясь словами министерскаго циркуляра.

Что касается выборовъ отъ рабочихъ, здѣсь интересъ первыхъ опытовъ заключается въ провѣркѣ, насколько сильна въ жизни партія бойкотистовъ. Конечно, если въ какомъ либо общественномъ слоѣ былъ серьезный шансъ организовать бойкотъ выборовъ, то это именно среди рабочихъ. Случаи воздержанія отъ выборовъ уже и встрѣчались, но эти случаи оказались рѣже, чѣмъ можно было ожидать отъ среды, находившейся подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ агитаціи бойкотистовъ. «Наша Жизнь» надѣется, что бойкотисты извлекутъ изъ этихъ опытовъ жизни полезный урокъ, и старается убѣдить ихъ, что «нельзя жить мертвыми догматами, закрывая глаза на факты». Мы присоединяемся къ убѣжденіямъ «Нашей Жизни» и хотѣли бы надѣяться, что ея призывъ будетъ во-время услышанъ и понятъ...

44. Проба организованности политическихъ партій *).

На очереди въ избирательной кампаніи стоятъ теперь выборы выборщиковъ, и различныя общественныя группы дѣлаютъ послѣднія усилія, чтобы воспользоваться нѣсколькими днями, остающимися до начала выборовъ. Для многихъ теперь только впервые становится яснымъ, какое огромное значеніе для успѣха на выборахъ имѣетъ организація, хотя еще далеко не всѣ сознали необходимость, чтобы выборная организація была партійной, т. е. исходила отъ опредѣленныхъ политическихъ партій, объединившихся на опредѣленной программѣ. Наши политическія партіи—созданіе вчерашняго дня; ихъ сила и организованность прямо

*) „Рѣчь.“ № 9, 3 марта,

пропорціональны степени энергіи, обнаруженной ихъ организаторами въ борьбѣ за созданіе той политической обстановки, которая дѣлаетъ возможной существованіе и жизнь большой политической партіи. Такъ какъ до сихъ поръ эта обстановка остается весьма неблагопріятной, то и большихъ политическихъ партій у насъ очень немного. Программы и центральные комитеты партій, правда, у насъ уже считаются дюжинами; но недостаточно собрать кружокъ друзей и единомышленниковъ, составить и напечатать «программу», хотя бы самую длинную и обстоятельную, чтобы создать новую политическую партію. Въ лучшемъ случаѣ такая партія будетъ выражать извѣстный, болѣе или менѣе опредѣленный, оттѣнокъ общественнаго настроенія; въ другихъ случаяхъ, «партія» останется кабинетнымъ измышленіемъ.

Выборы выборщиковъ являются первымъ пробнымъ камнемъ для провѣрки правъ на существованіе той или другой изъ новообразованныхъ политическихъ партій. Въ недавно происходившемъ засѣданіи партіи «правового порядка» однимъ изъ руководителей партіи въ Петербургѣ было сообщено, что у партіи много членовъ и много денегъ, но организаторы пока считаютъ нужнымъ не опубликовывать точныхъ цифръ. Вѣроятно, они имѣли хорошія основанія хранить партійную тайну; по крайней мѣрѣ, въ томъ же засѣданіи стало извѣстно, что въ кассѣ партіи имѣется всегда 5 рублей съ копейками, и призывъ къ благотворительности присутствовавшихъ членовъ могъ повысить эту цифру только до 63 руб. съ чѣмъ-то. Естественно, что для такой партіи явиться на выборы—значитъ обнаружить свой профессіональный секретъ, и совершенно натуральнымъ является, что наиболѣе предпріимчивые члены партіи, какъ г. фонъ-Эгертъ, тщетно испробовавъ попытку образовать «блокъ», рѣшаются передъ выборами на отчаянное средство. Они выходятъ изъ партіи, образуютъ «комитетъ внѣпартійныхъ выборовъ» и обращаются къ избирателямъ, которые еще не выбрали себѣ никакой партіи, съ заманчивымъ приглашеніемъ. Каждый житель Петербурга приглашается, отбросивъ «неумѣстную скромность», заявить «внѣпартійному комитету» о своемъ желаніи попасть въ выборщики и въ члены государственной думы. Приглашаются «только тѣ», кто готовъ пожертвовать собой вплоть до избранія въ думу; безъ этой патріотической готовности «ставить свою кандидатуру ьъ выборщики—совершенно безполезно». Мимоходомъ, «внѣпартійные» избиратели приглашаются поддерживать довольно таки партійную программу, по обычаю начинаю-

щуюся «единствомъ и недѣлимостью Россіи», и ихъ предупреждаютъ, что они должны будутъ подвергнуться операціи дальнѣйшаго «избранія»,—но при этомъ «никакого произвола и пристрастія со стороны комитета допущено не будетъ».

Приблизительно къ такой же «мысли»—и, очевидно, по той же основной причинѣ—«пришли на совмѣстномъ своемъ засѣданіи 27 февраля» комитеты двухъ другихъ партій, гораздо болѣе симпатичныхъ, чѣмъ предыдущая, но, въ сущности, тоже существующихъ на бумагѣ: партіи «свободомыслящихъ» и «демократическихъ реформъ». Эти партіи тоже затруднились (хотя первая не по своей винѣ) составить списокъ своихъ выборщиковъ какимъ либо инымъ путемъ, кромѣ уже указаннаго г. фонъ-Эгертомъ. Во вчерашнемъ номерѣ «Руси» комитетъ «свободомыслящихъ» обращается къ членамъ и къ сочувствующимъ съ предложеніемъ «сообщить, въ возможно непродолжительномъ времени, о своемъ желаніи и согласіи на внесеніе ихъ именъ въ приготовляемый комитетомъ списокъ кандидатовъ въ выборщики».

Героическое средство, къ которому по необходимости принуждены прибѣгнуть упомянутыя партіи, должно было бы само по себѣ показать то, что активное участіе въ выборахъ для нихъ является непосильной задачей. Партіи болѣе серьезныя давно уже поняли это и нашли иной, болѣе практическій исходъ. Они рѣшили войти въ соглашеніе съ единственной оппозиціонной партіей, имѣющей въ своемъ распоряженіи уже въ настоящій моментъ достаточно сильную и развѣтвленную организацію, чтобы явиться на выборы съ значительными шансами на успѣхъ.

Партія «радикальная» и родственныя ей по взглядамъ группы не имѣютъ своей организаціи сколько-нибудь значительной; но они имѣютъ за собой сочувствіе гораздо болѣе значительной части населенія, чѣмъ та, на которую могутъ расчитывать двѣ вышепоименованныя группы. И внѣпартійныя группы этихъ оттѣнковъ, уже соединившіяся съ членами к.-д. партіи въ одномъ изъ районныхъ комитетовъ (Московскомъ), въ этомъ районѣ получили извѣстное число выборщиковъ въ к.-д. спискѣ. Еще практичнѣе поступили польская и еврейская группы петербургскаго населенія, представляющія извѣстные реальные интересы. Вмѣсто того, чтобы торговаться о числѣ выборщиковъ въ общемъ спискѣ, эти группы занялись организаціей своихъ голосовъ—и не въ одномъ районѣ, а во всемъ Петербургѣ—и на почвѣ точно сосчитаннаго числа своихъ сторонниковъ вступили въ формальное соглашеніе съ партіей к.-д.

При этомъ, польская группа согласилась не ставить своихъ кандидатовъ въ думу и даже, въ случаѣ надобности, обнаружила готовность отказаться и отъ проведенія своихъ собственныхъ выборщиковъ. Къ сожалѣнію, такая степень политической обдуманности и серьезности доступна не всѣмъ политическимъ группамъ, ищущимъ соглашенія съ партіей к. д. И прежде всего, мы должны отмѣтить неясность, которая продолжаетъ господствовать въ умахъ по отношенію къ самому институту выборщиковъ.

Вездѣ въ странахъ съ политическимъ опытомъ, при двухстепенной системѣ выборовъ, коллегія выборщиковъ считается лишь передаточнымъ механизмомъ, задача котораго умѣло и вѣрно совершить то дѣло, для котораго она избрана, т. е. провести заранѣе намѣченныхъ партіей или партіями кандидатовъ въ думу. Помимо такого, чисто служебнаго назначенія, коллегія выборщиковъ, конечно, имѣетъ и болѣе важныя задачи, такъ какъ, по существующему закону, эта коллегія продолжаетъ существовать и, при случаѣ, функціонировать всѣ пять лѣтъ, отъ однихъ общихъ выборовъ до другихъ. Но это не должно затемнять главной задачи коллегіи. У насъ же нѣкоторыя группы, проводящія своихъ выборщиковъ въ эту коллегію, часто не хотятъ отказаться отъ мысли о возможности провести впослѣдствіи своихъ выборщиковъ и въ самую думу. Мы видѣли, что у г. фонъ-Эгерта эта мысль даже принимаетъ такую рельефность, которая напомнаетъ пословицу: «плохой тотъ солдатъ, который не хочетъ быть генераломъ».

При отсутствіи предварительной организаціи, обѣщаніе «генеральскаго чина», дѣйствительно, является единственной сильной приманкой, способной завлечь избирателя въ избирательное бюро. Но для того и существуютъ партіи, чтабы подготовлять болѣе планомѣрное веденіе избирательной кампаніи, а это невозможно безъ точнаго опредѣленія роли каждаго въ предстоящихъ совмѣстныхъ дѣйствіяхъ. Вотъ почему избиратель долженъ помнить, что онъ голосуетъ за выборщиковъ совсѣмъ съ другими цѣлями, чѣмъ онъ голосовалъ бы при системѣ прямыхъ выборовъ за кандидатовъ въ думу. Голосуя за выборщиковъ, избиратель долженъ руководиться только однимъ соображеніемъ—о необходимости имѣть въ коллегіи такихъ людей, которые навѣрное подали бы голосъ за намѣченнаго партіей и одобреннаго избирателемъ кандидата въ думу. Чтобы этой цѣли достигнуть, избиратель долженъ обязательно вотировать за весь списокъ выборщиковъ, выставленный партіей, которая проводитъ желательнаго ей кандидата. Всякая личная

оцѣнка и взвѣшиваніе качествъ и недостатковъ выборщиковъ—въ этой первой стадіи выборовъ—были бы страшной ошибкой, такъ какъ разрознили бы голоса. Вотъ почему, при полной свободѣ участія въ составленіи списка выборщиковъ въ районныхъ комитетахъ, членъ партіи и сочувствующій ей долженъ въ общихъ интересахъ, послѣ составленія списка, слѣдовать этому списку всецѣло. Повторяемъ, поскольку это касается списка выборщиковъ, дѣло не въ именахъ, всѣми уважаемыхъ и всѣмъ извѣстныхъ, а въ готовности выборщика подать голосъ за кандидата партіи,—готовности, выраженной заранѣе и извѣстной органамъ партійной организаціи.

Руководясь этимъ непзбѣжными при выборахъ правилами, петербургскій избиратель дастъ доказательство своей политической зрѣлости.

45. Ненормальныя условія избирательной кампаніи*).

Ненормальныя условія, при которыхъ протекаютъ первые русскіе политическіе выборы, съ каждымъ днемъ обрисовываются все яснѣе, по мѣрѣ того какъ развертывается картина выборовъ. Вчерашніе выборы на петербургскихъ заводахъ и фабрикахъ прошли крайне неудачно,—и нельзя сказать притомъ, что это было слѣдствіемъ одного только сознательнаго рѣшенія рабочихъ—не принимать участія въ выборахъ. Нѣкоторые заводы (Тильманса, сестрорѣцкій, механическій, вагоностроительный, Глѣбова, фарфоровый, Корнилова, судостроительный, Крейтона и др.), правда, принципіально отказались отъ участія въ выборахъ, а на заводѣ Атласъ даже вывѣшены были флаги съ надписями: «да здравствуетъ учредительное собраніе» и «долой государственную думу». Едва-ли мы, однако, ошибемся, если скажемъ, что, рядомъ съ принципіальнымъ отрицаніемъ думы, очень большую роль въ этомъ воздержаніи сыгралъ и страхъ, внушенный той обстановкой, при которой приходилось производить выборы. Съ самаго утра пригородные участки были наводнены казачьими и жандармскими разъѣздами; у зданій, гдѣ производились выборы, стояли усиленные наряды городовыхъ, вооруженныхъ ружьями. На Семянниковскомъ заводѣ немногіе явившіеся рабочіе были терроризованы черной сотней. Не-

*) „Рѣчь“, № 12, 6 марта.

мудрено, что тамъ, гдѣ выборы состоялись, они были произведены очень ничтожнымъ количествомъ избирателей. Итоги для пока подводить рано, но очевидно, что результатъ выборовъ отъ столичныхъ рабочихъ долженъ быть признанъ совершенно случайнымъ, и выборы должны бы были быть повторены при болѣе нормальныхъ условіяхъ.

Послѣ крестьянъ и рабочихъ, группа мелкихъ землевладѣльцевъ является наиболѣе демократической, и въ то же время политическое настроеніе этой группы оставалось до самыхъ выборовъ наименѣе извѣстнымъ. Естественно, что первыя свѣдѣнія, которыя начинаютъ приходить отовсюду объ исходѣ выборовъ уполномоченныхъ на предварительныхъ съѣздахъ мелкихъ землевладѣльцевъ, вызываютъ особый интересъ. Первое, что приходится констатировать, это то, что краткость срока для предвыборной кампаніи и напуганность провинціи особенно сказались на всемъ характерѣ этихъ выборовъ. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ о политической подготовкѣ мелкихъ землевладѣльцевъ къ выборамъ не успѣлъ позаботиться никто; поэтому и степень интереса къ выборамъ, обнаруженная этими избирателями, оказалась очень ничтожна. Въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, гдѣ находились люди, заинтересованные въ распропагандированіи данной группы избирателей, успѣхъ получался довольно легко, тѣмъ болѣе что чаще всего пропагандистамъ одной партіи вовсе не приходилось сталкиваться съ конкуренціей другой. Прямая избирательная борьба между двумя или нѣсколькими партіями являлась исключеніемъ. Настроеніе съѣздовъ, политически неподготовленныхъ, оказалось довольно неопредѣленнымъ. Съѣхавшіеся избиратели, не зная другъ друга и не имѣя никакихъ указаній, какъ голосовать, очевидно, совершенно терялись. Въ концѣ концовъ, они, однако, подавали свои голоса не совсѣмъ случайно. Очень скоро они рѣшали, за кого голосовать не слѣдуетъ. Рѣзкой чертой проходитъ недовѣріе къ дворянской интеллигенціи, жертвой котораго сдѣлалось немало прогрессивныхъ кандидатовъ. Нѣкоторые изъ нихъ извѣстны всей странѣ, но въ своемъ избирательномъ участкѣ оказались недостаточно популярными. Выборъ падалъ предпочтительно на мѣстныхъ людей: крестьянъ, мѣщанъ и—особенно часто—на священниковъ. Послѣдніе явились на всѣ избирательные съѣзды въ такомъ большомъ количествѣ, что трудно даже объяснить этотъ полный комплектъ простой случайностью. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ фактъ прямо объясняется инструкціями высшихъ духовныхъ властей. Съѣхавшіеся избиратели выбирали священниковъ, слѣдуя линіи наименьшаго сопротивленія,—

какъ людей болѣе извѣстныхъ всѣмъ и къ тому же нейтральныхъ по отношенію къ борющимся между собой мѣстнымъ теченіямъ. Въ общемъ, такой исходъ какъ нельзя лучше подтверждаетъ тѣ возраженія, которыя дѣлались противъ многостепенной системы выборовъ. Какое настроеніе возобладаетъ среди попавшихъ такимъ образомъ въ уполномоченные обывателей, когда они съѣдутся для избранія выборщиковъ, предсказать довольно трудно. Ясно только, что дворянскіе кандидаты такихъ партій, какъ 17-го октября, имѣютъ очень мало шансовъ пройти въ такой коллегіи, и крупное землевладѣніе скоро сдѣлается принципіальнымъ врагомъ дѣйствующаго избирательнаго права. Торгово-промышленная партія сумѣетъ извлечь болѣе выгодъ и въ большемъ количествѣ сплотитъ уполномоченныхъ кругомъ своихъ кандидатовъ.

Если конституціонно-демократической партіи удастся опровергнуть въ глазахъ мало подготовленныхъ членовъ съѣзда тѣ клеветы, которыя такъ усердно распространяются и легко находятъ вѣру у незатронутаго политикой обывателя,—если падетъ эта завѣса, скрывающая отъ демократическихъ избирателей ярко демократическій характеръ нашей программы, то мы можемъ тоже расчитывать найти среди преобладающей массы «дикихъ»—сторонниковъ нашихъ кандидатовъ. Всѣ усилія должны быть употреблены теперь, чтобы для небольшой коллегіи сдѣлать то, чего не удалось сдѣлать, по краткости времени, для всего слоя избирателей отъ мелкаго землевладѣнія.

Испугъ, навѣянный правительственными преслѣдованіями въ провинціи, несомнѣнно, сказался, прежде всего, въ уклоненіи мелкихъ землевладѣльцевъ отъ участія въ выборахъ. Мы считали бы нормальнымъ для первыхъ выборовъ, если бы на нихъ явилось всего около трети всѣхъ избирателей. Но въ дѣйствительности даже это количество являлось лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Чаще всего на съѣзды пріѣзжали только до 10%; иногда эта цифра спускалась даже до 1—5% всѣхъ избирателей, записанныхъ въ списокъ.

Такимъ образомъ, благодаря краткости срока и спѣшности выборовъ, благодаря слабости партійной пропаганды, еще не успѣвшей спуститься до низовъ провинціальнаго общества, благодаря, наконецъ, правительственнымъ преслѣдованіямъ, избиратели изъ слоя мелкихъ землевладѣльцевъ остались, въ сущности, вовсе неиспользованными и не внесли въ избирательную кампанію въ надлежащей мѣрѣ той демократической струи, которая введена въ наше избирательное право закономъ 11-го декабря.

46. Духовенство предъ выборами. *).

Въ текущей избирательной кампаніи обращаетъ на себя вниманіе одна чрезвычайно характерная—и едва ли кѣмъ-нибудь предусмотрѣнная—черта. Мы говоримъ о томъ необычайно значительномъ количествѣ священниковъ, которые проходятъ въ выборщики отъ крестьянъ и отъ мелкихъ землевладѣльцевъ, т. е. отъ наиболѣе демократическихъ слоевъ избирателей. Особенность эта, какъ мы уже замѣчали, въ значительной степени вынужденная,—результатъ той искусственной обстановки, среди которой производятся выборы. Часто выбираютъ священниковъ, потому что не успѣли сговориться ни на комъ другомъ и потому что изъ незначительнаго числа случайно съѣхавшихся избирателей священники оказываются наиболѣе популярными людьми. Какъ бы то ни было, фактъ на-лицо, и для общественнаго дѣятеля необходимо учесть его политическое значеніе. Представляетъ ли элементъ священниковъ—плюсъ или минусъ, съ точки зрѣнія общаго освободительнаго движенія? Чьи интересы будутъ представлять и съ кѣмъ пойдутъ вмѣстѣ священники въ высшихъ избирательныхъ коллегіяхъ и въ самой думѣ? Съ перваго взгляда ясно только одно, что священники самими избирателями никоимъ образомъ не считаются враждебными интересамъ тѣхъ демократическихъ слоевъ, которые ихъ выбираютъ наряду съ крестьянами, предпочтительно передъ лицами другихъ сословій. Но каково политическое настроеніе бѣлаго духовенства? Представляютъ ли они сѣрый, нейтральный цвѣтъ средняго обывателя, далекаго отъ политическаго движенія? Или же ихъ политическая окраска темнѣе, или, наоборотъ, свѣтлѣе средняго тона? И если, какъ это можно съ вѣроятностью предположить, значительная часть избранныхъ священниковъ относится къ категоріи «дикихъ», то какъ они могутъ опредѣлиться въ будущемъ?

Въ № 17 «Рѣчи» былъ напечатанъ замѣчательный документъ, который бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на поставленные вопросы. Мы говоримъ о «Запискѣ союза ревнителей церковнаго обновленія», принадлежащей извѣстной «группѣ петербургскихъ священниковъ». Записка трактуетъ «объ отношеніи церкви и священства къ современной обще-

---

*) „Рѣчь“. № 17, 11 марта.

ственно-политической жизни» и, въ связи съ вышеуказанными фактами выборовъ, а также съ засѣдающей въ настоящее время въ Петербургѣ комиссіей для подготовки церковнаго собора, представляетъ глубокій общественный интересъ. Самый вопросъ о соборѣ былъ поднятъ, какъ извѣстно, въ значительной степени благодаря этой самой группѣ священниковъ, которая существуетъ уже около года. Въ февралѣ 1905 г. члены этой группы вступили въ переговоры съ митрополитомъ и въ мартѣ представили ему записку «о неотложности возстановленія канонической свободы православной церкви въ Россіи». Впослѣдствіи изъ этой группы «тридцати двухъ», въ нѣсколько расширенномъ составѣ, и образовался «Союзъ церковнаго обновленія»—названіе, которое группа носитъ неофиціально. Помимо теоретической разработки церковныхъ вопросовъ, союзъ ставитъ себѣ также практическія цѣли, и важнѣйшей изъ послѣднихъ онъ считаетъ «содѣйствіе возникновенію, по крайней мѣрѣ, въ каждомъ городѣ церковныхъ кружковъ или союзовъ изъ духовныхъ и мірянъ». Кружки эти «должны возбуждать и поддерживать среди мірянъ и самого духовенства неослабный интересъ къ насущнымъ церковнымъ вопросамъ, должны заводить связи съ сельскими приходами, содѣйствуя учрежденію подобныхъ же сельскихъ кружковъ. Дѣятельность кружковъ должна быть гласною и открытою».

Огромная важность подобнаго начинанія будетъ ясна для каждаго, кто ознакомится съ напечатанной запиской. Сущность ея заключается въ присоединеніи «союза церковнаго обновленія» ко всѣмъ существеннымъ задачамъ общаго политическаго и общественнаго обновленія, преслѣдуемымъ современнымъ освободительнымъ движеніемъ. Правда, члены союза—на нашъ взглядъ совершенно основательно—не хотятъ «связывать себя съ опредѣленной политической партіей и ея программой настолько, чтобы вступать въ ряды ея борцовъ, подчиненныхъ опредѣленной партійной дисциплинѣ». Но, принимая въ расчетъ принципы союза, легко сказать, къ какого рода партіямъ союзъ долженъ чувствовать себя особенно близкимъ. Первымъ въ ряду этихъ принциповъ является принципъ «человѣческой личности», въ которой союзъ чтитъ «храмъ Духа Святого» и во имя которой онъ требуетъ полнаго осуществленія началъ гражданской свободы и безусловнаго проведенія въ жизнь того начала христіанской—и кантовской—морали, въ силу котораго человѣкъ долженъ быть цѣлью, а не средствомъ. Союзъ не относится безразлично и къ «формамъ государственнаго правленія», считая «болѣе совершенной» ту изъ нихъ, при которой «христіанскія чувства

братства и любви», чувство солидарности можетъ быть скорѣе воспитано. Наконецъ, группа священниковъ занимаетъ весьма опредѣленное положеніе въ «великой соціальной борьбѣ» текущаго момента, объявляя себя на сторонѣ тѣхъ партій, которыя «выставляютъ на своемъ знамени защиту интересовъ рабочаго класса».

Но записка союза не есть только сухой перечень параграфовъ партійной программы. Она, прежде всего, есть одушевленный призывъ, горячее обращеніе ко всѣмъ членамъ сословія, въ комъ есть живая душа, кто способенъ стряхнуть съ себя рутину вѣковъ и отозваться на великія задачи современности. Союзъ не закрываетъ глазъ на печальный фактъ, что прошлое мало подготовило наше духовенство къ тому, чтобы идти въ уровень съ вѣкомъ. Но онъ расчитываетъ расшевелить въ членахъ сословія голосъ совѣсти и чувство долга.

Отъ всей души желаемъ самаго широкаго успѣха симпатичному и важному начинанію и надѣемся, что въ основныхъ вопросахъ служенія родинѣ наши дороги не разойдутся съ «союзомъ церковнаго обновленія». Пока союзъ будетъ вѣренъ принципамъ, положеннымъ въ основаніе напечатанно записки, онъ встрѣтитъ въ насъ самыхъ усердныхъ сторонниковъ, и мы всегда будемъ рады оказать ему посильную поддержку.

47. Первые признаки успѣха. *).

Когда мы дали общую характеристику выборовъ въ думу по первымъ газетнымъ свѣдѣніямъ о нихъ, эта характеристика многимъ могла показаться черезчуръ оптимистичной. Мы такъ привыкли слышать и говорить, что «дума будетъ черносотенная», и даже тѣ изъ насъ, кто рѣшительно возстаетъ противъ тактики воздержанія отъ выборовъ, до такой степени сами находились подъ вліяніемъ психологіи, диктовавшей эту тактику, что мы всѣ мысленно приготовились къ самому худшему. Скрѣпя сердце, многіе изъ насъ готовились и организовались въ ожиданіи избирательной кампаніи, и нашимъ отчасти оправданіемъ, отчасти утѣшеніемъ служило то соображеніе, что, во всякомъ случаѣ, сама избирательная борьба, даже независимо отъ ея практическаго исхода, есть слишкомъ могущественное сред-

*) „Рѣчь“, № 21, 15 марта.

ство организаціи общественныхъ силъ, чтобы мы, считающіе организацію силъ главнымъ доступнымъ намъ средствомъ борьбы, могли добровольно отказаться отъ участія въ избирательной кампаніи. По мѣрѣ того, какъ телеграммы шире и шире развертываютъ передъ нами картину избирательной борьбы, становится ясно для самыхъ близорукихъ, какъ важно было организоваться и дѣйствовать—и какъ еще безконечно важнѣе и больше были бы результаты подготовительной работы, если бы на эту работу употреблено было время, безплодно потраченное въ пререканіяхъ.

Но вѣдь правительство подтасовывало, фальсифицировало выборы? Дѣйствительно, оно всѣми силами къ этому стремилось и приняло всѣ зависящія мѣры. Но также вѣрно и то, что всѣ эти мѣры не произвели того результата, на который были расчитаны. Конечно, если гдѣ нибудь, то среди крестьянской массы должно было особенно чувствоваться правительственное давленіе. Сюда направлялись циркуляры, вродѣ напечатаннаго нами и неопровергнутаго «Русскимъ Государствомъ»; здѣсь были мобилизованы всѣ мѣстныя власти. Каковы же получились послѣдствія? Мы позволимъ себѣ характеризовать ихъ нѣсколькими выдержками изъ полученныхъ нами крестьянскихъ писемъ. «Крестьяне во время вынужденнаго затишья и молчанія отъ полицейскихъ бесѣдъ, дѣйствительно, притихли и, какъ будто, замолчали, тревожно озираясь, какъ бы не попасть въ случай правительству, т. е. какъ бы не забрали, а потомъ къ этимъ случаямъ присмотрѣлись, осуждая всю неосновательность ихъ; подавляющее большинство смотритъ на это, не какъ на грѣхъ противъ стражниковъ, урядниковъ, приставовъ, исправниковъ, старшинъ, земскихъ начальниковъ—да, вообще, всѣхъ крыловскихъ вельможъ, которыхъ здѣсь не пересчитаешь; а поэтому отношенія крестьянъ уже вошли въ нормы 17 октября, о чемъ и заявляютъ, ничуть не стѣсняясь». Другой крестьянинъ пишетъ намъ: «Противниковъ новшествъ все менѣе. Массы порядочно ознакомились съ текущими событіями, и самыя противоположности во взглядахъ сходятся, благодаря уменьшенію невѣжества, чему способствуютъ рѣзкія проявленія дѣйствій начальства». Въ третьемъ письмѣ то же самое выражено въ менѣе корректныхъ выраженіяхъ. «Полиція вездѣ суетъ свой носъ. Но въ данномъ случаѣ она получила должный отпоръ». Читая рядъ подобныхъ сообщеній съ мѣста, мы начинаемъ понимать, какую отрицательную роль сыграли попытки правительственнаго давленія и почему, несмотря на присутствіе урядниковъ и стражниковъ, несмотря на ихъ опросы о «поведе-

ніи» кандидатовъ для офиціальнаго донесенія земскимъ начальникамъ, телеграммы отовсюду говорятъ о «прогрессивныхъ элементахъ», попавшихъ въ составъ крестьянскихъ выборщиковъ.

О благопріятныхъ результатахъ выборовъ въ другихъ съѣздахъ каждый день говорится въ спеціальныхъ обзорахъ нашей газеты. Большая часть видныхъ дѣятелей к.-д. партіи попали въ составъ выборщиковъ. Не останавливаясь на подробностяхъ, не можемъ не отмѣтить, что по мѣрѣ того, какъ растетъ успѣхъ прогрессивныхъ элементовъ на выборахъ, самый тонъ избирательной кампаніи замѣтно мѣняется. То безучастіе и неподготовительность рядовыхъ избирателей, о которыхъ приходилось говорить по поводу первыхъ извѣстій, съ каждымъ днемъ уступаютъ мѣсто все болѣе живому интересу. Средній процентъ участвующихъ на выборахъ, хотя все еще незначительный, становится, несомнѣнно, выше. Мы не сомнѣваемся, что если бы теперь выборы были повторены, въ большинствѣ мѣстностей, гдѣ было констатировано равнодушіе избирателей, отношеніе къ выборамъ было бы совершенно другое. И мы кончаемъ тѣмъ, съ чего начали: грустно думать, что въ той большой и важной подготовительной работѣ, которую нужно и должно было сдѣлать, мы были оставлены одни и что многія лучшія силы освободительнаго движенія остались въ сторонѣ отъ дѣла и только теперь начинаютъ сознавать свою ошибку.

48. Значеніе партійныхъ списковъ при двухстепенныхъ выборахъ *).

I.

15 марта въ засѣданіи городской думы должно происходить избраніе выборщиковъ по петербургскому уѣзду. Мы настоятельно просимъ всѣхъ избирателей помнить то элементарное правило, исполненіе котораго обязательно для успѣха дѣла и о которомъ мы не разъ говорили въ нашей газетѣ. Если избиратель хочетъ, чтобы его голосъ не пропалъ даромъ, онъ долженъ отказаться отъ составленія своего собственнаго списка выборщиковъ и долженъ голосовать за тотъ списокъ, который выставленъ партіей, ему симпатичной. Избиратель долженъ помнить, что выборщикъ есть только одно звено въ избирательной системѣ и что роль его—чисто-служебная: единственная обязанность выборщика заключается въ по-

*) „Рѣчь“ № 21 и 23, 15 и 17 марта.

дачѣ своего голоса ни за кого другого, какъ за кандидата въ думу, намѣченнаго партіей. Партія намѣчаетъ въ свои выборщики такихъ лицъ, которыя сдѣлаютъ это навѣрное. Всякій иной выборщикъ можетъ заслуживать предпочтенія по какимъ угодно другимъ причинамъ: онъ можетъ носить болѣе громкое имя, можетъ быть очень вліятеленъ въ околоткѣ, можетъ быть лично знакомъ избирателю; но если онъ не составляетъ части въ общей избирательной машинѣ, его включеніе въ избирательный бюллетень только можетъ помѣшать выполненію главной и единственной цѣли.

Мы должны обратить вниманіе избирателей еще на одно обстоятельство. Въ спискахъ выборщиковъ, разсылаемыхъ партіями демократическихъ реформъ и свободомыслящихъ, включены нѣкоторыя имена, взятыя изъ нашего списка. Помѣшать этому мы не имѣли никакой возможности, такъ какъ означенныя партіи сдѣлали это безъ нашего разрѣшенія. Мы не хотимъ опорочивать списка выборщиковъ, разсылаемаго упомянутыми партіями, но считаемъ нужнымъ предостеречь отъ подачи голосовъ за него тѣхъ избирателей, которые хотятъ проводить въ думу кандидатовъ партіи народной свободы. Часть голосовъ, несомнѣнно, будетъ отвлечена этимъ параллельнымъ спискомъ, и мы боимся, что это не принесетъ пользы его составителямъ, а только усилитъ шансы правыхъ партій. Мы не могли согласиться съ партіями демократическихъ реформъ и свободомыслящихъ относительно составленія общаго списка именно потому, что эти партіи не считали возможнымъ обязаться, что наши общіе выборщики будутъ голосовать и за общихъ кандидатовъ въ думу. Такимъ образомъ, выбирая по ихъ списку, избиратель не можетъ знать, какъ избранные имъ выборщики воспользуются своими голосами въ высшей избирательной коллегіи. Выбирая же нашихъ выборщиковъ, онъ можетъ знать навѣрное, кого послѣдніе будутъ выбирать въ думу. Это и составляетъ преимущество нашего списка, совершенно независимо отъ именъ лицъ, фигурирующихъ въ томъ или другомъ избирательномъ спискѣ.

II.

Вслѣдъ за списками к.-д. кандидатовъ въ выборщики появился рядъ списковъ, принадлежащихъ другимъ партіямъ. По поводу списка, выставленнаго союзомъ 17 октября въ «блокѣ» съ другими правыми партіями, «Русь» уже замѣтила, что въ спискѣ этомъ «мы увидимъ всѣхъ старыхъ знакомыхъ по, такъ называемой, санъ-галліевской городской думѣ, впослѣдствіи пріобрѣтшей названіе

«думской черной сотни». Какъ ни смотрѣть на этотъ списокъ, онъ, во всякомъ случаѣ, представляетъ то преимущество, что избиратель будетъ знать, за кого онъ голосуетъ, если захочетъ голосовать за «сангалліотовъ». «Русь» думаетъ, что «при такихъ обстоятельствахъ, пожалуй, было бы лучше опубликовать списокъ наканунѣ выборовъ авось, выборщики не спохватились бы»... Своихъ, однако, этотъ списокъ, во всякомъ случаѣ, найдетъ, а чужихъ, все равно, не обманетъ. Нѣсколько иначе обстоитъ дѣло со списком, опубликованнымъ партіями свободомыслящихъ и демократическихъ реформъ. Какъ уже сообщено было въ газетахъ, соглашеніе этихъ партій съ конституціонно-демократической не состоялось потому, что выборщики отъ нихъ не соглашались установить, за какихъ кандидатовъ въ думу они будутъ вотировать. При двухстепенныхъ выборахъ, какъ извѣстно, весь смыслъ организаціи выборовъ заключается въ томъ, чтобы свести эти выборы къ прямымъ, обезпечивъ избраніе такихъ выборщиковъ, которые голосовали за кандидатовъ въ думу, заранѣе намѣченныхъ партіей. Такъ какъ включеніе въ списки такихъ выборщиковъ, которые заранѣе сохраняютъ за собой полную свободу дѣйствій, разстраивало бы всѣ планы к.-д. партіи, то конституціоналистамъ-демократамъ пришлось отказаться отъ составленія единаго прогрессивнаго блока *). 16 марта партіи свободомыслящихъ и демократическихъ реформъ опубликовали свой собственный списокъ, сопроводивъ ихъ слѣдующими вступительными замѣчаніями: «они полагаютъ, что составленіе двухъ списковъ, отнюдь не противоположныхъ одинъ другому, не ослабляетъ, а скорѣе усиливаетъ шансы успѣха одинаково дорогого для всѣхъ прогрессивныхъ партій дѣла, увеличивая число лицъ, между которыми могутъ сдѣлать выборъ сочувствующіе рѣшительному движенію впередъ, къ широкимъ, кореннымъ реформамъ. Когда закончится первая стадія выборовъ, выборщикамъ, принадлежащимъ къ прогрессивнымъ партіямъ, совмѣстно съ комитетами ихъ, не трудно будетъ сговориться между собою относительно кандидатовъ въ члены государственной думы».

Результаты голосованія (выборщиковъ отъ уѣзда) лучше всякихъ разсужденій показываютъ ошибочность точки зрѣнія двухъ соединившихся партій и важность имѣть для голосованія одинъ списокъ. Приведенное разсужденіе, какъ намъ кажется, отрицаетъ

---

*) Съ польской и еврейской группами, а также съ крестьянской, соглашеніе заключено именно на тѣхъ условіяхъ, отъ которыхъ отказались гораздо слабѣйшія численно партіи д. р. и свободомыслящихъ.

очевидную и теперь уже общепризнанную истину. Всякая попытка «сдѣлать выборъ» между прогрессивными кандидатами, несомнѣнно, можетъ только разбить голоса и дать перевѣсъ какой нибудь третьей группѣ. Затѣмъ, двѣ соединившіяся партіи, очевидно, не имѣютъ въ виду той основной задачи, которая указана выше: обезпеченія выбора всѣмъ извѣстныхъ и заранѣе намѣченныхъ членовъ думы. Всматриваясь въ самый составъ ихъ списка, мы видимъ, что, во-первыхъ, онъ содержитъ въ себѣ только 105 именъ, вмѣсто 160, и, во 2-хъ, изъ этихъ 105—43 имени взяты изъ списка к.-д. партіи. Члены партіи, включенные такимъ неожиданнымъ образомъ въ чужой списокъ, имѣли полное основаніе протестовать противъ этого въ своемъ заявленіи, напечатанномъ въ газетахъ. Можетъ быть, такимъ образомъ, избиратель будетъ предупрежденъ о вредныхъ послѣдствіяхъ всякой попытки составить свой собственный списокъ путемъ «выбора» изъ нѣсколькихъ другихъ. Многіе избиратели, не принадлежавшіе къ партіямъ, очень легко соблазняются этой мыслью подать «безпартійный» списокъ; но они должны знать напередъ, что голоса ихъ безусловно пропадутъ.

Мы кстати должны предупредить избирателей противъ списковъ, циркулирующихъ подъ этимъ названіемъ «безпартійныхъ». Какъ мы имѣли случай замѣтить, подъ этимъ именемъ скрываются очень партійные списки лицъ, принадлежащихъ къ какой-нибудь очень непопулярной партіи—вродѣ правового порядка. Подавать голоса за подобные списки—значило бы уже не просто потерять голосъ, а сдѣлаться жертвой обмана.

49. Вліяніе выборовъ на общественное сознаніе *).

Когда собирались блаженной памяти съѣзды земскихъ и городскихъ дѣятелей, общество обыкновенно проникалось напряженнымъ ожиданіемъ. Когда съѣзды кончались, постановивъ извѣстное количество резолюцій, ожиданіе неизмѣнно смѣнялось разочарованіемъ. Опять они ограничились однимп словами! Опять они разъѣхались, ничего не сдѣлавъ!

Несправедливы были, конечно, и эти чрезмѣрныя ожиданія, и сопровождавшее ихъ разочарованіе. Общество смутно желало, чтобы съѣзды явились чѣмъ-то вродѣ власти—и организовали обществен-

*) „Рѣчь“, № 24, 18 марта.

ное движеніе. Серьезные люди требовали, чтобы участники съѣздовъ провозгласили себя чѣмъ-то вродѣ временнаго правительства и превратили свои съѣзды во что-то вродѣ учредительнаго собранія. Нечего и говорить, что такія ожиданія были основаны на полномъ незнакомствѣ съ тѣмъ, что принято называть «соотношеніемъ общественныхъ силъ». Устроители съѣздовъ ни минуты не думали о возможности предпринять что либо, отвѣчавшее этимъ желаніямъ, именно потому, что лучше учитывали степень своей силы.

И, однако же, въ смутныхъ чаяніяхъ общества крылось несомнѣнное зерно истины. Общество инстинктивно чувствовало, что, только организовавшись около какой нибудь своей власти, освободительное движеніе выйдетъ изъ періода одиночныхъ, обреченныхъ на вѣрную неудачу вспышекъ. Ошибка общества заключалась лишь въ томъ, что этотъ выходъ оно считало возможнымъ при помощи старыхъ тактическихъ средствъ—при помощи конспираціи.

Въ дѣйствительности, широкая, планомѣрно организованная борьба съ участіемъ массъ можетъ быть, по самому существу своему, только борьбой открытой; и она становится возможной только при наличности извѣстныхъ элементарныхъ условій свободной политической жизни. И вотъ, когда возможность эта, наконецъ, явилась въ русской жизни, когда намъ предстоитъ создать учрежденіе, дѣйствительно способное осуществить долю надеждъ, возлагавшихся на земскіе съѣзды,—мы встрѣчаемся съ неожиданнымъ затрудненіемъ. Люди, привыкшіе къ старой тактикѣ, продолжаютъ безнадежно вращаться въ заколдованномъ кругу старыхъ конспиративныхъ условій борьбы. По этой старой логикѣ, чтобы добыть элементарныя условія политической жизни, нужна борьба и побѣда; а чтобы организовать побѣдоносную борьбу, должны быть на-лицо уже эти элементарныя условія.

Въ жизни не бываетъ такихъ рѣзкихъ логическихъ постановокъ, такихъ взаимно исключающихъ другъ друга частей дилеммы. Если *А* невозможно безъ *Б*, а *Б* невозможно безъ *А*,—это вѣрный признакъ, что въ жизни *А* и *Б* обусловливаютъ другъ друга взаимно и развиваются вмѣстѣ, въ причинной связи не только одно отъ другого, но оба отъ чего-то третьяго. Это третье есть постепенно растущее политическое самосознаніе массы.

Это самосознаніе расширяетъ формы борьбы и дѣлаетъ неожиданно широкое употребленіе изъ формъ самыхъ узкихъ и тѣсныхъ. Это—то сознаніе, которое «не ловится на штыки» и находится по самому существу своему «внѣ предѣловъ досягаемости» для физи-

ческаго воздѣйствія цѣлой арміи стражниковъ. Это—то сознаніе, которое проявляетъ себя при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ,—на выборахъ крестьянскихъ уполномоченныхъ, на избирательныхъ собраніяхъ терроризованныхъ городовъ, въ ошеломляющихъ результатахъ голосовокъ самыхъ, казалось бы, «благонадежныхъ» въ полицейскомъ отношеніи элементовъ за весьма «неблагонадежныхъ» кандидатовъ въ народные представители. Это также—то сознаніе, при отсутствіи котораго не помогутъ никакіе «блоки» и никакіе избирательные списки, сознаніе, которое сковываетъ уста самому блестящему оратору за неправое дѣло и дѣлаетъ краснорѣчивой всякую защиту хорошаго дѣла.

И было бы верхомъ безумія сказать: откажемся использовать это общее сознаніе, пока для его выраженія не будетъ дано правильныхъ формъ,—а покуда будемъ употреблять старыя формы борьбы,—такія формы, при которыхъ ни создать, ни использовать такого широкаго и однороднаго настроенія было невозможно.

На эту тему, впрочемъ, спорили цѣлые мѣсяцы, и можно бы было продолжать спорить цѣлые годы, если бы сама жизнь не опередила споровъ и не переубѣдила самыхъ упорныхъ. Теперь каждый день избирательная борьба развертываетъ передъ нами новый листъ этой книги жизни, и нужно только умѣть и хотѣть читать, чтобы понять урокъ, даваемый жизнью.

Политическое сознаніе создаетъ успѣшный ходъ избирательной борьбы,—и само создается имъ. Вмѣстѣ съ успѣхомъ растетъ и вѣра въ успѣхъ, и вѣра становится новой причиной успѣха. Въ эти дни мы точно переживаемъ цѣлые годы перелома общественнаго настроенія. Мы только что висѣли надъ пропастью: съ каждымъ днемъ подъ ногами у насъ растетъ и крѣпнетъ твердая почва. А наши противники? Вчера они ломали жизнь. Сегодня они безсильны бороться противъ жизни и борются съ тѣнями. Завтра... можетъ быть, завтра они сами отойдутъ въ область тѣней, дурныхъ воспоминаній безвозвратнаго прошлаго.

Мы хотѣли бы, чтобы самый неподготовленный между нами почувствовалъ великую важность того, что сейчасъ происходитъ. Мысль, желаніе, воля—быстро облекаются въ форму, принимаютъ осязательныя очертанія. Форма одѣвается тѣломъ и плотью; она получаетъ голосъ, громкій, раздѣльный, слышимый на всю страну. Завтра она заговоритъ!.. Больше того, она заговоритъ властно...

О чемъ будетъ говорить она? Треть года репрессій сдѣлала чудо. Посмотрите въ такія газеты, какъ «Слово», «Маленькая Газета»,

послушайте, что говорятъ въ Москвѣ и въ провинціи даже «октябристы». 20-е февраля, какъ-будто, объединило всѣхъ въ общемъ пониманіи того, что прежде всего должна дѣлать дума. Еще слышатся, по старой привычкѣ, клеветы на к.-д. по поводу «учредительнаго собранія», но изъ того же лагеря чаще и чаще вырываются признанія, что то, чѣмъ придется думѣ заняться прежде всего,—это примѣненіе своихъ «учредительныхъ функцій» къ перестройкѣ собственнаго зданія. Газеты признаютъ, что даже «правые» элементы въ думѣ не потерпятъ надругательства надъ величествомъ народа, и если дума не будетъ властью, то она превратится въ орудіе непримиримой оппозиціи. Страна хочетъ «порядка», но она хочетъ создать его сама.

50. Возможность побѣды оппозиціи признается правительствомъ *)..

Блестящій успѣхъ к.-д. партіи на выборахъ внесъ немалое смятеніе въ ряды нашихъ противниковъ. «Русское Государство» впервые находитъ нужнымъ обсуждать возможность, которую оно теперь «готово признать»,—что оппозиція побѣдитъ на выборахъ. И правительственная газета дѣлаетъ видъ, что заранѣе преклоняется передъ волей народа. «Признаніе съ нашей стороны ихъ первенствующей роли будетъ единственнымъ отвѣтомъ на вотумъ народа», торжественно заявляетъ органъ гр. Витте.

Какой, съ Божьей помощью, поворотъ! Жаль только, что «Русское Государство» въ ковычкахъ не можетъ говорить за представителей русскаго государства безъ ковычекъ. Что правительственная газета будетъ служить всякому правительству, которое приметъ ея услуги,—въ этомъ мы не имѣемъ причинъ сомнѣваться. Если мы будемъ правительствомъ, то не только сотрудники «Р. Г.», а и «сотрудники» мин. вн. д., и всѣ, кто питается отъ казеннаго пирога, поспѣшатъ объявить себя сторонниками «народной свободы». Вопросъ въ томъ, усвоитъ ли такую «конституціонную» точку зрѣнія министерство Дурново-Витте. И въ этомъ мы имѣемъ всѣ основанія сомнѣваться, такъ какъ этому министерству требовать отъ своихъ замѣстителей конституціонной корректности—какъ будто немного поздно.

«Р. Г.» ставитъ вопросъ, дѣйствительно, такъ, какъ можно и

---

*) „Рѣчь“, № 25, 19 марта.

должно было бы ставить его въ будущей свободной конституціонной Россіи. По убѣжденію газеты, у побѣдившей оппозиціи «не будетъ мѣста сомнѣнію въ томъ, что они являются дѣйствительными выразителями народной воли, проводниками народныхъ стремленій», и газета «ни на минуту не склонна будетъ оспаривать правильность этого воззрѣнія». Она сочла бы «недостойнымъ опорочивать результаты выборовъ, хотя бы они были и не въ пользу правительства». И газета продолжаетъ: «Позволительно спросить, таково-ли будетъ отношеніе оппозиціонныхъ группъ къ намъ, въ случаѣ, если бы народъ обратилъ свое лицо къ нашимъ идеаламъ и вручилъ бы творческую работу намъ?»

«Р. Г.» сомнѣвается, что отношеніе это будетъ «таково же»,— и сомнѣвается основательно. Да, «если бы народъ», самъ народъ «вручилъ творческую работу» какой нибудь другой политической *партіи*, кромѣ нашей, намъ оставалось бы признать людей этой партіи «дѣйствительными выразителями народной воли», по крайней мѣрѣ, для даннаго момента, и единственная возможная апелляція была бы a para male informanto ad param melius informantum. Но въ этомъ разсужденіи основная предпосылка невѣрна. Даже насъ самихъ,—если избиратели пошлютъ насъ въ думу,— мы не рѣшимся назвать «дѣйствительными выразителями народной воли» при существующей совершенно неправильной системѣ. И если насъ все-таки посылаютъ, то всякій понимаетъ, что это значитъ. Это значитъ, что страна добивается, при нашемъ посредствѣ, прежде всего правильнаго представительства. Кто «мы» таковы,— это извѣстно всѣмъ и всякому. А кто «они»? Это тоже всѣмъ извѣстно. «Они»—это тѣ, кто оказался органически неспособенъ ко всякой «творческой работѣ», кто умѣлъ только разрушать ростки новой жизни, кто остановилъ нормальный ростъ русской жизни и привелъ насъ теперь къ катастрофѣ, къ необходимости крутого перелома. «Они»—это тѣ, кто и теперь торгуется за всякую крупицу уступокъ народу, кто уступаетъ только съ бою и на другой день спѣшитъ данное взять обратно, кто торопится теперь, наканунѣ самой думы, наградить Россію дюжинами никуда негодныхъ законовъ, съ отмѣны которыхъ думѣ придется начать свою работу; тѣ, кто напрягаютъ всѣ силы всемогущей государственной машины, чтобы кое-какъ уцѣлѣть самимъ и удержать заранѣе потерянную позицію. Это не государственные люди: это либо соучастники и попустители, либо утописты и доктринеры стараго порядка, отходящаго въ вѣчность. И такихъ людей мы должны признать

«дѣйствительными выразителями народной воли?» Никогда! Никогда!

«Р. Г.» уныло замѣчаетъ, что если выборы будутъ правительственные, то мы объяснимъ это «результатомъ воздѣйствія правительства», «насиліемъ надъ народной мыслью». Оно ошибается только въ одномъ: мы, во всякомъ случаѣ, будемъ говорить, какъ говорили и раньше, что правительство сдѣлало все отъ него зависѣвшее, чтобы «сдѣлать» выборы въ свою пользу. Правительственныя газеты теперь утверждаютъ, что «воздѣйствіе это совершенно не входило и не входитъ въ планы правительства и отдѣльныя уклоненія мѣстныхъ агентовъ власти встрѣчали съ его стороны самое строгое осужденіе». Очевидно, газета уже забыла и свои собственныя разсужденія о «министерской партіи», и знаменитый циркуляръ, доселѣ неопровергнутый, и все то, что проникало въ газеты о систематическихъ мѣрахъ губернаторовъ для фальсификаціи выборовъ,— и все то, наконецъ, что до сихъ поръ происходитъ въ провинціи, гдѣ губернаторы «рвутъ и мечутъ» и гдѣ уже началось кассированіе непріятныхъ для правительства выборовъ. Если газета теперь—лучше поздно, чѣмъ никогда—спохватилась и пробуетъ доказать, будто выборы были свободные, пусть она хоть позаботится, чтобы надъ выбранными уже людьми не совершалось насилій.

«Р. Г.» обращаетъ вниманіе, что въ послѣднее время газеты рѣже говорятъ о правительственныхъ репрессіяхъ на выборахъ. Фактъ несомнѣненъ, но объяснять его свободой выборовъ—никакъ нельзя. Прежде газетная агитація имѣла въ виду предвыборныя репрессіи; ими наполнялись газетныя корреспонденціи, ими полонъ и «Вѣстникъ Партіи Народной Свободы». Теперь, когда кампанія началась, общее вниманіе, естественно, прежде всего, обратилось къ ея результатамъ. Пусть «Р. Г.» успокоится: извѣстія о репрессіи на выборахъ не замедлятъ придти: они уже и приходятъ: въ нашей газетѣ «Р. Г.» могло бы прочесть рядъ типичныхъ эпизодовъ, особенно изъ деревни. Рекомендуемъ особому вниманію министерской газеты эти эпизоды. Въ нихъ она найдетъ, между прочимъ, объясненіе того, почему въ послѣднее время правительственныя репрессіи насъ не особенно тревожатъ.

Дѣло въ томъ, что эти репрессіи явились могущественнымъ орудіемъ пропаганды въ нашу пользу,—въ пользу идей «народной свободы»,—онѣ возымѣли свое дѣйствіе въ той средѣ, куда наши представители отчасти не успѣли дойти, отчасти не были допущены

правительствомъ. Мы убѣдились лишній разъ, что правительство—самый вѣрный нашъ союзникъ, и предоставили ему работать въ интересахъ русской оппозиціи.

Предвидѣніе «возможности», что оппозиція станетъ скоро правительствомъ, является пока въ офиціальной газетѣ только литературнымъ пріемомъ, для вящаго обличенія нашей будущей тактики, какъ ее рисуетъ себѣ газета. Но, на всякій случай, правительственный органъ не упускаетъ повода дать намъ нѣсколько уроковъ государственной мудрости. Онъ призываетъ «безотвѣтственныхъ ораторовъ,—цвѣтъ политической трибуны,—проникнуться сознаніемъ лежащаго на нихъ долга», въ случаѣ если они «обратятся въ признанныхъ и отвѣтственныхъ представителей народныхъ интересовъ». Газета считаетъ себя вправѣ надѣяться, что чувство мѣры будетъ ихъ политической мудростью, ибо только при этомъ условіи они будутъ истинно-государственными людьми».

«Р. Г.» можетъ быть спокойна. Наше «чувство мѣры», навѣрное, укажетъ намъ иные способы борьбы съ политическими эксцессами, чѣмъ пулеметы Дубасова, разстрѣлы Римана и смертныя казни Чухнина. Наше чувство отвѣтственности, навѣрное, не позволитъ намъ довести государство до Цусимы. И наша государственная мудрость, прежде всего, будетъ состоять въ томъ, чтобы отнюдь не подражать мудрости людей, тупое упорство которыхъ привело Россію на край матеріальнаго и моральнаго банкротства.

P. S. 18 марта «Р. Г.» уже оправилось отъ вчерашняго испуга и, вмѣсто растерянной позы, приняло угрожающую, болѣе ему свойственную; оно недовольно всѣмъ: недовольно «избитой фразой—освободительное движеніе» и находитъ, что «довольно этихъ движеній» и пора «сторонниковъ движенія» «устранить»; недовольно желтымъ и зеленымъ цвѣтомъ афишъ к.-д. партіи и жалѣетъ, что желтыя и зеленыя афиши не были предусмотрѣны закономъ объ избирательныхъ преступленіяхъ. Законъ караетъ приглашеніе къ воздержанію отъ выборовъ; надо, чтобы онъ каралъ и за приглашеніе къ участію въ выборахъ. Впрочемъ, «Р. Г.» находитъ, что въ крайности можно обойтись на этотъ разъ и съ существующимъ закономъ. «Деспотическое давленіе желтой и зеленой афишъ на волю избирателей такъ безцеремонно, что отъ него рукой подать до того закона, который строго караетъ препятствіе свободы выборовъ»! Но больше всего тревожатъ газету разговоры объ «учредительныхъ функціяхъ» думы; и даже воспреще-

ніе думы касаться основныхъ законовъ мало ее утѣшаетъ. «Р. Г.» соглашается «обратить манифестъ въ конституціонный актъ»,— только бы «нѣкоторые основные законы» получили силу «полной неприкосновенности и незыблемости». Очевидно, намъ предстоятъ до думы еще два законодательныхъ акта: о желтыхъ и зеленыхъ афишахъ и еще разъ—о русской конституціи. И тогда уже навѣрное «дальнѣйшая смута» прекратится и «всякая попытка народнаго представительства перевернуть нашъ строй вверхъ дномъ» явится «незаконнымъ посягательствомъ» и «актомъ измѣны конституціи». Должно быть, дѣло плохо, если «Р. Г.» не находитъ ничего лучшаго, какъ послѣдовать примѣру «жалкихъ либераловъ», и ищетъ защиты въ «бумажныхъ гарантіяхъ».

51. Петербургъ въ день выборовъ *).

Сегодня въ Петербургѣ происходитъ рѣшительный бой,—и развязки этого боя съ нетерпѣніемъ ждетъ вся Россія. Бой мирный, не бомбами, не браунингами и пулеметами, а маленькимъ избирательнымъ бюллетенемъ. Огромная масса столичной публики впервые узнаетъ, что избирательный бюллетень есть тоже оружіе,—и въ умѣлыхъ рукахъ оружіе весьма сильное. Но только надо знать, какъ этимъ оружіемъ дѣйствовать; иначе ударъ можетъ попасть не туда, куда цѣлитъ, и можетъ даже принести вредъ неумѣлому борцу. Умѣть распорядиться оружіемъ—въ данномъ случаѣ значитъ знать общій планъ боя и точно опредѣлить свое собственное мѣсто въ общемъ планѣ, чтобы не затеряться и не выпустить даромъ зарядъ.

Диспозиціи для боя готовы и непріятельскія арміи стоятъ другъ противъ друга, готовыя сразиться и овладѣть цитаделью, изъ-за которой идетъ борьба. Одна изъ этихъ армій—стройная, дисциплинированная, хорошо знающая, чего она хочетъ, привыкшая къ массовымъ движеніямъ и управляемая опытными бойцами, — это армія народной свободы. Въ ея составѣ однихъ строевыхъ солдатъ числится не менѣе 15-ти тысячъ, не считая добровольцевъ. Принимая въ расчетъ, что на театрѣ войны едва ли окажется больше трети всего столичнаго призыва, т-е. около 50-ти тысячъ изъ 160-ти всего числа избирателей, сплоченная армія народной сво-

*) „Рѣчь“. № 26. 20 марта.

боды идетъ на бой съ вѣрнымъ расчетомъ на побѣду. Расчетъ подкрѣпленъ аванпостной стычкой 15 марта, обнаружившей въ десять разъ больше силъ у партіи, чѣмъ у самыхъ сильныхъ ея противниковъ. Члены партіи, поэтому, проникнуты вѣрой въ полный успѣхъ—и эта вѣра передается ихъ окружающимъ. Сомнѣніе можетъ быть только въ томъ, что между различными участками столицы «кадетская» армія окажется неравномѣрно распредѣленной, и гдѣ-нибудь въ одномъ-двухъ-трехъ мѣстахъ можетъ быть обойдена съ тылу. Но возможность частичныхъ неудачъ не уничтожаетъ надежды на общую побѣду и не понижаетъ побѣднаго настроенія.

Противъ этой сплоченной и одушевленной энтузіазмомъ арміи народной свободы стоитъ армія ея противниковъ. Она не цѣльна, не едина; она состоитъ изъ четырехъ колоннъ, не повинующихся общей командѣ. Одна изъ этихъ колоннъ, притомъ, на самое поле битвы явилась со своими собственными тайными планами и въ разгарѣ битвы постарается прямо отхватить свою долю добычи въ ущербъ общему плану. Мы разумѣемъ все тотъ же правовой порядокъ, съ его собственными бюллетенями, разсылаемыми потихоньку отъ центральнаго штаба. У союзной арміи не только нѣтъ общей команды; у нея нѣтъ и обученныхъ солдатъ. Впереди стоитъ темная, нерасчлененная и недисциплинированная толпа, которую никто не считалъ и которая сильна только традиціонной вѣрой, что она «шапками закидаетъ» своихъ противниковъ. Генералы и офицеры остаются позади, никто не знаетъ, кто они, чего хотятъ и какъ воспользуются побѣдой. Они «оказываютъ честь» своимъ солдатамъ — воспользоваться ихъ услугами; солдаты должны слушать господъ и ожидать приказаній начальства.

Въ промежуткѣ, съ боковъ и сзади, двухъ дѣйствующихъ армій снуютъ и хлопочутъ маленькіе партизанскіе отряды. Одни изъ нихъ не примкнули во-время къ главнымъ борящимся массамъ потому, что, вообще, не привыкли дѣйствовать сообща и дружно, другіе—потому, что боятся, какъ бы не затерялись въ людскомъ морѣ ихъ личности и ихъ личные интересы; третьи—потому, что все еще надѣются урвать клочокъ медвѣжьяго ушка при дѣлежѣ добычи, кто бы ни оказался побѣдителемъ, четвертые—потому, что расчитываютъ перетасовать карты въ самомъ разгарѣ битвы и при первомъ замѣшательствѣ привлечь на свою сторону дезертировъ и резервы, откуда бы они ни шли. Расчеты всѣхъ этихъ добровольцевъ избирательной кампаніи основаны не на знаніи правильнаго искуства или науки боя, а на русскомъ «авось». Ихъ расчеты

оправдаться не могутъ, но, при извѣстныхъ условіяхъ, могутъ спутать чужіе расчеты, особенно въ наименѣе защищенныхъ мѣстахъ,—и привести къ такимъ послѣдствіямъ, о которыхъ потомъ будутъ жалѣть сами гг. добровольцы.

Таковы дѣйствующія группы въ сегодняшней битвѣ; но, кромѣ нихъ, есть еще и зрители. Сочувствіе зрителей довольно опредѣленно дѣлится между борящимися сторонами. Несомнѣнное большинство изъ нихъ—по крайней мѣрѣ большинство тѣхъ, чей голосъ слышенъ и чьи симпатіи можно учесть—на сторонѣ арміи народной свободы. Они на ея сторонѣ даже не потому, что близко знакомы съ ея планомъ дѣйствій, или одобряютъ этотъ планъ, или навѣрное расчитываютъ на побѣду. Они за нее не столько потому, что точно знаютъ, чего она хочетъ, сколько потому, что знаютъ, чего она больше не хочетъ и не потерпитъ, если на ея сторонѣ будетъ побѣда. Они сознательно или инстинктивно чувствуютъ, что въ этомъ весь интересъ и вся великая важность того, что принесетъ съ собой сегодняшній день. Или онъ дастъ побѣду тѣмъ, кто неустанно, на глазахъ у всѣхъ, всѣмъ ужасамъ послѣднихъ четырехъ мѣсяцевъ противопоставлялъ громкій протестъ: довольно! И тогда смятеніе овладѣетъ нашими противниками, а увѣренность нашихъ друзей по всей Россіи поднимется высоко,—и тѣмъ увеличитъ расчетъ нашъ на повсемѣстную побѣду. Все то, что выдаетъ себя за грозную силу, что грозитъ намъ ежедневно новыми формами преслѣдованій,—сразу окажется одной гигантской тѣнью, и эта тѣнь сбѣжитъ съ лица нашей родины передъ яркимъ свѣтомъ освобожденнаго солнца права и правды. Или, наоборотъ, побѣдятъ сегодня тѣ, чьихъ истинныхъ мыслей и намѣреній мы не знаемъ; кто до сихъ поръ, никогда не участвуя въ рискѣ борьбы, спѣшилъ примазаться къ выгодамъ побѣды и всякій разъ перекрашивался въ модный цвѣтъ той среды, отъ которой пользовался жизненными благами. Если будетъ такъ,—то это вовсе не будетъ побѣдой: надъ требованіями жизни побѣды такъ легко одерживать нельзя. Такая побѣда только отдалила бы минуту настоящаго, рѣшительнаго боя и потребовала бы къ тѣмъ тридцати тысячамъ прекращенныхъ и изувѣченныхъ существованій, которыя унесъ съ собой истекшій годъ, еще новыхъ и новыхъ жертвъ.

Граждане, скажите же себѣ и скажите завтра громко передъ всей Россіей это короткое рѣшительное слово: довольно! Каковы бы ни были ваши убѣжденія, ваши разногласія, ваши взаимные

споры,—помните, что завтра только одно это слово нужно, только одного его ждетъ отъ васъ петерпѣливо родина. Помните твердо, что завтра не быть ни на чьей сторонѣ—значитъ, быть на сторонѣ тьмы и мрака; помните,—даже тѣ изъ васъ, кто ежедневно декламируетъ противъ мнимой «буржуазности» партіи народной свободы,—что завтра, отказавшись отъ подачи голоса, вы протянете этимъ руку буржуазіи подлинной, настоящей—буржуазіи 17 октября и всевозможныхъ «прогрессивно» и просто «промышленныхъ» партій. Эти люди недаромъ вамъ рукоплещутъ, когда вы изо всѣхъ силъ стараетесь намъ наносить удары. Думайте, какъ хотите, о томъ, какъ впослѣдствіи сложатся наши отношенія; но помните, что завтра рѣчь идетъ не о дѣлежѣ медвѣжьей шкуры, а о томъ, чтобы самъ медвѣдь сталъ нашей общей добычей. Граждане, еще разъ повторяемъ вамъ: завтра, передъ лицомъ всей Россіи, покажите примѣръ гражданской дисциплины и политической зрѣлости: покажите его съ такимъ же блескомъ, съ какимъ ближайшіе сосѣди ваши его показали на достопамятныхъ историческихъ выборахъ 15 марта.

52. Г. Плехановъ и бойкотъ *).

Кончая свой 5-й номеръ «Дневника», только что появившійся, Г. В. Плехановъ пишетъ своему «товарищу»: «Вы какъ бы упрекаете меня въ томъ, что меня хвалитъ теперь «либеральная буржуазія». Но меня нисколько не смущаетъ этотъ упрекъ. Напротивъ, если я, нисколько не измѣнивъ себѣ и своему міросозерцанію, получаю одобреніе со стороны «либеральной» буржуазіи, то это очень хорошо въ тотъ историческій моментъ, когда намъ надо изолировать реакцію».

Если бы всѣ «товарищи» Г. В. Плеханова понимали то, что понимаетъ самый выдающійся изъ ихъ вождей, и если бы они такъ же мало, какъ онъ, смущались похвалами «либеральной буржуазіи»,—Боже мой, какъ это упростило бы выясненіе нашей текущей политической задачи и какъ сильно подвинуло бы ея разрѣшеніе!

Въ № 5-мъ «Дневника» доказываются двѣ вещи. Во-первыхъ, доказывается, что «слѣдовало бы намъ принять участіе въ выбо-

*) „Рѣчь“, № 26, 20 марта.

рахъ», потому что «участіе въ выборахъ содѣйствовало бы развитію политическаго сознанія народа». И этотъ тезисъ, и этотъ аргументъ мы десятки разъ развивали на партійныхъ собраніяхъ и всякій разъ непзмѣнно встрѣчались съ возраженіями, доказывавшими, что наши противники забыли азбуку своего учителя. И мы отвѣчали имъ то самое, что теперь говоритъ имъ Г. В. Плехановъ. «Только недостаткомъ политическаго опыта я объясняю себѣ тотъ странный, повидимому, фактъ, что въ нашей партіи появилось и укрѣпилось теченіе, отличающееся отъ стараго «народовольства» почти одной только терминологіей». Г. В. Плехановъ идетъ далѣе и рѣшается утверждать: «Въ дѣйствительности, учредительнаго собранія требовалъ далеко не весь народъ... Въ народѣ все больше и больше развивается настроеніе, изъ котораго можетъ выдти такое требованіе. Но именно только развивается. Это цѣлый процессъ, и мы еще не въ концѣ его; мы даже, пожалуй, еще не въ серединѣ... Но мы можемъ значительно ускорить его... (между прочимъ, и) участіемъ въ выборахъ».

Другой вопросъ, въ упоръ поставленный Г. В. Плеханову—и постоянно предлагаемый намъ—это вопросъ о томъ, что дѣлать послѣ выборовъ въ думѣ? Г. В. Плехановъ отвѣчаетъ—опять слово въ слово, какъ отвѣчаемъ мы: «Будучи противникомъ тактическаго схематизма, находя его противорѣчащимъ нашему способу мышленія, я не могу пускаться въ соображенія о томъ, какъ должны мы будемъ вести себя въ слѣдующіе «моменты». Я говорю: довлѣетъ моменту злоба его». И онъ убѣдительно доказываетъ, что точный отвѣтъ предполагаетъ и точныя данныя для отвѣта, какихъ не можетъ быть ни въ чьемъ распоряженіи въ настоящій моментъ. «Чтобы отвѣтить, надо было бы умѣть съ точностью предсказать, до какой именно степени саморазвитія дойдетъ народная масса».

Мы можемъ только пожелать, чтобы на сегодняшній день это вѣрное пониманіе того, чего требуетъ марксизмъ отъ своихъ послѣдователей, одержало верхъ надъ пониманіемъ шаблоннымъ. Сегодня особенно важно напомнить «товарищамъ» г. Плеханова ту мысль, которую Г. В. повторяетъ «еще разъ» и которая основательно представляется ему «совершенно неоспоримою».

«Реакція стремится изолировать насъ. Мы должны стремиться изолировать реакцію».

53. Петербургскій тріумфъ и „Русское Государство“ *).

20 марта мы говорили, что исхода выборовъ въ Петербургѣ съ нетерпѣніемъ ждетъ вся Россія. «Новое Время» приняло наше выраженіе за риторическую фигуру. 22 марта эта газета должна будетъ обвинить въ риторическомъ преувеличеніи большинство избирателей города Петербурга. Это большинство дало Россіи и всему цивилизованному міру небывалое зрѣлище,—едва ли не единственное въ лѣтописяхъ парламентскихъ выборовъ. Съ единодушіемъ, далеко превзошедшимъ самыя смѣлыя ожиданія, и съ политической сознательностью, изумившей всѣхъ, демократическій Петербургъ подалъ свой голосъ за партію народной свободы. Этого Петербурга никто не зналъ и не подозрѣвалъ до 20-го марта. Старый, цензовой Петербургъ, вялый и небрежный къ общественнымъ дѣламъ, Петербургъ дѣльцовъ и сановниковъ, Петербургъ думской «черной сотни»—никого особенно не безпокоилъ; спасская часть крѣпко надѣялась на приказчиковъ, рождественская — на своихъ отцовъ города и на такихъ нотаблей, какъ Кладо; новый лордъ-мэръ столицы надѣялся на самого себя и т. д. Избиратель «6-го августа» былъ для этихъ слоевъ и людей—своимъ человѣкомъ; избирателя 11 декабря они не знали и относились къ нему пренебрежительно. 20-е марта было для нихъ громовымъ ударомъ съ чистаго неба. Они узнали, что не знаютъ своего Петербурга, что есть въ русской жизни что-то огромное, серьезное, великое по значенію, что они проглядѣли цѣлую новую полосу жизни—и теперь должны считаться съ совершившимся фактомъ.

160 выборщиковъ Петербурга всѣ принадлежатъ къ «кадетамъ». На «кадетѣ» сошелся директоръ департамента съ своимъ швейцаромъ, «бойкотистъ» съ гостинодворцемъ, профессоръ съ крестьяниномъ и рабочимъ. Преимущества «кадета» оказались настолько ясны для огромной массы избирателей, что «кадетскіе» кандидаты прошли повсюду подавляющимъ большинствомъ, не ниже 60% всего числа голосовавшихъ, а остальные списки соединили за себя сравнительно ничтожныя цифры сторонниковъ. И, чтобы подать свой голосъ за «кадета», къ ящикамъ пришло въ полтора или въ два раза больше избирателей, чѣмъ мы ожидали.

---

*) „Рѣчь“, № 28, 22 марта..

Мы не думаемъ утверждать, что такая блестящая побѣда объясняется исключительно достоинствами программы и кандидатовъ партіи народной свободы. Въ такой же, если не въ большей степени, этотъ успѣхъ вызванъ отрицательными свойствами другихъ конкурировавшихъ организацій. Если вы спрашивали въ этотъ день средняго избирателя, почему онъ подаетъ голосъ за к.-д., то сплошь и рядомъ вы получали отвѣтъ: «не за... такихъ-то же мнѣ подавать!»

Но есть и другая, еще болѣе важная, причина поразительнаго единодушія избирателей, — причина не столько моральная и общественная, сколько политическая. Мы говорили о ней передъ выборами. Вотумъ 20 марта для избирателя былъ средствомъ отвести, наконецъ, душу, дать выходъ истерзанному чувству. Это былъ крикъ людей, давно потерявшихъ человѣческое терпѣніе и все-таки принужденныхъ молчать, молчать черезъ силу. Этотъ крикъ—мы его слышали передъ 20 марта на «кадетскихъ» собраніяхъ; мы знаемъ, какія слова вызывали его, вызывали непзмѣнно, почти автоматически. 20 марта долго сдерживаемое чувство нашло себѣ, наконецъ, желанный выходъ и воплотилось въ осязательный поступокъ.

Моральное и политическое значеніе вотума 20 марта трудно измѣрить; его трудно преувеличить. Отзвукъ этого громового удара прокатится по всей Россіи, и еще долго мы будемъ слышать его отголоски изъ самыхъ глухихъ угловъ Россіи. Насильники почувствуютъ вездѣ, что надъ ними есть законъ и расправа; преступники противъ правъ и интересовъ народныхъ вспомнятъ о страшномъ судѣ; зловѣщее молчаніе, среди котораго громко «чавкали» торжествующія свиньи, смѣнится тысячью голосовъ,—бодрыхъ, жаждущихъ жизни и дѣятельности. И среди этихъ голосовъ слышенъ будетъ сладкій, вкрадчивый голосъ:

«Зима прошла. Прошелъ чудовищный кошмаръ... Весна новой русской жизни... всѣхъ зоветъ въ свое свѣтлое лоно... Весь мракъ, весь ужасъ минувшаго позади; онъ принадлежитъ исторіи... И какъ будетъ жаль, если захватывающая торжественность грядущаго момента будетъ омрачена хотя бы и малой долей неулегшейся злобы, затаенной мести, зубовнымъ скрежетомъ, проклятіями... Довольно ихъ! На праздникѣ весны нѣтъ мѣста завываніямъ зимней вьюги... Свѣти же, великое солнце весны, и согрѣвай своими животворящими лучами сердца народныхъ избранниковъ... Да не тревожатъ ихъ кровавыя тѣни былого... Не судъ и расправу надъ про-

шлымъ несешь ты, весна возродительница, — не мечъ карающій.. Довольно меча и крови! Лучей любви, лучей забвенія!.. Привѣтъ тебѣ, грядущая весна».

Мы предоставимъ читателю самому угадать, кому принадлежитъ эта «пѣснь торжествующей любви». Мы тоже вѣримъ: для торжества любви настанетъ время. Но оно еще не близко. «Карать» прошлое, карать покойниковъ было бы безумно и неблагородно. Но эти покойники еще цѣпляются за жизнь. Они и грозятъ, и молятъ,—и невольно вспоминается знаменитая фраза Н. К. Михайловскаго по поводу гр. Лорисъ-Меликова о «лисьемъ хвостѣ» и «волчьихъ зубахъ». Миръ и покой—наша цѣль, и самые камни вопіютъ: «довольно меча и крови!» Но кто же льетъ кровь? Кто грозитъ обнаженнымъ мечемъ? Эта мирная армія 160-ти народныхъ избранниковъ? Или тѣ, кто послалъ ее, безоружную, остановить пролитіе крови, потребовать, чтобы мечъ былъ вложенъ въ ножны? Или, наоборотъ, тѣ, противъ кого маршируетъ эта мирная армія,—кто первый обнажилъ мечъ и пролилъ кровь и кто все еще—на страницахъ того же литературнаго органа—грозитъ встрѣтить народныхъ представителей «штыками»?

Дайте же сами миръ—вы, которые просите «забвенія!» Помните твердо, что значитъ народный вотумъ. Мы указали на это еще 20 марта, въ твердомъ предвидѣніи неизбѣжности именно такого вотума. Онъ значитъ: довольно, остановитесь, не искушайте болѣе народнаго терпѣнья!

54. Надежды и опасенія правящихъ сферъ *).

Результаты выборовъ въ думу, конечно, не вполнѣ опредѣлились. Но и то, что стало ясно къ настоящему моменту, совершенно опрокидываетъ всѣ расчеты нашихъ правящихъ сферъ. Дума, какъ послушное орудіе власти,—дума, какъ средство поднять русскій кредитъ въ Европѣ и санкціонировать побѣду надъ внутренней «крамолой»,—такой думы правительству, очевидно, не дождаться. Та дума, которая соберется,—безразлично, будетъ ли ея большинство нѣсколько правѣе, или нѣсколько лѣвѣе,—во всякомъ случаѣ, захочетъ идти своимъ собственнымъ путемъ и быть сама «хозяиномъ положенія». Во всякой другой странѣ политическіе дѣятели, стоя-

*) „Рѣчь“, № 27, 21 марта.

щіе на реальной почвѣ, сочли бы безусловно необходимымъ считаться съ выяснившимся положеніемъ и исходить изъ наличности извѣстнаго настроенія широкихъ массъ населенія. Вотумъ большинства страны—это уже не продуктъ «ошибочныхъ увлеченій» онъ не можетъ объясняться случайностью или злонамѣренностью. Большинство не можетъ быть «крамольнымъ»: «крамола» есть то, что замышляется противъ ясно высказанныхъ желаній большинства.

Таково ли отношеніе къ совершившемуся факту у нашихъ вліятельныхъ и «правящихъ» сферъ? Изъ всего того, что до насъ доходитъ, нельзя, къ сожалѣнію, не заключить, что отношеніе это совершенно иное и что оно характеризуется не готовностью признать фактъ и на немъ основывать всѣ дальнѣйшія комбинаціи политики, а на упорной рѣшимости игнорировать фактъ или даже вступить съ нимъ въ открытую борьбу.

Первый аргументъ, который приходитъ въ голову этимъ людямъ, послѣ того, какъ они оправились отъ перваго испуга,—слѣдующій. Да вѣрно ли, что фактъ совершился? Не есть ли вотумъ большинства тоже продуктъ злонамѣренной выдумки? И если онъ есть все-таки совершившійся фактъ,— нельзя ли какъ-нибудь истолковать его въ благопріятномъ смыслѣ для власти? А если ужъ нельзя истолковать его благопріятно,—то что слѣдуетъ предпринять, чтобы непріятный фактъ уничтожить, стереть съ лица земли?

Всю эту цѣпь разсужденій теперь можно слышать на каждомъ шагу въ «прикосновенныхъ» сферахъ. Прежде всего, вопреки статистикѣ, сферы эти убаюкиваютъ себя мыслью, что, собственно говоря, ничего не случилось. Что случилось, въ самомъ дѣлѣ? Побѣдилъ, очевидно, центръ, т. е. умѣренные, а съ умѣренными можно столковаться. Если «кадеты» раздуваютъ свое торжество, то это, во-первыхъ, нескромность и хвастовство, а, во-вторыхъ, это преждевременно. Имъ только кажется, что страна сказала: нѣтъ. На дѣлѣ страна сказала: да. Стоитъ подождать нѣсколько дней, и этотъ фактъ будетъ для всѣхъ очевиденъ.

Но, однако же, возражаетъ безпокойная совѣсть, цифры говорятъ другое. Не выдумка же тотъ кадетскій расчетъ, по которому изъ 850 губернскихъ выборщиковъ, выставленныхъ съѣздами горожанъ и землевладѣльцевъ, цѣлыхъ 36 процентовъ приходится на партію к.-д., и въ рядѣ губерній побѣда уже теперь обезпечена за к.-д.? Что если дальнѣйшій ходъ кампаніи окончательно обезпечитъ большинство по этимъ разрядамъ за партіей народной свободы?

*

Тогда, отвѣчаютъ прикосновенные къ сферамъ люди, мы будемъ опираться на «сѣрыхъ» въ думѣ,—на крестьянскую группу. «Своей сплоченностью, своимъ спокойствіемъ, своимъ природнымъ чутьемъ крестьянскій элементъ, стоящій ближе къ нуждамъ дѣйствительности, сдержитъ горячіе отвлеченные споры и заставитъ думу работать въ томъ направленіи, какого требуетъ реальная жизнь Россіи» (Р. Г.). Крестьянскіе представители, слѣдовательно, будутъ въ думѣ тѣмъ балластомъ, который не дастъ опрокинуться государственному кораблю. Но advocatus diaboli не успокаивается и ставитъ дальнѣйшій вопросъ. Чѣмъ же вы можете привлечь крестьянскій элементъ на свою сторону? Этотъ элементъ, дѣйствительно, «стоитъ ближе къ нуждамъ дѣйствительности»,—лучше сказать, къ своимъ собственнымъ нуждамъ—его нельзя будетъ обмануть на мякинѣ или провести обѣщаніями и красными словами. Что же вы ему дадите «реальнаго»?

Отвѣтить на этотъ вопросъ довольно трудно. Тѣ, кто думаютъ разрѣшить аграрный вопросъ расширеніемъ операцій крестьянскаго банка; тѣ, кто пробуетъ устранить крестьянскія претензіи на землю, уравнявъ крестьянина въ правахъ со всякимъ другимъ земельнымъ собственникомъ; тѣ, кто утѣшаютъ голодающаго земледѣльца тѣмъ, что онъ навѣрное будетъ сытъ, какъ только научится лучше пахать землю,—нѣтъ, эти люди не могутъ привлечь на свою сторону сильный «своей сплоченностью, своимъ природнымъ чутьемъ» крестьянскій элементъ. Нужно совершенно ничего не знать о крестьянскихъ разговорахъ въ деревнѣ, о тѣхъ цѣляхъ, съ какими они посылаютъ «вѣрныхъ» своихъ людей въ думу, чтобы полагать, что этотъ элементъ «заставитъ думу работать» pour le roi de Prusse. Онъ, дѣйствительно, «заставитъ работать думу»,—но, всего вѣроятнѣе, въ томъ направленіи, въ которомъ попробовалъ было работать эксъ-министръ земледѣлія, прославленный за это «соціалистомъ» и нынѣ принадлежащій къ партіи народной свободы. Съ кѣмъ же пойдетъ въ думѣ крестьянство?

Нѣтъ, это была несчастная мысль—включить въ думу подлинныхъ представителей отъ крестьянства! Даже «всеобщее и прямое», пожалуй, было бы выгоднѣе для правительства, чѣмъ эта опасная, сильная «своей сплоченностью, своимъ спокойствіемъ, своимъ природнымъ чутьемъ» крестьянская партія. Кажется, нѣтъ сомнѣнія, что «сѣренькій» въ думѣ пойдетъ не съ правительствомъ, а съ оппозиціей.

Но тогда дѣло рѣшено: большинство за оппозиціей обезпе-

чено,—и безпокойство правящихъ сферъ быстро растетъ. Хорошо, если еще удастся фиксировать вниманіе большинства на экономическихъ реформахъ, а что, если, опираясь на тѣ же интересы крестьянскаго элемента, оппозиція выставитъ новыя, болѣе широкія политическія требованія?

На этой ступени разсужденій безпокойство правящихъ сферъ достигаетъ крайнихъ предѣловъ. Дѣйствительно, эта политическая оппозиція, эти охотники до «горячихъ отвлеченныхъ споровъ»—страшно ненадежные люди! Даже самые умѣренные изъ нихъ говорятъ... странныя вещи. Вотъ, напримѣръ, «блокъ конституціонно-монархическихъ партій» собрался — и «единогласно» постановилъ слѣдующую резолюцію: «поручить выборщикамъ избрать въ государственную думу только такихъ людей, которые обяжутся не разрѣшать новыхъ налоговъ и не соглашаться на новые займы до тѣхъ поръ, пока министерство не будетъ пользоваться довѣріемъ большинства думы». Вѣдь, это не болѣе, не менѣе какъ «парламентарная монархія» кадетовъ!—О самихъ кадетахъ и говорить нечего: они «обязываютъ» своихъ выборщиковъ требовать какого-то «суда»... Эти люди опасны; они опаснѣе открытыхъ «анархистовъ»; они, конечно, революціонеры, республиканцы и соціалисты,—только искусно скрываютъ свою игру подъ маской умѣренности! Правда, настоящіе соціалисты и радикалы на всѣхъ публичныхъ собраніяхъ громятъ «кадетовъ» за то, что они не соціалисты, не республиканцы и не революціонеры, а буржуазная, монархическая и парламентская партія. Но—это только одинъ отводъ глазъ. Кадеты просто подѣлили роли съ революціонными партіями и устраиваютъ публичныя состязанія, чтобы обмануть правительство относительно своихъ истинныхъ намѣреній.

Читатель не долженъ думать, что мы его морочимъ или выдумываемъ. Отголоски всѣхъ только что приведенныхъ разсужденій онъ можетъ прочесть въ сообщеніи петербургскаго корреспондента «Vossische Zeitung». Тамъ буквально сказано: «планъ этихъ собраній (т. е., к.-д. съ участіемъ ораторовъ с.-д.) заранѣе обсуждается въ частныхъ засѣданіяхъ на квартирахъ адвокатовъ, профессоровъ и писателей, при участіи представителей соціалистическихъ и демократическихъ группъ. Полиція напала на слѣдъ этой тактики. Во вторникъ и среду она захватила въ нѣсколькихъ частныхъ жилищахъ большое число рабочихъ, а «буржуазіи» дала возможность ускользнуть».

Ясно, къ какому заключенію должны придти «правящія сферы»

подъ впечатлѣніемъ всѣхъ этихъ запугиваній. Если такъ и если комбинація съ крестьянскимъ элементомъ противъ оппозиціи не удастся, то тогда, конечно, остается одно средство. Серьезные, спокойные элементы «народнаго представительства»—тѣ, которые засѣдаютъ въ государственномъ совѣтѣ, пусть остаются; другіе пусть уходятъ..., чтобы правительство могло быть «въ полной увѣренности, что общество бережно и благоговѣйно приметъ изъ рукъ правительства передаваемый ему священный сосудъ закона и свободы».

Послѣднія строки взяты изъ «Русскаго Государства»; но читатель напрасно сталъ бы искать въ офиціальной газетѣ всѣхъ приведенныхъ разсужденій, всей той цѣпи мыслей, которая вызвана успѣхами оппозиціи на выборахъ. Эти разсужденія намъ извѣстны—не изъ «Русскаго Государства». Въ «Русскомъ Государствѣ» пишутъ другое... и хорошо пишутъ:

«Еще немного дней—и для борьбы возникшихъ въ русскомъ обществѣ теченій откроется безкровная, благородная арена. Загкъ ворятъ свободнымъ языкомъ представители свободныхъ русскихъ гражданъ... Съ глубокимъ интересомъ будетъ слѣдить русское правительство за этой святой работой. Слѣдя за выводами народныхъ представителей, оно будетъ провѣрять собственные выводы; оно увидитъ, гдѣ и въ чемъ ошибалось, — и охотно исправитъ свои невольныя и вполнѣ понятныя ошибки. Какъ старый профессоръ среди плеяды своихъ талантливыхъ любимыхъ учениковъ, оно будетъ радоваться ихъ новымъ открытіямъ, оно благословитъ тѣ новые пути, которые будутъ ими найдены въ великой наукѣ управленія. «Нынѣ отпущаеши»,—скажетъ оно...»

Да, хорошо пишутъ въ «Русскомъ Государствѣ».

55. Почему побѣдили „кадеты“ *).

Мы съ нѣкоторымъ любопытствомъ развертывали сегодняшнія газеты. И не столько газеты лѣваго, сколько газеты праваго лагеря. Законное торжество по поводу общей побѣды, признаніе правильности той тактики, которая привела къ побѣдѣ, предвидѣніе важности ея послѣдствій—все это намъ знакомо, потому что все это—обще у насъ съ тѣми органами прогрессивной петербургской печати, которые своимъ безусловнымъ сочувствіемъ такъ много сдѣ-

*) „Рѣчь“, № 29, 23 марта.

лали въ послѣдніе дни для успѣха нашего общаго дѣла. Но насъ интересовало отношеніе другой стороны къ исходу выборовъ. Клевета и заподозрѣваніе, фальшивая увѣренность въ собственной силѣ и небрежное отношеніе ко всему, что дѣлало серьезнымъ и сильнымъ противника: всему этому выборы дѣлали очную ставку съ дѣйствительностью, и намъ было интересно узнать, чему дѣйствительность сможетъ научить нашихъ противниковъ.

Вчерашнія газеты «праваго» направленія обманули наши ожиданія. Должно быть, смущеніе и растерянность, овладѣвшія этими партіями, оказались слишкомъ уже сильны или ихъ изобрѣтательность въ отысканіи новыхъ аргументовъ оказалась не въ уровень съ требованіями момента. Какъ бы то ни было, всѣ вчерашніе номера стараются по возможности обойти щекотливый сюжетъ. По сколько, все-таки, приходится его касаться, мы встрѣчаемъ только самыя ходячія объясненія успѣха к.-д. партіи. Партія лучше организована: въ ней лучшія ораторскія силы; она энергичнѣе пропагандировала себя передъ выборами. Почему всѣ эти качества присущи к.-д. больше, чѣмъ правымъ, почему именно къ партіи к.-д. приливаютъ лучшія силы—этого вопроса ихъ органы не ставятъ и не рѣшаютъ. Прямой отвѣтъ на него былъ бы слишкомъ невыгоденъ, и потому противники партіи к.-д. предпочитаютъ косвенный—по контрасту. Мы краснорѣчивы, зато они—дѣловиты; мы опираемся на организацію, зато они—имѣютъ корни къ неорганизованной массѣ; мы хорошіе пропагандисты, зато они—скромные люди—и т. д. Дальнѣйшихъ доказательствъ правильности этой параллели не приводится,—цѣль ея, повидимому, достигается тѣмъ, что она удовлетворяетъ самолюбіе авторовъ.

Есть, однако, еще одно объясненіе успѣха партіи к.-д., не столь щекотливое для партійнаго самолюбія—и, можетъ быть, поэтому на немъ всѣ сходятся. Партія 17-го октября возлагаетъ отвѣтственность за популярность партіи народной свободы на... П. Н. Дурново. Преслѣдованія правительства и его излишества въ репрессіи сдѣлали партію популярной; и органъ партіи 17-го октября приходитъ даже къ мысли, что было бы хорошо, если бы доля преслѣдованій постигла и ихъ. Теперь, конечно, поздно, но на будущее время органъ партіи совѣтуетъ ей быть болѣе оппозиціонной и болѣе искренне конституціонной. Любопытно, что этотъ совѣтъ даетъ и «Русское Государство»: по мнѣнію министерскаго органа, партія погубила себя тѣмъ, что ея центръ слишкомъ часто перемѣщался то вправо, то влѣво.

Если правыя партіи подвергаются упреку въ излишнемъ оппортюнизмѣ, то партія к.-д. столь же единодушно обвиняется всѣми своими противниками въ чрезмѣрной принципіальности и тайной связи съ революціонными партіями. Трудно сказать, въ какой степени обвинители сами вѣрятъ серьезно въ правильность обвиненія; но, повидимому, начавъ употреблять это обвиненіе въ видѣ избирательнаго маневра, они кончили тѣмъ, что серьезно въ него повѣрили сами. Мы еще вернемся не разъ къ этимъ обвиненіямъ, потому что на нихъ строятся всѣ планы дальнѣйшихъ отношеній правящихъ сферъ къ партіи, которая можетъ стать большинствомъ въ первой русской думѣ. Мы увидимъ, что есть серьезнаго и что есть преувеличеннаго въ страхѣ правящихъ сферъ передъ партіей к.-д.

56. Наканунѣ московскихъ выборовъ *).

Завтра будутъ происходить выборы въ гос. думу въ Москвѣ. Побѣда к.-д. партіи, повидимому, обезпечена и въ первопрестольной столицѣ,—и здѣсь она будетъ, несомнѣнно, имѣть еще болѣе симптоматическое значеніе, чѣмъ имѣла въ «бюрократическомъ Петербургѣ». Еще мѣсяца четыре назадъ казалось несомнѣннымъ, что старая «торгово-промышленная» Москва, въ союзѣ съ «октябристской» Москвою помѣщичьей, используетъ все свое соціальное вліяніе и совершенно оттѣснитъ на выборахъ московскую демократію и московскую интеллигенцію. Но откровенный союзъ элементовъ «порядка» съ режимомъ Дубасова совершенно измѣнилъ настроеніе широкихъ круговъ, и теперь сами «октябристы» предсказываютъ своимъ сторонникамъ въ Москвѣ рѣшительное пораженіе. Позорный походъ А. И. Гучкова противъ московскаго земства; не менѣе постыдное выступленіе гг. предводителей дворянства противъ кн. П. Д. Долгорукова; полицейскія обвиненія, выставленныя противъ людей, которыхъ Москва привыкла считать выше обвиненій и политическая дѣятельность которыхъ всѣмъ извѣстна,—все это не могло не бросить тѣни на самихъ обвинителей въ глазахъ всякаго незаинтересованнаго и безпартійнаго обывателя. Оппозиціонное настроеніе московскаго съѣзда партіи также больше могло импонировать внѣ Москвы, чѣмъ въ самой Москвѣ: такъ какъ тамъ, на мѣстѣ, всѣмъ было видно, съ какимъ трудомъ и усиліями вожди партіи

*) „Рѣчь“, № 31, 25 марта.

подтянули къ своему уровню рядовыхъ членовъ, пріѣхавшихъ въ столицу требовать сохраненія исключительныхъ законовъ, какъ единственной гарантіи успѣха партіи на выборахъ въ провинціи.

Словомъ, московскій обыватель знаетъ теперь, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и никакая изворотливость гг. Богословскихъ и Гіацинтовыхъ не спасетъ пропграннаго дѣла. Какъ бы рѣзко ни звучали ноты политической оппозиціи «центра», какъ бы убѣдительно ни доказывали октябристскіе ораторы, что союзъ 17 октября—это почти то же, что «кадеты», имъ теперь никто не повѣритъ. Не повѣритъ уже потому, что, помимо политически-оппозиціоннаго фасада у «центра», есть еще торгово-промышленно-помѣщичье «нутро», и этого нутра ни отъ кого не скроешь. По нашему мнѣнію, совершенно справедливо такой компетентный октябристъ, какъ г. Перцовъ («Слово», № 1,421), считаетъ это «нутро» «скрытой первопричиной неуспѣха» партіи центра. Ихъ успѣхъ былъ бы, конечно, обезпеченъ при томъ составѣ избирателей, который предполагался закономъ 6 августа. Но ту огромную перемѣну, которую внесъ въ этотъ избирательскій составъ законъ 11 декабря, они точно также просмотрѣли, какъ ихъ петербургскіе сочлены. По словамъ г. Перцова, «причина (неуспѣха «центра») лежитъ въ фактическомъ отсутствіи демократизма».

«Не говорю уже», продолжаетъ этотъ авторъ, «о торгово-промышленной партіи, самое названіе которой обличаетъ ея чисто-профессіональный составъ. Но и союзъ 17 октября (въ столицахъ) сосредоточился пока исключительно въ сферахъ высшей буржуазіи и аналогичныхъ ей элементахъ мѣстнаго самоуправленія,—и рѣшительно не умѣетъ, да и не хочетъ выйти со своей проповѣдью «на улицу», на весь честной народъ».

Г. Перцовъ, правда, оговаривается что «отсутствіе демократизма» въ партіи центра «отнюдь не принципіальное», что оно, «напротивъ, совершенно противорѣчитъ задачамъ и духу птртіи». Тутъ онъ, однако, едва-ли правъ; при нѣсколько большемъ безпристрастіи онъ долженъ бы сдѣлать еще одинъ шагъ въ своихъ признаніяхъ и откровенно сказать, что партіи центра не только «не умѣютъ и не хотятъ» выйти на улицу, а что онѣ просто не могутъ выйти «на весь честной народъ», потому что имъ просто не съ чѣмъ передъ честнымъ народомъ явиться. Вотъ это, дѣйствительно, и есть настоящая «первопричина» той «первопричины неуспѣха», которую указываетъ г. Перцовъ.

Нельзя не остановиться еще на одной чертѣ предстоящихъ

московскихъ выборовъ. Это—крайняя слабость тѣхъ «истинно-монархическихъ» и «истинно-русскихъ» партій, которыя съ такой помпой выступили въ аршинныхъ прокламаціяхъ «Московск. Вѣдомостей», послали столько депутацій и вылили столько грязи на все, что въ Россіи не подходило къ ихъ цвѣту черной сотни. Не помогъ имъ и «блокъ» съ дюжиной однородныхъ организацій, вродѣ «хоругвеносцевъ», и т. п. Завтрашніе выборы произведутъ окончательный подсчетъ тому, что стоитъ сзади этой дутой рекламы. Московскіе выборы должны доказать окончательно и навсегда, что въ Россіи нѣтъ партіи стараго режима, а существуетъ только группа прихлебателей съ православнымъ и народнымъ Карлъ-Амаліей, Грингмутъ,—и существуетъ только потому, что есть казенныя, объявленія.

Въ то время, когда эти строки будутъ читаться въ Москвѣ избирательная кампанія будетъ тамъ уже въ полномъ разгарѣ. Желать побѣды нашимъ друзьямъ уже нечего; мы вѣримъ въ успѣхъ партіи народной свободы; мы желали бы, чтобы успѣхъ оказался также полонъ въ «народной» Москвѣ, какъ былъ въ «бюрократическомъ» Петербургѣ.

57. Тактика к.-д. большинства въ думѣ по отношенію къ лѣвымъ и правымъ *).

Значеніе дня 27 марта громадно— и съ каждымъ днемъ оно будетъ обнаруживаться все яснѣе. Мы говоримъ какъ о выборахъ въ Москвѣ, такъ и о состоявшихся въ губерніяхъ выборахъ членовъ въ государственную думу. Если послѣдніе съ полной почти несомнѣнностью показываютъ, что въ будущей думѣ группа конституціоналистовъ-демократовъ будетъ имѣть преобладающее значеніе, и, по всей вѣроятности, именно около этой группы сплотится будущее парламентское большинство, то московскіе выборы еще разъ и съ особенной осязательностью подчеркиваютъ, что въ такомъ торжествѣ партіи народной свободы нѣтъ ничего случайнаго и искусственнаго. Ярко демократическій характеръ московской побѣды былъ уже отмѣченъ всей нашей прессой. Такимъ образомъ, въ думѣ представители партіи народной свободы будутъ имѣть право говорить отъ имени очень значительнаго большинства русскаго населенія.

*) „Рѣчь“, № 34, 29 марта.

Если основной взглядъ партіи на правильный характеръ демократическаго представительства и мѣшаетъ считать депутатовъ первой русской думы правильно избранными, то, съ другой стороны, никто не будетъ возражать, что самая эта неуклонность стремленія къ реорганизаціи представительства на правильныхъ началахъ дѣлаетъ изъ представителей «кадетской» партіи въ думѣ законныхъ выразителей важнѣйшихъ и законнѣйшихъ требованій всего русскаго народа.

Такое положеніе партіи народной свободы въ думѣ существенно мѣняетъ всѣ элементы общаго политическаго положенія и приводитъ къ необходимости немедленной переоцѣнки всѣхъ политическихъ цѣнностей. Какого рода отвѣтственность возлагаетъ на партію ея доминирующее положеніе? Какъ должна опредѣлиться ея ближайшая тактика—и, въ частности, ея поведеніе въ думѣ? На какихъ основаніяхъ установится отношеніе ея къ правительству и отношеніе правительства къ ней? Какія мѣры должна принять партія, чтобы закрѣпить ту связь свою съ народомъ, со своими избирателями, которая установилась въ результатѣ мартовскихъ выборовъ? Какъ должно опредѣлиться отношеніе партіи къ ея парламентской группѣ?

Естественно, что по цѣлому ряду этихъ вопросовъ партіи придется высказаться на ея ближайшемъ съѣздѣ 21 апрѣля. Раньше, чѣмъ выскажется этотъ высшій органъ партіи, ничье частное или коллективное мнѣніе не можетъ претендовать на значеніе партійнаго мнѣнія. Тѣмъ не менѣе, на обязанности прессы, сочувствующей идеямъ партіи, лежитъ подготовить, путемъ предварительнаго обсужденія, тотъ идейный матеріалъ, который могъ бы облегчить съѣзду его нелегкую задачу.

Мы не предлагаемъ въ этой статьѣ заняться такимъ обсужденіемъ, но—въ видѣ нѣкотораго введенія къ нему—мы хотѣли бы сдѣлать нѣсколько предварительныхъ замѣчаній, цѣль которыхъ—устранить недоразумѣнія, довольно распространенныя въ послѣднее время. По мѣрѣ того, какъ вырисовывается то огромное значеніе, которое предстоитъ сыграть партіи народной свободы въ ближайшей политической исторіи Россіи, очень быстро мѣняется отношеніе къ партіи чуждыхъ ей и до сихъ поръ враждебныхъ политическихъ группъ. Какъ будетъ дѣйствовать партія въ роли «побѣдительницы»,—одинаково интересуетъ политическія группы совершенно противоположнаго характера. Но, несмотря на то, что поводы интересоваться партіей справа и слѣва совершенно различны,

—и правые, и лѣвые сходятся въ томъ, что возлагаютъ на партію народной свободы такого рода отвѣтственность за ея будущія дѣйствія, которая болѣе вытекаетъ изъ понятія этихъ самыхъ группъ о томъ, что надо дѣлать, чѣмъ изъ задачъ и плановъ самой конституціонно-демократической партіи.

Конституціонно-демократическая партія поступила бы, по нашему мнѣнію, очень неосторожно, если бы, выбирая свою линію поведенія, стала руководиться чьими бы то ни было внушеніями со стороны. Слѣва ее до сихъ поръ только порицали болѣе или менѣе рѣзко. Теперь оттуда же считаютъ нужнымъ давать ей совѣты и ставить требованія. По нашему мнѣнію, мѣрка отвѣтственности партіи за ея поведеніе должна заключаться не въ соотвѣтствіи или несоотвѣтствіи его этимъ указаніямъ со стороны, а въ соотвѣтствіи тѣмъ обязательствамъ, которыя партія приняла передъ избирателями и которыя хорошо извѣстны всѣмъ, какъ изъ ея программы, такъ и изъ ея тактическихъ рѣшеній. Изъ того стоическаго спокойствія, которое партія обнаружила, когда ее осыпали градомъ упрековъ и обвиненій за то, что она хочетъ дѣлать свое дѣло, а не чужое, можно вывести заключеніе, что и по отношенію къ непрошеннымъ совѣтамъ она останется такъ же непоколебима и вѣрна самой себѣ. Теперь ей это дѣлать будетъ гораздо легче, чѣмъ прежде. Прежде, когда рѣчь шла о выборѣ того или иного способа дѣйствій, о постановкѣ той или другой задачи, партія могла руководиться лишь мнѣніемъ своихъ членовъ, и выборъ зависѣлъ отъ ихъ большей или меньшей политической проницательности. Теперь мнѣніе партіи освящено одобреніемъ тѣхъ сотенъ тысячъ избирателей, которые послали ея членовъ въ государственную думу. Въ этой народной санкціи партія должна отнынѣ черпать свою рѣшимость, свое политическое мужество и свое сознаніе отвѣтственности.

Если все это вѣрно по отношенію къ требованіямъ, предъявляемымъ партіи слѣва, то требованія, предъявляемыя справа, нуждаются въ болѣе рѣшительномъ отпорѣ. Отпоръ здѣсь тѣмъ болѣе нуженъ, что если неправильныя требованія слѣва партія можетъ трактовать, какъ продуктъ добросовѣстнаго заблужденія, то никакъ нельзя сказать того же относительно требованій, идущихъ справа. И если слѣва сохраняется возможность говорить съ партіею отъ имени народа, еще не спрошеннаго или недостаточно освѣдомленнаго, то справа разговоръ ведется отъ имени ничтожной горсти людей, безсиліе которыхъ только-что доказано наглядно народнымъ

голосованіемъ, и которые тѣмъ не менѣе считаютъ возможнымъ сохранять съ будущими народными представителями надменный тонъ народныхъ опекуновъ и претендовать на монополію охранителей народнаго блага.

Въ послѣднемъ номерѣ правительственной газеты это странное неумѣнье забыть свое прошлое и научиться у жизни, какъ исполнять ея новыя задачи, выражается особенно ярко. Газета подбодряетъ себя и своихъ читателей увѣреніемъ, что ее и ихъ «не должна страшить побѣда кадетовъ». Читатель думаетъ, что эта увѣренность почерпнута въ намѣреніи не ставить препятствій посланникамъ народа. Не совсѣмъ такъ или, лучше сказать, вовсе не такъ. Оффиціальный органъ ставитъ условія, на которыхъ онъ соглашается «не страшиться». «Если они (кадеты) идутъ въ государственную думу съ намѣреніями не революціонными, они такіе же желанные гости, какъ и представители другихъ партій». Не правда-ли, оригинальная постановка? Если «кадеты» и другіе депутаты суть въ думѣ только «желанные гости», то кто же тамъ «хозяинъ»? Газета обѣщаетъ, отъ чьего-то имени, что если гости обнаружатъ «искреннее желаніе спокойствія родной странѣ», тогда—въ качествѣ награды за хорошее поведеніе—«окажутся возможными всяческіе компромиссы» и «начнется засыпка рва, зіяющаго сейчасъ, по какому-то роковому недоразумѣнію, между русскимъ обществомъ и правительствомъ».

Можемъ увѣрить правительственную газету, что «роковое недоразумѣніе» заключается именно въ той странной постановкѣ вопроса, которую она дѣлаетъ въ разбираемой статьѣ,—въ путаницѣ понятій «гостей» и «хозяевъ». Пока длится это «роковое недоразумѣніе», надежды на «засыпку рва» не можетъ быть никакой. Газета взываетъ къ «гостямъ»: modus vivendi долженъ быть найденъ во что бы то ни стало и какъ можно скорѣе. Въ продолжающихся революціонныхъ актахъ и въ отвѣчающихъ имъ репрессіяхъ правительства—нѣтъ выхода на свѣтлую дорогу». «Гости» могли бы отвѣтить: мы совершенно согласны относительно modus vivendi; но «въ продолжающихся репрессіяхъ правительства и отвѣчающихъ имъ революціонныхъ актахъ—нѣтъ выхода на свѣтлую дорогу».

Министерская газета продолжаетъ нашъ воображаемый діалогъ довольно неожиданной репликой. Въ переводѣ на обыкновенный разговорный языкъ, эта реплика гласитъ: «астановитесь вы первые... иначе мы васъ разгонимъ». Читатель не вѣритъ? Тогда мы процитируемъ эту реплику на дипломатическомъ языкѣ «Рус-

скаго Государства». «Посылая своихъ представителей въ Таврическій дворецъ, русскій народъ долженъ напомнить имъ, что невѣрно взятый тонъ можетъ испортить всю музыку. Малѣйшее уклоненіе отъ этой истины дѣйствительно «сорветъ думу» и сорветъ ее даже на самомъ ничтожномъ вопросѣ»... Чтобы понять смыслъ этой загадочной фразы, надо перейти къ другой фразѣ, нѣсколькими строками ниже. «Le ton fait la musique, господа; грохотъ взрыва тверской бомбы—слишкомъ невѣрно взятый тонъ у порога русскаго парламента».

Такъ вотъ въ чемъ дѣло!.. Удивительно ограниченный исторический кругозоръ у представителей нашей высшей администраціи; и прошлое, изъ котораго они ничему не научились и ничего не забыли, имѣетъ надъ ними удивительно сильную и странную власть. Плеве искалъ прецедентовъ для своей политической программы въ своемъ собственномъ прошломъ и нашелъ ихъ въ организаціи еврейскихъ погромовъ. Теперь туда же, въ это самое прошлое, обращается и наше «конституціонное» министерство и пробуетъ вновь начать нелѣпые переговоры съ русскими «либералами» о пріостановкѣ русской «революціи». На «кадетовъ», повидимому, выпадаетъ почетная роль посредниковъ...

Нѣтъ, господа, пораскиньте умомъ и поищите другихъ прецедентовъ. По вчерашнему сообщенію нашей газеты, не опровергнутому «Русск. Госуд.», нашъ премьеръ подалъ въ отставку, съ единственной цѣлью, конечно, вызвать отставку своего коллеги. По нашимъ новѣйшимъ свѣдѣніямъ, однако же, одна отставка не принята, а другая—еще не была подана.

Жаль! Конституціонное министерство такимъ путемъ рискуетъ упустить случай совершить самый конституціонный изъ актовъ за все время своего существованія.

Взамѣнъ того, оно «у порога русскаго парламента» заключаетъ милліардные займы безъ участія русскаго народа, гноитъ въ тюрьмахъ и ссылаетъ въ тундры десятки тысячъ русскихъ гражданъ, все несчастье которыхъ заключается въ неуловимости ихъ вины для русской полиціи.

Вслѣдъ за «Русск. Госуд.», мы не можемъ не повторить: «Довольно преступленій!»

То чувство отвѣтственности, котораго правительственный органъ требуетъ отъ народныхъ представителей, пора бы было воспитать въ самомъ себѣ. Въ извѣстномъ анекдотѣ житель знойнаго юга, укушенный собакой во время морозной зимы и тщетно старавшійся

оторвать для самозащиты примерзшій къ землѣ камень, воскликнулъ: «несчастная страна, въ которой собаки гуляютъ на свободѣ, а камни—привязаны! Зима теперь прошла для «несчастной страны», и камни свободны. Держите собакъ на привязи!

58. Крестьяне и тактика к.-д. большинства *).

Первая серія выборовъ въ государственную думу отъ 27 губерній закончилась (26—29 марта), и вопросъ о составѣ думы и о характерѣ ея дѣятельности въ ближайшее время становится на первую очередь. Составъ думы по партіямъ еще не опредѣлился окончательно, но изъ имѣющихся свѣдѣній уже ясно, что большинство выбранныхъ теперь 178 членовъ будетъ принадлежать къ «лѣвымъ», и въ составѣ этого большинства партія народной свободы будетъ имѣть огромный численный перевѣсъ. До полнаго комплекта остается, однако, выбрать еще 315 членовъ думы. Нѣтъ основаній предполагать, что въ дальнѣйшихъ выборахъ перевѣсъ перейдетъ отъ лѣвой партіи къ правой, такъ какъ политическое настроеніе, при которомъ происходятъ выборы, можетъ измѣниться только къ выгодѣ для лѣвыхъ, а не для правыхъ партій. Единственнымъ спорнымъ и сомнительнымъ вопросомъ, на которомъ теперь естественно сосредоточивается главное вниманіе и правительства, и лѣвой, и правой,—остается вопросъ о томъ, какое положеніе займетъ въ думѣ крестьянская группа. Если бы этотъ вопросъ не вызывалъ спора, то отношеніе къ думѣ правительства могло бы установиться теперь же, точно такъ же, какъ и тактика большинства. При существующихъ же условіяхъ, естественно думать, что тактика обѣихъ сторонъ будетъ выжидательная и что за вліяніе на крестьянскую группу будетъ вестись самая энергичная борьба.

Удастся ли правительству создать изъ крестьянъ «министерскую» партію, или же крестьяне вступятъ въ соглашеніе съ партіей народной свободы, или, наконецъ, правительству удастся раздѣлить крестьянскую группу, вызвавъ антагонизмъ экономическихъ интересовъ между ея различными слоями?

Довольно вѣроятно, что среди своихъ заботъ объ установленіи церемоніала думскихъ засѣданій правительство найдетъ время за-

*) „Рѣчь“, № 36, 31 марта.

няться и обработкой крестьянскихъ депутатовъ въ свою пользу. Но какіе у него шансы успѣть въ этомъ? Мы думаемъ, что весьма незначительные. Назначеніе г. Никольскаго на мѣсто г. Кутлера является въ этомъ случаѣ символическимъ. Правительство выступило въ аграрномъ вопросѣ съ программой, которая, во-первыхъ, отнимаетъ у крестьянскихъ депутатовъ всякое участіе въ рѣшеніи самыхъ кровныхъ для нихъ вопросовъ, и, во-вторыхъ, рѣшаетъ эти вопросы въ интересахъ не всего крестьянства, а лишь зажиточной крестьянской буржуазіи. Относительно принципіальнаго разногласія этой программы съ программой самаго крестьянства не можетъ быть никакого сомнѣнія. Такимъ образомъ, чтобы сколько-нибудь расположить въ свою пользу крестьянскую группу въ думѣ, правительству пришлось бы круто повернуть съ того пути, на который оно только что вступило, и вернуться на путь, которымъ хотѣлъ идти отставной министръ земледѣлія, но только идти по этому послѣднему пути еще болѣе рѣшительно. Другими словами, чтобы соперничать съ «кадетами» во вліяніи на крестьянъ, правительство должно принять «кадетскую» аграрную программу.

Едва-ли эта необходимость теперь уже стала ясна для правительства. Люди, недавно игравшіе на бутафорскихъ крестьянскихъ депутаціяхъ и неумолимо преслѣдовавшіе въ самыхъ глухихъ углахъ Россіи самые отдаленные намеки на пропаганду идей «крестьянскаго союза»,—эти люди едва-ли окажутся способны дать крестьянамъ хлѣбъ, вмѣсто камня; и, во всякомъ случаѣ, они едва ли помѣшаютъ крестьянамъ самимъ добиваться того, за чѣмъ ихъ послали ихъ избиратели. Гармонія крестьянскихъ интересовъ со стремленіями партіи народной свободы выяснится очень скоро для тѣхъ, кому она еще неясна теперь, и можно ожидать, что, прежде чѣмъ крестьянскіе депутаты перешагнутъ порогъ Таврическаго дворца, они уже хорошо ознакомятся со взглядами этой партіи на мѣстѣ, въ своихъ губерніяхъ, или черезъ своихъ коллегъ по мѣстному избранію. Крестьянскіе депутаты, уже теперь въ большомъ количествѣ и сознательно примыкающіе къ партіи народной свободы, будутъ при этомъ самыми естественными посредниками.

Итакъ,—конечно, партіи не слѣдуетъ складывать рукъ,—но она можетъ, намъ кажется, строить свои дальнѣйшія предположенія въ расчетѣ, что у нея съ крестьянами состоится полное соглашеніе. Этимъ соглашеніемъ, конечно, опредѣлится и вся тактика партіи въ думѣ.

Намъ нечего говорить, что эта тактика, во всякомъ случаѣ, не

будетъ тактикой меньшинства, тактикой незначительной кучки. Отъ нашего правительства можно, конечно, ожидать всего: можно предполагать и то, что оно поставитъ большинство думы въ положеніе оппозиціи. Но даже и въ этомъ случаѣ оппозиціонное большинство—это contradictio in adjecto всякаго нормальнаго конституціоннаго строя—должно, по нашему представленію, использовать всю ту силу, которую дастъ ему его моральный авторитетъ и его легальное положеніе. Возможности конфликта это не уничтожаетъ; но форма и длительность конфликта между властью и парламентскимъ большинствомъ должны быть совершенно иными, чѣмъ онѣ были бы между «черносотенной» думой, поддерживающей правительство, и ничтожнымъ меньшинствомъ, опирающимся на прогрессивное мнѣніе страны. Чѣмъ мы будемъ чувствовать себя сильнѣе и свое положеніе—прочнѣе, тѣмъ въ болѣе спокойныхъ и импонирующихъ формахъ долженъ протекать конфликтъ между народомъ и властью.

Цѣль дѣятельности партіи въ думѣ остается та же, какая была намѣчена при самомъ образованіи партіи. Наши противники изъ «блока» 17 октября, до сихъ поръ безъ всякихъ основаній упрекавшіе партію, что она нѣсколько разъ мѣняла свою программу, теперь опять прибѣгаютъ къ старому пріему и утверждаютъ, будто партія «спрятала» свою программу на выборахъ; и они обращаются къ партіи съ вопросомъ, какую программу она будетъ выполнять въ думѣ—старую или новую. Мы должны, вообще, сказать, что обвиненія противъ партіи народной свободы обыкновенно основываются на поразительномъ незнакомствѣ съ ея документами. У партіи есть и была всегда одна программа, въ основу которой легла еще прежняя программа «союза освобожденія», отдѣльныя части которой были развиты подробнѣе для земскихъ и городскихъ съѣздовъ. Со времени своего утвержденія на учредительномъ съѣздѣ 14—18 октября 1904 г. программа не мѣнялась, и второй, январьскій съѣздъ, особенно бережно отнесся къ неприкосновенности ея текста, внеся лишь самыя необходимыя поясненія. Избирательныя афиши, обращенныя къ самымъ широкимъ слоямъ, конечно, не могли исчерпать программы и не могли передать во всей точности всѣхъ ея положеній, но, во всякомъ случаѣ, онѣ не противорѣчили программѣ и не вводили въ нее новыхъ обѣщаній, какъ нѣкоторыя афиши 17 октября.

Такимъ образомъ, программа партіи остается выраженіемъ ея взглядовъ и стремленій. Остается разрѣшить лишь вопросы очередной тактики и порядка осуществленія партійныхъ задачъ; но и тутъ постановленія предыдущаго съѣзда въ значительной степени пред-

опредѣляютъ поведеніе партіи. Уже на этомъ съѣздѣ предусматривалась возможность совмѣстной выработки очереднаго плана дѣйствій съ крестьянскими депутатами въ думѣ. Логически первыми вопросами, которые слѣдуетъ поднять и разрѣшить въ думѣ, съ точки зрѣнія партіи, были вопросы коренной реорганизаціи конституціоннаго строя. Но партія предвидѣла, что крестьянскіе депутаты будутъ считать болѣе существеннымъ для себя—немедленное рѣшеніе земельнаго вопроса. По послѣднимъ свѣдѣніямъ можно думать, что крестьяне понимаютъ огромную важность рѣшенія политическихъ вопросовъ въ первую очередь; но, какъ бы то ни было, окончательное соглашеніе можетъ состояться только въ думѣ. Сторонники строгой доктрины будутъ, конечно, утверждать, что настоящіе депутаты не суть истинные представители народа—и никакихъ вопросовъ, поэтому, разрѣшать не должны. Съ первымъ положеніемъ мы согласны,—такъ какъ первой цѣлью партіи есть и останется — организація правильнаго народнаго представительства. Но простая справка съ представительными учрежденіями Запада покажетъ, что отрицать, вообще, принципіально значеніе нашихъ депутатовъ, какъ все-таки народныхъ избранниковъ, и свести ихъ роль на роль простыхъ протестантовъ—было бы смѣшнымъ и жалкимъ доктринерствомъ. Наша избирательная система — неправильна; но одно изъ практическихъ послѣдствій ея недостатковъ есть то, что въ первой русской думѣ крестьянство будетъ представлено такъ, какъ оно никогда и нигдѣ не было представлено, а реакціонное меньшинство представлено слабѣе, чѣмъ могло бы быть представлено при болѣе совершенной избирательной системѣ. Слѣдовательно, какъ бы мы ни относились къ основамъ избирательнаго права, практически мы должны дорожить составомъ первой русской думы и предоставить ей самой—использовать себя въ интересахъ тѣхъ прогрессивныхъ силъ, которыя будутъ тамъ представлены.

59. К.-д. большинство и ожиданія правыхъ *).

Въ первые дни послѣ побѣды «кадетовъ» побѣжденные противники ихъ съ ожесточеніемъ занялись сведеніемъ взаимныхъ счетовъ. Мы узнали за это время много любопытнаго и новаго, хотя

*) „Рѣчь“, № 37, 1 апр.

и не неожиданнаго. Поддержка правительства не помогла партіямъ «центра»—и началась взаимная перебранка между обманутыми въ своихъ ожиданіяхъ союзниками. «Октябристы», открывши чересчуръ поздно, что секретъ успѣха «кадетовъ» заключался въ опредѣленности и яркости ихъ оппозиціоннаго настроенія, спѣшатъ наверстать потерянное время и отличиться рѣзкостью своихъ нападеній. Отъ правительственныхъ же органовъ мы узнаемъ, что «октябристы»—это «Держиморды великихъ идей освобожденія», что «ядро» ихъ состоитъ изъ «типичнѣйшихъ россійскихъ буржуевъ, обязанныхъ правительству своимъ положеніемъ и феноменальными матеріальными выгодами на службѣ отечеству»; что ихъ армія—«крупная буржуазія, питающаяся отъ щедротъ правительства (фабриканты, заводчики, подрядчики)»; что они «заполнили пустоту свою патріотизмомъ», превратили патріотизмъ въ «какой-то выборгскій крендель»; что «патріотизмъ помогъ имъ получать подряды, объявленія и содержать органы печати на деньги, собранныя не безъ содѣйствія правительства»; «неблагодарность и предательство»—ихъ главныя черты, а «гдѣ требовался натискъ и сила»—они «ничего, кромѣ умѣренности и безполости, не проявили».

Взаимная перебранка на первыхъ порахъ даже заставила противниковъ нѣсколько позабыть объ ихъ общемъ врагѣ—побѣдившихъ «кадетахъ». Теперь, по мѣрѣ того, какъ взаимное раздраженіе остываетъ, вчерашніе друзья снова начинаютъ заниматься партіей народной свободы и находятъ себѣ утѣшеніе въ своемъ пораженіи, злорадно учитывая впередъ тѣ будущія ошибки, которыя побѣдившая партія можетъ совершить въ государственной думѣ.

Увы, въ своихъ расчетахъ на будущее пораженіе «кадетовъ» наши противники оказываются такъ же легкомысленны и неосторожны, какъ были въ расчетахъ на свое собственное торжество. Они опять тѣшатъ самихъ себя соображеніями, не имѣющими ничего общаго съ дѣйствительностью.

Исходная точка всѣхъ ихъ разсужденій—и ихъ основная ошибка—заключается въ томъ, что они строятъ всѣ свои разсчеты не на дѣйствительной физіономіи партіи народной свободы, а на томъ, какъ они сами себѣ разрисовали ее въ своихъ полемическихъ упражненіяхъ передъ выборами. Они такъ долго и такъ громко кричали, что партія народной свободы стремится къ республикѣ и соціальной революціи, что ея имя тожественно съ «безпорядкомъ» и «разрушеніемъ», что ея торжество равносильно «развалу»

*

Россіи и т. д., и т. д.,—что имъ, въ самомъ дѣлѣ, трудно теперь представить, какимъ образомъ эта партія будетъ дѣйствовать въ качествѣ «большинства» и въ роли возстановительницы новаго и лучшаго порядка. Даже Д. Н. Шиповъ все еще убѣжденъ, что партія народной свободы—это «люди, которые видятъ въ вѣчной борьбѣ все значеніе своей дѣятельности». А. И. Гучковъ уже прямо предвкушаетъ наступленіе момента, когда «кадеты» напугаютъ общество своими крайними требованіями и, подъ вліяніемъ этого испуга, правительство отразитъ ихъ «штурмъ» и «натискъ», а общество возвратитъ свое довѣріе «октябристамъ» для «систематической и правильной осады бюрократической крѣпости». Проф. Латкинъ въ «Словѣ» также заранѣе предсказываетъ «разочарованіе общества въ спасительности кадетской программы», связывая это «разочарованіе» съ тѣмъ моментомъ, когда «они примутся выполнять свои обѣщанія». Предполагается, конечно, что обѣщанія невыполнимы и что «кадеты» будутъ поставлены въ необходимость или отказаться отъ выполненія—и тогда они прослывутъ измѣнниками,—или пойти напроломъ—и тогда они подтвердятъ свою репутацію утопистовъ и разрушителей. Наконецъ, и «Новый Путь» г. Красовскаго тоже злорадствуетъ по поводу того, что «кадеты» не сумѣютъ подготовить для думы своихъ законопроектовъ, потому что... куда же «кадетамъ» до опытныхъ канцелярскихъ чиновниковъ!

Не будемъ преждевременно разочаровывать нашихъ противниковъ въ ихъ пріятныхъ заблужденіяхъ. Стороннимъ же и безпартійнымъ наблюдателямъ можемъ посовѣтовать только одно: не вѣрить на слово всѣмъ тѣмъ обвиненіямъ, которыя выставляются противъ партіи, обыкновенно съ чужого голоса,—а попробовать познакомиться и съ программой партіи, и съ вопросами, разрѣшаемыми въ ея программѣ, самостоятельно и непосредственно. Чѣмъ основательнѣе будетъ это ознакомленіе, тѣмъ болѣе безпристрастный наблюдатель убѣдится, что требованія партіи основаны не на иллюзіяхъ и химерахъ, а на жизненной и насущной необходимости. «Октябристы» не разъ обвиняли партію народной свободы, что она списала свою программу у нихъ. При лучшемъ знакомствѣ съ исторіей освободительнаго движенія, они бы поняли, почему не только въ основѣ программы партіи 17 октября и народной свободы есть много общаго, но это общее—обще и цѣлому ряду другихъ партійныхъ программъ. Дѣло въ томъ, что содержаніе большинства этихъ программъ лишь формулируетъ давно на-

зрѣвшія, давно наболѣвшія нужды русской жизни. Если нужды эти удалось ранѣе другихъ формулировать тѣмъ организаціямъ, которыя легли въ основу партіи народной свободы, и если отсюда, изъ «союза Освобожденія», изъ земскихъ резолюцій формулы эти взяты и усвоены другими политическими группами, то это объясняется какъ большей политической подготовленностью и гражданской отзывчивостью этихъ группъ, такъ и тѣмъ, что, благодаря только что упомянутымъ свойствамъ, эти люди первые повели за собой ту часть освободительнаго движенія, которая добивалась конституціонныхъ уступокъ. Тѣмъ, кто только теперь вновь примыкаетъ къ движенію и переписываетъ готовыя формулы въ новыя партійныя программы, можетъ показаться, что формулы эти новы, случайны, болѣе или менѣе произвольны, искусственны или выдуманы. Но тѣмъ, кто шагъ за шагомъ, слово за словомъ выковывалъ годами и мѣсяцами эти самыя формулы, кто съ бою бралъ каждое выраженіе,—тѣмъ ясно, какъ мало дѣйствительно выдуманнаго и случайнаго въ программныхъ формулахъ партіи народной свободы. Эти формулы не выдуманы въ тиши кабинета, они отшлифованы и обтерты долгимъ треніемъ взаимно сталкивавшихся и уступавшихъ другъ другу взглядовъ и интересовъ; и въ парламентскихъ преніяхъ по ихъ поводу мы, вѣроятно, услышимъ повтореніе многаго такого, что уже много разъ обсуждалось и принято было во вниманіе при окончательной обработкѣ программы.

Само собой разумѣется, что «программа» не есть «законопроектъ»,—и при первомъ приступѣ къ осуществленію какой бы то ни было части программы необходима новая разработка и дальнѣйшее обсужденіе. Наиболѣе насущные вопросы, которые должны быть подняты партіей въ думѣ, уже въ настоящее время составляютъ предметъ такой дополнительной разработки. Въ частности, по аграрному вопросу работаетъ цѣлая комиссія, широко открывшая доступъ къ участію въ своихъ работахъ и спеціалистамъ, стоящимъ внѣ партіи. Наши противники постоянно обвиняютъ насъ въ отвлеченности и книжности, противополагая этому практичность и дѣловитость своихъ вождей. Но въ такихъ коренныхъ вопросахъ русской жизни, какъ аграрный, мы можемъ сдѣлать этимъ обвинителямъ очную ставку. Мы утверждаемъ, что никто не сдѣлалъ для дѣловой разработки аграрнаго вопроса за послѣднее время столько, сколько сдѣлали комиссіи, созданныя партіей и ея предшественниками, лица, прикосновенныя къ партіи или работавшія по ея почину. То же самое—и еще въ большей степени—

вѣрно и по отношенію къ основнымъ вопросамъ конституціоннаго права и ихъ приложенію къ Россіи.

Такимъ образомъ, всѣ злорадныя предсказанія нашихъ противниковъ, что партія не сможетъ исполнить своихъ «обѣщаній», что ея требованія не жизненны, что она не сумѣетъ облечь свои требованія въ формы пріемлемыхъ законопроектовъ,—всѣ эти расчеты, цѣль которыхъ дискредитировать партію,—распадаются въ прахъ при первомъ соприкосновеніи съ фактами, хотя бы изъ прошлой жизни той же самой партіи; но только съ *фактами*, а не съ вздорными измышленіями избирательныхъ бюллетеней нашихъ противниковъ.

Мы должны прибавить, впрочемъ, что и эти наши противники не вовсе безнадежны по части признанія жизненности и практичности самыхъ основныхъ нашихъ требованій. Мы еще недавно предсказывали, что скоро отношеніе ихъ къ всеобщему и прямому избирательному праву очень перемѣнится. И сегодня мы имѣли удовольствіе прочесть въ «Словѣ», что въ этомъ кардинальномъ пунктѣ нашей программы А. И. Гучковъ совершенно согласенъ—если не съ нами, то съ «честнымъ демократомъ В. В. Водовозовымъ». Можетъ быть, скоро присоединится къ этому мнѣнію и «Русское Государство»? И тогда самъ г. Столыпинъ окончательно утвердится въ своей мысли, что «кадетамъ» можно поручить составленіе новаго министерства.

Вчерашній номеръ «Русскаго Государства» переполненъ статьями, которыя съ разныхъ сторонъ стараются освѣтить вопросъ, «занимающій всѣхъ»: «съ чего начнетъ дума и что отвѣтитъ на ея починъ власть?» Значительная часть разсужденій правительственнаго органа исходитъ изъ того представленія о «кадетахъ», по поводу котораго написана предыдущая статья. «Кадеты»—революціонеры и разрушители; слѣдовательно, если они не перемѣнятся, власти придется разогнать думу. Правительственный органъ, однако, полагаетъ, что послѣдняго «Богъ дастъ, не случится». Но тѣмъ усерднѣе онъ настаиваетъ на «поправѣніи» кадетовъ. «Русское Государство» увѣрено, что кадетское «поправѣніе» отчасти уже совершилось, отчасти должно совершиться. «Отъ тѣхъ доктринъ, которыя были поставлены первоначально въ программу дѣйствій к.-д. партіи, она, судя по послѣднимъ заявленіямъ ея, повидимому, отказалась. Она признаетъ теперь и монархію, и недѣлимость имперіи,—а это главное». К.-д. партія многократно разъясняла, что она всегда признавала и то, и другое. Такимъ образомъ, не кадетамъ нужно «правѣть», а

ихъ обвинителямъ лучше ознакомиться съ тѣмъ, кто такіе—кадеты.

Къ сожалѣнію, «Русское Государство» ищетъ другихъ, окольныхъ путей,—на случай, если партія не захочетъ «правѣть».

Можетъ быть, гадаетъ «Русское Гос.», въ такомъ случаѣ «поправѣетъ» не вся партія, а только ея представители въ парламентѣ?.. «Для блага родины имъ не одинъ разъ можетъ представиться необходимость отступить отъ программы своей партіи». Вѣдь депутаты «не связаны инструкціями» и «не обязаны отчетомъ» передъ избирателями! Отчего бы имъ и не совершить предательства?

Есть и другой аргументъ у правительственнаго органа на случай, если не подѣйствуетъ первый. «Р. Г.» старается подѣйствовать на партійный эгоизмъ. Конфликтъ невыгоденъ ни к.-д. партіи, ни правительству, потому что имъ могутъ воспользоваться только крайнія партіи.

На этомъ основаніи правительственный органъ предлагаетъ партіи «столковаться о будущей программѣ взаимныхъ дѣйствій». Дума будетъ «кабинетомъ нотаріуса», а правительство и побѣдившая партія—«договаривающимися сторонами».

Намъ вспоминается по поводу этого предложенія извѣстная эзоповская басня: «я вижу много слѣдовъ входящихъ (въ пещеру ко льву), но не вижу слѣдовъ выходящихъ». Когда гр. Витте приглашалъ къ себѣ для переговоровъ А. И. Гучкова, онъ услышалъ отъ него совершенно резонное заявленіе, что всякое приватное соглашеніе только дискредитируетъ того, кто въ него вступитъ, и лишитъ его той общественной поддержки, которая и составляетъ единственную силу общественнаго дѣятеля. То же самое гр. Витте приходилось выслушивать и отъ дѣятелей другихъ оттѣнковъ. Неужели эти неудачные эксперименты все еще ничему не научили?

К.-д. партія—мы это смѣло говоримъ—можетъ быть, одна она—можетъ вывести Россію изъ рокового импасса. Но для этого нужно, чтобы она оставалась самой собой, чтобы она оставалась тѣмъ, что привлекло къ ней всеобщее довѣріе. Употребить ее только какъ новый, не изломанный еще инструментъ для временной починки безнадежно испорченной машины,—это прежде всего никому не удастся; но если бы это и удалось, то это было бы несчастіемъ для родины, преступленіемъ и позоромъ для тѣхъ, кто взялъ бы на себя эту роль.

Программа партіи ясна; ея намѣренія въ думѣ также въ главныхъ чертахъ извѣстны всякому, кто сколько нибудь слѣдилъ за исторіей хотя бы послѣдняго года. Моральное и политическое зна-

ченіе партіи неразрывно связано со всѣмъ ея прошлымъ: и ея сложившаяся уже физіономія не подлежитъ измѣненію ни въ какомъ партикулярномъ «кабинетѣ». Ее нужно брать такой, какая она есть, или не брать вовсе. «Р. Гос.» право, когда оно думаетъ, что ему лучше «имѣть дѣло съ тѣми, кто преемственно унаслѣдовалъ политическое credo, чѣмъ съ представителями политическаго «чего изволите», кусающими руку, которая ихъ кормитъ». Но тогда надо умѣть и уважать тѣхъ, съ кѣмъ хочешь имѣть дѣло. Ни кусать, ни цѣловать ничьей руки наши «лучшіе люди» не будутъ; «кормить» и прикармливать ихъ—нельзя, и если между ними, по справкамъ «Р. Г.», «есть кучера», зато нѣтъ лакеевъ.

60. Расчеты «правыхъ» на радикализмъ и неумѣренность к.-д. большинства *).

Наши политическіе противники продолжаютъ очень усердно обсуждать вѣроятное поведеніе к.-д. партіи въ думѣ. Понятно, что все ихъ вниманіе при этомъ обращено на учетъ будущихъ ошибокъ побѣдившей партіи, такъ какъ въ ея ошибкахъ заключается теперь ближайшій шансъ для побѣжденныхъ — поправить свои дѣла. Не безполезно и намъ присмотрѣться къ разсужденіямъ нашихъ противниковъ, чтобы заблаговременно взвѣсить какъ вѣроятность съ нашей стороны тѣхъ ошибокъ, которыя они предусматриваютъ, такъ и способы избѣжать этихъ ошибокъ.

Основнымъ источникомъ, изъ котораго должны пропстечь всѣ наши ошибки, является въ представленіяхъ нашихъ противниковъ нашъ излишній радикализмъ. Объ этомъ обвиненіи по существу мы уже не разъ говорили и возвращаться къ нему теперь не будемъ. Для насъ интересны теперь тѣ планы дѣйствій, которые строютъ на нашемъ излишнемъ радикализмѣ наши обвинители.

Плановъ этихъ два и притомъ они противоположны одинъ другому. Оба плана расчитаны на то, что партія, подойдя вплотную къ практической работѣ, принуждена будетъ сдѣлаться болѣе умѣренной. Но одинъ планъ построенъ на смѣломъ расчетѣ: занять въ такомъ случаѣ мѣсто к.-д. партіи, какъ рѣзко оппозиціонной, и унаслѣдовать ея популярность. Надо сказать, что къ выполненію этого плана уже приступили «октябристскіе» органы печати. И «Слово», и даже отчасти «Новое Время» пытаются говорить несвой-

*) „Рѣчь“ № 40, 6 апр.

ственнымъ имъ оппозиціоннымъ языкомъ, рѣзко нападая на правительство и обвиняя все настойчивѣе «кадетовъ» въ томъ, что они готовы заключить съ правительствомъ тайный союзъ. «Витте—премьеръ кадетовъ»,—эта тема даетъ неисчерпаемый матеріалъ для заподозрѣваній, предсказаній и политическихъ обличеній. Въ противоположность «кадетамъ», готовящимся продать народъ, или, во всякомъ случаѣ, распорядиться его судьбой безъ его вѣдома и желанія, «октябристы» требуютъ теперь созыва новой думы на основаніи всеобщаго избирательнаго права и горько жалуются, что избирательный законъ 11 декабря остановился въ расширеніи избирательнаго права, какъ разъ на той чертѣ, за которой начинается уже подлинный народъ, вѣрный союзникъ правыхъ партій. Идея, повидимому, начинаетъ пускать корни и въ высшихъ сферахъ: одни говорятъ о томъ, чтобы «не мѣшать» кадетамъ ввести всеобщее избирательное право и назначить новые выборы; другіе даже вовсе не хотятъ созывать «кадетской» думы и прямо предлагаютъ созвать «народную».

Мы давно предсказывали наступленіе такой перемѣны взгляда на всеобщее и прямое избирательное право,—и можемъ только радоваться, что цѣлый рядъ препятствій къ введенію его теперь можетъ оказаться устраненнымъ. Но тутъ есть маленькая частность, которая помѣшаетъ новымъ энтузіастамъ всеобщаго и прямого избирательнаго права ввести его сразу, помимо думы. Помѣхой является не кто иной, какъ «народъ» въ этой самой думѣ! Интеллигентскую думу можно бы, пожалуй, было разогнать безъ особыхъ церемоній, но какъ быть съ крестьянами, которыхъ уже теперь въ думѣ большинство?

Прямо разогнать этотъ «народъ»—очевидно, слишкомъ опасно. Надо его убѣдить. А для этого надо созвать думу и надо занять ее учредительными политическими вопросами! Такъ иронія жизни приводитъ нашихъ противниковъ къ принятію той самой точки зрѣнія, которую они изобличали, какъ революціонную и утопическую, когда развивали ее мы.

Бѣдные наши противники! Историческій фатумъ бьетъ ихъ и справа, и слѣва,—и своимъ, и нашимъ оружіемъ. Протестуя противъ нашихъ «разрушительныхъ» тенденцій или развивая нашу же «созидательную» программу, они неизмѣнно льютъ воду на нашу же мельницу. И что всего печальнѣе для нихъ—всѣ ихъ усилія побить нашъ рекордъ радикализма могутъ принести пользу радикализму, но не принесутъ ровно никакой пользы имъ самимъ. Потому, что

то мѣсто, съ котораго они хотятъ насъ сдвинуть и стать на него сами,—это мѣсто, если мы его освободимъ, будетъ занято, увы, не «октябристами», а нашими «друзьями слѣва». Такова уже логика исторіи. Въ исторической драмѣ, которая теперь развертывается, всѣ роли уже розданы и разучены; и никакая гримировка не поможетъ «октябристамъ» занять чужое мѣсто и разыграть чужую роль.

Естественно, что болѣе проницательные изъ нихъ основываютъ свой расчетъ на успѣхѣ въ будущемъ—не на своемъ радикализмѣ, а на своей умѣренности... и на умѣренности нѣкоторыхъ элементовъ к.-д. партіи.

На этомъ расчетѣ построенъ второй планъ, публично развивавшійся, между прочимъ, Д. Н. Шиповымъ. По этому плану к.-д. партія въ думѣ дискредитируетъ себя не своей умѣренностью, а, напротивъ, своимъ радикализмомъ. Это будетъ—не «кадетское» министерство, которое «обманетъ» ожиданія пославшихъ его въ думу избирателей, а «кадетская» оппозиція, которая попытается эти ожиданія оправдать. Покажутъ себя невыгодно не «политики» и «дипломаты» к.-д. партіи, а ея «революціонеры», «соціалисты», «федералисты» и т. д. Въ этомъ пунктѣ планъ раздвояется... По одному варіанту, тогда вся партія погибнетъ въ глазахъ народа, который возвратитъ свое довѣріе благоразумнымъ и умѣреннымъ людямъ изъ правыхъ партій. По другому варіанту—тогда въ к.-д. партіи наступитъ расколъ.

К.-д. «блокъ» разложится на свои составныя части: элементы болѣе лѣвые образуютъ оппозицію; элементы правые образуютъ центръ, который въ представленіи Д. Н. Шипова будетъ вторымъ изданіемъ «союза 17-го октября», съ представителями котораго и сольется.

Нельзя не признать, что расчетъ «октябристовъ» всосаться въ к.-д. партію справа—основанъ на нѣсколько болѣе серьезныхъ соображеніяхъ, чѣмъ расчетъ оттѣснить ее слѣва. О разнообразіи состава и воззрѣній внутри к.-д. партіи говорилось слишкомъ много, чтобы возвращаться теперь къ этому сюжету. Возможностью раскола въ партіи намъ всегда грозили,—грозили и извнутри, и извнѣ партіи. Въ самый моментъ сформированія партіи, на ея первомъ учредительномъ съѣздѣ, многимъ казалось, что изъ элементовъ, собравшихся на съѣздъ, создадутся, по крайней мѣрѣ, двѣ партіи. Когда все-таки съѣздъ создалъ одну и единую партію,—это было объяснено сперва простой случайностью: неполнымъ составомъ съѣзда и неравномѣрнымъ представительствомъ на немъ разныхъ

идейныхъ теченій въ партіи. Однако же, это объясненіе не оправдалось фактами. Внѣ партіи оказалась только группа «лѣвыхъ освобожденцевъ»; но она такъ и осталась «кружкомъ», за которымъ пошли весьма немногіе. Послѣ этого, новаго раскола и раздѣленія партіи на двѣ ждали на второмъ съѣздѣ. Однако, второй съѣздъ (въ январѣ) показалъ необычайный, совсѣмъ неожиданный ростъ сознанія единства партіи, обнаружилъ въ ней очень сильную внутреннюю дисциплину, далъ ей увѣренность въ себѣ: словомъ, этотъ съѣздъ скрѣпилъ и усилилъ то партійное самосознаніе, которое такъ помогло партіи выйти побѣдительницей изъ выборной кампаніи.

Самая эта кампанія должна была сыграть—и сыграла—роль могущественнаго, сплачивающаго и организующаго фактора. Въ избирательной полемикѣ и соперничествѣ передъ лицомъ широкихъ народныхъ массъ была произведена окончательная провѣрка платформы, принятой на второмъ избирательномъ съѣздѣ; проведена рѣзкая грань между жизненными и доктринерскими элементами освободительныхъ стремленій; провѣрена необходимость сплоченнаго и дисциплинированнаго совмѣстнаго дѣйствія.

И наши противники ожидаютъ, что послѣ такого великаго урока жизни партія добровольно откажется отъ того, что составляетъ значительную часть ея силы,—отъ своего единства? Партія, которая простымъ усиліемъ мысли и воли, въ одномъ предвидѣніи политической важности такого метода спаяла себя въ одно плотное тѣло,—эта партія распадется на атомы тогда, когда жизнь показала правильность всѣхъ ея предварительныхъ расчетовъ?

Мы въ это вѣрить не можемъ. И если отдѣльнымъ лицамъ изъ октябристовъ суждено соединиться съ партіей к.-д., то это можетъ произойти только путемъ ихъ ассимиляціи съ ней, а не путемъ ассимиляціи съ октябристами хотя бы и самыхъ умѣренныхъ элементовъ партіи народной свободы.

61. Упреки «слѣва» *).

Въ № 11 еженедѣльника «Безъ Заглавія», издаваемаго группой «лѣвыхъ освобожденцевъ», мы встрѣтили гнѣвное нападеніе на насъ. Намъ напоминаютъ, что, «кромѣ избирателей, существуетъ еще страна, существуетъ общественное мнѣніе»; упрекаютъ, будто мы «объяв-

*) „Рѣчь“, № 39, 5 апр.

ляемъ излишними и безполезными всякіе совѣты»; обвиняютъ въ томъ, будто мы «принципіально высказываемся противъ всякой формы внѣпарламентскаго давленія». Изъ всего этого справедливо выводится, что «подобное отрицаніе всякаго общественнаго мнѣнія и народной силы внѣ стѣнъ думы является тяжкой угрозой дѣлу народной свободы».

Мы считаемъ, что рѣшительно ничѣмъ не подали повода къ этимъ страстнымъ обличеніямъ. Преступленія, въ которыхъ насъ обвиняютъ, до такой степени противорѣчатъ нашимъ кореннымъ убѣжденіямъ, а убѣжденія эти настолько общеизвѣстны, что принимать въ серьезъ эти нападки и опровергать ихъ было бы просто странно. Мы возбудили гнѣвъ издателей еженедѣльника, очевидно, тѣмъ, что высказались противъ «непрошенныхъ совѣтовъ», когда послѣдніе принимаютъ форму категорическихъ императивовъ, основанныхъ на критеріяхъ, намъ чуждыхъ, и на оцѣнкѣ политическаго положенія и взаимоотношенія борющихся силъ, которую мы считаемъ невѣрной. Можетъ быть, выраженіе «непрошенные совѣты» было нѣсколько рѣзко,—но оно вызвано было именно тѣмъ, что совѣты съ этой стороны очень часто носятъ характеръ требованія, предъявляемаго отъ имени «страны» и «общественнаго мнѣнія». Эту претензію — монополизировать право на выраженіе мнѣній «страны» и «общественнаго мнѣнія» мы, дѣйствительно, не можемъ признать за какимъ бы то ни было отдѣльнымъ интеллигентскимъ кружкомъ. И особенно странной является такая претензія, когда она предъявляется отъ имени «страны» и «общественнаго мнѣнія» въ противоположность мнѣнію тѣхъ сотенъ тысячъ избирателей, которые удостоили своимъ довѣріемъ партію народной свободы. Мы увѣрены, что только излишняя страстность нападенія помѣшала нападающимъ замѣтить все неудобство такой точки зрѣнія. Имъ не нужно напоминать намъ, что народные избранники выбраны не всеобщимъ и прямымъ избирательнымъ правомъ: это мы сами хорошо помнимъ. Но какое политическое значеніе можетъ имѣть въ настоящее время умаленіе важности вотума — если и не всенароднаго, то все же выразившаго настроеніе и взгляды наиболѣе значительной части населенія, чѣмъ когда бы то ни было раньше? Мы понимаемъ, когда группы и партіи, пострадавшія отъ этого вотума, протестуютъ противъ признанія его правильнымъ и дѣйствительно народнымъ. Въ «Словѣ» мы съ большимъ удовольствіемъ читали обращеніе къ «истинно передовой интеллигенціи, ратовавшей противъ несправедливаго избирательнаго закона, который далъ интел-

лигентному меньшинству въ высшей степени отвѣтственную власть надъ безправнымъ народнымъ большинствомъ». Понятно, почему «Слово» требуетъ теперь «обращенія къ народу и предоставленія ему права послѣдняго рѣшенія», и почему оно, съ своей стороны, даетъ намъ «непрошенный совѣтъ» «открыто и честно сказать въ глаза правительству (въ думѣ): я не хочу быть парламентской бюрократіей, я не хочу править народомъ безъ его прямого согласія и уполномочія, по волѣ пославшаго меня цензоваго меньшинства. Страна требуетъ всенароднаго представительства, потому что только такое представительство можетъ взять на свою совѣсть отвѣтственность за угодное народу рѣшеніе поставленныхъ на очередь основныхъ вопросовъ государственнаго бытія». Другими словами, «Слово» требуетъ теперь «учредительнаго собранія съ полнотой власти, собраннаго на основаніи всеобщаго и... уже, вѣроятно, и прямого избирательнаго права»? Мы очень рады видѣть «Слово» въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ съ «честнымъ демократомъ» В. В. Водовозовымъ,—но нашей собственной линіи поведенія такіе неожиданные сальтомортале перемѣнить не могутъ. Всеобщее и прямое избирательное право мы будемъ проводить въ думѣ не потому, что таковымъ оказалось случайно «требованіе» «Слова» или кого-либо другого, а потому, что это—великій и основной принципъ парламентской демократіи, положенный нами въ основу нашей программы и нынѣ признанный нашими избирателями, въ голосѣ которыхъ мы видимъ самое сильное, самое могущественное выраженіе «общественнаго мнѣнія» и «голоса страны». Само собою разумѣется, что голосъ этотъ не перестанетъ громко звучать и для тѣхъ изъ насъ, кто будетъ сидѣть «въ стѣнахъ думы». Въ непрерывающейся связи народныхъ представителей съ народомъ мы всегда видѣли главный залогъ нашего успѣха въ думѣ; мы на этомъ основывали наше неремѣнное желаніе идти въ думу даже въ томъ случаѣ, если бы намъ пришлось остаться тамъ въ незначительномъ меньшинствѣ. Слѣдовательно, упрекать насъ въ какомъ-то «отрицаніи всякаго общественнаго мнѣнія и народной силы внѣ стѣнъ думы» есть такая чудовищная несправедливость, которая можетъ быть объясняема только ослѣпленіемъ и раздраженностью кружковаго фанатизма.

То, что мы, дѣйствительно, отрицаемъ,—и будемъ всегда отрицать,—это право отдѣльныхъ интеллигентскихъ сектъ монополизировать выраженіе «общественнаго мнѣнія и народной силы внѣ стѣнъ думы». Если упреки по нашему адресу вызваны подозрѣніемъ, что

мы сами стремимся захватить такую же монополію, то мы можемъ успокоить нашихъ недавнихъ друзей. Общественно-политическая борьба нашего времени настолько сложна и оттѣнки политическихъ взглядовъ настолько разнообразны даже внутри близкихъ сравнительно другъ къ другу общественныхъ группъ, что стремиться объединить ихъ всѣ—значило бы просто не понимать трудности задачи. Наше честолюбіе такъ далеко не идетъ. Самое большее, къ чему мы можемъ стремиться,—это найти то общее русло, въ которомъ главныя, наиболѣе сильныя и наиболѣе важныя для осуществленія практическихъ задачъ момента теченія могли бы умѣститься рядомъ. До сихъ поръ намъ это удавалось, и блестящій успѣхъ партіи народной свободы на выборахъ безповоротно доказалъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда въ поискахъ этого русла мы расходились съ нашими лѣвыми друзьями, правы были не они, а мы. Это не только даетъ намъ право, но и налагаетъ обязанность—употребить всѣ усилія, чтобы и теперь помочь разобраться партіи въ ея новомъ положеніи послѣ побѣды. Въ этомъ дѣлѣ наша роль, по необходимости, нѣсколько иная, чѣмъ роль безпартійнаго журнала, и, можетъ быть, наши друзья согласятся, что при посильномъ выполненіи нашей роли мы должны,—теперь болѣе, чѣмъ когда-либо—руководиться своими собственными соображеніями.

Мы хотѣли бы, чтобы наши друзья-противники, прежде чѣмъ продолжать свои нападенія, постарались войти въ особенности нашего положенія и понять значеніе того дѣла, которое намъ приходится дѣлать. На другой день послѣ небывалой побѣды, поставившей передовую русскую оппозицію въ положеніе совершенно исключительное, мы должны, съ одной стороны, вывести, по возможности немедленно, всѣ практическія послѣдствія изъ нашей побѣды; съ другой стороны,—способствовать по мѣрѣ силъ выясненію партійнаго самосознанія при новыхъ условіяхъ существованія партіи и накапунѣ первыхъ шаговъ ея политической дѣятельности. Само собой разумѣется, что ни о какой монополіи тутъ и рѣчи быть не можетъ. Дѣло это дѣлаемъ не одни мы, и никто изъ дѣлающихъ его не имѣетъ права говорить отъ имени того цѣлаго, которое мы составляемъ только всѣ вмѣстѣ. Но въ этотъ важный для партіи моментъ всякій можетъ и долженъ стараться внести столько, сколько въ состояніи, въ тотъ итогъ коллективной партійной мысли, который скоро придется подводить на партійномъ съѣздѣ.

Не наша вина, что наши друзья отказались участвовать съ нами въ этой общей работѣ. При сложившемся уже теперь состояніи пар-

тійнаго самосознанія, они не должны обвинять насъ, что наша дальнѣйшая работа политической мысли является уже *внутренней* работой, имѣющей нѣкоторую традицію, опирающейся на нѣкоторыя всѣми раздѣляемыя предпосылки и исходящей изъ нѣкоторыхъ совмѣстно принятыхъ рѣшеній. Если въ нашихъ сужденіяхъ иногда звучитъ нѣкоторый тонъ увѣренности, то это есть слѣдствіе не какихъ-нибудь индивидуальныхъ особенностей, а того простого факта, что нашей опорой служитъ сильная своей дисциплиной и сознающая свое единство большая политическая партія. Увѣренность эта, конечно, чрезвычайно усиливается, когда сама партія получаетъ возможность опереться на сотни тысячъ сосчитанныхъ голосовъ, высказавшихся за ея программу и за ея тактику.

Но это, говорятъ намъ справа и слѣва, еще не всеобщее голосованіе! О, да, это не плебисцитъ: это мы сами хорошо знаемъ. Мы надѣемся, что въ близкомъ будущемъ мы достигнемъ и плебисцита. Но что болѣе сильное, болѣе крупное, болѣе яркое—въ смыслѣ формальнаго и открытаго выраженія коллективной воли страны—противопоставите вы только что совершившемуся голосованію во всемъ нашемъ прошломъ, во всей русской исторіи?

Наши лѣвые друзья подмѣтили у насъ «великодержавныя нотки»,—намекъ, тотчасъ же подхваченный и усердно разрабатываемый теперь «Словомъ» и «Новымъ Временемъ». Мы, которые никогда не мечтали ни о какой «диктатурѣ», мы обвиняемся теперь — опять таки и справа, и слѣва—въ стремленіи къ своего рода «захвату власти», въ желаніи унаслѣдовать правительственныя привычки и традиціи, въ склонности превратиться въ «парламентскую бюрократію». Правда, наши лѣвые друзья отдаютъ намъ справедливость признаніемъ, что дѣло идетъ не о банальномъ «громѣ побѣды». Они соглашаются, что этотъ «громъ побѣды» нигдѣ не раздавался такъ слабо, какъ именно въ нашихъ партійныхъ органахъ.

Но, можетъ быть, наши обвинители отчасти правы, если понять ихъ упреки въ другомъ смыслѣ. Можетъ быть, невольно, подъ впечатлѣніемъ той огромной отвѣтственности, которая связана съ огромнымъ правомъ—говорить отъ имени значительной части населенія, мы говорили иногда тономъ новой «великой державы»—народа, обращаясь къ тѣмъ, кто мнилъ себя доселѣ единственными полномочными вершителями народныхъ судебъ. Какимъ, однако, инымъ тономъ вы хотите, чтобы мы говорили съ этими господами,—вы, которые обвиняли членовъ земскихъ и городскихъ съѣздовъ, что они не осмѣливались взять этого тона? Да, это правда, те-

перь мы находимъ, что время пришло заговорить новымъ тономъ,—и пусть обвиняютъ насъ за это «Новое Время», «Русское Государство», «Слово», но вы насъ не должны обвинять! Новый тонъ нуженъ, прежде всего, чтобы показать этимъ людямъ, что они глубоко заблуждаются, полагая, что ничего не случилось и что сегодня въ Россіи все обстоитъ такъ же, какъ обстояло вчера. Они ошибаются, если думаютъ, что съ народнымъ вотумомъ можно справиться такъ же легко, какъ они справились съ забастовкой и съ вооруженнымъ возстаніемъ. Они должны понять, что вычеркнуть изъ жизни народнаго голосованія уже невозможно. И раньше, чѣмъ они рискнули бы на такую безумную попытку, они должны быть предупреждены объ опасности—нашимъ тономъ. Вотъ почему тѣ, кто стоялъ на нашей сторонѣ 20, 26 и 27 марта, или кто, по крайней мѣрѣ, намъ не мѣшалъ тогда, должны и теперь быть съ нами.

62. Упреки «слѣва» *).

(Отвѣтъ В. Я. Богучарскому).

На нашу статью объ «упрекахъ слѣва» отвѣтилъ В. Я. Богучарскій въ № 12 сборника «Безъ заглавія». Въ своемъ отвѣтѣ авторъ требуетъ новаго отвѣта отъ насъ по одному спеціальному вопросу и этимъ вынуждаетъ насъ продолжать бесѣду «налѣво». Мы не можемъ, однако же, дать прямого отвѣта на поставленный В. Я. Богучарскимъ вопросъ, не сказавъ нѣсколькихъ словъ по поводу общаго характера его возраженія. Дѣло въ томъ, что и на этотъ разъ намъ возражаютъ не противъ того, что мы дѣйствительно сказали, а противъ положеній, совершенно неправильно выведенныхъ изъ нашихъ словъ и совершенно напрасно намъ приписываемыхъ. В. Я. Богучарскій находитъ, что мы «выбрали совсѣмъ неудобное время для выискиванія какихъ-то основаній для раздѣленія дѣйствующихъ силъ освободительнаго движенія на «избирателей» и «неизбирателей». Дѣйствительно, «время неудобное», и мы поэтому не только не «выискивали оснований» для «раздѣленія силъ», не только не проводили черты между «неизбирателями» и «избирателями», но, напротивъ, рѣшительно протестовали противъ такого раздѣленія, проведеннаго редакціей «Безъ заглавія». Редак-

*) „Рѣчь“, № 47, 13 апр.

ція, дѣйствительно, противополагала если не «избирателей»—«странѣ», то страну избирателямъ, а мы отказались проводить такое различіе и признали голосъ «избирателей» за наиболѣе (до сихъ поръ) совершенное и единственное сколько нибудь правильно констатированное выраженіе голоса страны. Такимъ образомъ, всѣ возраженія В. Я. Богучарскаго по поводу раздѣленія населенія на «избирателей» и «неизбирателей» направлены противъ кого угодно, только не противъ насъ.

«Противополагать» мы могли *не* избирателей—странѣ, а только избирателей одного политическаго направленія въ странѣ—избирателямъ другого. Избирателей, подавшихъ голоса за насъ, мы, естественно, должны считать симпатизирующими нашей программѣ и тактикѣ болѣе, чѣмъ программѣ и тактикѣ другихъ боровшихся на выборахъ партій. Мы, конечно, не можемъ думать, что всякій нашъ избиратель до тонкостей знакомъ со всѣми подробностями нашей программы и тактики и раздѣляетъ то и другое во всѣхъ деталяхъ, но полагаемъ, что даже и члены редакціи «Безъ заглавія», если они вотировали за насъ, признали этимъ, что ихъ политическія воззрѣнія ближе къ взглядамъ нашей партіи, чѣмъ къ воззрѣніямъ остальныхъ баллотировавшихся. Единственный возможный для насъ выводъ изъ народнаго голосованія есть санкція нашихъ намѣреній и политическихъ плановъ.

«Побѣда обязываетъ», говоритъ В. Я. Богучарскій. Совершенно вѣрно,—но обязываетъ *къ чему*?

Съ нашей точки зрѣнія, побѣда обязываетъ насъ къ исполненію того, что *мы* обѣщали «странѣ» въ лицѣ нашихъ избирателей. Побѣда *не* обязываетъ насъ исполнять того, что не отвѣчаетъ всѣмъ извѣстной нашей программѣ и тактикѣ. Такъ какъ попытки обязать насъ къ нѣкоторымъ подобнымъ дѣйствіямъ фактически дѣлались—и, надо думать, будутъ продолжать дѣлаться—то мы и считали необходимымъ подчеркнуть при самомъ первомъ приступѣ къ обсужденію нашей будущей тактики, что «мѣрка отвѣтственности партіи за ея поведеніе должна заключаться не въ соотвѣтствіи или несоотвѣтствіи его указаніямъ со стороны, а въ соотвѣтствіи тѣмъ обязательствамъ, которыя партія приняла передъ избирателями». Эта постановка вызвала бурю въ № 11 «Безъ заглавія». Въ своемъ отвѣтѣ мы ее повторили, пояснивъ, что мы высказались противъ «непрошенныхъ совѣтовъ», когда послѣдніе принимаютъ форму категорическихъ императивовъ, основанныхъ на критеріяхъ, намъ чуждыхъ, и на оцѣнкѣ политическаго положенія и взаимоотношенія

борющихся силъ, которую мы считаемъ невѣрной». В. Я. Богучарскій «не безъ удовольствія прочелъ наше объясненіе, найдя, что мы стараемся смягчить слишкомъ ужъ непріятное впечатлѣніе, произведенное»... непринадлежащими намъ формулами, въ которыхъ онъ передалъ нашу мысль. Мы не хотимъ портить удовольствія В. Я. Богучарскому указаніемъ на полное тождество нашей точки зрѣнія въ обѣихъ статьяхъ. Скажемъ только, что, предъявляя отводъ противъ «требованій» со стороны, мы совсѣмъ не имѣли въ виду какого-либо отдѣльнаго, конкретнаго совѣта, когда либо и кѣмъ-либо намъ преподаннаго,—въ томъ числѣ не намекали спеціально и на группу «Безъ заглавія», а разумѣли довольно обширный классъ совѣтовъ и требованій, подходящихъ подъ сдѣланное выше опредѣленіе. Въ одномъ № 11 сборника, появившемся уже послѣ нашей первой статьи, мы прочли два такихъ указанія, весьма неоднороднаго типа. Въ одной изъ статей о нашей «Побѣдѣ» авторъ «до сихъ поръ не знаетъ, хорошо ли сдѣлали кадеты, что пошли въ эту думу 20 февраля»,—т. е. заднимъ числомъ продолжаетъ совѣтовать «бойкотъ». Въ другой, принадлежащей В. Я. Богучарскому, доказывается, что «побѣда обязываетъ» кадетовъ «внѣ всякихъ очередныхъ вопросовъ исполнить задачу, которую возлагаетъ на нихъ «исторія» и «страна»: именно, «исполнить требованіе Окунцова», завѣщавшаго «русскому народу допросить его судей». «Не разрѣшивши этой задачи въ требуемомъ страною смыслѣ, дума не исполнитъ ничего другого, ибо не будетъ къ ней въ странѣ никакого довѣрія»; исполнивъ же свою обязанность, дума можетъ твердо уповать, что страна исполнитъ свою, т. е. поддержитъ думу въ случаѣ надобности.

Въ своемъ послѣднемъ возраженіи В. Я. Богучарскій соглашается, что никакой «кружокъ» не можетъ имѣть исключительнаго права «говорить отъ имени страны», но ограничиваетъ это признаніе нѣкоторыми самоочевидными случаями, въ которыхъ мнѣніе страны должно быть ясно для всѣхъ и безъ народнаго голосованія. Мы признаемъ, что такіе случаи есть, но думаемъ, что то, что ясно всякому, вѣроятно, будетъ ясно и для к. д. партіи. Затѣмъ, къ числу этихъ самоочевидныхъ случаевъ В. Я. Богучарскій относитъ и свое требованіе, высказанное въ № 11 и формулированное здѣсь въ болѣе общей формѣ «всенароднаго желанія, чтобы государственная дума прежде всего приняла самыя рѣшительныя мѣры къ прекращенію кроваваго режима въ странѣ».

Мы не сомнѣваемся во всеобщности высказаннаго здѣсь желанія

и думаемъ, что побѣдившая партія найдетъ тотъ или другой способъ выступить съ нимъ передъ думой. Но авторъ впадаетъ въ очевидное недоразумѣніе, когда задаетъ намъ вопросъ: «въ чемъ же другомъ и выразились наши непрошенные совѣты» «партіи-побѣдительницы»,—пусть даже отъ имени страны»,—какъ не въ «формулировкѣ» указаннаго выше «всенароднаго желанія»? Отвѣчаемъ еще разъ: «всенародное желаніе» формулировано авторомъ въ № 11 «Безъ Заглавія»; тогда какъ наша статья явилась р а н ь ш е. Она, слѣдовательно, не могла имѣть въ виду даннаго желанія, между тѣмъ какъ вся статья направлена къ обсужденію того или другого конкретнаго совѣта. «Выразиться» эти совѣты могутъ весьма разнообразно. Въ парижской прокламаціи французскіе соціалисты, напримѣръ, утверждаютъ, что либеральная партія не можетъ, не измѣнивъ даннымъ его обязательствамъ, ратификовать заемъ. Въ многочисленныхъ частныхъ письмахъ мы получаемъ рядъ совѣтовъ,—что должна сдѣлать дума «въ первую очередь», чтобы заслужить «довѣріе страны». Одинъ нашъ корреспондентъ предлагаетъ, прежде всего, уменьшить жалованье депутатамъ. Другой требуетъ, чтобы дума въ голодающихъ мѣстностяхъ немедленно открыла безплатныя столовыя и т. д.

Страна, въ самомъ дѣлѣ, такъ пострадалась и измучилась; потребностей и нуждъ,—все болѣе или менѣе неотложныхъ,—у нея такъ много; накопившееся раздраженіе такъ сильно и остро, что народные избранники, безъ сомнѣнія, будутъ завалены всевозможными совѣтами, требованіями и т. д. Думѣ нужно сдѣлать чудо, чтобы удовлетворить всѣхъ и не вызвать никакого разочарованія. Настроеніе это страшно затруднитъ главную и основную работу народнаго представительства. Оно, конечно, вполнѣ естественно, и вытекающій отсюда рискъ разочарованія неизбѣженъ и неотвратимъ. Но, мы спрашиваемъ, слѣдуетъ-ли людямъ, которымъ не чуждо чувство политической отвѣтственности, усложнять положеніе, и безъ того чреватое всякими послѣдствіями, и отягощать задачу партіи недовѣріемъ слѣва, когда и безъ того ей придется считаться справа—съ открытой враждой?

63. К. д. какъ посредники между терроромъ снизу и терроромъ сверху *).

Нѣсколько дней тому назадъ мы говорили о тѣхъ своеобразныхъ переговорахъ, которые правительственная пресса завела съ побѣдившей на выборахъ оппозиціей. «Остановите революцію, тогда мы остановимъ репрессіи»,—таковъ былъ смыслъ этихъ переговоровъ. Теперь со столбцовъ періодической печати этотъ діалогъ перешелъ въ подлинные документы: вотъ уже нѣсколько дней, какъ органъ гр. Витте печатаетъ телеграфные отвѣты премьера на обращенія къ нему со стороны членовъ государственной думы.

«Прекратите смертные приговоры»,—требуютъ члены думы отъ самарской губерніи. «Для успокоенія страны должны прежде всего прекратиться ежедневно производимыя революціонерами по всей Россіи убійства»,—отвѣчаетъ графъ Витте.—«Присоединяюсь къ единодушному требованію немедленнаго прекращенія ужасовъ, произвола, пролитія крови русскихъ гражданъ, какъ актовъ, глубоко позорящихъ нашу родину»,—телеграфируетъ одинъ саратовскій депутатъ. «Самое вѣрное средство къ прекращенію», — отвѣчаетъ гр. Витте,—«заключается въ томъ, чтобы были прекращены ежедневныя убійства, казни, грабежи и всякія другія возмутительнѣйшія преступленія со стороны лицъ, желающихъ во что бы то ни стало смуты и безпорядка въ нашемъ дорогомъ отечествѣ. Надѣюсь, что если почтенные члены государственной думы смогутъ своимъ нравственнымъ воздѣйствіемъ остановить эти преступленія, то возвратятся всѣми желаемый миръ».

Въ томъ же номерѣ «Р. Г.» одинъ изъ сотрудниковъ газеты подобралъ очень удачное названіе для только что приведеннаго діалога. «Сказка про краснаго бычка!» Дѣйствительно, сказка про бычка: весь вопросъ только въ томъ, кто сказку сказываетъ, кого хотятъ усыпить этой сказкой.

Мы уже обращали вниманіе на то, что только при крайней неосвѣдомленности и примитивности политическаго пониманія можно думать, что русское революціонное движеніе можетъ быть остановлено русскими «либералами». Такъ же странно ожидать отъ членовъ думы, что они «смогутъ своимъ нравственнымъ воздѣйствіемъ»

---

*) „Рѣчь“, № 42, 8 апр.

заговорить духъ русской революціи, какъ странно было требовать отъ профессоровъ, чтобы они своимъ «нравственнымъ авторитетомъ» прекратили студенческія волненія. Во времена, когда Плеве начиналъ свою полицейскую карьеру, еще можно было воображать, что «революція» зависитъ отъ дюжины вождей и что съ ними можно сторговаться или ихъ уничтожить. Но тотъ же Плеве за попытку возобновить свою старую политику двадцатью годами позднѣе поплатился жизнью. И вотъ теперь мы принуждены констатировать, что государственная мудрость руководителей нашей политики не сдѣлала ни одного шагу дальше. Всѣ усилія офиціальныхъ органовъ направлены къ доказательству, что оппозиція можетъ остановить революцію, потому что «безусловно лѣвый флангъ кадетской партіи находится въ постоянныхъ и непосредственныхъ сношеніяхъ съ революціонерами и пополняется изъ ихъ рядовъ». Это утвержденіе офиціальнаго органа является комментаріемъ къ тому приглашенію, съ которымъ гр. Витте обращается къ представителямъ побѣдившей партіи.

Признаемся, насъ поражаетъ глубина невѣдѣнія, обнаруживающаяся въ подобныхъ утвержденіяхъ. Нѣтъ, съ такими свѣдѣніями о внутренней жизни страны нельзя управлять государствомъ, и немудрено, что для государственныхъ мудрецовъ подобнаго рода всякая новая страница исторіи является и новымъ сюрпризомъ. Графъ Витте ошибся разъ въ своей оцѣнкѣ наличныхъ общественныхъ силъ, и эта ошибка стоила Россіи шести ужасныхъ мѣсяцевъ, полугода слезъ и крови. Теперь онъ готовится поправить свою ошибку съ помощью другой, столь же непростительной. Управлять «революціей» съ помощью «либераловъ» еще труднѣе, чѣмъ управлять «либералами» съ помощью Гучкова и Стаховича. Пусть лучше графъ Витте спроситъ своего коллегу П. Н. Дурново: тотъ, по крайней мѣрѣ, въ простотѣ и невозмутимости своего полицейскаго ума твердо знаетъ, что «нравственное воздѣйствіе» кадетовъ не остановитъ революціи и что въ репрессіи, какъ и во всемъ, надо быть послѣдовательнымъ. Если геніальность заключается въ простотѣ, то П. Н. Дурново гораздо геніальнѣе Плеве.

И, однако... развѣ этого рода геній не испытанъ? Развѣ рессурсы такой государственной политики не исчерпаны до дна? Тутъ мы переходимъ изъ области государственнаго невѣдѣнія въ другую область—въ область какой-то органической неспособности пониманія. Сотрудникъ «Р. Г.», окрестившій методъ гр. Витте «сказкой про краснаго бычка», по крайней мѣрѣ, понялъ одно,—что въ жизни

казнь и насиліе, насиліе и казнь обусловлены взаимно и сплетаются въ какой-то беконечный, безнадежно запутанный клубокъ.

Тамбовскіе крестьяне—Луженовскій; Луженовскій—Спиридонова; Спиридонова—Аврамовъ; Аврамовъ—и его убійца: гдѣ тутъ конецъ и гдѣ начало? Но и для этого сотрудника вся цѣпь причинъ и слѣдствій распадается на рядъ какихъ-то одиночныхъ, отдѣльныхъ звеньевъ, каждое изъ которыхъ можетъ быть вынуто изъ цѣпи и, такимъ образомъ, можетъ разорвать всю цѣпь. Если такъ, то, конечно, вопросъ сводится къ тому, кто первый вынетъ звено, — кто кого запугаетъ или инымъ путемъ остановитъ. «Русское Государство» разсуждаетъ именно по этому методу. Кадеты, «безспорно», въ связи съ революціонерами; но вѣдь революціонеры «народъ серьезный и шутить не любятъ». «Интересно, если въ одинъ прекрасный день «прозрѣвшіе» укокошатъ хотя бы одного изъ нихъ (кадетовъ)!»

Странное направленіе фантазіи. И еще болѣе странное совпаденіе. Въ то время, какъ эти разсужденія печатаются въ «Р. Г.», извѣстный своей освѣдомленностью въ русскихъ дѣлахъ корреспондентъ «Daily Telegraph» сообщаетъ въ свою газету: «Образовалось тайное общество съ цѣлью отомстить убійцамъ министровъ, губернаторовъ и другихъ коронныхъ чиновниковъ. Утверждаютъ, что выборъ жертвъ падетъ не на членовъ революціонной партіи, а на выдающихся либераловъ».

«Интересно, если въ-одинъ прекрасный день»... Но нѣтъ, не будемъ пугать и пугаться,—не будемъ даже спрашивать, что сталось съ Гапономъ. Невѣроятнаго, конечно, нѣтъ ничего... Тамъ, за заставой, гдѣ «Рус. Гос.» раздается даромъ, тамъ живутъ эти люди, фотографію которыхъ мы недавно видѣли съ цѣлой выставкой удешевленныхъ револьверовъ, разложенныхъ возлѣ сфотографированной группы.

На этихъ людей «нравственное воздѣйствіе» даже членовъ государственной думы—безсильно. Въ михайловскомъ манежѣ они грозили смертью даже графу Витте...

Нѣтъ, дѣло не въ индивидуальныхъ угрозахъ и примѣрахъ устрашенія. Какъ и примѣры «нравственнаго воздѣйствія», они ничего не могутъ перемѣнить въ общемъ положеніи вещей. Перечитайте отвѣтъ гр. Витте и скажите: неужели вы не видите въ этихъ словахъ той невольной, страшной двусмысленности, въ которой заключается весь ужасъ современнаго положенія, вся его характеристика—и ключъ къ его разрѣшенію? Вѣдь обвиненія, выстав-

лѣмыя тамъ, по меньшей мѣрѣ, взаимныя, и остріе ихъ можетъ быть направлено прямо въ противоположную сторону. Страна не знаетъ, она перестала понимать, на чьей сторонѣ произволъ и на чьей сторонѣ право. Огромныя массы не могутъ разобрать въ этомъ хаосѣ, кто же именно тѣ люди, которые «желаютъ во что бы то ни стало смуты и безпорядка въ нашемъ дорогомъ отечествѣ»; и хотя всѣ согласны, что пора прекратить «ежедневныя убійства, казни, грабежи и другія возмутительнѣйшія преступленія», но самая разница между «убійствомъ» и «казнью», между грабежомъ сверху и снизу до такой степени стерлась, что ничего не говоритъ людямъ даже это слово—«преступленіе».

Вотъ то состояніе общественной совѣсти, при которомъ возможны убійства Аврамова и Слѣпцова. Нѣсколько дней тому назадъ «Новое Время» написало по поводу этихъ убійствъ гнусную статью; но въ статьѣ была вѣрная мысль, до которой, повидимому, еще не додумались сотрудники «Р. Г.». На убійство Аврамова и на всякое подобное убійство не слѣдуетъ смотрѣть, какъ на фактъ индивидуальный; это серьезный симптомъ общественной болѣзни глубокаго функціональнаго разстройства, которое сразу низводитъ наше государство до уровня Турціи или средневѣкового кулачнаго права. Общество приведено въ такое состояніе, при которомъ всякая вѣра въ дѣйствительность общественнаго возмездія, въ силу права, суда и закона, окончательно потеряна,—и начинается царство самосуда.

Мракъ обыкновенно кажется еще темнѣе по контрасту со свѣтомъ, и ужасъ современнаго положенія тѣмъ сильнѣе, тѣмъ невыносимѣе, что все это положеніе продолжаетъ существовать и искусственно поддерживаться, когда такъ близокъ кажется полный разсвѣтъ. Россія готовится вступить въ новую, высшую стадію общественности, въ ту стадію, когда сила права, суда и закона должна окончательно восторжествовать. Страна нетерпѣливо и жадно ждетъ пришествія этого давно желаннаго царства права, суда и закона; это царство уже у дверей, оно отчетливо рисуется взорамъ въ плѣнительныхъ очертаніяхъ, оно уже близко, уже пришло..., а власть старается доказать, что это одинъ миражъ и что русское общество еще далеко отъ своей обѣтованной земли, несмотря на исполнившіяся сорокъ лѣтъ странствій въ безплодной пустынѣ.

Въ какую симфонію радости, великаго національнаго торжества можно было бы развернуть этотъ давно жданный моментъ!

Какая великая мощь народной воли могла бы развиться и быть использована на творческой работѣ народнаго обновленія! Какъ сразу стало бы легко и свободно жить въ этой странѣ терзаній и мести!..

Напрасныя слова! «Они» слѣпы и глухи. «Они» не понимаютъ. Силу жизни они умѣютъ обратить только въ орудіе разрушенія; благословеніе обратить въ проклятіе; чтобы создать «миръ», они обращаютъ страну въ пустыню, а «порядокъ» водворяютъ на трупахъ. Это называется у нихъ искусствомъ управленія, и они правы, что секретъ такого искусства знаютъ они одни.

64. К.-д. и польскія партіи*).

«Двадцатый Вѣкъ» счелъ нужнымъ сдѣлать нападеніе на «непостижимо тенденціозную тактику» нашей газеты по вопросу о польскихъ политическихъ партіяхъ. Газета порицаетъ «неловкія, задорныя, рекламныя замѣтки офиціоза (к.-д.) партіи, явно враждебныя (польскимъ) націоналистамъ», и даже подозрѣваетъ существованіе «цѣлой широко поставленной кампаніи противъ націоналистовъ». Поводомъ къ этимъ обвиненіямъ послужили какъ дѣйствія варшавской группы к.-д., рѣшившей голосовать не съ націоналистами-демократами, а съ болѣе лѣвой и демократической партіей прогрессивныхъ демократовъ, такъ и нѣкоторыя сообщенія съ мѣстъ напечатанныя въ нашей газетѣ. «XX Вѣкъ» полагаетъ, что к.-д. партія должна «по возможности стоять внѣ польскихъ партій и, не вмѣшиваясь въ ихъ счеты, стараться поддерживать общеніе со всѣмъ польскимъ народомъ»; если же выборъ между партіями неизбѣженъ, то «сохранять наилучшія отношенія съ той партіей, которая олицетворяетъ собою рѣшительное большинство польскаго народа» («XX Вѣкъ» разумѣетъ нац.-демократовъ). Мы совершенно согласны, что въ сношеніяхъ съ польскими партіями необходима величайшая осторожность и сдержанность и что, поскольку «допускаетъ программа», слѣдуетъ поддерживать отношенія со всѣми ними и не мѣшаться въ ихъ взаимные счеты. Но, поскольку «программа не допускаетъ», к.-д. партія вправѣ дѣлать выборъ между партіями и болѣе сочувственно относиться къ той или къ тѣмъ которыя стоятъ ближе къ к.-д. партіи по своимъ общимъ стремле-

---

*). „Рѣчь“ № 47, 13 апр

ніямъ. К.-д. партія, менѣе чѣмъ какая-либо, склонна вмѣшиваться во внутреннія отношенія другихъ національностей, но есть извѣстные принципіальные вопросы, въ которыхъ сами національныя партіи скорѣе сойдутся съ партіей к.-д., чѣмъ между собой. Во всѣхъ предыдущихъ сношеніяхъ партіи к.-д. съ польскими политическими партіями извѣстное единство демократическихъ принциповъ всегда считалось за conditio sine qua non всякаго соглашенія, и слѣды такого взгляда сохранились въ самомъ содержаніи соглашеній. Правда, съ тѣхъ поръ, какъ эти соглашенія впервые состоялись, внутренній прогрессъ дифференціаціи партій далеко двинулся впередъ, какъ въ Царствѣ Польскомъ, такъ и въ Россіи. При этой дифференціаціи и при отсутствіи непрерывныхъ сношеній между русскими и польскими партіями, отношеніе послѣднихъ къ партіи к.-д. оставалось довольно неопредѣленнымъ. Г. Здзѣховскій даже считалъ, что «въ партіи гг. Гучкова, Шипова и Стаховича возможна болѣе широкая постановка польскаго вопроса». Г. Дорошевскій въ № 12 Swiat Slowianski, органѣ краковскаго славянскаго клуба, полагалъ, что партія к.-д. «съ успѣхомъ ведетъ только академическіе дебаты, но неспособна снискать широкія симпатіи и вліяніе». Мы не думаемъ обвинять нашихъ польскихъ друзей въ этихъ недоразумѣніяхъ, вытекавшихъ, очевидно, изъ совершенно законнаго желанія—отыскать возможно болѣе твердую опору среди русскихъ партій для поддержки своихъ національныхъ стремленій. Не виноваты они и въ томъ, что—на короткое время и вслѣдствіе недостаточной освѣдомленности—думали найти эту опору не тамъ, гдѣ слѣдовало. Ошибочность прогноза цитированныхъ авторовъ теперь, послѣ выборныхъ побѣдъ к.-д. партіи, надѣемся, совершенно ясна всѣмъ полякамъ. Но мы не можемъ и съ своей стороны игнорировать той тенденціи, которая выразилась въ словахъ проф. Здзѣховскаго, что «интересы польскаго народа, его традиціи и настроеніе заставляютъ искать согласія съ умѣренными фракціями русскаго конституціонализма». Ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что когда внутренняя борьба между польскими партіями ярко разгорѣлась во время избирательной компаніи—и внутреннія различія между партіями рѣзко вышли наружу, и нашъ варшавскій комитетъ не счелъ неудобнымъ «искать соглашенія» съ той фракціей польскаго демократизма, въ которой видѣлъ болѣе сродства съ «традиціей и настроеніемъ» партіи к.-д. Насъ обвиняютъ въ какой-то преднамѣренной кампаніи противъ націоналъ-демократической партіи; между тѣмъ, мы только регистрировали тѣ отдѣль-

ные штрихи, которыми отмѣчалась избирательная кампанія, и не наша вина, если изъ этихъ штриховъ сложилась общая картина, окрашенная въ одинъ тонъ. Самъ «XX Вѣкъ» соглашается, что «программа и тактика націоналистовъ, несомнѣнно, несвободна отъ ошибокъ» и допускаетъ, что «прогрессисты-демократы, какъ таковые, могутъ быть болѣе намъ симпатичны или болѣе подъ стать нашему, далеко идущему демократизму». Мы не понимаемъ, какъ, послѣ этихъ признаній, газета можетъ заключить, что другая польская партія «имѣетъ наиболѣе правъ на представительство польскаго народа». Изъ того, что эта другая, націоналистическая партія теперь, на выборахъ, кажется болѣе сильной, едва ли слѣдуетъ, что именно ее мы должны считать преимущественной представительницей «всего польскаго народа».

Мы надѣемся, что въ думѣ всѣ польскія фракціи сумѣютъ столковаться на нѣкоторыхъ общихъ положеніяхъ и что партія к.-д. будетъ въ состояніи дѣйствовать заодно съ ними, оставаясь въ то же время вѣрна своей собственной демократической программѣ. Но эта самая программа не позволяетъ намъ закрывать глаза на внутреннія соціальныя отношенія въ Царствѣ Польскомъ, и, въ духѣ нашихъ прежнихъ соглашеній, мы будемъ въ этихъ вопросахъ идти вмѣстѣ съ тѣми польскими партіями, которыя соотвѣтствуютъ, по степени демократичности, настроенію и традиціямъ к.-д. партіи. Какъ опытные и искусные политики, руководители другихъ польскихъ партій, навѣрное, сумѣютъ принять это въ соображеніе. Порукой въ этомъ намъ служитъ то, что уже лѣтомъ прошлаго года націоналисты-демократы сочли возможнымъ присоединиться къ требованію всеобщаго и прямого избирательнаго права. Конечно, тогда они не думали, что партія к.-д. «не способна снискать широкія симпатіи и вліяніе». Но мы увѣрены, что и теперь «широкія симпатіи и вліяніе» партіи к.-д. стоятъ для національныхъ демократовъ внѣ сомнѣній.

65. К.-д. и „революціонеры справа“ *).

«Страшно становится за человѣка, когда начинаешь читать телеграммы о московскомъ монархическомъ съѣздѣ». Эти слова принадлежатъ «Русскому Государству» и сказаны они по повод

*) „Рѣчь“, № 47, 13 апр.

рѣчи одного изъ «истинно-русскихъ» Маратовъ, г. Никольскаго, пророчествовавшаго въ своемъ «кровавомъ бредѣ», что «наша революція дешевле пяти-шести милліоновъ русскихъ людей (въ томъ числѣ всѣхъ евреевъ и «кадетовъ») намъ не обойдется».

Надо имѣть очень слабые нервы, чтобы принимать въ серьезъ «страшныя слова» г. Никольскаго. Какъ бы ни шумѣли и ни бѣсновались ораторы только что кончившагося «всероссійскаго» съѣзда русскихъ людей въ Москвѣ, всѣ ихъ потуги, послѣ исхода первыхъ всероссійскихъ выборовъ, могутъ только напомнить извѣстную басню о лягушкѣ и волѣ. Страна доказала своимъ голосованіемъ, что реакціонеры и сторонники неограниченнаго самодержавія не имѣютъ никакого права прикрываться именемъ русскаго народа. Поразительно малое количество голосовъ, поданныхъ за партію крикливаго «патріотизма», окончательно обнаружило, что всѣ расчеты, основанные на предполагавшейся традиціонной преданности массы старымъ формамъ политическаго быта Россіи, должны быть брошены навсегда.

Итакъ, «кровавый бредъ» гг. Никольскихъ нисколько не «страшенъ», а только смѣшонъ. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы московскій съѣздъ реакціонеровъ не имѣлъ никакого политическаго значенія. Гг. члены съѣзда, констатируя свой колоссальный провалъ на выборахъ, довольно откровенно объяснили, что на народъ они и не расчитывали, а полагались на помощь правительства; правительство и виновато въ ихъ неудачѣ, потому что «сложило руки» и «отошло въ сторону» на выборахъ. Правда, и монархисты чуть не клянутся въ вѣчной враждѣ къ бюрократіи, но это не мѣшаетъ имъ и впредь надѣяться на поддержку «желѣзной руки власти».

Если «Русское Государство» право, что г. Никольскій «объявилъ революцію справа», то небезынтересно узнать, каковы же шансы успѣха у новыхъ «революціонеровъ»? «Внизу» у нихъ шансовъ, очевидно, нѣтъ; «вверху» рѣзко порицаетъ ихъ «Русское Государство». Но «Русское Государство» не всемогуще. Мы знаемъ, что даже нашъ премьеръ иной разъ оказывается не въ силахъ добиться исполненія самыхъ законныхъ своихъ требованій отъ своихъ коллегъ и отъ генералъ-самодержцевъ, подѣлившихъ Россію на части раньше «кадетовъ». Наше высшее правительство представляется теперь въ видѣ двухъ чашекъ вѣсовъ, колеблемыхъ невидимой рукой откуда-то изъ за облаковъ,—какъ рисовали старинныя изображенія страшнаго суда. Когда одна чашка подымает-

ся вверхъ, другая стремительно опускается внизъ,—и наоборотъ. Какіе законы управляютъ этимъ своеобразнымъ политическимъ равновѣсіемъ и гдѣ primum movens этой сложной машины? Московскимъ «монархистамъ», повидимому, этотъ секретъ извѣстенъ. Презираемые, поругиваемые и осмѣиваемые органомъ графа Витте, они, тѣмъ не менѣе, «свидѣтельствуютъ неизмѣнность своихъ государственныхъ исповѣданій, полагающихъ во главу угла неограниченное самодержавіе...», и въ отвѣтъ получаютъ... не порицаніе, не обвиненіе въ революціонизмѣ и въ желаніи учинить «бунтовщическое дѣяніе съ цѣлью ниспроверженія существующаго строя». Очевидно, шансы «революціонеровъ справа», несмотря на отрицательное отношеніе къ нимъ «Русскаго Государства», не такъ ужъ ничтожны.

Политическое значеніе московскаго съѣзда заключается дѣйствительно не въ «кровавомъ бредѣ» гг. Никольскихъ, а въ очевидной связи его «государственныхъ исповѣданій» съ политическими комбинаціями въ «заоблачныхъ» сферахъ. Наше общество знаетъ только гр. Витте и Дурново и слѣдитъ только за этими двумя чашками политическихъ вѣсовъ. Оно слишкомъ склонно забывать, что гдѣ-то позади есть еще Треповъ и Побѣдоносцевъ, какая-то звѣздная палата,—словомъ, такія сферы, для которыхъ «кровавый бредъ» г. Никольскаго все еще является патентомъ на политическую благонадежность. Въ своемъ неисправимомъ «историческомъ матеріализмѣ», публика слишкомъ забываетъ то, что тамъ, въ этихъ сферахъ, собственно и готовятся тѣ перемѣны декорацій, благодаря которымъ вчерашніе диктаторы оказываются калифами на часъ.

Двусмысленность положенія какъ нельзя лучше отражается на двусмысленности политической терминологіи обсуждаемаго нынѣ «основного закона». Совѣтъ министровъ пишетъ, какъ-никакъ, хоть «куцую», но все-таки нѣкоторую «конституцію». Камарилья зачеркиваетъ это слово и пишетъ на его мѣстѣ: «самодержавіе». Повидимому, двѣ историческія силы, диктующія эти имена, оказываются одинаково сильными и настойчивыми. Ни одна не хочетъ уступить, и въ результатѣ является попытка выдумать особое «конституціонное самодержавіе».

Намъ придется вернуться къ выясненію всей слабости теоретическихъ и историческихъ аргументовъ, которыми стараются защищать эту невозможную политическую позицію. Сегодня мы обратимъ вниманіе на крайнюю опасность подобныхъ колебаній и

неопредѣленности. До тѣхъ поръ, пока «революціонеры справа» будутъ продолжать расчитывать на поддержку «сверху», до тѣхъ самыхъ поръ «революціонеры слѣва» будутъ находить поддержку «снизу». Такова логика всѣхъ революцій. Надѣньте на г. Никольскаго костюмъ англійскаго «кавалера» XVII столѣтія или костюмъ французскаго роялиста-«эмигранта» конца XVIII столѣтія и вы будете имѣть объясненіе, почему «революція снизу» не прекращается и не можетъ прекратиться, почему она находитъ себѣ благодарную пищу въ гг. Никольскихъ. Тѣ же колебанія власти, тѣ же полууступки, худшія, чѣмъ послѣдовательное упорство, то же опаздываніе въ уступкахъ, то же затягиваніе рѣшеній, давно ставшихъ необходимыми и опаздывающихъ въ моментъ, когда они дѣлаются, то же непобѣдимое недовѣріе и ненависть, которая создается подобной политикой къ всевозможнымъ звѣзднымъ палатамъ и тайнымъ кабинетамъ... И тѣ же пароксизмы общественнаго гнѣва...

Обманчивая надежда возстановить потерянное, вернуть уступленное,—такова всегдашняя психологія стараго режима. Гг. Никольскіе въ этой психологіи играютъ роль болотныхъ огней и заводятъ въ трясину. Фиксируя все вниманіе на миражѣ, они мѣшаютъ смотрѣть подъ ноги и губятъ жертвы эксплуатируемой ими довѣрчивости. Они не только «революціонеры справа», они и «утописты справа».

Вотъ этой роли московскаго съѣзда «Русское Государство» рѣшительно не поняло. А это—роль важная, и, поскольку гг. Никольскіе еще могутъ сыграть ее въ русскомъ настоящемъ,—московскій съѣздъ имѣетъ большое политическое значеніе.

VI. Мѣры предосторожности предъ созывомъ думы.

66. Элементы конфликта *).

Вѣроятность побѣды оппозиціоннаго большинства на выборахъ создала совершенно новое политическое положеніе. Съ этой вѣроятностью принуждены теперь сообразоваться всѣ политическія силы страны, и всѣ спѣшатъ учесть значеніе новаго фактора. Къ учету этому подходятъ, однако, со старымъ запасомъ знаній и представленій о побѣждающей партіи, поэтому, и результаты учета получаются совершенно ни съ чѣмъ не сообразные.

*) „Рѣчь“, №№ 30 и 35, 24 и 30 марта.

Довольно распространеннымъ чувствомъ, вызваннымъ побѣдой оппозиціи, является чувство тревоги. Правительственныя сферы, биржа, «сливки общества», средній обыватель, непосвященный во внутреннюю исторію партійной борьбы, чаще всего разсуждаетъ такъ: «кадеты—партія революціонная; правительство революціи допустить не можетъ; слѣдовательно, предстоитъ конфликтъ, результатъ котораго несомнѣненъ: оппозиціонная дума будетъ «разогнана штыками». Правильна ли эта оцѣнка положенія, несомнѣнно распространенная въ широкихъ кругахъ?

Или, можетъ быть, правѣе «Русское Государство» въ своихъ официальныхъ гимнахъ «веснѣ», въ своихъ призывахъ къ примиренію и всепрощенію, въ своихъ предсказаніяхъ новой эры?

Постараемся быть спокойны; отбросимъ уличныя клеветы и подозрѣнія, которыми осыпаютъ со всѣхъ сторонъ побѣдившую оппозицію, подавимъ въ себѣ гнѣвъ и негодованіе на официальное, официозное и партійное лицемѣріе,—и попробуемъ серьезно разобраться въ элементахъ конфликта. Моментъ слишкомъ серьезенъ, и отъ спокойнаго обсужденія дѣла слишкомъ многое можетъ зависѣть. Послѣ 20-го марта, какъ послѣ 6-го ноября 1904 года и послѣ 9-го января 1905 года, наступило мгновеніе, когда является возможность—если не столковаться, то, по крайней мѣрѣ, понять другъ друга. Мгновеніе это скоро пройдетъ, почти навѣрное пройдетъ такъ же безплодно, какъ предыдущія,—и мы не хотимъ заслужить укора, что пропустили его безъ предостерегающаго окрика. Мы пока оставимъ тѣ стороны вопроса, которыя представляются главными большой публикѣ, и прямо займемся тѣмъ, кто составляетъ, по нашему представленію, самую суть вопроса о возможномъ конфликтѣ.

I.

Прежде всего, столковаться и понять другъ друга вовсе не значитъ «забыть прошлое»—свое или чужое; не значитъ слить всѣ общественныя разногласія, противорѣчія партійныхъ взглядовъ или классовыхъ интересовъ въ какомъ-то общемъ любовномъ объятіи, къ которому призываетъ насъ «Русское Государство». Предоставимъ политическую маниловщину «лирикамъ» и поэтамъ министерскаго органа и попросимъ его закулисныхъ дипломатовъ и политиковъ говорить о дѣлѣ, а не о пустякахъ. Своими бряцаніями на лирѣ, все равно, «Русское Государство» никого не обманетъ,—точно такъ же, какъ никого не напугаютъ авторитетныя его угрозы. Русская оппозиція и русское общественное мнѣніе не «Красная Шапочка»,

чтобы забавлять его сказками, а «Русское Государство», хотя и имѣетъ большое сходство съ сказочной «бабушкой», но своимъ маскарднымъ платьемъ свободнаго печатнаго органа, навѣрное, не введетъ никого въ заблужденіе.

Итакъ, согласимся, прежде всего, въ основномъ и главномъ. Борьба идетъ и будетъ идти; мѣняются лишь ея формы. Тамъ, гдѣ нѣтъ борьбы, нѣтъ жизни. Жизнь вѣдь и создается изъ безчисленнаго ряда вспышекъ тѣхъ накопленныхъ желаній и напряженныхъ воль, которыя и разряжаются въ опредѣленные общественные поступки. Желанія и воли нельзя уничтожить; нельзя устранить и ихъ столкновеній и происходящей отсюда борьбы. Можно только направить эту борьбу въ то или другое русло; дать ей то или другое внѣшнее выраженіе; предупредить скопленіе желаній и крайнее напряженіе воли.

Шаблонная полицейская логика второстепенныхъ исполнителей, выдвинутыхъ случаемъ на посты государственныхъ людей, не признаетъ этой соціологической аксіомы. По этой логикѣ, цѣлью государственной мудрости является поддержаніе внѣшняго порядка, какими бы средствами это ни достигалось. Соблюденіе полицейской тишины и «порядка» можетъ гармонировать съ маниловскимъ всепримиреніемъ официальныхъ слагателей гимновъ, но основной проблемы текущаго момента ни та, ни другая работа не только не исчерпываютъ, а даже и не задѣваютъ. Проблемой этой является не прекращеніе борьбы по щучьему велѣнію, а введеніе этой борьбы въ культурныя рамки.

И вотъ, скептики не вѣрятъ, чтобы эта истинно-государственная цѣль была достигнута торжествомъ оппозиціи на выборахъ. Не вѣрятъ почему? Казалось бы, самая эта форма побѣды—уже есть первый грандіозный опытъ введенія борьбы въ культурное русло? Или скептики думаютъ, что русло окажется тѣсно, и борьба опять выйдетъ изъ береговъ и пойдетъ чертить цѣлиной, какъ это было до сихъ поръ? Но въ такомъ случаѣ кому же они вѣрятъ? Кто изъ двухъ борющихся сторонъ первый покинетъ только что прокладываемое ложе?

«Новое Время» выбивается изо всѣхъ силъ, чтобы доказать, что первая нарушитъ условія мирной борьбы русская оппозиція. Почему-то эта газета увѣрена, что оппозиція питаетъ непреодолимую склонность—дѣйствовать «внѣ закона» и ужасно любитъ вести борьбу для борьбы, производить «разрушеніе до конца». «Кадеты»—«скрытые революціонеры»: эта благородная тема неустанно разраба-

тывается реакціонными органами, московскими предводителями дворянства, вождями союза 17 октября и т. п. Слово «революціонеръ» въ умахъ извѣстныхъ людей и извѣстныхъ общественныхъ круговъ обладаетъ, очевидно, такой магической силой, что одно произнесеніе его равносильно смертоносному удару для политической репутаціи человѣка, къ которому оно прилагается.

Намъ совѣстно опровергать такой вздоръ, но, дѣлать нечего, сегодня мы задались цѣлью быть спокойными и трактовать вопросъ à fond, хотя бы дѣло шло и объ азбукѣ. Для тѣхъ, кто валитъ въ одну кучу всѣ «страшныя» слова—«анархистовъ» съ «соціалистами», «соціалистовъ» съ «революціонерами», очевидно, было бы большой новостью узнать, что «революціонерами»—могутъ быть не только предводители дворянства, но даже и само правительство, а «соціалисты» и даже—horribile dictu—«анархисты» могутъ быть самыми мирными людьми на свѣтѣ. Для такихъ людей будетъ, очевидно, новостью, что всѣ поголовно члены союза 17 октября были бы «революціонерами», если бы до 17 октября стремились къ думѣ съ законодательной властью, и Д. Н. Шиповъ былъ несомнѣннымъ «революціонеромъ», когда, до 6 августа 1905 года, требовалъ народнаго представительства. Мы оставляемъ открытымъ вопросъ, не возвращается ли союзъ 17 октября на революціонную почву теперь, когда онъ провозглашаетъ учрежденіе гос. думы и совѣта по законамъ 20 февраля—несовмѣстимыми съ обѣщаніями манифеста.

Другими словами, вся русская оппозиція, поскольку она есть вообще оппозиція, по необходимости революціонна по своимъ цѣлямъ, такъ какъ эти цѣли, въ большей или меньшей дозѣ, заключаютъ въ себѣ элементъ «ниспроверженія существующаго порядка».

Здѣсь насъ могутъ остановить весьма естественнымъ возраженіемъ. Революціонно именно «ниспроверженіе»,—мирная же оппозиція стремится не къ «ниспроверженію», а къ «реформѣ». Совершенно вѣрно: но именно это возраженіе и показываетъ относительность и условность клички «революціонера». О «реформѣ» можно говорить тамъ, гдѣ открытъ путь, прокопанъ каналъ для «реформы»; если же путь загороженъ, а цѣль остается, тогда «реформа» очень близко подходитъ къ «ниспроверженію».

Манифестъ 6-го августа говорилъ о возможности «дальнѣйшаго усовершенствованія учрежденія госуд. думы», когда «жизнь сама укажетъ необходимость тѣхъ измѣненій, которыя удовлетворяли бы вполнѣ потребностямъ времени». Еще раньше, указы 12 декабря 1904 г. и 18 февр. 1905 г., признавая трудность удовлетворить

«потребностямъ времени», въ рамкахъ «основныхъ законовъ», возлагали на самое общество обязанность доказать правительству, что «потребность въ той или другой перемѣнѣ (хотя бы существенной) назрѣла». Общество приняло вызовъ и, по мѣрѣ силъ, доказало правительству необходимость уступки. Къ сожалѣнію, это необходимое доказательство, по винѣ самого правительства, велось не столько въ терминахъ «реформъ», сколько въ терминахъ «виспроверженія». Однако, такая некорректность не лишила аргументовъ, приведенныхъ обществомъ, ихъ доказательной силы,—и послѣдовалъ вышеупомянутый манифестъ, который далъ возможность мыслить необходимую перемѣну въ терминахъ «реформы». Однако, манифестъ 6 августа оставлялъ опредѣленіе момента необходимой реформы усмотрѣнію Высочайшей власти. Общество дало тогда дальнѣйшія, еще болѣе осязательныя «доказательства» того, что въ общественномъ сознаніи моментъ этотъ уже «назрѣлъ». И опять представленныя обществомъ «доказательства» были признаны имѣющими объективную силу, приняты во вниманіе, и появился манифестъ 17 октября, въ которомъ опять дальнѣйшее развитіе главнѣйшаго и коренного общественнаго пожеланія—«общаго избирательнаго права»—было предоставлено на этотъ разъ уже не усмотрѣнію верховной власти, а сужденію думы.

На языкѣ государственнаго права это значило, что дума получала «учредительныя» функціи. Функціи эти были еще расширены прямымъ признаніемъ правительства, что думѣ же принадлежитъ и окончательное изданіе законовъ о «свободахъ», вмѣсто публикуемыхъ нынѣ «временныхъ правилъ». Какъ извѣстно, бюро земскихъ съѣздовъ немедленно занялось обсужденіемъ какъ общаго проекта конституціи, такъ и частныхъ проектовъ новаго избирательнаго закона по «четырехчленной формулѣ» и законопроектовъ о четырехъ «свободахъ», чтобы наглядно показать обществу, какъ дума должна воспользоваться своими «учредительными функціями». На ближайшемъ, ноябрьскомъ, съѣздѣ предѣлы этихъ «учредительныхъ функцій» были опредѣлены еще точнѣе и формально поставлены въ зависимость отъ «утвержденія государя». Мы спрашиваемъ: вся эта подготовительная дѣятельность земскихъ и городскихъ съѣздовъ вращалась ли въ терминахъ «реформы» или въ терминахъ «виспроверженія»? Ни у кого не могло бы быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ этомъ, ...если бы въ это самое время не началась клеветническая дѣятельность союза 17 октября, который воспользовался терминомъ «учредительнаго собранія», чтобы истолковать его въ смыслѣ «рес-

публиканскихъ» стремленій только что народившейся тогда партіи народной свободы. Г. Пиленко оцѣнилъ по заслугамъ (въ «Нов. Вр.» отъ 23 марта) эту «размалевку черной краской» въ черносотенныхъ воззваніяхъ союза, сблизивши эту работу его съ дѣятельностью «охраннаго отдѣленія»,—и мы ничего не имѣемъ прибавить къ этой характеристикѣ. Къ сожалѣнію, на рядовыхъ членовъ партіи повліять нелегко; черносотенныя прокламаціи сдѣлали свое дѣло и 23 марта же («Слово») мы читаемъ въ статьѣ г. Н. С., что соединенная программа к.-д. и с.-д. заключается въ «немедленномъ переходѣ къ демократической республикѣ въ формѣ соединенныхъ россійскихъ штатовъ съ пролетарскимъ (конечно, деспотическимъ!) правленіемъ во главѣ». Та же тема и съ тѣмъ же полемическимъ задоромъ разрабатывается г. К. Т. въ «Русск. Государствѣ».

Если нашимъ противникамъ угодно продолжать взводить на к.-д. партію небылицы, то, конечно, у насъ нѣтъ надежды—да и не стоитъ при такихъ условіяхъ—до чего нибудь договориться. Для тѣхъ изъ нихъ, кто сохранилъ способность добросовѣстнаго пониманія и оцѣнки, мы только сошлемся на цитировавшіяся уже у насъ мнѣнія ихъ собственныхъ сторонниковъ объ «учредительныхъ функціяхъ» думы. Необходимость переустройства самаго учрежденія думы и совѣта ясна для нѣкоторыхъ изъ нихъ; къ «общему», если и не прямому, избирательному праву они тоже стремятся. Надо думать, что и законы о «свободахъ» они предоставляютъ себѣ пересмотрѣть въ думѣ. Они несогласны только между собой относительно вопроса, съ чего надо начать; но что, рано или поздно, дума должна заняться «учредительной» работой даже и для людей 17 октября—сомнѣній не представляетъ. Столь же несомнѣнно для нихъ и для всякаго, что эта работа можетъ вестись въ терминахъ «реформъ», а не въ терминахъ «ниспроверженія», и что существующіе законы даютъ для этого полную возможность. Но...

Но тутъ есть маленькое затрудненіе, которое грозитъ въ послѣднее время сдѣлаться очень большимъ. «Учредительская» работа по всѣмъ упомянутымъ вопросамъ возможна въ законныхъ рамкахъ, если все, что предполагается измѣнить, можетъ по закону подлежать измѣненію. Текстъ законодательныхъ актовъ въ этомъ отношеніи ясенъ. Мы указывали уже въ нашей газетѣ, что даже и законы 20 февраля оставляютъ полную возможность «реформы», такъ какъ не относятъ подлежащія измѣненію основы нашего конституціоннаго устройства къ незыблемымъ «основнымъ законамъ». До тѣхъ поръ, пока дѣло остается въ такомъ положеніи,—созданномъ всѣми пре-

дыдущими законодательными актами,—путь «реформы» остается открытымъ и практика «учредительныхъ функцій» думы ничѣмъ и никому грозить не можетъ. И вотъ, въ послѣдній моментъ, наканунѣ самаго съѣзда народныхъ представителей въ думу, является неожиданная опасность, что путь «реформы» будетъ закрытъ.

Уже съ декабря прошлаго года носились слухи, что въ высшихъ сферахъ имѣется въ виду превратить всѣ сдѣланныя верховной властью уступки въ одинъ конституціонный актъ. Пока было неясно, что уступки уже теперь имѣютъ несомнѣнно конституціонный характеръ, идея дать Россіи конституціонный актъ, хотя бы и кодификаціоннымъ путемъ, могла казаться либеральной. То были времена, когда только старикъ гр. Паленъ утверждалъ, что всѣ юридическіе факультеты въ мірѣ должны признать, что Россія имѣетъ конституцію. Нашъ премьеръ держался тогда противоположнаго мнѣнія. Однако же, теперь положеніе перемѣнилось. Конституціонный характеръ манифеста 17 октября и даже законовъ 20 февраля теперь внѣ споровъ. Тогда, въ предупрежденіе дальнѣйшаго развитія конституціонныхъ уступокъ—и въ прямомъ противодѣйствіи съ предстоящей въ думѣ «учредительской» работой, задумывается изданіе конституціоннаго акта уже съ цѣлями охранительными. «Русское Государство» посвящаетъ этому цѣлый фельетонъ, въ которомъ очень опредѣленно подчеркивается политическая цѣль задуманнаго шага. Министерская газета, по счастью, еще не усвоила себѣ знаменитаго правила Таллейрана, что языкъ данъ, чтобы молчать. Правда, въ перечнѣ пунктовъ, которые должны составить содержаніе будущей конституціи, ни учрежденіе думы и совѣта, ни избирательный законъ, ни законы о свободахъ не введены. Такимъ образомъ, остается надежда, что «учредительныя функціи» думы не встрѣтятъ препятствія въ прямомъ запрещеніи закона. Но кто поручится, что среди ряда рѣшительныхъ и скороспѣлыхъ мѣръ не проскочитъ черезъ совѣтъ министровъ и этотъ конституціонный актъ, который преградитъ законный путь къ выполненію оппозиціей ея обязательствъ передъ избирателями? Тогда опять придется «доказывать» правительству, что потребность перемѣны «назрѣла»... путемъ какого-нибудь новаго конфликта.

Итакъ, вотъ элементы конфликта по поводу «учредительной» работы оппозиціи въ думѣ. Ничего революціоннаго въ этой работѣ нѣтъ; и, какъ стоитъ сейчасъ дѣло, данное требованіе оппозиціи можетъ и не вызвать никакого конфликта. Кто же заботится о

созданіи конфликта по вопросу объ «учредительныхъ функціяхъ» думы? Отвѣтъ ясенъ для всякаго добросовѣстнаго наблюдателя.

Въ прошлой статьѣ мы разбирали дѣло по существу и нашли, что, если большинству въ будущей думѣ будетъ дана возможность провести конституціонную реформу парламентскимъ путемъ, то нѣтъ основаній опасаться конфликта, и, напротивъ, есть полное основаніе надѣяться, что такимъ образомъ русская политическая жизнь, наконецъ, войдетъ въ нормальное русло. Мы видѣли, что единственная опасность конфликта съ этой стороны возникнетъ лишь тогда, если будетъ прегражденъ законный путь для выработки думой основныхъ началъ будущаго конституціоннаго строя.

Если бы противники к.-д. партіи могли стать на эту точку зрѣнія, рѣшеніе коренного вопроса русской современности облегчилось бы чрезвычайно. Къ сожалѣнію, чтобы подойти къ возможности такой простой и естественной постановки вопроса, надо преодолѣть массу побочныхъ препятствій, нагроможденныхъ старыми предразсудками, политическимъ невѣжествомъ и личной заинтересованностью. По несчастью, именно эти побочныя обстоятельства и чреваты самыми острыми осложненіями; въ нихъ и заключается самый богатый матеріалъ для политическихъ конфликтовъ.

Первое и главное изъ этихъ обстоятельствъ заключается въ отношеніи представителей власти къ представителямъ народа. Истинно конституціонная точка зрѣнія до сихъ поръ совершенно чужда нашему правительству. Для него Россія все еще распадается на два лагеря: правители и управляемые. Правители являются носителями истинной государственной мудрости; управляемые нуждаются въ отеческомъ попеченіи. Та огромная перемѣна, которая вносится въ это патріархальное міровоззрѣніе самымъ фактомъ появленія народнаго представительства,—какъ будто вовсе не замѣчается. Законодательная дума все еще трактуется, какъ комиссія экспертовъ при государственномъ совѣтѣ.

Чѣмъ ближе къ созыву думы, тѣмъ оскорбительнѣе являются тѣ формы, въ которыхъ проявляется это недовѣріе къ народному представительству вообще, безъ различія партій. Чѣмъ объяснить, въ самомъ дѣлѣ, то огромное количество законовъ первостепенной важности, которое дождемъ льется на русскаго обывателя въ послѣдніе мѣсяцы существованія бюрократическаго порядка законодательства? О пріемахъ этого законодательства намъ не разъ уже приходилось говорить. Это—законодательство «на случай»; законодательство, которое принимается за работу всякій разъ, какъ жизнь

создаетъ новые случаи обхода отжившаго «порядка». Общія нормы создаются спеціально для того, чтобы подвести подъ нихъ непріятный для власти частный казусъ. При такомъ характерѣ, это даже не политическое, это просто полицейское законодательство, и цѣль его не идетъ дальше того непосредственнаго, ближайшаго примѣненія, для котораго оно предназначается. Уваженіе къ закону, какъ къ общей, высшей нормѣ, сказывалось всегда прежде хотя бы въ томъ, что подъ эти рамки общаго закона не осмѣливались подводить мѣропріятія, явно направленныя противъ частнаго случая, частной группы лицъ или интересовъ. Законъ былъ святъ и неприкосновененъ, а за всѣ грѣхи минуты расплачивалось внѣзаконное административное усмотрѣніе. Съ водвореніемъ «конституціонаго» режима все дѣлается по закону, но, сведенный со своихъ высотъ абстракціи, законъ самъ принялъ всю гибкость формы и всю случайность содержанія административнаго усмотрѣнія.

Само по себѣ такое направленіе государственной дѣятельности, даже независимо отъ цѣлей, которыя оно преслѣдуетъ, должно заключать въ себѣ поводы къ конфликту, ибо не можетъ быть большаго противорѣчія, чѣмъ то, которое существуетъ между этимъ случайнымъ, полицейскимъ законодательствомъ—и идеей закона, исходящаго отъ представителей народа. Интродукціей для грядущаго царства законности не можетъ служить апоѳеозъ беззаконія, такъ сказать, узаконенное беззаконіе, и отъ близкаго сосѣдства того и другого, больше чѣмъ отъ чего либо, страдаетъ и возмущается общественная совѣсть.

Что же сказать теперь, если и по содержанію новѣйшее полицейское законодательство направлено своимъ остріемъ противъ новаго режима?

Будущимъ хозяевамъ Россіи намѣренно и грубо стараются показать, что настоящими хозяевами положенія будутъ не они, а прежніе люди. Наканунѣ политическаго совершеннолѣтія Россіи ихъ все еще трактуютъ какъ рѣзвыхъ дѣтей и заставляютъ ходить въ короткихъ панталонахъ. Имъ боятся дать въ руки ножъ, чтобы они не обрѣзались, и не позволяютъ играть съ огнемъ, чтобы они какъ нибудь не обожглись. Уже не говоря о томъ, что умѣнія владѣть ножомъ и огнемъ такимъ путемъ пріобрѣсть нельзя,—отеческая опека оскорбляетъ людей, считающихъ, что они смогутъ сами о себѣ позаботиться.

Если правительство противополагаетъ себѣ думу, то естественнымъ и неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этого будетъ, что дума будетъ

противополагать себя правительству. Уже это одно показываетъ, что истинный конституціонный режимъ не можетъ водвориться, пока такое отношеніе будетъ продолжать существовать. Даже при правильномъ отношеніи къ народному представительству еще не скоро укрѣпится въ населеніи мысль, что правительство можетъ и должно быть *его* правительствомъ, имъ избраннымъ и пользующимся его довѣріемъ. А между тѣмъ, безъ такого взгляда невозможно полное успокоеніе Россіи. Первымъ шагомъ къ этому было бы для всякаго состава правительства въ настоящемъ положеніи se soumettre ou se demettre—покориться или уйти. Мы боимся, что для настоящаго состава правительства, обнаружившаго органическую неспособность понять конституціонныя начала будущаго строя, нѣтъ даже и выбора: оно должно покориться и уйти, принести себя въ жертву задачѣ успокоенія общества. Но въ то же время нельзя закрывать глаза на то, что именно настоящій составъ правительства—и именно вслѣдствіе его отрицательнаго или двусмысленнаго отношенія къ конституціонной идеѣ—употребитъ всѣ усилія, чтобы остаться у власти и объяснитъ естественное конституціонное требованіе смѣны министерскаго состава, какъ актъ личной вражды и мести.

Достаточно вспомнить приводившіяся у насъ цитаты изъ «Русскаго Государства», чтобы видѣть, что страхъ личной отвѣтственности передъ народными представителями является однимъ изъ самыхъ конкретныхъ побужденій, заставляющихъ цѣпляться за власть ея теперешнихъ обладателей. Прожектеры и иниціаторы манчжурской авантюры, виновники Цусимы, исполнители манифеста 17 октября, устроители погромовъ и герои разстрѣловъ и насилій—всѣ эти люди имѣютъ самыя серьезныя основанія взывать къ «любви» и къ «забвенію»—и, въ своей душевной тревогѣ, не вѣрить забвенію и предпринимать на всякій случай предохранительныя мѣры противъ приказчиковъ народной воли... Страхъ отвѣтственности заставляетъ ихъ усиленно призывать будущую думу къ «созидательной» работѣ и вопіять противъ «разрушительной», подъ которой они разумѣютъ и неизбѣжную ликвидацію своей собственной разрушительной дѣятельности.

«Разрушительная» и «созидательная» работа! Едва ли на какой нибудь другой картѣ, кромѣ этой, совершалось больше политическихъ передержекъ въ партійной полемикѣ послѣднихъ мѣсяцевъ. «Раздробленіе Россіи», «тайныя симпатіи къ соціализму и революціи», «скрытыя стремленія къ республикѣ»—неблаговидность всѣхъ

этихъ обвиненій противъ побѣдившей теперь политической партіи была слишкомъ очевидна для всѣхъ и, какъ оказалось, принесла больше пользы обвиняемымъ, чѣмъ самимъ обвинителямъ. Но «разрушительная» работа—отвращеніе отъ работы «созидательной»—этому вѣдь вѣрилъ даже самъ кн. Е. Н. Трубецкой! Вчерашніе обвинители сегодня уже спѣшатъ отказаться отъ другихъ своихъ обвиненій, а завтра ихъ забудутъ; но на эту карту они рѣшились поставить свою послѣднюю ставку; на этомъ обвиненіи они основываютъ свою послѣднюю надежду на провалъ к.-д. партіи въ думѣ, на конфликтъ ея съ правительствомъ и на дискредитированіе ея среди населенія.

Можно было думать, что страхъ передъ «разрушительной» работой к.-д. партіи въ думѣ долженъ бы былъ значительно ослабнуть, по мѣрѣ того, какъ теряютъ почву всѣ ранѣе перечисленныя обвиненія. На дѣлѣ, однако же, «кадеты» не перестаютъ считаться «разрушителями», даже послѣ того, какъ исчезаетъ страхъ передъ ихъ республиканскими, федералистскими, революціонными и соціалистическими тенденціями. Для тѣхъ, кому есть чего бояться, реальныя опасности отъ господства «кадетскаго» большинства, дѣйствительно, не уменьшаются отъ того, что опасенія, о которыхъ больше всего кричали, оказываются мнимыми. Можетъ быть, многіе и многіе изъ кричавшихъ только потому и раздували значеніе мнимыхъ опасностей, что говорить о настоящихъ было не такъ удобно.

Итакъ, «кадетовъ» считаютъ «разрушителями» quand même,—разрушителями, какъ данную группу политическихъ дѣятелей, совершенно независимо отъ ихъ программы. И это говорятъ тѣ самые люди, которые довели своей «разрушительной» дѣятельностью Россію до теперешняго положенія,—люди, питавшіеся въ своей «созидательной» дѣятельности жалкими крупицами со стола русскихъ политическихъ мыслителей прошлыхъ поколѣній. Для этихъ людей, невѣроятное невѣжество которыхъ безповоротно доказано печальными послѣдствіями ихъ политическихъ ошибокъ, «кадеты» суть не болѣе, какъ отвлеченные люди, «книжные теоретики», въ противоположность «почвенникамъ» и «практическимъ дѣльцамъ», предлагавшимъ народу дать имъ мѣсто у общественнаго пирога. Умѣнье этихъ дѣльцовъ оперировать надъ общественнымъ пирогомъ, дѣйствительно, широко извѣстно; но эта-то широкая слава и заставила народъ отказаться отъ ихъ услугъ. Инстинктомъ избиратель почуялъ, что политическое искусство не изучается за прилавкомъ и

что науку государственнаго управленія трудно постигнуть безъ книгъ и безъ книжной «теоріи». Нелѣпое противоположеніе «теоріи» и «практики», къ счастью, оказалось непонятно широкому кругу избирателей, и проповѣдникамъ рутины и невѣжества самый рядовой слушатель побѣдоносно противопоставлялъ на уличныхъ митингахъ прописныя истины о пользѣ просвѣщенія и объ очевидной необходимости отказаться отъ обанкрутившейся рутины.

Обвинители ссылались обыкновенно на личный составъ членовъ партіи, пріобрѣтшихъ особенную популярность своимъ частымъ выступленіемъ на агитаціонныхъ собраніяхъ партіи. Весь аппаратъ обычныхъ возраженій противъ внѣшнихъ формъ парламентаризма—«говорильня», «адвокатское краснобайство» и проч., и проч.—все это было пущено въ ходъ. Только теперь, послѣ блестящей побѣды партіи, противники оговариваются признаніями, что, кромѣ политическаго краснорѣчія, въ работѣ партіи видно также и политическое искусство. Что тутъ было также и политическое знаніе, и пониманіе истиннаго положенія вещей, и умѣнье ставить вопросы практически, не сходя въ то же время съ принципіальной почвы, на которой стоитъ все честное и порядочное въ Россіи,—это, конечно, трудно признать нашимъ противникамъ, не признаваясь въ собственномъ политическомъ невѣжествѣ и политическихъ ошибкахъ.

Впрочемъ... «Новое Время» заявляетъ рѣшительно, что «почти со всѣми кадетскими пунктами согласиться нетрудно»; что «программа кадетовъ въ общемъ умѣренна и прогрессивна, и если бы и люди партіи оказались такими же, то лучшаго нельзя и желать»... И газета совѣтуетъ: «вмѣсто старой ошибки,—идти наперекоръ народу,—правительство разумно сдѣлаетъ, если испытаетъ новый методъ—идти съ народомъ объ руку». Это—«наилучшій выходъ изъ затрудненій». «Новое Время» даже понимаетъ, что «основное требованіе» — если не программы, то текущаго момента у кадетовъ—это «долой правительство», «долой всѣхъ нынѣшнихъ министровъ, главноуправляющихъ, членовъ совѣтовъ, и комитетовъ, правящихъ генераловъ и адмираловъ, долой сословіе, которое довело Россію до позора»—даже это требованіе имѣетъ резонъ, и на свой вопросъ, можетъ ли «правительство согласиться съ этимъ зачеркиваніемъ его на чисто, можетъ ли пойти даже на какой нибудь компромиссъ», газета смѣло отвѣчаетъ: «да».

Когда, нѣсколько дней назадъ, мы начали эти статьи объ «элементахъ конфликта», не было еще никакихъ основаній думать, что въ «Нов. Вр.» могутъ появиться заявленія, подобныя только-что

цитированнымъ. Кто знаетъ, можетъ быть, пройдетъ еще нѣсколько дней,—и разсужденія г. Меньшикова будутъ усвоены «Русскимъ Государствомъ»? Можетъ быть, безполезно далѣе обсуждать «элементы конфликта», такъ быстро превращающіеся въ ничто передъ властнымъ голосомъ народа? Можетъ быть, завтра мы прочтемъ, что Дурново болѣе не министръ, что законодательная власть думы не ограничена конкуренціей государственнаго совѣта, что за думой признаны «учредительныя функціи», что всевозможныя «временныя» мѣры и правила пріостановлены въ своемъ дѣйствіи до думы, что двери тюремъ открылись, административно-преслѣдуемые освобождены, покаранные шемякинымъ судомъ возстановлены въ своихъ правахъ, отмѣнена смертная казнь, начато разслѣдованіе по цѣлому ряду взволновавшихъ общество насильственныхъ дѣйствій высшихъ и низшихъ чиновъ администраціи?

Увы, наученные опытомъ, мы не такъ легковѣрны. Ждать уступокъ и торговаться о «компромиссахъ» мы не можемъ. Мы считаемъ, что наша программа, дѣйствительно, «умѣренна и прогрессивна»; мы считаемъ свою тактику единственнымъ путемъ къ скорѣйшему началу «созидательной работы». Но именно поэтому мы ни отъ чего отступаться не можемъ. Книга исторіи запечатана, и мы не знаемъ, какія сцены ждутъ нашихъ представителей въ Таврическомъ дворцѣ. Но одно мы твердо знаемъ, что воля народа непреклонна и что народъ послалъ нашихъ людей въ государственную думу творить его волю. И мы увѣрены, что, опираясь на народный вотумъ, они найдутъ на это достаточно силы.

I. Программа думскихъ занятій.

67. Что думѣ дозволено *).

Въ «Русскомъ Государствѣ» мы прочли первый офиціальный набросокъ плана занятій государственной думы. По почину предсѣдателя, совѣтъ министровъ обсудилъ этотъ планъ въ засѣданіи 5-го марта. Соображенія, излагаемыя «Русскимъ Государствомъ», очевидно, воспроизводятъ мотивировку самого гр. Витте и являются первымъ достовѣрнымъ матеріаломъ объ «элементахъ конфликта» въ первомъ русскомъ представительномъ собраніи.

*) „Рѣчь“, № 40, 6 апр.

Худо скрытый страхъ передъ этимъ конфликтомъ является лейтмотивомъ всѣхъ разсужденій премьера. «По его мнѣнію, необходимо сразу же направить занятія государственной думы къ опредѣленнымъ, хотя бы и широкимъ, но трезвымъ и дѣловымъ задачамъ—и тѣмъ обезпечить производительность работы думы. Въ соотвѣтствіи съ этимъ правительству необходимо выступить передъ выборными людьми во всеоружіи готовой и стройной программы по важнѣйшимъ вопросамъ предстоящей дѣятельности». Другими словами, подъ предлогомъ необходимости «трезваго и дѣлового» обсужденія, которую нельзя, конечно, отрицать, правительство предполагаетъ взять въ свои руки подробное опредѣленіе тѣхъ предметовъ, которыми дума должна будетъ заняться. Что же намѣчаетъ планъ гр. Витте для первой сессіи думы?

Прежде всего, представитель совѣта напоминаетъ о спискѣ законопроектовъ, пріостановленныхъ въ ожиданіи думы, согласно повелѣнію, 23 сентября. Сюда относятся проекты уставовъ паспортнаго, межевого, вотчиннаго, опекунскаго, о службѣ гражданской; проектъ книги гражданскаго уложенія объ обязательствахъ; правила о сельскохозяйственномъ наймѣ и проч. Странное впечатлѣніе производитъ этотъ допотопный списокъ, уцѣлѣвшій отъ момента, когда бюрократическая машина, работавшая съ обычной прохла́дцей, вдругъ была остановлена конституціоннымъ катаклизмомъ. То было доброе, старое время, когда въ высшихъ сферахъ искренно вѣрили, что до думы больше не будетъ издано ни одного закона. Увы, съ тѣхъ поръ столько временныхъ правилъ узрѣло свѣтъ, столько старыхъ счетовъ было ликвидировано, столько законодательныхъ вопросовъ первостепенной важности рѣшено шутя, между прочимъ... И вдругъ, среди всей этой лихорадочной законодательной работы снова вынырнули эти милые старосвѣтскіе старички,—уставъ о службѣ гражданской, уставъ опекунскій и прочіе «имѣющіе весьма крупное государственное значеніе проекты»... Подобно тому владѣтельному нѣмецкому государю, который, вернувшись послѣ реставраціи къ себѣ въ княжество, велѣлъ считать дни съ того числа, когда онъ былъ потревоженъ революціей, и наша бюрократія хочетъ считать свои законодательные анналы съ того самаго дня и часа, когда прекратилась ея безмятежная канцелярская работа... Это и есть, очевидно, то «всеоружіе стройной программы по важнѣйшимъ вопросамъ предстоящей дѣятельности думы», въ которомъ правительство предполагаетъ «выступить передъ выборными людьми».

Конечно, и самъ совѣтъ министровъ долженъ былъ понять, что такая программа не можетъ импонировать членамъ думы. И онъ рѣшился немножко подновить списокъ. Даже и совѣтъ министровъ знаетъ, что теперь весна, а не осень,—новыя птицы, новыя пѣсни. Теперь «вопросъ объ устройствѣ быта крестьянъ является, безспорно, наиболѣе жизненнымъ и насущнымъ. Самая постановка крестьянскаго вопроса на первую очередь явится для правительства весьма важною и существенною. Внести на обсужденіе перваго состава государственной думы, немедленно по открытіи ея засѣданій, крестьянскій вопросъ весьма желательно»... Ну, еще бы! Вѣдь, «каковъ бы ни былъ первый составъ думы,—а возможно и даже вѣроятно, что онъ будетъ въ значительной мѣрѣ крестьянскимъ,—вопросъ объ устройствѣ крестьянъ привлечетъ къ себѣ въ значительной мѣрѣ вниманіе думы, которая, какъ и весь русскій народъ, сознаетъ важность постановки этого вопроса въ широкихъ рамкахъ на обсужденіе».

Какое вниманіе къ «вниманію думы и всего русскаго народа!» Жаль только, что это вниманіе такъ неравномѣрно распредѣлено между предметами, которые, столь же несомнѣнно, какъ крестьянскій, «привлекутъ къ себѣ въ значительной мѣрѣ вниманіе думы». Создавая стройную программу разсмотрѣнія въ думѣ первостепенной важности вопросовъ, какъ опекунскій уставъ и уставъ о службѣ гражданской, предсѣдатель совѣта ни звукомъ не обмолвился относительно вопросовъ, которые для думы суть вопросы жизни и смерти. Сюда относятся всѣ вопросы о ликвидаціи всевозможныхъ временныхъ правилъ—ликвидаціи, предусмотрѣнной самимъ правительствомъ при самомъ ихъ изданіи; вопросъ объ «общемъ избирательномъ правѣ», выражаясь терминологіей манифеста; вопросы о «свободахъ» и другіе основные вопросы реорганизаціи государственнаго строя.

Будемъ надѣяться, что то, что мы прочли вчера, не есть еще «стройная и готовая» программа, а есть только завалявшійся на письменномъ столѣ премьера лоскутъ бумаги, случайно очутившійся на редакторскомъ столѣ «Русскаго Государства» и опоздавшій своимъ появленіемъ въ свѣтъ на многіе мѣсяцы. Придать этому лоскутку бумаги интересъ современности не можетъ даже подклеенная къ нему прибавка о «крестьянскомъ вопросѣ».

68. Что думѣ запрещено *).

Вслѣдъ за «стройной» программой того, чѣмъ государственная дума должна будетъ заняться, насъ собираются подарить не менѣе «стройнымъ» и несравненно болѣе обширнымъ спискомъ тѣхъ предметовъ, до которыхъ касаться думѣ не будетъ позволено. Первая программа дала пока только пищу для остроумія петербургскимъ чиновникамъ. Зато вторая грозитъ вызвать совсѣмъ другія чувства и настроенія у народныхъ представителей. Дѣло въ томъ, что «стройная» программа занятій была наскоро извлечена изъ канцелярскихъ корзинъ всевозможныхъ вѣдомствъ, тогда какъ программа воздержанія отъ занятій имѣетъ явиться въ высокоторжественномъ облаченіи «основныхъ государственныхъ законовъ Россійской имперіи».

Мы уже познакомили нашихъ читателей съ существенными чертами этого нового проекта «основныхъ законовъ». Читатели могли видѣть, что ни одна «конституція» въ мірѣ не можетъ сравниться съ этимъ своеобразнымъ конгломератомъ «гражданскихъ свободъ» и права перлюстраціи частной корреспонденціи, законовъ имп. Павла I и послѣднихъ, только-что испеченныхъ «временныхъ» правилъ, мѣръ для укрѣпленія законности и мѣръ для огражденія произвола. Составитель одного изъ варіантовъ проекта русской конституціи съ священнымъ трепетомъ проходитъ мимо старинныхъ правилъ о престолонаслѣдіи, считая «не только цѣлесообразнымъ, но и необходимымъ отложить этотъ вопросъ изъ предпринимаемой нынѣ редакціи основныхъ государственныхъ законовъ»—на томъ основаніи, что данная тема «требуетъ самой тщательной и осторожной переработки, а для этого необходимы досугъ и время». И тотъ же самый составитель смѣло вписываетъ въ основные законы самыя свѣжія статьи, вродѣ той, что «преданіе суду министровъ... и т. д. принадлежитъ исключительно Государю Императору», кратко мотивируя ихъ тѣмъ, что «*они необходимы*» (курс. подл.) по соображеніямъ, «достаточно яснымъ для политически зрѣлаго пониманія». Политическая «злоба дня» до такой степени ясно отпечатлѣлась на проектѣ «основныхъ законовъ», что изъ всѣхъ эфемерныхъ продуктовъ законодательнаго творчества послѣдняго времени онъ какъ-то представляется самымъ эфемернымъ и непроч-

*) „Рѣчь“, № 44, 10 апр.

нымъ, въ полномъ и яркомъ противорѣчіи съ той импонирующей формой, подъ которой пытаются на этотъ разъ провести политическую контрабанду. Высочайшій указъ 12 декабря 1904 г., законъ 17 апрѣля 1905 г. о терпимости, законъ 6 іюня 1905 г. объ охраненіи полной силы закона, дума 6 августа, манифестъ 17 октября, указъ 19 октября о единствѣ правительственной дѣятельности, избирательный законъ 11 декабря, наконецъ, законы 20 февраля 1906 г.—достаточно перечислить всѣ эти правительственныя мѣропріятія, замѣнявшія, расширявшія и ограничивавшія другъ друга и составившія, въ совокупности, живую лѣтопись политической борьбы, уступокъ и побѣдъ,—достаточно сопоставить все это, чтобы убѣдиться въ невозможности задачи, принятой на себя составителями,—привести всѣ эти правительственные акты къ одному знаменателю путемъ простой кодификаціи. Всѣ эти элементы русской конституціи, казалось, предстояло чрезъ самое короткое время перетопить въ лабораторіи народнаго представительства и олить въ одно гармоничное цѣлое, которое уже въ силу своего чрезвычайнаго способа происхожденія имѣло бы исключительное и неотъемлемое право на высокое званіе «фундаментальныхъ» законовъ. Вмѣсто того, намъ грозятъ преподнести безформенную массу разнохарактерныхъ обломковъ, какой-то окаменѣлый хаосъ геологическихъ катаклизмъ,—и этой каменной грудой хотятъ заслонить народному представительству дорогу къ разумному государственному переустройству. «Элементы конфликта» начинаютъ вырисовываться передъ нами во всей своей непосредственной наглядности.

Еще не такъ давно, предвидя эту возможность, которая теперь грозитъ осуществиться, мы взывали къ благоразумію правящихъ сферъ и старались найти ту общую почву, на которой острый политическій кризисъ могъ бы разрѣшиться въ мирныхъ и легальныхъ формахъ. Мы боимся, что почва эта будетъ выдернута у насъ изъ подъ ногъ самимъ правительствомъ, если проектъ «основныхъ законовъ» будетъ окончательно принятъ. Не говоря уже о тѣхъ существенныхъ, дѣйствительныхъ препятствіяхъ, которыя этотъ проектъ поставитъ осуществленію очередныхъ и ближайшихъ задачъ, намѣченныхъ себѣ народнымъ представительствомъ, общее моральное впечатлѣніе, которое онъ произведетъ на все русское населеніе, будетъ ужасно и плачевно. Даже впечатлѣніе законовъ 20 февраля поблѣднѣетъ передъ тѣмъ взрывомъ негодованія, который намъ предстоитъ. И подъ этимъ впечатлѣніемъ начнетъ свои засѣданія государственная дума. Если бы правящія сферы нарочно задались

цѣлью довести до высшей степени раздраженія этихъ людей, которые и безъ того привезутъ съ собой въ Петербургъ концентрированное отраженіе чувствъ, волнующихъ Россію за послѣдніе мѣсяцы,— то ничего лучшаго нельзя было бы придумать для этой цѣли, какъ изданіе проекта основныхъ законовъ,—особенно изданіе его въ той ухудшенной редакціи, которая спѣшно вырабатывается теперь на засѣданіяхъ въ Царскомъ Селѣ.

II. „Основные законы“.

69. Проектъ «основныхъ законовъ» *).

Въ № 45-мъ нашей газеты напечатанъ «проектъ основныхъ государственныхъ законовъ», разсматриваемый нынѣ въ ежедневныхъ засѣданіяхъ особаго совѣщанія. Имѣя его передъ глазами, читатель можетъ судить теперь, насколько основательны были наши соображенія и опасенія, высказанныя въ №№ 43 и 44 нашей газеты. «Проектъ» заключаетъ въ себѣ квинтъ-эссенцію мѣръ, которыя правительство считало необходимымъ принять для огражденія себя отъ всякихъ случайностей со стороны оппозиціонной думы. Дума могла бы пожелать, напримѣръ, сразу покончить съ тѣми чрезвычайными пріемами борьбы съ «крамолой», которые употребляются министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, обновить составъ администраціи и, такимъ образомъ, водворить внутренній миръ.— Невозможно! «Увольненіе отъ государственной службы всѣхъ безъ изъятія должностныхъ лицъ (до городового включительно) принадлежитъ непосредственно верховной власти, также какъ и объявленіе мѣстностей на военномъ и исключительномъ положеніяхъ и существующія въ семъ отношеніи особыя постановленія сохраняютъ свою силу впредь до измѣненія ихъ въ установленномъ порядкѣ» (т. е. длиннымъ путемъ нормальнаго законодательства). Дума хотѣла бы разомъ отмѣнить всѣ изъятія изъ принципа равенства всѣхъ гражданъ передъ закономъ.—Немыслимо! «Законы, особенно изданные для какой-либо мѣстности или части населенія, новымъ общимъ закономъ не отмѣняются, если въ немъ именно такой отмѣны не постановлено». При этомъ «существующія ограничи-

*) „Рѣчь“, № 46, 12 апр.

тельныя постановленія по отношенію къ свободѣ передвиженія, равно какъ пріобрѣтенія и отчужденія имуществъ, сохраняютъ силу впредь до измѣненія таковыхъ постановленій въ установленномъ порядкѣ». Дума пожелала бы принять немедленныя и неотложныя мѣры противъ народнаго разоренія.—Напрасно! Всѣ тѣ ограниченія, которыя лишаютъ думу всякаго серьезнаго вліянія на государственные приходы и расходы, введены теперь въ «основные законы», т. е. ограждены отъ всякихъ посягательствъ со стороны законодательной власти думы. Захочетъ дума законодательствовать какимъ нибудь сокращеннымъ порядкомъ?—Безполезно! «Законодательныя постановленія не подлежатъ обнародованію, если порядокъ ихъ изданія не соотвѣтствуетъ положеніямъ сихъ основныхъ законовъ», а «прежде обнародованія законъ въ дѣйствіе не приводится». Наконецъ, и самая эта законодательная власть уже самымъ «основнымъ закономъ» (§ 56) поставлена теперь въ тѣ узкія рамки, въ которыя ввели ее законы 20 февраля. «Основной законъ» закрѣпилъ и учрежденіе государственнаго совѣта, съ которымъ никогда не примирятся не только послѣдовательные, но и самые умѣренные конституціоналисты. Учрежденіе, къ которому повернулъ спину даже А. И. Гучковъ, отнынѣ можетъ быть отмѣнено или реформировано только внѣзаконнымъ путемъ. Если же мы сопоставимъ параграфы о государственномъ совѣтѣ (51 и 52) съ отдѣлами основного закона о чрезвычайныхъ законодательныхъ правахъ совѣта министровъ (40) и о понятіи «верховнаго управленія» (11), то увидимъ, что наша «конституція» предусматриваетъ возможность управленія страной совсѣмъ безъ думы, но, можетъ быть, съ государственнымъ совѣтомъ, которому одному, въ такомъ случаѣ, и будетъ передано, очевидно, право законодательствовать на время отсутствія думы. Правда, этого еще прямо не сказано въ текстѣ «основного закона», но, надо думать, скоро мы получимъ какое-нибудь дополненіе или разъясненіе къ «основному закону», которымъ этотъ экстренный порядокъ управленія и законодательства будетъ выясненъ уже окончательно.

Съ такими предосторожностями наше министерство можетъ смѣло смотрѣть въ глаза будущему конфликту, который становится неизбѣжнымъ, если только основной законъ пройдетъ въ предположенномъ видѣ. Что такое, послѣ этого, какіе-то «кадеты»? Quantité négligeable! Не хотятъ они урѣзать свою программу дѣйствій по новой мѣркѣ «основныхъ законовъ»,—пусть разъѣзжаются по домамъ: новая конституція безъ думы уже предусмотрѣна самими

«основными законами»! Государственный совѣтъ можетъ остаться и даже получить новыя полномочія. А «страна»? Не отвѣтитъ ли она «революціей»? Правительство наше и на этотъ счетъ спокойно. Революціи больше не будетъ. Безпокоятся о ней только... иностранные корреспонденты, да... иностранные кредиторы. Но первыхъ можно опровергнуть, а послѣднихъ... Вотъ, что дѣлать съ послѣдними? Обмануть ихъ трудно. Подкупить?—Но какъ подкупить ихъ собственными деньгами? Ничего, во всякомъ случаѣ, разговоръ съ кредиторами будетъ завтра, а теперь надо какъ нибудь просуществовать сегодня... Революція?! Объ этомъ позаботится П. Н. Дурново.

70. «Нашъ будущій параграфъ 14-й» *).

Самое заглавіе будущей русской конституціи—«основные государственные законы»—сближаетъ ее съ одной изъ худшихъ конституцій Европы, съ австрійскимъ Staatsgrundgesetz. Было бы интересно сдѣлать подробное сличеніе обѣихъ «конституцій»; однимъ изъ результатовъ такого сличенія было бы наглядное доказательство, до какой степени первый русскій конституціонный документъ будетъ стоять ниже своего первообраза. Само собою разумѣется, что самое худшее въ худшей изъ европейскихъ конституцій имѣется въ виду перенести въ будущую русскую конституцію цѣликомъ,—насколько, впрочемъ, это худшее не поддается еще дальнѣйшему ухудшенію. Къ такимъ худшимъ изъ заимствованныхъ (конечно, не худшимъ изъ оригинальныхъ) частей будущей русской конституціи принадлежитъ и знаменитый «параграфъ четырнадцатый», принесшій столько бѣдствій и смутъ населенію австрійской монархіи. Небезполезно будетъ напомнить читателю самые тексты плохого оригинала и ухудшенной копіи.

§ 14. Staatsgrundgesetz über die Reichsvertretung:

«Если настоятельная необходимость такихъ распоряженій, которыя по конституціи нуждаются въ согласіи рейхсрата, представится въ такое время, когда рейсхратъ не собранъ, то эти распоряженія могутъ быть обнародуемы императорскимъ указомъ, за отвѣтственностью всего министерства,—поскольку, однако, такой указъ не имѣетъ цѣлью какой-либо перемѣны въ основномъ государственномъ законѣ и не касается какого-либо постояннаго отягощенія государствен-

*) „Рѣчь“, № 48, 14 апр.

наго казначейства и какого-либо отчужденія государственнаго имущества. Такіе указы имѣютъ временную силу закона, если подписаны съ прямой ссылкой на настоящее опредѣленіе основного государственнаго закона. Законная сила такихъ указовъ прекращается, если правительство не озаботится представить ихъ ближайшему послѣ ихъ изданія собранію рейхсрата—и притомъ, прежде всего, палатѣ депутатовъ—въ теченіе четырехъ недѣль послѣ созыва, или, если эти указы не получатъ утвержденія одной изъ двухъ палатъ рейхсрата. Министерство отвѣчаетъ коллективно за немедленное прекращеніе дѣйствія такихъ указовъ, какъ только они потеряли свою временную силу закона».

Наша русская статья 40 законопроекта гласитъ:

«Во время прекращенія занятій государственной думы, если чрезвычайныя обстоятельства вызовутъ необходимость такой мѣры, которая требуетъ обсужденія въ порядкѣ законодательномъ, совѣтъ министровъ представляетъ о ней Императорскому Величеству непосредственно. Мѣра эта не можетъ, однако, вносить измѣненій ни въ основные законы, ни въ учрежденія государственнаго совѣта или государственной думы, ни въ постановленія о выборахъ въ совѣтъ или въ думу. Дѣйствіе такой мѣры прекращается, если подлежащимъ министерствомъ или главноуправляющимъ отдѣльной частью не будетъ внесенъ въ государственную думу, въ теченіе первыхъ двухъ мѣсяцевъ послѣ возобновленія занятій думы, соотвѣтствующій принятой мѣрѣ законопроектъ, или его не примутъ государственная дума или государственный совѣтъ».

Любопытны, прежде всего, «ухудшенія» въ русской статьѣ сравнительно съ австрійской. Согласно общему духу проекта, «коллективный кабинетъ» стушевывается и личность государя выдвигается «непосредственно». Конечно, и коллективная отвѣтственность министровъ за дальнѣйшее примѣненіе «мѣры», не одобренной народными представителями, исчезаетъ безслѣдно. Разница между указомъ (Verordnung) и закономъ (Gesetz), проведенная въ нѣмецкомъ текстѣ, совершенно стушевывается не юридическимъ выраженіемъ «мѣра». Впрочемъ, тутъ, помимо расчета, можетъ быть, виновата и спѣшность работы. Повидимому, нашимъ законодателямъ некогда было справиться съ подлинникомъ, и они просто купили русскій переводъ (Собраніе конституцій, изд. В. Саблина), въ которомъ нашъ параграфъ, дѣйствительно, начинается такъ:

«*Если чрезвычайныя обстоятельства дѣлаютъ необходимой, въ перерывѣ засѣданій (рейхсрата) какую-нибудь мѣру, требую-*

щую, согласно конституціи, *обсужденія* въ рейхстатѣ, то она» и т. д.

Подчеркнутыя слова перенесены въ законопроектъ, очевидно, именно изъ даннаго перевода.

Какъ видимъ, маленькая экскурсія въ законодательную кухню можетъ открыть любопытныя указанія на небрежность, съ которой составлялся законопроектъ.

71. «Основные законы» и декларація к.-д. членовъ государственнаго совѣта *).

Замѣчательное постановленіе, принятое по поводу будущаго государственнаго совѣта группой выборщиковъ въ это новое учрежденіе отъ академіи и университетовъ, обратило бы на себя вниманіе общества даже и въ болѣе спокойное время; но, сдѣланное именно теперь, въ тѣ дни, когда проектъ «основныхъ законовъ» сдѣлался извѣстенъ всей читающей Россіи, но не опубликованъ еще въ качествѣ непреложнаго закона,—это постановленіе является крупнымъ гражданскимъ подвигомъ и большой заслугой передъ страной. Если бы въ Россіи были государственные люди, они должны были бы понять изъ одного этого заявленія, что опубликованіе «основныхъ законовъ» есть опасность, и что актъ этотъ долженъ считаться прямой угрозой «общественному спокойствію». Преуменьшать эту опасность —значитъ играть въ руку тѣмъ нашимъ законодателямъ, которые хотѣли скрыть отъ страны до послѣдней минуты свой заговоръ противъ ея спокойствія и заставить ее считаться уже съ совершившимся фактомъ. Вотъ почему намъ непонятно то отношеніе къ законопроекту, которое обнаружилъ «XX вѣкъ», дѣлающій видъ, что считаетъ проектъ не серьезнымъ и полагающій, что, «въ виду его безграмотности и противорѣчія общимъ ожиданіямъ», приличнѣе счесть «проектъ за подложный» и обсуждать его академически».

«Безграмотность»—не совсѣмъ то слово, которое подходитъ къ данному документу. Правда, въ немъ достаточно, слишкомъ достаточно, и «безграмотности», но въ немъ слишкомъ много въ то же время и заднихъ мыслей, и заранѣе обдуманныхъ намѣреній, чтобы объяснить всѣ его недостатки простой «безграмотностью».

Третьяго дня мы составили цѣлый букетъ изъ ограничительныхъ опредѣленій проекта. Нѣкоторыя изъ этихъ опредѣленій безу-

*) „Рѣчь“, № 48, 14 апрѣля.

словно «грамотны» юридически, но самое появленіе ихъ въ данномъ сочетаніи, введеніе ихъ въ основной законъ, повторяемъ, нельзя трактовать иначе, какъ «заговоръ противъ общественнаго спокойствія». Другой аргументъ «XX вѣка»—что «законопроектъ слишкомъ противорѣчитъ общимъ ожиданіямъ»—къ сожалѣнію, также не можетъ доказывать ни «подложности» проекта, ни умѣстности «обсуждать его академически». Газета не вѣритъ, чтобы правительство рѣшилось выступить «съ такимъ неудачнымъ актомъ», который былъ бы «прямо вреденъ для самого же правительства». Конечно все это только риторическія фигуры, цѣль которыхъ—оказать то же дѣйствіе, какое могла бы оказать положительная критика напечатаннаго нами документа. Но мы рѣшительно утверждаемъ, что въ данномъ случаѣ риторическія фигуры «недовѣрія» или «третированія свысока» болѣе, чѣмъ неумѣстны. Напечатанный «проектъ» теперь уже не есть «одинъ изъ проектовъ», а единственный, такъ какъ конкурировавшій съ нимъ проектъ кіевскаго проф. Эйхельмана съ самаго начала обсужденія былъ отложенъ въ сторону. Въ государственномъ совѣтѣ, въ которомъ, по мнѣнію газеты, проектъ «не могъ бы собрать большинства голосовъ въ свою пользу», этотъ проектъ, какъ многія великія предпріятія послѣдняго времени, отъ величія которыхъ до смѣхотворности былъ только одинъ шагъ, всего вѣроятнѣе, и вовсе не будетъ обсуждаться. Повторяемъ, опасность велика и реальна; она угрожаетъ обществу въ самомъ ближайшемъ будущемъ, и поэтому все вниманіе, все умѣнье, вся энергія общества и его представителей должна быть употреблена, чтобы слѣпые и глухіе прозрѣли и услышали.

И вотъ почему мы такъ высоко ставимъ общественное значеніе декларацiи выборщиковъ въ государственный совѣтъ. Они сказали—съ авторитетомъ будущихъ членовъ и кандидатовъ въ члены этого самаго учрежденія, какъ думаетъ о государственномъ совѣтѣ вся Россія: и этимъ они показали, сколькихъ «измѣнниковъ» и «бунтовщиковъ» противъ себя рискуетъ создать «основной законъ», въ которомъ постановленія о государственномъ совѣтѣ занимаютъ существенное мѣсто. Они сказали, что на государственный совѣтъ никто не захочетъ смотрѣть, какъ на вторую палату; они заявили, что отношеніе прогрессивныхъ элементовъ къ совѣту можетъ быть только «оппозиціонное» и что данная группа сознательно идетъ въ это учрежденіе исключительно для борьбы противъ него, для поддержки въ совѣтѣ политики думы и для парализованія «всякихъ попытокъ правительства ограничить права думы или помимо ея управлять

страной». Мы уже намекали, что государственный совѣтъ въ борьбѣ противъ думы можетъ явиться опорной точкой для правительства: очевидно, выборщики въ государственный совѣтъ также имѣютъ нѣкоторыя свѣдѣнія о кое-какихъ предположеніяхъ и приготовленіяхъ правительства на этотъ случай,—и ихъ вѣское слово впервые лишаетъ правительство еще одной изъ его иллюзій. Еще одной напрасной надеждой становится меньше у власти: о, если бы какъ можно скорѣе она поняла, что, кромѣ гг. Никольскаго и Гринмута, ей не на кого опереться, что свои, самые надежные, ее выдадутъ и завтра же перебѣгутъ въ другой лагерь; что тщетно и невозможно бороться противъ стихійнаго хода исторіи и прогресса!

Мы горячо привѣтствуемъ патріотическій починъ гг. выборщиковъ въ государственный совѣтъ отъ университетовъ и академій и отдаемъ полную справедливость проявленной ими политической прозорливости и такту.

III. Внѣшній заемъ.

72. Переговоры о займѣ *).

I.

Насколько можно судить по послѣднимъ извѣстіямъ, положительное отношеніе Франціи къ русскому займу нѣсколько поколебалось. Въ борьбѣ между узко-меркантильными расчетами и требованіями политической морали послѣднія, повидимому, начинаютъ брать верхъ. Полученные здѣсь номера парижскихъ газетъ еще стараются замалчивать внутреннія событія въ Россіи или стараются исказить ихъ смыслъ; но телеграммы изъ Парижа уже показываютъ, что грандіозное пораженіе русскаго правительства на выборахъ и единодушно-отрицательное отношеніе всей передовой русской прессы къ займу произвели серьезное впечатлѣніе на французское общество. Заемъ не подписанъ и, можетъ быть, какъ это было въ октябрѣ,— и не будетъ подписанъ. И мы должны сказать, что это рѣшеніе свидѣтельствовало бы, помимо способности французской публики руководиться идейными соображеніями, также и о здраво понятомъ расчетѣ собственной пользы.

Мы разумѣемъ здѣсь не то, что при думѣ французскіе держа-

*) „Рѣчь“, №№ 35, 36, 37, 39, 30 марта—5 апрѣля.

тели русскихъ цѣнностей получатъ, можетъ быть, менѣе высокое, но зато болѣе вѣрное обезпеченіе подъ свои капиталы. Мы имѣемъ въ виду соображенія общей политики, которыя не позволяютъ Франціи игнорировать состояніе русскаго общественнаго мнѣнія, Какъ отнесется къ франко русскимъ отношеніямъ первый русскій парламентъ и какъ установитъ свою линію поведенія въ иностранной политикѣ будущее парламентское большинство,—это не можетъ быть безразлично для французской публики. Конечно, международныя отношенія диктуются для каждаго даннаго момента соображеніями, не имѣющими ничего общаго съ перемѣнами во внутренней политикѣ. Но и для того, чтобы удержать вновь являющуюся на сцену политическую силу въ старомъ руслѣ, необходимы усилія,—и французское общество не должно жалѣть усилій, которыхъ цѣль—поддержать традиціонныя симпатіи между французскимъ и русскимъ общественнымъ мнѣніемъ.

Правда, правящіе круги во Франціи, очевидно, связали себя обѣщаніемъ оказать русскому правительству услугу за услугу и, въ благодарность за содѣйствіе въ мароккскомъ дѣлѣ, рѣшились помочь Россіи выйти изъ финансоваго затрудненія. Но это соглашеніе было заключено нѣсколько недѣль тому назадъ, т. е. при совершенно иномъ политическомъ положеніи въ Россіи. Въ настоящее время быстрая перемѣна въ этомъ положеніи приводитъ къ странной перетасовкѣ ролей. Германія, противодѣйствуя займу,—все равно, изъ какихъ соображеній,—оказывается болѣе согласной съ общественнымъ мнѣніемъ Россіи, чѣмъ всегда сочувствовавшая русскому передовому движенію Франція.

Мы не хотимъ считать нормальнымъ такое положеніе дѣлъ и надѣемся, что извѣстія о пріостановкѣ подписанія займа свидѣтельствуютъ о поворотѣ французскаго общественнаго мнѣнія на болѣе правильный путь. Не только изъ какихъ-либо сантиментальныхъ соображеній, но и исходя изъ вѣрно понятаго международнаго положенія, Франція должна дорожить прочностью симпатій русской публики. Теперь, когда старый франко-русскій альянсъ, съ потерей Россіей ея международнаго вліянія послѣ японской войны, потерялъ свое старое значеніе, онъ долженъ быть перестроенъ на иныхъ началахъ, чѣмъ прежде. Мѣсто Россіи въ установленіи новой системы политическаго равновѣсія въ Европѣ заняла теперь Англія; но Россія силой вещей должна занять свое мѣсто въ англо-французскомъ сближеніи, для того чтобы парализовать агрессивныя тенденціи официальной Германіи и помѣшать ей извлечь выгоду

изъ временнаго ослабленія международнаго вѣса Россіи. Къ этой активной роли въ новой международной комбинаціи, несомнѣнно, должны быть привлечены симпатіи прогрессивнаго большинства перваго русскаго парламента. Въ настоящее время, въ пылу борьбы, русское общественное мнѣніе не интересуется иностранной политикой; но, какъ только жизнь войдетъ въ нормальныя рамки, это положеніе измѣнится. И испортить заранѣе свое отношеніе къ грядущей силѣ Россіи, ставъ между народомъ и правительствомъ, дружественная намъ Франція не должна.

Если французское общество цѣнитъ эти соображенія столь родственной ему по всему складу идей и стремленій политической группы, оно приметъ ихъ во вниманіе—и этимъ пріобрѣтетъ право на внимательное отношеніе русскаго парламентскаго большинства къ новой международной комбинаціи, осуществить которую было бы въ интересахъ обѣихъ «дружественныхъ и союзныхъ» державъ.

II.

Нашъ парижскій корреспондентъ сообщаетъ изъ офиціальнаго источника интересныя разъясненія, очевидно, имѣющія цѣлью примирить русское общественное мнѣніе съ ролью, которую Франція рѣшилась сыграть при заключеніи займа русскимъ правительствомъ. Суть дѣла заключается въ томъ, что французское правительство согласилось дать деньги Россіи изъ «государственныхъ» соображеній, которыми оно не могло «отступиться ради соображеній внутренней русской политики». Никто не можетъ требовать, разумѣется, чтобы иностранное государство поступалось своими интересами ради чего бы то ни было; но мы старались доказать, что именно «государственные интересы» самой Франціи требовали отложить реализацію займа на короткій срокъ, остающійся до созыва думы.

Въ самомъ дѣлѣ, что выставляетъ «одинъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ министра иностранныхъ дѣлъ», какъ принудительный мотивъ для участія Франціи въ заключеніи займа? Очень много причинъ, уважительныхъ причинъ—уважительныхъ и съ нашей точки зрѣнія, но ни одной такой, которая бы доказывала, что Франція должна была помогать русскому правительству противъ русскаго народа и чтобы помощь эта была необходима сейчасъ же, до созыва думы.

По разъясненію «сотрудника» французскаго министра, обѣщаніемъ денегъ Франція отвлекла Россію отъ Германіи. Объясненіе это

весьма вѣроятно: въ англійской прессѣ также можно найти подтвержденіе того, что предшествовавшія колебанія Франціи—помѣстить заемъ у себя—заставили Россію начать переговоры объ этомъ съ Германіей. Но значило ли это, что Петербургъ готовъ былъ ослабить узы франко-русскаго альянса и что, такимъ образомъ, заключеніе займа въ Германіи угрожало «измѣненіемъ нынѣшней группировки державъ въ Европѣ»? Мы говорили, что перегруппировка державъ является слѣдствіемъ болѣе общей причины—русскаго пораженія въ Японіи и что при этомъ естественное мѣсто Россіи все равно въ однихъ рядахъ съ Франціей. Такимъ образомъ, французское министерство обнаружило излишнюю боязливость передъ простой возможностью ослабленія союзныхъ узъ и придало слишкомъ много значенія займу, какъ средству «окончательнаго возвращенія Россіи въ лоно альянса».

Qui prouve trop ne prouve rien: эта поговорка очень примѣнима къ только что приведенному разсужденію. Международная перегруппировка державъ необходима и съ нашей точки зрѣнія, и мы доказывали, что перегруппировка эта должна совершиться въ томъ самомъ направленіи, о которомъ говоритъ чиновникъ французскаго министерства. Можетъ быть, и своевременное согласіе на заемъ могло бы быть ловкимъ ходомъ въ дипломатической игрѣ. Но приписывать займу магическую силу—«совершенно покончить съ русско-германскимъ флиртомъ, начавшимся еще во время японской войны»,—значитъ совершенно переворачивать отношеніе между причиной и слѣдствіемъ. «Флиртъ» съ Германіей, начавшійся, кстати, задолго до войны, давно уже оказался огромной ошибкой, и если заемъ во Франціи можетъ повліять на перемѣну отношеній между Россіей и Германіей, то это лишь потому, что перемѣна эта подготовлена гораздо болѣе серьезными причинами. Съ другой стороны, и демонстративный отказъ Германіи въ помѣщеніи русскаго займа только отчасти можетъ быть объясняемъ раздраженіемъ по поводу дипломатическаго сближенія Россіи съ Франціей. Для этого отказа есть и другія очень серьезныя причины—въ состояніи германскаго денежнаго рынка и въ недовѣріи къ русской кредитоспособности. Такимъ образомъ, съ обѣихъ сторонъ—и съ французской, и съ нѣмецкой—вопросъ о займѣ вовсе не связывается необходимо съ вопросомъ о международной группировкѣ державъ.

Въ виду всего этого, намъ трудно согласиться съ тѣмъ, чтобы согласіе на заемъ повелительно диктовалъ Франціи своего рода

raison d'État. Только чрезмѣрный и ничѣмъ не оправдываемый страхъ —упустить благопріятную минуту для привлеченія союзника—можетъ объяснять поспѣшность, съ которой Франція бросилась на приманку. Вѣроятно, немалое значеніе имѣлъ тутъ и «личный интересъ французскихъ капиталистовъ», не желавшихъ «дальнѣйшей отсрочки такъ долго ожидавшейся операціи». Оптимизмъ, съ которымъ эти капиталисты трактуютъ внутреннее положеніе дѣлъ въ Россіи, совершенно противорѣчитъ пессимизму болѣе освѣдомленныхъ нашихъ сосѣдей. Кто правѣе—покажетъ будущее; но мы еще разъ приглашаемъ нашихъ французскихъ друзей подумать—не о томъ, что диктуетъ «общественная совѣсть», а что диктуетъ собственный правильно понятый интересъ. Во всякомъ случаѣ, они должны понимать, какъ мы уже говорили, что теперь положеніе дѣлъ уже не то, какое было двѣ, три недѣли назадъ. Комбинація съ Германіей уже разстроилась и, слѣдовательно, никому болѣе угрожать не можетъ. Расчетъ на внутреннюю силу правительства въ Россіи существенно измѣнился благодаря исходу выборовъ. Со словъ русскихъ и французскихъ офиціозовъ французская публика привыкла смотрѣть на побѣдившую теперь общественную группу, какъ на носительницу разрушительныхъ тенденцій. Пусть она присмотрится къ ней получше: можетъ быть, тогда она пойметъ, что продолжать, какъ это дѣлаетъ «Temps», расчитывать на одно правительство и игнорировать избранниковъ народа—значитъ считать безъ хозяина и совершать очень грубую дипломатическую ошибку.

P. S. Эта статья была набрана, когда въ ночной телеграммѣ изъ Берлина мы прочли извѣстіе, что Пуанкаре разрѣшитъ русскій заемъ лишь подъ условіемъ санкціи государственной думы. Самая возможность такой перемѣны рѣшенія въ послѣднюю минуту еще разъ показываетъ всю шаткость разобранной нами аргументаціи въ пользу займа. Если сообщеніе берлинской телеграммы вѣрно, намъ остается привѣтствовать рѣшеніе французскаго правительства.

III.

Сегодня вопросъ о русскомъ займѣ стоитъ нѣсколько иначе, чѣмъ вчера. Намъ по прежнему стараются доказать, что общественное мнѣніе напрасно безпокоится по этому поводу; но теперь употребляютъ въ дѣло нѣсколько другіе аргументы. Новый заемъ, говорятъ намъ, не развяжетъ рукъ правительству передъ думой, потому что весь онъ немедленно уйдетъ на покрытіе неотложныхъ нуждъ, и у

правительства на рукахъ свободныхъ суммъ не останется. Съ другой стороны, деньги правительству необходимы сейчасъ же, такъ какъ всякое промедленіе грозитъ крушеніемъ, прежде всего, нашему денежному обращенію.

Мы не отрицаемъ достовѣрности перваго указанія и понимаемъ серьезность второго. Но мы должны сказать все-таки, что ни то, ни другое не убѣждаетъ насъ въ необходимости реализовать немедленно двухмилліардный заемъ заграницей. Если этотъ заемъ долженъ почти цѣликомъ уйти на заграничныя финансовыя и иныя операціи, и если свободныя суммы, которыя выручитъ правительство, будутъ ничтожны, то это только показываетъ, что этихъ ничтожныхъ свободныхъ суммъ правительство могло бы поискать и въ другомъ мѣстѣ. Срочная и необходимая часть операціи могла бы быть совершена особо, а реализацію милліарднаго заграничнаго займа тѣмъ удобнѣе было бы отложить до открытія засѣданій думы.

IV.

Заграничный заемъ заключенъ, и намъ приходится считаться съ совершившимся фактомъ. Правительственные органы, объявившіе агитацію въ печати противъ займа равносильной чуть не государственной измѣнѣ, могутъ торжествовать побѣду. Но какого рода эта побѣда, и дѣйствительно ли шансы на отсрочку займа до созыва думы были такъ ничтожны?

По нашимъ свѣдѣніямъ, дѣло было рѣшено въ послѣдній моментъ соображеніями международнаго характера. Мы не говоримъ, что эти соображенія были правильны: напротивъ, мы старались доказать противоположное. Но, какъ бы то ни было, соображенія эти были на лицо и продиктовали Франціи и Англіи ихъ рѣшеніе. Нельзя сказать, чтобы не было у правительства этихъ державъ и иного рода соображеній, говорившихъ за отсрочку. Въ октябрѣ прошлаго года эти соображенія даже взяли верхъ—и заемъ былъ отсроченъ. Что же произошло съ тѣхъ поръ? Расцѣниваетъ ли заграничная биржа вѣрную побѣду оппозиціи ниже, чѣмъ она цѣнила невѣрные шансы забастовокъ и вооруженнаго возстанія? Или она меньше опасается за цѣлость своихъ сбереженій отъ оппозиціоннаго, чѣмъ отъ революціоннаго торжества?

По всей вѣроятности, оппозиціонныя партіи, которыя справа обвинялись въ предательствѣ за свою агитацію противъ займа, слѣва подвергнутся теперь противоположному упреку—за недостаточно

энергичную агитацію. Одни упрекали ихъ за то, что онѣ, вообще, противятся займу; другіе будутъ упрекать за то, что свое сопротивленіе онѣ не сопровождали опредѣленной угрозой.

Мы считаемъ тѣ и другіе упреки несправедливыми. Противиться мы должны были, стоя на строго-конституціонной точкѣ зрѣнія, и съ той же точки зрѣнія мы не могли грозить государственнымъ банкротствомъ. И, во всякомъ случаѣ, дѣло рѣшено было не степенью энергіи, съ которой оппозиціонная пресса защищала свое дѣло, а совершенно иными соображеніями.

Соображенія матеріальнаго расчета должны были, конечно, оказать львиную долю вліянія. Иностранныя сбереженія искали помѣщенія; банкиры были заинтересованы въ выпускѣ займа,—и всѣ эти заинтересованныя группы вынуждены были ждать. Онѣ ждали сперва, чтобы прошло внутреннее обостреніе въ Россіи, потомъ, чтобы кончились международныя осложненія. Теперь имъ предлагали опять ждать думы,—съ одной мыслью о которой онѣ привыкли связывать представленіе о новыхъ осложненіяхъ, новомъ конфликтѣ. Естественно, что онѣ, наконецъ, предпочли закрыть глаза на рискъ и воспользоваться минутой кажущагося успокоенья, чтобы вовлечь публику въ сдѣлку—выгодную или невыгодную. Другія соображенія должны были расположить въ пользу займа кредиторовъ русскаго правительства. Краткосрочныя обязательства давно ждали погашенія или обмѣна; старые расходы по войнѣ и по расчетамъ съ Японіей ожидали покрытія; наконецъ, быстрый отливъ золота сталъ угрожать дальнѣйшему существованію золотой валюты. И съ этой стороны, слѣдовательно, было достаточно много заинтересованныхъ въ ускореніи займа.

Наконецъ, у французскихъ и англійскихъ дипломатовъ явились рѣшающія соображенія международнаго характера. Франція уже подала надежду на финансовую помощь въ обмѣнъ за дипломатическое содѣйствіе Россіи. Когда это содѣйствіе было оказано,—и когда послѣдствіемъ его явился раздраженный отказъ Германіи участвовать въ займѣ,—французская дипломатія рѣшилась столь же демонстративно осуществить заемъ. Англія, которая до послѣдняго момента держалась мнѣнія, что заемъ надо отсрочить до думы, и которая поддерживала въ этомъ рѣшеніи и французское правительство, и самого Мендельсона,—въ послѣднюю минуту принуждена была уступить—по тѣмъ же дипломатическимъ соображеніямъ.

Мы уже имѣли случай говорить, что эти дипломатическія соображенія кажутся намъ черезчуръ поспѣшными и оппозиціонная по-

бѣда—недостаточно высоко учтенной французскимъ и англійскимъ правительствами. Но, какъ бы то ни было, мы не можемъ входить въ оцѣнку внутреннихъ основаній иностранныхъ правительствъ. Для насъ интереснѣе мотивы, которыми руководилось наше собственное.

Имѣя въ виду ослабить дурное впечатлѣніе займа, теперь стараются доказать, что заемъ не дастъ правительству никакихъ свободныхъ суммъ и цѣликомъ предназначается для покрытія старыхъ обязательствъ. Слѣдовательно, выводятъ отсюда, правительство не могло руководиться соображеніемъ—развязать себѣ руки передъ думой путемъ займа. Мы думаемъ, во-первыхъ, что выводъ этотъ не совсѣмъ вытекаетъ изъ посылокъ, и что разрѣшенія на покрытіе старыхъ расходовъ, можетъ быть, еще непріятнѣе было бы просить у думы, чѣмъ разрѣшенія на покрытіе новыхъ. Но возьмемъ аргументъ, какъ онъ есть. Если заемъ былъ нуженъ на покрытіе старыхъ обязательствъ и не дастъ, дѣйствительно, свободныхъ суммъ, то откуда такая чрезвычайная жажда во что бы то ни стало немедленно реализовать заемъ? Этотъ вопросъ пріобрѣтаетъ особенную важность, если мы примемъ во вниманіе, что вѣдь, въ дѣйствительности, реализація займа требуетъ извѣстнаго времени, настолько продолжительнаго, что, все равно, она можетъ состояться лишь черезъ нѣкоторый промежутокъ, т. е. уже при думѣ. А между тѣмъ желаніе заключить заемъ безъ думы имѣло одно весьма реальное и весьма непріятное послѣдствіе. Заемъ заключенъ на чрезвычайно невыгодныхъ условіяхъ, и притомъ онъ не можетъ быть конвертированъ и погашенъ раньше 10 лѣтъ: расчитанъ же онъ на 50 лѣтъ. Такимъ образомъ, оказывается возможнымъ закабалить народъ на полстолѣтія и совершенно невозможнымъ — выждать три недѣли, чтобы имѣть возможность получить отъ кредиторовъ лучшія условія.

Каковы бы ни были соображенія чужихъ намъ правительствъ при заключеніи займа, соображенія нашего собственнаго свидѣтельствуютъ о томъ же недовѣріи и боязни передъ народнымъ представительствомъ, которыми отмѣчены и другія дѣйствія этого правительства. Измѣнить совершившійся фактъ, въ данномъ случаѣ, народное представительство ужъ не можетъ. Но, несомнѣнно, къ числу прегрѣшеній правительства передъ народомъ только что заключенный заемъ прибавитъ новое и весьма внушительное слагаемое. Счетъ все растетъ и скоро наступитъ день, когда «хозяинъ» потребуетъ уплаты по счету сполна.

73. К.-д. партія и французскій заемъ *).

Въ связи съ агитаціей въ пользу заключенія займа правительственные агенты заграницей повели весьма энергичную кампанію съ цѣлью дискредитировать партію, побѣдившую на выборахъ. Тенденціозныя телеграммы, инспирированныя и, очевидно, щедро оплаченныя правительствомъ, въ изобиліи разсылались и разсылаются изъ Россіи заграницу и изъ-заграницы въ Россію. Содержаніе этихъ телеграммъ настолько нелѣпо и до такой степени противорѣчитъ всѣмъ извѣстной физіономіи партіи народной свободы, что, конечно, для лицъ, болѣе или менѣе освѣдомленныхъ, фальсификація ясна сама собою. Но въ болѣе широкихъ кругахъ, особенно заграницей, правительственная кампанія противъ «кадетовъ» могла произвести извѣстное впечатлѣніе. Изъ Лондона и Парижа до насъ уже доходятъ отзвуки недоумѣнія и нѣкотораго смущенія, произведеннаго фальшивыми сообщеніями, будто партія народной свободы измѣнила свою точку зрѣнія на еврейскій вопросъ, будто она, вообще, теперь отказывается отъ своихъ обѣщаній, данныхъ во время выборовъ, и т. п.

Мы, собственно, не понимаемъ, что выигрываетъ само правительство отъ затѣянной имъ кампаніи. Вѣдь если оно, вообще, получило деньги, хотя и на исключительно тяжелыхъ условіяхъ, то въ значительной степени потому, что побѣда конституціонно-демократической партіи дала Европѣ нѣкоторую надежду на успокоеніе Россіи—на то, что революціонный кризисъ, переживаемый нами, приходитъ къ концу. Все, что дискредитируетъ и ослабляетъ политическое значеніе побѣды,—все это можетъ лишь обострить дальнѣйшее теченіе кризиса и отдалить развязку,—во всякомъ случаѣ, сдѣлать ее менѣе спокойной и мирной. Если бы обстоятельства въ апрѣлѣ были таковы, каковы они были въ октябрѣ прошлаго года,—т. е. если бы заграницей ожидали не начала парламентской борьбы, а революціоннаго взрыва, шансы на успѣхъ котораго трудно расчитать издали,—то денегъ совсѣмъ бы не дали. Вотъ почему го-

---

*) „Рѣчь“, № 45, 11 апр.

раздо ближе къ истинѣ тѣ наши «лѣвые друзья», которые укоряютъ насъ, что своей побѣдой мы сдѣлали заемъ вообще возможнымъ, чѣмъ тѣ органы офиціальной и офиціозной печати, которые, на насъ пытаются возложить вину за невыгодныя условія займа.

Если невольно, самымъ фактомъ нашей побѣды, съ которой естественно связанъ маленькій проблескъ надежды на мирное окончаніе кризиса, мы и подняли кредитоспособность Россіи заграницей, то, безспорно, нашей нравственной обязанностью было употребить всѣ зависящія отъ насъ усилія, чтобы этотъ минутный подъемъ довѣрія къ ближайшему русскому будущему не былъ использованъ такъ, какъ онъ, къ сожалѣнію и къ несчастью для Россіи, былъ использованъ. Теперь, какъ мы и предсказывали раньше, насъ обвиняютъ—одни, что мы употребили слишкомъ мало усилій для предупрежденія невыгоднаго займа,—другіе, что мы обнаружили черезчуръ энергичную дѣятельность противъ его заключенія. И здѣсь то, что мы дѣйствительно дѣлали, было самымъ безцеремоннымъ образомъ перепутано съ измышленіями и преувеличеніями, такъ что положеніе, само по себѣ трудное и деликатное, было до невѣроятности извращено толкованіями нашихъ противниковъ.

Каково было дѣйствительное положеніе партіи к.-д. и ея органовъ въ вопросѣ о займѣ, — это видно какъ изъ офиціальныхъ заявленій центральнаго органа партіи, такъ и изъ нашихъ газетныхъ статей. Мы всегда самымъ рѣшительнымъ образомъ высказывались противъ займа и указывали на его совершенную неправильность, съ конституціонной точки зрѣнія, и на политическую ошибочность поведенія тѣхъ нашихъ заграничныхъ друзей, которые, по невѣрно понятому коммерческому расчету или подъ непосредственнымъ вліяніемъ «стрѣлковъ персидскаго царя», считали возможнымъ игнорировать мнѣніе русскаго общества о займѣ.

Теперь, когда выпрошенная или купленная услуга русскому правительству оказана и когда къ иностранной печати опять вернулся даръ слова, наиболѣе трезвые органы ея спѣшатъ поправить впечатлѣніе и подчеркиваютъ, что только въ согласіи съ общественнымъ мнѣніемъ русское правительство можетъ сохранить ту степень кредитоспособности, на которую они расчитывали, и что такимъ образомъ строго-конституціонный образъ дѣйствій есть единственный способъ оправдать довѣріе заграничныхъ банкировъ.

Что могла сдѣлать больше к.-д. партія для разстройства займа, оставаясь сама ссбою? Мы знаемъ, что въ нѣкоторыхъ оппозиціонныхъ кругахъ давно уже составилось мнѣніе, что русская оппози-

ція должна грозить прямымъ непризнаніемъ займа и неплатежомъ процентовъ въ случаѣ, если правительство будетъ побѣждено. Впервые эти требованія были выставлены публично болѣе года назадъ въ связи съ 9 января 1905 г.,—и мы помнимъ, какой плачевный практическій результатъ они имѣли. Съ тѣхъ поръ требованія «финансоваго бойкота» въ разныхъ формахъ возобновлялись не разъ, повторяясь съ особой настоятельностью во всѣ острые моменты, которыми такъ богата была политическая борьба истекшаго года. «Финансоваго бойкота» ожидали въ извѣстныхъ кругахъ отъ земскихъ и городскихъ съѣздовъ; потомъ эти ожиданія перенесены были и на к.-д. партію, и чѣмъ сильнѣе она становилась, тѣмъ настоятельнѣе становились и предъявляемыя къ ней слѣва требованія.

На эти требованія отвѣтъ к.-д. партіи всегда былъ одинъ, и многочисленные посѣтители митинговъ партіи народной свободы должны хорошо помнить ея всегдашнюю аргументацію противъ «финансоваго бойкота», вообще, и противъ непризнанія займовъ—въ частности. То первостепенное политическое значеніе, которое партія получила въ странѣ послѣ выборовъ, конечно, могло только побудить ее остаться при своемъ старомъ и всегдашнемъ мнѣніи.

Партія всегда считала, что ни одно правительство не можетъ отказаться отъ исполненія финансовыхъ обязательствъ, принятыхъ на себя предшествующимъ законнымъ правительствомъ; и какъ бы высоко ни поднимались волны партійной полемики, эта аксіома политической азбуки никогда не забывалась представителями партіи. Такимъ образомъ, грозить финансовымъ банкротствомъ въ случаѣ заключенія займа, какъ бы нежелателенъ и преступенъ онъ ни былъ, партія не могла и не хотѣла.

Это, конечно, нисколько не исключало возможности самой широкой агитаціи для доказательства нежелательности и преступности займа наканунѣ созыва думы. Это не измѣняло также и взглядовъ партіи на необходимость добиться для думы настоящихъ бюджетныхъ правъ. Не мѣшало это и печатной агитаціи противъ участія иностранцевъ въ займѣ, трудно было бы отрицать и возможность личныхъ объясненій съ вліятельными руководителями общественнаго мнѣнія въ той и другой странѣ, съ цѣлью освѣтить для нихъ истинное положеніе дѣла, систематически скрываемое подкупленными органами ихъ собственной прессы. Во всемъ этомъ мы не только никогда не усматривали ничего непатріотичнаго, но, напротивъ, видѣли нашъ патріотическій долгъ, исполненіе котораго особенно обязательно въ настоящій моментъ, когда, какъ мы говорили, са-

мая наша побѣда могла бы быть использована въ Россіи и въ Европѣ для установленія оптимистическаго взгляда на современное положеніе дѣлъ въ странѣ.

Мы смѣло можемъ сказать, что въ поддержаніи подобнаго оптимизма мы не участвовали и участвовать не намѣрены. Если заграницей цѣнятъ политическій вѣсъ партіи и дорожатъ своими собственными интересами, то пусть тамъ позаботятся, чтобы тѣ, кто подавалъ надежды на внутренній миръ въ Россіи, сумѣли,—не говоримъ уже осуществить его,—но хотя бы не помѣшать его водворенію. Судя по послѣднимъ дѣйствіямъ и намѣреніямъ правительства, нельзя ожидать, чтобы желаніе и умѣніе водворить миръ было особенно сильно съ его стороны.

Отъ всѣхъ этихъ дѣйствій партійныхъ органовъ, какъ видимъ, еще очень далеко до тѣхъ прямыхъ и формальныхъ угрозъ банкротствомъ, которыхъ требовали отъ насъ группы болѣе лѣвыя и которыя, повидимому, онѣ иногда дѣлали отъ нашего имени. Нечего и говорить, что и всѣ толки о какихъ-то прямыхъ дипломатическихъ переговорахъ о займѣ между партіей и иностранными правительствами — толки, такъ усердно распространявшіеся въ послѣдніе дни съ цѣлью дискредитировать партію,—есть сплошная ложь и клевета.

IV. Перемѣна министерства.

74. Отставка графа Витте *).

Вчера опять упорно говорили объ уходѣ премьера. Повидимому, на этотъ разъ графъ Витте, наконецъ, получилъ отставку. Именно, «получилъ» отставку, а не вышелъ въ отставку. Исторія запишетъ, что графъ Витте покинулъ постъ премьера не тогда, когда этого хотѣлъ онъ, а тогда, когда этого захотѣли другіе. Графъ Витте очень долго доказывалъ, что онъ нуженъ—тѣмъ, что требовалъ отставки и проспился на покой. Теперь его послали на покой, чтобы показать, что онъ больше не нуженъ.

Ровно мѣсяцъ тому назадъ, когда рѣчь шла объ отставкѣ гр. Витте, мы старались доказать, что нашъ премьеръ, дѣйствительно, больше никому не нуженъ, и на этомъ основывали предсказаніе, что уходъ его состоится «при общемъ равнодушіи» и даже «не обѣщаетъ быть замѣтнымъ событіемъ».

---

*) „Рѣчь“, № 51, 18 апр.

Однако же, спускаясь съ высотъ историческихъ обобщеній, мы должны признать, что *сегодня* уходъ гр. Витте есть замѣтное—и даже самое замѣтное—событіе. И не столько потому, что онъ, вообще, ушелъ, сколько потому, что онъ ушелъ именно сегодня.

Почему, вообще, и давно графу Витте пора было уходить, объ этомъ мы говорили неоднократно. Но, въ самомъ дѣлѣ, что означаетъ его уходъ именно въ данную минуту? Какія особенности настоящаго политическаго положенія учтены были при его отставкѣ и что новаго вноситъ отставка въ сложившееся политическое положеніе?

Конечно, подобные вопросы предполагаютъ извѣстную способность учитыванія и политическаго предвидѣнія и уже поэтому могутъ инымъ показаться вопросомъ праздными. Но потребность осмысливать положеніе не совсѣмъ еще атрофировалась у газетнаго хроникера; и съ рискомъ показаться наивными, мы все-таки не можемъ отказаться отъ обсужденія вопроса: почему?

Еще недавно присутствіе графа Витте во главѣ министерства считалось нужнымъ, и даже его болѣзнь—политическая или настоящая—не могла вызвать удовлетворенія его просьбы объ отставкѣ. Что же перемѣнилось съ тѣхъ поръ?

Русское правительство заключило успѣшный заемъ. «Кадеты» побѣдили на выборахъ. Вотъ два крупнѣйшія политическія событія за послѣдній мѣсяцъ. Заграничный заемъ? Правда, графъ Витте черезъ посредство подручнаго ему телеграфнаго агентства и прессы усердно распространялъ заграницей слухи о своемъ огромномъ значеніи для сохраненія кредитоспособности Россіи. Но успѣхъ займа все-таки приписываетъ себѣ соперникъ—по всей вѣроятности счастливый—графа Витте, г. Коковцевъ. Связана ли отставка гр. Витте съ успѣхомъ займа? Хотѣли ли въ подлежащихъ кругахъ показать сановному выскочкѣ, что, вопреки его утвержденіямъ, не ему правительство обязано согласіемъ на заемъ иностранныхъ банкировъ? Или, можетъ быть, наконецъ, и въ «сферахъ» нашли, что заключеніе займа на данныхъ условіяхъ—не есть еще особая заслуга передъ Россіей и, во всякомъ случаѣ, не есть доказательство ея кредитоспособности?

Побѣда кадетовъ на выборахъ? Да, мы помнимъ, какъ гр. Витте быстро выздоравливалъ по мѣрѣ того, какъ приходили вѣсти о первыхъ успѣхахъ оппозиціи. За новыми комбинаціями, которыя немедленно же зароились въ неистощимо-изобрѣтательномъ умѣ премьера, можно было слѣдить по статьямъ «Русскаго Государства».

Отъ идеи созданія «министерской партіи»—«сѣренькихъ»—лейбъ-органъ гр. Витте быстро перешелъ къ ощупыванію почвы у побѣдившихъ оппозиціонеровъ. Имъ давалось понять, что, согласившись въ главномъ, они могли бы смѣло расчитывать на всякія уступки; а въ качествѣ залога примиренія отъ нихъ требовалось, чтобы они «остановили революцію». Результаты печатныхъ переговоровъ оказались, очевидно, неудовлетворительными; во всякомъ случаѣ, независимо отъ уговоровъ налѣво, гр. Витте, очевидно, продолжалъ и дѣятельную кампанію направо, силясь до послѣдней минуты доказать, что съ думой можно будетъ справиться, взнуздавши и приручивши ее. Выдвинуты были отнынѣ знаменитые проекты того, что депутаты должны—и особенно, чего они не должны—дѣлать въ думѣ. Казалось, всѣ предосторожности приняты- -и графъ Сергѣй Юльевичъ окажется такъ же необходимъ для оппозиціи, какъ и для власти.

Увы, и эта карточная постройка разлетѣлась прахомъ. Работа по сооруженію плотинъ противъ думы закончилась всероссійскимъ срамомъ; мѣры для охраненія верховной власти противъ народнаго представительства оказались мѣрами для охраненія безответственной бюрократіи съ ея «усиленными окладами»—путемъ переложенія ответственности непосредственно на верховную власть. Наконецъ, и «сѣренькій», по всѣмъ послѣднимъ справкамъ, оказался не такимъ послушнымъ и надежнымъ, какъ значилось по плану,—и даже содержаніе его въ казенномъ пансіонѣ грозитъ оказаться безполезнымъ. Такимъ образомъ, одинъ за другимъ были выбиты изъ рукъ всѣ козыри въ хитрой игрѣ премьера: и козыри на лѣво, и козыри на право. Кому же онъ, въ самомъ дѣлѣ, послѣ того былъ нуженъ?

Все это однѣ гипотезы,—скажетъ читатель,—и гипотезы тѣмъ менѣе удовлетворительныя, что онѣ рисуютъ только психологическую почву, на которой могло сложиться рѣшеніе объ отставкѣ, а между тѣмъ, эта отставка есть—шагъ политическій!

Совершенно вѣрно,—отвѣтимъ мы,—шагъ политическій и, какъ таковой, по нашему крайнему разумѣнію, шагъ крайне неправильный, неожиданный и потому непонятный. Да, графъ Витте ненадежный посредникъ, ненадежный на обѣ стороны, потому что ни одна ему не вѣритъ. А есть кто-нибудь въ запасѣ болѣе надежный? Да, у графа Витте языкъ слишкомъ гибокъ, умъ—слишкомъ широкъ и симпатіи слишкомъ часто мѣняются. А есть кто нибудь другой, кто бы говорилъ на языкѣ, понятномъ всѣмъ? Есть такіе, кто видитъ и простираетъ свои симпатіи дальше 20-го числа?

Мы такихъ не знаемъ и потому думаемъ, что, съ правительственной точки зрѣнія, отставка гр. Витте равносильна потерѣ послѣдняго шанса—сговориться, а потому нецѣлесообразна,—если только уже теперь не сложилось тамъ окончательное рѣшеніе идти на конфликтъ.

А съ нашей точки зрѣнія? Съ нашей точки зрѣнія, эта отставка чрезвычайно упрощаетъ дѣло и облегчаетъ намъ выборъ нашего поведенія. Политика Витте каждый день могла мѣняться,—и нужно было всегда быть наготовѣ, чтобы проникнуть въ ея цѣли и парировать ихъ соотвѣтственнымъ оружіемъ. Относительно политики Дурново въ такихъ тонкостяхъ нѣтъ никакой нужды. Эта политика не мѣняется со временъ ассирійскихъ; двухъ разныхъ мнѣній о ней быть не можетъ. Всѣ мысли здѣсь соединятся въ одну мысль, всѣ чувства сольются въ одно непобѣдимое чувство.

Вмѣстѣ съ графомъ Витте цѣлая полоса русской политики отходитъ въ вѣчность—и въ этомъ историческій смыслъ его отставки. Мы назвали бы эту полосу—эпохой «конституціоннаго самодержавія» или «самодержавной конституціи». Смыслъ этой эпохи заключается въ послѣдней судорожной попыткѣ умирающаго режима—отстоять свою сущность подъ фальшивой оболочкой новаго порядка. Проектъ «основныхъ законовъ» явился самой законченной, самой яркой попыткой воплотить это противорѣчіе—если не въ жизни, что было бы невозможно, то, по крайней мѣрѣ, на бумагѣ. Въ этой попыткѣ—вся душа министерства Витте, двуличная и фальшивая, желающая обмануть всѣхъ и обманывающая, въ концѣ концовъ, только самое себя. Эта попытка должна была рухнуть въ силу своей внутренней несостоятельности; и надо считать благодѣяніемъ судьбы, если единственной жертвой ея крушенія окажется самъ ея авторъ. Въ этомъ—его единственная и великая заслуга передъ родиной; въ этомъ его право на память потомства. Когда-то мы писали, что заслуги Плеве заключаются въ томъ, что онъ доказалъ невозможность сохранить самодержавіе, хотя бы цѣной драконовскихъ мѣръ. Заслуга графа Витте—та, что онъ доказалъ невозможность создать элементарныя условія свободной политической жизни, если будетъ сохранено самодержавіе.

75. Новое министерство *).

I.

Какъ и чѣмъ намѣрено встрѣтить думу правительство? Вопросъ этотъ, естественно, заслоняется въ общественномъ сознаніи другимъ первостепеннымъ вопросомъ: что будутъ дѣлать въ думѣ сами народные представители? Оба вопроса, разумѣется, находятся во взаимной связи: отъ того, что будутъ дѣлать одни, въ значительной степени будетъ зависѣть, какъ будутъ поступать другіе. Черезъ нѣсколько дней, вѣроятно, эти обоюдныя намѣренія выяснятся; но пока обѣ стороны только гадаютъ о планахъ противника, и поэтому собственные ихъ планы остаются гадательными и выясняются только въ самыхъ общихъ чертахъ. По поводу предстоящаго партійнаго съѣзда мы скоро подробно займемся обсужденіемъ тактическихъ вопросовъ съ точки зрѣнія думскаго большинства. Но теперь капитальная перемѣна въ министерствѣ заставляетъ насъ обратить вниманіе на планы и приготовленія правительства. Что значитъ уходъ гр. Витте въ связи съ намѣреніями правительства относительно думы?

Всякій разъ, когда прежде заходила рѣчь объ этой отставкѣ, имя Витте противополагалось имени Дурново. Самъ гр. Витте старался подчеркнуть свой антагонизмъ съ министромъ внутреннихъ дѣлъ и мотивировалъ свою отставку нежеланіемъ оставаться съ нимъ вмѣстѣ. Въ послѣдніе дни бывшій премьеръ даже демонстративно обращался къ подчиненнымъ Дурново, минуя ихъ шефа, и предпочиталъ получать отъ нихъ формальный отказъ—простому разговору съ министромъ по телефону.

Разумѣется, не мы будемъ отрицать, что у гр. Витте имѣлись тысячи причинъ не желать нести общую отвѣтственность съ г. Дурново. Но почему только теперь гр. Витте началъ такъ усиленно обнаруживать свое отвращеніе къ совмѣстной дѣятельности?

Разъ ставши на точку зрѣнія, что тутъ есть извѣстная цѣль, мы легко придемъ къ заключенію, что цѣль эта—уйти при наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ для своей личной репутаціи и, можетъ быть, для повышенія шансовъ на продолженіе политической карьеры при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ.

Витте или Дурново—эта дилемма должна была выражать: миръ или война съ думой? Гр. Витте ушелъ,—слѣдовательно... прежде всего, гр. Витте не столкнется лично съ думой, и отвѣтственность за враждебное столкновеніе будетъ лежать не на немъ, а на другомъ

*) „Рѣчь“, № 52 и 53, 19—20 апр.

Такое объясненіе имѣетъ всѣ шансы сдѣлаться популярнымъ, и гр. Витте, съ этой точки зрѣнія, можетъ быть доволенъ своей отставкой именно въ данное время.

Для русскаго общества, однако, вопросъ стоялъ и стоитъ иначе. Общество знаетъ, что гр. Витте былъ главнымъ защитникомъ «основныхъ законовъ», что онъ никогда не хотѣлъ покинуть точку зрѣнія «самодержавія» и принять точку зрѣнія «конституціи»; и поэтому общество не думаетъ, что миръ съ думой былъ бы гарантированъ, если бы даже Витте и остался на своемъ посту. Вѣрна ли теперь другая сторона дилемы: уходъ Витте означаетъ ли неизбѣжно войну съ думой?

Нужно признаться, что для рѣшенія этого вопроса у насъ пока еще нѣтъ всѣхъ необходимыхъ свѣдѣній. Прежде всего, мы еще не знаемъ, какова была непосредственная причина отставки гр. Витте; въ частности, не знаемъ, суждено ли увидѣть свѣтъ его «основному закону» и нѣтъ ли связи между отставкой и очевидной уже теперь неудачей законопроекта. Затѣмъ, мы не знаемъ и того, знаменуетъ ли уходъ Витте усиленіе Дурново? Или же и Дурново предназначается къ удаленію? Если бы паденіе гр. Витте сопровождалось отказомъ отъ обнародованія «основного закона» и отставкой Дурново, то это паденіе еще могло бы получить смыслъ перехода—не отъ мира къ войнѣ, а отъ неизбѣжной войны къ возможному миру.

Это была бы, въ самомъ дѣлѣ, идея, не лишенная остроумія: въ моментъ, когда политическая атмосфера насыщена электричествомъ, когда самый фактъ встрѣчи двухъ противоположныхъ полюсовъ русской политической жизни можетъ вызвать роковой ударъ,—устроить такимъ образомъ, чтобы противники вовсе не встрѣтились. Всѣ эти громы и молніи, заготовленные въ ожиданіи встрѣчи,—что сталось бы съ ними, если бы на мѣстѣ врага, давно ожидаемаго, скопившаго противъ себя океанъ ненависти и гнѣва,—вдругъ оказалось бы пустое мѣсто!

Роль «пустого мѣста», повидимому, предназначается г. Горемыкину. Судьба этого политическаго дѣятеля очень оригинальна. Ему какъ-то удалось, при полной политической безцвѣтности, создать себѣ нѣкоторую репутацію—по контрасту. Онъ пользовался, въ званіи министра внутреннихъ дѣлъ, репутаціей «краснаго», потому что занималъ эту должность въ промежуткѣ между двумя реакціонерами; затѣмъ онъ сталъ извѣстенъ, какъ защитникъ земскаго самоуправленія, главнымъ образомъ потому, что гр. Витте предпринялъ тогда противъ самоуправленія походъ, задавшись цѣлью

доказать по существу вѣрную мысль, что самоуправленіе несовмѣстимо съ самодержавіемъ. Далѣе, уже совершенно опредѣленно въ качествѣ реакціонера Горемыкинъ назначенъ былъ предсѣдателемъ одного изъ безчисленныхъ земельныхъ комитетовъ, вмѣсто рѣзко упраздненнаго особаго совѣщанія, сдѣлавшаго либеральную славу гр. Витте. И вотъ судьба въ третій разъ сталкиваетъ гр. Витте и г. Горемыкина, и опять г. Горемыкину придется, кажется, занять чужое мѣсто, не благодаря собственнымъ достоинствамъ, а благодаря чужимъ недостаткамъ... потому что, въ самомъ дѣлѣ, не назначать же премьеромъ г. Коковцева или даже г. Акимова!

Графъ Витте можетъ опять радоваться, потому что онъ навѣрное не проиграетъ отъ контраста. Ждать, что когда-нибудь народная волна вернетъ съ тріумфомъ въ министерство «русскаго Неккера», ему, конечно, не приходится, но, кто знаетъ, можетъ быть, сановныя безличности поймутъ, что для нихъ непосильна задача, передъ которой спасовалъ г. Витте?

Такъ какъ они этого не понимаютъ и такъ какъ задача, въ самомъ дѣлѣ, для нихъ непосильна, то и дума можетъ быть довольна. Ей таки пришлось бы понатужиться, чтобы спихнуть съ дороги монументальную фигуру гр. Витте. Ну, а гг. Горемыкины... да они посторонятся сами!

II.

Вопросъ о составленіи новаго министерства продолжаетъ быть предметомъ самаго оживленнаго обсужденія въ высшихъ сферахъ. Исходной точкой всѣхъ этихъ разсужденій служитъ, именно, то соображеніе, которое мы предположительно высказали вчера. Если нужно и желательно предупредить конфликтъ между думой и министерствомъ, то всего лучше, чтобы они другъ съ другомъ вовсе не встрѣчались. Эта нехитрая мысль, наконецъ, понята, и сдѣланъ естественный выводъ изъ нея, что весь кабинетъ долженъ получить отставку. Такимъ образомъ, волей или неволей, принципъ чистаго парламентаризма восторжествовалъ на первомъ же шагу политической жизни Россіи. Любители парламентскихъ тонкостей могли бы даже найти особое удовольствіе въ томъ, что кабинетъ Витте-Дурново уходитъ раньше, чѣмъ собралась дума,—совершенно такъ, какъ поступилъ въ 1886 г. Гладстонъ,—а не дожидается вотума недовѣрія отъ новой палаты, какъ сдѣлалъ лордъ Сольсбери въ 1892 г., при единодушномъ осужденіи печати и общественнаго мнѣнія.

Но, увы,—этимъ и ограничивается пока сходство новаго русскаго режима съ парламентской монархіей. Не столько уваженіе

къ общественному мнѣнію, сколько страхъ передъ черезчуръ непочтительнымъ выраженіемъ его вызываетъ рѣшеніе удалить заблаговременно ненавистное всѣмъ министерство.

Строго конституціонный принципъ требовалъ бы теперь составленія министерства изъ побѣдившаго на выборахъ большинства. Большинство, конечно, поддержало бы своихъ министровъ, и въ результатѣ, вмѣсто оппозиціонной думы, мы имѣли бы могущественную правительственную партію въ думѣ, опирающуюся на поддержку всей страны. Вступленіе Россіи въ періодъ политической свободы могло бы ознаменоваться необычайнымъ расцвѣтомъ народной жизни; всѣ подспудныя силы, все то, что долгіе годы неумолимо давило и жало, теперь могло бы прорваться на просторъ и свободу и зацвѣсти пышнымъ цвѣтомъ. Это былъ бы такой великій культурный подъемъ націи, какого не видала русская исторія.

Тщетныя и по истинѣ безсмысленныя мечтанія! Развѣ можетъ бюрократія повѣрить народу? Развѣ можетъ она вынуть изъ-за пазухи свой камень?

Конечно, нѣтъ. Нашимъ премьеромъ будетъ И. Л. Горемыкинъ, политическую безцвѣтность котораго мы уже характеризовали. Онъ, правда, отказывался, по слухамъ, отъ чести—принять на себя первые удары народнаго негодованія; но, въ концѣ концовъ, повидимому, согласился. Правда, онъ входитъ не въ министерство Дурново и Акимова, а въ министерство, обновленное вполнѣ. Портфель Дурново въ этомъ министерствѣ получитъ саратовскій губернаторъ Столыпинъ; а портфель Акимова достанется г. Щегловитову. Оба дѣятеля выбраны подъ цвѣтъ будущему премьеру. Г. Столыпинъ—не самый дурной изъ губернаторовъ, но и въ его прошломъ есть знаменитая балашовская исторія; а крестьянскія экзекуціи нашли въ г. Столыпинѣ особенно усерднаго адепта. Есть, впрочемъ, люди, которые думаютъ, что такія вещи можно дѣлать корректно... Г. Щегловитовъ, подобно г. Горемыкину и г. Столыпину, тоже принадлежитъ къ числу корректныхъ исполнителей некорректныхъ порученій; и въ его карьерѣ бывали моменты, когда онъ могъ почти сойти за либерала. Въ качествѣ оберъ-прокурора сената онъ проводилъ иногда эффектныя «либеральныя» рѣшенія,—и тотъ же талантъ, тѣ же юридическія познанія съ той же готовностью употребилъ на составленіе для г. Муравьева проектовъ, ставившихъ крестъ на благородныхъ судейскихъ традиціяхъ «эпохи реформъ».

За послѣднее время, когда потребовалась юридическая безграмотность и пулеметное юридическое творчество, г. Щегловитовъ и

въ этомъ направленіи обнаружилъ замѣчательный талантъ. Ему лично мы обязаны большинствомъ тѣхъ скоропалительныхъ законовъ «на случай», изъ которыхъ министерство Витте—Дурново пыталось создать бумажную плотину противъ освободительнаго движенія. Теперь, можетъ быть, съ еще большей готовностью новый министръ юстиціи примется разрушать свою ткань Пенелопы: пріятнѣе, конечно, вернуть репутацію хорошаго юриста, подорванную исполнительностью чиновника.

Кажется, намѣчены уже кандидаты и на другіе посты. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, идутъ толки о приглашеніи въ министерство нѣсколькихъ «кадетовъ». Толки эти показываютъ только, что составители министерства все еще не понимаютъ истиннаго положенія дѣла. «Кадеты» не пойдутъ къ гг. Горемыкинымъ и Столыпинымъ.

Нѣсколько лучше понимаютъ дѣло тѣ круги, въ которыхъ на этихъ дняхъ обсуждалась кандидатура въ премьеры Д. Н. Шипова, при условіи отставки всѣхъ министровъ и временнаго сохраненія въ должности ихъ товарищей. Но обсуждать подробно эту комбинацію не стоитъ, такъ какъ, кажется, серьезнаго значенія она пока не имѣетъ.

VII. Третій съѣздъ партіи народной свободы.

76. Къ открытію III партійнаго съѣзда *).

Третій съѣздъ партіи народной свободы открываетъ свои засѣданія въ моментъ исключительной важности для Россіи, и самому съѣзду въ этотъ важный моментъ будетъ принадлежать совершенно исключительная роль. Онъ долженъ будетъ обсудить, на глазахъ всего русскаго общества, какова должна быть въ государственной думѣ политика партіи, имѣющей всѣ шансы сгруппировать около себя парламентское большинство. Принимаясь за это обсужденіе всего за недѣлю до созыва самой думы, съѣздъ неизбѣжно привлечетъ къ себѣ все то вниманіе въ Россіи и за границей, которое обращено теперь на каждый шагъ народнаго представительства. По тону рѣчей, по содержанію резолюцій, по характеру преній съѣзда будутъ судить и ставить прогнозъ также и о дѣятельности думы, и, несомнѣнно, самое отношеніе къ думѣ до нѣкоторой сте-

*) „Рѣчь“, № 54, 21 апр.

пени опредѣлится въ связи и въ зависимости отъ дѣятельности и отъ рѣшеній партійнаго съѣзда.

Трудность и отвѣтственность положенія еще увеличивается, если мы вспомнимъ, какія многочисленныя—и до какой степени разнообразныя, иногда несовмѣстимыя—надежды и ожиданія во всѣхъ слояхъ населенія связываются съ дѣятельностью побѣдившей на выборахъ партіи въ думѣ. Отъ полной вѣры до полнаго недовѣрія; отъ увѣренности, что дума все сдѣлаетъ и всѣхъ удовлетворитъ, до такой же непоколебимой увѣренности, что дума ничего не сдѣлаетъ и всѣхъ обманетъ; отъ страха, что дума возьметъ слишкомъ рѣзкую ноту и ее немедленно разгонятъ, до опасенія, что дума «поблѣднѣетъ» и согласится добровольно на роль чернорабочихъ бюрократіи,—вся эта гамма настроеній и чувствъ уже прозвучала въ печати отъ имени всевозможныхъ кружковъ, партійныхъ организацій, общественныхъ теченій, такъ или иначе заинтересованныхъ въ направленіи дѣятельности думы. И чѣмъ болѣе партія является хозяиномъ политическаго положенія, хозяиномъ своихъ рѣшеній, тѣмъ настойчивѣе раздаются со всѣхъ сторонъ напоминанія по адресу партіи, чтобы она не забыла, что за нею стоитъ Россія, что она отвѣчаетъ передъ страной за все, что она будетъ дѣлать въ эту судьбоносную минуту.

Мы помнимъ, каково было общее настроеніе три мѣсяца назадъ, передъ январьскимъ съѣздомъ, когда на очереди стоялъ важный—но несравненно менѣе значительный вопросъ—о существованіи самой партіи и о побѣдѣ представляемаго ею направленія на предстоявшихъ выборахъ. И тогда, какъ теперь, партійнаго съѣзда ждали—одни съ злорадствомъ, другіе съ опасеніемъ и страхомъ, третьи съ увѣренностью и надеждой. Одни говорили, что партія есть собственно «блокъ», который немедленно развалится на свои составныя части; другіе ждали краха партіи на выборахъ въ виду отвлеченности, книжности и «анти-патріотичности» ея воззрѣній; третьи отрицали возможность участія въ выборахъ въ виду правительственныхъ репрессій; четвертые—самую возможность успѣха считали гибельной для всего дѣла русскаго освобожденія и спѣшили заблаговременно отдѣлить свое дѣло отъ дѣла партіи. Съѣздъ все таки собрался и дружно провелъ свои рѣшенія, важность и своевременность которыхъ теперь окончательно подтверждена всѣмъ ходомъ избирательной кампаніи. Голоса противниковъ не умолкли; они, напротивъ, стали раздаваться еще громче, еще рѣзче; но у самыхъ враждебныхъ партіи людей невольно сложилось послѣ 2

съѣзда впечатлѣніе, что партія народной свободы есть сила, съ которой приходится считаться. Эта сила, эта увѣренность въ правотѣ своего дѣла, дававшая тонъ всей дѣятельности съѣзда, была первымъ провозвѣстникомъ грядущей побѣды.

Учитывая шансы этой побѣды, мы тогда не строили слишкомъ оптимистическихъ расчетовъ. Необходимо признать, что такой побѣды, которая выпала на нашу долю, мы тогда ни ждать, ни предсказывать не могли. Но, однако же, мы и тогда уже далеко не были пессимистами. Оставляя безъ удовлетворительнаго учета силу оппозиціоннаго настроенія избирателей, мы, однако, совершенно вѣрно учли два другихъ фактора будущей избирательной кампаніи: значеніе правительственныхъ ошибокъ и преступленій, съ одной стороны, и тотъ процессъ дискредитированія, черезъ который предстояло пройти «правымъ партіямъ»—съ другой. Не отказываясь отъ желанія быть большинствомъ, мы, однако, совершенно искренно указывали, что болѣе благодарная роль оппозиціи намъ гораздо болѣе улыбается.

События не только подтвердили нашъ прогнозъ, но и съ избыткомъ превзошли самыя смѣлыя наши ожиданія. Намъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, все-таки предстоитъ роль «оппозиціи», а не «правительства», хотя мы и «большинство»: объ этомъ уже позаботятся тѣ, кто стоитъ у власти. Но надо признать, что роль «оппозиціоннаго большинства»—есть роль гораздо болѣе тернистая, отвѣтственная и трудная, чѣмъ роль парламентскаго меньшинства. И снова, хотя въ несравненно большемъ масштабѣ, у насъ возникаютъ наканунѣ 3 съѣзда тѣ же сомнѣнія и вопросы, какіе волновали насъ наканунѣ второго. Сумѣемъ ли мы изъ кружка сдѣлаться большой политической партіей и при этомъ не разойтись, не расколоться,—спрашивали мы себя тогда? Мы постараемся и употребимъ всѣ усилія, отвѣтилъ съѣздъ; а событія показали, что старанія и усилія были не напрасны. Теперь мы опять спрашиваемъ себя: изъ оппозиціонной политической партіи сумѣемъ ли мы стать парламентскимъ большинствомъ? Сумѣемъ ли сдѣлать все то употребленіе, какое можемъ и должны сдѣлать изъ безпримѣрной доселѣ силы и власти, формально врученной намъ народомъ.

Какъ тогда, въ январѣ,—и даже гораздо болѣе, чѣмъ тогда,—на нашемъ пути вырастаютъ теперь на каждомъ шагу препятствія, дѣйствительныя и мнимыя. Какъ въ заколдованномъ лѣсу народной сказки, справа и слѣва насъ манятъ соблазнами и пугаютъ невѣдомыми страхами. Намъ нужно напрячь всѣ силы, сосредото-

чить все вниманіе, чтобы не сбиться съ пути, не заблудиться въ очарованномъ лѣсу и донести свое завѣтное слово туда, гдѣ хранятся подъ спудомъ спящія силы народа. Это слово—то же, что завѣщалъ лейтенантъ Шмидтъ своему маленькому сыну: «всеобщее и прямое». Донесемъ его до цѣли—распадутся оковы, проснется спящій богатырь, и нашъ долгъ передъ народомъ будетъ исполненъ. Не донесемъ—вся вина ляжетъ на насъ: намъ скажутъ и будутъ повторять наши дѣти и внуки нашихъ внуковъ: вы это могли сдѣлать; все такъ сложилось, что кладъ самъ давался вамъ въ руки; два раза въ жизни такой случай не приходитъ,—и вы пропустили свой случай!

Мы были слабы въ январѣ, и надежда на побѣду нашего дѣла только слегка брезжила гдѣ-то вдали. И тѣмъ не менѣе, не отвлекаясь частностями, не уклоняясь въ сторону, мы сумѣли тогда все подчинить одной главной цѣли, къ которой стремились. И мы ее достигли.

Теперь мы сильны. Побѣда въ нашихъ рукахъ: мы у самой цѣли нашихъ стремленій. Неужели въ такой моментъ мы не сумѣемъ удержать то, что пріобрѣли, позволимъ отвлечь себя, разрознить наши силы, разбить себя по частямъ?

На это не надѣются... даже наши враги. Наше чувство солидарности, наше единство, нашу партійную связь они ставятъ другъ другу въ примѣръ—и ими объясняютъ всю нашу силу. Мы хорошо знаемъ, что сила наша не въ этомъ—не въ этомъ прежде всего. Наша сила въ нашемъ дѣлѣ, въ той великой задачѣ народной свободы, которую мы себѣ поставили. Все остальное—партійная дисциплина, чувство солидарности, наше единство—все это лишь послѣдствія того проникающаго всѣхъ насъ энтузіазма, которымъ наполняетъ насъ дѣло, нами защищаемое. И пока эта цѣль, это знамя будетъ передъ нашими глазами, мы всѣ будемъ вмѣстѣ уже потому, что всѣ идемъ за однимъ знаменемъ.

Непонятное, загадочное, сложное и трудное для другихъ, намъ самимъ кажется, въ сущности, такимъ простымъ и яснымъ! Задача наша—даже не въ томъ, чтобы пріобрѣсти силу, а въ томъ, чтобы ее сохранить, не растратить. Мы сохранимъ нашу силу, если будемъ помнить ея источникъ Источникъ нашей силы тотъ, что дѣло, которое мы дѣлаемъ, есть дѣло всего освободительнаго движенія.

Его мы должны сдѣлать. Какъ мы его сдѣлаемъ,—будетъ завиcѣть отъ насъ. Удержать выборъ средствъ въ нашихъ рукахъ—въ этомъ теперь состоитъ вся политическая мудрость, вся трудность задачи момента.

Не будемъ забывать одного. Въ нашемъ распоряженіи теперь находится совсѣмъ новое оружіе—такое, которымъ никто никогда доселѣ не пользовался въ русской оппозиціонной борьбѣ. Новое оружіе требуетъ и новыхъ пріемовъ, цѣль и значеніе которыхъ могутъ оказаться неясными для тѣхъ, кому не приходится самому употреблять это оружіе въ дѣло. Естественно, что всѣ сторонники привычныхъ и употребительныхъ до сихъ поръ пріемовъ старой оппозиціонной тактики могутъ оказаться въ противорѣчіи съ тактикой новой. Мы все какъ-то склонны еще думать, что въ думѣ мы поведемъ борьбу тѣми средствами, которыя освящены многолѣтнимъ употребленіемъ и всѣмъ намъ знакомы. И уже заранѣе слышатся голоса, готовые осудить всякіе иные тактическіе пріемы.

Въ этомъ столкновеніи двухъ тактикъ могутъ заключаться сѣмена многочисленныхъ недоразумѣній, не только тягостныхъ, но и опасныхъ для дѣла освобожденія. И мы должны во время сказать,—не только людямъ, принадлежащимъ къ другимъ общественнымъ теченіямъ, но даже и тѣмъ изъ насъ, которые не вошли въ составъ группы, предназначенной дѣйствовать въ думѣ: вѣрьте этимъ людямъ. Это—люди наши; мы съ ними встрѣчаемся не въ первый разъ; у большинства изъ нихъ есть прошлое, которое намъ гарантируетъ и твердость ихъ убѣжденій, и стойкость ихъ политической дѣятельности.

Теперь новая машина въ ихъ рукахъ и, только изучивши вблизи, во всѣхъ подробностяхъ, ея внутреннее устройство, они смогутъ съ успѣхомъ управлять ею, слѣдить за всѣми ея поворотами, извлекать пользу даже изъ ея капризовъ. Необходима вся сила мысли, вся независимость сужденія, вся свобода воли, чтобы сумѣть во время и кстати реагировать на всякую случайность, какая встрѣтится въ пути, чтобы обойти всѣ неровности дороги, по которой пойдетъ эта машина,—и избѣжать крушенія.

Давая эти совѣты, мы, конечно, отнюдь не приглашаемъ нашихъ депутатовъ въ думѣ оставаться слѣпыми и глухими къ голосу страны. Голосъ страны имъ нужно слышать: въ ней они найдутъ себѣ поддержку и обрѣтутъ увѣренность въ своей силѣ; страна дастъ—и уже дала—и общее направленіе ихъ дѣятельности. Но и страна должна понимать, что высшая степень силы, которую она можетъ вдохнуть въ своихъ избранниковъ, есть полное къ нимъ довѣріе. И не только страна, не только все общество: то же самое должна понимать и партія по отношенію къ тѣмъ своимъ членамъ, которые образуютъ ея парламентскую фракцію.

Намъ хотѣлось сказать еще нѣсколько словъ по поводу той особенности съѣзда, которая вызывается его непосредственной близостью къ думѣ. Будь партійный съѣздъ созванъ самъ по себѣ и для себя, на немъ, конечно, слѣдовало бы ожидать и желать проявленій общаго политическаго настроенія, опредѣленныхъ резолюцій и требованій, принципіальныхъ разсужденій по общимъ вопросамъ, горячихъ преній о политическихъ злобахъ дня и т. д. Но мы думаемъ, что тѣ, кто ждетъ отъ настоящаго съѣзда трубныхъ звуковъ и патетическихъ рѣчей, будутъ разочарованы. Въ свое время мы отмѣтили дѣловой тонъ преній и рѣшеній второго партійнаго съѣзда. Теперь, съѣхавшись послѣ столь же страстной, какъ и утомительной избирательной кампаніи, въ которой всѣ слова были сказаны, всѣ рѣчи произнесены, члены съѣзда едва ли будутъ чувствовать охоту и потребность говорить рѣчи другъ другу. Очередныхъ вопросовъ слишкомъ много, необходимость обмѣняться взглядами и рѣшеніями, уже подробно обсужденными и мотивированными на мѣстѣ, слишкомъ велика, время, которымъ придется ограничить засѣданія съѣзда, слишкомъ кратко,—наконецъ, и составъ съѣзда слишкомъ однороденъ, чтобы можно было ожидать на съѣздѣ широкаго развитія парламентскихъ преній. Съѣздъ, несомнѣнно, будетъ репетиціей парламента, но только въ смыслѣ предварительнаго выбора пьесъ, раздачи ролей, устройства сценарія. Всей необходимой закулисной работы партія, конечно, не будетъ продѣлывать на съѣздѣ. По естественнымъ тактическимъ соображеніямъ, на немъ, вѣроятно, придется ограничиться установкой общихъ задачъ партійной дѣятельности и выработкой общихъ основаній партійной тактики въ думѣ.

Какія могутъ быть главныя задачи этой тактики? Одну изъ нихъ, самую основную,—введеніе правильнаго народнаго представительства—мы уже отмѣтили. Другая, самая насущная для даннаго момента, есть удовлетвореніе жгучей народной нужды въ землѣ. Доктринерскія соображенія, чтобы отложить рѣшеніе земельнаго вопроса до правильно избранной думы,—соображенія, принципіально раздѣлявшіяся и партіей, блѣднѣютъ въ настоящую минуту передъ подлиннымъ голосомъ земли. На прошломъ съѣздѣ мы рѣшили поставить земельный вопросъ, вмѣстѣ съ вопросомъ о правильномъ представительствѣ, на первую очередь въ думѣ; намъ приходилось не разъ доказывать противъ скептиковъ, что крестьянство въ этой думѣ будетъ играть выдающуюся, первостепенную роль и что нельзя будетъ, лицомъ къ лицу съ очевид-

ностью, доказывать, будто голосъ земли будетъ въ этой думѣ не слышенъ. И теперь, болѣе, чѣмъ когда-нибудь, мы считаемъ невозможной никакую отсрочку въ постановкѣ аграрнаго вопроса.

Необходимость поставить и *разрѣшить* въ *этой* думѣ оба коренные вопроса—сама по себѣ уже опредѣленно диктуетъ извѣстную тактику и такъ же опредѣленно исключаетъ тактику «внутренняго бойкота». Впрочемъ, на этотъ счетъ едва ли остаются сомнѣнія. Трудности теперь заключаются, главнымъ образомъ, въ томъ, чтобы, не на словахъ только, а на дѣлѣ, подчинить второстепенныя задачи и цѣли—основнымъ; а при разрѣшеніи основныхъ задачъ дальнѣйшія, болѣе общія и отдаленныя, стремленія—подчинить насущнымъ, ближайшимъ и очереднымъ. Если съѣздъ сумѣетъ разобраться въ этой главной предстоящей ему трудности, если онъ сумѣетъ соединить твердость и опредѣленность общаго направленія съ умѣніемъ сосредоточить die höchste Kraft am kleinsten Punkt и воспользоваться всѣми выгодами даннаго момента для выполненія данной, очередной задачи,—тогда и дальнѣйшее существованіе партіи, и ея успѣшную дѣятельность въ первой думѣ можно считать в полнѣ обезпеченными.

77. Докладъ о тактикѣ партіи народной свободы въ думѣ *).

Мм. Гг.!

Обстоятельства, которыя собрали насъ на этотъ разъ въ эту залу, нельзя не считать совершенно исключительными. Едва ли когда-нибудь повторится то необыкновенное сочетаніе обстоятельствъ, которое, съ одной стороны, побудило страну отдать огромное большинство сознательно поданныхъ голосовъ единственной большой политической партіи, имѣвшей рѣзко-оппозиціонный характеръ и все-таки рѣшившейся участвовать въ выборахъ, а, съ другой, поставило эту группу народныхъ избранниковъ передъ правительствомъ, которое все еще ничему не научилось, ничего не забыло и съ трудомъ—и черезчуръ поздно—усваиваетъ огромное политическое значеніе совершившагося факта.

Съ этимъ единственнымъ, исключительнымъ положеніемъ мы теперь должны сообразовать наше поведеніе, какъ партія. Всякій изъ насъ, безъ сомнѣнія, очень хорошо сознаетъ ту великую отвѣтственность, которая лежитъ на партіи въ цѣломъ и на каждомъ членѣ партіи за то, какъ будетъ использовано политическое поло-

*) Бюллетени III съѣзда, № 1, 22 апрѣля.

женіе, отдавшее въ наши руки первое русское парламентское большинство. Отъ нашего успѣха или неуспѣха зависитъ теперь уже не только репутація и будущность партіи: отъ насъ зависитъ весь ближайшій ходъ политическихъ событій въ Россіи. Естественно, что каждый изъ насъ долженъ теперь напрячь всѣ силы ума, всѣ свои способности, чтобы вѣрно оцѣнить и правильно учесть всѣ элементы настоящаго политическаго положенія, и изъ этой рѣшительной оцѣнки извлечь тотъ планъ дѣйствій, который и долженъ быть затѣмъ выполняемъ со всей силой общаго рѣшенія, при помощи той испытанной партійной дисциплины, которая уже дала намъ одну блестящую побѣду—на выборахъ.

Зачѣмъ мы идемъ въ думу,—объ этомъ намъ теперь уже говорить не надобно. Объ этомъ говоритъ громко наша программа, объ этомъ говорятъ и наши тактическія рѣшенія, постановленныя въ этой самой залѣ, два мѣсяца тому назадъ, на второмъ партійномъ съѣздѣ. Въ этихъ задачахъ партійной дѣятельности наша побѣда на выборахъ ничего не измѣнила, не могла и не должна была ничего измѣнить. Мы теперь тѣ же, какими были въ тотъ день, когда выставили гордое знамя «народной свободы»; мы—тѣ же, какими явились подъ этимъ знаменемъ народу, чью свободу теперь беремся добыть, уже по его уполномочію и выбору. Дѣло теперь не въ томъ, что мы будемъ добывать и за что будемъ бороться. Это—всѣ мы знаемъ и всѣ въ это вѣримъ. Дѣло въ томъ, какъ намъ надо дѣйствовать, чтобы добиться своихъ цѣлей и не обмануть довѣрія избирателей! Какъ дѣйствовать—этотъ вопросъ всегда труднѣе рѣшить, чѣмъ вопросъ: чего добиваться. Добиваться мы, несомнѣнно, всегда будемъ одного и того же; но дѣйствовать мы должны совершенно различно, смотря по тому, сильны мы или слабы, при какихъ обстоятельствахъ мы дѣйствуемъ и какими силами располагаютъ наши противники. Всѣ эти вопросы могли выясниться только послѣ окончанія выборовъ: вотъ почему на это время, между концомъ выборовъ и открытіемъ думы, мы и рѣшили созвать съѣздъ, первой задачей котораго должно быть—рѣшить какъ, для достиженія нашихъ всегдашнихъ цѣлей, мы должны дѣйствовать въ настоящую минуту.

Разобраться въ основныхъ фактическихъ данныхъ современнаго положенія и набросать самый общій планъ политической кампаніи въ Думѣ—и ставитъ своей цѣлью настоящій докладъ.

Само собою разумѣется, что, предлагая его партійному съѣзду, мы нисколько не думаемъ навязать нашимъ сочленамъ—и въ част-

ности депутатамъ въ государственную думу отъ нашей партіи—какое бы то ни было предвзятое и готовое рѣшеніе. Подробности парламентскаго поведенія зависятъ отъ множества случайностей, которыхъ ни учесть, ни предвидѣть сейчасъ нѣтъ ни малѣйшей возможности; и устанавливать на партійномъ съѣздѣ точный планъ кампаніи въ думѣ мы сами признаемъ задачей безусловно невозможной и невыполнимой. Могутъ значительно измѣниться съ теченіемъ времени и тѣ общія условія дѣятельности партіи въ думѣ, изъ оцѣнки которыхъ мы исходимъ,—и, вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, измѣнится и намѣчаемая нами теперь тактика. Такимъ образомъ, ни на излишнюю подробность, ни на неизмѣнность тактическихъ указаній мы здѣсь не претендуемъ.

Единственная задача, которая, по нашему мнѣнію, можетъ и должна быть разрѣшена немедленно, это, во 1-хъ, согласиться въ самой оцѣнкѣ современнаго политическаго положенія и, во-2-хъ, изъ этой оцѣнки вывести то общее направленіе нашего политическаго поведенія, которое затѣмъ и будетъ уже осуществляться нашими товарищами въ думѣ, въ зависимости отъ конкретныхъ условій ихъ дѣятельности и отъ текущихъ политическихъ событій, которыя сейчасъ предвидѣть невозможно.

Итакъ, мы прежде всего обращаемся къ оцѣнкѣ современнаго политическаго положенія. Наши сочлены, какъ намъ кажется, вправѣ требовать отъ насъ, чтобы эта оцѣнка была, во-первыхъ, индивидуальна, т. е., чтобы она соотвѣтствовала, во всѣхъ своихъ оттѣнкахъ, именно тому особенному сочетанію условій, которое создалось въ текущій моментъ, и, во-вторыхъ, объективна, т. е. по возможности свободна отъ тѣхъ случайныхъ преувеличеній или замалчиваній, которыя являются довольно естественнымъ послѣдствіемъ разгара страстей въ партійной борьбѣ.

Общія условія положенія, подлежащія нашей оцѣнкѣ здѣсь, суть: общее настроеніе страны въ моментъ выборовъ, составъ народныхъ представителей въ государственной думѣ, внѣшнія, т. е. формальныя, условія, при которыхъ придется дѣйствовать въ этомъ учрежденіи, и, наконецъ, планы и намѣренія правительства.

Что касается настроенія страны,—объ этомъ всего меньше приходится говорить намъ по вашему адресу. О настроеніи страны краснорѣчиво свидѣтельствуютъ выборы; о немъ свидѣтельствуетъ также и рядъ резолюцій, принятыхъ выборщиками и депутатами въ разныхъ мѣстахъ. Каково это настроеніе, видно уже изъ того, что первыхъ отдаленныхъ вѣстей о немъ было достаточно, чтобы

удалить съ политической сцены главныхъ дѣятелей, вызвавшихъ своей политикой справедливый гнѣвъ и негодованіе народа.

Что значитъ народное голосованіе по отношенію къ правительству, объ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Въ этомъ вопросѣ всѣ согласны. Но что значитъ голосованіе народа по отношенію къ намъ самимъ? Чего ждетъ отъ насъ народъ и что мы должны для него сдѣлать въ думѣ? Тутъ мнѣнія раздѣляются,—и на этомъ вопросѣ намъ придется нѣсколько остановить свое вниманіе.

Два крайнихъ мнѣнія были высказаны по поводу внутренняго смысла народнаго голосованія. Съ одной стороны, говорили, что народъ ждетъ отъ партіи прекращенія «смуты» и начала мирной «созидательной» работы. Съ другой стороны, утверждали, что народъ требуетъ отъ своихъ избранниковъ продолженія борьбы за свободу, вплоть до полнаго осуществленія народовластія, какъ необходимаго условія для полнаго соціальнаго переустройства. Сообразно съ этимъ противоположнымъ пониманіемъ задачъ, мѣнялись и тѣ обязательства, которыя наложилъ на насъ народъ, по понятіямъ сторонниковъ этихъ противоположныхъ мнѣній.

Одни говорили намъ: «Побѣда обязываетъ. Посмотримъ, какъ-то вы сдержите свои обѣщанія. Если вы ихъ не сдержите,—а это навѣрное такъ будетъ,—тогда въ ближайшемъ будущемъ народъ лишитъ васъ довѣрія и обратится къ болѣе умѣреннымъ политическимъ группамъ».

«Побѣда обязываетъ»,—говорили намъ и съ другой стороны. «Если въ думѣ вы откажетесь быть выразителями требованій той части народа, голосъ которой не былъ слышенъ, благодаря несовершенному избирательному закону, если вы серьезно вообразите себя народными представителями и возьметесь въ думѣ за какую либо иную работу, кромѣ проведенія правильнаго представительства, то вы совершите преступленіе противъ народа; въ случаѣ вашего мирнаго сотрудничества съ правительствомъ, вы покажете себя измѣнниками народнымъ интересамъ, и въ случаѣ вашего столкновенія съ правительствомъ, народъ васъ не поддержитъ и пойдетъ къ своей цѣли болѣе прямымъ путемъ, мимо думы».

Между этими двумя крайними мнѣніями располагается цѣлый рядъ промежуточныхъ оттѣнковъ: нѣкоторые изъ этихъ оттѣнковъ представлены и въ нашей собственной партіи. Естественно, что сторонники обоихъ крайнихъ мнѣній расчитываютъ на эту разницу оттѣнковъ въ нашей собственной средѣ и на ней строятъ

разсчеты на внутренній разладъ въ нашей партіи, при которомъ часть элементовъ сольется съ болѣе правыми политическими группами, а другая, напротивъ, послѣдуетъ естественному тяготѣнію къ лѣвымъ.

Если бы эти расчеты осуществились, партія народной свободы перестала бы существовать, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, рушились бы и всѣ расчеты на ея успѣшную дѣятельность въ думѣ. По счастью, нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній опасаться такого печальнаго исхода. Партія опредѣленно намѣтила себѣ свой путь между двухъ крайностей уже на январьскомъ съѣздѣ, и нѣтъ никакихъ основаній мѣнять эту линію теперь, когда событія—чѣмъ дальше, тѣмъ больше—подтверждаютъ правильность ея выбора. Партія рѣшилась, съ самаго момента своего возникновенія, добиться правильнаго народнаго представительства на основѣ всеобщаго и прямого голосованія,—и она продолжаетъ считать это самой основной задачей своей дѣятельности въ думѣ. Партія давно рѣшила также, что для полнаго проведенія въ жизнь новой системы представительства необходимо изданіе законовъ, обезпечивающихъ основныя права гражданъ,—и она намѣрена немедленно заняться проведеніемъ этихъ законовъ. Переустройство мѣстнаго самоуправленія на основѣ того же всеобщаго избирательнаго права всегда считалось партіей необходимымъ предварительнымъ условіемъ для осуществленія демократическаго строя,—и самыя необходимыя мѣропріятія для этого будутъ предприняты депутатами партіи въ думѣ въ первую же очередь. Осуществленіе принципа гражданской равноправности неразрывно связано съ проведеніемъ законовъ объ основныхъ правахъ. Съ другой стороны, коренная земельная реформа уже вторымъ съѣздомъ принята была въ число ближайшихъ и неотложныхъ задачъ дѣятельности первой думы, и въ настоящее время составъ думы представляется чрезвычайно благопріятнымъ для проведенія этой реформы на широкихъ началахъ, формулированныхъ въ программѣ партіи народной свободы.

Наконецъ, и справедливыя требованія національностей должны быть приняты во вниманіе первой русской думой, на основаніи соглашеній съ самыми заинтересованными группами.

Перечисленіе всѣхъ этихъ задачъ, хорошо извѣстныхъ членамъ партіи, далеко еще не расширяетъ рамокъ ея ближайшей дѣятельности до широкихъ предѣловъ, такъ называемой, «органической» или повседневной работы народнаго представительства въ нормальное, обычное время; но этотъ списокъ, несомнѣнно, вызо-

дитъ дѣятельность партіи за узкіе предѣлы, которыми хотѣли бы ограничить ея дѣятельность въ думѣ строгіе преслѣдователи идеи о правильномъ представительствѣ.

Мы напоминаемъ здѣсь на память всѣ эти общеизвѣстныя данныя о зададахъ партіи отчасти для того, чтобы умолчаніе о нихъ не вызвало мысли о какой-либо перемѣнѣ въ намѣреніяхъ партіи послѣ ея побѣды, отчасти же для того, чтобы этимъ опредѣлить и отношеніе партіи къ тѣмъ двумъ крайнимъ точкамъ зрѣнія, которыя отмѣчены раньше. Если партія обязана выполнить въ первой думѣ всѣ тѣ намѣренія, которыя перечислены выше, и если въ такомъ выполненіи заключается необходимое условіе исполненія данныхъ ею обѣщаній и внушенныхъ ею надеждъ, то въ такомъ случаѣ первоначальная тактика партіи въ думѣ опредѣляется сама собою. Она должна быть направлена къ тому, чтобы намѣченное могло быть дѣйствительно исполнено, т. е. чтобы народные представители имѣли возможность остаться въ думѣ въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго срока.

Народъ можетъ быть болѣе склоненъ къ прекращенію смуты или къ расширенію свободы; онъ можетъ быть настроенъ болѣе или менѣе радикально: это вопросъ факта, относительно котораго возможны споры. Но едва ли можно спорить о томъ, что необходимо дать въ руки этого народа какія—нибудь данныя, болѣе или менѣе осязательныя, по которымъ онъ могъ бы составить свое собственное мнѣніе о поведеніи въ думѣ своихъ кандидатовъ, независимо отъ толкованій справа и слѣва. Народъ можетъ отнестись къ этимъ даннымъ съ порицаніемъ или съ одобреніемъ. Но онъ едва ли будетъ доволенъ, если народные избранники поставятъ свою дѣятельность въ думѣ въ зависимость отъ какихъ-нибудь случайностей, въ которыхъ ему будетъ трудно и разобраться. Такимъ образомъ, какъ бы мы ни толковали истинный смыслъ народнаго вотума,—одно ясно и несомнѣнно. Надо быть въ думѣ, чтобы рѣшить, которое толкованіе правильно: не дожидаться, не трепетать передъ тѣмъ или другимъ предлагаемымъ народнымъ мнѣніемъ, но подгонять свои дѣйствія къ настроенію минуты, а постараться приготовить для народа какъ можно болѣе обильные—и благопріятные для партіи—матеріалы для серьезнаго сужденія о дѣятельности народныхъ избранниковъ въ думѣ. «Быть въ думѣ»—это и переводитъ наше вниманіе на другіе элементы въ оцѣнкѣ общаго положенія, помимо настроенія избирателей въ моментъ выборовъ.

Мы перечислили въ числѣ этихъ элементовъ: составъ государ-

ственной думы, формальныя условія, при которыхъ придется въ ней дѣйствовать, планы и намѣренія правительства. Разберемъ каждый изъ нихъ отдѣльно.

Что касается состава думы, то онъ на рѣдкость благопріятствуетъ осуществленію задачъ, которыя наша партія поставитъ себѣ въ думѣ. Въ этомъ самомъ собраніи мы имѣемъ удовольствіе привѣтствовать очень значительное число нашихъ сочленовъ, избранныхъ въ члены думы, а общее число ихъ составитъ, вѣроятно, около половины всего количества членовъ думы. Такимъ образомъ, если—чего пока нѣтъ основаній опасаться—между нами не произойдетъ раскола, мы будемъ располагать въ думѣ значительной и сплоченной группой, прямо принадлежащей къ нашей партіи, раздѣляющей ея программу и подчиняющейся партійной дисциплинѣ. Съ другой стороны, у правительства нѣтъ никакой партіи въ думѣ, за исключеніемъ немногихъ ультра-правыхъ, которыхъ сами правительственные органы трактуютъ, какъ «революціонеровъ справа», «болѣе консервативныхъ, чѣмъ само правительство». Правда, этотъ недостатокъ собственныхъ сторонниковъ правительство пытается восполнить привлеченіемъ на свою сторону крестьянскихъ депутатовъ. Но достаточно хотя немного знать настроеніе крестьянскихъ депутатовъ, чтобы заранѣе предсказать, что всѣ эти попытки правительства обречены на полную неудачу. Не разъ уже указывалось въ печати, что съ идеями гг. Никольскихъ и Гурко нельзя идти навстрѣчу русскому крестьянину. Можетъ быть, пройдетъ нѣкоторый промежутокъ времени, пока тѣ крестьянскіе депутаты, которые не вполнѣ знакомы съ политическими партіями, освоятся съ распредѣленіемъ партій въ думѣ; но для насъ нѣтъ сомнѣній, что очень скоро крестьянскіе члены думы освободятся отъ непрошенныхъ опекуновъ и пойдутъ вмѣстѣ съ партіей народной свободы, въ рядахъ которой уже теперь находится немало депутатовъ отъ крестьянства.

Точно также есть всѣ основанія думать, что вмѣстѣ съ партіей будутъ дѣйствовать и національныя группы, насущные интересы которыхъ находятъ полное признаніе и защиту въ программѣ партіи народной свободы, насчитывающей, при томъ же, въ своихъ рядахъ многихъ членовъ, принадлежащихъ къ этимъ группамъ. Въ настоящемъ докладѣ нѣтъ, впрочемъ, никакой надобности останавливаться подробнѣе на внутреннихъ отношеніяхъ между различными группами думы. Если мы заговорили здѣсь объ этомъ, то только для того, чтобы и съ этой стороны выяснить, насколько необходимо выждать извѣстное время, пока члены думы между собою ближе ознакомятся

и пока выяснится, наконецъ, окончательно, изъ кого будетъ состоять и какъ значительно будетъ парламентское большинство въ думѣ. До выясненія этого вопроса, конечно, было бы преждевременнымъ принимать окончательный планъ дѣйствій членовъ нашей партіи въ думѣ.

Переходимъ ко второму изъ перечисленныхъ выше условій: къ тѣмъ формальнымъ ограниченіямъ, при которыхъ партіи придется дѣйствовать въ думѣ. Безъ сомнѣнія, это есть то условіе, которое внесетъ особенно много нервности и раздражительности въ дѣятельность будущаго думскаго большинства. Тѣмъ необходимѣе теперь же постараться опредѣлить, какимъ образомъ формальныя ограниченія могутъ и должны отозваться на составленіи плана будущихъ дѣйствій.

Намъ нѣтъ надобности напоминать здѣсь всѣ ограниченія, наложенныя на думу законами 20 февраля. Законы эти, противъ которыхъ открыто заявилъ протестъ даже «союзъ 17 октября», безусловно непріемлемы для партіи народной свободы, а учрежденіе государственнаго совѣта партія считаетъ прямымъ нарушеніемъ законодательныхъ правъ думы. Но начать свою законодательную дѣятельность партіи придется, все-таки, при дѣйствіи данныхъ законовъ, и съ этимъ условіемъ необходимо считаться. Прямое игнорированіе ихъ кажется возможнымъ только издали, и построенная на немъ тактика, какъ мы еще покажемъ ниже, была бы самой ошибочной изъ всѣхъ, какія можетъ принять партія народной свободы. Прежде, чѣмъ наступитъ моментъ, пригодный для разрушенія данныхъ формъ и для замѣны ихъ другими, партія должна поставить своей задачей—наполнить данныя формы своимъ собственнымъ содержаніемъ и попытаться, не отказываясь ни отъ одной изъ своихъ задачъ, провести ихъ въ рамкахъ учрежденій 20 февраля.

Разумѣется, если бы **никакая** дѣятельность, вытекающая изъ программы и ближайшихъ задачъ партіи, оказалась невозможной въ думѣ 20 февраля,—то партіи оставалось бы только ограничиться протестомъ или вступить на путь открытой революціонной борьбы противъ этихъ ограничивающихъ думу формальностей.

Но было бы несправедливо утверждать, что законоположенія о думѣ ставятъ препятствія какой бы то ни было важной работѣ партіи въ думѣ. Несомнѣнно, есть пункты, въ которыхъ существующія законоположенія не противорѣчатъ законодательнымъ задачамъ партіи въ думѣ, — и, по счастью, это какъ разъ самыя основныя и очередныя задачи партіи,—тѣ, которыя относятся къ области ея учредительной дѣятельности и къ области земельнаго вопроса. Первые

шаги для изданія закона о всеобщемъ и прямомъ избирательномъ правѣ, а также и законовъ объ основныхъ правахъ гражданъ,—находятся вполнѣ во власти думы: это есть какъ разъ та область дѣятельности, какую предоставляютъ настоящей думѣ наиболѣе лѣвыя группы, не считающія лицъ, избранныхъ на основаніи дѣйствующаго избирательнаго закона, настоящими народными представителями. Отсюда мы выводимъ: какова бы ни была тактика, какую должна принять партія въ думѣ, очевидно, она должна удовлетворять той элементарной задачѣ, выполненія которой ждутъ отъ партіи рѣшительно всѣ передовыя общественныя группы. Если министерства и государственный совѣтъ не помѣшаютъ ввести законъ о всеобщемъ избирательномъ правѣ и законы о свободахъ, то всѣ свои другія дѣйствія она должна сообразовать съ достиженіемъ этой основной и главной своей задачи. Весьма вѣроятно, что на этомъ пути—основного и учредительнаго законодательства—партія можетъ встрѣтить неожиданныя препятствія *).

Но дума должна идти своимъ путемъ до тѣхъ поръ, пока конфликтъ не возникнетъ помимо нея: въ стадіи ли обсужденія проекта министромъ или въ стадіи обсужденія его государственнымъ совѣтомъ. Дума не должна во что бы то ни стало избѣгать конфликта, но надо, чтобы конфликтъ былъ возбужденъ на этомъ тѣсномъ пути движенія законопроекта не ею, а тѣми, кто осмѣлится противостать внесеннымъ по ея почину законопроектамъ. Такимъ образомъ, въ этой области—чистаго законодательства—конфликтъ, можетъ быть, не будетъ избѣгнутъ; но онъ, во всякомъ случаѣ, будетъ отсроченъ до благопріятнаго момента. Но областью чистаго законодательства дума ограничиться не можетъ, и является вопросъ: достаточно ли широко очерчены предѣлы дѣятельности думы въ другихъ областяхъ, чтобы не вызвать конфликта еще раньше, чѣмъ дошло бы до него дѣло, если бы дума ограничилась однѣми законодательными функціями?

Нельзя не признать, что здѣсь мы вступаемъ на самую шаткую почву. Формально у думы нѣтъ никакой возможности и ника-

---

*) Мы не относимъ къ числу этихъ препятствій самаго порядка выработки законопроектовъ, такъ какъ, въ рамкахъ существующихъ узаконеній, предложеніе, идущее отъ думы, можетъ быть и основательно обсуждено думой, и быть облечено въ форму законопроекта, прежде чѣмъ оно попадетъ въ руки соотвѣтствующаго министра и, по окончательномъ формальномъ принятіи его, перейдетъ въ государственный совѣтъ.

кихъ правъ для непосредственнаго и немедленнаго воздѣйствія на администрацію. Конечно, болѣе или менѣе, таково и повсюду положеніе народнаго представительства. Но повсюду въ другихъ конституціонныхъ государствахъ существуетъ отвѣтственность министровъ передъ палатами, и на почвѣ этой отвѣтственности создается, такъ или иначе, возможность фактическаго воздѣйствія народныхъ представителей на министерства и черезъ нихъ на администрацію. У насъ отвѣтственности министерства не существуетъ; лицо министра заслонено монархомъ; и дума во всѣхъ случаяхъ, гдѣ она хотѣла бы привлечь къ отвѣту министра, можетъ быть поставлена въ необходимость непосредственно считаться съ велѣніями верховной власти.

Такимъ образомъ, создается оплотъ противъ всѣхъ возможныхъ проявленій народнаго негодованія, которыми въ послѣднее время такъ часто грозили правительству оппозиціонныя партіи и которыя почти превратились въ своего рода мандатъ народнымъ представителямъ со стороны пославшихъ ихъ въ думу избирателей.

Нельзя сказать, чтобы предусмотрѣнными въ законѣ мѣрами была предупреждена всякая возможность выраженія недовѣрія и порицанія администраціи со стороны народныхъ представителей. Ниже мы укажемъ нѣкоторыя изъ возможныхъ формъ; и независимо отъ всякихъ формъ, конечно, уже самое настроеніе депутатовъ будетъ производить—какъ уже и произвело—извѣстное давленіе на административный персоналъ. Косвенныхъ и болѣе длительно дѣйствующихъ, но все-таки чрезвычайно дѣйствительныхъ формъ выраженія неудовольствія противъ администраціи дума также будетъ имѣть немало въ своемъ распоряженіи. Но надо признаться что для немедленнаго и полнаго выраженія того общественнаго негодованія, которое въ значительной степени содѣйствовало побѣдѣ оппозиціи на выборахъ, рамки существующихъ законоположеній несомнѣнно окажутся недостаточными. И если бы удовлетвореніе этой цѣли было поставлено главной и первой задачей думы, то это равносильно было бы требованію съ самаго начала дѣятельности думы игнорировать тѣ рамки, въ которыя эта дѣятельность поставлена закономъ.

Прежде чѣмъ рѣшить, какой путь слѣдуетъ принять въ зависимости отъ только что характеризованныхъ формальныхъ условій дѣятельности въ думѣ—путь чистаго законодательства, или путь открытой борьбы съ персоналомъ существующей администраціи, или какой либо третій, промежуточный путь,—необходимо ознако-

миться съ послѣднимъ изъ перечисленныхъ выше факторовъ положенія: съ тѣмъ, какъ будетъ, по имѣющимся свѣдѣніямъ, реагировать на тотъ или другой путь дѣятельности, выбранный думой, высшая администрація. Свѣдѣнія наши, конечно, не могутъ быть полны; здѣсь приходится считаться съ простыми вѣроятностями, съ рискомъ, при томъ, увеличить или уменьшить ту или другую изъ этихъ вѣроятностей самымъ фактомъ нашихъ настоящихъ разсужденій о нихъ. Какъ бы то ни было, безъ обсужденія мы не можемъ оставить и этого фактора положенія.

Наша задача отчасти облегчается тѣмъ, что есть такіе элементы въ данномъ вопросѣ, на которые не легко повліять одними нашими разсужденіями въ этой залѣ. Если бы даже наша конституція сдѣлала офиціальныхъ совѣтниковъ монарха отвѣтственными передъ народнымъ представительствомъ,—и въ этомъ случаѣ осталась бы внѣ распоряженій конституціи группа наиболѣе вліятельныхъ и наименѣе поддающихся разсужденіямъ совѣтниковъ—безотвѣтственныхъ. Тамъ, въ этой сферѣ, всѣ явленія текущей русской жизни представляются въ особомъ преломленіи, сообщающемъ имъ, прежде всего, необыкновенно упрощенный и элементарный видъ.

Событія послѣднихъ мѣсяцевъ должны представляться тамъ, какъ они изображаются въ лубочныхъ брошюрахъ «союза 17 октября». Злые, своекорыстные люди хотѣли обмануть народъ и завлечь его къ бунту, чтобы самимъ поживиться чужимъ имуществомъ; но Богъ не попустилъ такого безобразія: Богъ вразумилъ войска, и враги престола были перебиты. Какъ при такой психологіи представится парламентская борьба оппозиціи въ думѣ и въ какой именно моментъ опять «Богъ вразумитъ войска»,—это остается внѣ всякой сферы разумныхъ расчетовъ и предположеній. Мораль отсюда можетъ быть одна: если мы, все-таки, хотимъ остаться въ сферѣ разумныхъ расчетовъ и предположеній, то извѣстныхъ пружинъ до извѣстнаго момента нажимать не слѣдуетъ.

Нужно, однако, признать, что такой огромной важности фактъ, какъ выраженіе огромнымъ большинствомъ избирателей довѣрія партіи народной свободы, не могло остаться незамѣченнымъ и въ только что описанныхъ сферахъ. Мы имѣемъ наглядное доказательство этого новаго для насъ вниманія въ только что совершившемся фактѣ—отставкѣ всего министерства Витте-Дурново. И для дальнѣйшаго выясненія общихъ нашихъ тактическихъ задачъ мы должны, прежде всего, оцѣнить и осмыслить значеніе этой отставки.

Судить объ ея значеніи мы, конечно, не можемъ внѣ связи съ предшествовавшей этой отставкѣ политикой нашего бывшаго премьера. Надо признать, что въ теченіе послѣдняго мѣсяца графъ Витте употребилъ довольно много усилій, чтобы выяснить съ своей точки зрѣнія положеніе, созданное побѣдой оппозиціи, и принять соотвѣтствующія мѣры для встрѣчи правительства съ думой. Судя по его газетѣ, его первымъ намѣреніемъ при самомъ началѣ избирательной кампаніи было осуществить свою давнюю мысль и опереться противъ «интеллигенціи» на крестьянство. Но скоро правительство должно было убѣдиться, что путь административнаго давленія—черезъ земскихъ начальниковъ—на этотъ разъ пресѣченъ настойчивостью и сознательностью, съ которой крестьяне проводили въ думу своихъ настоящихъ избранниковъ.

Тогда бывшій премьеръ усердно принялся за созданіе препонъ противъ будущей дѣятельности оппозиціи въ думѣ. Однако, эту работу пришлось вести на-спѣхъ, такъ какъ торжество оппозиціи было, очевидно, полной неожиданностью для правительства—и застало его врасплохъ. Опубликованная имъ программа занятій въ думѣ только обнаружила наглядно передъ всѣми эту неподготовленность; а нелѣпый проектъ «основныхъ законовъ», разоблаченный и жестоко раскритикованный прессой, окончательно дискредитировалъ гр. Витте и сверху. Повидимому, въ послѣднюю минуту тамъ стало ясно то, что ускользало отъ государственной мудрости премьера: что изданіе «основныхъ законовъ» создастъ конфликтъ, для борьбы съ которымъ эта бумажная преграда окажется безсильной. Угрозы гр. Витте, что неопубликованіе «основныхъ законовъ» дастъ возможность к.-д. партіи развернуть всю свою программу, повидимому, не показались такими страшными, какими онѣ казались самому гр. Витте,—и онъ получилъ отставку.

Удаленіе, при такихъ условіяхъ, министерства гр. Витте-Дурново, конечно, должно быть принято въ соображеніе при опредѣленіи нашихъ тактическихъ задачъ въ думѣ.

Оно, прежде всего, уясняетъ для насъ одинъ основной пунктъ. Удаливъ министерство и отказавшись отъ проведенія «основныхъ законовъ», верховная власть показала этимъ, что конфликтъ между думой и правительствомъ считается опаснымъ и нежелательнымъ. Предупредить конфликтъ признается главной задачей момента. Наиболѣе раздражающіе и угрожающіе элементы конфликта теперь устранены. Это не освобождаетъ насъ, однако, отъ необходимости взвѣсить, въ какой степени новое положеніе освобождаетъ путь

для безпрепятственнаго выполненія к.-д. партіей ея задачъ въ думѣ.

Прежде всего, конечно, до извѣстнаго предѣла «путь свободенъ»— теперь, какъ и раньше—въ области того, что мы назвали «чистымъ законодательствомъ». Сюда относится, прежде всего, введеніе всеобщаго избирательнаго права, въ сущности уже обѣщаннаго манифестомъ 17 октября. Исходъ выборовъ сильно измѣнилъ взгляды нашихъ правящихъ сферъ на основы избирательнаго права.

Существующій избирательный законъ они считаютъ теперь для себя опаснымъ. Понятно имъ, повидимому (конечно, съ ихъ особой точки зрѣнія), и то, что многостепенное представительство даетъ, несомнѣнно, худшій и болѣе случайный подборъ народныхъ представителей, чѣмъ прямое, а куріальная система обостряетъ соціальные антагонизмы. Выходъ изъ созданнаго правительствомъ положенія, какъ мы давно уже предсказывали, только и возможенъ въ сторону всеобщаго избирательнаго права. Повидимому, и относительно «свободъ» правительство готово будетъ помириться съ будущимъ законодательствомъ думы,—въ расчетѣ, конечно, на «умѣряющую» роль государственнаго совѣта. Послѣдній расчетъ для насъ, какъ принципіальныхъ противниковъ государственнаго совѣта, разумѣется, необязателенъ.

Что касается прямыхъ дѣйствій думы противъ наличнаго состава администраціи, то здѣсь положеніе довольно существенно измѣнилось вслѣдствіе выхода министерства Витте-Дурново въ отставку. Какъ ни желательно было бы представителямъ народа встрѣтиться и расчитаться непосредственно съ преступными нарушителями обѣщаній манифеста 17 октября, какъ ни мало заслуживаетъ общественнаго довѣрія вновь составленное министерство, тѣмъ не менѣе, лояльность требуетъ признать положительную сторону рѣшительнаго шага верховной власти. Вновь назначенное министерство партія народной свободы, конечно, не можетъ считать заслуживающимъ довѣрія и въ духѣ своего требованія «парламентской» монархіи она должна добиваться назначенія министерства изъ большинства. Во всякомъ случаѣ, партія должна настаивать на полномъ разрывѣ новаго министерства съ традиціями прошлаго министерства, отвѣтственность котораго за отдѣльныя беззаконныя дѣйствія едва ли кончается его выходомъ въ отставку. Намѣчать какія либо положительныя тактическія дѣйствія по этому поводу въ данный моментъ—едва ли было бы удобно. Прежде всего, необходимо выждать первыхъ декларацій новаго министерства и, въ особенности, тронной рѣчи.

Обсужденіе отвѣтнаго адреса на тронную рѣчь въ думѣ и послужитъ, очевидно, законнымъ поводомъ для выраженія общественнаго настроенія и для формулировки программы дѣятельности большинства въ думѣ. Въ зависимости отъ содержанія самой тронной рѣчи, эти пренія дадутъ тонъ и характеръ не однимъ только первымъ засѣданіямъ думы. Вотъ почему и пренія, и отвѣтный адресъ должны быть очень серьезно обсуждены; случайнымъ инцидентамъ здѣсь не должно быть мѣста, поскольку это будетъ зависѣть отъ партіи. Но вся эта работа будетъ уже дѣломъ имѣющей конституироваться парламентской фракціи; съѣздъ этимъ заниматься не можетъ.

На партійномъ съѣздѣ возможно и нужно, однако, обсудить отношеніе партіи къ двумъ ближайшимъ и серьезнымъ вопросамъ, поднятымъ въ обществѣ и подлежащимъ немедленному разрѣшенію въ интересахъ удовлетворенія общественной совѣсти. Мы говоримъ объ отмѣнѣ смертной казни и полной амнистіи. Нельзя скрывать отъ себя, что столкновеніе возможно и по этимъ пунктамъ. Но въ данномъ случаѣ партія отступать и дѣлать уступки не можетъ. Что касается привлеченія къ суду насильниковъ стараго режима, этому акту должно предшествовать парламентское разслѣдованіе ихъ дѣяній; и назначеніе, съ этою цѣлью, особой парламентской комиссіи удовлетворительно разрѣшило бы намѣченную партіей задачу, при данныхъ условіяхъ ея дѣятельности.

Есть еще пунктъ—или разрядъ пунктовъ, еще скорѣе могущій вызвать конфликтъ и сдѣлать его особенно острымъ, чѣмъ даже вопросъ о смѣнѣ персонала администраціи, о полной амнистіи и отмѣнѣ смертной казни. Мы говоримъ о томъ случаѣ, если бы рѣчь зашла о немедленномъ и формальномъ переустройствѣ всего учрежденія думы и совѣта по закону 20 февраля. Задѣть эту область—именно задѣть ее прямо и формально—значило бы тронуть одну изъ тѣхъ пружинъ, о которыхъ мы говорили выше. Это не исключаетъ возможности косвенной работы въ томъ же направленіи, путемъ постепеннаго и частичнаго законодательства. Но крутая перемѣна въ этой области могла бы, повидимому, встрѣтиться съ неожиданными осложненіями и едва ли можетъ быть поставлена въ числѣ очередныхъ задачъ партійной дѣятельности въ думѣ.

Надо, однако, сказать, что выработку общаго «основного закона» партія никогда и не считала задачей перваго собранія народныхъ представителей, оставляя это на обязанности будущаго собранія, составленнаго на основахъ правильнаго народнаго представительства.

Мы теперь разобрались въ самыхъ главныхъ изъ тѣхъ элемен-

товъ, которые необходимо имѣть въ виду при разрѣшеніи сложной и трудной задачи: какой тактики должна держаться партія въ ближайшее время своей дѣятельности въ думѣ. Повторимъ, прежде всего, самыя главныя данныя для рѣшенія задачи, полученныя нами въ итогѣ нашихъ разсужденій.

Прежде всего, мы нашли, что при оцѣнкѣ настроенія избирателей, посылавшихъ въ думу партію народной свободы, партіи нѣтъ надобности считаться съ тѣми двумя крайними мнѣніями о внутреннемъ смыслѣ народнаго голосованія, болѣе умѣренные оттѣнки которыхъ могутъ существовать и въ средѣ самой партіи. Радикальнѣе ли это настроеніе избирателей, или, напротивъ, консервативнѣе, чѣмъ настроеніе партіи,—объ этомъ можно спорить; но внѣ спора стоитъ то, что провѣрка этого настроенія можетъ быть дана лишь болѣе или менѣе продуктивной дѣятельностью партіи въ самой думѣ,—и именно такая дѣятельность, не расширяющаяся до понятія обыденной «органической работы», но и не съеживающаяся до предѣловъ изданія новаго избирательнаго закона, уже предуказана для думы прежними тактическими рѣшеніями партіи.

Изъ разбора состава думы мы извлекли выводъ, что должно пройти нѣкоторое время, прежде чѣмъ опредѣлится постоянное большинство въ думѣ и что, пока оно не опредѣлилось, не слѣдовало-бы составлять окончательнаго плана дѣйствій въ думѣ.

Изъ разбора формальныхъ условій дѣятельности въ думѣ мы сдѣлали заключеніе, что наиболѣе существенныя программныя задачи партіи—проведеніе всеобщаго избирательнаго права, законовъ о свободахъ и аграрнаго вопроса—встрѣтитъ, по крайней мѣрѣ на первыхъ ступеняхъ движенія законопроекта, наименѣе препятствій со стороны дѣйствующихъ постановленій. Не преграждена возможность и нѣкоторыхъ дѣйствій и выраженій мнѣнія по поводу персонала администраціи. Наиболѣе затруднителенъ былъ бы общій пересмотръ «конституціи» 20 февраля, но онъ и не вызывается ни очередными задачами партіи—пока препятствія для нихъ не будутъ поставлены самой администраціей,—ни прежними тактическими рѣшеніями.

Наконецъ, насколько мы могли проникнуть въ планы и намѣренія правительства, мы также заключили, что наиболѣе спокойно могли бы быть проведены законы о всеобщемъ избирательномъ правѣ и свободахъ и аграрный вопросъ. Противодѣйствіе это возросло бы при острой постановкѣ вопроса о смѣнѣ и отвѣтственности административнаго персонала. Наконецъ, развязка могла бы насту-

пить съ быстротой и силой стихійнаго рефлекса, если бы формально и во всей широтѣ была сдѣлана попытка измѣнить принципіальныя основы взаимныхъ отношеній между законодательной и верховной властью.

Чтобы вывести изъ этихъ данныхъ, какую, вообще, политику надо вести народнымъ избранникамъ, надо было бы вернуться къ коренному вопросу: радикальнѣе или, наоборотъ, консервативнѣе настроена страна, чѣмъ посланные ею избиратели? Иначе и въ болѣе употребительныхъ терминахъ этотъ вопросъ могъ бы быть выраженъ такъ: должны ли народные представители расчитывать на революціонный или на парламентскій образъ дѣйствій? Въ самой общей формѣ это есть вопросъ о томъ, прекратилась ли уже въ Россіи революція, или еще продолжается?

Мы, однако, думаемъ, что ставить здѣсь такой общій вопросъ—значило бы, прежде всего, чрезвычайно расширить сферу обсужденія, чрезвычайно усложнить вопросъ и, въ концѣ концовъ, при возможной наличности въ нашей собственной средѣ двухъ различныхъ отвѣтовъ, ни къ чему общему не придти.

Убѣдительный для всѣхъ отвѣтъ на этотъ вопросъ было бы трудно дать въ настоящую минуту уже и по той причинѣ, что самая дѣятельность думы, ея успѣхъ или неуспѣхъ, отношеніе къ ней правительства должны послужить могущественнымъ факторомъ, который долженъ опредѣлить, какимъ путемъ пойдетъ дальнѣйшее освободительное движеніе въ Россіи.

Для нашихъ непосредственныхъ, практическихъ цѣлей, впрочемъ, и нѣтъ надобности ставить вопросъ такъ широко. Намъ предстоитъ здѣсь рѣшить только, какіе будутъ наши первые шаги въ думѣ, какая тактика наилучшая для ближайшаго времени,—можетъ быть, для ближайшихъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Потомъ само время и новыя событія могутъ измѣнить всѣ данныя для рѣшенія вопроса. Въ ограниченныхъ же предѣлахъ, въ какихъ мы ставимъ вопросъ о тактикѣ въ думѣ,—и въ какихъ только и можно ставить его при настоящемъ, бурномъ теченіи событій, его рѣшеніе значительно упрощается и, можно сказать, само собой вытекаетъ изъ сдѣланныхъ уже нами выводовъ и наблюденій.

Передъ нами для ближайшаго времени, для первыхъ шаговъ—два возможныхъ способа дѣйствій. Одинъ заключается въ томъ, чтобы, взявъ за точку отправленія яркое оппозиціонное настроеніе общества, создавшееся ко времени выборовъ, всѣ усплія народнаго представительства направить на то, чтобы дать этому настроенію

немедленное и полное моральное удовлетвореніе, не считаясь съ тѣми формальными предѣлами, въ которые, вообще, поставлена дѣятельность народнаго представительства, и съ тѣми препятствіями, которыя спеціально поставлены на пути перваго представительства Россіи.

На этомъ пути, однако, ждетъ насъ рядъ возникающихъ въ немедленномъ будущемъ конфликтовъ, и трудно предсказать, какъ далеко мы, вообще, будемъ въ состояніи пойти по этому пути.

Другой путь заключается въ томъ, чтобы главной своей задачей поставить—выполненіе тѣхъ основныхъ программныхъ требованій, удовлетворенія которыхъ нетерпѣливо ждетъ отъ этой думы крестьянство, а также и тѣхъ коренныхъ задачъ, къ осуществленію которыхъ все русское освободительное движеніе стремится уже цѣлыхъ три года и обстановка для осуществленія которыхъ теперь складывается крайне благопріятно. Возможность конфликтовъ нисколько не исключается и на этомъ пути, который не исключаетъ также и возможности удовлетворенія нравственнаго негодованія общества; но здѣсь мы въ несравненно большей степени остаемся хозяевами положенія и можемъ обставить возможный конфликтъ такимъ образомъ, что все сочувствіе и поддержка страны будутъ на нашей сторонѣ.

Мы должны сдѣлать что—нибудь связательное, важное и полезное для народа, прежде чѣмъ наши противники рискнутъ пойти на конфликтъ. Безъ сомнѣнія, уже теперь настроеніе страны таково, что правительство не рѣшится съ легкимъ сердцемъ пойти на столкновеніе съ народными представителями. Въ этомъ—огромная сила нашего положенія. Но силу свою мы должны использовать умѣло и сполна. Если столкновеніе съ правительствомъ вызовемъ мы—и вызовемъ случайно, на какомъ нибудь второстепенномъ пунктѣ, или хотя бы и по первостепенному и важному вопросу, но такому, который не легко будетъ понять всему народу,—и если конфликтъ кончится для насъ неблагопріятно, то наши противники, несомнѣнно, получатъ возможность утверждать, что они были правы въ своихъ предсказаніяхъ относительно нашей дѣятельности,—и общее настроеніе въ странѣ можетъ сложиться не въ нашу пользу. Положеніе будетъ совсѣмъ другое, если, не поступаясь никакими нашими требованіями, на глазахъ всей страны мы начнемъ серьезную работу—такую работу, важность которой будетъ всѣмъ понятна и значеніе которой сейчасъ же почувствуютъ въ каждой русской деревнѣ. Отпустить насъ домой тогда—будетъ трудно и, въ самомъ

дѣлѣ, опасно. Тогда народъ скажетъ: они хотѣли и начали дѣлать наше народное дѣло; имъ не дали кончить: давайте кончать мы сами. Если мы заручимся такимъ отношеніемъ народа къ думѣ, тогда и многое, что теперь невозможно, станетъ для насъ вполнѣ возможнымъ. Оправдавъ народное довѣріе, мы удесятеримъ нашу силу.

Нечего и говорить, что два указанныхъ пути дѣйствія устанавливаютъ только самую общую директиву. Какой бы путь мы ни выбрали, остается еще разработать подробный планъ. Но намъ кажется, что эта задача—уже не есть задача съѣзда и частнаго обсужденія. Подробный планъ дѣйствій должна выработать наша парламентская фракція въ тѣсномъ взаимодѣйствіи съ центральнымъ комитетомъ. Здѣсь мы могли бы предложить, кромѣ директивы, развѣ только главныя вѣхи для будущаго плана. Такими вѣхами мы считаемъ: 1) отвѣтный адресъ на тронную рѣчь, основные мотивы котораго мы могли намѣтить лишь въ самыхъ основныхъ чертахъ; 2) законопроекты объ амнистіи и отмѣнѣ смертной казни, которые будутъ предложены вашему вниманію на этомъ съѣздѣ; 3) такіе же законопроекты о новомъ избирательномъ законѣ и объ основныхъ свободахъ,—имѣющіе быть внесенными въ первую очередь, какъ только позволитъ окончаніе вступительныхъ формальностей парламентской процедуры. Центр. комитетъ выработалъ и проектъ наказа или внутренняго регламента, но не вноситъ его на съѣздъ, какъ болѣе касающійся парламентской фракціи партіи. Затѣмъ 4) главной задачей съѣзда будетъ обсудить тѣ основныя начала, на которыхъ должна быть разрѣшена земельная реформа. Можно сказать, что отъ успѣшнаго рѣшенія этой задачи зависитъ рѣшительно все остальное. Вопросы національные отсрочены съѣздомъ до того момента когда можно будетъ вступить въ сношенія съ представителями соотвѣтствующихъ группъ.

ТЕЗИСЫ.

I. Цѣлью дѣятельности партіи въ ближайшей сессіи думы съѣздъ ставитъ осуществленіе слѣдующихъ изъ основныхъ задачъ, поставленныхъ въ программѣ партіи: обезпеченіе законодательными нормами неприкосновенности личности, гражданскаго равноправія и свободъ, введеніе всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права, какъ въ народномъ представительствѣ, такъ и въ мѣстномъ самоуправленіи, законодательное разрѣшеніе земельной реформы и удовлетвореніе справедливыхъ національныхъ требованій.

II. Партія будетъ стремиться къ достиженію указанныхъ цѣлей, не останавливаясь даже передъ возможностью разрыва съ правительствомъ, но она обязана принять мѣры, чтобы вся тяжесть вины и отвѣтственности за столкновеніе, если таковое будетъ, пала на правительство.

III. Наилучшимъ планомъ дѣйствій въ думѣ съѣздъ считаетъ немедленный приступъ къ осуществленію законодательныхъ мѣръ, перечисленныхъ выше, путемъ внесенія соотвѣтственныхъ законопроектовъ и обсужденія ихъ въ думѣ.

IV. Помимо этого, во имя требованій элементарной справедливости и для умиротворенія общественной совѣсти, съѣздъ считаетъ необходимымъ въ самомъ же началѣ внести законопроектъ о полной амнистіи и объ отмѣнѣ смертной казни и назначить парламентскую комиссію для разслѣдованія противозаконныхъ дѣйствій представителей администраціи, совершенныхъ послѣ 17 октября въ борьбѣ съ общественнымъ движеніемъ.

78. Аграрный вопросъ на III съѣздѣ к.-д. партіи *).

Послѣ вопроса о тактикѣ въ думѣ земельный вопросъ долженъ былъ занять и занялъ наибольшее вниманіе съѣзда партіи народной свободы. Какъ тамъ, такъ и здѣсь представленный докладчиками проектъ рѣшенія вопроса показался нѣкоторой части членовъ съѣзда черезчуръ умѣреннымъ,—и послѣдовала борьба между принципіальными лозунгами и практическими рѣшеніями. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ не было принципіальнаго противорѣчія между лозунгами и докладами; но самое то обстоятельство, что лозунги не были громко провозглашены, что выполненіе ихъ не было сдѣлано немедленной и неотложной задачей, что выполненіе это предполагалось на первыхъ порахъ лишь частичнымъ,—все это вызвало недовольство и породило возраженія, болѣе или менѣе рѣзкія. Необходимость считаться съ требованіями жизни скоро, однако, была почувствована огромнымъ большинствомъ съѣзда въ первомъ случаѣ, и, мы надѣемся, то же произойдетъ и во второмъ.

Аграрный проектъ, выработанный комиссіей спеціалистовъ и дважды обсужденный въ болѣе обширныхъ совѣщаніяхъ (членовъ партіи и съѣзда, особенно интересующихся вопросомъ),—предста-

*) „Рѣчь“, № 57.

вляетъ собой, въ результатѣ всей этой коллективной работы, значительный шагъ впередъ сравнительно съ прежними рѣшеніями партіи. Представители различныхъ точекъ зрѣнія въ аграрномъ вопросѣ употребили всѣ усилія, чтобы сойтись на одномъ общемъ рѣшеніи,—и рѣшеніе это сильно передвинуло основную мысль внесеннаго на съѣздъ проекта въ сторону идеи неприкосновеннаго государственнаго фонда, съ условіемъ раздачи его въ долгосрочное пользованіе. Затѣмъ, въ настоящемъ проектѣ предусмотрѣны, тщательно обдуманы и точно формулированы всѣ тѣ послѣдствія и взгляды, которые вытекаютъ изъ необходимости практическаго проведенія основной мысли при данныхъ условіяхъ. Такимъ образомъ, и въ смыслѣ большей принципіальности и болѣе тщательной отдѣлки деталей проектъ оставляетъ позади всѣ прежнія попытки. Конечно, это еще не «законопроектъ», а только «общія основанія» реформы. Для составленія законопроекта теперь нѣтъ на-лицо тѣхъ фактическихъ данныхъ, которыя можетъ дать только дѣловая разработка вопроса на мѣстахъ спеціальными лицами или комиссіями.

Этому законопроекту были противопоставлены только принципіальныя и общія возраженія, сводившіяся почти исключительно къ провозглашенію лозунга «націонализаціи земли». Одни требовали, чтобы, положенный уже фактически въ основу проекта, этотъ лозунгъ былъ провозглашенъ и формально,—какъ общая цѣль всего аграрнаго законодательства настоящаго и будущаго; другіе даже настаивали, чтобы, вмѣсто частичнаго примѣненія, лозунгъ «націонализаціи земли» получилъ немедленное и полное примѣненіе не только по отношенію къ принудительно-отчуждаемымъ землямъ, но ко всей земельной собственности въ государствѣ. Болѣе общее и болѣе общепонятное требованіе, повидимому, имѣло на своей сторонѣ симпатіи и части крестьянскихъ членовъ, и части съѣзда.

Вся эта полемика, конечно, будетъ использована и «друзьями слѣва», и противниками справа. Въ дѣйствительности, она только показываетъ тѣ огромныя трудности, съ которыми придется считаться думѣ при разрѣшеніи земельнаго вопроса, и составляетъ необходимую и въ высшей степени желательную прелюдію къ болѣе дѣловому обмѣну мыслей въ парламентской комиссіи и на скамьяхъ Таврическаго дворца.

Не только, однако, при этомъ дѣловомъ обсужденіи, а и въ стадіи предварительнаго обмѣна мыслей на съѣздѣ необходимо было бы окончательно порѣшить вопросъ съ подведеніемъ предстоящей реформы подъ принципъ «націонализаціи земли».

Принятіе этого принципа на съѣздѣ было бы равносильно измѣненію программы, которое часто предлагалось, правда, и до сихъ поръ, но постоянно отклонялось, какъ могущее вызвать внутреннее разногласіе и расколъ. Нельзя, въ самомъ дѣлѣ, скрывать отъ себя, что провозглашеніе принципа «націонализаціи земли» въ общей формѣ было бы равносильно формальному отрицанію частной собственности на землю: такая формула вызвала бы протестъ не только со стороны принципіальныхъ сторонниковъ частной собственности, но и со стороны могущественнаго тяготѣнія въ сторону частной собственности въ средѣ даже и самихъ крестьянъ-землевладѣльцевъ. Для будущности партіи такое рѣшеніе было бы чрезвычайно опасно, такъ какъ при первой попыткѣ провести принципъ полной націонализаціи въ жизнь тотчасъ же обнаружилась бы та огромная пропасть, которая отдѣляетъ отвлеченный принципъ отъ его практическаго осуществленія. Постановить общее рѣшеніе—легко; но спускаться отъ него къ необходимымъ компромиссамъ съ жизнью было бы уже очень трудно и неизбѣжно навлекло бы на партію тѣ упреки въ нарушеніи обѣщаній, въ измѣнѣ къ народному дѣлу, которые и безъ того готовы обрушить на нее при первой возможности ея «друзья» и враги.

Это было бы такъ, если бы даже принципъ «націонализаціи земли» былъ самъ по себѣ безспоренъ. Но этого нѣтъ на дѣлѣ. Принципъ «націонализаціи земли» даже не имѣетъ твердо установленнаго и для всѣхъ общепонятнаго и одинаковаго значенія. Терминъ взятъ съ запада, и надо признать, что тамъ онъ имѣетъ тоже не одно, а нѣсколько значеній, смотря по той реальной почвѣ, на которой возникъ. Родиной идеи должна быть признана Америка и Англія: и въ каждой изъ этихъ странъ, возникнувъ при различныхъ условіяхъ, идея «націонализаціи земли» имѣетъ различный характеръ и приводитъ къ различнымъ планамъ практическаго осуществленія.

Въ странѣ, вновь колонизуемой, обладавшей еще недавно обильнымъ запасомъ пустыхъ земель, которыя быстро расхватывались желѣзнодорожными обществами и всевозможными спекулянтами на быстрый подъемъ земельныхъ цѣнъ,—въ такой странѣ, какъ Америка, протестъ противъ быстраго и «незаслуженнаго прироста» дохода съ земли былъ совершенно естественъ и понятенъ. Какъ противодѣйствіе противъ такого незаслуженнаго обогащенія земельными спекуляціями, естественъ былъ и планъ: изъять землю съ рынка и сдѣлать ее національнымъ достояніемъ путемъ переложе-

нія «не заслуженнаго прироста» земельной ренты изъ частнаго кармана въ общественный. Проектъ конфискаціи ренты и ея прироста путемъ соотвѣтственнаго налога, какъ подготовительной мѣры къ «націонализаціи земли», этотъ проектъ выросъ на спеціально американской почвѣ. Тамъ онъ имѣетъ непосредственное практическое значеніе, и мнѣ случалось встрѣчать многочисленныхъ сторонниковъ плана Генри Джорджа среди такихъ людей, которые ничего общаго съ «соціализмомъ» не имѣли.

На англійской почвѣ та же идея должна была принять совсѣмъ иной характеръ. Страна, гдѣ земля находится въ «мертвой рукѣ» крупныхъ землевладѣльцевъ, гдѣ земледѣльцы, несмотря на всѣ облегченія послѣдняго времени, чрезвычайно связаны въ своемъ хозяйствѣ стѣснительнымъ договоромъ съ владѣльцемъ, мало заинтересованнымъ въ ихъ хозяйственныхъ успѣхахъ,—такая страна должна была стремиться къ тому, чтобы развязать руки мелкому земледѣльцу, дать ему возможность зажить самостоятельнымъ хозяйствомъ. Ближайшимъ средствомъ для этого явилось созданіе мелкихъ участковъ на долгосрочномъ арендномъ правѣ, а «націонализація земли» была лишь дальнѣйшимъ болѣе широкимъ способомъ для созданія земельнаго фонда, могущаго быть использованнымъ для той же цѣли.

Какъ видимъ, въ обѣихъ странахъ, гдѣ идея «націонализаціи земли» имѣетъ безусловно прогрессивный характеръ, идея эта является не средствомъ отдать землю въ «мертвую руку», не способомъ—иммобилизировать земельную собственность, а, наоборотъ, средствомъ вырвать землю изъ рукъ рыночной спекуляціи или изъ неподвижной аристократической собственности—и передать ее мелкому хозяину—индивидуалисту. Если и не имѣется при этомъ въ виду расширить классъ мелкихъ собственниковъ, то, во всякомъ случаѣ, идея «націонализаціи земли» не вступаетъ тутъ въ столкновеніе съ инстинктами мелкой собственности.

На какой почвѣ прививается идея «націонализаціи земли» въ Россіи? Какіе шансы на успѣхъ имѣетъ эта идея среди нашего земледѣльческаго населенія?

Необходимо признать, что рядъ препятствій къ полной «націонализаціи земли», непреодолимыхъ на Западѣ, или отсутствуетъ, или оказывается менѣе сильнымъ въ Россіи. Прочно укоренившееся понятіе о частной собственности, высокая степень интенсивности культурной обработки, высокій уровень житейскаго благосостоянія и требованіе соотвѣтственной высоты доходности отъ глав-

наго жизненнаго занятія, наконецъ, привычка надѣяться только на самого себя и требованіе соотвѣтственной широты для личнаго почина,—все это вызываетъ въ широкихъ общественныхъ кругахъ Запада и Новаго свѣта самое энергичное отвращеніе къ идеѣ, какъ, вообще, коллективной собственности на орудія производства, такъ, въ частности, и къ идеѣ уничтоженія частной собственности на землю.

У насъ идея частной собственности развивалась крайне туго въ собственно-русскихъ частяхъ государства; культурная обработка земли—самая низкая, уровень благосостоянія граничитъ съ нищенскимъ, личныя потребности сведены къ минимуму и свобода личнаго почина до сихъ поръ была самая незначительная. Наконецъ, не только эти элементы въ Россіи благопріятствуютъ возникновенію идеи «націонализаціи земли», но и фактически эта идея не является новостью въ Россіи, какъ и въ другихъ странахъ, стоящихъ на такой же низкой степени культуры. Принципъ «націонализаціи земли»—въ смыслѣ признанія верховной собственности государства на землю—есть принципъ древне-московскій, принципъ византійскій и мусульманскій, принципъ государственнаго типа землевладѣнія въ старой Индіи. Въ одной изъ славянскихъ странъ Балканскаго полуострова, именно въ Босніи и Герцеговинѣ, турецкая идея полной иммобилизаціи собственности—идея, примѣнявшаяся несовершенно и неполно самими турецкими властями,—проведена со всей методичностью и строгостью нѣмецкихъ администраторовъ. Мнѣ приходилось быть въ Босніи, приходилось лично знакомиться съ той сложной системой кадастра и регистраціи, безъ которой дѣйствительный контроль надъ неподвижностью землевладѣнія невозможенъ; я слышалъ также и многочисленныя выраженія недовольства, вызваннаго такой системой. Однако же, надо прибавить, что боснійская администрація не берется слѣдить ни за ростомъ ренты, для соотвѣтственнаго повышенія обложенія, ни за обработкой участковъ самими трудящимися, ни за приведеніемъ размѣра участковъ въ соотношеніе съ колеблющимися силами хозяйства. Если прибавимъ всѣ эти черты, свойственныя «націонализаціи земли» не только какъ юридическому, но и какъ соціальному понятію,—то нельзя сказать, чтобы перспектива такого рода хозяйничанья,—все равно, государства ли, или области, или общины,—оказалась особенно привлекательной для мелкихъ производителей. Разумѣется, если держаться той теоріи, что мелкое сельское производство, вообще, обречено на гибель, что его должно замѣнить крупное, ко-

торое и послужитъ мостомъ къ соціализаціи земледѣлія,—если держаться этой старой теоріи, тогда понятно требованіе «соціализаціи», «муниципализаціи» или «національзаціи» земли.

Новѣйшія спеціальныя работы, однако же, совершенно опровергли предсказанія о близкой гибели мелкаго земледѣлія и показали, что дѣйствительность совсѣмъ не соотвѣтствуетъ старымъ марксистскимъ схемамъ.

Можетъ быть, теоретическимъ сторонникамъ «національзаціи земли» и удастся внушить крестьянамъ на нѣкоторое время вѣру въ спасительность этого слова. Пока національзація будетъ для нихъ значить отнятіе всей земли у помѣщиковъ, до тѣхъ поръ терминъ этотъ будетъ пользоваться естественной популярностью. Но уже на самомъ съѣздѣ слышались голоса, даже отъ принципіальныхъ сторонниковъ «національзаціи», что населеніе неготово къ усвоенію положительной стороны плана и что при первыхъ попыткахъ раскрыть его истинный смыслъ передъ крестьянами большая часть обаянія немедленно пропадетъ. Крестьянинъ, такъ охотно допускающій—и даже требующій—коренной ломки помѣщичьяго землевладѣнія, не потерпитъ сколько-нибудь серьезнаго вмѣшательства въ сферу своихъ собственныхъ земельныхъ отношеній. Если мы и подымемъ флагъ «національзаціи», въ смыслѣ отмѣны частной собственности на землю, флагъ этотъ очень скоро придется спустить какъ только мы столкнемся съ собственностью крестьянской. При такихъ условіяхъ, очевидно, лучше его и вовсе не поднимать. Въ ограниченномъ и условномъ смыслѣ «національзація» земли уже лежитъ, во всякомъ случаѣ, въ основаніи проекта, предложеннаго комиссіей.

Къ сожалѣнію, часть крестьянскихъ депутатовъ, повидимому, находится теперь подъ обаяніемъ общаго и принципіальнаго лозунга. И нашлись ораторы въ составѣ съѣзда, которые совѣтовали, при столкновеніи программы партіи народной свободы съ программой, какую выработаютъ крестьяне, уступить послѣднимъ, чтобы, во всякомъ случаѣ, не доводить дѣло до конфликта.

Совѣтъ этотъ кажется мнѣ чрезвычайно страннымъ. Если такъ, то вѣдь все дѣло получаетъ такой видъ, какъ будто партія народной свободы хотѣла что-то скрыть, чего-то не додать крестьянамъ, но крестьяне уперлись—и намъ совѣтуютъ уступить. Если уступить можно, то почему же, спрашивается, мы не уступали раньше, когда не было этого давленія? Значитъ, и въ самомъ дѣлѣ мы хотѣли защищать чьи-то другіе интересы, помимо интересовъ народа?

Такимъ недоразумѣніямъ не должно быть мѣста. Партія народной свободы вырабатывала свою аграрную программу не въ чьихъ либо классовыхъ интересахъ, а въ интересахъ того же крестьянства, которое хотятъ теперь сдѣлать договаривающейся стороной. Если партія не ввела въ программу общаго принципа, то потому, что общимъ принципамъ, вообще, не мѣсто въ законопроектахъ, и потому, въ частности, что данный принципъ не можетъ быть признанъ ни яснымъ для всѣхъ, ни безспорнымъ. Если же введены въ проектъ извѣстныя ограниченія и оговорки, то потому, что имѣлся въ виду общегосударственный интересъ, а не интересъ отдѣльнаго класса. Въ томъ или другомъ случаѣ, крестьяне могутъ яснѣе понимать свои нужды, но зато комиссія народной свободы располагала несравненно болѣе солидными знаніями и научною подготовкой. Она предложила все, что въ настоящее время можно было предложить; вѣроятно, очень и очень многіе найдутъ, что комиссія предложила больше, чѣмъ можно. Какъ правильно сказалъ П. Б. Струве на съѣздѣ, обстоятельства могутъ отодвинуть рѣшеніе вправо, но отодвинуть его дальше влѣво, оставаясь въ предѣлахъ законодательнаго пути, уже едва ли возможно. Такимъ образомъ, и крестьянскіе депутаты, и ихъ совѣтчики сдѣлаютъ огромную ошибку, если, вмѣсто совмѣстнаго выясненія и обсужденія проекта партіи народной свободы, вступятъ во взаимныя пререканія и торговлю.

79. Къ окончанію съѣзда *).

Вчера закончился III съѣздъ партіи народной свободы. Собравшись въ моментъ величайшей важности для страны, съѣздъ оказался на высотѣ положенія и провелъ рѣшенія, соотвѣтствующія значенію момента и той первостепенной политической роли, которую возложила на партію страна.

Два основныхъ рѣшенія, принятыхъ съѣздомъ, касаются поведенія партіи въ думѣ и основаній земельной реформы. Рѣшенія по тому и другому вопросу имѣютъ задачей—извлечь наибольшую пользу для освободительнаго движенія изъ политической силы, пріобрѣтенной партіей; и, съ другой стороны, эти рѣшенія окончательно укрѣпляютъ ту самую силу, на которой основываются.

---

*) „Рѣчь“, № 58.

Тактика партіи, считаясь съ условіями и обстановкой, въ которой ей придется дѣйствовать, тѣмъ не менѣе ни на шагъ не сводитъ партію съ той дороги, на которую партія вступила съ самаго своего возникновенія.

Рѣшеніе аграрнаго вопроса, исходя изъ основной идеи о передачѣ земли въ руки трудящихся, остается на совершенно реальной почвѣ; реформа, смѣлая по замыслу, грандіозная по размѣрамъ, въ то же время является неотложной и неизбѣжной, благодаря той силѣ народныхъ массъ, на которую партія можетъ опереться при выполненіи своего рѣшенія. Приподнятый тонъ политическаго настроенія, привезеннаго членами съѣзда изъ глубины страны, не помѣшалъ съѣзду проявить чрезвычайное самообладаніе и сдержанность. Въ началѣ казалось, что между съѣздомъ и центральнымъ комитетомъ можетъ обнаружиться разница въ пониманіи политическаго положенія и въ выборѣ пріемовъ дальнѣйшей политической борьбы. Но конецъ съѣзда окончательно разсѣялъ эти опасенія и установилъ между членами съѣзда и исполнительнымъ органомъ партіи полное взаимное пониманіе и довѣріе. Такіе результаты съѣзда дѣлаютъ партію сильнѣе, подвижнѣе въ ея тактическихъ дѣйствіяхъ, способнѣе реагировать на всѣ оттѣнки политическихъ перемѣнъ, чѣмъ когда либо прежде. Изъ третьяго съѣзда партія народной свободы выходитъ не только болѣе сплоченной, но и стройнѣе организованной, болѣе единой, болѣе способной проникаться однимъ настроеніемъ отъ периферіи до центра. Съ осмотрительностью и осторожностью политическаго руководства она продолжаетъ совмѣщать весь пылъ, всю энергію служенія великимъ идеямъ демократіи.

VIII. Сессія государственной думы.

1. Дума и общее политическое положеніе.

80. Два непримиримыхъ типа.

Могутъ ли двѣ различныя формы жизни, два разнородныхъ типа организаціи существовать совмѣстно? Можетъ ли сѣверный папоротникъ уживаться вмѣстѣ съ тропической ліаной, или пещерный медвѣдь мирно сожительствовать съ арабскимъ скакуномъ?

Эти сравненія невольно приходили намъ въ голову, когда по

---

*) „Рѣчь“, № 62, 30 апр.

той же самой дорогѣ, по которой мы неоднократно прежде ѣздили въ казенномъ экипажѣ изъ дома на Шпалерной въ домъ на Тверской и обратно,—мы подъѣзжали къ Таврическому дворцу. Эти сравненія не оставляли насъ и тогда, когда изъ ложи для публики мы наблюдали, какъ одинъ за другимъ депутаты-ораторы поднимались на каѳедру и, обращаясь вправо, къ министерскимъ скамьямъ, то требовали отъ—пустыхъ, увы,—скамей, чтобы министры убрали изъ этой залы кровавые призраки, которые мѣшаютъ думѣ работать, то просили милости для преступниковъ, то требовали справедливости къ невиннымъ, то, наконецъ, грозили неминуемымъ гнѣвомъ народнымъ тѣмъ, кто пропуститъ минуту примиренія. Горемыкинъ—и Родичевъ, Столыпинъ—и Аладьинъ... развѣ не странно было бы видѣть ихъ въ двухъ саженяхъ разстоянія другъ отъ друга и въ перемѣнившихся роляхъ обвинителей, вмѣсто обвиняемыхъ,—и наоборотъ?

Разстояніе слишкомъ короткое для такой разницы соціальнаго типа,—и кабинетъ отсутствовалъ, какъ бы чувствуя, что здѣсь, въ этой залѣ, ему не мѣсто.

Но останется ли въ стѣнахъ одной только этой залы тотъ экзотическій свѣтъ и тепло, которые исходятъ отъ храма народнаго представительства? Горемыкинъ, который не усидитъ передъ безцеремоннымъ краснорѣчіемъ Таврическаго дворца, спасется ли отъ него въ Маріинскомъ? Его оппротѣлое кресло въ палатѣ народныхъ представителей—есть ли это уже отступленіе или только угроза?

Съ тревогой и сомнѣніемъ русскій обыватель задаетъ себѣ теперь эти вопросы. Хорошему вѣрить мы не привыкли—и какъ-то не вѣрится съ перваго взгляда, чтобы оранжерейное растеніе народнаго представительства уцѣлѣло на русской житейской улицѣ, гдѣ благоденствуютъ гг. Горемыкины. Такъ ли, однако? Оранжерейныя растенія современнаго Таврическаго дворца теперь уже не привозная роскошь и не прихоть временщика: они туда пересажены съ улицы волей всего народа. Невѣроятно, но вѣрно: свѣтъ и тепло идутъ оттуда въ народный храмъ: самая ось русской жизни перемѣстилась, а вмѣстѣ съ тѣмъ подлежатъ полной смѣнѣ типы соціальной жизни и формы общественной организаціи.

Невѣроятно, но вѣрно: эту коренную перемѣну политическаго климата принуждены признать теперь и тѣ, кто потерялъ нить развитія русской жизни и для кого первый яркій плодъ этого развитія явился полной неожиданностью. Не невѣроятна и не неожиданна эта перемѣна для тѣхъ, кто давно видѣлъ и громко твердилъ, что

жизнь усложнилась, что для усложненной жизни требуются и усложненныя формы воздѣйствія. И это наблюденіе, это требованіе стало, наконецъ, всеобщимъ: мы слышали его вчера отъ екатеринославскаго рудокопа и отъ курскаго учителя, отъ донского казака и отъ казанскаго татарина; отъ крестьянина, попавшаго въ оппозиціонеры изъ эмигрантовъ, и отъ дворянина, ставшаго демократомъ изъ земцевъ. Всѣ люди въ этой залѣ, всѣ 444 человѣка, собравшіеся со всѣхъ концовъ земли, изъ всѣхъ сословій и состояній,—слились здѣсь въ одну мысль, говорили объ одномъ и томъ же и одними словами, въ которыхъ краснорѣчива была не форма, а суть, и, наконецъ, вынесли одно рѣшеніе, которое сегодня вернется къ тѣмъ милліонамъ, которые его внушили. Нѣтъ,—оранжерея, оазисъ не здѣсь: здѣсь главное, коренное русло жизни,—а оранжерея тамъ, куда бѣжали съ этихъ креселъ ихъ оробѣвшіе обладатели! Опустѣвшія передъ натискомъ жизни, эти кресла есть символъ ихъ оброшенности, ихъ полнаго одиночества.

Пусть же они уйдутъ еще дальше, живые мертвецы—пусть вовсе исчезнутъ отъ лица огня, какимъ запылаетъ эта трибуна. Пещерный медвѣдь съ арабскимъ скакуномъ жить вмѣстѣ не можетъ: и только какая-нибудь неожиданная катастрофа можетъ ихъ столкнуть лицомъ къ лицу на короткое время. Пусть попробуютъ оставить ихъ вмѣстѣ: добра изъ этого не выйдетъ.

81. Отношеніе къ думѣ различныхъ общественныхъ группъ *).

Положеніе, занятое государственной думой въ общей политической жизни страны, начинаетъ понемногу выясняться. Нельзя сказать, правда, чтобы въ этомъ выясненіи большую роль играла дѣйствительная дѣятельность думы. Къ настоящей дѣятельности дума пока еще не приступала; первые шаги ея вызывали и вызываютъ самыя разнообразныя толкованія; всякій продолжаетъ ожидать отъ думы того, что ему больше нравится. Какъ и можно было предвидѣть, для однихъ дума кажется черезчуръ радикальной, другіе готовы обвинять ее въ излишней умѣренности и даже... медлительности! Въ высшихъ сферахъ, повидимому, уже произведено впечатлѣніе непримиримости, особенно послѣ оглашенія проекта отвѣтнаго адреса на тронную рѣчь. Настроеніе относительно думы продолжаетъ, правда, быть чрезвычайно неопредѣленнымъ.

---

*) „Рѣчь“, № 64, 4 мая.

Рядомъ съ разговорами о «разгонѣ» слышатся и разговоры о компромиссѣ. Но о нервности и неувѣренности этихъ сферъ свидѣтельствуетъ то легковѣріе, съ которымъ распространяются въ этой средѣ всевозможные вздорные слухи, и то легкомысліе, съ которымъ тамъ же обсуждаются всевозможныя репрессивныя мѣры. Въ печать уже проникли толки о томъ, будто дума умышленно затягиваетъ пренія, чтобы отсрочить конфликтъ до того момента, когда готово будетъ внѣпарламентское движеніе. Идутъ упорные разговоры и о томъ, будто бывшій премьеръ подготовляетъ себѣ путь къ диктатурѣ и думаетъ опереться при этомъ на часть государственнаго совѣта. Съ другой стороны, лѣвыя группы обвиняютъ парламентское большинство въ намѣреніи отдѣлить свое дѣло отъ народнаго движенія, въ излишнемъ «парламентаризированіи», въ желаніи во что бы то ни стало заняться текущимъ законодательствомъ и т. д. Нѣкоторые органы печати настойчиво доказываютъ, что роль думы должна быть не парламентарная, а революціонная. «XX Вѣкъ» даже имѣетъ свое новое «мнѣніе», что именно думѣ для этого надобно дѣлать.

Было бы преступленіемъ передъ тѣмъ самымъ народомъ, отъ имени котораго говорятъ критики «слѣва», если бы дума позволила преждевременно увлечь себя въ политику приключеній. Къ занятіямъ законодательствомъ нельзя относиться пренебрежительно, когда ближайшей цѣлью этого законодательства является проведеніе всеобщаго, прямого и равнаго избирательнаго права, обезпеченіе закономъ всѣхъ свободъ и т. д. Вызывать на сцену «подземныя силы» и «поднимать Ахеронъ» («Дѣло Народа»)—едва ли значитъ въ настоящій моментъ оказывать услугу освободительному движенію. Не говоримъ уже о болѣе фантастическомъ, нежели опасномъ, предложеніи («XX Вѣкъ»)—провести, внѣ законодательнаго порядка, какое-то «представленіе» царю, которое, по утвержденіи, облекло бы думу своего рода диктаторской властью.

Надо сказать, что группы, подающія подобные совѣты, перестаютъ надѣяться на господствующую партію въ думѣ и обращаются по другому адресу. Ихъ надежды начинаютъ сосредсточиваться на «трудовой группѣ». Каждая изъ крайнихъ лѣвыхъ группъ надѣется перетянуть «трудовую группу» на свою сторону и совѣтуетъ ей развить «до конца» свою программу.

Мы, однако, не думаемъ, чтобы этимъ надеждамъ суждено было сбыться. «Трудовая группа» проявляетъ очень большую дозу недовѣрчивости къ интеллигентскимъ вліяніямъ вообще. Небольшая

группа соціалъ-демократическая (12 — 13 человѣкъ) сорганизовалась отдѣльно: такъ, по крайней мѣрѣ, надо думать по заявленію рабочаго депутата г. Михайличенко.

Интересно констатировать первое появленіе и первые шаги дѣятельности другихъ, менѣе значительныхъ партійныхъ группъ въ думѣ. Появленіе одной изъ нихъ, группы 43-хъ «ерогинскихъ» крестьянъ, произвело впечатлѣніе маленькаго скандала. Выступивъ съ заявленіемъ о необходимости отложить пренія по адресу, группа потерпѣла полное пораженіе; не помогли ей и ея идейные защитники изъ «октябристовъ». Выступленіе было тѣмъ болѣе неудачное, что оно преждевременно обнаружило скрытую агитацію для сплоченія правой крестьянской группы,—и первый провалъ легко можетъ помѣшать успѣху этого сплоченія. Вчера одинъ изъ подписавшихся подъ заявленіемъ 43 формально отрекся за себя и за нѣкоторыхъ товарищей отъ солидарности съ «ерогинской» группой.

Болѣе основательнымъ образомъ объединяются національныя группы. Заявленіе отъ имени всѣхъ ихъ сдѣлано было вчера г. Ледницкимъ, въ видѣ мотивированнаго присоединенія къ проекту адреса. Помимо этого, газеты сообщаютъ любопытныя свѣдѣнія о попыткѣ депутатовъ Царства Польскаго непосредственно сговориться съ «трудовой группой» по поводу автономіи Польши. Если свѣдѣнія, сообщаемыя газетами, вѣрны, то мы опять должны выразить опасеніе, что польскіе депутаты находятся на ложномъ пути. Попытка отдѣльныхъ переговоровъ съ главными партіями едва ли свидѣтельствуетъ о знаніи почвы, на которой приходится дѣйствовать польскимъ депутатамъ. Вопросы крестьянъ по поводу размѣровъ автономіи и особенно по поводу аграрной программы поляковъ уже должны были показать имъ шаткость ихъ смѣлой комбинаціи. Новыхъ прочныхъ связей эта дипломатія не создастъ, но грозитъ расшатать старыя.

Такимъ образомъ, куда ни взглянемъ, — на враговъ справа, на друзей слѣва, на партійныя группировки внутри, — вездѣ картина положенія, еще недавно столь простого, начинаетъ усложняться. Нужно непрерывное и неослабное вниманіе, чтобы среди этихъ усложненій партія народной свободы не потеряла своего собственнаго пути.

82. Главное дѣло думы и крайнія партія *).

Передъ самымъ началомъ регулярныхъ занятій, въ засѣданіи 8 мая, государственной думѣ пришлось пройти сквозь двойное испытаніе. Булавочные уколы сверху и глухой ропотъ нетерпѣнія снизу грозили отклонить думу отъ ея главнаго дѣла. Съ одной стороны, попытки свести конфликтъ къ вопросамъ этикета, съ другой—горячій порывъ вступить сейчасъ же, немедленно, въ рукопашную схватку съ людьми, виновными въ превышеніи и бездѣйствіи власти, и среди этихъ двухъ подводныхъ мелей глубокій фарватеръ главнаго русла—земельный вопросъ, которымъ пошла дума: въ миніатюрѣ тутъ представлены, какъ въ символической картинѣ, всѣ основные элементы, всѣ затрудненія и всѣ движущія пружины будущей дѣятельности думы. Въ засѣданіи 8 мая народные представители обнаружили замѣчательное самообладаніе, поставивъ всѣ эти элементы въ ту правильную перспективу, которая соотвѣтствуетъ степени важности каждаго. Отбросивъ простымъ толчкомъ тотъ камень, который придворной партіи угодно было положить на ихъ дорогѣ, избранники народа выхватили изъ океана правительственныхъ беззаконій нѣсколько новѣйшихъ яркихъ образчиковъ и поставили лицомъ къ лицу съ ними министра, въ качествѣ перваго опыта; но ни придворные щелчки, ни правительственные погромы не помѣшали имъ, въ самомъ преддверіи своей творческой работы, широко развернуть знамя народнаго дѣла, основныя положенія коренной земельной реформы, основанныя на программѣ партіи народной свободы и на постановленіяхъ ея послѣдняго съѣзда. Выйдя съ честью изъ первыхъ испытаній, дума стала на рельсы: въ этомъ состоитъ главный смыслъ ея послѣдняго засѣданія.

У враговъ и недоброжелателей думы этотъ результатъ вызоветъ различныя чувства. Прочитайте черносотенныя телеграммы «Правительственнаго Вѣстника»: тамъ отъ имени «союза русскаго народа», разныхъ отдѣловъ «русскаго собранія» и «монархической партіи» наши «революціонеры справа» утверждаютъ, что дума «не выражаетъ воли народа», «не можетъ дѣйствовать именемъ народа»; что адреса ея не слѣдуетъ «принимать за подлинный голосъ всего многочисленнаго населенія», «уклонившагося отъ участія въ вы-

*) „Рѣчь“ № 69, 10 мая.

борахъ»; что если дума «вздумаетъ разыгрывать роль вершителей судебъ нашихъ помимо воли нашей», то ее надо «убрать» и «весь народъ русскій поддержитъ» царя и т. д. Если мы обратимся къ печатнымъ органамъ крайнихъ лѣвыхъ партій, мы, къ сожалѣнію, прочтемъ тѣ же рѣчи. Тамъ высказывается то же рѣзкое порицаніе по адресу думы, также отрицается ея право—представлять интересы народа, также возлагается вся надежда на «новое дѣло толпы, новое дѣло великой народной страсти». Такимъ образомъ, съ двухъ сторонъ заранѣе стараются подкопать дѣло народнаго представительства. Сторонникамъ революціи сверху народное представительство представляется такой же помѣхой, какъ сторонникамъ революціи снизу. Намъ опять начинаютъ повторять, что, когда «черный» и «красный» ведутъ борьбу не на жизнь, а на смерть, промежуточнымъ оттѣнкамъ между ними нѣтъ мѣста. «Когда двѣ борющіяся стороны стали лицомъ къ лицу, тогда нѣтъ другого выбора, какъ стать рѣшительно на ту или другую сторону». При такомъ взглядѣ, конечно, дума является лишнимъ учрежденіемъ, а если и не лишнимъ, то пригоднымъ развѣ только сыграть роль «агитаціоннаго органа» революціи и никоимъ образомъ не «органа власти». Словомъ, наши крайніе лѣвые возобновляютъ всѣ свои тактическія ошибки, только что осужденныя наиболѣе разумной и просвѣщенной частью ихъ собственныхъ товарищей. По справедливому замѣчанію г. Р. Бланка въ «Нашей Жизни», они опять обнаруживаютъ «крайне поверхностное пониманіе принциповъ научнаго соціализма, поразительный недостатокъ чуткости къ требованіямъ русской дѣйствительности и полное презрѣніе къ урокамъ русской исторіи послѣднихъ мѣсяцевъ въ особенности».

Точка зрѣнія нашихъ крайнихъ лѣвыхъ основывается на принципіальномъ отрицаніи парламентскихъ способовъ борьбы. Отказываясь приспособить свою тактику къ новымъ средствамъ и возможностямъ, создаваемымъ новыми формами общественной жизни, онѣ, въ сущности, стремятся удержать революціонное движеніе въ его старой стадіи, въ стадіи «конспираціи», и, протестуя противъ «парламентскихъ иллюзій», возстанавляютъ архаическія иллюзіи революціонныя. Суть «революціонныхъ иллюзій» всегда заключалась въ томъ, что считали возможнымъ организовать побѣдоносную революцію средствами конспираціи. Излишне говорить о томъ, что принципіально такая тактика «бланкизма» уже давно осуждена самими теоретиками крайнихъ партій, практически же въ самомъ благопріятномъ случаѣ она приводитъ къ пароксизмамъ «стихійнаго»

движенія массъ, не поддающагося никакому учету, никакому контролю со стороны руководителей «конспираторовъ». Все это скучно было бы повторять, если бы простая ссылка на «бланкизмъ», «стихійность», «заговорщичество» и т. п. общеизвѣстныя понятія, очень хорошо разъясненныя въ соціалистической литературѣ, была достаточна. Къ сожалѣнію, наши оппоненты слѣва, которые придираются ко всему и полемическіе пріемы которыхъ становятся очень похожи на полемику «октябристовъ», дѣлаютъ видъ, что не понимаютъ, въ чемъ дѣло, когда мы ограничиваемся простыми ссылками на общепонятные термины. «Бланкизмъ», спрашиваютъ они: «а что такое бланкизмъ»? «Заговоръ: что такое заговоръ»? «Стихійность: что такое стихійность?» («Волна»).

Сила всѣхъ этихъ разсужденій заключается отнюдь не въ ихъ логикѣ, но въ нихъ есть, несомнѣнно, извѣстная сила. Это—сила настроенія,—безсознательнаго, инстинктивнаго, и, тѣмъ не менѣе, всегда имѣющаго достаточное основаніе, когда такое настроеніе распространяется въ массѣ.

Борьба одинъ на одинъ, революціонеровъ съ правительствомъ, безнадежна и утопична, если она ставитъ себѣ задачей непосредственную побѣду революціи. Но эта борьба неизбѣжна и полезна въ общественномъ смыслѣ, если нѣтъ другихъ средствъ и способовъ борьбы. Трудность положенія парламентскихъ партій въ такое время, какъ наше, заключается въ томъ, что, призывая крайнія партіи перейти къ парламентскимъ формамъ борьбы, мы и сами не можемъ еще считать эти формы окончательно завоеванными русской жизнью. Поскольку парламентскія формы борьбы оказываются недостаточными или непрочными, возвращеніе къ старымъ формамъ является неизбѣжнымъ. Партію народной свободы упрекали и упрекаютъ въ двусмысленномъ отношеніи къ революціи и революціонерамъ. Двусмысленности тутъ никакой нѣтъ: партія всегда высказывалась по этому вопросу съ полной опредѣленностью. Но, несомнѣнно, извѣстный элементъ неопредѣленности есть въ самомъ положеніи, отражающемъ всю путаницу и всѣ противорѣчія переходнаго момента. И въ этомъ отношеніи вся отвѣтственность за трудности и могущія произойти осложненія, разумѣется, лежитъ не на партіи народной свободы, а на тѣхъ, отъ кого зависитъ продлить или, напротивъ, сократить переходный характеръ момента.

Депутатовъ народной свободы въ думѣ нерѣдко сравнивали съ «жирондистами». Поскольку подъ этимъ терминомъ разумѣлась партія, благородная въ своихъ стремленіяхъ, но непрактичная въ вы-

борѣ своихъ средствъ, партія хорошихъ словъ и полной неспособности къ рѣшительному дѣлу,—это опредѣленіе едва ли справедливо: оно, во всякомъ случаѣ, преждевременно. Но если рѣчь идетъ о партіи, которая можетъ стать жертвой своего историческаго положенія между двумя крайностями,—сравненіе «кадетовъ» съ «жирондистами» имѣетъ глубокій смыслъ. Логика всѣхъ революцій вытекаетъ изъ двойного условія: съ одной стороны, неспособности стараго порядка добровольно и во время уступить, съ другой,—невозможности для разыгравшихся разъ народныхъ страстей сразу успокоиться и добровольно согласиться на компромиссъ. Изъ этихъ двухъ условій наиболѣе трудно осуществимымъ кажется на первый взглядъ послѣднее. На дѣлѣ во всѣхъ большихъ революціяхъ первое условіе играло главную роль. Если бы во время первой англійской революціи абсолютизмъ «Божіей милостью» могъ добросовѣстно подписаться подъ требованіями конституціонной монархіи тогдашняго парламентскаго большинства, логическое развитіе англійской революціи остановилось бы на торжествѣ пресвитеріанъ; не дошло бы дѣло ни до торжества республиканскихъ тенденцій индепендентовъ, ни до борьбы Кромвеля со своими «святыми», когда послѣдніе, рѣзкостью своихъ «уравнительныхъ» тенденцій, нагнали «буржуазный страхъ» на англійскаго обывателя и вызвали, при его пассивной поддержкѣ, военную диктатуру. Точно также и во время великой французской революціи логическое развитіе событій едва ли привело бы къ тѣмъ же послѣдствіямъ—республикѣ и военной диктатурѣ, если бы возможно было честное соглашеніе между Людовикомъ XVI и конституціонными монархистами, если бы сношеніе короля съ эмигрантами и его надежды на внутренній заговоръ, поддержанный иностранной помощью, не довели подозрительныхъ демократовъ Франціи до высшей степени раздраженія и недовѣрія.

Мы не утверждаемъ, что логическій ходъ русской революціи долженъ быть непремѣнно тотъ же самый, какъ англійской и французской. Со временъ XVII и XVIII вѣка всѣ условія борьбы между правительствомъ и революціей совершенно измѣнились. Но мы, однако, увѣрены, что неустойчивость положенія конституціонной партіи неизбѣжно повлечетъ за собой дальнѣйшее развитіе революціи. Не въ томъ вопросъ, кончилась ли, вообще, революція или не кончилась, а въ томъ,—при какихъ условіяхъ революція можетъ остановиться въ своемъ логическомъ развитіи.

Мы знаемъ, что отвѣтъ крайнихъ партій будетъ: революція кон-

читося тогда, когда она разовьетъ и осуществитъ послѣдовательную классовую программу. Если бы мы могли вѣрить въ такую цѣль и въ такой исходъ, мы, подобно нашимъ соціалистическимъ партіямъ, считали бы водвореніе парламентскаго строя помѣхой и дѣлали бы всякія усилія, чтобы помѣшать революціи остановиться на этомъ промежуточномъ этапѣ. Но намъ такія надежды и перспективы кажутся утопическими. Программа преобразованій, выдвинутая настоящимъ парламентскимъ большинствомъ, кажется намъ максимумомъ того, что, вообще, можетъ быть достигнуто въ области политической и соціальной реформы въ настоящее время. Вотъ почему, если достиженіе этого результата, осуществленіе этой программы считается, вообще, желательнымъ, всѣ общественныя усилія всѣхъ партій должны быть направлены не на взаимную борьбу, а на достиженіе этого ближайшаго результата. Расшатывая изо всѣхъ силъ общественное довѣріе къ думѣ, не стѣсняясь при этомъ прибѣгать къ самымъ неблаговиднымъ пріемамъ борьбы, наши лѣвыя партіи забываютъ, что онѣ подрубаютъ тотъ сукъ, на которомъ онѣ же хотятъ удобнѣе усѣсться, что дѣло ближайшаго момента еще не сдѣлано и не можетъ быть сдѣлано безъ единодушнаго натиска на главнаго непріятеля.

Гдѣ этотъ главный непріятель? Маленькій эпизодъ съ непринятіемъ адреса оказалъ русскому обществу ту драгоцѣнную услугу, что открылъ завѣсу этой закулисной тайны. При Витте и Дурново могла быть иллюзія, что министерство держитъ въ своихъ рукахъ нити событій. При Горемыкинѣ и Столыпинѣ — такихъ иллюзій быть не можетъ. Этихъ фигурантовъ политической сцены дергаютъ за нитки закулисные дѣятели. На этихъ дважды безотвѣтственныхъ совѣтниковъ короны и падаетъ главная отвѣтственность за то роковое непониманіе, за то непонятное ослѣпленіе, за ту узость и ограниченность политическаго кругозора, съ которыми они пропускаютъ, можетъ быть, послѣдній благопріятный моментъ, чтобы избѣжать новыхъ катастрофъ и направить разбушевавшіяся волны русской жизни въ русло правильной и открытой парламентской борьбы.

83. Смертныя казни и политическія убійства.

Вчера «Новое Время» употребило противъ насъ... своеобразный пріемъ полемики. Газета напечатала извѣстіе о севастопольскомъ покушеніи и непосредственно вслѣдъ за нимъ перепечатала нашу статью, выражающую общественное негодованіе по поводу восьми смертныхъ приговоровъ въ Ригѣ, съ маленькими перемѣнами словъ, вродѣ прибавки слова «подпольное» къ слову «правительство». Такимъ образомъ, газета вновь подняла тему объ отношеніи между «подпольными» и «надпольными» убійствами, между политическими покушеніями и смертными казнями. Если бы рѣчь шла только о пріемѣ газетной полемики, не стоило бы останавливаться на этомъ эпизодѣ; но, къ сожалѣнію, въ данный моментъ онъ имѣетъ болѣе серьезное значеніе. То, что въ миніатюрѣ продѣлываетъ съ нами «Новое Время»,—то самое въ большихъ размѣрахъ дѣлаетъ министерство съ государственной думой. «Кровавые призраки», поблѣднѣвшіе было въ первые дни занятій думы, снова рѣютъ въ атмосферѣ Таврическаго дворца и, дѣйствительно, «мѣшаютъ думѣ работать». И что всего печальнѣе,—повидимому, эти новые призраки, цѣлыхъ восемь свѣжихъ труповъ брошены министерствомъ въ эту залу недаромъ. Повидимому, метафора о быкѣ, котораго раздражаютъ кровавыми ранами, чтобы нанести ему рѣшительный ударъ,—эта метафора, примѣненная къ думѣ одной газетой, имѣетъ весьма реальный смыслъ. Кому-то нужно дразнить думу, выводить ее изъ себя, чтобы довести ее до поступковъ отчаянія.

Итакъ, намъ приходится опять остановиться на темѣ, къ обсужденію которой провоцируетъ насъ «Новое Время». Политическія убійства и... смертные приговоры! Это не мы сопоставляемъ эти два явленія; не мы намекаемъ сопоставленіемъ, что видимъ въ нихъ только два термина, означающіе одно и то же явленіе. Такъ ставятъ вопросъ тѣ наши противники, которые хотятъ трактовать виновниковъ смертныхъ казней и виновниковъ политическихъ убійствъ, какъ двѣ воюющія стороны, между которыми возможны переговоры, возможенъ договоръ и соглашеніе. Чувствуютъ ли люди, дающіе вопросу такую постановку, въ какое рискованное положеніе они становятся? Чувствуютъ ли они, что одной такой постановкой они

*) „Рѣчь“, № 77, 19 мая.

наносятъ смертельный ударъ той сторонѣ, которую хотятъ защищать?

Какъ бы мы ни относились къ политическимъ убійствамъ, мы можемъ понять точку зрѣнія, которая къ нимъ логически приводитъ. Когда, истощивъ всѣ допустимыя средства борьбы противъ извѣстнаго государственнаго порядка, его противники прибѣгаютъ къ средствамъ, въ основѣ которыхъ лежитъ отрицаніе въ принципѣ всего этого порядка, они употребляютъ средство отчаянное,—но въ ихъ дѣйствіяхъ есть извѣстная логика. На всѣ морализаціи по поводу ихъ поступковъ они могутъ спросить морализующихъ: если вы признаете наши цѣли, но не одобряете нашихъ средствъ, укажите другія, болѣе сильныя. Укажите,—и мы васъ послушаемся, потому что не изъ простой же прихоти, не изъ любви къ висѣлицѣ или страстія къ крови мы совершаемъ свои поступки. Если вы не хотите нашихъ поступковъ, дѣлайте свои, не похожіе на наши. Но вы предпочитаете критиковать—и извлекаете выгоду изъ тѣхъ дѣйствій, которыя сами осуждаете. Если бы ваша критика была серьезна и искренна,—знаете ли вы, что самихъ нашихъ поступковъ, которые вы осуждаете, не существовало бы? Знаете ли вы, что мы пускаемся на отчаянные поступки потому, что вы не совершаете никакихъ; что мы прибѣгаемъ къ насилію потому, что вы безсильны? Знаете ли вы, что мы—тѣ самые мы, которыхъ вы осуждаете и отъ которыхъ отворачиваетесь, мы составляемъ часть того великаго цѣлаго, другою частью котораго являетесь вы; что въ нашихъ поступкахъ отражаются лишь свойства этого цѣлаго; что вы солидарны съ нами и несете свою долю отвѣтственности въ томъ, что мы дѣлаемъ, также какъ и мы являемся лишь исполнителями вашихъ же молчаливыхъ велѣній? Знаете ли вы, что, критикуя насъ, вы себя бичуете?

Мы не знаемъ, что можно добросовѣстно противопоставить этимъ разсужденіямъ. Повторяемъ, въ индивидуальномъ терроръ есть своя логика не только личная, но и общественная. Когда этой логики нѣтъ, когда устраняется почва, на которой распускается этотъ кровавый цвѣтокъ, то хиреетъ и уничтожается и самое растеніе.

Но что мы должны сказать, когда эту логику—логику безсознательнаго соціологическаго процесса, осуществляемую кажущимся произволомъ личной инициативы,—пытаются перенести, пытаются отождествить съ тѣмъ, что должно составлять высшій результатъ соціальнаго развитія: съ сознательной и цѣлесообразной логикой организованной государственной власти? Когда мы имѣемъ дѣло съ стихійнымъ политическимъ убійствомъ, мы говоримъ: да, въ

основѣ его можетъ лежать извѣстная соціальная цѣлесообразность, но она заложена въ немъ, какъ слѣпой инстинктъ, и дѣйствуетъ не по законамъ разумнаго человѣческаго общества, а по законамъ природы, расточительной въ безсмысленномъ повторенiи безчисленныхъ неудачъ, слагающихся вѣками въ какой-нибудь цѣлесообразный итогъ. Но когда мы имѣемъ дѣло съ государствомъ, которое не можетъ дѣйствовать съ расточительностью слѣпой природы, то отъ государственной власти мы вправѣ требовать разумной и обдуманной государственной дѣятельности.

Этого, очевидно, не требуютъ и не ожидаютъ тѣ, кто спокойно допускаетъ мысль о поединкѣ между государственной властью и революціоннымъ терроромъ, какъ единственномъ способѣ вывести Россію изъ кризиса. Надо совсѣмъ извѣриться въ государственныя способности представителей власти, нужно принять за доказанное, что всѣ могущественные рессурсы государства истощены, что оно безсильно, чтобы дойти до ужасной мысли, будто, кромѣ убійства, нѣтъ способовъ побѣдить антиправительственное настроенiе въ странѣ. Государство, вѣковой продуктъ соціальной культуры, возвращается этимъ признанiемъ къ своему исходному пункту, къ состоянiю гражданской войны. На этой почвѣ, дѣйствительно, смертныя казни могутъ быть поставлены на одну доску съ политическими убійствами: но стать на эту точку зрѣнiя—значитъ признать полное банкротство государства.

Чтобы дать почувствовать, насколько дика и нелѣпа подобная постановка, нужно только на минуту вспомнить, до какой степени она безнадежно-одинока во всемъ цивилизованномъ мірѣ. Нельзя сказать, чтобы антигосударственныхъ и антисоціальныхъ тенденцiй нигдѣ не существовало, кромѣ Россiи. Фактъ тотъ, что въ Россiи эти тенденцiи слабѣе, чѣмъ гдѣ-либо, такъ какъ русскій революціонный терроризмъ ничего общаго съ антигосударственными тенденціями не имѣетъ.

И, однако, при большей силѣ антиобщественныхъ тенденцiй на Западѣ, нигдѣ государство не прибѣгаетъ для борьбы съ ними къ тѣмъ средствамъ, которыя употребляются въ Россiи. Смертная казнь существуетъ во многихъ государствахъ, но нигдѣ она не служитъ средствомъ борьбы противъ политическихъ преступленiй; да и нигдѣ не бываетъ такихъ эпидемiй политическихъ убійствъ, какiя отъ времени до времени выражаютъ состоянiе общественной совѣсти въ Россiи.

Въ чемъ причина этой разницы? Да въ томъ, что нигдѣ государство не лечитъ соціальныхъ болѣзней ветеринарными сред-

ствами. Политическое искусство вездѣ давно уже замѣнило стихійный рефлексъ, сразу реагирующій дубовыми ударами въ отвѣтъ на самое легкое раздраженіе. Народное представительство впервые создаетъ болѣе сложную систему передаточныхъ центровъ между раздраженіемъ и государственнымъ рефлексомъ; и этотъ-то переходъ къ высшей соціальной организаціи встрѣчаетъ на первомъ же шагу препятствіе со стороны старой системы библейскаго возмездія.

Итакъ, не вообще государство нуждается въ смертныхъ приговорахъ противъ политическихъ убійствъ, а только русское,—и не государство, а правительство, въ настоящемъ своемъ безпомощномъ положеніи, принуждено возвращаться къ примитивнымъ пріемамъ борьбы, сразу спускаясь этимъ на много ступеней внизъ по лѣстницѣ типовъ соціальной организаціи. Но даже и эта деградація государства не помогаетъ: даже и отчаянное средство разстрѣловъ и висѣлицъ оказывается безсильнымъ возстановить элементарный порядокъ.

Въ этомъ безсиліи заключается грозное предостереженіе. Если нельзя справиться съ эпидеміей покушеній, если эта эпидемія выходитъ изъ границъ случайныхъ индивидуальныхъ попытокъ и пріобрѣтаетъ характеръ какого-то непрерывнаго явленія, то корня этого явленія уже нельзя искать въ злой волѣ отдѣльныхъ лицъ. Надо, очевидно, оздоровить всю атмосферу, въ которой такъ успѣшно культивируется революціонная бацилла,—и только тогда бацилла исчезнетъ сама собой и безъ всякихъ героическихъ лекарствъ. Этотъ путь,—путь оздоровленія общественной атмосферы, путь соціальной гигіены,—предлагаетъ дума въ своей программѣ реформъ, а правительство въ отвѣтъ прибѣгаетъ къ старымъ средствамъ доисторической медицины, не смущаясь даже и тѣмъ недавнимъ опытомъ, который съ очевидностью показалъ, что у власти нѣтъ болѣе средствъ остановить хотя бы самыя острыя проявленія общественнаго недовольства, даже если она при этомъ пользуется самыми крайними средствами.

Такимъ образомъ, вызовъ, брошенный странѣ новыми смертными казнями,—вызовъ, снова приглашающій общество самому начать водвореніе порядка и мира въ странѣ,—этотъ вызовъ еще разъ, и съ ужасающей ясностью, подчеркиваетъ скудость государственной мысли, непригодность старой ржавой машины служить новымъ потребностямъ жизни и безусловную необходимость вступить на путь обновленія Россіи, указанный представителями народа. Одинъ изъ ораторовъ вчера ссылался въ палатѣ на выраженіе Бисмарка,

что штыками можно только завоевывать, но сидѣть на штыкахъ невозможно. Наше министерство все еще хочетъ заставить страну сидѣть на штыкахъ. Бросивъ палатѣ эти восемь смертныхъ приговоровъ, упростивъ свое государственное пониманіе до уровня, на которомъ государство и террористы являются двумя равноправными сторонами, бламированное палатой министерство обнажило передъ всей страной свою отвратительную наготу и этимъ окончательно сдѣлало себя невозможнымъ.

84. Первый мѣсяцъ думской работы *).

27 мая исполнился мѣсяцъ съ тѣхъ поръ, какъ начала свою дѣятельность государственная дума. Газеты вспомнили объ этомъ срокѣ почти исключительно для того, чтобы подвести итоги... разочарованіямъ по поводу результатовъ работы народныхъ представителей. Мѣсяцъ дума уже засѣдаетъ, говорилось въ газетахъ, а старый режимъ насилія и произвола не только не исчезъ, но чуть ли не сильнѣе, чѣмъ прежде, даетъ себя знать смертными казнями, ссылками, арестами, «военными судами» и т. д. Мѣсяцъ прошелъ,— а населеніе еще больше волнуется, чѣмъ прежде; террористическія попытки, хотя и пріостановленныя формальнымъ рѣшеніемъ партіи с.-р., тѣмъ не менѣе повторяются ежедневно; продолжаются грабежи и убійства, началось, и, очевидно, грозитъ усилиться, аграрное движеніе; наконецъ, появилось движеніе въ полкахъ. И что же можетъ всему этому противопоставить дума? Она вноситъ законопроекты, судьба которыхъ неизвѣстна; выражаетъ недовѣріе, на которое не обращаютъ вниманія; составляетъ программу дѣятельности, которую министерство отказывается выполнять; назначаетъ разслѣдованія злоупотребленій, не располагая средствами привлечь къ отвѣту злоупотребителей; дѣлаетъ запросы, на которые отвѣчаютъ канцелярскими отписками; направляетъ къ верховной власти ходатайства, на которыя или нѣтъ отвѣта, или отвѣчаютъ не тѣ, кто имѣетъ право удовлетворить ходатайства... Что же дѣлать? Какъ быть дальше? Какъ выйти изъ этого тупика, въ который съ каждымъ днемъ все дальше заходитъ дума? Какъ разрѣшить противорѣчіе между формальной властью, какою облечены народные представители, и ихъ фактическимъ безсиліемъ? Какъ сдѣлать, чтобы трагическое положеніе, наконецъ, не превратилось въ комическое и великое не сдѣлалось смѣшнымъ? Просить прямо царя, памятуя совѣтъ «XX Вѣка»: «голова

*) „Рѣчь“, № 86, 30 мая.

отъ поклона не отвалится, а дѣлу народа была бы польза»? Или аппелпровать къ народу, по совѣту «большевиковъ»? Уйти и отдать дѣло «въ руки народа»? Или, наоборотъ, объявить себя правительствомъ—и взять дѣло въ собственныя руки? Ждать событій? Или создавать ихъ самимъ?

Не споримъ: положеніе въ высшей степени трудное. Скоро, очень скоро, оно можетъ стать безвыходнымъ. Но мы не считаемъ его безвыходнымъ теперь. Серьезностью положенія объясняется та нервность, почти переходящая въ панику, которая отражается во всѣхъ приведенныхъ сужденіяхъ и планахъ. Но та же серьезность положеяія требуетъ спокойной и вдумчивой оцѣнки тѣхъ данныхъ, на которыя всѣ эти сужденія опираются. И, прежде всего, надо рѣшить, дѣйствительно ли мѣсяцъ прошелъ—и ничего не достигнуто; дѣйствительно ли, несмотря на всѣ усилія думы, не произошло никакой перемѣны въ общемъ политическомъ положеніи?

По нашему мнѣнію, перемѣна есть,—и перемѣна огромная, неразрывно связанная, притомъ, съ фактомъ существованія думы и съ характеромъ ея дѣятельности. Если этой перемѣны не видятъ, то это отчасти потому, что подъ вліяніемъ готовыхъ схемъ ищутъ ея не тамъ, гдѣ надо; отчасти же потому, что смотрятъ на развитіе событій съ высоты птичьяго полета и отъ мѣсяца требуютъ того, что могутъ дать только годы.

Припомнимъ, каково было положеніе непосредственно передъ созывомъ думы. Министерство Витте только что ушло. Почему оно ушло? Теперь это хорошо извѣстно. Витте былъ отпущенъ, потому что послѣ заключенія займа непосредственной нужды въ немъ не было и потому что созванная имъ дума оказалась оппозиціонной. Какъ это ни странно, но тѣмъ не менѣе вѣрно: Витте потерялъ довѣріе потому, что онъ настоялъ на расширеніи избирательнаго права по закону 11 декабря и потому что произведенные по этому закону выборы прошли безъ особеннаго давленія со стороны правительства, «что (т. е. давленіе) во всѣхъ европейскихъ государствахъ практикуется». Думу все-таки собрали, потому что этого требовали заграничные капиталисты и русскіе крестьяне: собрали, потому что растерялись и не успѣли придумать никакого иного плана; потому, наконецъ, что оставалась тѣнь надежды на «сѣренькихъ» въ думѣ, изъ которыхъ Ерогинъ долженъ былъ изготовить «министерскую партію». Что «сѣренькіе» окажутся на дѣлѣ чуть не «сѣрыми», въ смыслѣ ходячаго политическаго жаргона, этого, конечно, никто не предусматривалъ; а на случай ярко-оппозиціонныхъ дѣйствій

интеллигентовъ въ думѣ —можно было, въ случаѣ надобности, принять рѣшительныя мѣры. Такимъ образомъ, если и не было опредѣленнаго враждебнаго плана противъ думы при ея созывѣ, то только потому, что въ психологіи нашихъ сферъ дума, какъ положительный факторъ политической жизни, не занимала никакого мѣста. Какъ смотрѣли тогда на думу, видно отчасти изъ того тона, какимъ пробовали теперь говорить съ думой господа вродѣ Гурко. Къ думѣ относились скорѣе свысока и брезгливо, нежели со страхомъ и съ какими-либо опасеніями. Въ своемъ бѣломъ дворцѣ депутаты и сами на первыхъ порахъ чувствовали себя плебеями, забравшимися въ барскія хоромы. Отъ нихъ убрали загодя, за загородку «основныхъ законовъ», все, что было поцѣннѣе для старыхъ хозяевъ, все, что по своей неловкости они могли бы разбить или сломать,—и оставили новымъ жильцамъ однѣ голыя стѣны.

Если бы за весь мѣсяцъ, который протекъ съ тѣхъ поръ, народные представители, въ самомъ дѣлѣ, ничего не успѣли сдѣлать въ Таврическомъ дворцѣ, и тогда, намъ кажется, простой фактъ присутствія здѣсь, среди Петербурга, законныхъ представителей русскаго народа способенъ былъ бы произвести переворотъ въ понятіяхъ двора и всей страны. Впечатлѣніе чего-то большого, новаго, чего нельзя устранить, съ чѣмъ нельзя покончить физической силой, съ чѣмъ приходится считаться и приспособляться къ нему,—это впечатлѣніе, во всякомъ случаѣ, росло бы и укоренялось въ сердцахъ, по мѣрѣ того, какъ дни засѣданій превращались бы въ недѣли, а недѣли въ мѣсяцы.

Но обѣ власти, старая и новая, не ограничивались тѣмъ, что сидѣли рядомъ и молча наблюдали другъ за другомъ. Обѣ говорили и дѣйствовали, обѣ успѣли неоднократно обмѣняться любезностями, похожими на удары рапиры,—и съ совершенно неодинаковымъ успѣхомъ. Всякій выпадъ старой власти, къ ея собственному величайшему изумленію, открывалъ какое-нибудь незащищенное мѣсто и доказывалъ съ неумолимой наглядностью ея непониманіе элементарныхъ условій боя. И, не сходя съ своего мѣста, юный противникъ спокойно наносилъ старому Голіаѳу самые мѣткіе удары въ самое больное мѣсто. Ни одного ложнаго шага; ни одного невѣрнаго удара. Пренебреженіе къ противнику должно было немедленно уступить мѣсто любопытствующему вниманію, вниманіе смѣнилось страхомъ, страхъ скоро перейдетъ въ уваженіе. И противникъ съ каждымъ ударомъ становился увѣреннѣе въ себѣ; разгорячаясь въ борьбѣ, онъ, однако, сохраняетъ самообладаніе и скоро станетъ искать минуты, когда можно будетъ

перейти въ наступленіе и нанести ослабѣвшему врагу окончательный ударъ. А зрители борьбы? Незнакомые съ условіями поединка, стоящіе въ отдаленіи отъ борцовъ, они все-таки не могутъ вытерпѣть, чтобы не помочь своему бойцу совѣтами и крикомъ. Совѣты приходятъ часто слишкомъ рано или слишкомъ поздно, а бой идетъ своимъ чередомъ—и идетъ успѣшно: и, по мѣрѣ роста увѣренности въ побѣдѣ, смолкаютъ отдѣльные совѣты и громче слышится ободряющій гулъ голосовъ, проникающій въ самое сердце бойца и наполняющій его нечеловѣческой силой.

Мѣсяцъ, уже мѣсяцъ борьбы—и нѣтъ еще побѣды, говорятъ нетерпѣливые зрители. Только одинъ мѣсяцъ, отвѣчаемъ мы,—только мѣсяцъ, и уже такъ много достигнуто! Отъ самоувѣренности и авторитета власти—что осталось послѣ этого перваго мѣсяца? Первый же ударъ, такъ хитро, казалось, расчитанный знатоками этикетныхъ мелочей, только вывелъ ихъ самихъ изъ равновѣсія—и пришелся по пустому мѣсту. Ихъ искусство государственнаго управленія, ихъ дѣловая опытность—въ какомъ свѣтѣ предстала она передъ всѣмъ свѣтомъ въ ихъ отвѣтной программѣ? И глубина ихъ камеральныхъ познаній—какъ скоро обнаружилось въ ней дно при первомъ легкомъ дуновеніи парламентской и газетной критики? И, наконецъ, вотумъ недовѣрія, придавившій министерство всей тяжестью публичнаго осужденія 130 милліоновъ народа! Только мѣсяцъ прошелъ,—и министерство лежитъ поверженное и подняться не можетъ: замѣтьте, министерство, ничего изъ рукъ вонъ преступнаго еще не успѣвшее совершить и отягощенное, главнымъ образомъ, связью со своими и чужими прошлыми преступленіями. Сколько времени нужно было, чтобы дискредитировать и сдѣлать невозможными прежнія министерства? И сколько злодѣяній они успѣвали совершать, пока не сносила ихъ какая-нибудь стихійная сила? И поверженныя, наконецъ, уступали ли они новымъ принципамъ—или только новымъ людямъ?

Конечно, при нынѣшнемъ темпѣ событій достигнутый успѣхъ кажется еще слишкомъ малымъ. Министерство нравственно уничтожено, но еще не ушло. Съ его уходомъ, формальныя условія дѣятельности народнаго представительства не обѣщаютъ измѣниться. Если дума можетъ прогнать министровъ, можетъ фактически завоевать то или другое отступленіе отъ стѣсняющаго ее порядка, то отчего бы ей не пойти напроломъ и не осуществить сразу, собственной волей, тотъ новый порядокъ, котораго она добивается, какъ предварительнаго условія успѣха всей своей дѣятельности?

Думѣ каждый день дают, а послѣднее время пробуютъ и осуществить, эти опасные совѣты. Да, если бы дума была приблизительно тѣмъ, чѣмъ хотѣло ее видѣть съ самаго начала правительство,—она, можетъ быть, и увлеклась бы на этотъ путь. Но такая дума была бы не опасна правительству. Съ такой думой уже теперь балансъ ошибокъ былъ бы не на сторонѣ исполнительной власти. Дума сильна и неуязвима своей моральной силой, а не попытками насильственныхъ актовъ. Правительство стало бояться думы только съ тѣхъ поръ, какъ увидѣло, что увлечь ее на крайности не удастся. Такимъ образомъ, и та кажущаяся медлительность и сдержанность думы, на которую особенно жалуются ея недоброжелатели, въ существѣ дѣла есть сознательный и заранѣе обдуманный аттрибутъ ея тактики. О, какъ хотѣли бы «революціонеры справа», чтобы тактика думы была другая! И какъ они стараются даже теперь приписать эксцессы отдѣльныхъ ораторовъ всей думѣ, изъ бурныхъ эпизодовъ составить общую картину и всѣми неправдами подготовить матеріалы для своего обвинительнаго акта!

Напрасныя и тщетныя усилія. Тактика думскаго большинства давно уже понята и по достоинству оцѣнена всѣми политически зрѣлыми странами. Не такъ давно еще консервативные органы правительствъ, дружественныхъ русскому правительству, заранѣе злорадствовали по поводу «демагогіи» думы. Теперь всѣ безъ исключенія поражены отсутствіемъ плана у власти, стройностью плана у думы, и всѣ настоятельно требуютъ, вслѣдъ за думой, отставки дискредитированнаго передъ страной и абсолютно лишеннаго всякихъ государственныхъ талантовъ министерства. Сколько вѣситъ это требованіе заграницы на русскихъ вѣсахъ, мы поймемъ, если вспомнимъ, что двѣ трети послѣдняго займа еще не размѣщены и что для русскаго кредита заграницей «благопріятная минута упущена». Когда «Temps» заграницей и «Новое Время» въ Петербургѣ требуютъ «кадетскаго» министерства,—всякій понимаетъ, что это значитъ.

Все, что мы приводили здѣсь, какъ доказательство огромнаго успѣха дѣятельности думы за единственный мѣсяцъ ея существованія,—все это невѣсомыя величины. Онѣ ясны только для тѣхъ, кто привыкъ наблюдать въ деталяхъ текущія политическія событія и умѣетъ учитывать симптомы грядущихъ государственныхъ перемѣнъ. Большой кругъ зрителей оцѣниваетъ эти успѣхи только тогда, когда они приводятъ къ совершенно осязательнымъ результатамъ. Если насилія и произволъ власти продолжаются, если власть отказывается дать амнистію и отмѣнить смертныя казни,—значитъ ничего не одѣ-

лано. И хорошо еще, если бы удовлетворились этимъ выводомъ. Но изъ него дѣлаютъ дальнѣйшій: слѣдовательно, ничего и нельзя будетъ сдѣлать; слѣдовательно, дума безполезна, отъ законной борьбы въ ней надо отказаться и искать снова героическихъ средствъ.

Выводъ этотъ подкрѣпляютъ соображеніями, противъ которыхъ формально нечего возразить. Если предположить, что никакихъ перемѣнъ въ условіяхъ дѣятельности думы не можетъ произойти по мѣрѣ широкаго развитія самой этой дѣятельности,—то всю дѣятельность думы, несомнѣнно, надо признать висящей въ воздухѣ. Всѣ законопроекты думы обречены на полное или частичное крушеніе въ государственномъ совѣтѣ; всѣ, даже проведенные черезъ обѣ инстанціи, законы обречены на бездѣйствіе при старомъ составѣ администраціи; наилучшіе основные принципы будутъ парализованы дѣйствіемъ исключительныхъ законовъ, освобождающихъ отъ подчиненія этимъ принципамъ, и т. д. Если такъ, то о чемъ же хлопотать? Не лучше ли сейчасъ сложить оружіе и искать другого? Не ясно ли, что если у думы нѣтъ силы, то эту силу надо найти въ другомъ мѣстѣ: въ союзѣ съ революціей или съ правительствомъ? «Слово» предсказываетъ, что «кадетамъ, волей-неволей, придется въ самомъ ближайшемъ будущемъ вступить въ соглашеніе съ крайней лѣвой и опредѣленно заявить о своихъ надеждахъ на революціонное движеніе, или пойти на такія уступки, пожалуй, сдѣлки съ правительствомъ, которыя лишатъ партію всякаго авторитета въ глазахъ большинства и низведутъ на степень явной или скрытой прислужницы бюрократіи».

Дѣло, однако, не такъ плохо, какъ это рисуется нашимъ критикамъ. Если бы положеніе было таково, какъ имъ кажется, то предсказываемые ими результаты обнаружились бы уже теперь. Вмѣсто того мы видимъ какъ разъ обратное. «Кадеты» диференцируются отъ «крайней лѣвой» и въ то же время импонируютъ правительству. Ихъ сила растетъ по мѣрѣ того, какъ выясняется ихъ независимая политическая роль. Конечно, сила эта исключительно въ ихъ моральномъ авторитетѣ и въ той идеѣ организованной борьбы парламентскими средствами, которую они осуществляютъ. Силу эту трудно измѣрить и взвѣсить; трудно вычислить ее и количествомъ сторонниковъ партіи въ странѣ, потому что сторонники этого рода далеко не всегда записываются въ ряды активныхъ борцовъ. Но они даютъ партіи огромную силу инерціи; и разъ сообщивъ своей массѣ извѣстное движеніе, партія можетъ быть увѣрена, что остановить это движеніе нелегко. Среда, въ которой распространяются идеи и при-

вычки мирной парламентской борьбы, не принадлежитъ къ числу теплопроводимыхъ. Внутренній жаръ накопляется въ этой средѣ медленно,—но такъ же медленно и расходуется. И вотъ отъ этой-то невѣсомой величины и зависитъ тотъ несомнѣнный фактъ, что авторитетъ партіи, а вмѣстѣ съ ней и народнаго представительства, crescit cundo—растетъ въ самомъ процессѣ дѣятельности.

При такомъ условіи унывать и отчаиваться, что, начавъ свою работу при данныхъ условіяхъ, думское большинство при тѣхъ же условіяхъ ее и кончитъ,—по меньшей мѣрѣ, преждевременно. Партія начала свою работу въ широкомъ масштабѣ, расчитанномъ на попутное созданіе другихъ внѣшнихъ условій. И эти условія придутъ, по мѣрѣ того, какъ будетъ осуществляться работа думскаго большинства. Нѣтъ большей силы, какъ сила совершившихся фактовъ; а въ тактикѣ думскаго большинства каждый совершившійся фактъ открываетъ дорогу послѣдующему. Это, можетъ быть, не логика теорій, а логика жизни: для насъ она тѣмъ болѣе убѣдительна и тѣмъ смѣлѣе мы воздвигаемъ на ней свои постройки. Мы знаемъ, что только тотъ, кто ей служитъ, можетъ надѣяться ею управлять. Мы знаемъ, гдѣ лежитъ общее теченіе жизни, и смѣло направляемъ нашъ руль въ ея главный фарватеръ. То, что мы уже сдѣлали, двигаясь этимъ путемъ, ручается намъ за успѣхъ того, что намъ еще остается сдѣлать. Въ этомъ знаніи, въ этой увѣренности лежитъ секретъ нашего успѣха. Мы не надѣемся сдѣлать этотъ секретъ понятнымъ тѣмъ, кто насъ критикуетъ съ высоты абстрактной теоріи или съ точки зрѣнія своихъ собственныхъ, болѣе или менѣе искусственныхъ, построеній русскаго будущаго. Отвѣтомъ на этого рода критику служатъ и будутъ служить достигнутые нашими усиліями положительные результаты.

85. Еще о тактикѣ думы *).

(Отвѣтъ г. Жилкину).

«Наша Жизнь» посвятила двѣ большія статьи разбору моего фельетона о «первомъ мѣсяцѣ думской работы» **). Одна изъ нихъ подписана инпціалами В. Г., другая принадлежитъ одному изъ ли-

*) „Рѣчь“, № 90, 3 іюня.

**) Статью г. Чернова, въ „Голосѣ“ я прочелъ, когда эта статья была уже написана.

деровъ трудовой группы, г. И. Жилкину. Основная мысль и основное возраженіе мнѣ обѣихъ статей заключается въ томъ, что я возлагалъ надежды на тактику думскаго большинства, тогда какъ надо возлагать ихъ на «довѣріе страны» къ думѣ, по словамъ г. В. Г., и на «организацію народныхъ массъ», по мнѣнію г. Жилкина. Менѣе всего я могъ ждать такихъ возраженій, и самая возможность ихъ показываетъ, что дѣйствительная основная мысль моей статьи осталась непонятой. Само собой разумѣется, что и по моему мнѣнію «довѣріе» и «поддержка» страны есть необходимое условіе успѣха думской тактики и органъ, въ которомъ я работаю, не переставалъ призывать къ организаціи этой поддержки. Только въ расчетѣ на такую поддержку дума и могла начать свою работу въ такихъ широкихъ размѣрахъ, какъ начала; только съ такой поддержкой дума можетъ устранять препятствія, которыя ей предстоятъ, и довести свою работу до успѣшнаго конца. Это прямо сказано въ моемъ фельетонѣ, и на этомъ основанъ весь тактическій расчетъ. Такимъ образомъ, если г. Жилкинъ кончаетъ свою статью указаніемъ, что «безъ народной силы дума—ничто, съ народной силой она—всемогуща»,—то онъ не возражаетъ мнѣ, а только повторяетъ мою мысль.

Центръ возраженія не здѣсь, а въ другомъ мѣстѣ,—и въ этомъ другомъ мы съ г. Жилкинымъ, несомнѣнно, расходимся. Спорный вопросъ между нами не тотъ, нужна или не нужна поддержка и организація силъ въ странѣ, а тотъ, какова должна быть, расчитанная на эту поддержку, тактика думы. Это не весь политическій вопросъ, подлежащій рѣшенію, такъ какъ мои оппоненты правы, утверждая, что дума можетъ быть сметена боковыми движеніями или приведена къ бездѣйствію,—и тогда движеніе пойдетъ мимо думы. Но и мои оппоненты изъ «Нашей Жизни» не утверждаютъ, что дума должна быть сметена, что такъ будетъ лучше и что, слѣдовательно, къ этому результату надо стремиться. Этотъ тезисъ тоже выставляется,—но это не ихъ тезисъ и, слѣдовательно, съ нимъ я не буду полемизировать. Мы съ ними одинаково думаемъ, что дума нужна и представляетъ очень важный факторъ въ текущей политической борьбѣ. Съ г. В. Г. мы можетъ быть сошлись бы даже въ томъ, что дума есть нѣкоторая самостоятельная политическая сила, но г. Жилкинъ скорѣе склоненъ разсматривать думу, какъ простое орудіе въ рукахъ организованныхъ силъ страны. Естественно, что центръ тяжести вопроса представляется намъ различно: для г. Жилкина это—«поспѣшная, энергичная органи-

зація народныхъ массъ», для меня—это, все-таки, основанная на народной поддержкѣ тактика думы.

Изъ этой разницы взгляда на очередную точку приложенія активной борьбы вытекаютъ главныя недоразумѣнія г. Жилкина въ его критикѣ моего фельетона. Когда я говорю о «невѣсомыхъ» результатахъ думской дѣятельности, я, прежде всего, разумѣю «сочувствіе» и моральную «поддержку» того огромнаго большинства населенія, которое обыкновенно въ активной борьбѣ прямого участія не принимаетъ. Когда я говорю о «главномъ руслѣ» и объ «общемъ теченіи» жизни, я имѣю въ виду, прежде всего, интересы и потребности именно этой главной массы населенія, заинтересованной не столько въ процессѣ политическаго броженія, сколько въ его осязательныхъ результатахъ. И когда я говорю, что сюда, въ этотъ «главный фарватеръ», надо направить государственный корабль, и что въ этомъ заключается «секретъ успѣха», я не думаю утверждать, что владѣю какимъ-нибудь «волшебнымъ» средствомъ, доступнымъ только думскому большинству. Я не писалъ бы своего фельетона и, вообще, не работалъ бы въ газетѣ, если бы, дѣйствительно, не хотѣлъ «скорѣе сообщить свой секретъ во всѣ концы русской земли, чтобы развертывающееся стихійное движеніе не вышло пагубно безпорядочнымъ, дезорганизованымъ, разрушительнымъ...» Г. Жилкинъ, повидимому, считаетъ, что мои и моихъ друзей старанія въ этомъ направленіи приходятъ поздно и останутся безплодными. «Много ли въ Россіи людей,—спрашиваетъ онъ,—вѣрящихъ въ мирный исходъ парламентской работы? Нужно быть романтикомъ, мечтателемъ, идеалистомъ, чтобы погрузиться съ головой въ такія розовыя мечты». Я долженъ признать, что такихъ людей, дѣйствительно, въ Россіи меньше, чѣмъ мнѣ хотѣлось бы; но я увѣренъ, что теперь ихъ больше, чѣмъ было въ декабрѣ 1905 года, и я надѣюсь, что ихъ будетъ еще больше послѣ всякой новой попытки повторить декабрьскія событія. Я думаю, кромѣ того, что и г. Жилкинъ не обладаетъ «волшебнымъ секретомъ» предотвратить «пагубно-безпорядочный» характеръ «развертывающагося движенія», въ случаѣ если бы парламентскій путь оказался безсильнымъ, и что поэтому между критикуемой имъ тактикой и «стихійнымъ пожаромъ революціи» трудно отыскать что-нибудь среднее. Именно поэтому я и полагалъ, что положеніе «скоро, очень скоро можетъ быть безвыходнымъ». Я разумѣлъ именно тотъ случай, когда соединенныя усилія г. Горемыкина и нашихъ «друзей слѣва» сдѣлаютъ мирный парламентскій походъ невозмож-

нымъ. Г. Жилкинъ ищетъ противорѣчія между моимъ указаніемъ на «безвыходность положенія и утвержденіемъ, что мнѣ и моимъ друзьямъ извѣстенъ «секретъ успѣха». Онъ полагаетъ, что «обыкновенный умъ безвыходное положеніе наивно будетъ считать безвыходнымъ и руль корабля безпомощно повиснетъ въ его рукахъ». Я долженъ признаться, что, слушая нѣкоторыя рѣчи въ думѣ и оспаривая шагъ за шагомъ тактику трудовой группы, я минутами бываю близокъ къ тому психологическому состоянію, которое такъ картинно описано въ приведенныхъ словахъ. Но когда здравый смыслъ трудовой группы возвращается къ ней въ ея голосованіяхъ, возвращается и ко мнѣ сознаніе, что политическое искусство все-таки кое-что можетъ сдѣлать и что, во всякомъ случаѣ, извѣстный намъ «секретъ» «главнаго теченія жизни» выручитъ страну автоматически изъ «безвыходнаго» положенія, даже если все наше искусство окажется безсильнымъ въ борьбѣ съ политической страстью и фанатическимъ доктринерствомъ. Мы и г. Жилкинъ можемъ быть разбиты и сметены, но «теченіе жизни» вступитъ въ свои права и въ конечномъ итогѣ, путемъ новыхъ тяжелыхъ жертвъ, приведетъ къ тому самому, къ чему мы стремимся привести страну, прямо практикуя, по мѣрѣ силъ и умѣнья, ту дозу политическаго искусства, какой мы обладаемъ.

Г. Жилкинъ полагаетъ, что мы слишкомъ преувеличиваемъ свои силы и слишкомъ хвалимся своимъ умѣньемъ. Я очень жалѣю, если статья моя произвела такое впечатлѣніе. Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ, я слишкомъ «увлекся» своей темой, которая состояла въ томъ, чтобы показать совершенно объективные и наглядные результаты той тактики, на которую мы возлагаемъ такъ много надеждъ и которую такъ усиленно дискретируютъ справа и слѣва. Во всякомъ случаѣ, всемогущей мы эту тактику отнюдь не считаемъ, и г. В. Г. правъ въ своемъ предположеніи, что «при другихъ обстоятельствахъ» и наша тактика была бы совершенно иная. И при настоящихъ обстоятельствахъ, какъ я уже сказалъ въ началѣ этого отвѣта, мы вовсе не хотимъ, чтобы дума «расчитывала только на себя», и считаемъ необходимымъ приложить всѣ усплія, чтобы мобилизовать и организовать всѣ общественныя силы страны. Но мы хотимъ организовать ихъ около и для парламентской борьбы и считаемъ, что эта «невѣсомая» сила придаетъ народному представительству власть и силу сдѣлать все нужное для даннаго момента. Организовать же революцію въ странѣ мы считаемъ невозможнымъ и всѣ попытки въ этомъ направленіи крайне опасными для дости-

женія тѣхъ результатовъ, къ которымъ мы всѣ одинаково стремимся. Пусть на современномъ революціонномъ жаргонѣ наша цѣль называется стремленіемъ къ политической побѣдѣ «буржуазіи»; пусть самоограниченіе ближайшими задачами называется классическимъ «предательствомъ» буржуазіи; пусть борьба противъ революціоннаго бланкизма и «активныхъ выступленій» называется организаціей «контръ-революціи» и т. д. Мы сами очень хорошо знаемъ, что «буржуазія»—это 90% населенія Россіи; что «измѣна» и «предательство» есть терминологія утопистовъ, не признающихъ законовъ исторіи; что «активныя выступленія» демонстрируютъ не силу, а безсиліе; что истинная контръ-революція создается именно «активными выступленіями» и предупреждается всѣмъ, что ихъ предупреждаетъ. Но не будемъ спорить; примемъ политическій жаргонъ нашихъ противниковъ и напомнимъ имъ, что политическая побѣда буржуазіи, по ихъ собственному ученію, есть все, чего можно добиться въ настоящій моментъ. Г. Жилкинъ полагаетъ, что, говоря о нашей «дифференціаціи» отъ крайнихъ лѣвыхъ партій, мы измѣняемъ своему прошлому и что «раньше» мы говорили «другія рѣчи». Мы говорили, что «пока главный врагъ народа не поверженъ въ прахъ и не раздавленъ, нужно всѣмъ оппозиціоннымъ силамъ сплачиваться, объединяться въ одну общую грозную, несокрушимую силу». Ну да, мы не только это говорили «раньше», но говоримъ и теперь, и будемъ повторять впередъ. Значитъ ли это, что мы призываемъ къ объединенію на почвѣ той тактики, которая забываетъ о «главномъ врагѣ» или, еще больше, главнымъ врагомъ считаетъ насъ самихъ? Мы слышали эти утвержденія изъ рядовъ трудовой группы еще недавно; сами мы никогда себя не считали врагами «пролетаріата». Мы враги—только его книжной теоріи. Когда мы говоримъ о нашей «дифференціаціи», мы прежде всего говоримъ о дифференціаціи нашей тактики, которая какъ разъ основана на понятіи о «главномъ врагѣ» и главной очередной задачи момента. На почвѣ этой тактики мы и призывали, и призываемъ къ объединенію. Г. Жилкинъ ядовито иронизируетъ надъ нашей «пріятной надеждой на уваженіе» «треповской и горемыкинской компаніи», надъ тѣмъ, что въ этой «надеждѣ на близкое уваженіе» мы «возводимъ очи кверху». Едва ли мы заслужили эти инсинуаціи и этотъ тонъ. Онъ былъ бы болѣе умѣстенъ въ газетахъ иного типа, въ которыхъ насъ заблаговременно начали обвинять въ разгорѣвшихся аппетитахъ къ власти и въ погонѣ за министерскими портфелями. Въ положеніи, близкомъ къ безвыходному, едва

ли кому либо, не исключая и г. Жилкина, улыбалась бы «пріятная надежда» на министерскіе портфели. Еще въ январѣ этого года мнѣ приходилось говорить, что для всякой большой политической партіи пребываніе у власти есть тяжелое политическое испытаніе. Тѣмъ болѣе это вѣрно для партіи, какъ наша, и для момента, какъ настоящій. Какъ бы то ни было, нельзя одновременно требовать отставки министерства, настаивать на министерствѣ, пользующемся довѣріемъ думы, и заранѣе подозрѣвать личныя побужденія людей, которыхъ хотятъ видѣть облеченными довѣріемъ. Съ такой политикой положеніе дѣйствительно и окончательно становится безвыходнымъ; ибо это есть политика стихійной революціи, находящей свой исходъ въ военной диктатурѣ.

86. Обостреніе конфликта *).

За нѣсколько послѣднихъ дней политическое положеніе чрезвычайно ухудшилось, и отношенія между министерствомъ и думой стали крайне напряженными. Биржа отмѣтила уже ухудшеніе новымъ паденіемъ ренты и бумагъ, а на заграничныхъ биржахъ замѣчается настоящая паника. Что же произошло за эти дни новаго и необыкновеннаго?

Надо сказать, что даже если бы ничего не случилось, одно то уже, что положеніе осталось безъ перемѣны, равнялось бы ухудшенію положенія. Каждый день промедленія и нерѣшительности, каждая потеря темпа исполинскими шагами приближаетъ страну къ катастрофѣ. Но это было не простое промедленіе. Министерство почему то почувствовало себя сильнымъ и перешло въ наступленіе Дума, не выходя изъ предѣловъ прежней своей сдержанности, не оставила, однако, безъ достойнаго отвѣта ни одного боевого выпада министерства.

Въ послѣдніе два дня думой сдѣлано нѣсколько шаговъ самыхъ рѣшительныхъ за все время ея существованія. На попытки привлечь члена думы къ суду за преступленіе печати дума отвѣчала отказомъ въ его исключеніи и внесеніемъ проекта о неприкосновенности депутатовъ. На формальный отвѣтъ военнаго прокурора о смертной казни дума отвѣтила обличеніемъ его несостоятельности и выраженіемъ негодованія. На возобновленіе еврейскихъ погро-

*) „Рѣчь“, № 90, 3 іюня.

мовъ (въ Бѣлостокѣ) дума отозвалась порученіемъ, даннымъ думской комиссіи по преступленіямъ должностныхъ лицъ,—разслѣдовать положеніе дѣлъ на мѣстѣ. Наконецъ, на новую отписку г. Горемыкина по поводу черносотенныхъ телеграммъ «Правительственнаго Вѣстника», дума реагировала превращеніемъ простого вопроса о разъясненіяхъ въ запросъ по поводу незакономѣрности правительственныхъ дѣйствій. «Конституція» не нарушена, но для достойнаго отвѣта на провокаціонные акты министерства думѣ пришлось пойти до крайнихъ предѣловъ правъ, находящихся въ ея распоряженіи по буквѣ закона.

Министерство, повидимому, не остановится и передъ этими первыми предостереженіями. Оно пытается черезъ посредство иностранныхъ газетъ убѣдить Европу, что дума—учрежденіе революціонное, въ то же время какъ губернаторы стараются убѣдить въ томъ же Россію. Это развязываетъ руки. Въ кулуарахъ палаты оживленно обсуждаются слухи о возможной отсрочкѣ засѣданій палаты, и различныя политическія группы уже принялись за обсужденіе будущей своей тактики на случай, если кажущіеся невѣроятными слухи оправдаются. Революціонная мѣра министерства въ свою очередь можетъ развязать руки думѣ. И когда мы подумаемъ, въ какомъ напряженномъ состояніи находится крестьянство, армія, вся страна,—ужасъ беретъ при мысли о тѣхъ послѣдствіяхъ, которыми грозитъ отсрочка засѣданій думы.

Для нашихъ правителей этихъ опасеній и трудностей, повидимому, не существуетъ. Единая спасающая теорія «твердой власти» и на этотъ разъ является для нихъ суррогатомъ государственной мудрости. Что имъ настроеніе крестьянства, когда у нихъ есть свое собственное крестьянство, ежедневно выводимое на страницахъ правительственнаго органа съ одними и тѣми же выкрикиваніями и угрозами, въ которыхъ, однако, глава кабинета упорно не хочетъ усмотрѣть оскорбленія думы. Что имъ и армія: развѣ нѣтъ у нихъ своей арміи, офицеровъ Безладновыхъ, по первому знаку готовыхъ «вѣшать» и «рѣзать», нѣтъ общества «обновленія» и гвардейской молодежи, только и дожидающейся перваго приказанія «разрубить безнадежно запутанный политическій гордіевъ узелъ»? Засѣданіямъ думы въ столицѣ они противопоставятъ свои банкеты въ Версалѣ.

Ну, и что же дальше? Что дѣлать на другой день послѣ государственнаго удара? Плохія правительства, такъ же какъ плохіе шахматные игроки, тѣмъ и отличаются отъ хорошихъ, что могутъ

расчитать свои ходы какъ разъ до того шага, послѣ котораго слѣдующимъ ихъ игра бываетъ бита.

87. Подготовка государственнаго переворота *).

Сегодня мы не можемъ говорить ни о чемъ другомъ кромѣ, того вопроса, который теперь волнуетъ столицу, а черезъ нѣсколько дней будетъ волновать всю Россію. Съ каждымъ днемъ становится яснѣе, что дальнѣйшее пребываніе у власти министерства Горемыкина можетъ грозить самому существованію государственной думы. Министерство ведетъ формальный походъ противъ народныхъ представителей. По свѣдѣніямъ хроникера «Нашей Жизни», въ засѣданіи совѣта министровъ 2 іюня многіе присутствовавшіе сравнивали государственную думу съ совѣтомъ рабочихъ депутатовъ и, забывая, что именно его арестъ провоцировалъ декабрьскія волненія, предлагали предупредить революціонный взрывъ, теперь грозящій принять болѣе широкіе размѣры, распущеніемъ думы. Невозможно считать всѣ эти сообщенія выдумкой хроникера, потому что все существенное содержаніе ихъ подтверждается въ interview съ однимъ изъ членовъ министерства, г. Шванебахомъ напечатанномъ на-дняхъ въ Times и въ Matin. «Дума вовсе не парламентъ»,—доказывалъ этотъ министръ корреспонденту: «дума—просто революціонное сборище, вродѣ совѣта рабочихъ депутатовъ или союза союзовъ. Она доказала свое революціонное происхожденіе и свои революціонныя цѣли, отказавшись вотировать порицаніе политическимъ убійствамъ, внеся свой аграрный проектъ и требуя полной амнистіи и отмѣны смертной казни. Она дискредитируетъ себя, натворитъ много бѣдъ и кончитъ безславной смертью, не позднѣе, чѣмъ черезъ шесть мѣсяцевъ».

Такъ члены министерства Горемыкина «заботятся объ огражденіи достоинства высшихъ государственныхъ учрежденій». Но этого мало. Зачѣмъ дожидаться «безславнаго конца» и ждать цѣлыхъ шести мѣсяцевъ, пока дума «натворитъ бѣдъ»? Не лучше ли покончить съ ней немедленно? «Вы боитесь, что начнется революція или аграрное движеніе? Я въ это не вѣрю. Всѣ свѣдѣнія объ этомъ страшно преувеличены»,—сообщаетъ министръ корреспонденту. «Тѣ же опасенія были, когда рѣшено было принять рѣшительныя мѣры противъ совѣта рабочихъ депутатовъ, и какъ, оказалось,

*) „Рѣчь“, № 92, 6-го іюня.

эти опасѐнія не оправдались»,—заявляетъ на засѣданіи 2 іюня другой членъ кабинета, г. Коковцевъ.

Если читателя поразитъ эта дерзость невѣжества и это убожество политическаго пониманія, то только потому, что мы все еще чего-то ждемъ отъ нашихъ министровъ и при всемъ отрицательномъ отношеніи къ старому порядку до сихъ поръ не можемъ повѣрить, до какой степени по-домашнему эти господа привыкли управлять государствомъ. Намъ страшно взглянуть прямо въ глаза вещамъ; жутко подумать, кому ввѣрены судьбы Россіи въ этотъ рѣшительный моментъ ея исторической жизни. Чтобы погубить страну, этимъ людямъ даже не нужно совершать злодѣйствъ; имъ просто нужно думать такъ, какъ они думаютъ, и быть тѣмъ, что они есть.

Отъ одного изъ иностранныхъ наблюдателей Россіи мы слышали на-дняхъ, что за три года жизни въ Россіи онъ составилъ себѣ практическое правило: когда хочешь знать, что сдѣлаетъ правительство, надо придумать не что-нибудь самое умное, а, наоборотъ, что-нибудь самое нелѣпое: это именно и будетъ сдѣлано. Что можетъ быть самаго нелѣпаго въ настоящій моментъ? Это, конечно, распущеніе думы, когда вся страна жадно слѣдитъ за ея работой, когда избиратели запретили своимъ избранникамъ возвращаться домой съ пустыми руками и когда сами депутаты дали клятвенное обѣщаніе «умереть, но не уходить»! Въ глазахъ министровъ это будетъ только «маленькое кровопусканіе», и затѣмъ все обойдется благополучно! «Революціонная буря, рано или поздно, все равно разразится; а основы народной жизни не затронуты», разсуждаетъ министръ съ иностраннымъ корреспондентомъ.

Такъ зрѣетъ, не по днямъ, а по часамъ, въ умахъ нашихъ «государственныхъ» людей, идея государственнаго переворота. Никто изъ насъ не можетъ быть увѣренъ, пока они остаются на своихъ мѣстахъ, что, проснувшись завтра или послѣ завтра, мы не прочтемъ въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» какихъ-нибудь декретовъ, изданныхъ отнюдь не въ порядкѣ 17 октября. Когда вы живете въ одной комнатѣ съ человѣкомъ, «соскочившимъ съ рельсовъ», какъ деликатно выражаются американцы, или когда вы поручаете управленіе локомотивомъ дворникамъ, умѣющимъ только мести улицы, вы всегда должны ожидать, что вы или не проснетесь вовсе, или проснетесь гдѣ-нибудь въ канавѣ, со сломанными ногами.

Но, пока у насъ ноги цѣлы и пока мы еще живы, время не потеряно и надо принимать мѣры. Прежде чѣмъ народнымъ пред-

ставителямъ придется импровизировать свое прощальное засѣданіе въ Таврическомъ дворцѣ или въ какомъ-нибудь другомъ мѣстѣ, Россія должна сказать,—и сказать громко,—что она думаетъ о готовящемся государственномъ переворотѣ. Мы призывали населеніе къ поддержкѣ думы въ ея дѣятельности; теперь мы зовемъ къ поддержкѣ думы въ ея существованіи. Мы не зовемъ къ «активному выступленію», но предварительный смотръ силамъ долженъ быть произведенъ немедленно, путемъ объединенія на этомъ общемъ лозунгѣ, общемъ для всѣхъ партій: пусть уйдетъ министерство; дума не должна быть распущена.

Всего вѣроятнѣе, правительство употребитъ мягкую и легальную форму—отсрочки засѣданій думы на лѣтнія каникулы, съ назначеніемъ срока для возобновленія засѣданій. Формально этотъ актъ будетъ совершенно легальнымъ, не выходящимъ за предѣлы права верховной власти. Это, однако, не можетъ ничего измѣнить во мнѣніи страны о роспускѣ думы. Пусть депутаты останутся депутатами: слишкомъ очевидна цѣль ихъ распущенія въ самомъ разгарѣ ихъ законодательной работы и вопреки рѣшительно выраженному ихъ желанію, чтобы страна не могла считаться съ тонкостями «конституціи», созданной безъ ея участія. Страна знаетъ только, зачѣмъ она послала своихъ депутатовъ въ думу; при благосклонномъ содѣйствіи министерства, страна начинаетъ теперь понимать, кто имъ мѣшаетъ дѣлать то дѣло, для котораго она ихъ послала, и если помѣха эта выразится въ полной пріостановкѣ работы, страна поднимется, какъ одинъ человѣкъ, чтобы показать гг. министрамъ, что законно созванное народное представительство не есть совѣтъ рабочихъ депутатовъ, и что его работа не есть революціонная фраза или партійное увлеченіе, а есть то самое важное, самое нужное дѣло, безъ котораго вся земля не можетъ больше жить и дышать.

Когда эта статья была уже набрана, мы прочли официальное опроверженіе г. Горемыкина. Для читателя, познакомившагося изъ предыдущей статьи съ откровеніями гг. министровъ, ясно что если кто-нибудь распускалъ «злонамѣренные» слухи о роспускѣ палаты, то это дѣлали сами гг. члены министерства. Мы не сомнѣвались, что въ высшихъ сферахъ все время существовали и другія теченія, но какъ разъ въ послѣдніе дни точка зрѣнія министерства начинала брать верхъ. Почему же теперь данъ знакъ къ отступленію по всей линіи? Мы не думаемъ, что дѣло объясняется внезапнымъ прозрѣніемъ гг. министровъ или вдругъ пріобрѣтенной ими

государственной мудростью. Очевидно, отбой не можетъ объясняться и перемѣной ихъ мнѣнія о силѣ революціоннаго движенія. Самое вѣроятное объясненіе—то, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ давленіемъ финансовыхъ сферъ, которыя теперь очень пессимистически настроены и дешевле 9 проц. денегъ правительству давать не хотятъ; а, можетъ быть,—съ болѣе точными свѣдѣніями, полученными правительствомъ о состояніи арміи. Завтра мы вернемся къ этому вопросу.

88. Дума въ народномъ сознаніи *).

«Преднамѣренные слухи» о роспускѣ думы офиціально опровергнуты, но правительственное опроверженіе очень осторожно держится лишь въ предѣлахъ текущей минуты. Мы узнаемъ изъ него, собственно, лишь то, что пока рѣшено думу не распускать. Опасность, такимъ образомъ, только отсрочена, а не устранена вовсе. То внѣшнее воздѣйствіе, та force majeure, которая подѣйствовала на правительство вчера или третьяго дня, заставивъ его отсрочить осуществленіе своихъ убійственныхъ плановъ,—завтра или послѣзавтра можетъ ослабѣть, и безумная попытка можетъ быть все-таки сдѣлана. Мы имѣемъ всѣ основанія думать, что министерство было вынуждено отступиться отъ своего плана, но вынуждено совсѣмъ не тѣми соображеніями, которыя кажутся убѣдительными для насъ. Тѣ «невѣсомыя» побѣды думы, которыя намъ кажутся рѣшающими, едва ли нашли уже теперь достаточную оцѣнку у правительства. И если бы даже эти побѣды были оцѣнены по достоинству, еще вопросъ, не предпочло ли бы министерство самыя отчаянныя мѣры дальнѣйшему укрѣпленію русскаго конституціоннаго опыта.

Этотъ «невѣсомый» результатъ дѣятельности — и даже самаго существованія государственной думы—мы продолжаемъ видѣть въ той сложной и трудной умственной работѣ, которая совершается въ умахъ всего населенія, благодаря появленію новаго фактора государственной жизни. Мало-по-малу отголоски крестьянскихъ разсужденій съ мѣстъ вскрываютъ передъ нами интереснѣйшій и поучительный процессъ работы народной мысли надъ невиданными и неслыханными для народа политическими явленіями. Мы говоримъ здѣсь даже не о тѣхъ многочисленныхъ резолюціяхъ, постановле-

*) „Рѣчь“, № 94, 8-го іюня.

ніяхъ и приговорахъ, которыя въ изобиліи получаются депутатами думы. Эти резолюціи отчасти повторяютъ тѣ желанія, давно назрѣвшія, съ которыми народные представители были посланы въ думу, отчасти же откликаются на общіе лозунги политической борьбы или на тѣ очередныя требованія, которыя были формулированы думой и правительствомъ отвергнуты. Но и внѣ болѣе или менѣе установившихся рамокъ этихъ резолюцій, населеніе напряженно думаетъ, усиленно ломаетъ себѣ голову надъ газетнымъ листомъ,—и вѣками нажитая политическая философія какъ-то необычайно быстро сдвигается съ основъ, и подвергаются самому коренному пересмотру самыя основныя аксіомы народнаго міровоззрѣнія.

Царь, какъ символъ единаго государства и высшей политической правды и справедливости; чиновники, скрывающіе отъ народа эту царскую правду—и скрывающіе отъ царя правду о народѣ; наконецъ, народъ, вѣками стремящійся проломить это «средостѣніе», дойти до самаго источника власти—таковы чуть ли не съ XVI столѣтія основныя политическія идеи крестьянской массы. Несомнѣнно, участвуя въ выборахъ въ государственную думу очень большое количество избирателей держалось тѣхъ же старинныхъ понятій и до сихъ поръ еще видитъ въ своемъ депутатѣ—прежняго ходока, который пойдетъ къ самому царю и прямо отъ него принесетъ домой все, что нужно народу. Это укоренившееся убѣжденіе, превратившееся въ инстинктъ, безсознательно раздѣляютъ—или имъ сознательно пользуются—всѣ тѣ, кто настойчиво рекомендуетъ думѣ выйти изъ своего труднаго положенія путемъ прямого обращенія къ царю.

Эти-то простодушныя представленія старины начинаютъ теперь осложняться и измѣняться, подъ вліяніемъ разительныхъ для народнаго воображенія новыхъ явленій. Царь созвалъ думу; дума сказала царю, что надо народу и вдругъ царскіе чиновники отвѣчаютъ: это неисполнимо, этого вамъ не дадутъ. Первая мысль: значитъ надо либо сложить руки, либо добиваться самимъ, своими силами, желаемаго. Такъ дѣлали во всѣ прежнія времена народные ходаки, не дойдя до царя или получивъ отказъ. Но теперь жизнь даетъ новый неслыханный фактъ. Дума, вся дума сказала чиновникамъ, что она имъ не вѣритъ и чтобы они уходили. Требованіе логичное; но чиновники не уходятъ. Тутъ начинается самостоятельное творчество народной мысли, идущее, главнымъ образомъ, въ двухъ направленіяхъ. Во-первыхъ, народъ рѣшаетъ, кто правѣе. Во-вторыхъ, онъ взвѣшиваетъ, кто сильнѣе. На вопросъ о правотѣ—отвѣтъ ясный. Вѣдь думу собралъ царь: стало быть, дума законная.

Она сказала министрамъ: уходите; слѣдовательно, признала ихъ незаконными. Другими словами, въ результатѣ столкновенія, въ народномъ представленіи дума становится выше министровъ. Министры—подзаконны; дума—даетъ законы, и на нее переносятся въ воображеніи населенія всѣ тѣ признаки святости, неприкосновенности, происхожденія свыше, которые, по писанію, принадлежатъ всякой власти. На нее распространяется и «присяга», обязывающая всякаго выполнять ея законныя приказанія. Таковы послѣдствія новаго представленія о думѣ, какъ о власти, высшей надъ властью чиновниковъ. Это—тотъ же самый прогрессъ мысли, который въ Англіи XVII вѣка привелъ къ распространенію идеи божественнаго происхожденія—съ короля на парламентъ. Только въ Англіи эта мысль формулировалась учеными публицистами; у насъ ее формулируютъ запасные унтеръ-офицеры костромичи, какъ наши читатели могли прочесть вчера въ интересной статьѣ г. Френкеля.

На другой вопросъ, кто сильнѣе, — отвѣтить не такъ легко. Отвѣты, до сихъ поръ дававшіеся жизнью, слишкомъ уже печальны; и опыты дѣйствовать своими силами—слишкомъ тяжелы и безплодны. И, однако, въ крестьянскихъ отзывахъ по поводу конфликта министерства и думы рѣдко прорываются нотки сомнѣнія: «подождемъ, что будетъ»: «не устоите»... Преобладаетъ увѣренность и оптимизмъ самый беззавѣтный. «Дайте только знать»; «ждемъ призыва»; «станемъ грудью», «станемъ, какъ одинъ человѣкъ». Борьба «неправой», «незаконной» власти министровъ противъ «законной» власти думы кажется народу заранѣе проигранной. Поддержка «законной» власти представляется прямо необходимой, само собою разумѣющейся.

Труднѣе дается населенію слѣдующій шагъ: уясненіе положенія, какое долженъ занимать монархъ въ борьбѣ между думой и министерствомъ. До сихъ поръ, любопытнымъ образомъ, вопросъ этотъ какъ-то вовсе не выдвигается: личность монарха заслонена отъ взоровъ населенія борьбой двухъ другихъ политическихъ фактовъ. Населеніе невольно и безсознательно стоитъ на точкѣ зрѣнія парламентарной монархіи, какъ бы инстинктивно отдаляя тотъ моментъ, когда придется это фактическое положеніе дѣлъ, фактическое удаленіе монарха изъ сферы прямой политической борьбы—поставить лицомъ къ лицу съ принципами стараго политическаго міровоззрѣнія. Въ сущности, и эта черта—безотвѣтственность монарха—является такимъ же логическимъ продуктомъ внутренняго роста политической идеи, какъ и идея верховенства государственной думы. Но, въ теперешней стадіи, монархъ и дума еще не поставлены на-

родомъ ни въ какую взаимную связь. Англійское слитное понятіе «короля въ парламентѣ», какъ единой верховной власти, какъ извѣстно, явилось продуктомъ потребности сохранить лояльность даже въ революціи. Именемъ короля и парламента дѣйствовало первое революціонное представительство, начиная гражданскую войну противъ отложившагося отъ націи короля. Трудно сказать, къ какой формѣ приведетъ русскій политическій опытъ: но, намъ кажется, и въ Россіи, каковы бы ни оказались случайности историческихъ событій, старинная народная лояльность вынесетъ изъ нихъ идею царя, связанной съ идеей народнаго представительства.

Министерство г. Горемыкина, по слухамъ, хочетъ дать новую пищу народному уму и въ этой новой стадіи политическаго размышленія. Затѣвается, повидимому, торжественный манифестъ отъ царя къ народу, съ объясненіями по земельному вопросу, вѣроятно, составляющими дальнѣйшее развитіе объясненій министерскихъ и губернаторскихъ. Ставя, такимъ образомъ, монарха непосредственно передъ народомъ, гг. министры, повидимому, и не догадываются, какое огромное можетъ быть революціонное значеніе этого шага. Конфликтъ между думой и министрами г. Горемыкинъ широко популяризировалъ въ средѣ населенія при помощи своей декларацiи и министерскихъ прокламацій. Этотъ конфликтъ народная мысль переварила по-своему, сдѣлавъ изъ него тѣ конституціонные выводы, о которыхъ сказано выше. Теперь гг. министры, повидимому, съ еще большей помпой хотятъ инсценировать новый, несравненно болѣе глубокій и опасный конфликтъ: между государственной думой и монархомъ. Они хотятъ апеллировать, какъ видно, къ самой сердцевинѣ стараго народнаго пониманія. Прибѣгать къ такому средству можно только въ полномъ отчаяніи; и, рѣшаясь на отчаянный шагъ, кого и что хочетъ спасать министерство? Спасать страну отъ революціи? Но этимъ героическимъ средствомъ оно только можетъ столкнуть страну въ пучину междоусобной войны. Спасать монархію и династію? Оно ихъ обнажаетъ и подвергаетъ риску прямыхъ ударовъ. Спасать самихъ себя, это министерство!.. Такъ спасаютъ обреченныхъ на смерть усиленными впрыскиваніями мускуса. Дѣйствительно, эти люди могутъ отсрочить свою катастрофу—цѣной катастрофы Россіи.

89. Преслѣдованіе соціалистической печати *).

За послѣднее время возродившіеся было къ жизни литературные органы крайнихъ лѣвыхъ партій дали намъ чрезвычайно яркое изображеніе тѣхъ стремленій, взглядовъ, тактическихъ плановъ и взаимныхъ пререканій по этому поводу,—словомъ, всей той внутренней жизни этихъ партій, которая до сихъ поръ оставалась достояніемъ только однихъ посвященныхъ. Сдѣлавшись общимъ достояніемъ, весь этотъ интереснѣйшій матеріалъ вмѣстѣ съ тѣмъ становился и предметомъ свободной критики со стороны органовъ печаати другихъ политическихъ направленій. Намъ казалось, что чѣмъ болѣе воздуха и свѣта будетъ вноситься въ этотъ невольно замкнувшійся въ себя уголокъ русской политической жизни, тѣмъ больше выиграетъ все общество. Самые, казалось бы, исключительное въ своей логической прямолинейности взгляды должны смягчиться и сдѣлать уступки жизненнымъ условіямъ, какъ скоро критика этихъ взглядовъ выходитъ за тѣсные предѣлы сектантскихъ кружковъ. И послѣдствія свободной и широкой критики начинали уже сказываться: въ средѣ самихъ этихъ лѣвыхъ партій перевѣсъ начиналъ получать направленіе, сумѣвшее воспользоваться уроками жизни и освободиться отъ многихъ книжныхъ иллюзій стараго интеллигентскаго періода борьбы. Соціалистическая мысль начинала выходить изъ подполья на широкую дорогу открытой политической борьбы, въ себѣ самой несущей всѣ необходимыя коррективы.

И вотъ, всѣ эти возможности, важныя и необходимыя для всего общества, въ настоящее время сразу пресѣчены однимъ грубымъ ударомъ. Вся соціалистическая печать задушена,—или, такъ какъ задушена она быть не можетъ,—принуждена вернуться въ подполье. Вмѣстѣ съ тѣмъ, снова тормозится процессъ ея сближенія съ жизнью, и становится невозможной свободная полемика съ нею. Насильственно возвращенная въ старую «черту осѣдлости», соціалистическая мысль опять пріобрѣтетъ тѣ свойства концентрированнаго раствора, которыя такъ невыгодно отличаютъ ея соціальное дѣйствіе въ Россіи отъ роли соціализма въ свободныхъ странахъ.

И когда, въ какой моментъ правительство предпринимаетъ этотъ нелѣпый экспериментъ? Мы поняли бы смыслъ его, когда, въ безпро-

---

*) „Рѣчь“, № 100, 15 іюня.

свѣтной тьмѣ стараго порядка, малейшая трещина въ тюремныхъ стѣнахъ слѣпила глаза обывателямъ мрака. Но теперь, когда трещинъ и щелей съ каждымъ днемъ становится больше, когда снопы солнечнаго свѣта врываются въ ветхую руину, когда уже рухнулъ самый сводъ ея и грозятъ паденіемъ стѣны,—теперь думать о починкѣ трещинъ—какое безуміе! Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ закрытой редакціи и отъ запечатаннаго станка задушенное свободное слово каждый день можетъ ожить на парламентской трибунѣ,—и оттуда оно разойдется по Россіи въ такомъ количествѣ экземпляровъ, о которомъ и не мечтала разгромленная редакція. Надо же быть послѣдовательнымъ, надо имѣть простой здравый смыслъ! Если вы допустили народное представительство, вы допустили всѣ остальныя политическія «свободы». Умѣйте понять это и приспособляйте къ этому вашу полицейскую тактику, если вы не можете отъ нея отказаться.

Старый порядокъ имѣлъ свою внутреннюю логику. Для свободы слова онъ установилъ каучуковые предѣлы, и мы всегда знали, хотя бы приблизительно, гдѣ крайняя граница растяженія этихъ предѣловъ. Предѣлы были тѣсны, но внутри ихъ установилось извѣстное равновѣсіе. По извѣстному житейскому афоризму «живи и жить давай другимъ», исполнители этой системы и ея паціенты научились понимать другъ друга и установили такого рода вооруженный нейтралитетъ, при которомъ не приходилось каждую минуту прибѣгать къ реальному употребленію оружія.

Теперь все это перемѣнилось. Формы введены несравненно болѣе деликатныя и тонкія, чѣмъ прежде; но такъ какъ министерство отъ этихъ новыхъ формъ продолжаетъ требовать старыхъ результатовъ, то ему приходится употреблять пріемы прямо варварскіе. Ежедневная конфискація нумера, предрѣшенная наканунѣ, конфискація на станкѣ и для этого форменная осада типографіи, опечатаніе типографіи, чтобы предупредить выходъ газетнаго листа,—въ какихъ законахъ все это написано? И не хуже ли, не примитивнѣе ли въ тысячу разъ эти пріемы, чѣмъ старая цензура и старый концессіонный порядокъ, съ его предостереженіями и пріостановками?

Министерству приходится объяснять азбуку свободнаго режима. Если печатный листъ есть ядъ, одно прикосновеніе къ которому способно оказать разрушительное дѣйствіе,—тогда не можетъ быть не только свободы печати, но не можетъ быть никакой свободы въ обществѣ, которое такъ реагируетъ на свободное слово. Свободное общество въ себѣ самомъ носитъ противоядіе противъ разрушительныхъ доктринъ. Намъ говорятъ, что наше общество еще недостаточно

привыкло къ своей свободѣ и потому можно повредить излишними дозами ея. А какъ же вы хотите, чтобы оно привыкло не злоупотреблять тѣмъ, чѣмъ оно лишено свободы пользоваться? Опекой нельзя пріучить къ свободѣ; воспитать къ свободѣ насиліемъ тоже невозможно; къ свободѣ пріучаются, лишь практикуя свободу.

Въ такой же переходный періодъ отъ рабства къ свободѣ, какъ переживаемый нами, Эмиль де Жирарденъ защищалъ во Франціи смѣлый тезисъ: печать должна быть свободна и ненаказуема, потому что она безсильна, и того, что называютъ преступленіями печати, совершенно не существуетъ въ дѣйствительности.

Разъяснить тезисъ Жирардена трудно здѣсь въ нѣсколькихъ словахъ. Но можно сказать одно: печать всего сильнѣе тамъ, гдѣ ее всего усерднѣе стараются обуздать. И если наши министры хотятъ усилить и закрѣпить ту самую роль соціалистической печати, противъ которой они борются,—и измѣнить которую можетъ лишь только полная свобода слова и свобода критики,—тогда пусть они продолжаютъ дѣлать свое злое беззаконное и безнравственное дѣло.

90. Приближеніе развязки *).

Мы, можетъ быть, наканунѣ страшныхъ рѣшеній. Послѣдніе дни когда еще возможно было установленіе согласія между законодательной властью и исполнительной, быстро проходятъ, и съ обѣихъ сторонъ также быстро растетъ готовность на крайнія рѣшенія, диктуемыя отчаяніемъ и безнадежностью положенія.

Высшія сферы подошли вплотную къ рѣшенію вопроса о министерствѣ изъ думскаго большинства. Пока стоялъ вопросъ о лицахъ, идея казалась пріемлемою и обсуждалась серьезно; но стопло выясниться, что съ перемѣной лицъ неизбѣжно связана перемѣна направленія, перемѣна рѣшительная и принципіальная,—и люди, склонявшіеся къ идеѣ думскаго министерства, отшатнулись отъ нея въ послѣднюю минуту, а люди, наиболѣе усердно ее защищавшіе, стали казаться легкомысленными, и слова ихъ потеряли вѣсъ и значеніе. Вся психологія положенія какъ-то сразу измѣнилась. Предыдущія разсужденія и колебанія привели пока лишь къ одному результату: они окончательно убѣдили въ безполезности и невозможности всякихъ среднихъ рѣшеній. И если затѣмъ одно изъ крайнихъ рѣшеній стало казаться непріемлемымъ, то очередь естественно перешла къ крайнему рѣшенію въ другую сторону.

Люди разсуждали,. очевидно, такъ, какъ разсуждаетъ отъ ихъ

*) „Рѣчь“, № 118, 6 іюля.

имени «Россія», выражающая «дѣйствительныя намѣренія правительства». «Если въ данный моментъ отказаться отъ репрессивныхъ мѣръ, то необходимо заранѣе согласиться на самыя крайнія программы. Надѣяться на благоразуміе тѣхъ группъ населенія, которыя, вслѣдствіе совокупности цѣлой массы причинъ, раздѣляютъ увлеченія крайнихъ партій, также немыслимо, какъ вѣрить либеральной буржуазіи въ томъ, что она и безъ репрессій справится съ этими крайними теченіями». Про себя эти люди разсуждали дальше (чего не говоритъ открыто «Россія») такимъ образомъ: «Что, въ сущности, мы теряемъ, рѣшаясь на «репрессію», на которую не рѣшится «либеральная буржуазія?» Допустимъ, что наша попытка будетъ неудачна; но вѣдь, отказываясь заранѣе отъ этой попытки и сразу идя на уступки, мы все равно сдаемъ всѣ тѣ позиціи, за которыя идетъ борьба. Такъ ужъ лучше проиграть ихъ съ бою, чѣмъ уступить добровольно. Намъ говорятъ, что мы не справимся съ задачей, что силы намъ измѣнятъ. А развѣ лучше будутъ условія борьбы, развѣ больше силъ будетъ у насъ въ распоряженіи, если мы будемъ ждать? Теперь у насъ есть хоть часть арміи, а что будетъ черезъ годъ или даже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ? Намъ говорятъ, что нельзя распустить думу, не вызвавъ революціи. Но, съ нашей точки зрѣнія, и уступить думѣ—значитъ идти на революцію; такъ не лучше ли попытаться ее предупредить, чѣмъ ждать, пока революція организуется и выступитъ во всеоружіи? Попробуемъ доказать фактически, что думу распустить можно и что революціей насъ только пугаютъ».

А Европа, что скажетъ Европа? О, и тутъ мы уже приняли коекакія мѣры. «Россія» находитъ своевременнымъ «разъяснить этотъ вопросъ на основаніи фактическихъ данныхъ». Разъясненіе получается сенсаціонное. Оказывается, что «императорское германское правительство вполнѣ себѣ отдаетъ отчетъ въ положеніи и поэтому оно предприняло цѣлый рядъ соотвѣтственныхъ мѣръ», чтобы пресѣчь «органическую связь» между Берлиномъ и «русской революціей». Мѣры сосѣднихъ правительствъ, впрочемъ, идутъ и дальше. Въ Берлинѣ и Вѣнѣ, по высоко-офиціозному сообщенію «Россіи», приняли во вниманіе, что «аграрное движеніе, въ той стадіи своего развитія, въ которой оно находится въ настоящій моментъ, составляетъ прямое послѣдствіе той своеобразной антиобщественной и антигосударственной тактики, которой, съ открытіемъ государственной думы, большинство ея членовъ начало придерживаться въ земельномъ вопросѣ, ставъ на точку зрѣнія, на которую ни одинъ государственный дѣятель въ Европѣ не посмѣлъ еще становиться».

«Когда въ концѣ мая положеніе дѣлъ на австро-русской границѣ окончательно и въ отрицательномъ смыслѣ выяснилось (кажется, въ въ виду волненій по сосѣдству съ Галиціей), берлинскія высшія правящія сферы сочли умѣстнымъ, принимая во вниманіе вышензложенное, а также и въ виду нѣкоторыхъ соображеній болѣе общаго международнаго характера, установить ту точку зрѣнія, которой въ данномъ случаѣ австро-венгерское правительство рѣшило придерживаться». Былъ сдѣланъ изъ Берлина официальный запросъ, на который «вѣнскія правящія сферы» отвѣтили, что «при извѣстныхъ условіяхъ, активное вмѣшательство этой державы во внутренія дѣла Россіи, съ цѣлью подавленія или ограниченія аграрно-революціоннаго движенія, могло бы явиться желательнымъ и полезнымъ». Въ Австро-Венгріи поставили, однако, условіемъ вмѣшательства «не только согласіе, но также прямо и ясно высказанное соотвѣтственное жаланіе русскаго правительства». «Найдя подобный взглядъ вполнѣ правильнымъ и цѣлесообразнымъ, берлинскія правящія сферы безусловно къ нимъ присоединились».

Нельзя не благодарить «Россію» за откровенность. Тепер мы, по крайней мѣрѣ, знаемъ, что, если русскія владѣнія будутъ наводнены нѣмецкими и австрійскими солдатами, то это послѣдуетъ не иначе, какъ по «прямому и ясно выраженному желанію русскаго правительства». Это случится, конечно, лишь тогда, когда въ Россіи дѣло дойдетъ до междоусобной войны. Но и на междоусоаную войну легче можно рискнуть, заручившись такой солидной поддержкой Европы!

Правда, есть и другая Европа, идейная и демократическая, настаивающая на иномъ исходѣ: на министерствѣ изъ думы. Но съ Этой Европой можно не особенно церемониться. Визитъ англійской эскадры будетъ отложенъ? Тѣмъ лучше: по крайней мѣрѣ, гости не будутъ свидѣтелями домашней грязной стряпни, и работать будетъ свободнѣе. Отложимъ ужъ ихъ на цѣлый годъ, — благо, они сами того хотятъ! Франція напоминаетъ о деньгахъ и посылаетъ самого Нелидова? Ну, Нелидова можно и отставить за дерзость, съ которой онъ принимаетъ чужія порученія. А деньги? Этотъ вопросъ пока остается безъ отвѣта. Можетъ быть, германскій императоръ поможетъ? Могъ же онъ запретить; отчего не сможетъ и приказать—дать денегъ?

Итакъ, мы наканунѣ гражданской войны. Потому что роспускъ думы,—въ этомъ сомнѣній быть не можетъ,—равносиленъ гражданской войнѣ. Независимо отъ того, какъ поступитъ сама дука, когда

ей будетъ предложено отдохнуть или разойтись совсѣмъ,—одно имя думы будетъ лозунгомъ, около котораго стекутся массы, какъ стекались люди подъ знамена «короля и парламента» въ началѣ борьбы Карла I со своимъ народомъ. Послѣдствія роспуска неисчислимы и такъ ужасны, что мысль отказывается о нихъ думать. Ничего не значитъ,—министры, во всякомъ случаѣ, не останутся въ проигрышѣ: они и теперь уже проиграли всю свою игру.

Въ виду крайней напряженности положенія, какъ намъ кажется, думѣ слѣдуетъ теперь быть особенно осторожной. Тактика главенствующей партіи съ самаго начала состояла въ томъ, чтобы не избѣгать конфликта, но вести къ тому, чтобы вся вина и отвѣтственность за конфликтъ пала на противную сторону.

Можно спорить о томъ, есть ли «разъясненіе» думы неконституціонный шагъ и равносильно ли оно прямому «обращенію къ народу». Но если толковать заявленіе думы въ этомъ смыслѣ, то этого шага, по нашему мнѣнію, теперь не слѣдуетъ дѣлать. Довести до свѣдѣнія народа объ истинныхъ намѣреніяхъ думы по аграрному вопросу можно десятками другихъ способовъ; да, въ сущности, и эти намѣренія, и столкновенія съ министрами по ихъ поводу уже и теперь народу очень хорошо извѣстны. Прокламація думы въ отвѣтъ на министерскую прокламацію была бы скорѣе актомъ возмездія, чѣмъ актомъ практической необходимости. Министерская прокламація, несомнѣнно, была шагомъ неконституціоннымъ: она присваивала исполнительной власти функціи власти законодательной. Но отсюда не слѣдуетъ, чтобы дума должна была, въ отместку, присвоить законодательной власти исполнительныя функціи и тѣмъ формально сойти съ почвы строгаго конституціонализма. Пусть право остается цѣликомъ на сторонѣ думы; это только чрезвычайно усилитъ позицію думы въ случаѣ какого-нибудь насилія надъ ней. И тогда, въ этомъ неожиданномъ случаѣ, который дѣйствительно расколетъ правительство русское на двѣ части и подниметъ роковой вопросъ о томъ, которая власть болѣе законна въ народномъ сознаніи,—тогда собраніе народныхъ представителей заговоритъ языкомъ, непохожимъ на блѣдный, строго-дѣловой, усиливающійся остаться въ границахъ корректности, языкъ думскаго разъясненія. На прямое покушеніе на государственный переворотъ народъ отвѣтитъ трубными звуками; но нужно, чтобы власть, мнящая себя законной послѣ столькихъ выраженій народнаго недовѣрія, первая пошла на разрывъ. Храбриться не нужно храбрымъ. Сдержанность есть лучшее доказательство силы, себя сознающей!

91. Наканунѣ кризиса *).

Размахи политическаго маятника въ Петергофѣ продолжаютъ совершаться подъ угломъ въ 180 градусовъ. Не такъ еще давно маятникъ качнулся влѣво и чуть-чуть не дошелъ до точки, противъ которой написано: министерство изъ большинства. Но тотчасъ началось движеніе внизъ и въ обратную сторону, и въ своемъ размахѣ вправо маятникъ почти достигъ точки, противъ которой стоитъ: роспускъ думы. Вчера происходило опять обратное движеніе влѣво и неизвѣстно, на какой точкѣ остановится теперь новое колебаніе. Мы понимаемъ, что выборъ очень труденъ для тѣхъ, въ чьихъ рукахъ теперь находится власть. На одномъ концѣ имъ грозитъ полная потеря вліянія на дальнѣйшее развитіе событій, съ перспективой революціоннаго исхода. На другомъ концѣ этотъ революціонный исходъ грозитъ немедленно, и нѣтъ никакой увѣренности въ возможности побороть его, такъ какъ всѣ рессурсы «сильной власти» почти истощены, а «успокоенія» не послѣдовало. И, наконецъ, пока проходятъ недѣли въ этихъ колебаніяхъ маятника влѣво и вправо, политическое положеніе автоматически ухудшается, распадъ власти быстро растетъ и усиливается въ странѣ анархія, между тѣмъ какъ единственные общественные элементы, способные овладѣть положеніемъ не при помощи насилія, а при помощи нравственнаго авторитета, быстро теряютъ свое нравственное вліяніе, по мѣрѣ того, какъ населеніе перестаетъ вѣрить въ возможность мирнаго исхода и возлагаетъ всѣ свои надежды на борьбу насиліемъ противъ насилія. Въ какой-нибудь мѣсяцъ, въ недѣлю, въ послѣдніе нѣсколько дней, политическое положеніе становится все болѣе труднымъ и безысходнымъ, главнымъ образомъ благодаря этой безнадежной нерѣшительности и топтанію на одномъ мѣстѣ. Трагическій контрастъ между бурнымъ потокомъ жизни, выходящимъ изъ береговъ и готовымъ все унести въ своемъ теченіи, и старыми домашними способами переправы, — этотъ контрастъ увеличивается съ каждымъ днемъ, а люди у руля, безсильные и растерянные, безпомощно цѣпляются за привязь, пока ихъ челнъ бьетъ волнами, качаетъ вѣтромъ и грозитъ разбить о первый прибрежный камень.

Думское большинство упрекаютъ въ томъ, что оно считается съ этими случайными настроеніями и ихъ случайными смѣнами. Его

*) „Рѣчь“, № 121, 9 іюля.

обвиняютъ въ томъ, что оно «смотритъ вверхъ» и не желаетъ «смотрѣть внизъ». Съ ожесточеніемъ, достойнымъ лучшей цѣли, его обвиняли въ «торговлѣ за спиной народа», въ погонѣ за «министерскими портфелями». Его заблаговременно обвиняли и въ готовности къ уступкамъ, въ предательствѣ народныхъ интересовъ, въ игрѣ въ цивическое самопожертвованіе, въ «тонкой» политикѣ и еще Богъ знаетъ въ чемъ—и не обвиняли только лѣнивые. Роль обвинителей всегда благодарнѣе, чѣмъ роль обвиняемыхъ, даже если предметъ обвиненія—будущія преступленія. Что же остается дѣлать будущимъ преступникамъ? Повѣрить обвинителямъ и, преждевременно испугавшись тяжести упрековъ, покинуть свой обсерваціонный и боевой постъ? Надо думать, что тогда обвиненія были бы во много разъ сильнѣе и основательнѣе. Или, оставаясь на посту и неся всю тяжесть отвѣтственности, отказаться отъ употребленія собственнаго разсудка и ждать указаній отъ людей, незнакомыхъ ни съ точнымъ положеніемъ дѣла, ни съ условіями борьбы на данномъ посту? Но это значило бы «носить на себѣ осла», по извѣстной нѣмецкой сказкѣ, и растерять всѣ условія собственной силы. Нужно ли, далѣе, ведя борьбу одной рукой, другой отбиваться отъ нападенія съ тылу? Но защищаться и нападать заразъ не всегда позволяетъ экономія силъ. Что же дѣлать?

Намъ кажется, что единственный исходъ изъ всѣхъ этихъ затрудненій,—простой, какъ Колумбово яйцо, это—быть и оставаться самими собою. Мы не вѣримъ, чтобы самая упорная клевета могла устоять передъ краснорѣчіемъ и логикой фактовъ... Правда, на сегодняшнюю критику могутъ отвѣтить лишь завтрашніе факты, и въ этомъ отношеніи положеніе тѣхъ, кто эти факты дѣлаетъ, всегда будетъ менѣе выгодно, чѣмъ положеніе того, кто ихъ заблаговременно критикуетъ. Логика можетъ быть на одной сторонѣ, но психологія останется на другой. Когда обвиняемые окажутся правы, то старыя обвиненія обыкновенно уже бываютъ забыты, а новыя опять неопровергнуты. Есть одно лѣкарство противъ этого неравенства въ средствахъ борьбы, но это лѣкарство—исторія

2. Группировка партій.

92. Отношеніе между двумя главными партіями *).

Распредѣленіе политическихъ партій въ думѣ начинаетъ нѣсколько выясняться. Прежде всего, и съ самаго же перваго шага, должно было сдѣлаться яснымъ и безспорнымъ, что у существующаго министерства нѣтъ своей партіи въ думѣ. Только въ случаѣ очень неловкой тактики преобладающихъ въ собраніи оппозиціонныхъ элементовъ можно было бы допустить, что съ теченіемъ времени, изъ чисто отрицательныхъ побужденій, изъ чувства самосохраненія, часть центра; правыхъ и безпартійныхъ принуждены будутъ сплотиться и искать помощи у настоящаго правительства. При болѣе же искусной тактикѣ ясно, что очень значительная часть даже и этихъ элементовъ по основнымъ политическимъ вопросамъ будетъ дѣйствовать за одно съ большинствомъ. Во всякой сколько-нибудь привыкшей къ конституціонной жизни странѣ немедленная отставка министерства при такихъ условіяхъ была бы совершенно неизбѣжна. Мы думаемъ, что даже и у насъ дальнѣйшее удержаніе у власти министерства Горемыкина становится отнынѣ невозможнымъ; и первая задача, которую вся палата должна поставить себѣ, будетъ заключаться въ созданіи министерства изъ общественныхъ дѣятелей. До тѣхъ поръ, пока такого министерства не будетъ, настроеніе всей палаты останется оппозиціоннымъ и, болѣе или менѣе обостряясь, можетъ привести къ конфликту.

Внутри самой палаты ея партійная группировка представляется менѣе опредѣленной. Выяснилось, конечно, одно: преобладающее моральное и численное значеніе партіи народной свободы. Численность этой группы пока еще не опредѣлилась окончательно, но, несомнѣнно, что «дѣлать погоду» въ палатѣ, какъ выразилась одна газета, будетъ именно она. Однако же, одна эта группа, сама по себѣ, еще недостаточна, чтобы создать большинство, и самый интересный очередной вопросъ есть теперь вопросъ о партійныхъ группировкахъ.

Наиболѣе существенно здѣсь было бы выяснить политическое положеніе «трудовой группы», ближайшей по численности и по политическимъ убѣжденіямъ къ партіи народной свободы. Однако же, роль этой группы нельзя пока считать окончательно опредѣ-

*) „Рѣчь“, № 61, 29 апр.

лившейся. Несомнѣнно одно: она сильна, прежде всего, единствомъ интересовъ и, въ значительной степени, единствомъ настроенія. Политическіе взгляды группы могутъ мѣняться, быть болѣе или менѣе радикальными; но, по всей вѣроятности, группа — по крайней мѣрѣ, значительное ядро ея—сохранитъ и въ будущемъ свое единство.

Каково именно будетъ окончательное политическое настроеніе трудовой группы послѣ того, какъ ея члены разберутся въ главныхъ вопросахъ, ознакомятся съ взглядами другихъ партій и сознательно отнесутся къ взглядамъ своихъ теперешнихъ руководителей,—сказать пока нельзя. Выясняется, однако, уже и теперь, что къ воззрѣніямъ крайнихъ лѣвыхъ партій эта группа относится осторожно и отдѣляетъ себя отъ нихъ на практикѣ, хотя бы и раздѣляла нѣкоторые изъ ихъ взглядовъ въ теоріи. Практичность и трезвая дѣловитость главнаго составного элемента этой группы—крестьянства, конечно, рано или поздно возьметъ верхъ надъ отвлеченными формулами и принципіальными лозунгами, которымъ уже теперь многіе члены группы придаютъ совершенно особый, своеобразный смыслъ, мирящій эти лозунги съ практическими задачами группы. Что касается самихъ этихъ практическихъ задачъ, чѣмъ дальше, тѣмъ больше, группа начинаетъ сознавать, что задачи эти у нея тожественны съ задачами партіи народной свободы. Начинаютъ въ этой группѣ цѣнить и постановку ближайшаго разрѣшенія этихъ задачъ партіей народной свободы, — по мѣрѣ того, какъ разбираются въ сложныхъ условіяхъ и усваиваютъ практическія трудности, съ которыми пришлось бороться и партіи народной свободы, пока она не выработала своихъ окончательныхъ рѣшеній. Остается, конечно, и послѣ этого естественное, инстинктивное недовѣріе людей одного соціальнаго слоя и положенія къ людямъ другого соціальнаго типа. Но и тутъ есть, конечно, переходы и оттѣнки. Скоро трудовая группа пойметъ, что разница между «трудовиками» и «цензовиками» проходитъ вовсе не тамъ, гдѣ идетъ граница между партіей народной свободы и трудящейся группой. Когда въ конституціонно-демократическомъ клубѣ впервые произнесено было офиціальное названіе, принятое этой группой, въ средѣ собравшихся раздались протесты. «Трудящейся интеллигенціей» могутъ считать себя не одни члены данной группы. Конечно, послѣдніе могли бы возразить, что и не одни «кадеты» стоятъ «за народную свободу». Споры и счеты намъ кажутся здѣсь едва ли умѣстными. Какъ бы ни называла себя «трудовая группа», какъ бы она ни держалась особнякомъ, намъ

кажется, что естественное мѣсто обѣихъ группъ—другъ подлѣ друга; мы увѣрены, что на первыхъ же шагахъ совмѣстныхъ дѣйствій разсѣется и то недовѣріе, которое, повидимому, существовало у крестьянства относительно партіи народной свободы. Мы думаемъ, что недовѣріе это въ значительной степени искусственное, навѣянное со стороны и, можетъ быть, отчасти подкрѣпленное той сдержанностью, которую проявила партія народной свободы по отношенію къ вновь образующейся группѣ. Сдержанность эта могла быть объяснена какъ результатъ отчужденности, разницы интересовъ, соревнованія въ вопросѣ о парламентскомъ положеніи — или какъ угодно иначе. Въ дѣйствительности же, сдержанность «кадетовъ» относительно «трудовой группы» была вызвана совершенно сознательнымъ рѣшеніемъ: не навязываться дружественной группѣ со своими политическими взглядами, не претендовать на какое-либо вліяніе на нее и не состязаться въ борьбѣ за вліяніе съ теперешними руководителями группы. Партія народной свободы была увѣрена, что крестьянство само скоро сумѣетъ оцѣнить демократическія стремленія партіи и, когда дойдетъ до настоящаго дѣла, само и добровольно пойдетъ съ партіей въ ногу.

Нѣкоторое недоразумѣніе возникло, было, между двумя группами по вопросу о назначеніи товарища предсѣдателя. Партія народной свободы заявила «трудовой группѣ» полную готовность принять кандидата, какого укажетъ эта группа, въ случаѣ, если онъ оказался бы технически пригоднымъ для отвѣтственнаго и неблагодарнаго поста товарища предсѣдателя. Внутри группы, повидимому, шла борьба между двумя теченіями: одно настаивало непремѣнно на собственномъ кандидатѣ, другое согласно было отказаться отъ выставленія его, такъ какъ признавало серьезность возраженій партіи народной свободы и не находило подходящаго кандидата въ собственной средѣ. Такъ какъ, однако же, и тѣ, кто желалъ выставить своего кандидата, не могли сойтись на одномъ кандидатѣ изъ своей среды, то выходъ былъ найденъ въ назначеніи особаго кандидата трудовой группы изъ среды самой партіи народной свободы. Такимъ кандидатомъ былъ назначенъ проф. Гредескулъ и партія народной свободы съ готовностью замѣнила имъ одного изъ своихъ собственныхъ кандидатовъ. Отмѣтимъ, что по поводу этой кандидатуры г. Жилкинъ произнесъ во вчерашнемъ вечернемъ засѣданіи рѣчь, въ которой подчеркнулъ желаніе трудовой группы идти вмѣстѣ съ партіей народной свободы, избѣгая малѣйшихъ взаимныхъ треній и недоразумѣній. Мы горячо присоединяемся къ этому по-

желанію и надѣемся, что совмѣстное рѣшеніе обѣими группами вопроса о кандидатурахъ на постъ товарища предсѣдателя явится началомъ ихъ совмѣстной парламентской дѣятельности.

Мы сегодня не будемъ характеризовать другихъ партійныхъ группъ, такъ какъ ихъ взаимное отношеніе и отношеніе къ двумъ господствующимъ можетъ выясниться не ранѣе преній по поводу адреса. Во всякомъ случаѣ, выводъ изъ всѣхъ разсужденій несомнѣнно тотъ, что для проведенія основныхъ задачъ партіи народной свободы она уже теперь можетъ располагать въ этой думѣ огромнымъ большинствомъ голосовъ.

Въ засѣданіи государственной думы 30 апрѣля депутаты Царства Польскаго выступили съ заявленіемъ, прямая цѣль котораго протестовать противъ исключенія изъ «основныхъ законовъ» названія «Царства Польскаго». Этому заявленію мы, которые принципіально возражали противъ изданія «основныхъ законовъ» наканунѣ созыва думы, не можемъ не сочувствовать. Но въ польскомъ заявленіи есть другая сторона, по поводу которой нельзя не высказать самыхъ серьезныхъ опасеній. Польскіе депутаты сочли необходимымъ связать свое выступленіе въ думѣ съ торжественной декларацією, которая ставитъ требованіе польской автономіи въ связь съ реставрацією историческаго государственнаго права Польши.

Безъ сомнѣнія, такая постановка вопроса предопредѣлена была самымъ характеромъ той партіи, которая побѣдила на выборахъ въ Царствѣ Польскомъ. Однако же, мы рѣшаемся утверждать—и думаемъ, что нужно сдѣлать это теперь же, въ интересахъ самихъ поляковъ,—что, удовлетворяя требованіямъ своей партійной программы, народовая демократія оказываетъ очень дурную услугу всему польскому народу. Обосновывать необходимость автономіи ссылкой на историческое государственное право и, притомъ, подчеркивать, что когда-то это государственное право находилось подъ контролемъ международнаго права,—по нашему мнѣнію, составляетъ худшую изъ всѣхъ возможныхъ тактикъ, какія могли быть приняты депутатами Царства Польскаго.

Мы не будемъ уже входить по существу въ разборъ вопроса; не будемъ доказывать, что органическій статутъ 1832 г. даетъ автономіи худшую постановку, чѣмъ это, повидимому, могло бы быть сдѣлано теперь, и что международныя постановленія вѣнскаго конгреса не даютъ опредѣленныхъ и точныхъ гарантій того государственнаго строя, который долженъ быть введенъ въ Царствѣ

Польскомъ. Мы понимаемъ, конечно, что суть дѣла заключается не въ этомъ, а въ желаніи найти для обоснованія польскихъ политическихъ учрежденій какой-нибудь независимый отъ общерусскаго представительства правовой источникъ.

Но именно такая постановка вопроса выводитъ его далеко за предѣлы всѣхъ тѣхъ переговоровъ объ «автономіи», которые до сихъ поръ велись между представителями польскаго и русскаго общественнаго мнѣнія. Расширяя безъ всякихъ предварительныхъ соглашеній рамки этого обсужденія, польскіе депутаты дѣлаютъ огромную политическую ошибку. Они возвращаютъ польскую политику на тотъ путь «реставраціи», на которомъ уже не разъ она терпѣла жестокія пораженія, и въ то же время лишаютъ своихъ друзей возможности поддерживать ихъ требованія въ полномъ размѣрѣ. Мы желали бы встрѣтить въ этихъ депутатахъ, mutatis mutandis, преемниковъ реальной политики Вѣлепольскаго; вмѣсто того, намъ приходится встрѣтиться съ наслѣдниками политическаго романтизма политики Андрея Замойскаго.

Ссылаясь на «историческія права», польскіе депутаты будятъ историческія воспоминанія; въ предѣлахъ «конгрессовой» Польши, правда, эти воспоминанія конкурирующихъ народностей для поляковъ не опасны; но они могутъ оказаться опасными для всей постановки вопроса объ автономіи въ настоящій моментъ. Даже стоя на точкѣ зрѣнія своей партійной программы, польскіе депутаты должны были воздержаться отъ немедленной формулировки требованій, вытекающихъ изъ этой программы,—если, конечно, они хотятъ не ограничиваться одними деклараціями, а дѣлать то дѣло, которое сейчасъ возможно сдѣлать.

Намеки на покровительство международнаго права принадлежатъ къ числу самыхъ неудачныхъ сторонъ польской деклараціи. Мы уже намекали на формальную недостаточность этой исторической гарантіи. Статья Вѣнскаго трактата между Россіей и Австріей, Россіей и Пруссіей обѣщаетъ полякамъ лишь «une representation et des institutions nationales, reglées d'après la mode d'existence politique que chacun des gouvernements auquel ils appartiendront trouvera utile et convenable de leur accorder». Но и помимо формальной недостаточности,—что дали полякамъ въ прошломъ всѣ ихъ попытки опереться на международное право, эти, по мѣткому выраженію Вѣлепольскаго, «лохмотья, въ которыя насъ наряжало милосердіе Европы, но которыя не были въ состояніи прикрыть наши раны и язвы»? Теперь эти «лохмотья» не только уже не въ

состояніи хотя бы частью прикрыть раны Польши, но могутъ только ихъ растравить. Тотъ, кто сегодня говоритъ, что польскій вопросъ есть вопросъ международный,—тотъ не другъ, а врагъ: потому что болѣе чѣмъ очевидно для всякаго, что со стороны международныхъ отношеній—мы разумѣемъ Германію—для разрѣшенія польскаго вопроса могутъ возникать только одни затрудненія

Вотъ почему мы надѣемся, что польскіе депутаты, исполнивъ свой долгъ передъ партіей, не будутъ настаивать на томъ, что ихъ голосъ есть голосъ всего польскаго народа, и въ особенности остерегутся отъ того, чтобы доказывать «необходимость автономіи Польши», относительно которой мы съ ними согласны, «неотъемлемыми и святыми правами», вытекающими изъ стараго государственнаго права и международныхъ трактатовъ. Этой аргументаціей они только затрудняютъ и свое собственное, и наше дѣло, и,—при извѣстныхъ комбинаціяхъ обстоятельствъ,—затрудненія эти могутъ совершенно испортить положеніе, нынѣ весьма благопріятное, для серьезнаго и широкаго рѣшенія вопроса объ автономіи Царства Польскаго.

94. Фракція автономистовъ *).

Печатая сегодня статью г. И. Попова о «союзѣ автономистовъ и Сибири», мы считаемъ необходимымъ высказать по поводу ея нѣсколько соображеній. Идея автономіи, несомнѣнно, очень популярна среди представителей русскихъ окраинъ въ государственной думѣ, и объединеніе «автономистовъ» въ особую, весьма значительную, парламентскую группу является весьма естественнымъ. Является ли оно также желательнымъ? Мы должны признаться, что на этотъ счетъ у насъ есть серьезныя сомнѣнія, мы не хотимъ ихъ замалчивать и считаемъ нужнымъ высказать эти сомнѣнія публично.

Мы не придаемъ серьезнаго значенія тому изъ этихъ сомнѣній, которое чаще всего высказывается и сильнѣе всего дѣйствуетъ. Мы не думаемъ, что идея «автономіи» грозитъ распаденіемъ Россіи.

Мы тѣмъ менѣе этого опасаемся, что въ настоящее время сторон-

*) „Рѣчь“, № 72, 13 мая.

ники автономіи проводятъ опредѣленную границу между «автономіей» и «федераціей». Прежнія смѣшенія этихъ двухъ понятій можно, кажется, считать сданными въ архивъ. Конечно, и при «федеративномъ» рѣшеніи вопроса о русскихъ областяхъ еще не было бы основанія говорить о «распаденіи» Россіи. Но теперь не идетъ рѣчь и о раздѣленіи Россіи на рядъ суверенныхъ политическихъ организацій. Рѣчь идетъ только о введеніи такой значительной степени децентрализаціи областей, при которой области должны превратиться въ автономныя единицы, съ правомъ мѣстнаго законодательства въ большихъ или меньшихъ размѣрахъ.

Но и при такой постановкѣ вопроса выдѣленіе «автономистовъ» въ особую парламентскую фракцію кажется намъ политической ошибкой, которая можетъ повлечь за собой опасныя послѣдствія. Вотъ наши основанія.

Прежде всего, какъ ни важна идея децентрализаціи, какъ ни необходима немедленная коренная реформа мѣстныхъ самоуправляющихся органовъ, отождествлять эту задачу съ введеніемъ областныхъ автономій—не значитъ облегчать ея разрѣшеніе. Въ моментъ, когда рѣшается за разъ такое количество вопросовъ, первостепенной важности, еще не разработанныхъ, дробить парламентское большинство на части по вопросу, не неотложному,—само по себѣ является ошибкой. Каждый новый пунктъ платформы, выдвигаемый на первую очередь, ослабляетъ шансы успѣха всѣхъ остальныхъ; а когда это выставленіе сопровождается созданіемъ новой политической группы, для которой этотъ вопросъ занимаетъ первое мѣсто, то опасность отвлеченія и вниманія, и голосовъ отъ дѣйствительно первостепенныхъ задачъ сильно увеличивается. Qui trop embrasse, mal étreint, говоритъ пословица. По отношенію къ тяжело нагруженной ладьѣ нашего перваго законодательнаго собранія всякій новый багажъ можетъ оказаться роковымъ, особенно въ случаѣ непредвидѣнныхъ осложненій въ пути.

Но мало того, что выдѣленіе спеціально-парламентской группы для рѣшенія новой политической задачи можетъ повредить разрѣшенію всѣхъ другихъ очередныхъ вопросовъ: самое рѣшеніе той задачи, для которой группа образуется, едва ли облегчается ея созданіемъ. Дѣло въ томъ, что «автономія»—тотъ признакъ, весьма неопредѣленный, и единицы, изъ которыхъ составляется соединеніе подъ этимъ знаменемъ, преслѣдуютъ совершенно неодинаковыя задачи. Однѣ изъ этихъ задачъ поставлены жизнью и поддержаны національнымъ инстинктомъ; другія—болѣе отвлеченнаго и книж-

наго происхожденія. Однѣ раздѣляютъ народъ, другія—только интеллигенція. Однѣ имѣютъ за собою вѣковую исторію, другія только вчера родились. Однѣ довольствуются минимумомъ, къ которому едва приложимо понятіе автономіи; другія сразу требуютъ максимума, который выходитъ далеко за предѣлы этого понятія. Наконецъ, рѣшеніе однѣхъ—подготовлено большой агитаціей и обстоятельнымъ обсужденіемъ въ печати; другія скорѣе имѣютъ видъ сентиментальныхъ чаяній, чѣмъ серьезно поставленныхъ политическихъ стремленій. И всѣ эти разницы теперь должны быть подведены подъ общій уровень групповой программы. Въ результатѣ получится что-нибудь одно: или нѣкоторыя изъ этихъ задачъ будутъ обезличены, или другія будутъ раздуты, чтобы подойти подъ средній уровень групповой программы. Для тѣхъ или другихъ такая ненатуральная постановка только можетъ быть вредна. Въ этой связи назрѣвшія задачи будутъ дискредитированы союзомъ съ другими, менѣе подготовленными для немедленнаго рѣшенія. Естественно, что тѣ группы, для которыхъ рѣшеніе вопроса о территоріальной или національной автономіи наиболѣе насущно, а также и тѣ, которымъ интереснѣе и важнѣе рѣшеніе вопроса о національномъ равноправіи, чѣмъ о національномъ государственномъ правѣ, должны будутъ отнестись къ вступленію въ «союзъ автономистовъ» съ особенной осторожностью. Эта осторожность уже проявилась въ обсужденіи евреями общаго вопроса, должны ли они или не должны образовать особую національную парламентскую фракцію. Поляки такую фракцію образуютъ, но сливать свой частный вопросъ съ вопросомъ общимъ—для нихъ особенно невыгодно. Наконецъ, и мусульмане, третья большая національная группа въ думѣ, слишкомъ дорожатъ своими болѣе тѣсными и конкретными задачами, чтобы утопить ихъ въ общей постановкѣ. Кто же остается въ «союзѣ»?

Допустимъ, однако, что наши соображенія окажутся ошибочными: указываемыхъ нами причинъ внутренней слабости нѣтъ налицо; есть, напротивъ, общія и достижимыя задачи, и ихъ единство и однородность сдѣлаютъ союзъ сильнымъ и могущественнымъ. Это—не такъ, но допустимъ на минуту, что все это такъ. Что выйдетъ изъ появленія сильнаго союза автономистовъ? Прежде всего, конечно, ослабленіе всѣхъ остальныхъ группъ. Автономисты большею частью уже принадлежатъ къ другимъ партіямъ, и вступленіе въ новую партію, перекрещивающуюся со старыми, рано или поздно поставитъ вопросъ о томъ, какой партійной дисциплинѣ

подчиняться, старой или новой партіи. Вопросъ этотъ уже всталъ для евреевъ и уже послужилъ причиной раскола въ союзѣ ихъ полноправія.

Далѣе,—вся перспектива очередныхъ задачъ измѣнится. Вопросы соціальные, на которыхъ автономисты никогда не сойдутся, будутъ оттѣснены на второй планъ,—отчасти даже умышленно. Вопросы конституціонные потеряютъ интересъ первостепенности,—за исключеніемъ вопроса о верхней палатѣ, который неестественно выдвинется. Вопросъ о польской автономіи, о національномъ равноправіи—придется рѣшать при менѣе выгодныхъ условіяхъ, такъ какъ враждебное отношеніе къ этимъ и безъ того нелегкимъ вопросамъ сильно обострится, въ силу обостренія основного вопроса—о національной автономіи. Мы усердно приглашаемъ основателей союза автономистовъ серьезно подумать о всѣхъ этихъ возможныхъ послѣдствіяхъ ихъ несвоевременнаго, по нашему убѣжденію, политическаго выступленія. И если уже поздно теперь перерѣшать самый вопросъ о существованіи союза, то пусть учредители его употребятъ всѣ усилія, чтобы не нарушить ни установившихся партійныхъ связей, ни опредѣлившагося очереднаго порядка разрѣшенія важнѣйшихъ вопросовъ. Иначе, они только усложнятъ рѣшеніе этихъ вопросовъ, нисколько не облегчивъ разрѣшенія и того вопроса, который ихъ интересуетъ.

95. Думская фракція с.-д. и ея внѣпарламентскія отношенія *).

«Волна поднимается»... «Новый подъемъ революціонной волны сдвинулъ оковы, которыя... тяготѣли на россійскомъ пролетаріатѣ... съ декабря мѣсяца»... «Скоро, быть можетъ, придется... возобновить прерванную борьбу»...

«Дума должна быть готовой къ борьбѣ... Не къ той безплодной борьбѣ путемъ запросовъ, которую она до сихъ поръ вела, а къ борьбѣ активной, борьбѣ революціонной... Дума обязана вмѣшаться въ сферу управленія страной. Она должна установить строгій контроль надъ исполнительной властью... Она должна это сдѣлать! И если у буржуазно-либеральнаго большинства думы не хватитъ политической честности такъ именно дѣйствовать, тогда вы, товарищи с.-дем., вы, трудовики, должны заставить ихъ пойти по этому пути».

Мы взяли эти цитаты изъ вчерашнихъ нумеровъ новыхъ «большевистскихъ» газетъ: «Эхо» и «Сѣверная Земля». Повидимому,

---

*) „Рѣчь“, № 108, 24 іюня.

настроеніе «пролетаріата» характеризуется этими мнѣніями и совѣтами гораздо лучше, чѣмъ мнѣніями другой соціалъ-демократической газеты—«Голосъ Труда», предоставляющей взгляды «меньшевиковъ».

Въ другомъ мѣстѣ мы говорили о внутренней борьбѣ фракцій нашей соціалъ-демократіи: «меньшинства», раздѣляющаго болѣе зрѣлыя, на нашъ взглядъ, политическія мнѣнія центральнаго комитета, и «большинства», вліяніе котораго, очевидно, преобладаетъ въ спб. комитетѣ с.-д. партіи. Мнѣніе большинства характеризуется одѣланными выше выписками. Къ величайшему сожалѣнію, страсть, повидимому, окончательно беретъ верхъ надъ разумомъ въ средѣ русскихъ соціалъ-демократовъ,—и тактика «большинства» начинаетъ пользоваться большей популярностью, чѣмъ мнѣнія руководителей партіи. На междурайонной конференціи въ Петербургѣ, состоявшейся на этихъ дняхъ, оказалось, что представители «большинства» посланы 1.760 голосами, а представители «меньшинства» 952-ми, при 1,431 голосѣ, пославшемъ «безплатформенныхъ». На самой конференціи въ пользу тактики «большинства» высказались 42 представителя, а въ пользу «меньшинства»—только 29. Такимъ образомъ, рѣшенія конференціи, опиравшейся при этомъ на мнѣніе московской областной конференціи и нѣкоторыхъ провинціальныхъ организацій, склонились въ сторону организаціи «давленія пролетаріата на государственную думу», и съ этой цѣлью постановлено, прежде всего, установить связи между с.-д. фракціей въ думѣ и представителями с.-д. пролетаріата въ Петербургѣ. Повидимому, первымъ актомъ этого давленія является напечатанное вчера въ № 2 «Эхо» «Заявленіе спб. совѣта безработныхъ рабочимъ-депутатамъ государственной думы». Какъ изъ этого «заявленія», такъ и изъ листка, выпущеннаго совѣтомъ по поводу начинающихся забастовокъ (изъ него взяты цитаты перваго абзаца этой статьи), видно, что совѣтъ безработныхъ предназначенъ явиться тѣмъ центральнымъ представительствомъ «депутатовъ со всѣхъ фабрикъ и заводовъ», въ рукахъ котораго будетъ находиться руководство предстоящимъ «выступленіемъ». Новыя рѣшенія спб. соціалъ-демократовъ, очевидно, упраздняютъ старую попытку—организовать спб. «пролетаріатъ» около «трудовой группы», и во вчерашнемъ «Голосѣ Труда» помѣщено согласное съ этимъ постановленіе центральнаго комитета, по которому «трудовая группа» формально устраняется отъ устройства «правильныхъ организованныхъ сношеній съ петербургскимъ пролетаріатомъ», и задача эта всецѣло возлагается на

с.-д. «думскую фракцію». «Ради единенія съ трудовой группой», центральный комитетъ не хочетъ «жертвовать дѣломъ политическаго объединенія пролетаріата»; трудовая группа характеризуется, какъ «часть буржуазной демократіи», какъ группа, «отстаивающая интересы крестьянства, какъ сословія, состоящаго изъ экономически разнородныхъ элементовъ, объединяемыхъ не классовымъ антагонизмомъ къ буржуазіи, а сословнымъ антагонизмомъ къ дворянству и самодержавной бюрократіи».

Такимъ образомъ, выдѣленіе соціалъ-демократическихъ элементовъ въ думѣ и внѣ думы надо считать законченнымъ строго по теоріи. Остается побороть внутреннее треніе, такъ какъ думская фракція проявляетъ склонность скорѣе къ «меньшевистской» тактикѣ, тогда какъ спб. «пролетаріатъ» въ массѣ настроенъ въ пользу «большевиковъ». На этой почвѣ уже ведется распря между внѣдумскими с.-д. и думской фракціей; распря эта проявилась въ рѣзкой критикѣ той деклараціи, съ которой с.-д. депутаты выступили въ думѣ. Оказывается, что декларація, прочитанная въ думѣ, есть «шагъ вправо» отъ партійныхъ рѣшеній, и что депутатамъ былъ предложенъ болѣе рѣзкій и опредѣленный текстъ деклараціи, ими отвергнутый. Въ этомъ текстѣ соціалъ-демократія рѣзко отмежевывалась отъ «мелко-буржуазнаго» крестьянства, осуждались соціалъ-народническія тенденціи и «пробнымъ камнемъ (буржуазнаго демократизма)» объявлялось «стремленіе и готовность организовать свободное, дѣйствительно-всенародное и массовое, никакими полицейскими преградами не стѣсненное движеніе для широкой борьбы внѣ думы». Мы не знаемъ, такимъ образомъ, приметъ ли, въ концѣ концовъ, думская фракція с.-д. тактику «большевиковъ», или у нея тоже «не хватитъ политической честности» дѣйствовать по указкѣ русскихъ «бланкистовъ», и придется и на нее организовать «внѣпарламентское давленіе пролетаріата».

II-й сибирскій сѣздъ с.-д. рѣшилъ, что «цѣлью участія с.-д. въ думѣ является превращеніе демократической части думы въ органъ революціонной власти при предстоящемъ народномъ движеніи, и что, при подъемѣ этого движенія, необходимо «организовать народныя массы путемъ созданія на мѣстахъ органовъ власти, связывающихся съ революціонизирующейся частью думы». Это очень ясно и опредѣленно, но едва ли достижимо. Мы уже видѣли, что «большевикамъ» удается, повидимому, «революціонизировать» большинство организованныхъ петербургскихъ рабочихъ, но уже ихъ успѣхи въ революціонизированіи думской фракціи—въ смыслѣ принятія ею ихъ

тактики—пока оказываются сомнительными. И въ то же время, вынужденные для такого «революціонизированія» выдѣлить с.-д. фракцію» изъ родственныхъ ей элементовъ, они теряютъ возможность «революціонизировать» въ своемъ смыслѣ эти родственные элементы. Недавно В. В. Водовозовъ въ «Нашей жизни» именно съ этой точки зрѣнія осуждалъ образованіе отдѣльной с.-д. фракціи. «Оставаясь въ трудовой группѣ, говорилъ онъ, с.-д. могли бы играть очень значительную роль. Будучи компактной партіей съ опредѣленной программой и опредѣленными тактическими пріемами, они могли бы почти совершенно властвовать въ трудовой группѣ, далеко еще не сплотившейся... Въ скромной квартирѣ, занимаемой клубомъ (трудовиковъ) на Невскомъ проспектѣ, противъ Николаевскаго вокзала, гдѣ они постоянно собираются, происходитъ важная работа сплоченія этой группы и ея революціонизированія». Выйдя изъ трудовой группы, с.-д. лишили себя возможности участвовать въ этой «работѣ революціонизированія» крестьянъ и потеряли случай придать трудовой группѣ «явственный с. д. отпечатокъ».

Правда, въ труд. группѣ есть и другіе элементы, которые также занимаются этимъ дѣломъ; но, во всякомъ случаѣ, тактика этихъ элементовъ не похожа ни на «меньшевистскую», ни на «большевистскую». Когда-нибудь мы вернемся къ оцѣнкѣ этой тактики лидеровъ трудовой группы, теперь же вернемся къ нашей главной мысли. Мысль эта состоитъ въ томъ, что, несмотря на все «революціонизированіе», сознательное или безсознательное, разныхъ составныхъ элементовъ государственной думы, плоды этого революціонизированія быстро ослабѣваютъ по мѣрѣ отдаленія отъ немногихъ революціонизирующихъ центровъ, находящихся внѣ думы. Если «товарищи с.-д.» не могутъ «заставить» другихъ своихъ же «товарищей» принять большевистскую тактику, то тѣмъ труднѣе «заставить» трудовиковъ, принять тактику соціалъ-демократовъ, и еще болѣе трудно «заставить буржуазно-либеральное большинство думы» принять тактику лидеровъ обѣихъ болѣе крайнихъ группъ, хотя бы даже и употреблялись при этомъ такіе пріемы, какъ заподазриваніе «политической честности».

Въ послѣдніе дни тактика «давленія» слѣва, повидимому, принимаетъ конкретныя формы. Но результатъ этой тактики прямо противоположенъ тѣмъ цѣлямъ, которыя она преслѣдуетъ. Чѣмъ рѣзче и рѣшительнѣе становятся употребляемыя въ дѣло средства, тѣмъ менѣе впечатлѣнія они производятъ внутри думы. Конечно, эти средства и расчитаны, главнымъ образомъ, на впечатлѣніе извнѣ,—

и въ этомъ отношеніи они цѣли своей, видимо, достигаютъ. Но и этимъ средствомъ—организовать «давленіе» на думское большинство лѣвымъ элементамъ думы едва ли удастся.

Если имъ суждено своимъ крикомъ заглушить голосъ разсудка и благоразумія въ странѣ, если имъ удастся затормозить законодательную работу думы, можетъ быть, вызвать перерывъ въ ея дѣятельности, организовать новыя болѣе грандіозныя «активныя» выступленія и утопить освободительное движеніе въ потокахъ крови, погрузивши страну въ хаосъ, изъ котораго одинъ выходъ—военная диктатура,—то во всемъ этомъ мы имъ помогать не станемъ. Мы знаемъ, есть моменты, когда трудно заставить людей слушаться голоса разсудка; и передъ однимъ изъ такихъ моментовъ мы, повидимому, стоимъ. Но, во всякомъ случаѣ, мы будемъ вести себя такъ, чтобы не упрекать себя потомъ, что мы этотъ моментъ приблизили. Дума будетъ орудіемъ умиротворенія страны, или ея не будетъ вовсе; но орудіемъ для водворенія хаоса она не будетъ.

96. Эволюція трудовой группы *).

Г. Танъ въ «Мысли» очень художественно изобразилъ моментъ зарожденія парламентской «трудовой группы». По объявленію въ газетахъ, напечатанному депутатами Аладьинымъ, Шапошниковымъ и Онипко, къ нимъ на квартиру явилось сперва восемь, потомъ еще двѣнадцать человѣкъ; вслѣдъ за ними г. Заболотный привелъ въ поводу дюжину подольскихъ «дядьковъ», въ чоботахъ и свиткахъ, а за нимъ, послѣ предварительныхъ развѣдокъ, пришли «ерогинцы» двумя партіями—вторую привелъ самъ г. Ерогинъ, но г. Аладьинъ, со свойственной ему рѣшительностью, принявъ крестьянъ, не пустилъ г. Ерогина дальше порога.

Такъ сложилось ядро «трудовой группы». Исторія пока молчитъ о томъ, что происходило за порогомъ сборной квартиры, но по всему надо думать, что хозяевамъ пришлось потратить немало усилій, чтобы изъ случайнаго конгломерата людей, объединенныхъ лишь соціальнымъ происхожденіемъ и костюмомъ, создать нѣчто похожее на политическую группу. По собственнымъ показаніямъ членовъ этой группы, собраннымъ г. Бородинымъ еще въ маѣ, политическія убѣжденія ихъ были въ то время весьма разнообразны. Около четверти (27 изъ 107) совсѣмъ ничего не указали относительно своихъ убѣжденій; пятая часть (21) показали, что они «без-

*) „Рѣчь“, № 109, 25 іюня.

партійные». Изъ остальной половины значительное число заявили себя близкими къ партіи народной свободы (18), пятеро—лѣвѣе этой партіи, 9—крестьянскаго союза и 19 оказались соціалистами разныхъ оттѣнковъ: соціалъ-демократами (10), соціалистами-революціонерами (2) и внѣпартійными соціалистами (7).

Инымъ казалось, что при такомъ составѣ едва ли есть достаточное основаніе для отдѣльнаго существованія «трудовой группы». Значительная часть крестьянскихъ элементовъ, все равно, продолжала оставаться внѣ группы, распредѣляясь между самыми различными по политическимъ взглядамъ партіями;—съ другой стороны, и въ составѣ самой трудовой группы, помимо чистыхъ «трудовиковъ», имѣлось достаточно руководителей-интеллигентовъ.

Но именно это интеллигентское вліяніе и послужило первымъ цементомъ для группы. Вѣроятно, когда-нибудь мы узнаемъ изъ первыхъ источниковъ, какъ и кѣмъ проводилось это вліяніе революціонной интеллигенціи на трудовую группу. Но уже и теперь ясно, что на ней испробовали силу своихъ аргументовъ и чистые эсъ-эры, и соціалъ-народники, и свободные соціалисты, и дѣятели крестьянскаго союза. Всѣ эти вліянія не совсѣмъ дружно уживались рядомъ; по нѣкоторымъ объективнымъ признакамъ видно и непосвященному, какъ одно вліяніе уступало другому и, въ свою очередь, само утрачивало силу. Несомнѣнно, окончательно за флагомъ остались въ этой борьбѣ чистые эсъ-эры, аграрный проектъ которыхъ трудовая группа сочла долгомъ внести въ думу, но поддерживать, очевидно, не собиралась. Крушеніе эсъ-эровскаго аграрнаго проекта положило грань движенію группы влѣво. Собственный аграрный проектъ группы, болѣе умѣренный, примыкаетъ къ соціалъ-народническому направленію; но, повидимому, и этотъ проектъ далеко не единодушно раздѣляется всей трудовой группой. Формальныя отпаденія крестьянъ отъ группы и переходы ихъ не только къ сосѣдней группѣ народной свободы, а и къ правымъ группамъ думы лучше всего характеризуютъ то настроеніе рядовыхъ членовъ группы, о которомъ ея лидеры не говорятъ съ трибуны.

Однако же, есть нѣчто, что мѣшаетъ уходить изъ группы даже тѣмъ крестьянамъ, которые совершенно извѣрились въ истинность внушаемыхъ имъ интеллигентскихъ ученій. Это нѣчто есть принадлежность къ одному и тому же сословію и недовѣріе ко всѣмъ другимъ. Крестьянскіе избиратели недовольны своимъ депутатомъ, если онъ не запишется въ трудовую группу; одинъ фактъ перехода

въ другую группу уже представляется имъ измѣной. Этимъ настроеніемъ избирателей руководители очень искусно пользуются, депутату недостаточно радикальному всегда грозитъ жалоба на него его избирателямъ. Такимъ образомъ, при всѣхъ теоретическихъ разногласіяхъ, въ которыхъ едва ли всегда разбираются и всѣ члены группы, группа продолжаетъ существовать, сплачиваемая единствомъ классового интереса.

Можетъ быть, еще сильнѣе, чѣмъ положительныя причины, вліяютъ на упроченіе группы причины отрицательныя: отношеніе группы и ея руководителей къ другимъ партіямъ. Намъ кажется, что и тутъ группа уже пережила нѣсколько фазисовъ. Въ первое время отношеніе ея къ партіи народной свободы было довольно дружелюбное, и цѣлый рядъ дѣйствій въ думѣ былъ предпринятъ вмѣстѣ, безъ всякихъ взаимныхъ счетовъ и соперничества. Надо напомнить, что во многихъ мѣстахъ члены трудовой группы были выбраны подъ флагомъ народной свободы; только въ Саратовѣ существовала «трудовая» группа, депутаты которой и сдѣлались основателями парламентской группы. Затѣмъ послѣдовала полоса усиленныхъ интеллигентскихъ вліяній, сильно обострившихъ отношеніе трудовой группы къ ея сосѣдямъ справа. «Не виной, но бѣдой этой группы было то, что она, наскоро сплоченная изъ самыхъ разнородныхъ элементовъ, составляла крайнюю лѣвую нашего парламента»,—замѣчаетъ совершенно справедливо «Голосъ Труда». Какъ самая лѣвая, трудовая группа обязывалась имѣть самые радикальные взгляды по всѣмъ вопросамъ. Такъ какъ въ дѣйствительности этого не было, то руководителямъ партіи пришлось пускать въ ходъ легенду. Въ это время распускались слухи, что, напр., «принудительное отчужденіе» введено въ аграрный проектъ к.-д. «трудовиками», что принятая к.-д. формула недовѣрія министерству, принадлежавшая трудовикамъ, была самая крайняя и т. д. Высшей точкой этого настроенія была попытка заставить думу, вопреки закону, принять немедленно законопроектъ о смертной казни, потомъ попытка провести въ думѣ проектъ мѣстныхъ комитетовъ, составленныхъ по семичленной формулѣ; наконецъ, эсъ-эровскій проектъ аграрной реформы, подписанный 33 членами трудовой группы. Неудачи всѣхъ этихъ выступленій, повидимому, убѣдили трудовую группу, что этимъ путемъ ей дѣйствовать нельзя. Сама собой, тактика группы измѣнилась и вступила въ третій фазисъ. Ея дѣятельность стала теперь направляться не на «давленіе» внутри думы, а на агитацію внѣ думы. Созна-

тельнымъ расчетомъ подѣйствовать на страну объясняется и рѣзкій тонъ, и самое содержаніе рѣчей ея лидеровъ. Такимъ образомъ, осуществляется роль думы, какъ «трибуны», и осуществляется, несомнѣнно, весьма успѣшно. Эта именно сторона дѣятельности доставила трудовой группѣ огромную, быстро выросшую популярность въ странѣ. На почвѣ этой популярности могъ бы создаться и другой рядъ дѣйствій, направленный къ организаціи трудового населенія. Но именно въ этомъ случаѣ интеллигентскіе споры, повидимому, парализовали дѣятельность трудовой группы. Соціалъ-демократы кончили тѣмъ, что ушли изъ группы и теперь стараются отрѣзать группу отъ прямого воздѣйствія на городской пролетаріатъ. Противъ эсъ-дековъ группа могла бы опираться на эсъ-эровъ, вліяніе которыхъ на столичныхъ рабочихъ очень значительно. Но мы видѣли, что и съ эсъ-эрами трудовая группа окончательно размежевалась, и къ ея вождямъ чистые эсъ-эры относятся теперь очень несочувственно. Вновь возникшая, болѣе умѣренная, соціалъ-народническая группа имѣетъ больше задатковъ жизненности, но для организаціи населенія она едва ли успѣла что-нибудь сдѣлать. Такимъ образомъ, при всемъ повсемѣстномъ сочувствіи и при обширныхъ личныхъ связяхъ, вліяніе трудовой группы на мѣстахъ пока не вылилось ни въ какую опредѣленную форму.

Между тѣмъ, увлеченные пропагандой въ странѣ, лидеры трудовой группы, повидимому, потеряли непосредственное вліяніе на думскія дѣла. Ихъ самостоятельныя выступленія, вродѣ предстоящаго внесенія законопроектовъ объ арміи и объ амнистіи, расчитаны, очевидно, не на какой-нибудь практическій результатъ, а на тотъ же самый агитаціонный эффектъ. Ихъ роль крайней лѣвой перешла теперь къ соціалъ-демократической фракціи, въ глазахъ которой «трудовики» суть та же мелкая буржуазія. Съ другой стороны, утрированная рѣзкость рѣчей и слишкомъ поверхностный радикализмъ рѣшеній вызываютъ все большее недовольство средп крестьянскаго элемента трудовой группы. На этой почвѣ снова начинается—пока лишь фактическое—сближеніе «трудовиковъ» съ партіей народной свободы.

Какой же общій итогъ можно подвести дѣятельности трудовой группы? Меньшевистскій «Голосъ Труда» подводитъ этотъ итогъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ... «Не испытывая никакого опредѣленнаго вліянія извнѣ, раздираемая внутри разногласіями, неспособная на упорное, сознательное проведеніе опредѣленной тактики, трудовая группа не только не оказывала никакого давленія на лѣвое

крыло кадетовъ и на всю кадетскую партію въ цѣломъ, но довольно часто оказывалась—по признанію самихъ сторонниковъ своихъ—идущей «на буксирѣ за кадетами».

Намъ такой отзывъ кажется несправедливымъ. Мы не отрицаемъ, что собственно въ думской дѣятельности трудовая группа не имѣла большого вліянія,—но еще меньше вліянія можетъ имѣть вновь образовавшаяся с.-д. фракція. Близость къ «кадетамъ», конечно, нельзя объяснить зависимостью отъ нихъ, а просто тѣмъ, что, въ сущности, нѣтъ непримиримыхъ различій между программами и тактикой обѣихъ группъ: и ихъ естественная близость сознавалась бы еще яснѣе и лучше, если бы не было предвзятой интеллигентской пропаганды извнѣ противъ «кадетовъ». Но главная и несомнѣнная заслуга трудовой группы заключается въ томъ, что она сильно помогла укрѣпить за думой симпатіи всего населенія. Для русскаго крестьянства, несомнѣнно, понятіе о думѣ очень часто сводится къ понятію о трудовой группѣ, и ея лидеры быстро становятся народными героями. Мы бы желали, чтобы чувство отвѣтственности росло въ ихъ сознаніи вмѣстѣ съ ростомъ ихъ популярности. Если вся дума вмѣстѣ дѣлаетъ великое и сложное дѣло переустройства соціальнаго строя, то въ этомъ дѣлѣ эмоціональная сторона приходится спеціально на долю трудовой группы. Отъ этой группы въ значительной степени зависитъ создавать иллюзіи и готовить опасныя разочарованія, или заблаговременно ознакомить населеніе съ элементами предстоящаго практическаго рѣшенія. Отъ того, какъ группа используетъ свое вліяніе, зависитъ въ большой мѣрѣ успѣхъ или неуспѣхъ соціальной реформы. Къ счастью, доктринерскія вліянія на группу до сихъ поръ оказывались наносными и скоропреходящими. Крестьянскій составъ ея самъ по себѣ составляетъ такую могущественную поправку, передъ которой не устоятъ никакія доктринерскія построенія. Вотъ почему мы думаемъ, что роль трудовой группы только начинается по мѣрѣ ея освобожденія отъ внѣшнихъ вліяній и что то дѣло, которое ей придется дѣлать серьезно, будетъ наше общее дѣло.

3. Историческіе дни въ думѣ.

97. Первое засѣданіе *).

Столица пережила вчера день незабываемыхъ впечатлѣній. Первый день русской политической свободы!.. Онъ начался сумрачно, какъ-то совсѣмъ не по-праздничному,—этотъ достопамятный день. Улицы были пустынны утромъ; обыватель чуялъ что то недоброе, порохомъ пахло въ воздухѣ. Необычайно пустынная Нева принесла на себѣ въ Зимній дворецъ высокихъ гостей. Тронная рѣчь стояла въ программѣ дня первымъ номеромъ. Опасенія и надежды населенія отражались въ толкахъ и предположеніяхъ по поводу ожидаемаго содержанія рѣчи. Боялись, что слово «самодержавіе» лишній разъ раздастся съ высоты престола; надѣялись, что въ рѣчи провозглашена будетъ жадно ожидаемая, страстно призываемая всѣмъ народомъ полная политическая амнистія. Ни опасеніямъ, ни надеждамъ не суждено было осуществиться. Предостереженіе противъ дальнѣйшаго употребленія слова «самодержецъ», данное большинствомъ депутатовъ въ протоколѣ соединеннаго засѣданія нѣсколькихъ парламентскихъ группъ, прозвучало не даромъ. Но и ни шагу впередъ правительство не рѣшилось ступить навстрѣчу общественному мнѣнію—въ тотъ день, когда малѣйшій шагъ былъ бы принятъ народомъ съ удесятереннымъ вниманіемъ и отзывчивостью. Наше правительство отличается своимъ умѣньемъ пропускать благопріятныя минуты. Тронная рѣчь съ большимъ искусствомъ обошла всѣ щекотливыя темы. Съ этой стороны день прошелъ безъ всякой отмѣтки: ни впередъ, ни назадъ правительство не двинулось по той узкой тропинкѣ, на которой оно давно топчется между фантастическимъ страхомъ передъ «красными» и еще болѣе утопической надеждой на «черныхъ». Но топтаться на одномъ мѣстѣ, когда все кругомъ идетъ впередъ,—значитъ отступать. Моментъ обнаружилъ только одно—то же самое, что мы знали и раньше: отсутствіе плана. Къ этому такъ привыкли, что, не останавливаясь надъ разгадкой умолчаній и намековъ, впечатлѣнія дня прошли мимо своей дорогой.

Увы, дорога эта вела изъ Зимняго дворца въ Таврическій... мимо «Крестовъ»; и изъ многочисленныхъ оконъ-клѣтокъ тюрьмы

*) „Рѣчь“, № 60, 28 апр.

народные представители слышали единодушныя напутствія и требованія. Эти окна должны были быть пусты вчера, если бы правительство умѣло снискивать народную любовь. Но они были полны,—полны, какъ никогда.

И тамъ, у дворца, народъ стоялъ густыми шпалерами, и въ воздухѣ стояло теперь это слово,—то слово, о которомъ краснорѣчиво молчала тронная рѣчь. И народные представители перешагнули порогъ своего храма съ этимъ словомъ въ ушахъ, съ этими бѣлыми платками заключенныхъ передъ глазами. Нужно, что нибудь нужно сдѣлать немедленно, сейчасъ, несмотря ни на какія формальности. Если нельзя сдѣлать, нужно хоть крикнуть, найти хоть какое-нибудь внѣшнее выраженіе для нестерпимой боли души...

Священнодѣйствіе началось. Раззолоченный рядъ героевъ вчерашняго дня по одну сторону, разношерстый рядъ героевъ завтряшняго—по другую сторону балюстрады. Сошлись два міра, два полюса общественной жизни: какимъ языкомъ будутъ они говорить, чтобы понять другъ друга? Какими средствами будутъ бороться,—потому что бороться они должны и будутъ.

Огромный амфитеатръ, переполненный людьми, загадочными для однихъ, близкими и родными другимъ,—заговорилъ: заговорилъ сперва избирательными бюллетенями. Затаивъ дыханіе, зала прислушивалась къ первымъ звукамъ этого голоса.

«Муромцевъ, Муромцевъ... Муромцевъ»... 426 разъ одинъ Муромцевъ, какъ кандидатъ въ предсѣдатели, единогласно (противъ 10 голосовъ) прокламированный всѣми партіями: это былъ первый голосъ амфитеатра. Муромцевъ—это не только знамя своей партіи. Это залогъ единства политическаго настроенія въ думѣ по важнѣйшимъ вопросамъ, это послѣдній якорь спасенія для тѣхъ, кто надѣется на возможность мирнаго исхода. Это—пока еще не угроза, а лишь предостереженіе: съ этимъ уже примирились, какъ съ неизбѣжнымъ.

Сѣдой старичекъ изъ раззолоченнаго сонма уступаетъ мѣсто представителю организованной народной воли,—и физіономія амфитеатра сразу мѣняется! Зала теперь оживаетъ по сю сторону балюстрады: по ту сторону выраженіе лицъ становится непроницаемымъ. Они напряженно ждутъ. И имъ предстоитъ первое маленькое испытаніе.

На кафедру всходитъ Петрункевичъ. Его слова—первыя слова свободнаго собранія представителей народа—посвящены героямъ свободы. Слово, просившееся на языкъ весь день, слово, о которомъ омлчали въ Зимнемъ дворцѣ, которое раздавалось изъ оконъ выборг-

ской тюрьмы, которое стономъ стояло въ воздухѣ передъ Таврическимъ дворцомъ,—это слово, наконецъ, раздалось съ трибуны русскаго парламента. Оно раздалось спокойно, смѣло, самоувѣренно,—властно отвоевывая себѣ мѣсто у обычныхъ формальностей парламентской процедуры. Мы знаемъ,—говорилъ Петрункевичъ,—что мѣсто требованія амнистіи не здѣсь, а въ дебатахъ объ адресѣ; но мы должны дать выраженіе тому, что у всѣхъ наболѣло.

Поднялся предсѣдатель и сказалъ свое первое слово. Это было опять то же слово твердости, слово спокойной, увѣренной въ себѣ силы. Это говорилъ хозяинъ собранія, и онъ—характерная мелочь—показалъ настоящее мѣсто гостямъ, позабывшимъ, что они уже не хозяева, приказавъ имъ выйти изъ залы. Кончая свою рѣчь, онъ сказалъ слова, которыя нужно запомнить. Онъ сказалъ, что собраніе должно относиться съ уваженіемъ къ правамъ конституціоннаго монарха и собраніе, молчавшее въ Зимнемъ дворцѣ, разразилось рукоплесканіями по адресу конституціоннаго монарха. Исторія отмѣтитъ это первое выраженіе парламентской лояльности: деликатнаго и хрупкаго чувства, которое можно сберечь и развить только внимательнымъ уходомъ. Въ этомъ выраженіи дано обѣщаніе, но и поставлено условіе его выполненія. Когда зала смолкла, предсѣдатель продолжалъ. Собраніе будетъ твердо стоять за права, вытекающія изъ самой природы народнаго представительства. Зала снова дрогнула отъ сильнѣйшихъ рукоплесканій. Въ корректныхъ выраженіяхъ предсѣдатель сумѣлъ вполнѣ выразить основную мысль собранія и основную задачу всего политическаго положенія. За его словами почувствовалъ амфитеатръ, почувствовали ложи, почувствуетъ сегодня и вся страна, что отнынѣ ключъ къ рѣшенію задачи находится здѣсь, въ этой залѣ. «Гости» и «хозяева» Таврическаго дворца помѣнялись мѣстами.

98. Обсужденіе отвѣтнаго адреса *).

Центральный интересъ вчерашняго засѣданія государственной думы заключался въ обсужденіи проекта отвѣтнаго адреса на тронную рѣчь. Надо сказать, что до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, обсужденіе это ничего почти не прибавило къ самому проекту. Главной причиной такого скуднаго содержанія преній, несомнѣнно, является

*) „Рѣчь“, № 63, 3 мая.

то, что существенныя разногласія между разными политическими группами думы были уже обсуждены и сглажены въ предыдущей стадіи обсужденія, именно въ той комиссіи 33-хъ, которая подготовила проектъ адреса и работа которой была завершена въ 18-ти часовомъ непрерывномъ засѣданіи. Въ результатѣ этого обсужденія, въ которомъ участвовали представители всѣхъ оттѣнковъ мнѣній, проектъ адреса принялъ ту форму, въ которой онъ появился въ печати. Къ этому печатному тексту, поэтому, и должны обращаться тѣ, кто хочетъ выяснить себѣ, какія разнорѣчія становились при обсужденіи адреса и почему получились итоги именно такіе равнодѣйствующіе

Вступительныя фразы адреса, впрочемъ, являются не столько результатомъ компромисса между разными политическими мнѣніями и программами, сколько выраженіемъ общаго и единодушнаго настроенія думы. Исходной точкой здѣсь являются подлинныя выраженія тронной рѣчи, и ихъ передача въ адресѣ служитъ комментаріемъ, устанавливающимъ тотъ точный смыслъ, въ какомъ государственная дума соглашается понимать неопредѣленныя выраженія тронной рѣчи. Въ этой рѣчи давалось обѣщаніе сохранить непоколебимыми «установленія», на которыхъ основана новая форма устройства законодательной власти. Отвѣтный адресъ говоритъ, что эта форма должна «соотвѣтствовать строго-конституціоннымъ началамъ», и къ ней относитъ обѣщаніе о непоколебимости государственныхъ установленій. «Непоколебимость» не значитъ «несмѣняемость», и эту поправку адресъ дѣлаетъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Прежде всего, онъ напоминаетъ о необходимости, признанной самой верховной властью, расширить избирательное право, положивъ въ основу его всеобщее голосованіе. Немало голосовъ раздавалось противъ такой общей формулы: требовали ея раскрытія. Болѣе подробная формула, однако, противорѣчила бы общему характеру адреса. Комиссія, составлявшая проектъ, руководилась желаніемъ объединить въ принятіи адреса всю думу и для этой цѣли придала проекту ту форму, которую могла принять каждая партія, ничуть не измѣняя никакимъ требованіямъ своей программы. Вотъ почему, по каждому коренному пункту адресъ придавалъ своимъ формуламъ только ту степень детальности и конкретности, которая дозволялась внутренними различіями мнѣній, представленныхъ въ комиссіи. И если, несмотря на такой компромиссный характеръ, адресъ все-таки выражаетъ съ большой цѣльностью и опредѣленностью политическую и соціальную программу русской оппозиціи,—то это лишь свидѣтельствуетъ о силѣ, глубинѣ и единствѣ того общественнаго движенія, которое дало Россіи оппозиціонную думу.

Главное содержаніе проекта и состоитъ въ формулировкѣ основныхъ пунктовъ этой общей оппозиціонной программы. Она, вмѣстѣ съ тѣмъ, является и программой очередной дѣятельности думы. Программу эту, въ сущности, должна бы была дать тронная рѣчь, но для этого нужно было бы, чтобы она опиралась на министерство, пользующееся довѣріемъ страны. На дѣлѣ министерство виситъ въ воздухѣ; поэтому оно только и могло выйти къ думѣ съ пустыми руками. Программу даетъ теперь сама дума: народные представители исполняютъ обязанность, не исполненную министерствомъ. Это только естественно и, конечно, желательно.

Мы не будемъ касаться этой программной части отвѣтнаго адреса, такъ какъ, насколько позволяло желаніе избѣгнуть разногласій, она лишь воспроизводитъ всѣмъ извѣстную программу парламентскаго большинства. Конечно, самая возможность провести столь близкую къ мнѣніямъ большинства программу, какъ мнѣніе всей или почти всей думы, указываетъ на огромную силу думскаго большинства.

Важнѣе тѣ части адреса, которыя обращены къ власти и выражаютъ собой тѣ ожиданія, которыя дума возлагаетъ на власть и исполненіемъ которыхъ она обусловливаетъ возможность спокойной и мирной работы. Законодательствомъ дума будетъ заниматься и впредь, тогда какъ для выраженія пожеланій отъ власти—отвѣтъ на тронную рѣчь представляетъ единственный удобный случай.

Общая политическая амнистія составляетъ первое и ближайшее изъ такихъ пожеланій. Амнистія не можетъ быть осуществлена въ формѣ законопроекта,—и этимъ объясняется обращеніе по поводу амнистіи къ верховной власти. Отъ полноты осуществленія этого желанія, по правильному замѣчанію адреса, зависитъ и «взаимное пониманіе, и взаимное согласіе» между думой и правительствомъ.

Другое, не столь неотложное, но принципіально не менѣе важное, пожеланіе—есть пожеланіе о расширеніи законодательной компетенціи думы и о полномъ устраненіи всего, что стоитъ между народомъ и монархомъ. Пожеланія, высказанныя въ этомъ отношеніи, формулированы ясно и недвусмысленно. Они сводятся къ уничтоженію государственнаго совѣта, къ устраненію ограниченій законодательныхъ функцій думы, введенныхъ «основными законами», къ установленію министерства, отвѣтственнаго передъ большинствомъ. Послѣднее пожеланіе даетъ составителямъ адреса возможность въ самыхъ опредѣленныхъ, хотя и корректныхъ выраженіяхъ, указать на великій вредъ безотвѣтственной администраціи, на искаженіе ею

великихъ задачъ политической реформы, формулированныхъ уже въ манифестѣ 17 октября, на необходимость устранить личный составъ администраціи высшей и низшей, чтобы «обновленіе жизни» стало возможно.

«A sweeping program»—программа, которая хочетъ разомъ все создать и разомъ со всѣмъ покончить: таково впечатлѣніе, которое адресъ можетъ произвести и, несомнѣнно, производитъ на посторонняго наблюдателя. «Это—программа на долгіе годы»,—говорятъ другіе. Русскому человѣку, изстрадавшемуся отъ всѣхъ тѣхъ бѣдствій, радикальнаго устраненія которыхъ хочетъ отвѣтный адресъ, дѣло представляется съ другой стороны. Пусть дѣло осуществленія всего того законодательства, которое необходимо для коренного уврачеванія золъ русской жизни, затянется: но важно создать убѣжденіе, что дѣло это будетъ, во всякомъ случаѣ, сдѣлано. И, прежде всего, немедленно необходимы и неотложны мѣры—какъ разъ тѣ, которыми наименѣе располагаетъ сама палата,—которыя устранили бы нервность, подняли бы увѣренность и создали бы ту атмосферу общественной солидарности, въ которой парламентское большинство можетъ работать, опираясь на сильную власть. Моментъ подачи адреса—моментъ критическій: такія минуты часто не приходятъ. Палата въ своемъ отвѣтѣ показала, что она хочетъ и можетъ сдѣлать. Если она получитъ возможность исполнить свои намѣренія, народное представительство явится средоточіемъ, около котораго сгруппируются всѣ живыя силы народа. Если возможность работать будетъ у нея отнята, то первое, безотчетное и потому самое сильное, довѣріе къ представительству подвергнется тяжелому испытанію, и разъ поколебленное,—его трудно будетъ возстановить всецѣло. Медовый мѣсяцъ политической свободы пройдетъ быстро: отъ умѣнья всецѣло его использовать зависитъ все политическое будущее страны.

99. Принятіе адреса и единство оппозиціи *).

Проектъ отвѣтнаго адреса на тронную рѣчь принятъ, наконецъ, думой почти въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ вышелъ изъ рукъ составившей его комиссіи 33-хъ. Немногія поправки и дополненія къ первоначальному тексту не всѣ можно признать удачными. Нужно, однако же, отдать полную справедливость нашей первой палатѣ

*) „Рѣчь“, № 66, 6 мая.

представителей: она съ необыкновеннымъ тактомъ и дисциплиной вышла изъ всѣхъ почти затрудненій и ловушекъ, которыя ставились ей со всѣхъ сторонъ многочисленными ораторскими импровизаціями. Противъ излишествъ парламентскаго краснорѣчія палата протестовала самымъ дѣйствительнымъ методомъ: залъ пустѣлъ, какъ только потоки краснорѣчія выходили изъ нормы. И тѣ, кто на основаніи трехдневнаго засѣданія, посвященнаго дебатамъ объ адресѣ, рѣшилъ бы, что дума превратилась въ «говорильню», показалъ бы только этимъ, что онъ не въ состояніи оцѣнить ни серьезности момента, ни важности достигнутыхъ результатовъ.

Принятіе думой отвѣтнаго адреса есть актъ величайшаго политическаго значенія, и ночному засѣданію 5—6 мая суждено остаться историческимъ. Само собой разумѣется, что все, что сказано въ адресѣ, не есть какая-либо новость. Все это уже нѣсколько лѣтъ говорится и утверждается со всякой общественной трибуны. Но важно то, что теперь все то, что составляетъ нервъ и существо освободительнаго движенія, повторено и единогласно принято первымъ русскимъ народнымъ собраніемъ, какъ практическая программа, подлежащая немедленному осуществленію въ учрежденіи, имѣющемъ право осуществлять. Никакая партійная критика не можетъ умалить великаго значенія этого факта для страны, для самой думы и для главы государства.

Страна въ отвѣтномъ адресѣ должна узнать и признать свою думу—ту думу, въ которую она послала подавляющее большинство защитниковъ народной свободы. Правда, въ послѣдніе дни дѣлаются усиленныя попытки дискредитировать это большинство въ глазахъ страны. Съ усердіемъ, заслуживающимъ лучшаго употребленія, къ думѣ примѣняютъ всѣ пріемы дискредитированія новаго правительства; въ ея словахъ и дѣлахъ усердно разыскиваютъ признаки «измѣны» народному дѣлу. Къ какимъ рискованнымъ средствамъ прибѣгаютъ при этомъ, видно изъ того, что, напримѣръ, упоминаніе въ адресѣ общаго термина «всеобщее избирательное право» подало поводъ къ цѣлому потоку упрековъ и заподазриваній, будто господствующая партія въ думѣ «свернула свое знамя» и отказалась отъ своихъ обѣщаній. Отголосокъ подобныхъ подозрѣній можно видѣть въ письмѣ А. Р. Ледницкаго. Разумѣется, дѣятельность думы не замедлитъ фактически опровергнуть всѣ эти нападки, но онѣ все-таки производятъ свое впечатлѣніе и создаютъ атмосферу нервности, крайне неудобную для успѣшной работы народныхъ представителей.

Долгъ думы былъ—формулировать желанія страны въ своемъ обращеніи къ власти; и долгъ страны теперь—поддержать оппозиціонную думу. Никогда, можетъ быть, массовая поддержка выставленной думой программы не была такъ важна, какъ въ настоящій моментъ. Мы говоримъ здѣсь не о той «активной» поддержкѣ, которой принято грозить правительству въ случаѣ «разгона» думы; мы говоримъ о поддержкѣ, которая должна немедленно сопровождать думу въ ея нелегкой работѣ. Всего опаснѣе было бы для успѣха этой работы,—и всего выгоднѣе для правительства,—если бы внѣпарламентская поддержка приняла форму внѣпарламентскаго «давленія» и если бы думу захотѣли использовать только, какъ ступень къ организаціи «перманентной революціи». Есть признаки, указывающіе на то, что блестящій успѣхъ оппозиціи оживилъ старыя иллюзіи, казавшіяся похороненными, и грозитъ вернуть революціонное движеніе на тотъ путь бланкизма, съ котораго благоразумное «меньшинство» русской соціалъ-демократіи такъ усердно старалось свести его послѣ неудачи декабрьскаго «вооруженнаго возстанія». Если страна хочетъ идти путемъ систематической организаціи общественныхъ силъ, а не путемъ импровизированныхъ Haupt-und Staatsactionen, она должна рѣшительно высказаться противъ этой устарѣлой тактики и противъ связанной съ нею утопической идеологіи. Вмѣсто того, чтобы давать вѣру придирчивой и явно несправедливой критикѣ, опирающейся на традиціи стараго революціоннаго доктринерства, страна должна активно поддержать принятый думой адресъ многочисленными выраженіями солидарности съ нимъ. Только такимъ образомъ можно будетъ вполнѣ использовать адресъ, какъ символъ единства русскаго оппозиціоннаго движенія.

Дать адресу этотъ характеръ единства, а не тѣсной партійности, было главной задачей его составителей; и дума подчеркнула такой характеръ адреса, принявъ его единогласно. Странная сецессія пяти членовъ палаты, принимавшихъ участіе во всѣхъ предыдущихъ стадіяхъ обсужденія, внесшихъ въ текстъ немало поправокъ и измѣненій и въ послѣднюю минуту отказавшихся нести солидарную отвѣтственность за адресъ, только подчеркнула изолированность этой маленькой кучки. Конечно, не изъ этихъ людей выйдетъ «министерство, пользующееся довѣріемъ большинства»: вчерашній поступокъ провелъ между ними и остальной палатой неизгладимую борозду. Впрочемъ, рѣчи М. А. Стаховича, лидера этой группы, и были обращены совсѣмъ не по адресу палаты. Орловскій депутатъ твердо помнитъ завѣтъ своихъ избирателей: «не задѣвать, но поддержать» верховную власть.

«Поддерживать», такъ же какъ и «задѣвать», можно различно. Если министерство Витте-Дурново «поддерживало» власть, то, несомнѣнно, адресъ ее «задѣваетъ», такъ какъ онъ опрокидываетъ всю политику павшаго министерства. Но если эта политика, какъ и было въ дѣйствительности, была систематическимъ «задѣваніемъ» власти, выставленіемъ ея подъ непрерывные удары общественнаго мнѣнія, отдачей ея на жертву народному негодованію и ненависти, тогда политика, рекомендуемая адресомъ, есть, безусловно, политика «поддержанія» власти.

Разумѣется, власти, а не министерства. Министерство продолжаетъ отсутствовать, какъ бы сознавая, что единогласное принятіе адреса думой наноситъ ему самый рѣшительный ударъ. Оно должно теперь вынести передъ думой свою собственную программу: но какую программу можетъ оно вынести? Князь Мещерскій совѣтуетъ, правда, министерству немедленно сказать, что въ адресѣ «пріемлемо» и «непріемлемо»; что «пріемлемо безотлагательно» и должно быть «осуществлено немедленно»; что «пріемлемо къ разсмотрѣнію и обсужденію въ порядкѣ законодательныхъ проектовъ, по иниціативѣ думы возбуждаемыхъ», и что, наконецъ, «безусловно непріемлемо».

Странный планъ! Поступивъ такимъ образомъ, министерство начало бы съ нарушенія даже той «конституціи», незыблемость которой намъ гарантирована тронной рѣчью. «Непріемлемое» въ порядкѣ законодательства можетъ оказаться таковымъ только послѣ обсужденія въ существующихъ законодательныхъ «установленіяхъ». О «непріемлемомъ» въ иномъ порядкѣ—дума только представляетъ свои желанія; но министерство, которое будетъ имѣть мужество объявить эти желанія «непріемлемыми», должно будетъ помнить, что этимъ самымъ оно объявитъ себя противъ страны,—противъ всей Россіи, кромѣ одного голоса г. Гринмута и еще тѣхъ немногихъ голосовъ, которые такъ предусмотрительно коллекціонируются теперь въ «Правительственномъ Вѣстникѣ». Какъ, однако, много утекло воды съ тѣхъ поръ, какъ кадеты пописывали въ «лейбъ-органъ графа Витте», урезонивая и журя «ка-детовъ» изъ народной свободы! Теперь «министерская партія» формулируется не въ думѣ и не изъ «сѣренькихъ» мужичковъ, а въ «союзѣ русскаго народа», и надѣется побѣдить не избирательнымъ бюллетенемъ, не голосованіемъ въ думѣ, а старымъ, старымъ средствомъ—погромомъ. И органомъ ея служатъ не Подхалимовы, а Собакевичи. Что же, милости просимъ! Мы сосчитались; мы сосчитали и васъ: мы теперь знаемъ свои и ваши силы. Хотите помѣряться?

100. Вотумъ недовѣрія *).

Вчера мы пережили еще одинъ историческій день—одинъ изъ тѣхъ дней, которыми отмѣчаются этапы исторіи. Два міра встрѣтились и помѣрялись силами, и на чьей бы сторонѣ ни оказалось, въ концѣ концовъ, преимущество силы физической, моральный перевѣсъ безспорно остался на сторонѣ новаго міра—народной свободы.

По внѣшности произошло немногое. Народные представители выразили недовѣріе министерству и потребовали его выхода въ отставку. Въ любомъ конституціонномъ государствѣ подобныя происшествія совершаются періодически, и слѣдъ ихъ скоро изглаживается. Въ поступкѣ думы нѣтъ ничего революціоннаго, ничего насильственнаго: самое требованіе такъ часто повторялось въ печати, такъ твердо установлено въ партійныхъ собраніяхъ, что казалось невозможнымъ ждать ничего другого отъ первой встрѣчи министерства съ представителями народа.

И, однако, мы не ошибемся, если скажемъ, что для министерства—да и для общества—вотумъ палаты явился большимъ сюрпризомъ. Изъ того, что дума не захотѣла поднять перчатку, брошенную ей на-дняхъ придворной партіей, сдѣлано было заключеніе, что, проглотивъ первую пилюлю, дума проглотитъ и другія. Тѣ, кто дѣлалъ это заключеніе, совершенно не поняли мотивовъ, почему дума снесла спокойно нанесенное ей оскорбленіе. Послѣ вчерашняго дня мотивы эти ясны. Дума не только «выше упрековъ», она и выше оскорбленій, пока оскорбители не вторгаются въ область ея собственныхъ правъ и не мѣшаютъ ей выполнять задачи, возложенныя на нее народомъ. Но дума, какъ выразительница воли и мысли народной, или должна не быть, или должна быть самой собой. Обѣщаніе предсѣдателя, что дума будетъ твердо охранять права, вытекающія изъ самой природы народнаго представительства, вчера исполнилось; слово облеклось вплоть и претворилось въ дѣло.

Выступая съ деклараціей, министерство думало стоять на законной почвѣ. Оно должно было выслушать отъ ораторовъ думы, что такой почвы пока не существуетъ; что въ своемъ старомъ са-

*) „Рѣчь“, № 73, 14 мая.

момнѣніи и пренебреженіи къ «слабому разсудку подданныхъ» оно игнорируетъ даже и существующія нормы «основныхъ законовъ»; что съ канцелярскими отписками нельзя являться туда, гдѣ идетъ работа жизни. Попробовавъ прочесть народнымъ представителямъ урокъ, министерство принуждено было само выслушать строгое наставленіе отъ думы. И дума оказалась болѣе сильнымъ и серьезнымъ наставникомъ. Съ каждой новой рѣчью у присутствовавшихъ расло то настроеніе, которое формулировалъ г. Кокошкинъ въ концѣ своей рѣчи. Вотъ, значитъ, каковы,—какъ ничтожны, невѣжественны, близоруки,—были люди, которымъ ввѣрялось благо Россіи, которые считались носителями государственной мудрости, которые импонировали своей полной обособленностью отъ контроля общественнаго мнѣнія. Перегородки теперь упали, первосвященники вышли къ народу—и на первомъ же шагу подъ торжественнымъ облаченіемъ обнаружилось жалкое рубище.

Принципіальное значеніе первой встрѣчи народнаго представительства съ безотвѣтственнымъ министерствомъ—огромное, и къ оцѣнкѣ этого значенія намъ еще придется вернуться. Но теперь же мы не можемъ не подчеркнуть еще другой стороны дѣла: того тактическаго успѣха, который одержанъ думой при этой встрѣчѣ, и той огромной тактической ошибки, которую сдѣлало министерство, провоцировавъ думу своей декларацiей.

Министерству лучше было бы не появляться вовсе съ этимъ, печальной памяти, документомъ, если бы оно ясно понимало, на что идетъ. Никто не обязывалъ предсѣдателя совѣта министровъ къ этому выступленію; для стараго режима этотъ шагъ былъ черезчуръ большой уступкой, для новаго—черезчуръ недостаточной. Выступить со своей программой—было для этого министерства запоздалой и ненужной роскошью. Выступать же съ программой, противоположной программѣ думскаго большинства,—было рискованнымъ экспериментомъ. Если, тѣмъ не менѣе, министерство выступило, то, очевидно, для того, чтобы продиктовать думѣ свои условія и показать ей ея мѣсто, пока не поздно. Увы, это уже было поздно. Дума показала мѣсто министерству; и обстановка, выбранная министрами для этого публичнаго состязанія, была выбрана такъ неудачно, что теперь правительству, въ свою очередь, придется проглотить пилюлю. Страна приглашается министерской декларацiей выбирать между двумя программами. Программа народныхъ избранниковъ всенародно заявлена въ адресѣ. Каждое слово этого адреса громкимъ эхомъ отдалось въ милліонахъ сердецъ и всѣхъ ихъ

спаяло вмѣстѣ. И послѣ того, какъ дума имѣла возможность это сдѣлать,—министерство начинаетъ торговаться передъ лицомъ всей страны. Министерство отказывается дать народу землю, за то охотно сохраняетъ за нимъ режимъ исключительныхъ законовъ. На чью же сторону склонится выборъ народа? Кому придется уступать въ «неравномъ спорѣ»? Кажется, сомнѣній быть не можетъ.

101. По поводу формулы недовѣрія *).

Въ № 1 «Народнаго Вѣстника» мнѣ приписано составленіе формулы перехода къ очереднымъ дѣламъ, внесенной партіей народной свободы и затѣмъ замѣненной формулой «трудовой группы». Вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлается и сравнительная оцѣнка обѣихъ формулъ. Такъ какъ на сообщенныхъ такимъ образомъ данныхъ строятся извѣстные политическіе выводы, то я считаю долгомъ заявить, что свѣдѣнія, полученныя газетой, совершенно невѣрны. Партія народной свободы подготовила два проекта перехода: одинъ былъ составленъ В. Д. Набоковымъ, другой В. Е. Якушкинымъ. Оба проекта были изложены въ очень рѣшительныхъ выраженіяхъ и заключали въ себѣ всѣ тѣ главные элементы, которые содержатся и въ формулѣ «трудовой группы». Но при предварительномъ обсужденіи обоихъ проектовъ, члены партіи нашли, что первый слишкомъ исключительно разрабатываетъ политическую сторону конфликта, подчеркивая неконституціонность министерскаго заявленія; второй же черезчуръ односторонне останавливается на матеріальной сторонѣ конфликта, подчеркивая отказъ министерства въ признаніи принципа принудительнаго отчужденія. Тогда сдѣлана была попытка составить средній текстъ, который совмѣщалъ бы оба мотива: политическій и соціальный. Этотъ текстъ былъ спѣшно выработанъ небольшой комиссіей. Затѣмъ обѣ парламентскія группы собрались на совмѣстное засѣданіе, въ которомъ прочтены были оба текста—партіи народной свободы и трудовой группы, и послѣ короткаго обсужденія соединенное засѣданіе единогласно приняло текстъ трудовой группы. Мотивами для такого принятія были, съ одной стороны болѣе равномѣрное изложеніе проекта трудовой группы, не подчеркивавшее отдѣльныхъ деталей, а, съ другой, опредѣленное жела-

*) „Рѣчь“, № 76, 18 мая.

ніе группы народной свободы дать преимущество предложенію дружественной группы въ вопросѣ, въ которомъ интересы этой группы были особенно сильно затронуты. Эта уступка «трудовой группѣ» сочтена была особенно желательной въ виду того, что данное совѣщаніе было первымъ совмѣстнымъ совѣщаніемъ обѣихъ группъ, и члены той или другой голосовали совмѣстно. О какомъ-либо «давленіи» трудовой группы на партію народной свободы, въ смыслѣ радикализированія формулы перехода, не можетъ быть и рѣчи.

102. Пренія по аграрному законопроекту *).

Второй уже день въ государственной думѣ происходятъ общія пренія по аграрному законопроекту, общія основанія котораго внесены 42 членами партіи народной свободы. Судя по тому, что теперь уже записалось болѣе 100 ораторовъ и что предложеніе прекратить дальнѣйшую запись было единодушно отвергнуто, пренія затянутся надолго. Едва ли слѣдуетъ жалѣть объ этомъ, такъ какъ земельная реформа составляетъ важнѣйшую задачу думы и такъ какъ на этомъ вопросѣ особенно ярко должно обнаружиться разнообразіе интересовъ и взглядовъ, до сихъ поръ прикрывавшихся однородностью политическаго настроенія всѣхъ почти членовъ думы. Можно предвидѣть, что до тѣхъ поръ, пока главныя точки зрѣнія не выяснятся и пока не выскажутся ораторы, особенно интересующіе собраніе, интересъ къ преніямъ не ослабѣетъ.

Средоточіемъ, къ которому тяготѣютъ всѣ пренія, является проектъ 42 членовъ партіи народной свободы. Однако, и въ средѣ самой этой партіи нѣтъ полнаго единомыслія относительно деталей земельнаго вопроса,—почему проектъ и внесенъ отъ имени группы членовъ, а не всей партіи. Нѣкоторые изъ близкихъ партіи людей уже высказали въ думѣ принципіальныя и серьезныя возраженія по поводу проекта. Тѣмъ естественнѣе ждать такихъ же возраженій со стороны другихъ группъ. Правда, то, что говорится изъ рядовъ трудовой партіи, до сихъ поръ расходится съ проектомъ 42-хъ, главнымъ образомъ, въ радикализмѣ принципіальной мотивировки; практическія же предложенія иногда оказываются умѣреннѣе предложеній партіи народной свободы. Гораздо дальше отъ проекта 42-хъ стоятъ проекты и предложенія представителей различныхъ окраинъ

Россіи. Наконецъ, немногочисленные правые ораторы, поскольку они уже высказались, ставятъ вопросъ немногимъ радикальнѣе министерской программы.

При такомъ разнообразіи мнѣній столковаться на общихъ принципахъ земельной реформы нелегко. Въ интересахъ дѣла, какъ намъ кажется, было бы по возможности точно очертить предѣлы спорныхъ вопросовъ, подлежащихъ рѣшенію, и устранить изъ полемики въ залѣ государственной думы все то, что лежитъ внѣ этихъ предѣловъ. Между тѣмъ, происходитъ какъ разъ обратное: очень многіе ораторы берутъ вопросъ гораздо шире, чѣмъ должна и можетъ поставить его ближайшая земельная реформа, и, направляя свои разсужденія къ защитѣ или къ опроверженію извѣстныхъ положеній именно въ этой, болѣе широкой, постановкѣ, они едва ли подвигаютъ впередъ практическое рѣшеніе дѣла.

Мы понимаемъ, что соціальный законодатель долженъ ясно представлять себѣ не только ближайшую цѣль, но и общее направленіе предпринимаемыхъ имъ законодательныхъ мѣръ. Но какъ разъ относительно этого общаго направленія и дальнѣйшихъ цѣлей реформы мнѣнія рѣзко расходятся. Между тѣмъ, законопроектъ, конечно, не можетъ заключать въ себѣ никакой принципіальной мотивировки и долженъ содержать лишь совокупность извѣстныхъ практическихъ мѣръ. Относительно этихъ практическихъ мѣръ согласія гораздо легче добиться, чѣмъ установить единство взгляда на общую задачу и на отдаленныя послѣдствія реформы.

Что у нашего земледѣльческаго населенія мало земли и что земля эта должна быть добыта, помимо другихъ мѣръ, также и путемъ принудительной экспропріаціи частновладѣльческихъ имѣній,— относительно этого общаго принципа реформы установилось довольно полное единодушіе въ рядахъ прогрессивныхъ общественныхъ группъ. Съ признанія этого основного начала начинаютъ или къ нему приходятъ и многіе изъ рѣшительныхъ противниковъ проекта 42-хъ. Откуда же происходятъ ихъ разногласія съ проектомъ?

Одна изъ главныхъ причинъ, какъ намъ кажется, та, что характеръ радикальной мѣры, намѣчаемой проектомъ, понимается различно. Въ рамкахъ предложеннаго законопроекта, принудительная экспропріація является единовременной мѣрой центральной власти, имѣющей цѣлью для даннаго момента разрѣшить тяжелое состояніе земледѣльческаго населенія. Мѣра эта нисколько не исключаетъ— напротивъ, даже предполагаетъ другія мѣры, ее дополняющія, вродѣ,

напр., мѣръ для интенсификаціи земледѣлія. Съ другой стороны, она не предрѣшаетъ разъ навсегда дальнѣйшаго хода всей аграрной политики и, составляя, конечно, грандіознѣйшее соціальное мѣропріятіе, въ то же время оставляетъ неприкосновеннымъ тѣ земельныя отношенія, которыя не входятъ непосредственно въ рамки реформы. Въ такихъ предѣлахъ замышляемая реформа не встрѣтила бы и десятой части тѣхъ возраженій, которыя раздаются по ея поводу, въ предположеніи, что мѣра эта должна имѣть какое-то длительное и универсальное значеніе. Болѣе радикальные проекты земельной реформы, конечно, считаютъ уравнительную аграрную политику длящейся, непрерывной задачей государства, а экспропріацію частновладѣльческихъ земель только приступомъ къ созданію новой эры земельныхъ отношеній. Но уже въ своей собственной средѣ этого рода взгляды встрѣчаютъ рѣзкій отпоръ. Соціалъ-демократія никогда не согласится считать «націонализацію» земли—непосредственной ступенью къ аграрному коллективизму; наоборотъ, она считаетъ, что за общей перетасовкой землевладѣнія въ предстоящемъ аграрномъ переворотѣ должна послѣдовать обычная эволюція земельной собственности, въ направленіи постепенной капитализаціи земельныхъ предпріятій. Косвенная услуга, оказываемая жизни этой доктриной, состоитъ въ томъ, что она мѣшаетъ закрывать глаза на дѣйствительность, мѣшаетъ думать, что предстоящая аграрная реформа прямой дорогой введетъ насъ въ соціальную Аркадію.

Взятый въ своихъ истинныхъ размѣрахъ, земельный проектъ 42-хъ не затрагиваетъ также вовсе и обширной категоріи крестьянскихъ земель. Товарищъ министра г. Гурко вчера пропзвелъ маленькій опытъ демагогіи въ палатѣ: обращаясь къ крестьянамъ, онъ пугалъ ихъ, что всякій, кто имѣетъ больше 4-хъ десятинъ, будетъ ограбленъ реформой. Агитація министровъ-гастролеровъ успѣха не имѣла—и не только потому, что то были члены получившаго порицаніе министерства, но и потому, что слишкомъ очевидна была допущенная ими подтасовка. Какъ ни радикаленъ внесенный проектъ, въ области крестьянскаго надѣльнаго владѣнія онъ ничего не ломаетъ. Не уничтожаетъ онъ и частной собственности на землю въ извѣстныхъ предѣлахъ. И хотя дальнѣйшая эволюція земельной собственности, очевидно, не представляется иниціаторамъ проекта въ томъ видѣ, какъ его представляетъ соціалъ-демократія, т. е. въ видѣ постепеннаго роста крупныхъ капиталистическихъ предпріятій,—но и никакихъ другихъ заранѣе рѣшенныхъ перспективъ проектъ не выдвигаетъ.

Реформированное землепользованіе можетъ развиваться въ направленіи полной иммобилизаціи земли, т. е. постепенно принять формы восточнаго—византійскаго, турецкаго, старо-московскаго владѣнія землей; но оно можетъ эволюціонировать и въ направленіи мелкаго частнаго пользованія. Формы этого пользованія могутъ быть сведены къ чему-нибудь вродѣ аграрнаго коллективизма; но онѣ также могутъ свестись и къ долгосрочному индивидуальному пользованію, граничащему съ мелкой крестьянской собственностью.

Если принять во вниманіе, что всѣ подобныя перспективы проектъ оставляетъ открытыми, то надо признать, что весьма значительная часть сдѣланныхъ противъ него возраженій бьетъ мимо цѣли. Такъ Н. Н. Львовъ, можетъ быть, правъ во многихъ своихъ замѣчаніяхъ, но только какъ разъ эти его замѣчанія не составляютъ критики законопроекта, а критикуютъ только предполагаемую цѣль его или возможные результаты. То и другое вовсе не связано необходимо съ самимъ законопроектомъ.

Сдѣлаемъ еще одно попутное замѣчаніе. Критики земельнаго законопроекта 42-хъ иногда сами грѣшатъ тѣмъ самымъ, въ чемъ упрекаютъ составителей проекта. Они упрекаютъ послѣднихъ въ нѣкоторой отвлеченности и утопичности ихъ общихъ задачъ и дальнѣйшихъ цѣлей. Но сами они грѣшатъ отвлеченностью своего взгляда на дѣйствительность, послужившую исходной точкой законопроекта. Противополагая коллективстскимъ тенденціямъ законопроекта свой собственный индивидуализмъ, они забываютъ, что русская дѣйствительность многими чертами стоитъ ближе къ смѣлой утопіи законопроекта, чѣмъ къ ихъ собственнымъ мечтамъ о европеизаціи русскаго земледѣлія. «Неприкосновенность» земельной собственности земледѣльца; стремленіе повысить потребности надъ голоднымъ уровнемъ «потребительной нормы»; потребность въ поднятіи культуры и въ «интенсификаціи» земледѣлія—откуда взяты всѣ эти черты: изъ русской или изъ европейской дѣйствительности? Можно спорить о важности и о значеніи ихъ для будущаго русскаго земледѣлія; но нельзя отрицать, что въ прошломъ эти черты отсутствуютъ, и что это прошлое могущественнымъ образомъ тяготѣетъ надъ русскимъ настоящимъ. А съ настоящимъ приходится считаться, когда рѣчь идетъ о такой грандіозной реформѣ, какъ предлагаемая проектомъ 42-хъ.

103. Военный прокуроръ Павловъ въ думѣ *).

Еще одинъ дебютъ!.. И какой! Гг. министры очень усердно заботятся, чтобы дума о нихъ не забыла и чтобы одушевляющія ее чувства по отношенію къ министерству не ослабѣли. И, какъ истинные мастера своего дѣла, они располагаютъ впечатлѣнія въ порядкѣ восходящей силы и напряженности. Стишинскій послѣ Горемыкина; Гурко послѣ Стишинскаго—и, наконецъ, военный прокуроръ Павловъ послѣ Гурко: это цѣлый рядъ ударовъ по тому же мѣсту, ударовъ, наносимыхъ все болѣе безцеремонно и воспринимаемыхъ все болѣе болѣзненно.

У г. Павлова, впрочемъ, не было ни тѣни хлыщеватой развязности г. Гурко. Сухой и холодный, мертвый, какъ его дѣло, онъ производилъ впечатлѣніе какъ-то глухой стѣны, вдругъ выросшей передъ думой,—и какъ-то странно казалось по этому адресу что-то такое говорить, что-то доказывать. И его отвѣтъ соотвѣтствовалъ этому впечатлѣнію. Такой же пустой внутри, металлически жесткій снаружи.

Этимъ тономъ, самоувѣренно-безстыднымъ, наивно-дерзкимъ, они говорятъ со своими жертвами. И для удовольствія поговорить съ думой этимъ тономъ вызова военный прокуроръ добивался нѣсколько дней разрѣшенія говорить. Въ тонѣ была вся музыка, потому что содержанія не было никакого въ отвѣтѣ. Гладкій «формальный отводъ», такъ характеризовала его думская резолюція. Отводъ «по некомпетентности» въ процессѣ права и совѣсти, начатомъ думой противъ юридическаго убійства...

Г. Павлову отвѣтили юристы—во имя права. Ему отвѣтилъ и священникъ въ рясѣ—во имя совѣсти. Г. военный прокуроръ стушевался тотчасъ послѣ своей рѣчи, не дожидаясь уничтожающихъ ударовъ, которые на него посыпались. Если бы онъ остался, ему пришлось бы готовить другой отвѣтъ, гораздо болѣе существенный и длинный. Кузьминъ-Караваевъ, Ледницкій, потомъ Винаверъ доказали ему, что отводъ по некомпетентности—лицемѣренъ и фальшивъ; что, помимо того, что власть не смущалась никогда вмѣшательствомъ въ юстицію, въ данномъ случаѣ рѣчь даже и не заходила о вмѣшательствѣ въ дѣятельность судебной власти, а лишь

*) „Рѣчь“, № 89, 2 іюня.

о добросовѣстномъ примѣненіи исполнительной власти. Ораторы напоминали обстановку рижскаго суда, составлявшую полную противоположность всякой идеѣ о правѣ и добросовѣстности. Когда заговорилъ священникъ Афанасьевъ, вся зала вдругъ живо почувствовала несоизмѣримость между этими двумя людьми въ мундирѣ и въ рясѣ, такъ странно столкнувшимися на этой трибунѣ. Мертвая, безнадежно-непроницаемая идея въ мундирѣ куда-то вдругъ стушевалась, уплыла изъ этой залы передъ звучнымъ и гибкимъ голосомъ человѣка, изрекавшаго ей проклятіе и грозившаго ея исполнителямъ божьимъ гнѣвомъ. Да, страна услышитъ этотъ голосъ и содрогнется отъ человѣческаго гнѣва и негодованія: вѣдь рѣчь идетъ о человѣческой жизни. Ее здѣсь отстаиваетъ всей силой своего нравственнаго авторитета дума, и ее тупо и безыдейно защищаютъ люди въ футлярѣ.

Страшный ударъ и страшный урокъ! И еще разъ мы спрашиваемъ невольно, вопреки многимъ и многимъ разочарованіямъ: послѣ этого дня неужели опять поднимется рука у кого-нибудь на новый смертный приговоръ? Неужели найдется человѣкъ въ Россіи, который осмѣлится противопоставить этому голосу страны тотъ же fin de non recevoir, какой мы выслушали вчера отъ Павлова? Гдѣ же живутъ эти люди? Какъ они чувствуютъ? Какіе у нихъ нервы? Течетъ ли въ ихъ жилахъ кровь и воспринимаютъ ли они нормально внѣшнія впечатлѣнія?

Или это вымирающая раса моральныхъ выродковъ, порожденныхъ исчезнувшимъ порядкомъ, заблудившихся среди переростающихъ ихъ пышныхъ ростковъ новой жизни? Почему же какъ разъ они, эти рѣдкіе экземпляры каменныхъ истукановъ, держатъ въ своихъ рукахъ власть, управляютъ живою жизнью со своихъ неподвижныхъ подножій. Довольно! Жизнь больше ни ждать, ни терпѣть не можетъ! Пусть уходятъ!

104. Отвѣтъ г. Столыпина и пренія о погромахъ *).

Резолюція, принятая вчера государственной думой по поводу отвѣта министра внутреннихъ дѣлъ, ярко подчеркнула мораль, вытекающую изъ новаго урока, преподаннаго думой министерству. Смыслъ этого урока далеко выходитъ за тѣ предѣлы, которыми гг. министры хотѣли ограничить обсужденіе внесеннаго думой запроса. Не казенная подпольная типографія, не ротмистръ Будоговскій,

*) „Рѣчь“ № 96, 10 іюня.

даже не гг. Рачковскій и Столыпинъ, а весь старый режимъ, во всей его внутренней сущности, фигурировалъ на скамьѣ подсудимыхъ; пренія обнаружили самые сокровенные нервы и мускулы обреченнаго на сломку правительственнаго аппарата, и думская резолюція произнесла надъ нимъ неумолимый приговоръ. И изъ всего этого матеріала фактовъ и разсужденій самъ собой сложился все тотъ же припѣвъ, неустанно повторяемый милліонами голосовъ въ теченіе всего послѣдняго мѣсяца: въ отставку!

Уже изъ первой рѣчи послѣ отвѣта г. Столыпина, изящной и умной рѣчи г. Урусова, стало сразу ясно для всей думской аудиторіи, что сокровенный смыслъ запроса вовсе не ограничивается служебными злоупотребленіями отдѣльныхъ чиновниковъ. Г. министръ великодушно соглашался признать «неправильность дѣйствій» нѣкоторыхъ изъ своихъ подчиненныхъ, но очень настаивалъ на томъ, что, вообще говоря, его подчиненные истинные патріоты и что они только исполняютъ священный долгъ правительства—охранять порядокъ и спокойствіе гражданъ. Дума также великодушно приняла вопросъ въ той самой постановкѣ, которую сдѣлалъ министръ, допустила даже безупречность личныхъ побужденій министра и все-таки устами цѣлаго ряда ораторовъ доказала министру, что даже при такой постановкѣ министерство неспособно понять свой долгъ передъ страной, безсильно его выполнить и, слѣдовательно, должно уступить свое мѣсто министерству, вооруженному настоящей силой, моральнымъ авторитетомъ.

Во-первыхъ, доказывали думскіе ораторы, министерство безсильно (даже въ предѣлахъ своего собственнаго вѣдомства) измѣнить тѣ условія, которыя и создаютъ неизбѣжность повторенія погромовъ,—безсильно до тѣхъ поръ, пока продолжаютъ существовать всѣ главныя черты стараго полицейскаго порядка. Даже допуская со стороны министра полное отсутствіе дурныхъ намѣреній и сознательнаго плана,—нельзя ожидать, что отъ одной доброй воли его можетъ зависѣть разсѣять ту отравленную атмосферу, которая создаетъ планомѣрность погромныхъ выступленій и обезпечиваетъ соучастіе въ нихъ должностныхъ лицъ. Выше и ниже министра, со всѣхъ сторонъ, всевозможныя вліянія, невидимыя и неуловимыя, создаютъ молчаливый заговоръ, который затѣмъ сразу принимаетъ форму и приводится въ движеніе таинственной и опытной рукой. Удержать эту руку—одни не хотятъ, другіе не могутъ, или не смѣютъ; какъ-то само собой подразумѣвается, что есть приказанія, которыя стыдно отдавать вслухъ, но надо уга-

дывать, и что въ случаѣ исполненія ихъ агентамъ власти гарантировано не наказаніе, а награда. Такова эта атмосфера безправія и произвола, питаемая разжиганіемъ низменныхъ инстинктовъ расовой и классовой ненависти,—и находящая своихъ исполнителей, свои орудія вездѣ, гдѣ понадобится.

По мѣрѣ того, какъ выяснялось все это, присутствующимъ становилось понятно, что дѣло идетъ не о личной отвѣтственности джентльменствующаго министра, а о борьбѣ съ вѣковымъ зломъ русской жизни, которая не подъ силу бюрократическому министерству. Круговая порука преступленія и безправія можетъ быть уничтожена только круговой порукой права. Только само населеніе, все населеніе, поставленное въ возможность ежедневно и ежечасно, всегда и при всѣхъ обстоятельствахъ осуществлять и защищать свои права,—только оно, этой непрерывной практикой права, можетъ стереть главу тысячеголовой гидры, опутавшей своими кольцами здоровое тѣло націи, изрыгающей ядъ и сѣющей заразу вездѣ, гдѣ чуется самое слабое трепетаніе народной жизни.

И вотъ тутъ, во-вторыхъ, палатѣ пришлось выяснить министрамъ, что не только они безсильны оздоровить народную жизнь полицейскими мѣрами, но что въ самой постановкѣ вопроса подобнымъ образомъ заключается роковое непониманіе того, что должно составлять настоящую задачу правительства. Гг. министры говорили палатѣ, что свою задачу они понимаютъ, какъ охрану порядка противъ анархіи, какъ защиту свободы и спокойствія населенія. Думскіе ораторы ясно показали министрамъ, на чьей сторонѣ анархія, показали и связь анархіи съ полной неспособностью и безсиліемъ власти, съ полнымъ отсутствіемъ моральнаго авторитета, неизбѣжно ведущими къ самодержавію подчиненныхъ органовъ и къ такому распаду власти, при которомъ только и возможна подмѣна явной и законной отвѣтственности—тайной отвѣтственностью передъ закулисными вліяніями безотвѣтственныхъ лицъ. «Ротмистръ Пышкинъ» въ засѣданіи 9 іюня выступилъ яркой символической фигурой безправія и произвола въ картинномъ анализѣ В. Д. Набокова. «Ротмистръ Пышкинъ» отнынѣ есть законченный художественный образъ, символизирующій распадъ власти въ самодержавной бюрократіи.

Но... ротмистръ Пышкинъ охраняетъ порядокъ, оберегаетъ спокойствіе и... да, и свободу русскаго обывателя? Ротмистръ Пышкинъ съ «кремневымъ» ружьемъ, которое иногда стрѣляетъ не только впередъ, но и назадъ, и пользоваться которымъ есть истин-

ный подвигъ самоотверженія и служенія долгу и родинѣ, ротмистръ Пышкинъ стоитъ на стражѣ порядка! Что же это за порядокъ, охраняемый ротмистромъ Пышкинымъ, съ опасностью для собствен-ной жизни?

Порядокъ ротмистры Пышкины охраняютъ давно. И охранять порядокъ для нихъ оказывается трудно, почти непосильно,—и чѣмъ дальше, тѣмъ труднѣе. Обыкновенныхъ мѣръ, достаточныхъ для охраненія порядка во всякомъ благоустроенномъ государствѣ, давно уже оказалось недостаточно. Н. А. Гредескулъ во вчерашнемъ засѣданіи вызвалъ въ воображеніи аудиторіи умилительную картину лондонскаго «боби» (полисмена), однимъ взмахомъ палочки дири-жирующаго движеніемъ жизни милліоннаго населенія. Это—тоже символъ, увы, находящійся на противоположномъ полюсѣ съ сим-воломъ ротмистра Пышкина. Намъ не только англійскаго «боби», намъ и русскихъ обыкновенныхъ законовъ недостаточно для под-держанія порядка. Намъ понадобилась усиленная, потомъ чрезвы-чайная, потомъ военная охрана порядка. И въ результатѣ нѣтъ нигдѣ на свѣтѣ такого отсутствія порядка, какъ у насъ, нигд такъ не страдаетъ мирное населеніе отъ излишка заботливости его «свободѣ» и «спокойствіи». Въ чемъ же дѣло? Неужели рус-скій народъ такъ сильно отличается отъ всѣхъ другихъ народовъ міра, что поддержаніе порядка въ Россіи должно стать исчерпы-вающей задачей управленія и что порядокъ приходится поддер-живать средствами солдатской дисциплины? Или же,—если рус-скій народъ не хуже другихъ,—не слѣдуетъ ли начать объясненіе съ другого конца и посмотрѣть, не заключается ли источникъ без-порядка въ самыхъ способахъ сохраненія порядка гг. министрами?

Безъ сомнѣнія, и тутъ безсиліе власти, еще ярче оттѣненное безплоднымъ примѣненіемъ крайнихъ мѣръ, можетъ только показать невозможность самой задачи. Министерство просто охраняетъ не то, что нужно. Борьба, вѣчная борьба интересовъ, воззрѣній есть не-измѣнный спутникъ жизни. Только изъ чередованія накопляющихся и разрушающихся напряженій борьбы и слагается непрерывное движеніе впередъ всякой цивилизованной націи. Для нашего от-жившаго строя эта свободная игра борющихся стремленій—есть уже безпорядокъ. И чтобы возстановить порядокъ, нашъ старый режимъ привыкъ останавливать самую жизнь. Solitudinem faciunt; pacem apellant: обращаютъ страну въ пустыню и зовутъ это во-двореніемъ мира. Тацитовское изреченіе, къ счастью, не вполнѣ примѣнимо къ Россіи. Оно было бы примѣнимо, если бы Россія

такъ же слабо реагировала противъ водворителей порядка, какъ населеніе старѣющаго Рима. По счастью, Россія оказалась живой, развивающейся страной и добровольно превратиться въ пустыню не захотѣла. По строгому соціологическому закону, «напряженія», не находящія «разряженія», накопляются. Въ Россіи они накоплялись, какъ никогда и нигдѣ. Русское правительство оказалось великолѣпнымъ аккумуляторомъ революціоннаго напряженія. Вотъ гдѣ секретъ небывалаго безпорядка, получившагося въ результатѣ усердной работы нашихъ полицейскихъ пасификаторовъ.

Что же дѣлать? Да просто начать съ настоящаго конца и перестать ходить на головѣ. Порядокъ установится самъ собой, когда мы перестанемъ считать его цѣлью самой по себѣ и возстановимъ въ ея правахъ угнетенную жизнь. Дайте жить и дышать людямъ, а они уже сами не замедлятъ привести въ гармонію свои интересы.

105. Отношеніе думы къ министру внутреннихъ дѣлъ *).

Недавно какая-то газета вспомнила малороссійскую поговорку про тѣхъ, кому «плюнутъ въ очи, а они скажутъ: дождь идетъ». Эта не эстетичная, но картинная поговорка вспомнилась намъ, когда мы читали вчерашнее «Новое Время». Мы говоримъ не о статьѣ г. Меньшикова, который полагаетъ, что послѣ послѣдняго пріема гг. министровъ въ палатѣ элементарное пониманіе «политической чести» и служебнаго достоинства обязывало ихъ не «опускать головы и уходить изъ залы», а обратиться самимъ къ суду и искать публичнаго оправданія. Нѣтъ, мы говоримъ не о статьѣ г. Меньшикова, а о передовой статьѣ газеты, авторъ которой именно думаетъ, что не что иное, какъ дождь шелъ въ засѣданіи думы 8 іюня—и притомъ благодатный дождь общественнаго довѣрія. Редакціонная статья полагаетъ, что дума засвидѣтельствовала о «своемъ уваженіи къ личности г. министра и довѣріи къ его словамъ». И «Новое Время» даже основываетъ на этомъ благопріятномъ впечатлѣніи надежды, что «думское большинство» не порветъ окончательно отношеній съ министерствомъ и будетъ продолжать совмѣстную законодательную работу.

Выводъ довольно неожиданный! Дѣйствительно, дума отнеслась къ гг. Щегловитову и Столыпину иначе, чѣмъ она относилась къ гг. Стишинскому, Гурко или Павлову. Она какъ разъ исполнила то условіе, которое въ томъ же нумерѣ г. Меньшиковъ ставитъ думѣ,

*) Рѣчь“, № 97, 11 іюня.

чтобы гг. министры, наконецъ, покорились мнѣнію палаты. «Можетъ быть, кабинетъ не держался бы столь упорно своего несладкаго существованія, если бы воля парламента была выражена въ болѣе приличной формѣ... За кучкой скандалистовъ министры чувствуютъ присутствіе огромнаго круга приличныхъ людей—и министрамъ кажется, что тѣ на ихъ сторонѣ. Но это—не всегда такъ», осторожно прибавляетъ г. Меньшиковъ.

Можемъ увѣрить «Новое Время», что это—совсѣмъ не такъ. Если дума «честью просила» г. Столыпина выйти вонъ,—это вовсе не значитъ, что дума выразила ему довѣріе и уваженіе; и если бы даже дума выразила личное уваженіе министру, это вовсе не значитъ, что она собирается работать съ нимъ вмѣстѣ. Если попросить честью—недостаточно, приходится просить иначе: этимъ вѣдь и вызывается поведеніе «парламентскихъ скандалистовъ», и мы должны признать, что никакой другой парламентъ не велъ бы себя такъ сдержанно и дисциплинированно, какъ все-таки ведетъ себя русскій, если бы министры обнаружили такую степень упорства.

Итакъ, пусть не обманывается «Новое Время». Изъ «приличнаго» поведенія парламента не слѣдуетъ еще, чтобы дума соглашалась примириться съ министрами, а слѣдуетъ только, что та степень уваженія къ себѣ, какой ожидаетъ отъ нея г. Меньшиковъ, уже теперь имѣется на лицо.

Могла быть, конечно, другая причина, которая способна была произвести впечатлѣніе снисхожденія думы къ министру. Этой причины мы касались вчера. Размѣры зла, въ прикосновенности къ которому обвиняли г. министра, оказались настолько обширны, что его собственная личность какъ-то потонула въ той перспективѣ безотвѣтственныхъ преступленій и злодѣйствъ, которыя открылись предъ думой. Удары ораторовъ шли гораздо глубже и мѣтили гораздо дальше министра внутреннихъ дѣлъ. Отсюда могло создаться впечатлѣніе, какъ будто эти удары направлены были мимо министра. Но это—не вѣрное впечатлѣніе, и г. Столыпину не было никакой нужды благородно принимать на себя всю отвѣтственность и признавать за собой всю власть. Г. Столыпинъ можетъ успокоиться: изъ того, что виноваты и другіе, никто не выводитъ, что министръ не виноватъ. И если онъ еще въ этомъ сомнѣвается, то скоро, очень скоро, разговоры о Бѣлостокѣ ему это покажутъ. И если до тѣхъ поръ «Новое Время» непрестанно будетъ твердить о «дождѣ»,—чего добраго, думскіе «скандалисты» сдѣлаются рѣшительнѣе.

106. Пренія о сверхсмѣтномъ кредитѣ на голодающихъ *).

Министры внутреннихъ дѣлъ и финансовъ обращаются въ думу съ просьбой о чрезвычайномъ кредитѣ въ 50 милліоновъ рублей сверхъ смѣты, чтобы помочь населенію губерній, пострадавшихъ отъ неурожая. До какой степени ненормальности доведено политическое положеніе упорнымъ конфликтомъ министровъ съ государственной думой, видно изъ того, что предложеніе двухъ министровъ, при всей его естественности и неотложности, приходится трактовать, какъ шагъ политическій, какъ новую попытку укрѣпить свое положеніе въ борьбѣ. Министерство рѣшительно не желаетъ уходить и въ своихъ судорожныхъ попыткахъ удержаться у власти хватается безъ разбора за всякія средства. Два дня назадъ министры не постѣснились связать имя монарха съ самой непопулярной изъ своихъ мѣръ, довершая, такимъ образомъ, своимъ «правительственнымъ сообщеніемъ» о земельной реформѣ ту разрушительную работу дискредитированія власти, которую они начали своей отвѣтной декларацiей на думскій адресъ. Теперь они хотятъ дискредитировать думу, заставивъ ее или отказаться отъ немедленной помощи голодающимъ, или дать министрамъ деньги и этимъ измѣнить своей тактикѣ борьбы противъ безотвѣтственнаго министерства. Надо признать, что на этотъ разъ ходъ сдѣланъ искусно. Въ помѣщенной ниже статьѣ совершенно основательно доказывается, что безъ помощи министерскихъ органовъ при неотложности помощи голодающимъ—обойтись невозможно. Нашъ сотрудникъ считаетъ необходимымъ, поэтому, въ данномъ случаѣ сдѣлать исключеніе изъ обычной тактики думы и уступить министерству.

Безъ сомнѣнія, если бы даже государственная дума поступила такимъ образомъ, никто не имѣлъ бы права считать, что рѣшеніе думы доказываетъ возможность мирнаго сожительства ея съ теперешнимъ министерствомъ. Возрастающее нетерпѣніе, съ которымъ дума выноситъ каждое новое появленіе министровъ, достаточно ярко показываетъ, какъ она къ нимъ относится, и нѣтъ ни малѣйшей нужды—не говоря уже о нравственномъ правѣ—жертвовать политической борьбѣ интересами голодающихъ людей. Нѣтъ надобности и прибѣгать къ практически неосуществимымъ мѣрамъ, какъ созданіе новыхъ или утилизація недостаточныхъ для этой цѣли старыхъ выборныхъ учрежденій для организаціи продовольственной и сѣменной

*) „Рѣчь“, № 106, 22 іюня.

помощи пострадавшему населенію. Вѣроятно, однако же, найдутся и другіе способы удовлетворить неотложной нуждѣ, не выпуская въ то же время изъ рукъ права контроля надъ министерскими органами со стороны думы и общественныхъ элементовъ. Возражая на предложеніе г. Галецкаго—не давать «ни копѣйки» бламированному министерству, Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ не хотѣлъ допустить и мысли, что это министерство еще будетъ у власти, когда наступитъ время расходовать ассигнованныя средства. Однако, растерянность и нерѣшительность высшихъ сферъ такъ велика, что даже лицомъ къ лицу съ величайшими опасностями онѣ предпочитаютъ закрывать глаза на положеніе и не хотятъ одѣлать никакого рѣшительнаго шага, чтобы выйти изъ политическаго импасса. При такомъ положеніи, впрочемъ, далеко не новомъ въ политической исторіи послѣднихъ годовъ, поневолѣ приходится считаться и съ самыми невѣроятными возможностями. Если простое молчаніе палаты при выходахъ г. Столыпина толкуется его политическими друзьями, какъ доказательство «довѣрія» и «уваженія», то согласіе на сверхсмѣтный кредитъ, безъ сомнѣнія, будетъ истолковано, какъ желаніе работать вмѣстѣ съ министрами... вплоть до того момента, когда можно будетъ передать власть въ руки гг. Рамишвили и Джорданіа. Что нибудь слѣдуетъ сдѣлать думскому большинству, чтобы показать, что оно не идетъ такъ далеко, какъ министерство Горемыкина, въ ожиданіи этихъ пріятныхъ перспективъ.

Намъ кажется, оно могло бы легко это сдѣлать, нѣсколько развивъ ту самую мотивировку, которая позволила министрамъ ограничиться въ своей просьбѣ суммой въ 50 милліоновъ, вмѣсто 100, которые необходимо будетъ истратить въ окончательномъ итогѣ на помощь голодающимъ. Министры находили, что до 1-го января 1907 г. имъ достаточно будетъ 50 милл. изъ ста. Можетъ быть, отсюда можно было бы извлечь заключеніе, что до 1-го октября имъ достаточно 25-ти, или до средины августа достаточно $12^1/_2$—и т. д. въ соотвѣтствующей пропорціи? Несомнѣнно, имъ можно было бы дать столько, чтобы ближайшая неотложная нужда въ обсѣмененіи была удовлетворена, и чтобы, по крайней мѣрѣ, въ этомъ отношеніи Россія не пострадала отъ дальнѣйшаго пребыванія министровъ у власти.

Есть и другое обстоятельство, которое необходимо разсмотрѣть и рѣшить независимо отъ желанія двухъ министровъ. Министры хотятъ сверхсмѣтныхъ кредитовъ и просятъ о «надлежащемъ полномочіи на изысканіе путемъ кредитныхъ операцій тѣхъ средствъ»,

которыя имъ нужны. «Кредитныя операціи»—это звучитъ какъ-то подозрительно и очень походитъ на политическую контрабанду, которую министры хотятъ провести подъ флагомъ помощи голодающимъ. Едва ли дума поступитъ благоразумно, если уполномочитъ министровъ производить свои «изысканія» въ этомъ направленіи. Но, можетъ быть, сама дума по этому поводу сочтетъ нелишнимъ заняться нѣкоторыми «изысканіями»—въ сферѣ даже и «смѣтныхъ кредитовъ»? Министры очень огорчаются, что помочь населенію уже нельзя изъ «свободной наличности» государственнаго казначейства, потому что таковой, какъ извѣстно, больше не имѣется. Но, однако же, у насъ недавно помѣщена была статья о «свободной наличности» у... военнаго министра! Мы знаемъ, что упомянутой тамъ свободной наличности военное вѣдомство предпочитало бы дать иное назначеніе; но, можетъ быть, въ виду грозящаго намъ огромнаго дефицита, министерскій патріотизмъ рѣшится на подвигъ самопожертвованія и вернетъ въ государственное казначейство неизрасходованные кредиты на расформированныя послѣ войны части и управленія? Повидимому, тамъ можно найти средства для помощи голодающимъ даже и до января 1907 г.? Думская комиссія могла бы попросить контроль подѣлиться съ ней свѣдѣніями... и исходъ изъ труднаго политическаго положенія былъ бы найденъ.

107. Аграрное сообщеніе думы *).

Вчерашнее засѣданіе государственной думы имѣло исключительный интересъ—не столько потому, что было въ немъ сказано и рѣшено, сколько по тѣмъ намѣреніямъ, взглядамъ и планамъ, которые соединялись различными общественными группами съ предметомъ обсужденія. Обсуждались и голосовались двѣ редакціи заявленія отъ имени думы, настолько сходныя одна съ другой, что для непосвященнаго наблюдателя трудно было бы понять, откуда происходятъ напряженность интереса и острота преній. Безъ сомнѣнія, и толкованія того, что произошло въ этомъ засѣданіи, будутъ весьма различны, соотвѣтственно весьма различнымъ ожиданіямъ разныхъ группъ отъ рѣшеній думы.

Для очень большого круга лицъ, прикосновенныхъ къ думѣ и, вѣроятно, для огромнаго большинства людей, слѣдящихъ за преніями думы по газетнымъ отчетамъ, смыслъ засѣданія заключался

*) „Рѣчь“, № 119, 7 іюля.

въ томъ, въ чемъ его видѣла большая часть органовъ прессы,— именно, въ выступленіи думы на новый путь болѣе рѣшительныхъ дѣйствій, въ своего рода переломѣ въ тактикѣ, которой до сихъ поръ держалась государственная дума. Съ этой точки зрѣнія, несомнѣнно, очень многіе будутъ разочарованы вчерашнимъ засѣданіемъ. На новый путь прямыхъ сношеній съ народомъ, съ цѣлью призыва его къ «мощной организованной поддержкѣ», государственная дума не вступила. Изъ этого не замедлятъ, разумѣется, сдѣлать выводъ, что государственная дума расписалась въ своей «трусости», безсиліи и невѣріи въ народъ, что она на пути къ самоубійству и т. п. Соціалъ-демократическая фракція въ самой залѣ засѣданій заявила нѣчто подобное.

Несомнѣнно, что на этой почвѣ не замедлитъ начаться усиленная агитація противъ думскаго большинства.

Мы думаемъ, однако, что справедливость требуетъ взглянуть на вчерашнія рѣшенія государственной думы съ нѣсколько иной точки зрѣнія, менѣе доступной широкимъ кругамъ населенія. Вчера мы характеризовали то общее политическое положеніе, при которомъ думѣ приходилось рѣшать вопросъ, неожиданно получившій огромное тактическое значеніе, совершенно ему не принадлежавшее по существу. И исключительная трудность общаго положенія, и исключительная острота вопроса ставила передъ большинствомъ думы чрезвычайно трудную задачу. Приходилось рѣшать вопросъ совершенно при иномъ тактическомъ положеніи, чѣмъ то, при которомъ вопросъ былъ поднятъ, при полномъ сознаніи огромной практической важности того или другого рѣшенія и при твердомъ желаніи руководиться въ своемъ рѣшеніи не какими-либо соображеніями о его практическихъ послѣдствіяхъ, а исключительно соотвѣтствіемъ его общей тактикѣ думскаго большинства. По нашему мнѣнію, думское большинство разрѣшило трудную задачу чрезвычайно удачно. Вопреки тѣмъ, кто желалъ увлечь думу на новый тактическій путь, большинство осталось вѣрно своей строго-конституціонной точкѣ зрѣнія. Противъ неконституціоннаго «сообщенія» оно отвѣтило не такимъ же неконституціоннымъ шагомъ, не «обращеніемъ къ народу», а простымъ фактическимъ опроверженіемъ и фактическимъ сообщеніемъ о намѣреніяхъ думы по аграрному вопросу. Будучи совершенно неуязвимымъ съ точки зрѣнія конституціонной, это сообщеніе думы легко, какъ бы мимоходомъ, отбрасывало отъ думы ударъ, который готовило думѣ министерство и о которомъ мы говорили вчера. Въ то же время думское сообщеніе, безъ сомнѣнія,

сохранило все то огромное значеніе, которое имѣло предполагавшееся нѣкоторыми «обращеніе къ народу»; въ послѣдней редакціи партіи народной свободы сообщеніе даже приняло болѣе опредѣленный и выразительный характеръ.

Счастливо обойдя всѣ тактическія затрудненія, оба проекта сообщенія едва не потерпѣли, однако, крушенія на совершенно неожиданномъ пунктѣ: на тѣхъ разнообразныхъ взглядахъ, которые обнаружились внутри самой думы по невыясненнымъ еще пунктамъ аграрнаго вопроса. Одно изъ затрудненій—упоминаніе о «справедливой оцѣнкѣ», какъ основаніи отчужденія, было, правда, устранено самой партіей народной свободы. Но лѣвыя группы думы все же остались при своемъ протестѣ. Польское коло выставило требованіе усилить указаніе на роль мѣстныхъ комиссій, требованіе, которое было поддержано правой, но отвергнуто партіей народной свободы. Въ результатѣ складывалось положеніе очень опасное для составленія большинства въ пользу всего проекта.

Но въ этотъ моментъ сознаніе важности предпринимаемаго шага и чувство солидарности съ общимъ дѣломъ государственной думы побѣдило въ сосѣднихъ съ центромъ группахъ. Послѣдовало голосованіе, безпримѣрное въ лѣтописяхъ думы. Противъ проекта партіи народной свободы голосовало только 53 человѣка, добрая половина которыхъ принадлежала къ крайнимъ правымъ, со Стаховичемъ и гр. Гейденомъ во главѣ, а остальные—къ соціалъ-демократической фракціи. За проектъ были 124 члена. Побѣду этого большинства рѣшило поведеніе трудовой группы и польскаго коло (101 голосъ). Обѣ эти группы принципіально не хотѣли присоединиться къ проекту, но, очевидно, понимали политическій вредъ, который могъ произойти отъ его провала. Ихъ рѣшеніе—воздержаться отъ голосованія—нельзя не привѣтствовать, какъ доказательство сознанія высшаго единства, гарантировавшее думѣ побѣду надъ министерствомъ при самомъ трудномъ положеніи и при самыхъ острыхъ разногласіяхъ.

Послѣ такого голосованія—думѣ ничто не страшно.

108. Значеніе преній и голосованія по аграрному «сообщенію» думы *)

Вотумъ государственной думы по вопросу о разъясненіи населенію по поводу правительственнаго сообщенія о земельной реформѣ вызываетъ оживленное обсужденіе въ печати. Тенденція этого об-

*) „Рѣчь“, № 121, 9 іюля.

сужденія почти безъ исключенія направлена противъ партіи народной свободы. Почти одна только «Наша Жизнь» признаетъ большое политическое значеніе заявленія, принятаго 124 членами думы; но и она критикуетъ его содержаніе и тактику господствующей партіи при его проведеніи.

Около этого шага думы накопилось въ самое короткое время столько недоразумѣній, что кажется почти безнадежнымъ дѣломъ— бороться съ ними. Актъ, предпринятый по почину лица, чуждаго партіи народной свободы, и больше всего пропагандировавшійся трудовой группой, вызвалъ обличенія, какъ спеціальная политическая махинація господствующей партіи. Ее упрекали заразъ въ томъ, что она втайнѣ хотѣла его провалить и въ томъ, что она его приняла своими голосами. Изъ двухъ текстовъ, почти тождественныхъ по содержанію, болѣе рѣшительный по формѣ былъ объявленъ болѣе слабымъ. Самая форма внесенія его была объявлена незаконной, хотя сотрудники газеты, претендующей на познанія по конституціонной практикѣ и особенно рѣзко осуждавшей внесеніе контръ-проекта И. И. Петрункевичемъ, могли бы прочесть въ извѣстной книгѣ Пьера, что «каждому члену палаты принадлежитъ право представлять общую или генеральную поправку, имѣющую характеръ контръ-проекта», и что «предсѣдателю собранія принадлежитъ право отклонить обсужденіе подобной поправки» лишь въ томъ случаѣ, «если она поднимаетъ вопросъ, совершенно чуждый предложенію, служащему предметомъ обсужденія». Всѣ эти и подобныя обвиненія только характеризуютъ ту политическую атмосферу, въ которой происходило обсужденіе, и затушевываютъ дѣйствительныя и коренныя различія, придававшія остроту партійной борьбѣ по данному вопросу.

Мы вовсе не считаемъ нужнымъ отрицать этихъ различій, и однимъ изъ положительныхъ результатовъ голосованія 7 іюля считаемъ, что оно отчетливо и рѣзко подчеркнуло политическую позицію всѣхъ главныхъ партій. Вздыхать по этому поводу, какъ «Страна», о нарушенномъ единствѣ думы значило бы предаваться политической сантиментальности. Напротивъ, подчеркнуть проявившееся въ голосованіи сознаніе «высшаго единства», восторжествовавшаго надъ самыми коренными различіями взглядовъ, значило указать на совершенно реальную черту, служившую доказательствомъ высокой степени политической сознательности партій, содѣйствовавшихъ, путемъ воздержанія, побѣдѣ партіи народной свободы.

Эту «побѣду» называли «пирровой» и обвиняли насъ въ «ликова-

ніи» по поводу ея. Увы, мы менѣе, чѣмъ кто либо, склонны къ ликованіямъ по поводу положенія дѣлъ въ государственной думѣ Но мы считали нужнымъ быть справедливыми къ тѣмъ положительнымъ мотивамъ, которые побудили трудовую группу оказать пассивную помощь партіи народной свободы. Помощь эту готовы были оказать даже соціалъ-демократы—уходомъ части своихъ членовъ изъ залы, съ цѣлью уменьшить число своихъ голосовъ, поданныхъ противъ проекта. Такимъ образомъ, солидарность различныхъ группъ съ существеннымъ содержаніемъ сообщенія является совершенно несомнѣнной. Что же заставило эти группы выразить свое дѣйствіе въ такой сдержанной формѣ, какъ воздержаніе отъ голосованія?

Отчасти это были всѣмъ извѣстныя принципіальныя разногласія относительно хода и исхода русской революціи. У соціалъ-демократовъ этимъ дѣло и объясняется вполнѣ. Относительно трудовой группы—положеніе значительно сложнѣе. Помимо доктринерскихъ соображеній, высказанныхъ лидеромъ группы, трудовиками руководило недовольство той неожиданностью, какую представляло внесеніе контръ-проекта безъ всякаго предварительнаго предупрежденія. Мы должны признать это недовольство справедливымъ: нѣкоторымъ извиненіемъ для партіи народной свободы служитъ, что проектъ едва былъ законченъ обсужденіемъ передъ самымъ началомъ засѣданія и что до сихъ поръ не существуетъ никакого постояннаго учрежденія въ думѣ—вродѣ Seniorenconvent'a,—которое бы обезпечивало быстроту междупартійныхъ сношеній. Но мы думаемъ, послѣ этихъ объясненій, что трудовики пошли дальше, чѣмъ слѣдовало бы, подъ вліяніемъ случайнаго раздраженія противъ господствующей партіи. Если бы они расчитывали, подобно соціалъ-демократамъ, издать отдѣльное партійное обращеніе къ населенію, у нихъ еще было бы основаніе воздержаться отъ участія въ общемъ шагѣ думы. Но едва ли трудовая группа теперь найдетъ матеріалъ и охоту въ своихъ членахъ для составленія внѣдумскаго документа. Въ болѣе спокойныя минуты трудовая группа едва ли откажется признать, что документъ, проведенный партіей народной свободы, удовлетворяетъ значительную часть ея собственныхъ требованій отъ такого рода заявленія. Единственный капитальный пунктъ разногласія—упоминаніе «о мирномъ и спокойномъ ожиданіи» законовъ—тоже едва ли имѣетъ такое принципіальное значеніе, какое ему приписывалось въ жару преній. Едва ли г. Жилкинъ имѣлъ бы что либо возразить противъ аргумента И. И. Петрункевича, что аграрная реформа не можетъ быть произведена захватнымъ порядкомъ. И, съ другой стороны, едва ли И. И.

Петрункевичъ сталъ бы оспаривать утвержденіе г. Жилкина, что дума нуждается въ «поддержкѣ» народа и можетъ быть сильна только этой «мощной» поддержкой. Г. Жилкинъ хотѣлъ прибавить «и организованной»: и въ этомъ единственномъ словѣ заключалось капитальное разногласіе, которое, однако, тоже могло бы быть устранено, если бы устранить его двусмысленность. Никто не будетъ спорить противъ положенія, что «организованная» борьба всегда лучше и цѣлесообразнѣе неорганизованной и что наличность «организаціи» сама по себѣ обезпечиваетъ болѣе мирныя формы борьбы. Но когда «организація» принимаетъ тѣ формы, о которыхъ говорилъ соціалъ-демократическій проектъ обращенія къ населенію,—формы, устраняющія органы государства отъ ихъ естественныхъ функцій по защитѣ населенія,—тогда рѣчь, очевидно, идетъ уже не о «поддержкѣ» нормальной работы народныхъ представителей мирнымъ населеніемъ, а о подготовкѣ вооруженной борьбы не законной властью народнаго представительства. Такая постановка вопроса упраздняетъ въ корнѣ самую возможность нормальнаго существованія и дѣятельности народнаго представительства. Для кого дума есть лишь «этапъ революціи», тѣ могутъ и должны смотрѣть такимъ образомъ. Но тѣ, кто въ правильномъ функціонированіи народнаго представительства видятъ болѣе прочный залогъ развитія въ Россіи настоящаго конституціоннаго строя и болѣе прямой путь къ возможнымъ въ настоящее время соціальнымъ реформамъ, чѣмъ все то, что обѣщаютъ неопытной и несвѣдущей массѣ плѣнительныя и невѣрныя перспективы революціоннаго бланкизма,—тѣ будутъ рады случаю провести рѣзкую грань между соціальными реформаторами и соціальными утопистами. И мы отъ души желали бы, чтобы руководители трудовой группы оказались по сю, а не по ту сторону проводимой нами границы. Иначе мы сильно опасаемся, что люди, ввѣрившіе этимъ вождямъ защиту своихъ реальныхъ интересовъ, почувствуютъ свою ошибку и, рано или поздно, отъ нихъ уйдутъ.

4. Враги думы и критика думскаго большинства.

109. «Революціонеры справа» *).

Нѣсколько дней тому назадъ мы сообщили о слухахъ, ходившихъ по городу по поводу военнаго заговора противъ государственной думы,

*) „Рѣчь“, № 75, 17 мая.

и требовали официальнаго опроверженія этихъ слуховъ. Опроверженіе послѣдовало—и послѣдовало въ такой авторитетной формѣ, которая дала поводъ одной газетѣ замѣтить, что опровергающіе, очевидно, считаютъ себя полными хозяевами въ той области, о которой свидѣтельствовали слухи. Офиціозное опроверженіе заговора чрезвычайно напоминало знаменитыя опроверженія блаженной памяти «Русскаго Государства». Правительство знаетъ, что въ слухахъ о заговорѣ нѣтъ «ни слова правды», какъ оно могло бы знать, что нѣтъ ни слова правды въ слухѣ, что такой-то чиновникъ получилъ такое-то повышеніе. Это интересно. Поощренные первымъ опроверженіемъ, мы желали бы дальнѣйшихъ. Слухи о заговорѣ не ограничиваются тѣмъ, что мы сообщили. Въ заграничныхъ газетахъ правительство найдетъ имена офицеровъ и генераловъ, названія частей войскъ и другія фактическія подробности.

Дыма безъ огня не бываетъ. Пускай не существуетъ военнаго заговора; пусть всѣ слухи о немъ—сплошная ложь. Но идея заговора носится въ воздухѣ: заговора противъ учрежденій, только-что признанныхъ незыблемыми. Въ кулуарахъ палаты правительственные чиновники продолжаютъ пропаганду, начатую въ ерогинскихъ квартирахъ. Крестьянъ убѣждаютъ писать протестъ противъ дѣйствій думы и подъ рукой обѣщаютъ имъ, что ихъ депутація уже навѣрное будетъ принята...

Заговоръ выступаетъ еще безцеремоннѣе, еще откровеннѣе и циничнѣе: изъ сферы частныхъ переговоровъ онъ переходитъ на страницы правительственнаго органа. Вчера въ государственную думу былъ, наконецъ, внесенъ запросъ по поводу систематическихъ и открытыхъ призывовъ къ уничтоженію думы, которые печатаются ежедневно «Правительственнымъ Вѣстникомъ».

У насъ въ рукахъ № 108 этой газеты, отъ воскресенья, 14 мая. Чрезвычайно поучительный, можно сказать—историческій номеръ, отливающій тремя цвѣтами политической радуги. Онъ начинается текстомъ отвѣтнаго адреса государственной думы. Немедленно послѣ этого текста его вредоносное дѣйствіе парализуется текстомъ отвѣта г. Горемыкина. И, наконецъ, въ дальнѣйшемъ водянистый либерализмъ отвѣта, въ свою очередь, парализуется крѣпкими словечками черносотенныхъ телеграммъ.

Жители Курска «умоляютъ всероссійскаго самодержца не вѣрить» государственной думѣ.

Монархическое общество г. Богородска «умоляетъ царя: будь тѣмъ, чѣмъ ты былъ и есть до сихъ поръ... самодержавнымъ и не-

ограниченнымъ помазанникомъ Божіимъ». Жители Лыскова «желаютъ попрежнему имѣть царя самодержавнаго». И т. д., и т. д.

Спрашивается, какую роль играетъ редакція правительственнаго органа, печатающая заявленія, которыя призываютъ къ «ниспроверженію существующаго строя»? И какое понятіе могутъ эти заявленія создать въ населеніи о намѣреніяхъ власти, колеблющей «основы», только что признанныя незыблемыми?

Правительство вступило на опасную почву. Въ моментъ, когда все зависитъ отъ увѣренности населенія въ прочности реформы и искренности намѣреній власти, правительство снова хочетъ держать всѣ вопросы открытыми. Если такъ, если вопросы открыты для рѣшенія вправо, то вѣдь открывается новая возможность рѣшеній влѣво? Никогда ни одна попытка «революціи справа», въ моменты, подобные настоящему, ни къ чему не приводила, кромѣ потери властью послѣдней опоры—той, которая заключается въ вѣрности данному слову. Кому никто не вѣритъ, тотъ никому не нуженъ больше. Пусть правительство объ этомъ серьезно подумаетъ, и изъ трехъ разныхъ цвѣтовъ политическаго знамени, подъ которымъ собирается идти, пусть выбираетъ какой-нибудь одинъ.

110. Губернаторская агитація противъ думы *).

Агитація министерства противъ государственной думы вступила въ новый фазисъ. До сихъ поръ дѣло ограничивалось организаціей посылки черносотенныхъ телеграммъ изъ провинціи, любезно печатавшихся въ официальномъ органѣ министерства. Теперь дѣло пошло по инстанціямъ выше. Губернаторы и градоначальники, одинъ за другимъ, вступаютъ на путь дискредитированія высшаго государственнаго учрежденія. И самая одновременность ихъ выступленія, одинаковость предмета ихъ нападеній и временами даже тожество выраженій, въ которыхъ они формулируютъ свою критику думы, свидѣтельствуетъ, что и на этотъ разъ мы имѣемъ дѣло не со случайнымъ совпаденіемъ взглядовъ отдѣльныхъ администраторовъ, а съ организованной системой, съ заранѣе намѣченнымъ и систематически выполняемымъ планомъ.

Прямая задача, которую ставятъ себѣ губернаторскія прокламаціи, заключается въ опроверженіи воззванія 14 депутатовъ-рабочихъ. Естественно, что прокламаціи направлены къ той же средѣ,

*) „Рѣчь“, № 86, 30 мая.

къ которой обращено и это воззваніе; но нѣсколько менѣе естественно, что гг. губернаторы хотятъ подѣйствовать на эту среду такого рода демагогическими пріемами, передъ которыми задумались бы ихъ противники. Рабочіе-депутаты государственной думы выводятъ изъ министерскаго отвѣта на адресъ думы, что правительство не хочетъ помочь рабочему классу и что онъ долженъ заботиться о себѣ самъ. Губернаторъ отвѣчаетъ: нѣтъ, это не правительство, а дума не заботится о народѣ! И въ доказательство, вмѣсто критики воззванія рабочихъ-депутатовъ, губернаторы занимаются критикой взглядовъ, которые они приписываютъ государственной думѣ.

Мы не будемъ входить въ разборъ обвиненій, предъявленныхъ рабочими-депутатами къ министерству. Какъ бы ни были неточны эти обвиненія, во всякомъ случаѣ, они несравненно ближе къ истинѣ, чѣмъ то, что выставляютъ противъ думы гг. губернаторы. Но пикантность этого сопоставленія заключается въ самой возможности сравнивать агитацію рабочихъ противъ министерства съ агитаціей губернаторовъ противъ думы. Первая агитація объявляется гг. губернаторами «преступной» и квалифицируется какъ «призывъ къ насильственной борьбѣ и явно мятежнымъ дѣйствіямъ». «Такъ могутъ говорить люди, ищущіе не умиротворенія страны, а дальнѣйшей внутренней смуты». Едва ли съ меньшимъ основаніемъ можно повторить эту оцѣнку и относительно агитаціи гг. губернаторовъ.

«Преступна» была бы агитація гг. губернаторовъ противъ думы, если бы они выступали въ качествѣ частныхъ лицъ. Но что сказать о чиновникахъ министерства внутреннихъ дѣлъ, пользующихся своимъ высокимъ служебнымъ положеніемъ, чтобы открыто выступать противъ той самой государственной власти, которой они служатъ? Поразительная невѣроятность подобнаго выступленія выходитъ за предѣлы всѣхъ тѣхъ политическихъ ненормальностей, свидѣтелями которыхъ мы были въ это переходное время.

Но и это еще не все, что слѣдуетъ сказать о губернаторскихъ прокламаціяхъ. Все сказанное было бы вѣрно, даже если бы критика губернаторовъ противъ думы была совершенно основательна. Но что сказать, когда и по самому содержанію обвиненія губернаторовъ основаны на перетолкованіяхъ и завѣдомой неправдѣ?

Губернаторы выдвигаютъ противъ думы два обвиненія. Во-первыхъ, дума хочетъ «оставить безъ наказанія убійства, поджоги, грабежи и другія тяжкія преступленія, если они совершены изъ политическихъ побужденій». Во-вторыхъ, дума рѣшила «упразднить право частной собственности на землю».

Итакъ, амнистія, политическій актъ «забвенія» прошлаго, необходимо сопровождающій всякій крупный переломъ въ политической жизни, существенно мѣняющій самое понятіе общества о преступленіи,—особенно о томъ преступленіи, которое направлено было къ созданію новаго и нынѣ наступившаго порядка вещей,—этотъ политическій актъ объявляется равносильнымъ «нарушенію обязанностей правительства передъ всѣмъ мирнымъ населеніемъ страны», преміей за поджигательства, грабежи и убійства! Передержка, слишкомъ очевидно предназначенная для тѣхъ группъ населенія, отъ имени которыхъ сочиняются черносотенныя телеграммы. Тамъ говорится объ амнистіи совершенно подобнымъ же образомъ. Но телеграммы хотятъ убѣдить не тѣхъ, отъ имени кого посылаются; онѣ хотятъ кому-то другому доказать, что вся Россія—черносотенная. А гг. губернаторы принимаютъ это за доказанное и къ этой воображаемой Россіи они обращаются съ аргументомъ, который въ настоящей Россіи едва ли вызоветъ что-либо иное, кромѣ взрыва негодованія. Какъ не сказать, что это—покушеніе съ негодными средствами!

Но вотъ второе средство—посильнѣе. Гг. губернаторы, по слѣдамъ г. Гурко, просятъ русскихъ крестьянъ твердо запомнить, что ихъ хотятъ ограбить, что дума хочетъ отнять у нихъ ихъ «собственную землю», «пріобрѣтенную трудами ихъ рукъ».

Увы, и въ этомъ случаѣ гг. губернаторы опоздали! Если бы министерство не развѣшивало и не расклеивало такъ усердно своей декларацiи, если бы крестьяне ничего не слыхали объ адресѣ думы, если бы вовсе не существовало газетъ и почты, если бы не было также въ думѣ тѣхъ двухъ сотенъ самыхъ подлинныхъ крестьянъ, каждый изъ которыхъ находится подъ непосредственнымъ наблюденіемъ пославшихъ его сотенъ тысячъ,—тогда затѣя гг. губернаторъ могла бы имѣть какой-нибудь смыслъ. Тогда, быть можетъ, для народа еще было бы не ясно, кто хочетъ дать ему землю и кто земли не даетъ. Теперь, увы, уже поздно. Завѣдомая неправда губернаторскихъ прокламацiй станетъ широко извѣстна; но она сдѣлается извѣстна народу не какъ правдивое свидѣтельство о думѣ, а какъ новая и безсильная попытка обмануть его. Прокламацiи рабочихъ депутатовъ могли возбуждать споръ и разногласія въ населенiи. Относительно истиннаго смысла губернаторскихъ прокламацiй въ народѣ никакихъ сомнѣній не будетъ.

111. Аграрные проекты думы и критика г. Гурко *).

Изъ вѣнской газеты «Die Zeit» мы узнаемъ, почему гг. Стишинскій и Гурко сочли своимъ долгомъ говорить передъ думой, почему они говорили дважды и почему говорили неприличнымъ тономъ. Обо всемъ этомъ повѣдалъ самъ г. Гурко, не пожелавшій, очевидно, оставить за думой послѣднее слово. Министры говорили потому, что «на нихъ смотрѣло все государство, вся Европа». Они говорили вторично потому, что «хотѣли показать, что готовы на разумный компромиссъ». И они говорили грубо потому, что и дума выставила свои требованія «вызывающимъ тономъ». Такимъ образомъ, для поддержанія собственнаго достоинства, министры отказали странѣ въ ея требованіяхъ, потомъ поманили думу, прикрикнули на депутатовъ... и гдѣ теперь ихъ собственное достоинство?

На свое послѣднее слово г. Гурко не рискуетъ выслушать новой отповѣди отъ думы. Отвѣтить на печатныя инсинуаціи и вымыслы приходится теперь печати. Нечего дѣлать—надо выполнить эту непріятную обязанность.

Если вѣрить г. Гурко, Европа и Россія ждали отъ гг. министровъ немедленнаго увѣренія, что государство не погибнетъ, иностранный кредитъ сохранится, катастрофъ и хаоса не будетъ. Но кто же грозилъ катастрофами и хаосомъ? «Они» грозили,—отвѣчаетъ г. Гурко; «они, которые рѣшились прикоснуться къ институту частной собственности,—сторонники принудительнаго отчужденія!» Итакъ, мы у самаго источника безсмысленной клеветы, распространяемой нынѣ, по петербургскому клише, гг. губернаторами. Свою ошибку, свой громкій отказъ народу въ землѣ гг. министры стараются теперь поправить настойчивой и завѣдомой клеветой, будто дума хочетъ отнять у населенія землю. Разъ навсегда, приходится остановиться на этомъ обвиненіи по существу.

Было уже сказано и повторено и правыми, и лѣвыми органами печати, что, прежде всего, дума, какъ цѣлое, еще не высказала никакого мнѣнія по земельному вопросу; мнѣнія же, высказанныя многочисленными ораторами, чрезвычайно разнообразны. Самыя крайнія изъ нихъ, однако, высказываютъ отрицаніе частной собственности только какъ руководящій принципъ, какъ болѣе или

*) Рѣчь, № 88, 1 іюня.

менѣе отдаленную перспективу; и всего чаще тѣ простодушныя крестьянскія требованія, которыя ищутъ своего выраженія въ интеллигентскомъ лозунгѣ «вся земля народу—даже безъ выкупа», всего менѣе думаютъ объ уничтоженіи частной собственности на землю. Но этого хочетъ основной проектъ аграрной реформы, внесенный 42-мя членами партіи народной свободы? Ничуть не бывало: этотъ проектъ, какъ къ нему ни относиться, во всякомъ случаѣ, имѣетъ въ виду (и за это его рѣзко упрекаютъ слѣва) не какой-либо общій переворотъ въ юридическихъ основаніяхъ владѣнія землей, а только положеніе тѣхъ земель, которыя будутъ подлежать экспропріаціи въ интересахъ трудящихся классовъ. Вся крестьянская собственность и вся мелкая собственность въ извѣстныхъ предѣлахъ остается незатронутой проектомъ. И г. Гурко, можетъ быть, удивится, если узнаетъ, что однимъ изъ мотивовъ, заставившихъ авторовъ проекта предложить изъ отчуждаемыхъ земель образовать неотчуждаемый земельный фондъ, было именно... уваженіе къ принципу частной собственности. Этотъ принципъ допускаетъ принудительное отчужденіе, какъ чрезвычайную мѣру, какъ исключеніе, которое подтверждаетъ правило. Принудительное отчужденіе можетъ оправдываться соображеніями государственной пользы; а отчудивъ землю во имя государственной пользы, было бы непослѣдовательно передавать ее въ чужое пользованіе на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, на которыхъ владѣлъ ею старый владѣлецъ. Во имя государственной пользы земля могла бы быть отчуждена изъ полнаго только въ условное владѣніе. Иначе пришлось бы брать у Ивана, чтобы отдать Петру. Преимущества прочнаго пользованія, конечно, не исключаются условнымъ характеромъ владѣнія. Проектъ предлагаетъ отдавать земли въ долгосрочную аренду. Если бы даже найдено было нужнымъ отдавать участки въ собственность,—все равно, государство не могло бы отказаться отъ всякаго контроля за судьбой розданныхъ участковъ. Нѣчто подобное тѣмъ ограниченіямъ, которыя установлены для держателей «мелкихъ участковъ» («Small Holdings») англійскимъ закономъ 1892 г., все равно, пришлось бы ввести. Такимъ образомъ, весь вопросъ сводится къ тому, упрочить ли пользованіе путемъ приближенія аренды къ собственности, или путемъ ограниченія собственности въ направленіи безсрочной аренды.

Эти юридическія тонкости имѣли бы второстепенный характеръ даже и въ странахъ, гдѣ идея частной собственности на землю укоренена вѣками. Что же сказать о странѣ, гдѣ, благодаря об-

щинным порядкам землепользованія, благодаря полной юридической неопредѣленности выкупной операціи, благодаря, наконецъ, низкому уровню хозяйства и другимъ особенностямъ быта, идея частной земельной собственности до сихъ поръ не ясна огромному проценту населенія?

Итакъ, обвиненіе въ подкапываніи подъ частную собственность никоимъ образомъ не можетъ относиться къ идеѣ земельнаго фонда. Къ самой же идеѣ экспропріаціи оно могло бы относиться только тогда, если бы идею эту мы стали основывать на «естественномъ правѣ на землю», какъ и предлагаютъ нѣкоторыя лѣвыя партіи.

Но достаточно заглянуть въ органы этихъ партій, чтобы увидѣть, что земельный проектъ партіи к.-д. подвергается рѣзкой критикѣ какъ разъ за то, что не принимаетъ этого идеологическаго обоснованія, а основываетъ принципъ экспропріаціи на идеѣ «государственной пользы», т. е. implicite признаетъ и фактически сохраняетъ частную собственность на землю.

Гг. Стишинскому и Гурко уже не разъ доказывали весьма убѣдительно, что понятый въ этомъ смыслѣ принципъ принудительной экспропріаціи—вовсе не новость въ русской государственной практикѣ, указывая, какъ на прецедентъ, на выкупъ помѣщичьихъ земель бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ. Очень неловко и неумѣло гг. министры пробовали предъявить отводъ противъ этой ссылки. Въ наиболѣе осмысленной и углубленной формѣ ихъ возраженіе могло бы быть предъявлено въ такой формѣ: владѣніе населенными имѣніями было владѣніемъ на особомъ правѣ, не частномъ, а публичномъ; и ликвидація этого владѣнія могла быть совершена тоже исключительнымъ порядкомъ, во имя публичнаго и государственнаго интереса; теперь же земельную реформу нужно производить въ строгихъ и тѣсныхъ рамкахъ частнаго права.

Гг. министры, можетъ быть, были бы правы, если бы они и ихъ предшественники догадались въ свое время, уничтожая экономическую зависимость, въ то же время стереть всѣ черты юридическаго различія между крестьянами и ихъ прежними господами. Можетъ быть, тогда память о служиломъ происхожденіи помѣщичьихъ земель успѣла бы затеряться и титулы собственности всѣхъ классовъ землевладѣльцевъ соединились бы въ одинъ. Но кто виноватъ, что классовой антагонизмъ искусственно поддерживался самимъ правительствомъ, и что теперь, сорокъ лѣтъ спустя послѣ эмансипаціи, онъ такъ же силенъ, какъ прежде,—что въ Россіи, въ общемъ правовомъ сознаніи, нѣтъ одного разряда земле-

владѣльцевъ, а есть старые бытовые разряды крестьянъ и помѣщиковъ, надѣльной и частной земли. Публично-правовой характеръ нашего землевладѣнія удержанъ и подчеркнутъ всей земельной политикой послѣдняго полувѣка, политикой двоякой охраны старыхъ контрастовъ: охраны путемъ протекціи прежнихъ привилегированныхъ и охраны путемъ стѣсненій прежнихъ податныхъ классовъ.

Теперь правительство спохватилось, и министры обѣщаютъ намъ немедленно внести законопроекты о распространеніи института частной собственности на все землевладѣніе. Въ міръ реальныхъ отношеній подобный проектъ, конечно, внесетъ большій хаосъ и большую катастрофу, чѣмъ несравненно болѣе скромная и частичная реформа, состоящая въ введеніи новаго типа владѣнія для однѣхъ только нынѣ отчуждаемыхъ земель,—притомъ типа, болѣе или менѣе приближающагося къ той же частной собственности.

Но, совершенно независимо отъ революціонныхъ законопроектовъ правительства, «Европа и вся Россія» отлично видятъ, кто ведетъ дѣло къ «катастрофамъ и хаосу»: дума или министры.

Гг. Стишинскій и Гурко имѣли неосторожность предложить выборъ между министрами и думой по вопросу, значенія котораго не можетъ извратить никакая министерская надменность, никакая профессіональная софистика. Гг. губернаторы усердно популяризируютъ этотъ faux pas министерства, и г. Аладьинъ совершенно основательно отвѣтилъ на правительственное усердіе выраженіемъ глубокой благодарности. Телеграммы и письма депутатамъ изъ деревни не оставляютъ сомнѣнія, что правительственныя прокламаціи широко распространились и цѣли достигли, хотя и не той, къ которой стремилось министерство. И моментъ былъ выбранъ удачно: болѣе глубокаго вниманія министерство не могло ждать ни въ какой другой моментъ, какъ тогда, когда Россія напряженно слѣдила за каждымъ словомъ, раздававшимся въ думѣ отъ имени правительства. Да г. Гурко правъ: «вся страна смотрѣла на нихъ» въ эту минуту. Страна ждала—и дождалась; минута пришла... и прошла безвозвратно, вмѣстѣ съ послѣднимъ благопріятнымъ шансомъ для министерства.

А «Европа»? Увы, и Европа только удивилась и развела руками. Даже Поль Леруа Болье въ «Journal des Débats», при всемъ отрицательномъ отношеніи къ аграрному проекту 42-хъ, не могъ не признать «политической трудности—полнаго отказа крестьянамъ въ ихъ требованіяхъ». А его братъ, извѣстный знатокъ Россіи, черезъ день призналъ на страницахъ той же газеты, что «первый

русскій парламентъ не могъ говорить инымъ языкомъ», онъ замѣтилъ то революціонное настроеніе кругомъ думы, не зная котораго «нельзя ничего понять въ поведеніи думы»; онъ слышалъ отзывы самихъ помѣщиковъ, что «принудительное отчужденіе есть единственное средство противъ разорительной жакеріи». Справедливость этого замѣчанія отнюдь не ослабляется, когда его повторяетъ съ думской трибуны, основываясь на своихъ первоисточникахъ, депутатъ Аладьинъ.

Но то, что видятъ, знаютъ и замѣчаютъ въ Европѣ, не обязательно знать и понимать для нашего министерства. И. И. Петрункевичъ вполнѣ правъ въ своемъ замѣчаніи: наши министры такъ же слѣпы, какъ были во дни Цусимы.

И они точно такъ же теряютъ въ нерѣшительности и бездѣйствіи дорогое время. Они готовы, по словамъ Гурко, и на амнистію, за исключеніемъ террористовъ, и на равноправіе, не исключая евреевъ, и на отмѣну смертной казни, и на проведеніе всѣхъ «свободъ». Но день проходитъ за днемъ, и каждое утро приноситъ новыя ужасающія вѣсти изъ тюремъ и съ мѣстъ казней, все расширяя и углубляя пропасть между страной и правительствомъ и скопляя общественное раздраженіе около нѣсколькихъ яркихъ точекъ. И, вмѣсто уступокъ,—ежедневно мы слышимъ о новыхъ шагахъ противъ думы, о намѣреніи привлечь къ суду депутатовъ, о томъ, что сегодня министерство крѣпче, чѣмъ когда бы то ни было...

Пусть министерство успокоится: ни «страна», ни «Европа» больше на него не «смотрятъ» и ничего отъ него не ждутъ. Въ тотъ моментъ, когда разразится, наконецъ, катастрофа и наступитъ «хаосъ», всѣ будутъ знать, гдѣ искать виновниковъ. И, можетъ быть, они на этотъ разъ не отдѣлаются такъ легко, какъ виновники Цусимы.

112. Критика «Le Temps» *).

Упреки, которые слышатся по адресу партіи народной свободы изъ за-границы, стоятъ въ своеобразномъ контрастѣ съ упреками, раздающимися въ ультра-радикальной печати и въ резолюціяхъ столичныхъ митинговъ. Здѣсь упрекаютъ насъ въ томъ, что мы не

*) „Рѣчь“, № 72, 11 мая.

развили адреса въ длинное «представленіе», не раскрыли въ немъ всей программы; тамъ находятъ, что мы перегрузили адресъ излишними требованіями и могли бы ограничиться двумя: законодательной инціативой и министерской отвѣтственностью. Здѣсь утверждаютъ, что мы глухи къ требованіямъ народа и измѣняемъ его мандату, тамъ полагаютъ, что мы черезчуръ много уступили крайнимъ требованіямъ демагогіи. Здѣсь хотятъ, чтобы мы служили орудіемъ революціи; тамъ требуютъ, чтобы, помимо сопротивленія захватамъ исполнительной власти, мы противились бы и «ошибкамъ народныхъ страстей». Здѣсь насъ приглашаютъ, очертя голову, бросаться въ конфликтъ; тамъ намъ совѣтуютъ воспользоваться дорого купленнымъ опытомъ запада, чтобы съ наименьшими тратами достигнуть результатовъ, къ которымъ мы стремимся.

Сегодняшняя статья «Le Temps», изъ которой мы привели всѣ эти совѣты, отвѣчаетъ на корреспонденцію изъ Петербурга, озаглавленную «Декларація русской к.-д. партіи, отвѣтъ «Le Temps». Въ «декларацiи» петербургскій корреспондентъ «Temps» приводитъ возраженія, которыя могла бы представить партія противъ предшествовавшихъ нападковъ «Le Temps» на адресъ, принятый думой. Мы спѣшимъ заявить, что «декларація», посланная петербургскимъ корреспондентомъ въ «Temps», не является офиціальнымъ документомъ партіи; и хотя мы имѣли возможность ознакомиться съ ней въ рукописи,—и сообщили корреспонденту свои замѣчанія, но за содержаніе документа отвѣтственности на себя взять не можемъ. Мы, конечно, цѣнимъ мнѣніе общественныхъ круговъ о Россіи и ея внутренней политикѣ. Но мнѣніе «Le Temps» мы никогда не отожествляли съ общественнымъ мнѣніемъ Франціи, и для серьезныхъ объясненій съ читателями этой газеты намъ трудно было бы найти языкъ, на которомъ бы мы другъ друга понимали. Мы не удивляемся, поэтому, что рядомъ съ тѣмъ общимъ запасомъ политическаго пониманія, который дается жизнью въ политически зрѣлой странѣ, въ возраженіяхъ «Le Temps» есть также и очень значительная доля непониманія, источникъ котораго заключается отчасти въ характерѣ политическихъ взглядовъ той общественной среды, мнѣнія которой выражаетъ газета, отчасти же въ полномъ незнакомствѣ съ тѣми условіями, среди которыхъ приходится дѣйствовать первому русскому представительству. Мы, поэтому, и не вступаемъ въ полемику съ замѣчаніями французской газеты.

113. Критика «XX Вѣка» *).

«XX Вѣкъ» задаетъ партіи народной свободы вопросъ—и вопросъ серьезный. По крайней мѣрѣ, сама газета полагаетъ, что отъ отвѣта на этотъ вопросъ зависитъ оправданіе или осужденіе всей тактики господствующей партіи. Отвѣтъ покажетъ, по мнѣнію «XX Вѣка», «намѣрены ли кадеты всю оппозицію подчинить своей чисто-партійной тактикѣ или же способны подняться до дѣйствительнаго руководства всей оппозиціей согласно завѣтамъ и живымъ стремленіямъ народа».

Мы не думаемъ, чтобы «чисто-партійная тактика» господствующей партіи находилась въ противорѣчіи съ «живыми стремленіями народа». Если бы такое противорѣчіе обнаружилось, то, конечно, партіи народной свободы осталось бы только немедленно принять другую «чисто-партійную» тактику, которая гармонировала бы съ стремленіями народа. Очевидно, вопросъ заключается не въ томъ, что лучше—«чисто-партійная» тактика или обще-оппозиціонная, а только въ томъ, насколько принятая партіей тактика отвѣчаетъ народнымъ стремленіямъ. «XX Вѣкъ» отвѣчаетъ на этотъ вопросъ, во 1-хъ, опредѣленіемъ того, въ чемъ состоятъ народныя стремленія, а, во 2-хъ, указаніемъ соотвѣтствующей этимъ стремленіямъ тактики. Порученіе, данное избирателями думѣ, заключается, по мнѣнію газеты, въ томъ, чтобы «довести до свѣдѣнія верховной власти о бѣдствіяхъ страны», а средство для исполненія этого порученія заключается въ «непосредственномъ общеніи думы съ монархомъ. «XX Вѣкъ» негодуетъ на «Нашу Жизнь», что эта газета считаетъ «единственнымъ случаемъ непосредственнаго обращенія думы къ монарху»—представленіе отвѣтнаго адреса. Самъ «XX Вѣкъ» знаетъ, очевидно, другія формы «непосредственнаго общенія» и спрашиваетъ господствующую партію, желаетъ ли она прибѣгнуть къ этимъ другимъ мѣрамъ или предпочитаетъ ограничиться «резолюціями».

Помимо поразительной неясности подобной постановки вопроса, она грѣшитъ еще и поразительной политической неосвѣдомленностью. «Доводить до свѣдѣнія монарха о бѣдствіяхъ страны» путемъ «непосредственнаго общенія» съ нимъ представителей народа—это есть

---

*) „Рѣчь“, № 65 и 102, 5 мая и 17 іюня.

славяно-фильская формула самодержавнаго строя; и если нѣкоторые наивные избиратели и выразили въ такихъ словахъ свой «наказъ» депутатамъ—«ходокамъ», то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы дума могла ограничиться только такимъ «воздѣйствіемъ мысли» на монарха. Такое воздѣйствіе, дѣйствительно, равносильно бы было посылкѣ депутацій, вродѣ депутаціи 6-го іюня, или писанію «резолюцій». Такимъ образомъ, всѣ обвиненія «XX Вѣка» по адресу партіи могли бы быть съ гораздо большимъ основаніемъ обращены противъ собственнаго взгляда газеты. И «Наша Жизнь» совершенно права, когда утверждаетъ, что отвѣтный адресъ есть «единственный случай непосредственнаго обращенія къ монарху». Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ парламентской жизни—монархъ, какъ личность, не существуетъ для народныхъ представителей: его заслоняютъ отвѣтственные министры,—и добиться этой отвѣтственности составляетъ первую задачу и «чисто-партійной», и обще-оппозиціонной тактики. Но, помимо случаевъ прямого столкновенія съ министрами, дума имѣетъ свою собственную огромную сферу дѣйствія, въ которой она является хозяиномъ. Это есть область законодательства. «XX Вѣкъ», какъ будто, вовсе игнорируетъ эту область: дума для него является чѣмъ-то вродѣ того учрежденія, которое «Русь» давно уже мечтала создать изъ земскихъ съѣздовъ, союза-союзовъ или изъ того и другого вмѣстѣ. Теперь эта фантастическая идея воскресаетъ вновь въ редакціи «XX Вѣка», и первымъ шагомъ къ ея осуществленію газета считаетъ проведеніе какого-то энциклопедическаго «представленія», которое, по утвержденіи государемъ (въ этомъ утвержденіи газета не сомнѣвается), должно послужить чѣмъ-то вродѣ универсальнаго закона, прилагать который и будетъ сама дума.

Едва ли стоило бы останавливаться на всемъ этомъ политическомъ сумбурѣ, если бы, къ сожалѣнію, онъ не свидѣтельствовалъ о полнѣйшемъ непониманіи дѣйствительныхъ правъ и значенія думы въ довольно широкихъ обывательскихъ кругахъ. Всего курьезнѣе, что своимъ планомъ газета думаетъ усилить значеніе думы, тогда какъ въ дѣйствительности она его уменьшаетъ. Монарху достается въ этомъ планѣ какое-то подобіе законодательной власти, а дума является въ роли какого-то не то совѣтчика, не то исполнительнаго органа. Волѣдствіе такого положенія, отъ думы требуютъ того, чего она дать ни при какихъ условіяхъ не можетъ, а ея собственныя и неотъемлемыя права трактуются пренебрежительно.

Мы не отсылаемъ газету по этому предмету къ руководствамъ по конституціонному праву, потому что, каковы бы ни были позна-

нія редакціи въ этой области, но въ нихъ лежитъ источникъ ея ошибки. «XX Вѣкъ» хочетъ сдѣлать изъ думы носителя чрезвычайной власти, порожденной чрезвычайными обстоятельствами. Эта тактика не нова и не принадлежитъ спеціально «XX Вѣку». Ново и оригинально въ передачѣ газеты только то, что тактика эта сочетается съ теоріей «непосредственнаго общенія съ монархомъ», а также и то, что она вполнѣ отдѣлена отъ теоріи, изъ которой обыкновенно выводится. При такихъ условіяхъ, едва ли нужно давать спеціальный отвѣтъ на вопросъ «XX Вѣка». Такъ какъ онъ поставленъ,—онъ не имѣетъ никакого смысла; а поставленный болѣе правильно, онъ уже не разъ получалъ отвѣтъ и будетъ получать его, по мѣрѣ того, какъ будутъ развиваться событія. Жизнь похоронила рядъ политическихъ плановъ и «мнѣній» старой редакціи «Руси»; вѣроятно, и ея новый планъ просуществуетъ самое короткое время.

Мы не думали, что намъ придется возвращаться къ темѣ, о которой мы говорили не разъ и которую считали исчерпанной. Рѣчь идетъ объ идеѣ непосредственнаго обращенія думы къ государю,—идеѣ, сдѣлавшейся съ нѣкотораго времени idée fixe «XX Вѣка». Въ свое время мы указывали на связь этой идеи со старыми планами «Руси» объ обращеніи къ государю отъ земскихъ съѣздовъ и союза союзовъ. Въ тѣ времена мысль «Руси» могла казаться смѣлой такъ же, какъ и идея—сдѣлать изъ съѣздовъ и союзовъ что-то вродѣ народнаго представительства. Съ тѣхъ поръ все измѣнилось въ политическомъ положеніи; не измѣнилась только смѣлая идея Суворина-младшаго: сдѣлать, на этотъ разъ, изъ народнаго представительства что-то вродѣ земскаго съѣзда или союза союзовъ.

«XX Вѣкъ» ежедневно, подъ всевозможными видами и всѣми способами, убѣждаетъ русскій народъ, читающую публику и депутатовъ думы, что стоитъ только обратиться съ «представленіемъ» о нуждахъ къ монарху—и всѣ затрудненія сразу исчезнутъ, всѣ желанія исполнятся, и передъ страной откроется гладкій путь мирнаго развитія. Говорится все это съ такой убѣжденностью, такимъ безапелляціоннымъ тономъ, что читатель или долженъ предположить, что эта мысль пріобрѣла въ умѣ ея автора такую выпуклость, которая граничитъ съ душевной болѣзнью,—или же долженъ допустить, что Суворинъ-младшій знаетъ что-то такое, чего никто не знаетъ, что это именно онъ, а не гр. Витте, «знаетъ, какъ спасти Россію».

Таинственный ли видъ человѣка, который знаетъ секретъ, или заразительность гипноза, или, наконецъ, тотъ физическій законъ, по которому «капля точитъ камень не силой, а частымъ паденіемъ»,—какъ бы то ни было, есть что-то въ содержаніи и формѣ суворинской пропаганды, что пріобрѣтаетъ ей послѣдователей, немногочисленныхъ, конечно, но вѣрныхъ и упорныхъ. Съ тѣмъ же «знающимъ» видомъ «XX Вѣкъ» начинаетъ даже настойчиво намекать въ послѣдніе дни, что идея обращенія къ монарху нашла себѣ путь и въ нѣкоторыя «кадетскія» головы, и что «лидерамъ» партіи скоро предстоятъ большія хлопоты; едва ли даже имъ удастся обуздать смѣльчаковъ. Идея обращенія къ монарху въ «XX Вѣкѣ» именно представляется чѣмъ-то необычайно смѣлымъ и рѣшительнымъ; такимъ смѣлымъ, что «умѣренные» лидеры партіи принуждены будутъ спасовать передъ популярной идеей и поставить крестъ на всей своей тактикѣ.

Несомнѣнно, дѣйствительно, что тактика, которой держалась въ думѣ до сихъ поръ партія народной свободы, совершенно несовмѣстима съ идеей, пропагандируемой «XX Вѣкомъ». Но это не потому, чтобы идея «XX Вѣка» была слишкомъ смѣла и радикальна. Нѣтъ, эта идея противорѣчитъ духу к.-д. партіи, потому что она слишкомъ умѣренна и архаична. Никакой смѣлости и рѣшительности не нужно было бы, чтобы сдѣлать то, чего не боялись дѣлать даже самые мирные изъ земцевъ. Не было бы никакой трудности и повторить то, что, въ сущности, уже было сдѣлано въ адресѣ, представленномъ государю думой. До сихъ поръ, когда оспаривалась идея «XX Вѣка», возражали противъ нея не вслѣдствіе трудности и чрезмѣрной смѣлости рекомендуемаго шага, а вслѣдствіе яснаго сознанія его безплодности. Но допустимъ, что именно въ данномъ случаѣ «XX Вѣкъ», дѣйствительно, «знаетъ секретъ». Пусть онъ, въ самомъ дѣлѣ, не только убѣжденъ или помѣшанъ на увѣренности, что депутацію думы на этотъ разъ выслушаютъ—и не только выслушаютъ, но и послушаютъ; пусть онъ, въ самомъ дѣлѣ, «знаетъ». Мы лично думаемъ, что «знаніе» это, во всякомъ случаѣ, не относится къ текущему моменту, а къ какому-нибудь, болѣе или менѣе, давно прошедшему. Но допустимъ, что оно относится къ настоящему; какой можетъ быть изъ этого правильный выводъ?

Единственный возможный выводъ—тотъ, что власть уже рѣшилась уступить и идти въ мирѣ съ думой и съ народомъ. Если такъ, то, очевидно, было бы неправильно переносить въ сферу государственныхъ отношеній привычки отношеній личныхъ. Дѣло, очевидно,

не въ томъ, кто первый начнетъ; не въ томъ, чтобы дума сперва попросила, а потомъ ей уступятъ. Тотъ шагъ, который диктовался парламентской корректностью, уже сдѣланъ думой давно: обмѣнъ мыслей между короной и народнымъ представительствомъ состоялся въ обычномъ порядкѣ. Отступленіемъ отъ этого порядка было ни для кого неожиданное заявленіе министровъ, и съ момента этого заявленія отношенія между министерствомъ и парламентомъ вступили на совершенно ненормальный путь. Жизнь съ каждымъ новымъ днемъ показываетъ невозможность идти по этому пути. Очевидно, для возстановленія нормальныхъ отношеній необходимо вернуться назадъ, къ исходному моменту конфликта. Каждая резолюція, почти каждый шагъ и каждая рѣчь думы настойчиво указываютъ на ту же самую необходимость. Единственный способъ достигнуть цѣли, очевидно, состоитъ не въ повтореніи, въ торжественной аудіенціи, уже формулированныхъ желаній народа—и еще менѣе въ словесной просьбѣ объ отставкѣ министерства. Цѣль можетъ быть достигнута лишь рѣшительнымъ шагомъ короны: ея обращеніемъ къ представителямъ парламентскаго большинства. Все это, конечно, нѣсколько сложнѣе, чѣмъ архаическіе совѣты крестьянскихъ корреспондентовъ «XX Вѣка»: поклониться еще разъ, потому что «отъ поклона голова не отвалится». Этотъ аргументъ, взятый нами со страницъ «XX Вѣка», откровенно и просто формулируетъ всю нехитрую философію «смѣлой» идеи «представленія» монарху. Мы понимаемъ, что, при такомъ близкомъ соприкосновеніи со старыми народными воззрѣніями на источникъ власти, идея «XX Вѣка» можетъ сдѣлаться, при извѣстныхъ условіяхъ, популярной. Но если она, дѣйствительно, станетъ популярной, это только покажетъ, что условія совершенно перемѣнились,—и притомъ перемѣнились совсѣмъ не въ сторону «смѣлости» и «рѣшительности».

Мы такого пессимизма не раздѣляемъ и потому думаемъ, что въ перемѣнѣ тактики к.-д. партіи на болѣе «смѣлую», въ духѣ совѣтовъ «XX Вѣка», никакой надобности не представится.

114. Противорѣчія „большевистской“ агитаціи противъ думы *).

Столичныя газеты ежедневно наполняются рѣзкими нападками на партію народной свободы. На послѣднихъ столичныхъ митингахъ

---

*) „Рѣчь“, № 71, 11 мая.

партія подвергалась нападеніямъ, настолько грубымъ и незаслуженнымъ, что даже болѣе корректные ея противники попытались было смягчить краски и удержать критику въ предѣлахъ здраваго смысла. Но имъ не давали говорить: настроеніе собраній было, несомнѣнно, на сторонѣ противниковъ думы и партіи народной свободы. Изъ столичныхъ «лѣвыхъ» газетъ только «Наша Жизнь» смѣло и рѣшительно борется съ растущей волной демагогическихъ обличеній; во всѣхъ другихъ голосъ страсти и раздраженія беретъ верхъ надъ голосомъ разума и спокойной критики.

Въ чемъ же дѣло? Мы не будемъ здѣсь перечислять по одиночкѣ и фактически опровергать всѣ тѣ клеветы и извращенія истины, съ помощью которыхъ стараются дискредитировать партію народной свободы. Пока рѣчь шла о добросовѣстныхъ заблужденіяхъ, можно было говорить о серьезной полемикѣ съ ними; но теперь мы, очевидно, имѣемъ дѣло съ общимъ лозунгомъ, который открыто заявляется на митингахъ партіей соціалъ-демократовъ «большевиковъ» и неуклонно приводится въ исполненіе дисциплинированными ораторами этой партіи. Дискредитировать всѣми средствами и при всякомъ удобномъ случаѣ думу и партію народной свободы—таковъ новый партійный лозунгъ «большевиковъ». На этой почвѣ и этими средствами бороться съ соціалъ-демократической демагогіей мы не можемъ. Ея оружіе отточено въ трехлѣтней междоусобной борьбѣ, и всѣ, кто слѣдилъ за соціалъ-демократической партійной литературой послѣднихъ годовъ, знаютъ, до какихъ геркулесовыхъ столбовъ можетъ дойти неразборчивость въ средствахъ борьбы, практиковавшаяся данной политической группой. Политическія страсти и глубокое политическое невѣжество той среды, къ которой обращаются агитаторы с.-д. большинства,—къ сожалѣнію, слишкомъ сильные союзники ихъ тактики, и не въ первый разъ имъ удается доводить гипнотизированную ими толпу до такихъ поступковъ, въ которыхъ потомъ приходится раскаиваться самимъ руководителямъ. Помнятъ ли наэлектризованные послѣдователи «большевистской» тактики тѣ суровые уроки жизни, тѣ горькія разочарованія, къ которымъ до сихъ поръ эта тактика неизмѣнно приводила? Если не помнятъ, мы боимся, что ничто, кромѣ новыхъ тяжелыхъ неудачъ, не охладитъ новаго взрыва политическаго фанатизма.

Чего хотятъ эти люди отъ думы, убѣждая другихъ и самихъ себя въ ея полной политической непригодности? Ихъ положительные планы такъ же туманны, какъ мутна ихъ отрицательная по-

лемпка. Ихъ критика и ихъ требованія стоятъ въ самомъ безысходномъ внутреннемъ противорѣчіи. Не признавая за думой никакого значенія, они требуютъ отъ нея обнаруженія большей силы, чѣмъ она имѣетъ въ дѣйствительности. Они хотятъ, чтобы дума создала свободную политическую атмосферу для ихъ собственной дѣятельности, и съ ожесточеніемъ набрасываются на первые шаги думы въ этомъ самомъ направленіи. Они считаютъ думу, даже въ теперешнихъ предѣлахъ ея дѣятельности, незаконно узурпировавшей власть—и требуютъ отъ нея еще болѣе полной и открытой узурпаціи власти. Они негодуютъ на думу за то, что въ теченіе десяти дней ея засѣданій «сатрапы» не смѣщены, «голодъ и эпидемическія заболѣванія» продолжаются; негодуютъ на нее за то, что темницы остаются затворенными, что злоупотребленія власти продолжаются. Въ одно и то же время они упрекаютъ думу въ безсиліи, добиваются отъ нея актовъ политическаго могущества, и дѣлаютъ все, что могутъ, чтобы лишить думу и той доли силы, которую она могла бы имѣть, опираясь на народную поддержку.

Жизнь скоро покажетъ, ограничивается ли этотъ политическій Бедламъ сектантской интеллигенціей столицъ,—или онъ найдетъ и въ населеніи страны свой отголосокъ. Въ залѣ самой думы небольшая соціалъ-демократическая группа, рѣшившая было голосовать противъ адреса, поняла сразу свою политическую ошибку и воздержалась отъ задуманнаго поступка, когда ее предупредили и вышли изъ залы гр. Гейденъ и Стаховичъ. Дѣйствовать заодно съ «октябристами» противъ демократическаго большинства ей показалось черезчуръ зазорно. Но когда въ радикальныхъ резолюціяхъ выносятся рѣшенія, совпадающія по цѣли и содержанію съ черносотенными телеграммами, арранжируемыми правительствомъ; когда «союзы русскихъ людей» посылаютъ своихъ комиссаровъ бунтовать противъ думы ту самую провинцію, въ которую съ той же цѣлью ѣдутъ «большевистскіе» агитаторы; когда въ столицѣ агитація противъ думы находитъ неожиданное поощреніе въ градоначальникѣ («Наша Жизнь»),—то во всѣхъ этихъ случаяхъ, увлекаемая революціоннымъ гипнозомъ, масса какъ бы не замѣчаетъ параллелизма своихъ дѣйствій съ дѣйствіями камарильи и черной сотни. Страна—та страна, которая посылала въ думу партію народной свободы, должна рѣшить, какъ долго протянется и до какихъ границъ дойдетъ это политическое безуміе. Страна должна высказаться—и высказаться немедленно: медлить при настоящихъ условіяхъ было бы преступленіемъ.

115. Что разумѣютъ с. д. фракціи подъ „поддержкой“ думы? *).

Мы, какъ будто, присутствуемъ при моментѣ просвѣтлѣнія. Тревожные слухи о военномъ заговорѣ противъ думы съ цѣлью создать диктатуру Трепова и, очевидно, провокаторское покровительство, оказываемое властями всѣмъ, кто желаетъ дискредитировать думу, сдѣлали свое дѣло. Наши «большевики» и соціалъ-народники, не говоря уже о меньшевикахъ, поняли, повидимому, чье дѣло они дѣлаютъ и чьимъ интересамъ служатъ. Они, наконецъ, догадались, судя по послѣднимъ номерамъ газетъ, что ихъ «разносъ» думы можетъ послужить прелюдіей къ ея «разгону». «Дѣло Народа» теперь, на извѣстныхъ условіяхъ, «не думаетъ дискредитировать думу» и готово «поддерживать думу на всѣхъ тѣхъ позиціяхъ, которыя она займетъ въ виду и противъ нашей камарильи». «Невская Газета» (органъ меньшевиковъ) признаетъ, что планъ реакціи «сознательно повторить то, что пережила Россія въ октябрѣ и декабрѣ», благодаря стихійному ходу событій,—именно: «вызвать возможно скорѣе рѣшительное выступленіе той части народа, которая уже теперь настроена революціонно, раздавить ее военной силой при помощи разбойниковъ черной сотни и затѣмъ расправиться съ думой» при помощи «военной диктатуры», которая «истребитъ уже не только всѣ признаки «крамолы», но и всѣ, вообще, проявленія политической самодѣятельности народа». И газета совѣтуетъ «поставить агитацію (противъ кадетовъ) такъ, чтобы въ массахъ не создавалось односторонняго настроенія противъ думы и ея кадетскихъ руководителей, при нѣкоторомъ забвеніи того главнаго врага, борьба съ которымъ создастъ нѣкоторую общность интересовъ между всѣми почти классами населенія». Органъ меньшевиковъ даже совѣтуетъ «стремиться передать широкимъ массамъ пониманіе той положительной роли, которую еще можетъ сыграть дума». И, наконецъ, даже большевистская «Волна», продолжая настаивать на «безпощадномъ разоблаченіи шаткости кадетовъ», признаетъ все-таки, что «безъ буржуазной демократіи пролетаріатъ не въ силахъ совершить революціи». Она даже рѣшается заявить, что «соціалъ-демократы, безъ сомнѣнія, оказали бы поддержку» кадетамъ, если бы послѣдніе «могли и хотѣли выполнить свой священный долгъ передъ

*) „Рѣчь“, № 72, 12 мая.

избирателями-крестьянами»,—именно, «доказать крестьянству, что только учредительное собраніе способно разрѣшить земельную крестьянскую нужду». Заявленіе довольно рискованное, если принять въ соображеніе, что, по плану партіи народной свободы, окончательное разрѣшеніе крестьянскаго вопроса именно должно принадлежать учрежденію, собранному на основаніи всеобщаго и т. д. избирательнаго права.

Нельзя не радоваться всѣмъ этимъ признаніямъ, но, къ сожалѣнію, было бы преждевременно выводить изъ нихъ, что крайнія партіи вполнѣ поняли ошибочность своей тактики относительно думы. Онѣ, правда, изъявляютъ условную готовность не вести борьбы противъ думы; но тотчасъ же прибавляютъ, что поддерживать въ думѣ онѣ намѣрены думское меньшинство противъ думскаго большинства. Этимъ страннымъ путемъ онѣ намѣреваются использовать силу думы.

Будемъ, однако, довольны и этимъ. Все таки, даже и при такой постановкѣ, мы выходимъ изъ міра безплотныхъ политическихъ абстракцій, вродѣ «диктатуры пролетаріата», «національзаціи», «соціализаціи» или «муниципализаціи» средствъ производства и т. п., въ міръ живыхъ реальностей. Въ этомъ мірѣ всѣ счеты сводятся легче, потому что тутъ недостаточно жонглировать понятіями и заниматься революціонной діалектикой. Крайнія группы хотятъ отъ критики перейти, наконецъ, къ разработкѣ положительнаго плана дѣйствій. Поблагодаримъ ихъ за эту рѣшимость и послѣдуемъ за ними въ непривычную для нихъ область.

Очень легко говорить о думѣ какъ объ «агитаціонной трибунѣ» и требовать отъ думы дѣйствій «полновластнаго конвента», пока можно разсуждать объ этихъ предметахъ внѣ времени и пространства. Но когда рѣчь заходитъ о томъ, что можетъ сдѣлать при настоящихъ условіяхъ думской борьбы засѣдающая въ ней «крестьянская» или «рабочая» группа,—тотчасъ возникаютъ затрудненія, непредусмотрѣнныя революціонными схемами. То, что казалось очень радикальнымъ, тамъ напр., отложеніе рѣшенія крестьянскаго вопроса можетъ оказаться весьма консервативнымъ здѣсь; а что казалось консервативнымъ,—вродѣ, напримѣръ, аграрнаго проекта партіи народной свободы,—можетъ оказаться ультра-радикальнымъ. Самый составъ крестьянскихъ и рабочихъ представителей, который такъ легко идеализировать въ теоріи, на практикѣ можетъ оказаться совсѣмъ не тѣмъ, что хотѣли въ немъ найти теоретики.

Противорѣчія между идеологіей и практикой народнаго пред-

ставительства не могутъ скрыть отъ себя и сами крайнія партіи. Поэтому, обращаясь къ «трудовой группѣ» думы за содѣйствіемъ, онѣ заранѣе спѣшатъ обставить свое обращеніе оговорками. Рабочіе въ думѣ проникли туда безъ санкціи соціалъ-демократіи и даже вопреки ея прямому запрещенію участвовать въ выборахъ. Поэтому, крайнія партіи сильно колеблются по вопросу, слѣдуетъ ли изъ 12—13 рабочихъ соціалъ-демократовъ въ думѣ создавать особую парламентскую фракцію. Благодаря бойкоту, матеріалъ проникъ въ думу далеко неперворазрядный, и «Волна» основательно боится, какъ бы выступленіе этого элемента подъ флагомъ партіи не повредило репутаціи самой партіи. Вотъ почему выполнить рѣшеніе «объединительнаго съѣзда» и создать парламентскую рабочую группу соціалъ-демократіи оказывается не такъ легко даже тѣмъ, кто это рѣшеніе принимаетъ. Большевики его отрицаютъ. Такимъ образомъ, единственное употребленіе рабочихъ въ думѣ, которое не «компрометируетъ» соціалъ-демократіи, есть, съ точки зрѣнія этой партіи, разжиганіе вражды между рабочими и думскимъ большинствомъ.

Иначе приходится отнестись къ крестьянской группѣ. Здѣсь труднѣе уже утверждать, что въ думу проникли нетипичные или недостойные элементы. Представительство крестьянъ можетъ считаться неполнымъ, но тѣ представители, которые проникли въ думу, суть, со всѣхъ точекъ зрѣнія, подлинные выразители крестьянства. Какъ же отнестись къ этому подлинному народному представительству?

Для с.-д., какъ извѣстно, вопросъ нелегкій, ибо крестьянство въ цѣломъ—не «пролетаріатъ», а «мелкая буржуазія». Разсужденія «Волны» и имѣютъ цѣлью перекинуть мостикъ между неумолимой с-д. теоріей и наличной дѣйствительностью. Подробно этихъ разсужденій незачѣмъ приводить: суть ихъ сводится къ тому, что временно с.-д. соглашаются принять въ союзники по обработкѣ «трудовой группы» с.-ровъ и, слѣдовательно, закрывая глаза на свою теорію, рѣшительно требуютъ «всей земли безъ выкупа». Какъ агитаціонный лозунгъ, это требованіе годится; и для партіи, которая не имѣетъ и не можетъ имѣть основанной на этомъ лозунгѣ детальной программы, выставить такой лозунгъ не представляетъ никакихъ затрудненій. Въ другомъ положеніи находятся соціалъ-народники, которые вѣрятъ въ конкретное содержаніе лозунга и всю будущность соціальнаго развитія Россіи основываютъ именно на его конкретномъ осуществленіи. Соціалъ-народникамъ приходится отнестись

*

къ тому же лозунгу серьезнѣе и осторожнѣе. И—какъ первое послѣдствіе этого—очень скоро пропадетъ въ ихъ рѣшеніи вторая половина лозунга «безъ выкупа». Остается «вся воля и вся земля народу» («Дѣло Народа»). Мы еще не видимъ остальной разработки этой половины—о «всей землѣ» и съ нѣкоторымъ интересомъ ждемъ, какъ обойдется соціалъ-народническая программа съ фактомъ существованія крестьянской собственности. Не знаемъ также, какъ разовьется конкретно формула полнаго народовластія—«вся воля». Если попытки конкретнаго развитія общихъ лозунговъ будутъ сдѣланы, мы напередъ утверждаемъ, что соціалъ-народническія формулы шибко двинутся навстрѣчу формуламъ партіи народной свободы. И тогда можно будетъ сдѣлать попытку сговориться. Если же формулы останутся въ теперешнемъ, неразвернутомъ видѣ, или развернутся въ столь же утопическую программу,—какъ тогда отнесется къ этимъ формуламъ «трудовая группа»?

Мы никогда не были противниками образованія этой группы и считаемъ отдѣльное ея существованіе очень полезнымъ и для нея самой, и для всего хода парламентской жизни. Но отдѣльное существованіе цѣльной и единой трудовой группы возможно лишь при одномъ условіи: если вся группа сохранитъ только ту единственную связь, то сцѣпленіе, которое вызывается принадлежностью ея членовъ къ одному соціальному слою. Всякая попытка навязать всей группѣ одну, совершенно опредѣленную, «партійную» программу—приведетъ лишь къ расколу и распаденію группы. Тѣмъ болѣе это вѣрно относительно всякой попытки навязать группѣ «пролетарскую» программу. Соціалъ-народники, повидимому, еще увлекаются этой надеждой: с.-д. яснѣе и отчетливѣе понимаютъ, что данную группу нужно брать, какъ таковую, какъ «мелко-буржуазную», если имѣть съ ней дѣло, какъ съ цѣлымъ.

Итакъ, къ чему же сводятся попытки крайнихъ партій опереться на родственные имъ элементы въ думѣ? Могутъ ли эти элементы сдѣлать то дѣло, которое крайнія партіи отказываются принять изъ рукъ парламентскаго большинства? Могутъ ли они замѣнить это большинство, или хотя бы значительно его ослабить? Конечно, нѣтъ. Всѣ усилія крайнихъ партій приведутъ только—и тѣмъ скорѣе, чѣмъ энергичнѣе будутъ эти усилія—къ выдѣленію очень небольшой кучки вѣрныхъ адептовъ соціалъ-народнической и соціалъ-демократической доктринъ. Остальныхъ членовъ группы такое выдѣленіе только оттолкнетъ,—и мы сильно опасаемся этого,—оттолкнетъ даже правѣе партіи народной свободы. Нѣкоторые при-

знаки такого разслоенія замѣчаются уже и теперь. Кто же отъ этого выиграетъ? Мы боимся, что не выиграютъ ни наши противники слѣва, ни мы: выиграетъ кто-нибудь третій.

Такимъ образомъ, новый варіантъ старой тактики—борьбы противъ „кадетской думы“—ведетъ опять и опять къ тому же результату: къ усиленію общаго врага. Если крайнія партіи хотятъ пользоваться думой, онѣ должны брать ее, какъ она есть, познакомиться съ тѣмъ, что дума можетъ и чего не можетъ сдѣлать, и понять, наконецъ, какъ много она можетъ сравнительно съ тѣмъ, что совѣтуютъ онѣ ей дѣлать. Если крайнія партіи хотятъ идти мимо думы, имъ незачѣмъ искать въ думѣ родственныхъ имъ элементовъ и не на что тамъ опереться. Тогда ужъ лучше и послѣдовательнѣе вернуться къ старой тактикѣ бойкота.

116. Какъ понимаютъ с. д. фракціи „взаимодѣйствіе“ народа думы? *).

Идея о томъ, что государственная дума должна найти поддержку въ странѣ, среди населенія, для котораго она должна явиться организующимъ центромъ,— начинаетъ, наконецъ, пускать корни и въ нашемъ лѣвомъ лагерѣ, который до сихъ поръ занятъ былъ преимущественно дискредитированіемъ думы. Въ «Курьерѣ» г. Потресовъ находитъ, что государственная дума, въ соединеніи со страной, есть «огромная, всесокрушающая сила...» «Она—центръ, при всей кадетской размѣренной буржуазности,—тотъ въ своемъ родѣ единственный и ни съ чѣмъ несравнимый центръ общественнаго вниманія, куда тянутся надежды, желанія и на который устремляются ненависть и злоба. Она—трибуна, обращенная ко всѣмъ и видимая отъ края и до края; она—мѣсто непосредственной встрѣчи правительства съ политическими элементами страны и тѣмъ самымъ школа всенародной политической выучки».

Мы привѣтствуемъ эти слова и мысли. То, что въ нихъ сказано, безусловно вѣрно,—но въ нихъ не все сказано. Въ нихъ не сказано, что «всенародная политическая выучка» должна начаться съ того, чтобы признать въ думѣ не только «трибуну», не только мѣсто случайныхъ «встрѣчъ съ правительствомъ, не только общее чувствилище и центръ общественнаго вниманія», а также и то, что дума

*) „Рѣчь“, № 79, 21 мая.

есть, прежде всего, учрежденіе властное, имѣющее силу создать тѣ нормы жизни, которыя нужны странѣ.

Дума—митингъ, дума—самочинное сборище, дума—передаточный пунктъ для всевозможныхъ «представленій», петицій и ходатайствъ передъ монархомъ,—всѣ эти простодушныя представленія о роли народнаго представительства все еще держатся и никакъ не могутъ уступить мѣсто болѣе правильнымъ идеямъ о думѣ—органѣ законодательства, облеченномъ огромной, но косвенной властью надъ администраціей и совершенно отрѣзанномъ отъ непосредственныхъ сношеній какъ съ монархомъ, такъ и съ народомъ. Эти неясныя понятія о дѣйствительномъ характерѣ думы, какъ учрежденіи, и вызываютъ очень значительную долю всѣхъ тѣхъ обвиненій противъ думы въ ничего недѣланіи, кунктаторствѣ, въ нежеланіи взять на себя исполненіе немедленныхъ мѣропріятій, требуемыхъ жизнью,—обвиненій, которыя въ такомъ изобиліи раздаются и «слѣва», и «снизу». «Кадеты мѣшаютъ думѣ обратиться къ народу», клевещетъ «Волна» по поводу того, что предсѣдатель думы отказался голосовать предложеніе о примѣненіи думой внѣпарламентскихъ способовъ дѣйствій. А г. Бухъ въ «Извѣстіяхъ крестьянскихъ депутатовъ» рекомендуетъ способы еще болѣе рѣшительные. «Дума должна объявить всенародно, что министерство... будетъ поставлено внѣ закона... Дума должна выбрать изъ своей среды министровъ и ихъ списокъ представить на утвержденіе верховной власти».

Дѣйствительно, мы слишкомъ дорожимъ дѣйствительной властью думы, чтобы желать привести ее къ немедленному крушенію, вручая ей власть, ей непринадлежащую,—власть воображаемую, примѣненіе которой только можетъ обратить рѣшенія думы въ резолюціи частнаго митинга. Мы этого не хотимъ, но тѣ, кто хочетъ этого, какіе могутъ указать конкретные пути и способы? Со стороны декламировать на эту тему—чрезвычайно легко; но внутри думы языкъ нѣмѣетъ у самыхъ крайнихъ членовъ ея, такъ какъ тамъ, на мѣстѣ, особенно наглядно видно, что всякая попытка думы выйти изъ своихъ законныхъ рамокъ можетъ только унизить и ослабить самое это учрежденіе.

Впрочемъ, въ засѣданіи 18 мая это, кажется, стало ясно даже и наиболѣе радикально настроеннымъ членамъ думы. Становится, повидимому, ясно для нихъ и то, что постоянныя угрозы вмѣшательствомъ народа, если дума не сдѣлаетъ того, что отъ нея требуютъ,—эти угрозы можно осуществить лишь тогда, когда это вмѣшательство предварительно подготовлено,—и что на эту подго-

товку и должна быть направлена забота всѣхъ тѣхъ, кому собственная власть думы кажется недостаточной для выполненія ея огромныхъ задачъ.

Вопросъ объ организаціи общественныхъ силъ страны для поддержки думы, такимъ образомъ, поневолѣ становится на очередь. Одновременно съ неизбѣжнымъ проваломъ мысли объ обращеніи думы къ народу съ манифестомъ, сама собой возникаетъ болѣе осуществимая и практичная идея—объ обращеніи партій къ странѣ и партійныхъ депутатовъ къ ихъ избирателямъ. Прямыя обращенія, митинги и партійныя собранія, партійная и безпартійная печать, резолюціи и петиціи—все должно быть использовано для установленія того «постояннаго взаимодѣйствія, непрекращающагося тока между думой и народомъ», о которомъ говоритъ г. Потресовъ въ цитированной выше статьѣ.

Однако же, цѣль и пріемы этого «взаимодѣйствія» продолжаютъ пониматься весьма различно разными общественными группами. Не совсѣмъ еще потеряла кредитъ даже наивная прошлогодняя идея—ввести въ дѣйствіе «явочнымъ порядкомъ» новые законы о выборахъ и о свободахъ, проведенные думой, и объявить самочинные выборы въ учредительное собраніе. Но, конечно, теперь эта мысль звучитъ уже, какъ какой-то странный пережитокъ изъ до-парламентскаго періода, какъ одна изъ самыхъ примитивныхъ формъ революціонныхъ иллюзій. Вѣроятно, поэтому, въ чистомъ и развернутомъ видѣ эта мысль больше уже не встрѣчается въ печати, а вспоминается только въ частныхъ бесѣдахъ, какъ крайнее и послѣднее средство. При всемъ отрицательномъ отношеніи къ думѣ, «подготовить созывъ учредительнаго собранія» крайнія партіи предоставляютъ этому учрежденію. Организація же общественныхъ силъ въ странѣ понимается, какъ способъ подѣйствовать на думу въ этомъ направленіи. «Задача всенароднаго мнѣнія и всенародной воли страны,—задача той мобилизаціи, которую должны предпринять всѣ партіи, связанныя съ массами», заявляетъ г. Потресовъ, состоитъ въ томъ, чтобы «выпрямить путь (думѣ) и заставить ее идти по нему».

Итакъ, очереднымъ лозунгомъ должно быть не «вооруженное возстаніе» для достиженія «диктатуры пролетаріата», а организація «внѣпарламентскаго давленія» на думу, чтобы заставить ее добиться созыва учредительнаго собранія.

Это уже есть значительный шагъ впередъ въ процессѣ проясненія нашей революціонной мысли; но справедливость требуетъ

сказать, что и этотъ шагъ не послѣдній возможный—и даже не послѣдній изъ дѣйствительно одѣланныхъ. Въ послѣднемъ нумерѣ «Курьера» мы находимъ двѣ статьи Г. В. Плеханова, окончательно возвращающія постановку вопроса о «взаимодѣйствіи» народа и думы на почву здраваго смысла. Г. Плехановъ справедливо находитъ, что политическая задача момента не разрѣшается «упреками и насмѣшками по адресу кадетовъ» и что правильное пониманіе «марксистской постановки вопроса» требуетъ отъ соціалъ-демократіи, «въ интересахъ освободительнаго движенія пролетаріата», безусловной поддержки оппозиціонной буржуазіи въ ея борьбѣ противъ «до-буржуазнаго порядка». Вождь «меньшинства» соціалъ-демократіи старается убѣдить своихъ сотоварищей не противиться исторической необходимости, а помогать скорѣйшему развитію неизбѣжнаго процесса. Доказывая, что «для успѣшной борьбы за соціализмъ нужна политическая свобода» и что надо поэтому помочь «буржуазіи» въ ея борьбѣ за политическую свободу, Г. В. Плехановъ говоритъ элементарныя вещи; но самая необходимость и возможность повторять ихъ именно теперь—есть уже хорошій признакъ. Г. В. Плехановъ убѣждаетъ соціалъ-демократовъ, что, дискредитируя думу, они поддерживаютъ г. Горемыкина; это опять простая истина; но вѣрно было сказано, что видѣть простыя истины—всего труднѣе. Тѣ же самыя слова и убѣжденія на «кадетскихъ» митингахъ и въ «кадетскихъ» органахъ печати отнюдь не убѣждаютъ «товарищей», и нельзя не радоваться, что въ такой тяжелый и отвѣтственный моментъ г. Плехановъ имѣлъ мужество положить на вѣсы свое авторитетное слово.

«Мужество» здѣсь было необходимо, такъ какъ даже авторитетъ «объединительнаго» съѣзда не излѣчилъ противниковъ г. Плеханова отъ ихъ закоренѣлыхъ заблужденій. По свѣдѣніямъ «Нашей Жизни», «большевики» преслѣдуютъ на своихъ митингахъ и въ печатныхъ изданіяхъ «меньшевиковъ» съ такой же яростью, съ тѣмъ же фанатическимъ ослѣпленіемъ, какъ кадетовъ». Ораторамъ «правой» фракціи с.-д. свищутъ и шикаютъ не хуже, чѣмъ «измѣнникамъ-кадетамъ»; ихъ тактика печатно характеризуется, какъ «контръ-революціонная». Едва-ли даже и постановленіе центр. комитета с.-д., запрещающее такую открытую агитацію и призывы «къ дѣйствіямъ, противорѣчащимъ рѣшеніямъ съѣзда», на широкихъ собраніяхъ, окажетъ одуряющее дѣйствіе. «Волна» уже обрушилась на центр. комитетъ съ критикой его постановленія. Но и въ собственномъ органѣ «меньшевиковъ», «Курьерѣ», точки зрѣнія

Г. В. Плеханова вполнѣ проводятся пока только въ его собственныхъ статьяхъ. Въ сосѣднихъ же статьяхъ встрѣчаемъ призывъ, обращенный къ думѣ, «перестать корчить изъ себя пользующійся законной властью парламентъ,—какимъ она вовсе не является,—для того, чтобы заимствовать свою тактику у тѣхъ представительныхъ учрежденій революціоннаго времени, которыя вездѣ обращались къ народу каждый разъ, когда начиналась борьба, не могущая вмѣститься въ тѣсныя рамки стараго законодательства».

«Это очень хорошо», скажетъ г. Горемыкинъ словами, влагаемыми въ его уста Г. В. Плехановымъ. «Это очень хорошо теперь, когда нашъ отказъ исполнитъ требованіе думы поведетъ къ столкновенію между нами и ею». Пусть перестанетъ дума пользоваться своей законной властью; пусть заимствуетъ свою тактику у собраній революціоннаго времени. «Тѣмъ легче будетъ зажать ей ротъ, а если понадобится, то вовсе разогнать ее». Пусть она «обращается къ народу»: пока взойдетъ солнце, роса десять тысячъ разъ успѣетъ выѣсть очи. Народъ не придетъ на выручку думы, когда по ожиданію черносотеннаго бессарабскаго депутата, «солдатики придутъ къ намъ въ засѣданіе и скажутъ: ну, умные мужи, съ Богомъ по домамъ».

«А съ революціонерами я справлюсь потомъ посредствомъ пулеметовъ» (Плехановъ).

117. Задачи мѣстныхъ аграрныхъ комитетовъ въ пониманіи с. д. и к. д. *).

Наши «лѣвые» опять недовольны «кадетами» и думой. Недовольство—ихъ естественное состояніе; мѣняются только предметы недовольства, но настроеніе остается. Въ результатѣ, читатели понемногу пріучаются къ «страшнымъ» словамъ и перестаютъ вѣрить въ серьезность намѣреній, съ которыми эти слова бросаются на вѣтеръ. По остроумному выраженію Плеханова, эта система можетъ привести только къ тому, что, когда дѣйствительно наступитъ время, кричать о «волкѣ»,—крикунамъ никто не повѣритъ.

Недавно, придравшись къ черновику проекта о свободѣ печати уже теперь совершенно измѣненнаго въ предварительной стадіи обсужденія и подлежащаго новому обсужденію въ другой, предва-

*) „Рѣчь“, № 82, 25 мая.

рительной же стадіи, «друзья слѣва» забили тревогу о «каторжныхъ проектахъ» кадетовъ. Теперь они недовольны тѣмъ, что «кадеты» завязили думу въ нескончаемыхъ преніяхъ по аграрному вопросу. Простая справка съ именами ораторовъ могла бы показать, что здѣсь дѣло не въ думскомъ большинствѣ, которое всего скорѣе могло бы удовлетвориться немедленной передачей проекта въ комиссію, а какъ разъ въ тѣхъ голосахъ изъ меньшинства, съ окраинъ и изъ рядовъ безпартійныхъ, которые хотятъ быть выслушанными—не только думой, но и всей страной, прежде чѣмъ комиссія окончательно установитъ общія начала земельнаго законопроекта. Невозможно отрицать резонности этого желанія,—и большинство терпѣливо ждетъ, пока вниманіе всей думы не утомится настолько, что сама собой явится необходимость сократить пренія.

Впрочемъ, важность вопроса и неизбѣжность долгихъ преній признается и нѣкоторыми изъ неумолимыхъ критиковъ думы. Но тогда они приходятъ къ мысли удовлетворить нетерпѣніе страны экстренными способами, не считаясь съ законными рамками, въ которыхъ приходится дѣйствовать думѣ. Пренія пусть продолжаются, но одновременно съ этимъ дума обязана создать мѣстные комитеты для обсужденія земельной реформы во всей странѣ.

Предложеніе на первый взглядъ соблазнительное, но по существу столь же фантастическое, какъ и рядъ другихъ предложеній того же типа, задающихся цѣлью связать думу со страной. Устройство мѣстныхъ комиссій имѣется въ виду и законопроектомъ 42-хъ, но совсѣмъ не въ той стадіи обсужденія, въ которой этотъ проектъ находится теперь. Прежде всего, основные принципы реформы должны быть выработаны центральнымъ представительствомъ страны, и мѣстнымъ учрежденіямъ должно быть предоставлено лишь примѣненіе, съ большей или меньшей свободой, этихъ принциповъ къ мѣстнымъ условіямъ. Въ настоящей же стадіи—предоставить обсужденіе реформы мѣстнымъ комиссіямъ—значило бы отказаться отъ установленія общихъ принциповъ самой думой. Повидимому, тѣ, кто совѣтуетъ передать земельную реформу мѣстнымъ комиссіямъ, такъ и смотрятъ на дѣло. Одни при этомъ имѣютъ цѣль—измѣнить на мѣстахъ самыя основы рѣшенія земельнаго вопроса, въ смыслѣ болѣе консервативномъ. Другіе думаютъ воспользоваться мѣстными комиссіями, чтобы передвинуть рѣшеніе влѣво.

Обсужденіе законопроекта на мѣстахъ, теперь же, въ глазахъ послѣднихъ представляется какимъ-то своеобразнымъ референдумомъ. Это видно и изъ того, что мѣстныя комиссіи они предпола-

гаютъ составить, по образу центральнаго представительства, на основѣ четырехчленной формулы. Конечно, такъ поставленный «референдумъ» шелъ бы дальше всего того, что существуетъ въ наиболѣе демократическихъ странахъ, какъ, напр., въ Швейцаріи: совершенно безформенный, онъ по необходимости оказался бы и вполнѣ безрезультатнымъ.

Впрочемъ, нужно оговориться. Результатъ былъ бы, но только не имѣющій совершенно ничего общаго съ нормальнымъ ходомъ законодательнаго разрѣшенія земельнаго вопроса. Цѣль такого необычайнаго референдума очень откровенно формулируется (см. «Народный Вѣстникъ») латинскимъ изреченіемъ: flectere si nequeo superos, Acheronta movebo: если не смогу поднять небожителей, подниму самый адъ.

Мы такъ же откровенно должны признаться, что здѣсь наши дороги съ нашими «друзьями слѣва» расходятся.

Мы не вѣримъ въ возможность организованнаго выступленія массъ въ настоящій моментъ и потому нисколько не хотимъ ни «поднимать ада», ни помогать нашимъ друзьямъ совершать тѣ подготовительныя мѣры, которыя, по ихъ мнѣнію, могутъ имъ пригодиться для достиженія этой цѣли. И мы потому постараемся, насколько отъ насъ будетъ зависѣть, сохранить за мѣстными комитетами по земельнымъ дѣламъ ихъ служебный и спеціально-дѣловой характеръ. Мы полагаемъ, по той же причинѣ, что составить эти комитеты путемъ всеобщаго голосованія—значило бы готовить ихъ не для мирнаго разрѣшенія на мѣстахъ земельнаго вопроса, а для чего-то совершенно другого. Руководство общимъ направленіемъ реформы должно быть оставлено въ рукахъ государства: поэтому, представители государственной власти должны имѣть въ мѣстныхъ комиссіяхъ свое мѣсто, если не съ цѣлью рѣшать, то, по крайней мѣрѣ, съ цѣлью контролировать рѣшеніе мѣстной инстанціи. Затѣмъ,—опять-таки въ предѣлахъ общихъ основаній реформы—въ мѣстныхъ комиссіяхъ должны быть представлены, по возможности равномѣрно, тѣ сталкивающіеся интересы сторонъ, которые могутъ быть примирены безъ нарушенія государственнаго значенія предпринимаемой реформы и безъ обращенія ея въ актъ односторонняго насилія, могущаго закончиться полной неудачей всего дѣла.

Мы не предлагаемъ здѣсь какого-либо готоваго проекта: выработка такого проекта можетъ быть только дѣломъ партійной организаціи. Мы не предрѣшаемъ также той доли участія, какую должно будетъ имѣть преобразованное мѣстное самоуправленіе въ работѣ

комиссій. Наконецъ, мы говоримъ о мѣстныхъ комиссіяхъ въ узкомъ смыслѣ, не предрѣшая предѣловъ компетенціи по аграрному вопросу областныхъ учрежденій. Какъ бы ни рѣшались, однако, всѣ эти вопросы,—одно ясно: составъ комиссій долженъ быть опредѣленъ теперь же, безъ отлагательствъ и, при его опредѣленіи, должны быть приняты во вниманіе высказаныя выше соображенія.

При нашемъ пониманіи, мѣстныя комиссіи должны служить, конечно, ближайшимъ цѣлямъ реформы, а не цѣлямъ организаціи страны для фантастическаго революціоннаго удара. Организовать страну, ея силы, ея общественное мнѣніе мы, разумѣется, тоже считаемъ необходимымъ; но наиболѣе успѣшной и цѣлесообразной такую организацію мы будемъ считать тогда, если удастся организовать ее около законнаго народнаго представительства. Наши силы мы, во всякомъ случаѣ, не будемъ тратить на безплодныя попытки: какъ ни непрочна на первыхъ порахъ ткань конституціоннаго правосознанія,—эту ткань мы хотимъ укрѣплять, а не возвращаться вспять къ стихійной сплѣ «Ахерона».

118. Споры о мѣстныхъ комитетахъ въ думѣ и въ лѣвой печати *).

Нашъ взглядъ на предложеніе учредить немедленно мѣстные комитеты для скорѣйшаго разрѣшенія земельной реформы очень оживленно обсуждается въ печати. Рѣчь идетъ при этомъ не объ оцѣнкѣ практическаго значенія такихъ комитетовъ въ общемъ ходѣ земельной реформы—въ той формѣ, какъ предложеніе сдѣлано, техническая сторона его никого не интересуетъ. Тѣмъ болѣе горячо и страстно обсуждается принципіальная сторона предложенія и та политическая цѣль, которую оно имѣетъ въ виду. «Наша Жизнь» полагаетъ, что образованіе на мѣстахъ земельныхъ комитетовъ, избираемыхъ на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія, для обсужденія самыхъ основъ земельной реформы, «несомнѣнно заключаетъ въ себѣ идею рѣшительнаго переворота въ странѣ и въ результатѣ ведетъ не къ единенію населенія съ данной государственной думой, а къ подчиненію ея этимъ мѣстнымъ комитетамъ».

«Если считать,—продолжаетъ газета,—что единственный путь къ аграрной и политической реформѣ есть путь революціи, при-

*) „Рѣчь“, № 84, 27 мая.

томъ же на основѣ классовой борьбы, то, пожалуй, такая мѣра дѣйствительно наилучшая; если же признать и настоящую думу способной путемъ, хотя бы и болѣе продолжительнымъ, но зато болѣе планомѣрнымъ, организовать общественное мнѣніе страны и *заставить* нынѣшнее правительство сдаться и уступить мѣсто другому, въ которомъ дума дѣйствительно будетъ органически связанной частью его, а не постороннимъ тѣломъ, какъ теперь, то несомнѣнно, что мѣра, предложенная трудовой группой, не можетъ быть цѣлесообразной».

Авторъ цитированной статьи совершенно правъ, сводя споръ о мѣстныхъ комитетахъ къ принципіальной разницѣ взглядовъ, по одному изъ которыхъ дума есть лишь одинъ изъ «этаповъ революціи», тогда какъ по другому дума есть путь къ упроченію конституціоннаго строя на широкой демократической основѣ. Первый взглядъ есть тотъ традиціонный взглядъ, къ которому давно пріучила русскую интеллигенцію и иностранная теорія, и безысходность русскихъ освободительныхъ попытокъ. Второй взглядъ создается лишь на почвѣ пріобрѣтенныхъ политическихъ правъ и крѣпнетъ по мѣрѣ ихъ пріобрѣтенія. Будущее принадлежитъ этому взгляду, но для настоящаго момента онъ еще новъ и слабо распространенъ въ большой массѣ. Великая воспитательная роль государственной думы заключается въ томъ, что перенесеніе стараго теоретическаго спора на новую почву практической борьбы сразу мѣняетъ условія спора и даетъ второму, реалистическому взгляду перевѣсъ надъ первымъ, утопическимъ.

Въ наши дни мы присутствуемъ при этомъ спасительномъ урокѣ. Сравните вчерашнее засѣданіе государственной думы съ газетной полемикой по вопросу о мѣстныхъ комитетахъ,—и вы поймете всю огромную роль народнаго представительства въ процессѣ вытрезвленія общества отъ старыхъ «революціонныхъ иллюзій».

Лѣвая пресса, за исключеніемъ «Нашей Жизни», вся полна болѣе или менѣе рѣзкими отзывами по поводу нашей статьи о мѣстныхъ комитетахъ. «Предательство буржуазіи», «бюрократическій путь»—все это использовано, чтобы заклеймить «кадетовъ». Однако же, и тутъ живая дѣйствительность, благодаря думѣ, начинаетъ «портить красивые чертежи» старыхъ соціалъ-демократическихъ схемъ; и здѣсь со стороны потревоженныхъ ортодоксовъ мы слышимъ сердитые протесты: noli tangere circulos meos!

Элементъ реалистическаго пониманія представленъ статьей вчерашняго «Курьера»: «Кто хозяинъ въ думѣ»? На традиціонномъ

марксистскомъ волапюкѣ—хозяиномъ въ думѣ была «крупная буржуазія», т. е. «кадеты»; нужно же сдѣлать хозяиномъ «мелкую буржуазію», т. е. «трудовую группу». Крупная буржуазія способна лишь на «предательство»; но мелкая буржуазія «способна на рѣшительную борьбу»; слѣдовательно, надо поддерживать мелкую буржуазію противъ крупной: надо заставить трудовую группу играть роль организатора «активныхъ выступленій» массъ; такимъ путемъ дума будетъ использована, какъ «этапъ», какъ послушное орудіе въ рукахъ «пролетаріата».

Въ эту стройную схему г. *Н. І.* вноситъ реалистическія поправки. По его справкамъ оказывается, что въ думѣ нѣтъ «крупной» и «мелкой» буржуазіи, нѣтъ рѣзкой профессіональной границы между «трудовиками» и «кадетами»; «соціальный матеріалъ, изъ котораго составилось большинство обѣихъ буржуазныхъ партій думы, является совершенно однороднымъ». Выводъ напрашивается самъ собой: или надо, слѣдовательно, обѣ партіи поддерживать, или противъ обѣихъ бороться; возстановлять же ихъ другъ противъ друга—напрасный трудъ и безнадежная задача. Такой выводъ гармонировалъ бы съ точкой зрѣнія Плеханова, что если ужъ поддерживать «буржуазію», такъ поддерживать ее всецѣло, такъ какъ ей принадлежитъ текущій историческій моментъ. Но для ортодокса это—ересь, «бернштейніанство», и ортодоксъ на всѣхъ порахъ стремится вернуться отъ реалистическаго пониманія въ привычный міръ утопіи. Въ томъ же номерѣ «Курьера» находимъ статью съ типическими противорѣчіями русской соціалъ-демократіи. Это—какъ разъ статья по поводу мѣстныхъ комитетовъ. «Крестьяне д о л ж н ы настоять на немедленномъ созывѣ аграрныхъ комитетовъ»; трудовая группа д о л ж н а этого требовать,—съ расчетомъ добиться, очевидно. Это—съ одной стороны. Съ другой стороны, кадеты безсильны добиться даже и того, чего сами хотятъ: ихъ собственными комитетами «будетъ руководить горемыкинская власть!» Нельзя рѣзче противорѣчить себѣ въ двухъ сосѣднихъ фразахъ. Если дума настолько сильна, чтобы удовлетворить «требованіямъ» «всей демократіи», то, очевидно, она достаточно сильна и для того, чтобы освободиться отъ «горемыкинской власти»; если же суждено ей подчиниться «горемыкинской власти», то какъ можно «требовать» отъ нея чего-нибудь серьезнаго?

Это противорѣчіе—одновременнаго ожиданія отъ думы слишкомъ многаго и полнаго игнорированія того, чѣмъ дума дѣйствительно сильна,—повторяемъ, очень типично для нашихъ друзей слѣва. Отъ думы ждутъ, что она декретируетъ внѣлегальнымъ путемъ законы,

которые расчистятъ путь для революціи; и въ то же время ея настоящую работу объявляютъ праздным препровожденіемъ времени. Во имя правъ народа ей запрещаютъ дѣлать для народа то, что она можетъ, и требуютъ, чтобы она дѣлала то, чего дѣлать она не въ силахъ.

Внѣ думы, на столбцахъ печати, противорѣчіе проходитъ очень гладко. Перенесенное съ печатныхъ столбцовъ въ стѣны Таврическаго дворца, противорѣчіе тотчасъ же вскрывается и быстро ведетъ противорѣчивыя предложенія къ саморазрушенію. Эту роль оселка для проектовъ лѣвой прессы осуждена въ послѣднее время играть «трудовая группа». Вчерашній день былъ въ этомъ отношеніи весьма знаменательнымъ. Трудовая группа внесла два сочиненныхъ для нея проекта: немедленное проведеніе закона о смертной казни и немедленное же декретированіе земельныхъ комитетовъ. За первое предложеніе рѣшились голосовать только 40 человѣкъ изъ группы, а во второмъ предложеніи группа пошла на почетное отступленіе, принявъ предложеніе, отсрочивающее введеніе комитетовъ до обсужденія общихъ основаній земельной реформы и тѣмъ лишающее предложеніе первоначальнаго смысла.

Какой урокъ извлекутъ теперь «лѣвые» органы изъ этой неудачи? Поймутъ ли они, наконецъ, что, идя указаннымъ ими путемъ, можно, по удачному выраженію Набокова, дѣлать только «резолюціи», а не «революціи»? Или они опять займутся темой о «предательствѣ» кадетовъ, отказавшихся декретировать революцію легчайшимъ способомъ—путемъ вставанія? Или, наконецъ, въ силу одѣланнаго ими наблюденія объ «однородности» соціальнаго состава палаты, они на этотъ разъ не пожалѣютъ трудовую группу и распространятъ на нее обвиненія въ «предательствѣ» и наложатъ свою опалу на в с ю думу и на в с ю «буржуазію», крупную и мелкую?

Мы опасаемся, что элементарные уроки конституціоннаго права, преподаваемые въ Таврическомъ дворцѣ, будутъ усвоены учениками скорѣе, чѣмъ самими учителями. Учителя, правда, пугаютъ народнымъ гнѣвомъ «предателей»; но вѣдь можетъ случиться, что и народъ—н а с т о я щ і й народъ—тоже скорѣе пойметъ условія, при которыхъ приходится работать думѣ, чѣмъ наша соціалъ-демократическая интеллигенція.

Будемъ надѣяться, что этотъ настоящій народъ пойметъ и то, чего никакъ не можетъ понять «Народный Вѣстникъ»; пойметъ, что можно имѣть силу «гнать министровъ вонъ», выражая имъ недовѣріе, и все-таки не имѣть достаточно силы, чтобы издавать за-

коны «явочнымъ порядкомъ». Когда народъ это пойметъ—и хорошо, если бы въ этомъ ему помогли наши лѣвые друзья,—тогда и министры уйдутъ немедленно, и препятствія для законодательной дѣятельности думы сразу расчистятся.

119. Черезъ думу или мимо думы? Споръ «меньшевиковъ» съ «большевиками» о двухъ формулахъ *).

Газета «Впередъ» обращаетъ вниманіе на «чрезвычайно важный споръ» въ средѣ с.-петербургской соціалъ-демократіи. Важности спора нельзя отрицать, тѣмъ болѣе, что въ данный моментъ это уже не споръ, а открытое столкновеніе. С.-петербургскій комитетъ партіи отвергъ проектъ резолюціи, которую центральный комитетъ предложилъ принимать на с.-д. митингахъ, и проектировалъ свою собственную формулу. Обѣ резолюціи даютъ оцѣнку современнаго политическаго положенія и устанавливаютъ тактику с.-д. по отношенію къ думѣ. Оцѣнка и тактика центральнаго комитета выражаетъ мнѣнія, такъ называемыхъ, «меньшевиковъ»; взбунтовавшійся противъ центральнаго комитета петербургскій комитетъ, въ большинствѣ 12 противъ 9, отражаетъ взгляды «большевиковъ». Мы уже не разъ имѣли случай противопоставлять «меньшевистскія» воззрѣнія «большевистскимъ», какъ попытку водворить болѣе здравыя политическія понятія на мѣсто утопическихъ иллюзій стараго революціонизма. И обѣ столкнувшіяся формулы чрезвычайно ярко характеризуютъ эту разницу между реалистическими взглядами лучшихъ вождей русской соціалъ-демократіи и болѣе страстной, чѣмъ освѣдомленной, агитаціей рядовыхъ пропагандистовъ.

Основная разница между двумя формулами—та, что центральный комитетъ старается приспособить свою тактику къ особенностямъ очереднаго политическаго момента, тогда какъ петербургскіе ученики повторяютъ общія мѣста, одинаково пригодныя—или непригодныя—для всякаго времени. Въ первой формулѣ видна нѣкоторая самостоятельность политической мысли; вторая слѣпо воспроизводитъ общія указанія послѣдняго «объединительнаго съѣзда». Съѣздъ рѣшилъ, что госуд. дума—«непригодна» для революціи, и петербургская резолюція съ азартомъ доказываетъ, что «дума безсильна», потому что «въ своемъ цѣломъ она нереволюціонна и неспособна къ рѣшительной борьбѣ». Съѣздъ постановилъ, что надо

*) „Рѣчь“, № 85, 28 мая.

«расширять и обострять конфликты внутри думы»; и петербургская резолюція всячески старается внушить «трудовой группѣ» особую, «болѣе рѣшительную и послѣдовательную политику», отколовъ ее отъ «либеральныхъ партій». Напротивъ, резолюція центральнаго комитета беретъ думу, какъ она есть,—какъ одно цѣлое, и не только не считаетъ ее «безсильной», но, напротивъ, на нее возлагаетъ надежду при достиженіи ближайшаго «дѣйствительнаго шага въ борьбѣ». Этотъ ближайшій шагъ центральный комитетъ представляетъ себѣ весьма конкретно: онъ состоитъ въ «низверженіи нынѣшняго министерства и замѣнѣ его министерствомъ, назначеннымъ думой». Въ такой замѣнѣ ц. к. «видитъ условіе, способствующее созыву учредительнаго собранія»,—что и составляетъ слѣдующій по порядку шагъ соціалъ-демократіи. Формула ц. к. не указываетъ иного пути къ созыву учредительнаго собранія: по ея выраженію, «никакой дѣйствительный шагъ впередъ въ борьбѣ за созывъ учредительнаго собранія невозможенъ, пока власть остается въ рукахъ придворной клики и назначеннаго ею министерства».

Можно соглашаться или не соглашаться съ этимъ взглядомъ, но нельзя не признать, что пониманіе, въ немъ выраженное, вполнѣ конкретно и отчетливо, и что, въ предѣлахъ очереднаго момента, это пониманіе совершенно одинаково съ пониманіемъ «либеральныхъ партій». Формула ц. к. создаетъ общую почву, на которой освободительное движеніе могло бы держаться съ полнымъ единодушіемъ, безъ различія оттѣнковъ,—что, конечно, чрезвычайно облегчило бы достиженіе общей цѣли.

Этихъ надеждъ — установить до извѣстной степени взаимное пониманіе—совершенно лишаетъ насъ петербургская резолюція. Вмѣсто «поддержки думы во всѣхъ ея шагахъ», направленныхъ къ достиженію намѣченной цѣли, петербургская резолюція стремится ее немедленно дискредитировать. Для петербургскихъ «большевиковъ»—дѣло рѣшенное, что на думу надѣяться нечего; «ждать отъ нея земли и воли—невозможно». Такимъ образомъ, единственный шагъ, который петербургскій комитетъ предлагаетъ «требовать отъ думы», есть «открытое обращеніе къ народу», съ признаніемъ, что дума безсильна. А затѣмъ? Затѣмъ «народу придется, очевидно, самому взять все это,—дѣло идетъ къ рѣшительной борьбѣ внѣ думы».

Такимъ образомъ, ближайшихъ шаговъ, указываемыхъ ц. к. для п. к., не существуетъ. Дальнѣйшіе же шаги рисуются въ крайне неясныхъ очертаніяхъ. Петербургскій комитетъ знаетъ только, что

цѣль ихъ «свергнуть... власть»; что достигнуть этой цѣли могутъ «только совмѣстныя... дѣйствія рабочихъ и крестьянъ», и что «къ этимъ дѣйствіямъ надо готовиться, для нихъ организоваться, пока не придетъ рѣшительный моментъ революціоннаго выступленія». Единственная конкретная черта этой тактики отрицательная: «моментъ» еще не пришелъ. Декабрьская неудача, очевидно, кое чему научила даже большевиковъ. Даже они въ своей резолюціи заявляютъ, что «надо накоплять и беречь народныя силы, не разсѣивая ихъ въ безплодной мелкой борьбѣ, не поддаваясь правительственнымъ провокаціямъ».

Спасибо хоть за это. Но неужели нужны будутъ новые неудачные опыты, новые жестокіе уроки, чтобы показать соціалъ-демократамъ «большевикамъ», до какой степени они неправы въ своемъ спорѣ съ «меньшевиками»? «Впередъ» право, считая этотъ споръ «чрезвычайно важнымъ». Отъ своевременнаго разрѣшенія его можетъ, при извѣстныхъ условіяхъ, зависѣть успѣхъ всего освободительнаго движенія. Движеніе это, въ общемъ, на твердомъ и вѣрномъ пути. Но если оно еще можетъ оборваться,—то это, именно, на сектантской идеологіи русской революціонной интеллигенціи.

120. Г. Плехановъ и г-жа Кукшина: „буржуазно-демократическая“ реформа или „бланкистская“ революція?

Переходное время, въ которое мы живемъ, ставитъ въ положеніе, близкое къ трагическому, не однихъ только защитниковъ конституціонной идеи. Среди сторонниковъ грядущей соціальной революціи также возникаютъ, благодаря этому быстрому темпу нашей политической жизни, внутреннія разногласія, совершенно сходныя съ основнымъ разногласіемъ между тактикой парламентской и тактикой революціонной борьбы. Революціонная борьба также понимается различно двумя главными фракціями русской соціалъ-демократіи, «меньшевиками» и «большевиками», или, какъ мы можемъ ихъ назвать, на этотъ разъ по примѣру Г. В. Плеханова, «марксистами» и «бланкистами». Когда намъ раньше приходилось характеризовать тактику «большевиковъ», какъ «бланкистскую», ихъ органы дѣлали видъ, что не понимаютъ, что это значитъ, и требовали разъясненія. Мы не считали себя обязанными разъяснять имъ общеизвѣстные политическіе термины и очень рады, что за насъ это сдѣладъ Г. В. Плехановъ въ «Курьерѣ».

Всякій разъ, какъ намъ приходится отмѣчать точки соприкосновенія нашихъ взглядовъ со взглядами «меньшевиковъ», намъ бываетъ нѣсколько жаль этихъ невольныхъ союзниковъ. Мы хорошо знаемъ, что одно подозрѣніе въ ихъ близости къ «кадетамъ» способно ослабить ту силу ихъ вліянія на свою публику, на которую даетъ имъ право самая сущность ихъ воззрѣній. Революціонная фраза слишкомъ еще легко одерживаетъ верхъ надъ революціоннымъ дѣломъ въ этой средѣ. Г. В. Плехановъ правъ, что «Кукшины и Ситниковы безсмертны» и что отъ нихъ не «отдѣлаешься ни крестомъ, ни пестомъ». Правъ онъ и въ томъ, что «напрасно было бы предъявлять къ этимъ элементамъ сколько-нибудь высокія требованія» и что отъ нихъ «нельзя ждать ни такта, ни приличія». «Къ счастью», Г. В. Плехановъ увѣренъ, что «серьезные люди составляютъ подавляющее большинство въ нашей (с.-д.) средѣ». Мы хотимъ этому вѣрить, хотя, къ несчастью, «серьезные люди» большею частью молчатъ, когда полемизируютъ съ нами и съ г. Г. В. Плехановымъ Кукшины и Ситниковы. Такимъ образомъ, получается несомнѣнно невѣрное впечатлѣніе, что вся «среда» состоитъ исключительно изъ Кукшиныхъ и Ситниковыхъ.

Г-жа Кукшина, подъ псевдонимомъ Н. Крупова, полемизируетъ съ Г. В. Плехановымъ и въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ «Голоса». Конечно, Г. В. Плехановъ «заражаетъ воздухъ тлѣніемъ оппортунизма», какъ Ѳ. И. Родичевъ «заражаетъ воздухъ думы своими рѣчами»; конечно, Плехановъ «угашаетъ духъ» и проводитъ «тактику усыпленія»; конечно, «жизнь прошла мимо него, зачислила его въ ряды заправскихъ «кадетовъ» и заставила обнаружить полное непониманіе самой насущной для трудового народа задачи въ переживаемое время». Эта насущная задача находится, очевидно, въ связи съ «перспективой грандіознаго соціально-политическаго переворота», которая «открывается передъ Россіей» «нынѣ, въ періодъ новаго прилива, наростающаго съ неудержимой силой». Г-жа Кукшина, прикрывшаяся псевдонимомъ Н. Крупова, спѣшитъ спросить себя: «не есть ли это девятый валъ, не наступилъ ли часъ рѣшительной битвы съ врагомъ и побѣды народной воли?» И она увѣренно отвѣчаетъ самой себѣ и всѣмъ другимъ госпожамъ Кукшинымъ и господамъ Ситниковымъ утѣшительнымъ лозунгомъ: «пора».

Разумѣется, при такомъ взглядѣ, можно ли говорить о «поддержкѣ думы», —особенно думы, «какъ таковой», и притомъ безъ условій? Поддержка возможна, только «если дума будетъ помнить о рево-

люціи, которой обязана своимъ существованіемъ, если она будетъ служить дѣлу революціи и выполнять свои обязанности». Эти обязательства передъ революціей будетъ диктовать думѣ госпожа Кукшина.

Г. В. Плехановъ, безъ сомнѣнія, правъ въ своихъ усиліяхъ доказать госпожѣ Кукшиной, что то, что она считаетъ «часомъ рѣшительной битвы и побѣды», въ дѣйствительности можетъ оказаться провокаціонной попыткой «вызвать на бой, пока сила и твердость» правительства «больше вашей (т. е. революціонеровъ)»—и такимъ образомъ «сдѣлать изъ васъ орудіе реакціи». Поскольку оппоненты г. Плеханова «дѣйствительно серьезные люди», они обязаны считаться съ этой возможностью. Но и госпожа Кукшина, къ сожалѣнію, на этотъ разъ права, когда въ отвѣтъ на требованіе хладнокровія и сдержанности отвѣчаетъ ссылкой на «новый приливъ, нарастающій съ неудержимой силой». «Новый приливъ»—не революціонная фраза, а вполнѣ осязательный и очевидный фактъ. Фактъ этотъ и не созданъ революціонными фразами, а есть несомнѣнный и подлинный продуктъ жизни. Какъ таковой, онъ не составляетъ монополіи крайнихъ группъ, а подлежитъ учету всѣхъ партій. И при этомъ учетѣ, какая бы группа ни оказалась «на гребнѣ революціоннаго потока»—хотя бы это была сама государственная дума,—роль ея фатально будетъ «бланкистскою».

Это не значитъ, что роль эта будетъ непремѣнно удачна и что «перспектива», которая «открывается», не окажется и на этотъ разъ миражемъ, когда сплыветъ «девятый валъ». Г. В. Плехановъ, безъ сомнѣнія, въ послѣднемъ счетѣ всегда окажется правъ, какъ онъ былъ правъ 25 лѣтъ тому назадъ, стоя на точкѣ зрѣнія «Чернаго передѣла». Правъ Г. В. Плехановъ и тогда, когда «бланкизмъ» тепершнихъ большевиковъ онъ сопоставляетъ съ «бланкизмомъ» «народовольцевъ». «Бланкизмъ» — старое явленіе въ исторіи русскаго революціоннаго движенія, и борьба бланкизма, какъ революціи путемъ заговора, возстанія и захвата власти, съ противоположнымъ ему теченіемъ—революціи, организованной и, такъ сказать, органической—есть тоже старая борьба. Борьбу этихъ двухъ теченій можно прослѣдить съ 50-хъ и 60-хъ годовъ. Уже самая эта полувѣковая давность нынѣшней распри «большевиковъ» съ «меньшевиками» показываетъ, однако, что дѣло тутъ не въ одной «революціонной фразѣ, »противополагаемой «революціонному дѣлу». «Бланкизмъ» есть не только методъ, отдѣленный отъ своего содержанія; «бланкизмъ» есть революціонная идея, недонесенная еще до той со-

ціальной среды, которая дѣлаетъ ее истинно-революціонной. «Бланкизмъ» есть интеллигентская революція и въ этомъ смыслѣ «бланкизмъ» есть прошлое нашего революціоннаго движенія. «Марксизмъ»,—чтобы употреблять уже терминъ Г. В. Плеханова,—есть его будущее. Но это будущее еще не наступило; и весь вопросъ въ томъ, чѣмъ же должно быть наше промежуточное настоящее?

Наши друзья слѣва знаютъ это очень хорошо изъ исторіи и предсказываютъ полное повтореніе исторіи въ ближайшемъ будущемъ Россіи. Но въ то же время они считаютъ долгомъ протестовать противъ этого ближайшаго будущаго и дѣлаютъ все, что могутъ, чтобы оно не наступило или наступило только послѣ борьбы съ ними самими.

Ближайшее будущее—есть «буржуазно-демократическая реформа». Если эта реформа осуществится въ формѣ революціонной, отъ этого она не перестанетъ быть по существу буржуазно-демократической. Неизбѣжность этого не могутъ не признавать настоящіе «марксисты». Казалось бы, и слѣдуетъ дать этому ближайшему будущему осуществиться,—хотя бы для того, чтобы не дать права противополагать «буржуазную» революцію соціальной, бланкистскую, односторонне-политическую, настоящей соціалистической. Тогда, можетъ быть, наступитъ и болѣе подходящее время для обвиненія «буржуазіи» въ «предательствѣ» и для ожесточенной борьбы противъ нея.

Органъ г. Плеханова и «меньшевиковъ» «Курьеръ» не только понялъ это, но, скрѣпя сердце, старается внушить это «товарищамъ». Онъ утѣшаетъ ихъ, что соціалъ-демократія, разумѣется, будетъ бороться противъ кабинета «Петрункевича-Милюкова», но все-таки заклинаетъ ихъ, во имя партійной дисциплины и единства, требовать теперь министерства изъ думскаго большинства. Онъ доказываетъ, что «подавляющая масса крестьянъ о возстаніи, направленномъ къ завоеванію власти, не хочетъ и слышать и пока еще пролетаріата на этомъ пути не поддержитъ»; что, слѣдовательно, планъ «соціалистовъ-революціонеровъ и перекинувшихся на ихъ сторону большевиковъ»—обойти либераловъ и, не давъ имъ дойти до власти, сразу на мѣсто самодержавія, путемъ «активнаго выступленія», водрузить диктатуру пролетаріата и революціоннаго крестьянства»,—что планъ этотъ нелѣпый, ибо не считается съ дѣйствительностью, и что «большой грѣхъ передъ пролетаріатомъ совершаютъ тѣ товарищи, которые говорятъ ему неправду о «революціонномъ крестьянствѣ», яко бы готовомъ идти теперь же мимо думы».

Но наши современныя Кукшины не хотятъ ломать головы надъ анализомъ дѣйствительнаго положенія вещей. На митингахъ онѣ глубокомысленно обсуждаютъ вопросъ, находится ли теперь Россія «въ 47-мъ году или уже въ 49-мъ». Въ газетахъ онѣ пугаютъ Плеханова тѣмъ, что «его погладятъ по головкѣ высшія сферы», и стараются отвлечь «народную мысль» отъ думы къ другому, «гораздо болѣе властному учрежденію, не считающемуся съ законами кадетской думы»,—учрежденію, которое появится тогда, когда «революціонный пролетаріатъ» «вырветъ власть изъ рукъ тѣхъ, кто держитъ ее сейчасъ».

Повторяемъ, госпожа Кукшина на сей разъ права въ одномъ: «новый, неудержимый приливъ» на лицо. Въ рукахъ не революціоннаго только, а всего освободительнаго движенія опять находится тотъ шансъ, который такъ неумѣло былъ использованъ «товарищами» въ декабрѣ прошлаго года. Мы вправѣ ждать, если не отъ Кукшиныхъ и Ситниковыхъ, то отъ «серьезныхъ» товарищей ихъ, что они чему-нибудь научатся изъ недавняго жестокаго урока и не повторятъ ошибокъ, столь очевидныхъ теперь и столь понятныхъ всѣмъ. Политическая позиція «меньшевиковъ» какъ будто показываетъ, что наши ожиданія сбываются и что въ безнадежномъ мракѣ ортодоксальнаго доктринерства засвѣтился, наконецъ, лучъ свѣжаго наблюденія надъ жизнью и трезвой политической мысли. Г. В. Плехановъ не игнорируетъ «приливы», не «угашаетъ духа» и не вноситъ «усыпленія». Онъ только предлагаетъ направить волну въ русло, проложенное исторіей, основательно полагая, что только такимъ образомъ можно избѣжать опустошительнаго и безплоднаго наводненія, въ то же время углубивъ и расширивъ силой потока неизбѣжное историческое русло. Г-жи Кукшины предпочитаютъ пустить полую воду на мельницу своего революціоннаго краснорѣчія. Увы, на этомъ пути вода скоро смѣшается съ кровью и снесетъ и мельницу, и самихъ ораторовъ. Онѣ потомъ будутъ извиняться, какъ это мы слышали отъ г. Парвуса по поводу декабрьскихъ событій, что онѣ не совладѣли со стихійнымъ ходомъ революціоннаго потока. И, можетъ быть, съ прежнимъ глубокомысліемъ онѣ будутъ рѣшать, что Россія теперь не въ 47-мъ и не въ 49-мъ, а уже въ 52-мъ году, не потому, что господа «бланкисты» ошиблись въ своихъ расчетахъ на «революціонное крестьянство», а потому, что «буржуазія измѣнила»... «Предательская» буржуазія — это будутъ, конечно, тѣ же «кадеты», у которыхъ теперь съ такимъ стараніемъ успли-
аются вырвать изъ подъ ногъ почву, противъ которыхъ не отсту-

паютъ ни передъ какой клеветой, ни передъ какимъ угодно извращеніемъ фактовъ, чтобы поссорить ихъ съ народомъ.

Партія народной свободы демагогіей не занимается и противъ этого рода полемики она безсильна. Ввести въ заблужденіе народъ, говоря во имя его и отъ его имени, при теперешней его политической неподготовленности, тоже нетрудно. Конечно, партія не будетъ молчать и употребитъ всѣ усилія, чтобы обличить тенденціозную ложь, чтобы измышленіямъ противопоставить факты. Но даже для того, чтобы только обороняться, приходится тратить силы и отвлекать ихъ отъ болѣе насущной и очередной работы. Duobus litigantibus tertius gaudus. Мы еще и еще обращаемъ на это вниманіе «серьезныхъ» людей изъ лагеря нашихъ «друзей слѣва».

121. Думское меньшинство или внѣдумская организація? *).

«Пролетаріатъ и крестьянство не поддерживаютъ желанія кадетовъ «добиться министерскихъ портфелей», а противодѣйствуютъ ему. Вмѣсто лозунга «кадетское министерство», они выдвигаютъ другой—образованіе «исполнительнаго комитета изъ состава революціонныхъ элементовъ думы».

Такъ формулируетъ «Обрывъ» господствующее настроеніе трудящихся классовъ. И надо признаться, что, при всей лубочности формулировки, въ ней есть зерно истины.

За весь «пролетаріатъ» и за всѳ «крестьянство», правда, не можетъ говорить ни «Обрывъ», ни какая-либо другая партійная газета. Въ средѣ рабочаго и крестьянскаго населенія есть много слоевъ и много разныхъ настроеній,—и о «желаніи кадетовъ», и о революціонныхъ планахъ ихъ противниковъ широкіе слои трудового населенія узнаютъ, вообще, очень немного, очень неполно и поздно. Поскольку, однако, способная къ сознательной и организованной политической дѣятельности часть трудового населенія доступна непосредственному воздѣйствію революціонной интеллигенціи, въ этой части, дѣйствительно, все болѣе распространяется недовольство «кадетами» и склонность къ болѣе рѣшительному образу дѣйствій. Что означаетъ это настроеніе, насколько основательны причины, его породившія, и насколько возможно измѣнить его?

Намъ кажется, что отмѣченное настроеніе есть неизбѣжный

*) „Рѣчь“, № 113, 30 іюня.

продуктъ тѣхъ ненормальныхъ условій, въ которыхъ протекаютъ первые мѣсяцы работы нашего народнаго представительства. Измѣнено оно можетъ быть лишь съ радикальной перемѣной этихъ условій.

Нѣтъ надобности напоминать, что боевое настроеніе массъ сложилось на готовой почвѣ, которая была на лицо уже къ моменту созыва государственной думы. Съ начала года это настроеніе постепенно, но постоянно расло. Оно было правѣе господствующей въ думѣ партіи въ январѣ, оно поднялось до настроенія этой партіи во время выборовъ... и теперь оно поднимается дальше, въ томъ же направленіи. Могло ли остановиться это наростаніе боевого настроенія? Несомнѣнно, могло бы, если бы работа государственной думы могла пойти нормально, въ духѣ программы думскаго большинства. Что настроеніе самыхъ крайнихъ партій могло сдѣлаться болѣе умѣреннымъ,—это мы и сейчасъ видимъ изъ цѣлаго ряда симптомовъ. И теперь, т. е. при самыхъ ненормальныхъ условіяхъ парламентской дѣятельности, все-таки могло возникнуть и развиться сильное теченіе, готовое поставить задачей в с е й оппозиціи—укрѣпленіе и обезпеченіе политической свободы. Немало голосовъ изъ соціалистическаго лагеря требовали въ послѣднее время открытаго признанія, что побѣда «буржуазной демократіи» должна считаться ближайшей цѣлью, общей для всѣхъ партій, и, какъ первая форма этой побѣды, считалось пріемлемымъ — министерство изъ думскаго большинства. Если мы заглянемъ въ работу самой думы, мы и тамъ увидимъ, какъ сама эта работа постепенно втягиваетъ самыя крайнія партіи, смягчая ихъ тактику, конкретизируя ихъ ближайшія цѣли, пріучая ихъ вводить въ рамки практической парламентской дѣятельности свои партійныя стремленія. Яркій примѣръ такого политическаго самообученія можно видѣть еще во вчерашнемъ письмѣ одного изъ видныхъ «трудовиковъ» г. К. Лаврскаго въ «Нашей Жизни», гдѣ онъ доказываетъ необходимость считаться съ условіями парламентской работы при проведеніи земельнаго законопроекта трудовой группы. Г. Лаврскій справедливо замѣчаетъ, что «самый фактъ нахожденія «трудовиковъ» въ составѣ аграрной комиссіи предполагаетъ возможность и допустимость нѣкоторыхъ соглашеній»; онъ правильно указываетъ и на то, что еще «большой вопросъ: предпочтетъ ли крестьянская масса крѣпко стоять на формулѣ: «вся земля всему народу», или проявитъ склонность къ уступкамъ, изъ желанія найти мирный исходъ изъ мучительно-напряженнаго состоянія». Естественно, что непримиримая часть

революціонной интеллигенціи поспѣшитъ заподозрить и заклеймить это «соглашательское» настроеніе; но столь же безспорно, что это есть именно то настроеніе, которое открываетъ единственный возможный путь отвлеченнымъ формуламъ въ жизнь. Если бы путь этотъ былъ широко открытъ и движеніе по нему совершалось бы безъ всякихъ искусственныхъ препятствій со стороны, то въ возможности «мирнаго исхода» при рѣшеніи самыхъ трудныхъ очередныхъ вопросовъ нельзя было бы сомнѣваться.

Къ несчастью, на этомъ пути спокойнаго народнаго законодательства громоздятся такія препятствія, какъ конфликтъ законодательной власти съ исполнительной, конфликтъ съ другимъ quasi-законодательнымъ учрежденіемъ, неясность намѣреній высшей власти, сохраненіе старыхъ пріемовъ управленія въ странѣ... Усилія, которыя могли бы направляться на полезную работу, уходятъ на тренія, сознаніе плодотворности работы постепенно слабѣетъ, увѣренность въ результатѣ теряется, а вмѣстѣ съ тѣмъ быстро растутъ сомнѣнія въ правильности пути, появляется нервная растерянность и создается настроеніе, при которомъ первое попавшееся быстродѣйствующее средство кажется желаннымъ выходомъ для накопившагося нервнаго нетерпѣнія. И если такая смѣна настроеній замѣчается у самихъ работниковъ, насколько же быстрѣе долженъ пройти тотъ же процессъ у простыхъ зрителей, изъ которыхъ многіе, притомъ, съ самаго начала сомнѣвались въ возможности или въ продуктивности спокойной парламентской работы.

Жизнь не ждетъ, и препятствія, которыя загромождаютъ путь, хочется устранить какими-нибудь болѣе сильными, чрезвычайными средствами. До сихъ поръ вѣдь только чрезвычайныя средства и выручали, и населенію некогда было привыкнуть къ мысли о болѣе экономной тратѣ общественныхъ силъ въ рамкахъ парламентской борьбы. Идея «внѣпарламентскаго давленія» уже была заранѣе готова; теперь эта идея принимаетъ форму цѣлаго ряда проектовъ внѣпарламентской организаціи общественныхъ силъ.

Борьба между лѣвыми партіями идетъ теперь уже не изъ за самой идеи, а только изъ за формы ея осуществленія. Конечно, каждая группа имѣетъ въ виду при этомъ собственныя цѣли. Такъ, с.-ры въ Петербургѣ стремятся возстановить совѣтъ рабочихъ депутатовъ, а въ провинціи проектируютъ организацію цѣлой сѣти безпартійныхъ «бюро содѣйствія» трудовой группѣ. Цѣль этихъ «бюро» поднять и сдѣлать «опредѣленнѣе» платформу трудовой группы, настроеніе которой, по мнѣнію с.-р., «отстало отъ настрое-

нія трудового народа» и «ниже средняго настроенія въ странѣ». Соціалъ-демократамъ большевикамъ, однако, кажется, что «возникновеніе такой организаціи (с. р. д.) въ данный моментъ могло бы вызвать преждевременное выступленіе пролетаріата»; они «не ставятъ себѣ непосредственныхъ боевыхъ цѣлей и ограничиваютъ ближайшую задачу устройствомъ «совѣщаній», «чтобы установить моральную связь между думской с.-д. фракціей и широкими массами пролетаріата». Меньшевики, какъ мы уже замѣчали, не хотятъ ограничиваться «сплоченіемъ пролетаріата въ исключительно пролетарскія организаціи». Признавая, что есть вопросы, въ которыхъ, «дѣйствительно, вся нація сталкивается со старымъ режимомъ», они предлагаютъ на этихъ «узловыхъ пунктахъ» и сосредоточить «приложеніе всѣхъ прогрессивныхъ національныхъ силъ». Они признаютъ однимъ изъ такихъ «узловыхъ пунктовъ» образованіе думскаго министерства и давно настаиваютъ на «поддержкѣ» думы, какъ цѣлаго, а не только на эксплоатаціи ея «революціонныхъ элементовъ» для какихъ-нибудь «активныхъ выступленій». Но и они особенно усердно привѣтствуютъ «первый шагъ» думы, «чтобы войти въ непосредственное общеніе и соприкосновеніе съ многомилліоннымъ крестьянствомъ»: ея проектъ обращенія къ населенію по вопросу о земельной реформѣ.

Нѣтъ сомнѣнія, что чѣмъ дольше будетъ тянуться періодъ общей дезорганизаціи, вызываемой глубокимъ разладомъ между народными представителями и исполнительной властью, тѣмъ сильнѣе будетъ чувствоваться потребность создать для проявленія дѣятельныхъ силъ страны какіе-нибудь чрезвычайные способы и необычныя формы. Настроеніе, которое мы отмѣтили сегодня, есть еще только первый симптомъ: но уже самое появленіе такого симптома свидѣтельствуетъ о серьезномъ конституціональномъ разстройствѣ общественнаго организма и о безусловной необходимости принять немедленныя мѣры для возстановленія правильнаго функціонированія организма.

122. Два пути организаціи общественныхъ силъ *).

Общественныя силы мало-по-малу организуются. Ростъ этой организаціи неизбѣженъ и необходимъ, но пути организаціи могутъ быть различны, смотря по тому, какъ сложатся политическія усло-

*) „Рѣчь“, № 117, 5 іюля.

вія. Недавно мы отмѣчали два разныхъ пути общественной организаціи: черезъ государственную думу и мимо государственной думы. Организація общественныхъ силъ черезъ думу можетъ охватить несравненно большіе круги населенія, и характеръ этой организаціи, несомнѣнно, получится болѣе мирный. Организація мимо думы можетъ вовлечь лишь наиболѣе активные элементы населенія, и невольной цѣлью этой организаціи явится болѣе или менѣе немедленное «активное выступленіе». Прибавимъ, что все, что уменьшаетъ политическую роль думы въ странѣ и тормозитъ полученіе осязательныхъ плодовъ отъ ея дѣятельности,—все это даетъ перевѣсъ второму методу организаціи передъ первымъ.

Вопросомъ объ организаціи общественныхъ силъ въ настоящее время занимаются наши «крайнія» партіи, и въ ихъ средѣ вопросъ о двухъ путяхъ организаціи принимаетъ особенно яркія формы. Ихъ общая цѣль, конечно, есть не прекращеніе, путемъ общественной организаціи, революціоннаго процесса, а его дальнѣйшее развитіе. Тѣмъ интереснѣе отмѣтить, что и при такой постановкѣ въ средѣ революціонныхъ партій идетъ теперь самая оживленная борьба противъ «преждевременной» организаціи, вовлекающей въ борьбу сравнительно немногочисленныя силы и вызывающей съ психологической неизбѣжностью черезчуръ скороспѣлую и неудачную развязку.

Въ этомъ отношеніи очень интересны номера «Эхо» и «Голоса Труда». Самымъ жгучимъ вопросомъ минуты органы обѣихъ фракцій нашей соціалъ-демократіи считаютъ вопросъ о формахъ организаціи столичнаго пролетаріата, и въ этомъ вопросѣ и большевики, и меньшевики одинаково отстаиваютъ отсрочку «боевой» организаціи до болѣе подходящаго момента. Противниками обѣихъ фракцій являются соціалисты-революціонеры, которые настаиваютъ на немедленномъ возобновленіи центральнаго и безпартійнаго органа столичнаго пролетаріата, «совѣта рабочихъ депутатовъ».

Г. Хрусталевъ въ письмѣ, напечатанномъ въ «Эхо», очень горячо настаиваетъ на немедленномъ учрежденіи «революціоннаго» парламента революціоннаго пролетаріата», тогда какъ редакціонная статья предлагаетъ «оттянуть» созданіе этого органа до того времени, когда «аррьергардъ» революціоннаго движенія, крестьянство, достаточно организуется при помощи «крестьянскихъ землеустроительныхъ комитетовъ» и когда станетъ возможнымъ «образованіе исполнительнаго комитета изъ лѣвыхъ группъ думы для объединенія дѣятельности самочинныхъ организацій народа». Менѣе опре-

дѣленно говоритъ о той же «подготовкѣ къ будущимъ выступленіямъ» органъ меньшевиковъ, но о «невозможности» немедленнаго «выступленія» и о нежелательности создать органъ для «непосредственной борьбы», и «форсировать событія» онъ выражается вполнѣ опредѣленно.

Необходимо признать, что, съ точки зрѣнія организаціи населенія для революціонныхъ цѣлей, взгляды г. Хрусталева были бы болѣе послѣдовательными. Совершенно правильно онъ не видитъ разницы между городскими и крестьянскими организаціями и находитъ, что «организація революціоннаго крестьянства въ землеустроительныхъ комитетахъ трудовой группы въ такой же степени грозитъ «преждевременнымъ выступленіемъ», какъ и организація совѣта рабочихъ депутатовъ». Точно такъ же правиленъ и его взглядъ на то, что массовая организація должна быть безпартійной, ибо чистая соціалъ-демократическая организація дала бы въ Петербургѣ представительство всего 4 000 рабочихъ изъ 200,000. Естественно, что соціалъ-демократы предпочитаютъ узкую и партійную организацію, чтобы удержать руководство въ собственныхъ рукахъ и не пустить соціалъ-революціонеровъ точно такъ-же, какъ и соціалъ-демократія Польши и Литвы отвергаетъ образованіе профессіональныхъ союзовъ, чтобы не допустить вліянія на рабочихъ «буржуазныхъ партій» и не втянуть ихъ «въ колею буржуазной политики».

Это опять совершенно послѣдовательно. Но послѣдовательность эта только вскрываетъ внутреннее противорѣчіе между задачами момента и тактикой соціалъ-демократіи. Въ своихъ стремленіяхъ оберечь кучку своихъ «правовѣрныхъ» послѣдователей отъ «затемнѣнія классовыхъ различій» соціалъ-демократія оказывается вынужденной, вообще, оберегать ихъ отъ всякаго соприкосновенія съ жизнью, препарируя своихъ рабочихъ подъ какимъ-то политическимъ стекляннымъ колпакомъ для какихъ-то проблематическихъ «выступленій» въ неизвѣстномъ будущемъ. Правовѣрная соціалъ-демократія предпринимаетъ непосильную борьбу съ психологіей массъ и съ конкретными условіями политическаго момента. Изъ ея искусственной позиціи могутъ быть только два выхода. Или—если соціалъ-демократія готовитъ народъ для революціи—она должна быть готова къ «преждевременнымъ» выступленіямъ, должна идти на весь рискъ и всѣ неудачи «непосредственной борьбы». Но это былъ бы «бланкизмъ»: отъ этого сторонятся даже и большевики, призывающіе къ терпѣнію, къ «оттяжкамъ» и обѣщающіе

«завтра дать своевременный лозунгъ къ дѣйствію». Или, если признано невозможнымъ довольствоваться фантастической «тактикой завтрашняго дня», тогда надо сдѣлать выводъ, какой сдѣлалъ Плехановъ, надо признать, что «сегодня» поневолѣ приходится идти «въ колеѣ буржуазной политики». Для большевиковъ этотъ исходъ невозможенъ, ибо равносиленъ совѣту «поддерживать думское министерство, которое заключитъ сдѣлку съ камарильей и продастъ народъ». Меньшевиковъ труднѣе запугать угрозами «сдѣлки» и «предательства». Но если такъ, если «активное выступленіе сегодня» невозможно и «преждевременно», если всякая революціонная организація народа «на завтра», въ концѣ концовъ, приводитъ къ тому же «преждевременному» выступленію, если «буржуазные» жупелы страшны только для революціонныхъ младенцевъ, то отчего же не признать открыто и окончательно, что «сегодня» нужна и «буржуазная политика», и «думское министерство», и побѣда демократической политической реформы; и почему не сказать открыто и не сдѣлать всѣхъ практическихъ выводовъ изъ признанія,—что «сегодня» и «завтра» никоимъ образомъ, никакимъ метафизическимъ процессомъ не могутъ помѣняться мѣстами? И почему «сегодня» же не заняться тѣмъ, что нужно «сегодня»?

123. Думскіе законопроекты о свободахъ *).

Отвѣтъ Н. И. Кулябко-Корецкому.

Многоуважаемый Николай Ивановичъ, сегодня я прочелъ ваше открытое письмо, адресованное лично ко мнѣ и напечатанное въ «XX Вѣкѣ». Спѣшу удовлетворить ваше желаніе и, по мѣрѣ умѣнья, отвѣтить вамъ на вопросы, которые вы мнѣ ставите.

Своимъ вопросамъ вы сочли нужнымъ предпослать «короткую исторію партіи народной свободы». Вы дѣлите эту исторію на два періода. Первый, который вы любезно называете «самымъ блестящимъ», судя по вашему описанію, обнимаетъ время отъ образованія партіи до ея «удивительныхъ успѣховъ» въ избирательной кампаніи. Успѣхи эти вы склонны приписывать содѣйствію на выборахъ людей, стоящихъ лѣвѣе кадетовъ; а причину ихъ содѣйствія видите въ возможности для нихъ «смѣло довѣриться к.-д. во всемъ, что касается политической свободы». Второй періодъ, въ который партія вступила, «не истоптавъ башмаковъ, т. е. черезъ нѣсколько недѣль послѣ успѣха на выборахъ», знаменуется, по

*) „Рѣчь“, № 117, 5 іюля.

вашей характеристикѣ, новыми чертами, вродѣ выработки партіей закона о свободѣ собраній,—чертами такого рода, что даже «отдаленный намекъ» на возможность ихъ появленія «далъ бы иные результаты» на выборахъ.

Я, прежде всего, считаю долгомъ пополнить ваши свѣдѣнія объ исторіи партіи народной свободы, многоуважаемый Николай Ивановичъ. Кромѣ упоминаемыхъ вами двухъ періодовъ, партія имѣла еще самый первый, такъ сказать, вступительный періодъ своего существованія, когда ея политическая физіономія выяснилась впервые. Въ ту пору будущее ядро партіи дѣйствовало въ качествѣ «освобожденцевъ» и организаторовъ земскихъ и городскихъ съѣздовъ. Критикуемый вами законъ о печати былъ впервые составленъ уже въ этотъ доисторическій періодъ,—и тогда онъ носилъ еще менѣе пріемлемый для васъ характеръ, чѣмъ носитъ теперь. Въ нѣсколько переработанномъ видѣ этотъ проектъ былъ внесенъ отъ имени бюро съѣздовъ на послѣдній (ноябрьскій 1905 г.) земскій и городской съѣздъ. Текстъ его вы можете найти, кромѣ партійныхъ изданій, также и въ такой общедоступной книжкѣ, какъ брошюра г. Н. Строева «Историческій моментъ». Партію народной свободы упрекали иногда, что на выборахъ она «спрятала» часть своей программы: но, сколько мнѣ извѣстно, обвиненія эти всегда имѣли тотъ смыслъ, что партія на выборахъ хотѣла казаться *болѣе* умѣренной, чѣмъ она была, будто бы, въ дѣйствительности, и «спрятала» свои *радикальные* взгляды. Во всякомъ случаѣ, никто не обвинялъ партію, что она спеціально передъ выборами стала запскивать передъ «лѣвымъ крыломъ освободительнаго движенія» и «спрятала» свои умѣренныя воззрѣнія... Такимъ образомъ, и законъ о свободѣ собраній, внесенный въ значительно исправленномъ видѣ въ думу, для всякаго, ближе знакомаго съ «исторіей» партіи, не могъ быть «новой чертой» и могъ скорѣе свидѣтельствовать о томъ, что партія, хотя и медленно, поддается влѣво. И если послѣ выборовъ создалось то настроеніе, однимъ изъ признаковъ котораго является готовность обвинять партію въ измѣнѣ ея прошлому, то это объясняется не столько объективными фактами, сколько общей перемѣной политическаго настроенія въ странѣ. Своей политической физіономіи партія никогда не скрывала, никогда не измѣняла ее существенно и въ думѣ выступила съ тѣмъ самымъ багажомъ, который былъ подготовленъ цѣлыми годами политической работы.

По отношенію къ «свободамъ» вообще политика партіи точно также выяснилась для всякаго, желающаго понимать ее, задолго до

выборовъ. Партія всегда считала ошибкой политику манифеста 17 октября,—голое провозглашеніе въ принципѣ основныхъ «свободъ», и всегда требовала возможно болѣе скораго облеченія этихъ принциповъ въ детальныя «законодательныя нормы». Такое требованіе было выставлено и тѣмъ же ноябрьскимъ съѣздомъ. Подъ изданіемъ «законодательныхъ нормъ» партія всегда разумѣла регламентацію свободъ, но цѣлью этой регламентаціи она ставила не стѣсненія ихъ, а огражденіе свободъ отъ внѣшняго произвола. Стѣсненія же она считала и считаетъ допустимыми лишь постольку, поскольку рѣчь идетъ объ огражденіи свободы каждаго лица отъ неограниченности чужой свободы. Чтобы найти эти границы, партія обратилась къ иностраннымъ законодательствамъ. Можно возражать противъ цѣлесообразности тѣхъ или другихъ заимствованій изъ иностраннаго источника, но едва ли можно отрицать самый методъ разработки законовъ, примѣнявшійся юристами-спеціалистами партіи.

Намъ теперь возражаютъ съ двухъ точекъ зрѣнія. Говорятъ, во-первыхъ, что нельзя писать законы, разсчитанные на нормальное время, для такого революціоннаго періода, который переживаетъ Россія. Г. Гурвичъ кончилъ свою критическую статью въ «Нашей Жизни» откровеннымъ замѣчаніемъ, что при нашихъ законахъ повтореніе народнаго движенія, бывшаго осенью и зимой прошлаго года, было бы невозможно. Онъ, повидимому, считалъ этотъ аргументъ самымъ сильнымъ возраженіемъ противъ законопроектовъ партіи; мы скорѣе склонны видѣть въ немъ самую большую похвалу. Во-вторыхъ, намъ указываютъ, что надо смотрѣть не на устарѣлые тексты западныхъ законовъ, которые мы переписываемъ, а на дѣйствующую практику западной свободы. Этотъ аргументъ выдвигаете и вы—и приглашаете меня засвидѣтельствовать передъ русскими читателями объ этихъ установившихся обычаяхъ «обоихъ полушарій». Я долженъ сдѣлать отводъ противъ обязательности выводовъ, которые можно было бы сдѣлать изъ подобнаго сопоставленія; можетъ быть, слѣдовало бы возразить и противъ самой возможности какихъ-либо однородныхъ выводовъ. Посудите сами. Вы берете Болгарію, съ ея отсутствіемъ регламентаціи свободы собраній въ основномъ законѣ и съ ея фактической свободой собраній. Я долженъ сказать, что какъ разъ этотъ примѣръ показываетъ, насколько правильна точка зрѣнія, проводимая партіей народной свободы. Конечно, регламентацію «свободы» можно не включать въ основной законъ и сдѣлать ее содержаніемъ поли-

цейскихъ распоряженій. Но какъ разъ Болгарія и свидѣтельствуетъ о неудобствѣ такой постановки для страны, не составившей еще навыковъ свободной политической жизни. Не имѣю сейчасъ подъ руками точныхъ ссылокъ на факты; но изъ моихъ прежнихъ работъ по исторіи болгарской конституціи и изъ моихъ наблюденій надъ политической жизнью Болгаріи, я лично сдѣлалъ выводъ менѣе оптимистическій, чѣмъ дѣлаете вы, уважаемый Николай Ивановичъ. Я помню, что практика свободы собраній въ столицѣ болгарскаго княжества всегда зависѣла отъ взгляда на этотъ предметъ софійскаго градоначальника. И если откуда-нибудь я могъ бы почерпнуть выводъ о необходимости спеціальнаго закона, регулирующаго свободу собраній, то именно изъ этой болгарской практики.

Съ этой точки зрѣнія вы поймете включеніе въ нашъ законъ такихъ пунктовъ, какъ предупрежденіе полиціи за сутки или запрещеніе собираться на полотнѣ дороги. Эти ограниченія только оттѣняютъ, что при ихъ соблюденіи все остальное дозволено. Вы знаете, что практика русской жизни другая: все недозволенное запрещено. И съ этой точки зрѣнія отсутствіе точной регламентаціи всегда окажется вредно для практики «свободъ». Мнимое «возвращеніе» къ манифесту 17-го октября, которое намъ часто рекомендуютъ, было бы, съ нашей точки зрѣнія, возвращеніемъ къ полному произволу власти при практикѣ свободъ.

Вы ссылаетесь, однако, на страны англосаксонской національности,—полный контрастъ по политическимъ правамъ съ болгарскими новичками конституціонализма. М. М. Ковалевскій въ палатѣ тоже очень настаивалъ на томъ, что въ Англіи вопросъ регулируется общимъ правомъ, а не спеціальными законами. При высокомъ развитіи правосознанія, дѣйствительно, законъ могъ предоставить времени и дѣйствующей практикѣ —выработать точную регламентацію права собраній. Но М. М. Ковалевскій теперь уже и самъ вспомнилъ, что въ приложеніи къ позднѣйшимъ изданіямъ книги Дайси, обстоятельно изложена та практика полицейскихъ стѣсненій, которая выработана, по мѣрѣ надобности, цѣлымъ рядомъ судебныхъ рѣшеній по отдѣльнымъ случаямъ. Передъ этой строгой практикой блѣднѣютъ всѣ тѣ скромныя ограниченія, которыя проектировалъ законопроектъ партіи народной свободы. И самый фактъ установленія этихъ ограниченій судами, по мѣрѣ выясненія ихъ надобности, доказываетъ ихъ необходимость —даже въ такой странѣ, какъ Англія.

Повторяю, объ отдѣльныхъ частностяхъ можно спорить. Можно

доказывать, что «непосредственная угроза общественной безопасности» есть понятіе слишкомъ растяжимое: хотя, очевидно, подъ этимъ понятіемъ партія разумѣла то самое, что и вы, уважаемый Николай Ивановичъ, допускаете, говоря, что и въ французскомъ собраніи «представитель полиціи не позволилъ бы... дѣлать что-нибудь преступное». Къ числу этого «преступнаго» вы совѣтуете не причислять излишествъ рѣчи и напоминаете, что во Франціи на митингахъ «высказываются пожеланія, дальше которыхъ идти некуда», а въ Болгаріи тоже «нападки на правительство не знаютъ границъ». Небольшое знакомство съ митингами гор. Петербурга могло бы убѣдить васъ, что даже и при теперешнихъ «временныхъ правилахъ» русская практика не остается позади французской и болгарской; и, очевидно, не въ этихъ ораторскихъ эксцессахъ будущій законъ партіи народной свободы будетъ усматривать что-либо «непосредственно угрожающее общественному спокойствію». Прибавлю, что англійскій порядокъ устанавливаетъ «опасность для общественнаго спокойствія» въ еще болѣе растяжимыхъ выраженіяхъ. Но, я согласенъ, что, можетъ быть, болѣе точныя выраженія французскаго закона были бы лучше.

Я пошелъ бы далѣе въ разборѣ деталей, которыхъ вы касаетесь въ своемъ открытомъ письмѣ. Но я чувствую, что дѣло не въ этомъ, не въ этихъ деталяхъ, а въ чемъ то болѣе общемъ, и что это общее—есть политическое настроеніе, неуловимое и неосязаемое, которое, къ несчастью, начинаетъ складываться противъ партіи н. с.,—какъ я думаю, не по ея винѣ. Партія беретъ на себя поневолѣ чужіе грѣхи: на нее охотно взваливаютъ обвиненія въ обманѣ, когда обманываетъ русская жизнь, и ее винятъ въ разочарованіяхъ, въ которыхъ повинны исключительно ничѣмъ не оправдываемыя иллюзіи политически неопытныхъ людей. Партія сдѣлаетъ всего лучше, если докажетъ тѣмъ же опытомъ жизни свою политическую правоту. Она, конечно, рискуетъ ошибаться: но не ошибаются только тѣ, кто предпочитаетъ болѣе благодарную роль критиковъ. И если ей придется сложить на алтарь житейскаго опыта свою «блестящую» репутацію, ей останется утѣшаться тѣмъ, что въ созданіи жизненныхъ навыковъ, въ укрѣпленіи политической свободы она заложила первый необходимый фундаментъ.

5. Вопросъ о думскомъ министерствѣ.

124. Отвѣтственность министровъ заграницей и въ Россіи *).

Наши министры еще менѣе опытны въ теоріи и практикѣ конституціонализма, чѣмъ большинство нашихъ депутатовъ. Вотъ почему, послѣ единодушнаго вотума недовѣрія, палата—съ нѣкоторымъ разочарованіемъ, министры—съ облегченіемъ и обѣ стороны—съ искреннимъ недоумѣніемъ спрашиваютъ себя: что же дальше?

Палата удивляется, что только что отвергнутые ею министры приходятъ опять и мирно бесѣдуютъ, и даже вносятъ законопроекты о прачешныхъ и о оранжереяхъ. Министры не понимаютъ зачѣмъ имъ уходить, когда отставить ихъ можетъ только высочайшая власть: передъ ней одной они отвѣтственны и отъ нея одной должны ждать выраженія недовѣрія.

Формально—министры правы. По существующему закону они могутъ быть отставлены только высочайшей волей и не отвѣтственны передъ парламентомъ. Но вѣдь формально въ такомъ же положеніи находятся и министры въ классической странѣ парламентаризма—Англіи. Въ теоріи королевская прерогатива, несомнѣнно, включаетъ и право назначенія и увольненія министровъ. И если политическій обычай уничтожилъ фактически эту прерогативу; если этотъ обычай вторгается даже въ область дворцовой службы и требуетъ, чтобы на самые приближенные къ государю посты кандидаты назначались изъ лицъ, симпатизирующихъ господствующей партіи,—то ни въ какомъ законѣ этого не написано. Парламентарные обычаи созданы жизнью, и весь вопросъ въ томъ, не слѣдуетъ ли эти требованія жизни открыто признать и у насъ—и признать немедленно,—прежде чѣмъ жизненныя испытанія, болѣе или менѣе тяжелыя, докажутъ ихъ необходимость.

Писаная конституція—даже и самая совершенная—есть только скелетъ. Этотъ скелетъ долженъ обрости живымъ тѣломъ, чтобы всѣ движенія его совершались эластично и гладко. Процессъ такого обростанія всегда болѣзненъ; но его можно сократить при добромъ желаніи и при сознательномъ отношеніи къ дѣлу.

---

*) „Рѣчь“, № 75, 17 мая.

Когда встрѣчаются два дикаря, принадлежащіе къ двумъ враждебнымъ племенамъ, есть большое основаніе ожидать, что съ мѣста встрѣчи уйдетъ цѣлымъ только одинъ. Но и въ мірѣ примитивныхъ народовъ взаимное уничтоженіе мало-по-малу перестаетъ быть обязательной нормой житейскихъ отношеній, и два врага, сходясь, ограничиваются лишь тѣмъ, что обходятъ другъ друга на большомъ разстояніи, дѣлая при этомъ видъ, что готовы немедленно пустить въ ходъ свое оружіе. Съ теченіемъ времени, однако, и эта симуляція физической борьбы становится излишней; оружіе остается дома, люди приближаются другъ къ другу безъ особыхъ предосторожностей и подражаніе формамъ борьбы, наконецъ, смѣняется формами доброжелательства—болѣе или менѣе вѣжливымъ поклономъ.

Въ исторіи учрежденій происходитъ нѣчто подобное. Къ нашему несчастью, на пути усовершенствованія общественныхъ учрежденій мы дѣлаемъ еще первые шаги. Въ памяти всѣхъ еще слишкомъ живо то время, когда отвѣтственность министровъ передъ обществомъ осуществлялась самыми варварскими средствами. Теперь въ нашихъ рукахъ находится средство болѣе тонкое. Мы уже перешли къ формамъ симуляціи борьбы, и всѣ наши усилія должны состоять въ томъ, чтобы удержаться на почвѣ этой общественной символики, не доводя людей до небходимости возвращаться къ примитивнымъ средствамъ, а для этого недовѣріе страны, высказанное ея организованнымъ представительствомъ, должно послужить регуляторомъ довѣрія монарха.

Изъ сказаннаго ясно, какъ невозможно было бы въ вопросѣ объ отвѣтственности министровъ и объ ихъ отставкѣ въ случаѣ вотума недовѣрія стоять на почвѣ формальнаго закона. Если изъ текста «основныхъ законовъ» и вычеркнуть конецъ фразы, которымъ отвѣтственность министровъ относилась къ думѣ, а не къ монарху, то жизнь скоро восполнитъ этотъ пробѣлъ. Въ вотумѣ 13 мая правительство должно видѣть первое предостереженіе, первое указаніе жизни. Послѣ этого вотума министерство Горемыкина фактически не можетъ оставаться у власти,—и настаивать на его формальномъ правѣ можетъ только грубое непониманіе.

Но, скажутъ намъ, есть же и нѣчто среднее между варварскимъ и парламентскимъ способомъ осуществленія отвѣтственности министровъ. Не вездѣ же существуетъ парламентарный строй. Въ Германіи, напримѣръ, министры не зависятъ же отъ вотума палаты?

*

Несомнѣнно, отвѣтимъ мы: переходъ абсолютизма къ парламентаризму нигдѣ не совершался сразу. Борьба между той и другой политической формой можетъ продолжаться вѣка, и промежуточныя формы независимости исполнительной власти отъ законодательной могутъ сохраняться очень долго. Но при какихъ условіяхъ?

До послѣднихъ выборовъ показалось бы ересью утверждать, что патріархальный абсолютизмъ въ Германіи былъ гораздо живучѣе и сильнѣе, чѣмъ въ Россіи, и что поэтому онъ оказался крѣпче въ борьбѣ за существованіе. Между тѣмъ это такъ. Абсолютизмъ—какъ и всѣ юридическія и правовыя идеи—былъ, несомнѣнно, глубже вкорененъ въ западномъ правосознаніи и лучше вооруженъ для самообороны, чѣмъ абсолютизмъ въ Россіи. Притомъ же, абсолютизмъ опирался тутъ на гораздо болѣе сплоченную, лучше вымуштрованную, профессіонально честную армію чиновниковъ и нашелъ себѣ въ борьбѣ противъ демократіи несравненно болѣе могучаго союзника въ крѣпкомъ, сильномъ своими традиціями и соціальнымъ вліяніемъ дворянствѣ. У насъ эта тріада—абсолютизмъ, бюрократія и юнкерство—насквозь прогнили и вывѣтрились, когда началась борьба противъ нихъ новыхъ идей и интересовъ. Оттого-то торжество современныхъ политическихъ и соціальныхъ идей у насъ оказалось такъ изумительно быстро и полно и встрѣтило такъ поразительно мало сопротивленія.

Разница должна сказаться и въ вопросѣ объ отвѣтственности министровъ. Когда въ 60-хъ годахъ въ Пруссіи Бисмаркъ начиналъ свой конфликтъ съ народными представителями, когда нѣсколько позднѣе онъ принялся искусно маневрировать съ парламентскими партіями въ рейхстагѣ,—онъ могъ уравновѣсить однѣ партіи, силы, интересы другими интересами и силами. Изъ четырехъ главныхъ партій, съ которыми онъ имѣлъ дѣло, ни одна не обладала подавляющимъ перевѣсомъ надъ другими; ни одна не была безусловно ему враждебна; каждая готова была пойти на компромиссъ,—и онъ могъ безнаказанно тасовать ихъ, какъ карты, ограничиваясь самыми маленькими уступками. Кромѣ того, и положеніе его, какъ канцлера союзнаго государства, ставило его въ сравнительную независимость отъ партій. Вотъ почему онъ могъ сохранить свою безотвѣтственность. То же самое можно сказать и про положеніе гр. Таафе въ Австріи.

У насъ положеніе дѣлъ совершенно другое. Всѣ—по крайней мѣрѣ, всѣ вошедшія въ думу партіи—безусловно враждебны прави-

тельству. Сыграть на патріотизмѣ—никакому русскому Бисмарку не удастся, ибо внутри намъ не грозитъ партикуляризмъ, а извнѣ мы имѣемъ Цусиму вмѣсто Садовой. Затѣмъ, наше дворянство безсильно защитить даже собственныя привилегіи—не только помочь возстановленію патріархальнаго абсолютизма. Наконецъ, наши чиновники, вербуемые изъ интеллигенціи, суть не враги, а скорѣе тайные друзья освободительнаго движенія, и профессіонально-цеховая замкнутость и традиціи—имъ чужды. По этой самой причинѣ, по отсутствію внутреннихъ перегородокъ въ нашемъ обществѣ, у насъ не оказалось и матеріала для рѣзко диференцированныхъ политическихъ партій, которыя бы защищали рѣзко обособленные и твердо сплотившіеся для самозащиты соціальные интересы. Отсюда въ нашей думѣ—полное единство политической оппозиціи, полное почти сліяніе политическихъ оттѣнковъ по всѣмъ существеннымъ вопросамъ конституціонализма, и, даже въ сферѣ соціальной реформы,—преобладающее и сплоченное демократическое большинство.

На кого же можетъ опереться министерство въ Россіи, если вздумаетъ вести борьбу противъ страны и думы? Кромѣ факта обладанія силой—факта преходящаго—на его сторонѣ нѣтъ никого и ничего. Вотъ почему невозможно думать, чтобы такое министерство со сколько-нибудь вѣроятнымъ расчетомъ на успѣхъ могло вступить въ продолжительный конфликтъ со страной. Оно, можетъ быть, само не чувствуетъ въ данную минуту, какъ оно безсильно. Все равно: скоро, очень скоро оно это почувствуетъ—и пойметъ, что между Германіей и Россіей огромная разница. И тогда то, что теперь многимъ кажется парадоксомъ, будетъ понято, какъ безспорная истина: крѣпкая средневѣковая *сословная* монархія нашихъ нѣмецкихъ сосѣдей гораздо туже и медленнѣе эволюціонируетъ въ послѣдовательный парламентскій строй, чѣмъ демократически-патріархальное самодержавіе. То, для чего при первомъ строѣ нужны десятки лѣтъ, при второмъ можетъ быть достигнуто сразу.

125. Связь между идеями „кабинета“ и „политической партіи“ *).

Пребываніе у власти кабинета, которому палата вотировала недовѣріе, безъ сомнѣнія, есть нарушеніе основного принципа парламентской жизни. Ссылка на то, что министры могутъ сохранять

---

*) „Рѣчь“, № 80, 23 мая.

свое положеніе, пока имъ довѣряетъ монархъ,—есть только формальный отводъ, а не рѣшеніе вопроса по существу. Мы уже указывали на то, что даже въ самой Англіи нѣтъ такого закона, по которому верховная власть о б я з а н а была бы назначать министерство изъ большинства; и, тѣмъ не менѣе, невозможность и опасность длящагося конфликта между законодательной и исполнительной властью настолько ясно сознана въ Англіи, что при первыхъ признакахъ конфликта монархъ пользуется своимъ правомъ мѣнять министровъ для возстановленія гармоніи между правительствомъ и народными представителями. Практика представительныхъ учрежденій неизбѣжно приводитъ къ тому, что отвѣтственность передъ монархомъ превращается въ отвѣтственность передъ народными представителями, хотя бы это и не было написано ни въ какомъ параграфѣ «основныхъ законовъ» страны. Рано или поздно, парламентская отвѣтственность министровъ становится основнымъ пунктомъ «неписаной» конституціи.

Если таково, вообще, положеніе въ государствахъ съ представительными учрежденіями, то въ Россіи, при первыхъ шагахъ развитія этихъ учрежденій, установленіе взаимнаго согласія между законодательной и исполнительной властью является особенно важнымъ. Для установленія такого согласія исполнительная власть выдѣляетъ изъ себя «кабинетъ»; законодательная власть регулируется господствующей въ парламентѣ «партіей».

Можно сколько угодно декламировать на тему объ искусственности и даже «безнравственности» системы управленія при помощи «кабинета» и «партій». Фактъ тотъ, что историческая жизнь не выдвинула никакихъ другихъ и лучшихъ формъ для того переходнаго—болѣе или менѣе продолжительнаго—періода, который отдѣляетъ патріархальный государственный строй отъ вполнѣ развитого народовластія.

На двухъ противоположныхъ полюсахъ этого политическаго развитія, въ абсолютной монархіи и въ полной демократіи, мы согласны, и «кабинетъ», и «политика партій» теряютъ свое значеніе. Въ восточныхъ монархіяхъ и въ похороненной нынѣ самодержавной Россіи государи вручали исполнительную власть кому хотѣли и до тѣхъ поръ, пока хотѣли. Отвѣтственность министровъ передъ монархомъ была личная, а не коллективная, и сама идея коллективно-отвѣтственнаго кабинета по справедливости считалась подозрительной, какъ первый шагъ къ установленію конституціоннаго порядка. Нечего и говорить, что непринадлежность къ какой-либо партіи, не тотъ

или другой складъ политическихъ мнѣній, а личная надежность или дѣловитость служили основаніемъ для выбора того или другого лица. До нѣкоторой степени сходныя явленія мы видимъ на противоположномъ концѣ политической эволюціи: тамъ, гдѣ «государь-народъ» сколько-нибудь полно замѣнилъ «государя-монарха». Въ Швейцаріи, напр., члены федеральнаго совѣта принадлежатъ къ различнымъ партіямъ и, въ случаѣ неодобренія ихъ предложеній или программъ народными представителями, нисколько не думаютъ уходить въ отставку. Они просто подчиняются волѣ народа, считая себя простыми исполнителями и слугами народа, а не его довѣренными или уполномоченными. Министерской отвѣтственности и «кабинета», въ парламентскомъ смыслѣ, здѣсь вовсе не существуетъ, потому что существуетъ полное личное довѣріе къ избранникамъ народа.

Совсѣмъ иначе стоитъ дѣло тамъ, гдѣ идетъ еще борьба между традиціонными формами власти и идеей народовластія. Въ процессѣ этой борьбы отношенія между исполнительной и законодательной властью поневолѣ теряютъ гибкость и непосредственную приспособляемость. Верховная власть закрывается отъ противнаго лагеря «кабинетомъ», связываемымъ, столь же необходимо, солидарной отвѣтственностью передъ верховной властью монарха. Народъ сосредоточиваетъ борьбу на опредѣленныхъ пунктахъ, составляющихъ очередную политическую «платформу», и довѣряетъ ихъ проведеніе «партіи», также связанной солидарной отвѣтственностью передъ верховной властью народа. Сдѣлать «кабинетъ» кабинетомъ «партіи»—значитъ разрѣшить мирнымъ способомъ задачу борьбы между исполнительной и законодательной властью.

Конечно, въ исторіи представительныхъ учрежденій такой результатъ достигался не сразу. Достаточно напомнить, что въ Англіи, странѣ «неписаной конституціи», «кабинетъ» явился впервые (при Карлѣ II) въ роли орудія придворной интриги («кабель»), что еще въ 1753 г. парламентъ нападалъ на самую идею кабинета, и что до сихъ поръ ни кабинета, ни отвѣтственности министровъ не существуетъ ни въ какомъ писаномъ законѣ. И, тѣмъ не менѣе, пока идея солидарной отвѣтственности кабинета не вошла въ парламентскіе нравы, отвѣтственность министровъ все-таки существовала, но осуществлялась въ болѣе суровыхъ формахъ. «Въ наши дни,—говоритъ по этому поводу Гладстонъ,—отвѣтственность правительственныхъ чиновниковъ не облекается болѣе въ рѣзкія конкретныя формы impeachments и attaindets, какъ прежде...

Нашимъ ultima ratio не является больше угроза для жизни, свободы или имущества, а просто удаленіе со службы».

Какимъ же способомъ достигнуто было это смягченіе старыхъ суровыхъ формъ министерской отвѣтственности? Несомнѣнно, «парламентскимъ режимомъ», т. е. управленіемъ при посредствѣ большихъ политическихъ партій.

Элементарнымъ условіемъ успѣха и побѣды парламентскаго режима является именно то, чтобы партіи были б о л ь ш і я и чтобы большихъ политическихъ партій, способныхъ вести борьбу за власть, было не болѣе двухъ. Конечно, двѣ партіи для цѣлой страны—это слишкомъ мало для выраженія хотя бы главныхъ политическихъ оттѣнковъ; конечно, такія партіи должны поневолѣ ограничиться слишкомъ общей программой—«прогрессивной» или «консервативной» вообще,—и центръ тяжести имъ приходится перенести съ «программы» на «платформу», т. е. на объединеніе по очереднымъ вопросамъ, подлежащимъ непосредственному практическому разрѣшенію. Таковы и есть главныя политическія партіи Англіи и Америки.

Но выгоды подобной партійной группировки слишкомъ очевидны. Въ Германіи, Франціи и Италіи, гдѣ партіи болѣе дробны, для исполнительной власти всегда есть возможность сыграть на партійныхъ комбинаціяхъ, на устройствѣ временныхъ «блоковъ» и «союзовъ». Министерство «раздѣляетъ и властвуетъ»; пораженіе одной партіи въ министерствѣ не ведетъ къ побѣдѣ другой; поэтому, и полной министерской отвѣтственности быть не можетъ; слишкомъ часто вотумъ недовѣрія ведетъ лишь къ частичному обновленію министерства и къ продолженію существованія осужденной правительственной системы. Такъ какъ «правительство» и «оппозиція» при этомъ не мѣняются мѣстами, то страна и общественное мнѣніе привыкаетъ однихъ считать призванными къ власти, другихъ—призванными къ критикѣ, и создается та нездоровая атмосфера отношеній между правителями и управляемыми, которая вытекаетъ изъ того, что одни несутъ отвѣтственность всегда, а другіе—никогда.

Мы не заговорили бы о всѣхъ этихъ чертахъ западной парламентской жизни, если бы не думали, что онѣ имѣютъ ближайшее отношеніе къ тому, что теперь совершается въ Россіи. Привыкнувъ къ болѣе «суровымъ» формамъ политической борьбы, мы слишкомъ легко смотримъ на пользованіе болѣе мягкими формами, какъ на «игру въ парламентъ». Между тѣмъ, болѣе серьезное отношеніе къ парламентскимъ формамъ борьбы чрезвычайно усилило бы дѣйстви-

тельную силу этихъ формъ и заставило бы правительство стараго режима быстро капитулировать передъ ними.

Условія момента, по нашему мнѣнію, чрезвычайно благопріятны для первыхъ шаговъ такой борьбы. У насъ въ думѣ пока даже не двѣ, а одна несомнѣнно господствующая партія, и въ вопросахъ общеполитическихъ у ней нѣтъ соперниковъ. Если теперешнее большинство думы не раздробится на части, борьба министерства съ думой—абсолютно невозможна, и, оставаясь строго въ предѣлахъ предоставленныхъ ей правъ, дума безспорно принудитъ министерство исполнить требованіе народа—уйти въ отставку. Отвѣтственность кабинета будетъ фактически осуществлена, въ ожиданіи пока эта отвѣтственность и формально будетъ оговорена въ законѣ.

Если министерство не уйдетъ, что будетъ тогда? Опять-таки, привыкшіе къ «суровымъ формамъ» борьбы, мы немедленно грозимъ правительству народнымъ возстаніемъ. И, привыкшее тоже къ «суровымъ» формамъ, правительство грозитъ намъ военнымъ заговоромъ, устраиваемымъ придворной кликой.

Не знаемъ, можетъ быть, какъ ultima ratio, и то, и другое имѣетъ шансы осуществиться. Но мы полагаемъ, что едва ли въ интересахъ обѣихъ сторонъ прибѣгать къ этой ultima ratio. Мы думаемъ—быть можетъ, это излишній оптимизмъ,—что уже въ настоящій моментъ борьба могла бы протекать въ болѣе цивилизованныхъ формахъ; и мы думаемъ, что фактически къ этому вынуждаютъ насъ, прежде всего, наши связи съ цивилизованнымъ міромъ. Состояніе нашего кредита лишь рѣзче подчеркиваетъ значеніе этой связи. Опираясь на эту солидарность, мы можемъ и должны дѣйствовать тѣмъ болѣе рѣшительно по существу, чѣмъ мягче будутъ наши дѣйствія по формѣ. Мы выразили недовѣріе министерству и потребовали его отставки. Это наше дѣло мы должны довести до конца; въ немъ мы должны видѣть нашу главнѣйшую, нашу очередную тактическую задачу. Это, конечно, не значитъ, что мы должны забастовать и прекратить всѣ сношенія съ министерствомъ. Кѣмъ-нибудь исполнительная власть должна быть представлена, и поскольку дѣло идетъ о неизбѣжныхъ формальностяхъ, было бы ниже достоинства думы ихъ игнорировать. Но на каждомъ шагу мы должны показывать министерству, что вмѣстѣ съ нимъ работать мы не можемъ. Это—не вопросъ личныхъ отношеній, личныхъ достоинствъ или недостатковъ: это принципіальный вопросъ. Даже консервативный «Temps», который многія изъ нашихъ требованій и стремленій считаетъ утопичными, это

стремленіе признаетъ законнымъ и на немъ совѣтуетъ сосредоточить всѣ силы. Мы должны настоять на замѣнѣ даннаго министерства другимъ, пользующимся довѣріемъ парламентскаго большинства.

126. Невозможность коалиціоннаго министерства *).

Слухи о томъ, что въ Петергофѣ судьба настоящаго министерства рѣшена, становятся все болѣе и болѣе настойчивыми. Мы обыкновенно начинаемъ вѣрить этимъ слухамъ всякій разъ, когда въ редакціонныхъ статьяхъ «Новаго Времени» являются категорическія заявленія о прочности кабинета, а въ статьяхъ своихъ сотрудниковъ газета начинаетъ доказывать возможность кадетскаго министерства. Такъ какъ оба эти признака налицо во вчерашнемъ нумерѣ газеты, то, можетъ быть, будетъ своевременно остановиться на вопросѣ о смѣнѣ министерства.

Неудивительно, прежде всего, что невозможность удержать у власти министерство Горемыкина, наконецъ, окончательно понята въ Петергофѣ. Удивительно только, что для такого простого вывода понадобился цѣлый мѣсяцъ послѣ формальнаго вотума недовѣрія,— цѣлый мѣсяцъ, потраченный на безпощадную борьбу между думой и министерствомъ, обострившій и запутавшій политическое положеніе въ странѣ и возставившій противъ русскаго правительства всю цивилизованную Европу.

Польза изъ этой проволочки, несомнѣнно, есть—и очень значительная, но польза эта не на сторонѣ правительства. Вмѣстѣ съ невозможностью сохранить кабинетъ, теперь приходится признать также и невозможность нѣкоторыхъ другихъ исходовъ, которые мѣсяцъ тому назадъ могли еще казаться пріемлемыми. Кромѣ г. Побѣдоносцева, всѣ, кажется, понимаютъ теперь, что распустить и отсрочить думу уже нельзя, безъ риска огромнаго потрясенія. Дума за мѣсяцъ своихъ «разговоровъ» сдѣлала себя неприкосновенной. Совершенно ясно теперь, что возможнымъ, вообще, является лишь министерство, пріемлемое для государственной думы. Всѣ слухи и толки о новомъ кабинетѣ въ придворныхъ и общественныхъ кругахъ, въ русскихъ и заграничныхъ органахъ прессы вращаются около одного этого центральнаго вопроса: какое именно министерство окажется жизнеспособнымъ, или, что то же, способнымъ работать вмѣстѣ съ думой?

---

*) „Рѣчь“, № 101, 16 іюня.

Судя по всѣмъ слухамъ, которые проникаютъ въ газеты, въ Петергофѣ идутъ къ разрѣшенію этого вопроса довольно страннымъ методомъ. Берутся нѣсколько именъ и повторяются въ различныхъ комбинаціяхъ. Не будемъ перечислять этихъ именъ, скажемъ только, что самое ихъ сопоставленіе въ одномъ спискѣ показываетъ, что въ Петергофѣ до сихъ поръ считаются, главнымъ образомъ, съ лицами, а не съ политическими направленіями. Многія изъ выставляемыхъ кандидатуръ, повидимому, выдвигаются не столько потому, что въ ихъ пользу имѣются нѣкоторыя положительныя соображенія. Принужденныя разстаться противъ воли съ кабинетомъ Горемыкина, высшія сферы, очевидно, ищутъ не такой комбинаціи, которая представляла бы наибольшую пользу, а такой, которая бы, съ ихъ точки зрѣнія, были наименьшимъ зломъ. Безвыходность положенія есть, конечно, основное данное, съ которымъ считаются: но какъ-то хотятъ при этомъ найти исходъ, по возможности не пожертвовавъ положеніемъ. Въ общемъ кораблекрушеніи дума представляется имъ плохо сколоченнымъ, но единственнымъ паруснымъ судномъ, способнымъ держаться на поверхности разбушевавшагося народнаго моря, и невольные пассажиры ищутъ знакомаго со стихіей лоцмана, чтобы добраться съ его помощью до перваго встрѣчнаго парохода.

Въ этихъ поискахъ за людьми, вмѣсто политическихъ программъ, мы видимъ то же элементарное государственное непониманіе, которое привело и къ настоящему кризису. Дѣло теперь не въ новой фирмѣ, не въ лицахъ, болѣе или менѣе незапятнанныхъ, болѣе или менѣе популярныхъ; дѣло не во внѣшней реабилитаціи, при сохраненіи внутренней сущности. Дѣло въ рѣшительной и безповоротной перемѣнѣ всего курса,—перемѣнѣ, всѣмъ видимой, для всѣхъ понятной, перемѣнѣ, гарантированной не только надежностью лицъ, но и возможностью контролировать ихъ дѣйствія. Выбирать здѣсь лицъ, почему либо болѣе пріятныхъ или менѣе непріятныхъ,—нельзя: надо выбирать направленія, и предоставить выбраннымъ направленіямъ предложить людей, для нихъ пріемлемыхъ. Если хотятъ, чтобы общественные дѣятели вложили въ трудное дѣло управленія всю ту силу, которую имѣетъ въ странѣ представленное ими направленіе, и весь свой нравственный авторитетъ, накопленный ихъ предыдущей дѣятельностью, тогда уже нельзя входить въ приватные переговоры и выбирать изъ готовой программы то, что нравится, выбрасывая то, что не подходитъ. Нельзя торговаться съ жизнью, приставляя носъ Ивана Петровича къ губамъ Ивана Ивановича;

надо брать живое, какъ оно есть, или не брать его вовсе. Обмануть тутъ нельзя, и жестоко былъ бы наказанъ всякій, кто, въ настоящемъ критическомъ и отвѣтственномъ положеніи родины, попытался бы это сдѣлать. Въ концѣ концовъ, онъ обманулъ бы только самого себя.

Положеніе дѣлъ не таково, чтобы намъ нужно было вдаваться теперь же въ болѣе детальныя соображенія о будущемъ министерствѣ. Пока мы хотѣли только высказать нѣкоторыя «пролегомены ко всякому будущему министерству». При всей кажущейся отвлеченности, эти «пролегомены» даютъ возможность сразу устранить не мало комбинацій, кажущихся практическими. Устранить ихъ— значитъ сдѣлать большую часть дѣла.

127. Есть ли почва въ думѣ для к. д. министерства? *).

Ниже мы помѣщаемъ критическую статью по вопросу, поставленному г. Г. А. Л. въ «Нашей Жизни»: «Возможно ли кадетское министерство». Нашъ сотрудникъ показалъ, въ какой степени схоластичны разсужденія г. Г. А. Л. и въ какой степени эта схоластичность мѣшаетъ реальной оцѣнкѣ момента. Мы не будемъ гадать, вслѣдъ за г. Г. А. Л., какой степени «рѣшимости» можно ожидать въ настоящую минуту «отъ мужества правительственнаго отчаянія» и захочетъ ли корона обратиться къ «кадетамъ». Не станемъ и взвѣшивать «соотношенія силъ», на разборѣ котораго г. Г. А. Л. основываетъ свои соображенія о необходимости «коалиціи» для партіи народной свободы съ трудовой группой и лѣвыми группами и о невозможности коалиціи съ правыми элементами. Сдѣлаемъ только нѣсколько практическихъ замѣчаній.

Партія к.-д. въ думѣ, замѣчаетъ г. Г. А. Л., состоитъ изъ 177 членовъ: слѣдовательно, у нея нѣтъ большинства. Мы предлагаемъ г. Г. А. Л. пересмотрѣть всѣ протоколы думскихъ засѣданій и отыскать въ нихъ хоть одно голосованіе, въ которомъ, при единствѣ взгляда въ самой к.-д. партіи, большинство не оказалось бы на ея сторонѣ. Затѣмъ, мы попросимъ его вспомнить всѣ голосованія по вопросамъ первостепенной важности, особенно вопросамъ тактическимъ,—и сказать намъ: чѣмъ объясняется, по его мнѣнію, почти полное единодушіе государственной думы почти во всѣхъ этихъ случаяхъ?

---

*) „Рѣчь“, № 103, 18 іюня.

Отвѣтъ, конечно, мы могли бы найти въ той же самой статьѣ г. Г. А. Л. Онъ самъ отмѣчаетъ, что дума теперь дѣлаетъ такое дѣло, которое почти всегда оказывается дѣломъ в с ѣ х ъ партій думы. Настоящей п р а в о й въ думѣ нѣтъ—или немногіе ея представители упорно молчатъ и голосуютъ съ большинствомъ. Достаточно ознакомиться съ аграрнымъ проектомъ гр. Гейдена и его группы «прогрессистовъ», чтобы увидѣть, какъ полѣвѣли въ думѣ эти правые элементы и какъ они далеко ушли отъ точки зрѣнія даже «союза 17-го октября». Настроеніе въ думѣ по многимъ вопросамъ о д н о и это, конечно, правильно объясняется самимъ г. Г. А. Л., какъ послѣдствіе той о т р и ц а т е л ь н о й работы «государственной расчистки», которую дѣлаетъ въ данный моментъ государственная дума. Пока будетъ стоять на очереди э т а работа, собственно и намѣченная на первую очередь партіей к.-д., полагаетъ ли г. Г. А. Л., что партія народной свободы не будетъ имѣть за собой большинства думы?

Если онъ этого не полагаетъ, то почему считаетъ онъ нужнымъ говорить о «коалиціонномъ» министерствѣ? Участіе трудовой группы въ министерствѣ въ настоящее время не является возможнымъ— не только потому, что, по несчастью, среди личнаго состава этой группы не имѣется достаточно подготовленныхъ для этой роли лицъ, но и потому, что едва ли ея руководители пожелаютъ перемѣнить свою политическую позицію на то гораздо менѣе благодарное положеніе, которое имъ пришлось бы занять въ министерствѣ». Слѣдуетъ ли, однако, изъ этой невозможности «коалиціоннаго» министерства «кадетовъ» и лѣвыхъ выводить несуществованіе думскаго большинства? Очевидно, нѣтъ; очевидно, что до тѣхъ поръ, по крайней мѣрѣ, пока партія к.-д. будетъ продолжать выполнять свою «подготовительную» задачу, постоянное и прочное большинство въ думѣ ей совершенно обезпечено.

Но мы идемъ далѣе. Дѣйствительно, з а п и с а л о с ь формально въ парламентскую фракцію партіи народной свободы около 170 членовъ, но число депутатовъ, сочувствующихъ партіи и обыкновенно голосующихъ съ нею, значительно болѣе: можетъ быть, даже, при болѣе тщательномъ подсчетѣ, оно составитъ абсолютное большинство. Съ партіей народной свободы идетъ значительная часть націоналистовъ и безпартійныхъ; ей симпатизируетъ также не мало членовъ трудовой группы; съ нею идетъ вмѣстѣ партія демократическихъ реформъ; наконецъ, отдѣльные члены правыхъ группъ во многихъ случаяхъ голосуютъ съ «кадетами». Цифровыя данныя, насколько

они могутъ быть доказательны при нѣкоторомъ колебаніи политическихъ мнѣній отдѣльныхъ депутатовъ, собраны и разработаны г. Бородинымъ: они подтверждаютъ нашъ тезисъ. По свѣдѣніямъ г. Бородина, въ числѣ безпартійныхъ сочувствуютъ к.-д. 25 человѣкъ, въ составѣ трудовой группы — 26; если прибавить сюда 18 сторонниковъ партіи демократическихъ реформъ, то уже получится абсолютное большинство (240), а мы еще не считали мусульманъ (34) и польское коло (31).

Далѣе, трудно было бы представить себѣ такое сочетаніе партій, стоящихъ внѣ партіи народной свободы, при которомъ могло бы получиться (за исключеніемъ случайныхъ голосованій) большинство, сколько нибудь устойчивое, п р о т и в ъ партіи народной свободы. Для этого трудовикамъ пришлось бы соединиться съ правыми и съ автономистами, что невозможно по самому характеру ихъ программъ, и было бы возможно только тогда, если бы не было слишкомъ могущественныхъ интересовъ, слишкомъ важныхъ очередныхъ задачъ, заставляющихъ в с ѣ партіи группироваться около партіи народной свободы. Къ счастью, партійной борьбы для борьбы не существуетъ въ думѣ, и партійнаго ожесточенія, которое бы заставило забыть объ общемъ дѣлѣ, до сихъ поръ совершенно не замѣчается.

Наконецъ, существуетъ еще одно обстоятельство, которое, при всей трудности положенія, гарантировало бы значительную степень прочности министерству изъ думскаго большинства. Это было бы п а р л а м е н т а р н о е министерство, т. е. такое, которое держалось бы исключительно на довѣріи думы. Лишить его этого довѣрія— значило бы его низвергнуть: и до тѣхъ поръ, пока паденіе «кадетскаго» министерства грозило бы вступленіемъ во власть министерства болѣе праваго или прямо реакціоннаго, простое благоразуміе заставило бы думу идти вмѣстѣ съ министерствомъ и обезпечивать ему большинство, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока не кончилась бы «политическая чистка», или пока министерство не нарушило бы своихъ обязательствъ по отношенію къ очереднымъ задачамъ, которыя оно должно было бы преслѣдовать.

Нашъ выводъ изъ этихъ соображеній, конечно, не похожъ на выводы г. Г. А. Л. Не будемъ говорить о «неизбѣжности» министерства изъ думскаго большинства. Скажемъ только, вопреки г. Г. А. Л., что и по техническимъ, чисто-парламентскимъ, соображеніямъ, и по общему «соотношенію силъ» такое министерство будетъ всего прочнѣе и сильнѣе, если оно будетъ не коалиціоннымъ, а чисто-кадетскимъ. Появленіе въ немъ лицъ, стоящихъ внѣ партіи

к.-д., могло бы вызываться только личными качествами этихъ лицъ, а отнюдь не необходимостью подкрѣплять партію народной свободы союзами съ другими группами.

128. Мысли Д. Ѳ. Трепова о к. д. министерствѣ *).

По слѣдамъ гр. Витте, Д. Ѳ. Треповъ обратился къ услугамъ заграничной печати, чтобы довести до общаго свѣдѣнія взглядъ,—очевидно не только свой личный,—на современное политическое положеніе. Опубликованное агентствомъ Рейтера въ Лондонѣ интервью съ Д. Ѳ. Треповымъ, дѣйствительно, очень интересно и заслуживаетъ самаго внимательнаго разбора. Всего обстоятельнѣе текстъ интервью напечатанъ въ «Новомъ Времени», имѣвшемъ, очевидно, непосредственныя свѣдѣнія. Статья той же газеты «Темная дума» представляетъ, повидимому, офиціозный комментарій къ интервью. Это особенно ясно при сопоставленіи этой статьи съ передовицей «Россіи»,—газеты, дающей «свѣдѣнія о дѣйствительныхъ взглядахъ и предположеніяхъ правительства», какъ это явствуетъ изъ офиціальнаго циркуляра г. Столыпина, напечатаннаго въ «Странѣ». Весь этотъ матеріалъ, появившійся въ печати третьяго дня, бросаетъ новый свѣтъ на причины «нерѣшительности и медлительности правительства» по вопросу о перемѣнѣ кабинета.

Мнѣніе Д. Ѳ. Трепова сводится къ тому, что теперь государственная дума едина и радикальна, потому что «всѣ партіи объединяются желаніемъ свергнуть старый режимъ». Когда эта политическая задача будетъ достигнута, тогда «воцарится въ думѣ мирное настроеніе». Но эта цѣль не можетъ быть достигнута ни при какомъ среднемъ рѣшеніи. «Ни коалиціонное министерство, ни министерство, взятое внѣ думы, не дадутъ странѣ успокоенія». Новое министерство должно быть образовано изъ «кадетовъ», «потому что они—сильнѣйшая партія въ думѣ». Теперь она «даетъ свободу дѣйствій» трудовикамъ, «чтобы напугать правительство близостью революціонной опасности»; но «когда центръ будетъ призванъ къ власти», то «союзъ думскаго центра и трудовиковъ будетъ разорванъ». «Конечно,—соглашается Д. Ѳ. Треповъ,—кадетское министерство сопряжено съ большимъ рискомъ, но страна находится въ такомъ положеніи, что слѣдуетъ пойти на этотъ рискъ. Если даже

*) „Рѣчь“, № 110, 27 іюня.

это средство не поможетъ, придется—и только тогда—обратиться къ крайнимъ средствамъ».

Статьи «Россіи» и «Новаго Времени», имѣя въ виду возрастающіе шансы кадетскаго министерства, особенно настойчиво подчеркиваютъ элементъ «риска» и не прочь, повидимому, посовѣтовать немедленно же обратиться къ «крайнимъ средствамъ». Главное возраженіе противъ «кадетовъ»—ихъ двойственность. «Трудовики»—совершенно ясны. Это—революція, вооруженное возстаніе». А партія к.-д. «сдѣлала всѣ усилія, чтобы скрыть свою настоящую сущность, которая ни для кого не ясна». «Россія» вторитъ въ томъ же тонѣ: «мы бы поняли думу, если бы она честно и открыто объявила народу, что она—органъ революціонныхъ партій... Дума, однако, поступаетъ много коварнѣе. У нея два лица: одно, которое обращено направо и которое готово почтительно завѣрять, что, если бы только передать въ ея руки власть, водвореніе порядка было бы обезпечено; и другое, которое обращено налѣво и которое, загадочно улыбаясь, проситъ дать срокъ, чтобы тѣмъ вѣрнѣе можно было нанести давно обѣщанные удары»...

Переходя къ разбору офиціальныхъ и офиціозныхъ разсужденій, мы должны, прежде всего, констатировать, что, судя по интервью съ Д. Ѳ. Треповымъ, пониманіе политическаго положенія стало теперь значительно яснѣе, чѣмъ было прежде. Очевидно, принятъ и усвоенъ нашъ тезисъ, что страну можно успокоить не ранѣе, чѣмъ внесена будетъ полная ясность въ положеніе, что равносильно рѣшительному и открытому отказу отъ возвращенія къ старому режиму. Нуженъ, выражаясь словами органа меньшевиковъ «Голосъ Труда», рѣшительный «переходъ отъ мнимо-конституціоннаго строя къ дѣйствительной конституціи». Принимается, далѣе, и второй нашъ тезисъ, тоже ставшій понятнымъ и безспорнымъ сверху до низу: такую рѣшительную перемѣну можетъ внести въ положеніе лишь «чистое» парламентское министерство. «Ни коалиціонное министерство, ни министерство, взятое внѣ думы, не дадутъ странѣ успокоенія,—говоритъ Д. Ѳ. Треповъ.—«Образованіе смѣшаннаго министерства изъ чиновниковъ и депутатовъ сдѣлало бы процессъ перехода власти въ руки народныхъ представителей крайне затяжнымъ и болѣзненнымъ «для народа», говоритъ «Голосъ Труда».

Мы недаромъ сопоставили эти почти тождественныя оцѣнки положенія, согласныя съ нашей собственной оцѣнкой, но идущія съ противоположныхъ полюсовъ нашей политической жизни. Самое это

сопоставленіе заставляетъ насъ, однако, возражать противъ дальнѣйшихъ замѣчаній Д. Ѳ. Трепова. Онъ полагаетъ, что, получивъ власть, думскій «центръ» разорветъ съ думскими революціонерами, къ которымъ онъ причисляетъ трудовиковъ. Мы много разъ высказывали свое отношеніе къ революціонному движенію, и всякій, кто слѣдилъ за нашими газетными статьями, хорошо знаетъ, что главный смыслъ нашей тактики заключается въ томъ, чтобы направить само революціонное движеніе въ русло парламентской борьбы. Для насъ—укрѣпленіе привычекъ свободной политической жизни есть способъ не продолжить революцію, а прекратить ее. Но прекратить революцію нельзя, борясь съ ней старыми полицейскими средствами. Повидимому, тѣ, кто требуетъ отъ насъ, чтобы мы выказались опредѣленно и ясно п р о т и в ъ революціи, исходятъ изъ совершенно иного пониманія; мы бы сказали,—изъ глубокаго непониманія того, что такое революція. По словамъ Д. Ѳ. Трепова, «главная сила революціи заключается въ томъ, что она располагаетъ теперь почти всею прессою». Если такъ, то это сила небольшая: стоитъ только закрыть въ одинъ прекрасный день всѣ органы прессы,—и революція прекратится. Мы считаемъ революцію явленіемъ болѣе глубокимъ и серьезнымъ и, пользуясь нашими сужденіями о революціонномъ движеніи, «Россія» спѣшитъ побить насъ съ другого фланга. «Если дума безсильна удержать «лѣвыхъ» отъ «болѣе грандіознаго выступленія»,—говоритъ эта газета,—«то она сама подписываетъ себѣ смертный приговоръ. Ея нынѣшній составъ признаетъ себя безсильнымъ, а потому и ненужнымъ въ политической борьбѣ страны. Борьба опять сосредоточивается между правительствомъ и соціальной революціей, а благонамѣренные защитники политической свободы должны будутъ смолкнуть на долгое время».

Вотъ уже, по истинѣ, incidit in Scyllam, qui vult vitare Charybdam! Нѣтъ, съ Божьей помощью, русская революція не такъ слаба, чтобы ей можно было заткнуть ротъ репрессіей; но она и не такъ сильна, чтобы благонадежные защитники «политической свободы» должны были сложить руки и представить исходъ борьбы единоборству «чернаго» съ «краснымъ». Неблагоразумные голоса, которые и справа, и слѣва рвутся въ это единоборство, должны смолкнуть передъ среднимъ теченіемъ, которое пробиваетъ себѣ все болѣе широкое русло. Но, чтобы это теченіе какъ можно больше углубить и расширить, в ъ н е г о надо направить элементы, бывшіе до сихъ поръ революціонными; надо все освободительное движеніе

заставить перемѣнить методъ и пріемы борьбы: и вотъ этого-то не понимаютъ люди, обвиняющіе насъ въ хамелеонствѣ и двуличномъ лавированіи между революціей и порядкомъ. Задача наша была бы проста, если бы она состояла только въ прямомъ укрощеніи революціонеровъ, но она была бы тогда и безнадежна, такъ какъ это была бы въ сущности старая задача—штыками побѣдить идеи; побѣдить всю Россію съ помощью быстро тающей, хотя и до зубовъ вооруженной кучки людей, заинтересованныхъ лишь въ собственномъ самосохраненіи. Въ самомъ дѣлѣ, кто теперь не революціонеръ въ Россіи? Наша задача не въ томъ, чтобы возводить новыя укрѣпленія на заранѣе потерянной позиціи; наша задача — разоружить революцію, заинтересовавъ ее въ сохраненіи новаго порядка; и, чтобы достигнуть этой цѣли, надо, конечно, прибѣгать къ инымъ пріемамъ, чѣмъ тѣ, которые практиковались доселѣ.

Теперь нѣсколько словъ объ этихъ пріемахъ. Мы не будемъ исчерпывать ихъ полностью, а коснемся ихъ лишь постольку, поскольку они затронуты въ интервью Д. Ѳ. Трепова.

Д. Ѳ. Треповъ полагаетъ, что возможно говорить о «кадетскомъ» министерствѣ,—и въ то же время «безусловно отвергать принципъ экспропріаціи». Это какъ разъ самый яркій примѣръ для различенія тѣхъ пріемовъ, которые плодятъ революцію, отъ тѣхъ, которые ее обезоруживаютъ. Министерская декларація о «безусловной недопустимости» принудительнаго отчужденія сыграла роль самой опасной революціонной прокламаціи. Если теперь въ Россіи происходятъ аграрные безпорядки, то главными виновниками ихъ слѣдуетъ признать г.г. Столыпинскаго и Гурко. Правда г.г. Столыпинскіе не замѣчаютъ революціи изъ своихъ канцелярій, какъ г. Меньшиковъ не замѣтилъ ее изъ оконъ вагона, но отъ этого положеніе не становится легче. Наоборотъ, какъ только стало извѣстнымъ на мѣстахъ (намъ этотъ фактъ извѣстенъ относительно тульской губ.), что аграрная комиссія думы окончательно приняла начало «принудительнаго отчужденія», такъ сейчасъ же населеніе стало успокаиваться и согласилось терпѣть и ждать. Естественно, что тѣ, кто желаетъ, чтобы «кадеты» попробовали разоружить революцію, должны принять ихъ принципъ экспропріаціи, а тѣ, кто хочетъ подливать масло въ огонь, пусть распространяютъ министерскія деклараціи и правительственныя сообщенія о земельной реформѣ. Кадеты, во всякомъ случаѣ, этого дѣлать не будутъ.

Другой примѣръ: Д. Ѳ. Треповъ находитъ «невозможнымъ говорить» и о полной амнистіи. Тогда перестанемъ ужъ говорить и о

кадетскомъ министерствѣ. Свой адресъ дума закончила словами о полной амнистіи: «есть требованія народной совѣсти, въ которыхъ нельзя отказывать, съ исполненіемъ которыхъ нельзя медлить». Полная амнистія объявлялась «первымъ залогомъ взаимнаго пониманія и взаимнаго согласія между царемъ и народомъ». Нѣтъ этого залога—нѣтъ и взаимнаго пониманія и согласія.

Никакая большая политическая партія не можетъ отказываться отъ власти, если обстоятельства призываютъ ее на чреду государственнаго служенія. Партія народной свободы уже въ январѣ этого года предвидѣла возможность наступленія этихъ обстоятельствъ и неизбѣжность того, что для партіи составляетъ тяжкую жертву. Эту жертву партія готова принесть, но подъ однимъ условіемъ: не отказываться отъ своей внутренней сущности и у власти остаться тѣмъ, чѣмъ она была у избирательныхъ ящиковъ. Тѣ, кто упрекаетъ партію въ «хамелеонствѣ», упускаютъ изъ виду тотъ объективный фактъ, что партія народной свободы о д н а только изъ всѣхъ открытыхъ политическихъ партій сразу твердо установила свои партійные взгляды, устойчиво держалась выработанной съ самаго начала программы и тактики, несмотря на всѣ колебанія политическаго настроенія въ странѣ, и донесла цѣликомъ свои убѣжденія отъ того момента, когда впервые сложилось ея ядро, до того, когда является возможность воплотить эти убѣжденія въ жизнь. Высокія волны общественныхъ бурь перекатывались влѣво за партію народной свободы, и общественное настроеніе отливало далеко направо; партія сперва служила осью освободительнаго движенія, потомъ одно время очутилась въ лѣвыхъ рядахъ; теперь она считается чуть-ли не правой. Но всѣ эти перемѣны только мнимыя: это только послѣдствія устойчивости партіи. То, что невнимательные наблюдатели считаютъ ея «хамелеонствомъ», есть только слѣдствіе ея постоянства.

6. Дума и государственный совѣтъ.

129. Нежизнеспособность государственнаго совѣта и способы его реформы *).

За бурными преніями въ государственной думѣ первые шаги дѣятельности преобразованнаго государственнаго совѣта прошли совершенно незамѣтно. Въ Таврическомъ дворцѣ Россія громко, на

*) „Рѣчь“, № 67, 7 мая.

глазахъ у всего міра, праздновала свое торжественное вступленіе въ періодъ политической свободы; и въ то же время съ задняго крыльца исторіи прокрадывались павшіе боги стараго порядка, загримированные пэрами новой конституціонной монархіи. Вяло и безжизненно потянули они свою новую лямку; достаточно заглянуть въ залу ихъ засѣданій, съ его покойными бархатными креслами, съ его престарѣлымъ предсѣдателемъ, котораго никто не слышитъ и никто не слушаетъ, съ высокопоставленными ораторами, изрѣдка снисходящими до связныхъ рѣчей, выслушиваемыхъ съ чувствомъ празднаго любопытства и затаеннаго злорадства, съ лѣнивымъ sans-gêne людей, привыкшихъ чувствовать себя среди своихъ, съ небрежной процедурой и съ никого не интересующимъ порядкомъ дня,—достаточно взглянуть на это сонливое, шамкающее царство тѣней, чтобы почувствовать себя въ какомъ-то гниломъ, заплеснѣвшемъ склепѣ, уцѣлѣвшемъ по какому-то капризу судьбы среди новыхъ, чуждыхъ формъ живой жизни.

Тамъ, при яркомъ свѣтѣ дневного солнца, раздался могучій призывъ: амнистія!—и здѣсь, въ гробовой полутьмѣ, онъ отозвался глухими отдаленными звуками: отозвался и замеръ. Но снова и снова несутся извнѣ призывные звуки: и столѣтнія ночныя птицы начинаютъ тяжело шевелиться. Часть ихъ, однако, спѣшитъ только глубже забиться во мракъ. Другія, болѣе приспособляемыя, тускло реагируютъ на свѣтъ и, не мѣняя мѣста, принимаютъ только болѣе удобную позу. Бѣдныя, подвижныя дневныя птицы, случайно сюда залетѣвшія съ новыми пѣснями: неудобно, неуютно имъ въ старомъ склепѣ, и пѣсня смолкаетъ подъ свинцовымъ взглядомъ, нѣтъ имъ здѣсь мѣста!

Вотъ общее впечатлѣніе преобразованнаго учрежденія, призваннаго конкурировать съ государственной думой и налагать на жизнь печать смерти. Когда столкнутся они: завтра, послѣ-завтра, черезъ мѣсяцъ? Уступятъ ли старыя руины, какъ уступаетъ гнилое дерево первому толчку; или для ихъ защиты выдвинуты будутъ новые контрфорсы? Будущее темно; но живые думаютъ о живыхъ и о государственномъ совѣтѣ вспоминаютъ только тогда, когда рѣчь заходитъ объ его уничтоженіи.

Немного дней прошло со времени преобразованія стараго учрежденія, но уже высказано нѣсколько предположеній о томъ, какъ его передѣлать въ духѣ новаго политическаго строя, на которомъ онъ лежитъ какимъ-то мрачнымъ пятномъ, какой-то безобразной заплатой. Два плана обсуждались особенно обстоятельно.

Одинъ изъ нихъ принадлежитъ Д. Н. Шипову; въ думѣ его защищалъ М. М. Ковалевскій. По этому плану государственный совѣтъ долженъ быть возвращенъ къ тому, чѣмъ онъ первоначально предназначался быть: административнымъ совѣтомъ при государѣ, со спеціальной цѣлью помогать монарху въ сферѣ верховнаго управленія. Выборные члены при этомъ должны быть выведены изъ государственнаго совѣта и онъ вновь долженъ превратиться въ собраніе коронныхъ чиновниковъ.

Другой планъ хочетъ не возвращать государственный совѣтъ назадъ, а развивать его дальше съ той полудороги, на которой остановилось преобразованіе 20-го февраля. Если государственный совѣтъ долженъ быть учрежденіемъ законодательнымъ, а не административнымъ, то надо составить его цѣликомъ изъ выборныхъ представителей и окончательно вывести изъ него чиновниковъ. Тогда государственный совѣтъ превратится въ верхнюю палату. О способахъ выбора въ нее представителей могутъ идти дальнѣйшіе споры; можно выбрать для второй палаты болѣе или менѣе демократическую избирательную систему; можно болѣе или менѣе сузить его функціи сравнительно съ нижней палатой. Но это уже подробности, рѣшать которыя придется впослѣдствіи.

Какъ извѣстно, часть членовъ партіи народной свободы стоитъ за учрежденіе двухъ палатъ: для этой части проектъ уничтоженія государственнаго совѣта путемъ превращенія его въ верхнюю палату, составленную изъ представителей отъ органовъ мѣстнаго самоуправленія, преобразованныхъ на началѣ всеобщаго, прямого равнаго и тайнаго голосованія,—представляется наиболѣе легкимъ и удобнымъ исходомъ изъ теперешняго положенія.

Сторонники однопалатной системы, если имъ придется выбирать изъ двухъ золъ наименьшее, вѣроятно, предпочли бы вернуть государственный совѣтъ къ положенію высшаго административнаго органа. Это могло бы на время закрѣпить его обветшалый личный составъ; но это оставило бы открытымъ вопросъ о созданіи особой верхней палаты. Вотъ почему намъ кажется, что изъ двухъ плановъ, какіе могутъ быть выдвинуты на очередь въ ближайшемъ будущемъ, предпочтительнѣе не тотъ, который кажется на первый взглядъ болѣе радикальнымъ, а тотъ, который кажется болѣе консервативнымъ: планъ Д. Н. Шипова и М. М. Ковалевскаго. Съ наименьшей ломкой онъ достигаетъ цѣли, которая, какъ временная, признается одинаково обѣими частями партіи народной свободы: онъ оставляетъ въ наличности одну палату и этой единой

палатѣ народныхъ представителей, послѣ ея созыва на основаніи всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія, предоставляетъ выработать тотъ «основной законъ», который уже окончательно долженъ опредѣлить, быть ли въ Россіи одной палатѣ или двумъ.

130. Маленькій образчикъ государственной мудрости *).

Рѣчь гр. Витте.

У Томаса Мора есть стихотвореніе приблизительно такого содержанія: «Былъ маленькій, маленькій человѣкъ, онъ сказалъ маленькую, маленькую рѣчь и, когда онъ ее сказалъ, то ему казалось, что никогда еще онъ себя не чувствовалъ такимъ маленькимъ, маленькимъ».

Графъ Витте—большой человѣкъ и онъ сказалъ большую рѣчь въ государственномъ совѣтѣ и, можетъ быть, сказавъ ее, онъ почувствовалъ себя очень большимъ человѣкомъ. Это была политическая maiden-speech графа Витте. До сихъ поръ онъ преподавалъ уроки государственной мудрости въ своемъ кабинетѣ, или во всеподданнѣйшихъ докладахъ, или черезъ иностранныхъ и русскихъ интервьюеровъ, которыхъ всегда можно было, при нуждѣ, опровергнуть. И вотъ теперь онъ вышелъ изъ своихъ secreta secretorum, явился передъ толпой,—конечно, не уличной—,а передъ златоносной звѣздной толпой государственнаго совѣта. Простые смертные изъ міра печати могли внимать политическому фальцету графа Витте и стенографически записали его большую рѣчь. Мы ее читаемъ... и не находимъ великой: мы находимъ ее маленькой, маленькой...

Графъ Витте за амнистію. Онъ за амнистію не потому, чтобы придавалъ ей большое значеніе. О, нѣтъ, напротивъ, онъ не придаетъ ей значенія. «Она имѣла бы значеніе, если бы была всепрощеніемъ, прощеніемъ для дѣйствительно виновныхъ. Но виновныхъ нельзя прощать: амнистія должна быть прощеніемъ для невинныхъ, «невинно пострадавшихъ». Тогда, хотя она и не будетъ имѣть значенія, но зато не произведетъ новой революціи. Въ міровой исторіи всегда такъ бывало, что амнистіи не имѣли никакого значенія. И можно ли допустить, что можетъ быть такая амнистія, которая бы имѣла значеніе? Вѣдь революціи производятся не амнистіями. Нѣтъ, революціи производятся ненавистью. Уничтожьте нена-

*) „Рѣчь“, № 67, 7 мая.

висть, тогда явится покой. Но вы не можете уничтожить ненависти. Ненависть существуетъ издавна и коренится глубоко. Чтобы уничтожить ненависть, нужно уничтожить всѣ имущественныя неравенства, нужно нивеллировать состоянія. А это значитъ обратить русскій народъ въ стадо. Этому ужаснется весь цивилизованный міръ (слышится легкій смѣхъ). Въ цивилизованномъ мірѣ, правда, нѣтъ надобности нивеллировать состоянія, чтобы устранить ненависть. Ненависть можно устранить сознаніемъ и уваженіемъ къ чужому имуществу, личности, наукѣ (смѣхъ), культурѣ и закону (опять смѣхъ). Ненависть уничтожается справедливостью... Что? Вы говорите, что справедливость требуетъ амнистіи? Вы говорите, что въ основѣ нѣкоторыхъ преступленій лежитъ любовь? Любовь къ чему? Къ власти? Къ почету? Къ чужому имуществу? Да, я говорю вамъ: тѣ люди, эти толпы хотятъ нарушить собственность (громкій смѣхъ); они насъ окончательно разорятъ; мы потеряемъ уваженіе всѣхъ культурныхъ людей (громкій смѣхъ). Вы спрашиваете, чѣмъ можно пріобрѣсти это уваженіе? Порядкомъ, милостивый государь, порядкомъ, водвореніемъ порядка! Вотъ почему я за такую амнистію, которая не имѣетъ значенія, за ненависть, которой нельзя искоренить безъ нивеллировки, хотя и можно искоренить справедливостью и уваженіемъ къ закону; за революцію, которой нельзя избѣжать, не искоренивъ ненависти; противъ любви, потому что подъ любовью понимаю только любовь къ чужому имуществу! И превыше всего—да здравствуетъ порядокъ»!

Нашъ хроникеръ, истощивъ всю восходящую лѣстницу своихъ ремарокъ (легкій смѣхъ, смѣхъ, громкій смѣхъ), ничего не нашелъ въ своемъ репертуарѣ, чтобы обозначить настроеніе, вызванное въ слушателяхъ послѣднимъ аккордомъ. Вотъ почему мы не знаемъ, надо ли тутъ прибавить въ скобкахъ: гомерическій хохотъ, или, напротивъ, испугъ, или же, наконецъ:» крики негодованія.

131. Пренія о смертной казни въ государственномъ совѣтѣ *).

Государственный совѣтъ велъ себя очень корректно въ теченіе всѣхъ двухъ мѣсяцевъ работы народнаго представительства. Его полное безсиліе въ борьбѣ реальныхъ политическихъ силъ символизировалось полнымъ бездѣйствіемъ, на которое никто не жаловался.

*) „Рѣчь“, № 112, 29 іюня.

Почтенному учрежденію, служившему наглядным доказательством того, как худо вливать новое вино въ старые мѣхи, почти удалось заставить всѣх забыть о его существованіи. Трудно говорить о том, что было бы, если бы министерство сумѣло избѣжать — или, по крайней мѣрѣ, отсрочить—немедленный конфликт съ думой; но так, как пошло дѣло въ дѣйствительности, самым жизненным вопросом момента—вопросом, от рѣшенія котораго ставили въ зависимость успѣх или неуспѣх всей работы думы, сдѣлался вопрос о низверженіи министерства и о замѣнѣ его министерством изъ большинства. О том, что и государственный совѣт может послужить не меньшей, если не большей помѣхой для нормальной дѣятельности думы, как-то совсѣм забыли; или, если и вспоминали, то не придавали этому обстоятельству особаго значенія. Бюрократія, съ одной стороны, народное представительство, съ другой,— вот были тѣ реальныя силы, между которыми слѣдовало рѣшить споръ о новом строѣ: государственный совѣт, разумѣлось само собой, послѣдует за тѣм, кто окажется побѣдителем въ спорѣ.

Однако, споръ еще не рѣшен, а государственный совѣт напоминает о себѣ своими колоритными разсужденіями по поводу думскаго законопроекта о смертной казни. Громоздкая, тяжеловѣсная машина поневолѣ заработала, и общественное вниманіе поневолѣ привлечено къ оцѣнкѣ этой работы, как новаго возможнаго фактора въ безъ того уже запутанном политическом положеніи.

Как можно было предвидѣть, въ совѣтѣ послышалось немного рѣчей, которыя можно было бы ожидать услышать и въ думѣ. Значительное количество государственных совѣтников говорили так, как не говорят теперь и на министерских скамьях. И если общій лозунг теперь—по возможности не мѣшать работѣ думы, то въ государственном совѣтѣ лозунг этот значительно видоизмѣняется. «За страх» здѣсь тоже мѣшать не будут; но нашлось немало людей, которые готовы помѣшать «за совѣсть». Конечно, это тѣ, которым нельзя предписать соблюдать лозунг: это не чиновники, а «избранники». Общая равнодѣйствующая въ данном случаѣ, может быть, сложится довольно близко къ рѣшенію думы. Но самая возможность, что думскія постановленія будут, вообще, измѣняться, не может не волновать умов. И тѣм сильнѣе будет волненіе, чѣм отклоненіе въ этом первом, самом ясном, непререкаемом и безспорном для думы вопросѣ окажется больше.

Въ странѣ, съ такими древними и так прочно укоренившимися учрежденіями, как англійскія, всякое коренное разногласіе по

основнымъ вопросамъ законодательства между палатой лордовъ и палатой общинъ постоянно поднимаетъ вопросъ объ уничтоженіи верхней палаты незаконныхъ законодателей. Что же будетъ у насъ, при учрежденіяхъ, только-что созданныхъ, призванныхъ разрѣшать на первыхъ порахъ исключительно коренные и основные вопросы, по которымъ малѣйшее разногласіе уже отзывается болѣзненно въ народной душѣ?

Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что огромное большинство сознательныхъ элементовъ въ странѣ не признаетъ государственнаго совѣта настоящимъ представительнымъ учрежденіемъ, и если оно не особенно часто и рѣзко объ этомъ заявляетъ, то только потому, что существованіе совѣта представляется самымъ малымъ въ ряду существующихъ препятствій для правильнаго законодательства. Какъ только опасность съ этой стороны возрастетъ и станетъ сколько-нибудь осязательной,—съ удвоенной силой разовьется и народный протестъ. Можно быть увѣреннымъ, что не только непринятіе, но даже и неполное принятіе государственнымъ совѣтомъ думскаго проекта послужитъ сигналомъ къ кампаніи противъ государственнаго совѣта.

Вопросъ объ упраздненіи или, по крайней мѣрѣ, о коренной реформѣ государственнаго совѣта есть, во всякомъ случаѣ, лишь вопросъ времени. Отъ государственнаго совѣта зависитъ сдѣлать его вопросомъ неотложнымъ, вопросомъ текущаго момента. И, можетъ быть, съ этой точки зрѣнія, отказавши странѣ въ полной отмѣнѣ смертной казни, государственный совѣтъ окажетъ освободительному движенію такую же услугу, какую оказало бюрократическое министерство своимъ сопротивленіемъ по основнымъ вопросамъ думской законодательной программы. Огромное политическое значеніе отказа или неполнаго согласія государственнаго совѣта на первый думскій законъ—несомнѣнно само по себѣ, а въ данномъ случаѣ оно усугубляется великимъ и безспорнымъ нравственнымъ значеніемъ оспариваемаго закона. Какъ говорилось во вчерашней статьѣ нашей газеты, приговоръ о смертной казни можетъ сдѣлаться смертнымъ приговоромъ для самого государственнаго совѣта.

132. Конфликтъ между государственнымъ совѣтомъ и министерствомъ *).

Мы предусматривали недавно возможность конфликта между думой и государственнымъ совѣтомъ по поводу законопроекта о смертной казни. Но мы никакъ не могли предусмотрѣть того, что случилось вчера: конфликта между государственнымъ совѣтомъ и министерствомъ по вопросу о думской ассигновкѣ 15 милліоновъ голодающимъ. Несогласіе съ думой по этому вопросу чревато было бы самыми непріятными послѣдствіями для совѣта. Высказанное совѣтомъ согласіе съ думой не только отвратило отъ совѣта опасность конфликта, но направило всю силу удара туда же, куда направляла его дума: оба законодательныя учрежденія высказались противъ кабинета. Надо признать, что своимъ рѣшеніемъ совѣтъ обнаружилъ вѣрное политическое чутье. Но, съ другой стороны, слѣдуетъ признать, что политически вѣрный шагъ совѣта былъ чрезвычайно облегченъ невѣроятной политической неумѣлостью гг. министровъ.

Государственный совѣтъ, повидимому, понялъ, что, какъ ни важенъ въ моральномъ и политическомъ смыслѣ конфликтъ съ думой въ вопросѣ о смертной казни, но, съ точки зрѣнія нормальнаго конституціонализма, конфликтъ на бюджетномъ вопросѣ былъ бы несравненно опаснѣе для него самого. Этотъ конфликтъ подчеркнулъ бы особенно ярко ту ненормальность нашего закона, по которой бюджетное право въ равной степени принадлежитъ обѣимъ палатамъ. Какъ извѣстно, передача права «кошелька» одной только нижней палатѣ—есть элементарное требованіе конституціоннаго права. И необходимость такого требованія особенно ярко подчеркивалась бы столкновеніемъ палатъ по вопросу, въ которомъ практическое рѣшеніе должно быть, въ интересахъ дѣла, принято немедленно.

Но, въ данномъ случаѣ, какъ мы сказали, рѣшеніе государственнаго совѣта было облегчено безтактнымъ поведеніемъ гг. министровъ въ государственномъ совѣтѣ. Министры финансовъ и внутреннихъ дѣлъ не ограничились тѣмъ, на что они имѣли право въ рамкахъ существующаго закона. Они наговорили много такого, чего нельзя не считать прямымъ превышеніемъ имѣющихся у нихъ полномочій.

Такъ, «исполнительная власть», въ лицѣ министра внутреннихъ дѣлъ, торжественно «заявила» передъ совѣтомъ, что она «не оставитъ народъ безъ сѣмянъ, чего бы это ей ни стоило».

---

*) „Рѣчь“, № 115, 2 іюля.

Такимъ образомъ, въ одной фразѣ отвергаемое думой министерство ухитрилось отплатить думѣ клеветой и угрозой. Клевета состоитъ въ томъ, будто дума своимъ рѣшеніемъ грозила «оставить народъ безъ сѣмянъ». Самъ г. Горемыкинъ опровергъ себя, объяснивши, что 15-ти милліоновъ, ассигнованныхъ думой, во всякомъ случаѣ, хватитъ на сѣмена—хватитъ и даже кое что останется «на первоначальное удовлетвореніе нужды продовольственной». Это именно и имѣла въ виду дума, исчисливъ свою ассигновку въ суммѣ 15 милліоновъ, и напрасно министръ притворялся непонимающимъ, почему ассигнована именно такая сумма. Но г. Горемыкинъ прибавилъ къ клеветѣ еще и угрозу—помочь народу, «чего бы это ни стоило» министерству. Угрозу эту, очевидно, надо понимать такъ, что министры не остановятся даже и передъ прямымъ нарушеніемъ закона, и передъ личной отвѣтственностью по суду. Никакого другого смысла невозможно найти въ этой трескучей фразѣ. Мы спрашиваемъ гг. министровъ: произношеніе подобныхъ угрозъ входитъ ли въ составъ ихъ правъ по отношенію къ государственной думѣ?

Другой министръ Коковцевъ также выступилъ съ заявленіями по адресу думы, которыя, выражаясь самымъ скромнымъ образомъ, нельзя не признать неприличными; и, подобно Горемыкину, онъ наговорилъ на думу совершенно напрасно. Г. Коковцевъ весьма недвусмысленно далъ понять совѣту, что онъ напрасно сѣялъ бисеръ передъ комиссіями думы, и уже совершенно прямо заявилъ, что дума некомпетентна въ данномъ вопросѣ. И этотъ министръ, однако, тутъ же опровергъ самъ себя, признавъ, что данное ему «некомпетентной» думой порученіе вовсе не неисполнимо технически, и что, въ крайнемъ случаѣ, придется это порученіе исполнить. Однако же, самое важное дѣло не то, что сказалъ министръ финансовъ, а то, о чемъ онъ умолчалъ и о чемъ напомнили члены государственнаго совѣта—Д. И. Багалѣй и В. И. Вернадскій. Оба они подчеркнули, что рѣшеніе думы имѣетъ, прежде всего, вполнѣ опредѣленное политическое значеніе. Не вообще «исполнительной власти», а именно имъ, министрамъ, данному составу исполнительной власти, дума не хотѣла давать ни копейки больше того, что необходимо въ данную минуту, чтобы не пострадало голодающее населеніе. Отказъ въ разрѣшеніи этому кабинету самому отыскать новые источники сверхсмѣтнаго расхода имѣлъ, вѣдь, всѣмъ понятный смыслъ: этимъ отказомъ дума напередъ отнимала у министерства право вновь прибѣгнуть къ кредиту въ какой бы то ни было формѣ. Отказъ этотъ долженъ былъ быть понятъ, какъ формальное заявленіе, что

никакого займа дума не разрѣшитъ, пока не кончится конфликтъ исполнительной власти съ законодательной. И этотъ то истинный и болѣе чѣмъ серьезный смыслъ думскаго отказа министерство попыталось затушевать своими дѣланно пренебрежительными сужденіями о думѣ передъ государственнымъ совѣтомъ.

Своимъ рѣшеніемъ совѣтъ окончательно подтвердилъ политическій характеръ отказа думы и принялъ активное участіе въ борьбѣ народнаго представительства противъ министерства. Если даже совѣтъ руководился при этомъ однимъ тѣмъ мотивомъ, на который указывали мы и который прямо указалъ проф. Таганцевъ, то есть расчетомъ собственной безопасности,—то и въ такомъ случаѣ шагъ совѣта нельзя не признать политически правильнымъ и умѣлымъ.

7. Дума и внѣшняя политика.

133. Отношеніе державъ къ конституціонной борьбѣ *).

Упорное непониманіе правительствомъ безусловной необходимости широкихъ и немедленныхъ уступокъ народнымъ требованіямъ грозитъ страшной опасностью внутреннему спокойствію страны. Объ этомъ мы говорили не разъ, и каждый день симптомы грознаго и все возрастающаго недовольства доказываютъ опасность правительственнаго упорства все съ большей очевидностью. Но есть другая сторона въ этомъ вопросѣ, на которой мы не имѣли случая останавливаться. Опасность грозитъ въ настоящее время не только внутреннему спокойствію, но и внѣшнему положенію страны. Если послѣдняя военная неудача и постепенно обострявшійся внутренній кризисъ уже подорвали международное положеніе Россіи и лишили ее прежняго вліянія въ Европѣ, то открытый конфликтъ между правительствомъ и народомъ, съ каждымъ днемъ принимающій все болѣе острый характеръ и болѣе широкіе размѣры, грозитъ лишить русскую дипломатію послѣдняго вѣса въ международныхъ вопросахъ. Теперь, когда самый фактъ ослабленія Россіи создаетъ необходимость полнаго пересмотра всѣхъ установившихся международныхъ отношеній, Россія оказывается совершенно безсильной сказать свое слово при этомъ пересмотрѣ.

---

*) „Рѣчь“, № 91, 4 іюня.

Для Германіи, съ ея пошатнувшимися отношеніями къ старымъ союзникамъ, такое положеніе, конечно, только выгодно; и естественно, что германское правительство заинтересовано въ продолженіи смуты и конфликта, поскольку это не отражается слишкомъ сильно на положеніи польскаго вопроса. Недовольная Польша, во всякомъ случаѣ, гораздо выгоднѣе для Германіи, чѣмъ Польша, примиренная съ русскимъ народомъ на платформѣ парламентскаго большинства. Противъ же самыхъ непріятныхъ неожиданностей революціоннаго движенія въ Польшѣ германское правительство достаточно обезпечило себя сепаратнымъ соглашеніемъ съ русскимъ.

Совсѣмъ иное положеніе относительно внутреннихъ дѣлъ Россіи по необходимости заняли другія главенствующія державы—Франція и Англія. Внутренній миръ въ Россіи для нихъ важенъ, какъ необходимое условіе, во-первыхъ, кредитоспособности Россіи, во-вторыхъ, ея международнаго вѣса, который теперь склоняется на сторону противниковъ «тройственнаго союза». Въ передовыхъ странахъ европейскаго либерализма очень хорошо понимаютъ, что внутренняго мира въ Россіи можно достигнуть только на почвѣ укрѣпленія конституціоннаго строя. Такое положеніе дѣла давало бы, при новомъ распредѣленіи силъ всѣ карты въ руки конституціонному въ международныхъ отношеніяхъ Европы, отвѣтственному передъ страной правительству въ Россіи. Но правительство, подозрительными нитями связанное со старымъ режимомъ, правительство, открыто интригующее, составляющее заговоры и входящее въ ненужныя столкновенія съ народнымъ представительствомъ,—такое правительство, конечно, не можетъ никому внушить увѣренности въ своей прочности, и съ нимъ становится трудно завязать какія бы то ни было отношенія, могущія расчитывать на постоянство. Такимъ образомъ, либеральная Европа находится въ странномъ положеніи: поставленная естественнымъ ходомъ вещей въ возможность установить дружественныя отношенія съ Россіей, она ищетъ Россіи либеральной,—и, вмѣсто того, находитъ передъ собой все ту же старую, неумѣлую и неловкую Россію, самодержавную, рѣшительно неспособную выйти на новые пути.

Что Россія безусловно теряетъ отъ такого положенія, доказать нетрудно. Та же самая Англія, столь дружественная къ Россіи, одновременно принуждена считаться съ ловкой и тонкой политикой Германіи, ей, въ сущности, враждебной,—и интересы Германіи какъ-то сами собой берутъ верхъ надъ интересами Россіи.

Пока либеральныя газеты въ Лондонѣ оживленно обсуждаютъ

вопросъ, достойно или недостойно свободнаго англичанина входить въ соглашеніе съ самодержавнымъ правительствомъ, находящимся въ конфликтѣ со своимъ народомъ,—Германія обдѣлываетъ свои дѣла въ Тегеранѣ, навязываетъ заемъ, добивается желѣзнодорожной концессіи, хлопочетъ объ угольной станціи въ Персидскомъ заливѣ. Франція, обманутая офиціальными лжесвидѣтелями относительно строгой «конституціонности» русскаго займа, бьетъ тревогу, когда «конституція» на первыхъ же порахъ даетъ широкія трещины.

Совершенно независимо отъ внутренняго положенія въ самой Россіи, такое положеніе дѣлъ въ Европѣ не можетъ продолжаться. При современной сложности и взаимной зависимости отношеній между всѣми частями цивилизованнаго міра, всѣ части одинаково страдаютъ и терпятъ ущербъ, если одна изъ нихъ ведетъ себя слишкомъ непохоже на другія. Если бы это была Турція, державы въ общихъ интересахъ мира и цивилизаціи установили бы надъ нею международный контроль. Но, какъ ни слаба Россія, она еще не пала до уровня Турціи. Остается одно—постараться поднять ее на уровень Европы.

Въ послѣдніе дни мы видимъ, что Англія, а за нею и Франція рѣшительно становятся на путь непосредственнаго воздѣйствія на ослѣпленное и растерявшееся русское правительство. Офиціозныя англійскія газеты настойчиво подчеркиваютъ, напр., что предстоящій визитъ англійской эскадры предназначается не только русскому правительству, а и русскому народу и русской интеллигенціи. Нельзя опредѣленнѣе сказать, что условіемъ своего сближенія Англія считаетъ установленіе нормальныхъ отношеній между исполнительной и законодательной властью,—т. е. назначеніе отвѣтственнаго министерства. Несомнѣнно, такое настойчивое заявленіе выходитъ изъ обычныхъ рамокъ международныхъ любезностей и обязываетъ, съ своей стороны, и насъ отозваться на него. Мы всегда полагали—и высказывали это печатно, что прочная и постоянная связь либеральной Англіи можетъ установиться лишь съ конституціонной Россіей. Къ сожалѣнію, настроеніе правительственныхъ сферъ въ послѣдніе дни складывается совсѣмъ не въ смыслѣ англійскихъ совѣтовъ, и мы полагаемъ, что англійской эскадрѣ слѣдуетъ повременить своимъ визитомъ до болѣе благопріятнаго времени. Мы не сомнѣваемся, что убѣдительность нашего совѣта будетъ ярко подчеркнута указаніями иностранныхъ биржъ. Такимъ образомъ, англійская дипломатія, несомнѣнно, окажетъ добрую услугу и намъ, и европейскимъ держателямъ русскихъ фондовъ, если дастъ понять

дискредитированному министерству, что визитъ эскадры зависитъ отъ его удаленія.

Какъ видно изъ тона консервативныхъ парижскихъ газетъ, и онѣ покинули старую точку зрѣнія, что Франція имѣетъ дѣло съ русскимъ правительствомъ, а не съ русскимъ народомъ. Та же самая «Temps», которая въ рѣшительный моментъ заключенія займа загородилась этимъ афоризмомъ отъ справедливыхъ требованій цивилизаціи, теперь объявляетъ основнымъ и главнымъ требованіемъ для Россіи—требованіе отвѣтственнаго министерства. Мы имѣемъ основаніе думать, что и въ этомъ случаѣ за мнѣніемъ вліятельныхъ газетъ стоитъ мнѣніе официальныхъ сферъ.

Россія и Европа могутъ, однако, требовать, чего хотятъ: гг. Горемыкинъ и К°. слѣпо идутъ своимъ путемъ va banque, возводя свое упорство и ослѣпленіе къ источнику своей власти и смѣло пуская въ ходъ весь арсеналъ средствъ, испытанныхъ со временъ Плеве для поддержанія «твердой власти». Но въ зловѣщемъ заревѣ бѣлостокскаго погрома уже обрисовываются грозные силуэты, обличающіе роковое и не разъ испытанное безсиліе «твердой власти» дать странѣ миръ и покой. Начинаются вновь забастовки, разрастаются аграрные безпорядки, волненіе въ арміи и т. д. Струна натянута до послѣдней степени и каждую минуту грозитъ оборваться. Общее настроеніе такое, какое бываетъ, когда всѣмъ угрожаетъ какая-то большая и неопредѣленная опасность, къ которой надо быть готовымъ, но нельзя приготовиться. Только немедленныя мѣры успокоенія могутъ предотвратить взрывъ, и не утлой ладьѣ горемыкинскаго министерства справиться съ вызваннымъ его грубыми ошибками волненіемъ народнаго океана.

134. Бѣлостокъ и визитъ англійской эскадры *).

«Новое Время» затрагиваетъ деликатную тему о запросѣ лорду Грею въ англійской палатѣ общинъ по поводу погрома въ Бѣлостокѣ и приходитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ. Во-первыхъ, представленіе объ «общихъ правахъ гражданина» (надо думать, также и объ «основныхъ принципахъ цивилизаціи», противъ нарушенія которыхъ протестовалъ членъ палаты)—«весьма растяжимо». Во-вторыхъ, запросъ противорѣчитъ международному прин-

*) „Рѣчь“, № 98, 13 іюня.

цину «взаимнаго невмѣшательства во внутреннія дѣла» и «юридически необоснованъ». Въ-третьихъ, «онъ практически безрезультатенъ». На основаніи этихъ соображеній газета читаетъ заднимъ числомъ нотацію Соединеннымъ Штатамъ и не упускаетъ случая бросить по ихъ адресу попутно оскорбительный намекъ, будто американскій народъ «возвелъ въ культъ безправіе негровъ»; по адресу же лорда Грея газета отпускаетъ похвалу за «корректное отношеніе» къ русскому правительству.

Мы думаемъ, прежде всего, что похвала лорду Грею нѣсколько преждевременна и основывается на невѣрномъ толкованіи его словъ. Не только лордъ Грей не «посадилъ на мѣсто» члена, предотавившаго запросъ, но, напротивъ, онъ удовлетворилъ возмущенное чувство палаты, какъ только могъ это сдѣлать статсъ-секретарь англійскаго министерства, не вызывая открытаго конфликта съ петербургскимъ. Лордъ Грей отвѣтилъ, что онъ считаетъ преждевременнымъ утверждать, что адмиралтейство сочтетъ умѣстнымъ что-либо измѣнить въ маршрутѣ англійскаго флота въ зависимости отъ грядущихъ событій. Другими словами, онъ въ вѣжливой формѣ намекнулъ, что могутъ наступить въ Россіи событія, при которыхъ маршрутъ флота можетъ быть измѣненъ, и эскадра не сдѣлаетъ русскаго визита. Такъ и поняли англійскій текстъ иностранныя газеты (напр., «Neue Freie Presse» отъ 19 іюня). Такъ, какъ увидимъ ниже, поняло его, въ сущности, и «Новое Время». Это, слѣдовательно, была, въ самой мягкой формѣ, именно угроза—не прямого дипломатическаго вмѣшательства; для этого современныя международныя отношенія слишкомъ тонки и допускаютъ слишкомъ много болѣе деликатныхъ оттѣнковъ и средствъ воздѣйствія; но, несомнѣнно, это была угроза воздѣйствіемъ—не «юридическимъ», разумѣется, а моральнымъ и тѣмъ менѣе отвратимымъ.

Но интересно разобрать аргументы «Новаго Времени» и независимо отъ этой маленькой подтасовки. Газета г. Суворина вовсе не стремится опровергнуть англійское обвиненіе, что «русское правительство офиціально покровительствуетъ преступленіямъ противъ цивилизаціи». Она только находитъ, что самое понятіе объ этихъ преступленіяхъ «весьма растяжимо», и, слѣдовательно, съ иной точки зрѣнія, то, что случилось въ Бѣлостокѣ, вовсе и не есть преступленіе. Гг. Кейръ-Гарди и Торнъ могутъ теперь придти къ заключенію, что тотъ нравственный кретинизмъ, въ которомъ они обвиняли министровъ, составляетъ также неотъемлемое качество и извѣстной части русской прессы. Относительно второго аргумента

«Новаго Времени», «юридической необоснованности» запроса, можно только повторить сказанное: рѣчь вовсе и не шла о прямомъ дипломатическомъ воздѣйствіи, т. е. не шла пока и открыто. Какъ ни дурно думаютъ англичане о русскомъ правительствѣ, они, очевидно, все-таки предполагаютъ, что это правительство не потеряло способности понимать языкъ международныхъ дипломатическихъ намековъ, который хорошо понимаютъ даже въ Константинополѣ. Можетъ быть, мы доживемъ и до такого времени, когда понадобится языкъ прямыхъ дипломатическихъ нотъ; можетъ быть, строго конфиденціально и теперь уже происходитъ нѣчто подобное, и статья «Новаго Времени» отвѣчаетъ не на то, что всѣмъ извѣстно, а на то, что извѣстно лишь посвященнымъ. Можетъ быть,—но тѣмъ болѣе эта статья свидѣтельствуетъ о чувствѣ безсильной злобы, настолько сильномъ, что оно мѣшаетъ редакціи сохранить хотя бы внѣшнюю «корректность». «Новое Время» утѣшаетъ себя, въ-третьихъ, тѣмъ, что запросъ въ англійской палатѣ все равно «практически безрезультатенъ». Въ этомъ вопросѣ мы позволимъ себѣ уже совершенно не согласиться съ газетой г. Суворина. Въ томъ все и дѣло, что на аптекарскихъ вѣсахъ международныхъ сношеній маленькая гирька запроса сама по себѣ уже имѣетъ очень большой абсолютный вѣсъ, а когда она намекаетъ на другія, еще болѣе вѣсомыя гири, остающіяся въ запасѣ, то вѣсъ запроса очень и очень вырастаетъ. Сегодня—это вопросъ о визитѣ эскадры: простой вопросъ международной вѣжливости. Завтра—если эти люди тонкостей не понимаютъ—это можетъ быть и вопросъ о существенномъ, о грубой и тяжелой матеріи—о золотѣ.

Мы думаемъ, что именно о болѣе существенныхъ вещахъ шла бесѣда между лордомъ Греемъ и лордомъ Ротшильдомъ на Даунингъ-Стритъ,—и, навѣрное, въ этой конфиденціальной бесѣдѣ лордъ Грей былъ болѣе откровененъ, чѣмъ въ своемъ офиціальномъ отвѣтѣ въ Вестминстерѣ.

Если Англія «отмѣнитъ предположенный визитъ», «Новое Время» иронически заявляетъ, что «Россія постарается продолжать существовать безъ этой англійской страницы въ ея отечественной исторіи». Мы охотно вѣримъ, что «Новое Время» готово «продолжать существовать» и безъ многаго, очень многаго другого; но весь вопросъ въ томъ, захочетъ ли нація слѣдовать за г. Суворинымъ въ этомъ выкидываніи за бортъ нравственнаго и матеріальнаго балласта, утѣшаясь тѣмъ, что страна все таки продержится на поверхности и имя Россіи не исчезнетъ изъ географическихъ учебниковъ.

Увы, мы претендуемъ на нѣчто большее: вотъ почему мы совсѣмъ не «патріоты», а г. Суворинъ — патріотъ по преимуществу. Мы имѣемъ наивность полагать, что капиталъ страны заключается также и въ ея добромъ имени и что этого добраго имени лишаетъ ее то правительство, для котораго общепризнанныя понятія цивилизованнаго міра оказываются «весьма растяжимыми». Когда человѣкъ, съ весьма растяжимымъ понятіемъ о приличномъ костюмѣ или добропорядочномъ поведеніи на улицѣ, попадаетъ въ среду другихъ людей, у которыхъ эти понятія ясны и опредѣленны, то этого человѣка подвергаютъ нѣкоторымъ исправительнымъ воздѣйствіямъ. То же приходится испытывать и правительству, когда его поведеніе оказывается ниже общепринятаго уровня въ семьѣ цивилизованныхъ націй. Правда, оно можетъ замѣнить недостатокъ другихъ способовъ вызвать къ себѣ уваженіе окружающихъ—большой физической силой или толстымъ карманомъ, или, по крайней мѣрѣ, умѣніемъ платить долги. Но когда всѣ эти качества слабѣютъ, и слабѣютъ въ прямой зависимости отъ недобропорядочнаго поведенія, тогда происходитъ то, что мы видимъ въ Турціи. Международное вниманіе переходитъ въ систематическое наблюденіе надъ внутренними дѣлами,—наблюденіе переходитъ въ контроль; контроль превращается въ стѣснительную опеку, и дѣло можетъ кончиться протекторатомъ, раздѣленіемъ сферъ вліянія и т. д.

Какъ далеко пойдетъ русское правительство на этомъ пути, мы не знаемъ; но что оно на него вступило,—въ этомъ, къ сожалѣнію, сомнѣнія быть не можетъ. Опека надъ индивидуумомъ, обнаруживающимъ признаки ненормальности, непріятна и хлопотлива; немудрено, что заботу о такомъ субъектѣ посторонніе стараются навязать, прежде всего, близкимъ родственникамъ. Въ дѣлѣ о прогрессивномъ помѣшательствѣ власти наши сосѣди, наконецъ, апеллируютъ къ народу, прося его унять своими средствами безпокойнаго хозяина дома. Они намекаютъ и хозяину, что пора и лучше всего поручить себя заботамъ домашнихъ. Дѣло здороваго патріотизма—не обижаться на чужія заботы, а понять ихъ серьезный смыслъ и принять свои домашнія мѣры, пока еще не поздно.

135. Дружба демократій и дружба дворовъ *).

Вчера въ англійской палатѣ общинъ обсуждался вопросъ о визитѣ англійской эскадры въ Кронштадтъ. Мы не имѣемъ еще свѣдѣній, какъ этотъ вопросъ рѣшенъ палатой, но заранѣе можно сказать, что рѣшеніе, каково бы оно ни было, достаточно ясно, чтобы показать симпатіи англійскаго народа къ русскому конституціонализму и русской демократіи, и, съ другой стороны, достаточно корректно, чтобы не оскорбить самыхъ щепетильныхъ національныхъ чувствъ. Англичане знаютъ и принимаютъ въ соображеніе тѣ особенныя формы, въ которыхъ проявляется въ Россіи чувство патріотизма, и только полная увѣренность въ томъ, что своимъ рѣшеніемъ они не рискуютъ оскорбить тѣхъ, кому хотятъ выразить уваженіе и сочувствіе, диктуетъ имъ ихъ рѣшимость вмѣшаться во внутреннюю борьбу русскаго народа съ своимъ правительствомъ. Мы очень цѣнимъ это деликатное отношеніе къ чужому чувству, которое, несомнѣнно, продиктуетъ англичанамъ очень сдержанное рѣшеніе по вопросу о визитѣ англійской эскадры; и въ этой сдержанности мы видимъ выраженіе неменьшаго уваженія къ русскому народу, чѣмъ въ самомъ содержаніи запроса и преній. Мы говоримъ съ полной увѣренностью, потому что, не зная еще рѣшенія палаты, мы знаемъ тотъ народъ, который это рѣшеніе приметъ.

Мы надѣемся, что при такой постановкѣ вопроса самое щекотливое національное чувство не затруднится съ благодарностью отозваться на добрыя намѣренія и пожеланія англійской демократіи относительно русской. Наперед можно предсказать, что шовинистическія русскія газеты найдутъ въ дружескомъ сочувствіи англичанъ лишь новыя доказательства легенды объ англійскихъ милліонахъ, потраченныхъ на русскую революцію, и всячески используютъ англійскіе разговоры о вмѣшательствѣ во внутреннія дѣла Россіи. Этимъ людямъ дружескій союзъ демократій цивилизованнаго міра кажется чуть не государственной измѣной. Не мѣшаетъ поэтому напомнить, что противопоставляется союзу демократій противниками этого союза.

Когда открыто, на глазахъ у всѣхъ, органы прессы и народное

---

*) „Рѣчь“, № 107, 23 іюня.

представительство передового народа выражаютъ сочувствіе народу—новичку въ его первыхъ шагахъ на пути политическаго демократизма, и когда на это сочувствіе молодая демократія отвѣчаетъ громкимъ выраженіемъ признательности,—шовинисты отжившаго строя во все горло кричатъ объ измѣнѣ. Но что они дѣлаютъ сами, подъ шумокъ парламентскихъ преній и международнаго обмѣна любезностей?

Противъ дружбы демократій они ищутъ союза въ дружбѣ дворовъ, а противъ всенародныхъ демонстрацій находятъ противовѣсъ въ тайныхъ соглашеніяхъ и интригахъ.

Союзу во имя цивилизаціи они противопоставляютъ союзъ во имя узкихъ интересовъ. И этотъ союзъ не такъ наивенъ, чтобы обмѣниваться дешовой монетой благородныхъ словъ и пожеланій; онъ не такъ слабъ, чтобы ограничиваться воздѣйствіемъ на общественное мнѣніе. Пока народы сговариваются о будущемъ, правительства торгуются о настоящемъ: одни стараются охранить нѣжные ростки будущаго, другіе хлопочутъ сберечь гнилые корни прошедшаго.

Пусть читатель не думаетъ, что мы занимаемся риторикой и словесными антитезами. То, о чемъ мы говоримъ, реально, очень реально. Въ то время, какъ передовыя демократіи Англіи и Франціи заботятся объ упроченіи въ русской жизни конституціонныхъ началъ и объ успокоеніи Россіи, нѣкоторыя другія державы предпочитаютъ сохранить въ Россіи источники ея слабости и внутренней смуты и заранѣе посылаютъ къ русскимъ границамъ войска, чтобы въ минуту, когда смута достигнетъ своего высшаго развитія, извлечь для себя пользу изъ затруднительнаго положенія страны. Внутренній миръ въ Россіи имъ ненуженъ и невыгоденъ; имъ нужна гражданская война, и на нее они толкаютъ русское правительство своими совѣтами и своими угрозами.

Это—что то фатальное! Каждая революція имѣетъ своего союзника, помимо нерѣшительности правительства, помимо версальскихъ банкетовъ, также и въ той поддержкѣ, которую черпаетъ старый порядокъ въ заинтересованной дружбѣ сосѣднихъ дворовъ. Дипломаты или генералы—все равно, но кто-нибудь непремѣнно возьметъ на себя роль герцога Брауншвейгскаго!

Этого рода дружба, дѣйствительно, не ограничивается маниловщиной, вродѣ разговоровъ о приходѣ или неприходѣ эскадры. Она идетъ прямо къ цѣли и бьетъ навѣрняка. Она обрабатываетъ не общее мнѣніе, а частныхъ лицъ, и союзу демократій она противо-

поставляетъ заговоръ противъ народовъ. Что она за это беретъ? Современники рѣдко узнаютъ это; настоящую, подлинную измѣну отечеству не выбалтываютъ на страницахъ газетъ; ее тщательно прячутъ въ дипломатическіе архивы. Оттуда, лѣтъ черезъ сто, съ удивленіемъ и негодованіемъ вытащитъ ее на свѣтъ Божій историкъ. Таковы два метода вмѣшательства иностранцевъ во внутреннія дѣла. Тѣ, кто протестуютъ противъ перваго метода, избраннаго англичанами, пусть подумаетъ о второмъ. И пусть потомъ скажетъ, какой методъ болѣе противорѣчитъ патріотизму и какой ближе къ понятію государственной измѣны.

136. Сэръ Грей и русское правительство о кронштадтскомъ визитѣ *).

Нѣсколько дней тому назадъ, въ ожиданіи отвѣта сэра Эдварда Грея на запросъ по поводу визита англійской эскадры въ Кронштадтъ, мы высказали надежду, что отвѣтъ этотъ сумѣетъ подчеркнуть симпатіи англійской демократіи къ русской, не нарушая въ то же время дипломатической корректности. Мы ни въ какомъ случаѣ не хотѣли видѣть въ посылкѣ эскадры враждебнаго акта по отношенію къ молодому русскому представительству и вполнѣ понимали, что англійское правительство не можетъ стать на точку зрѣнія иностраннаго вмѣшательства во внутреннія русскія дѣла. Мы не ожидали, такимъ образомъ, отъ англійскаго правительства отмѣны визита, но полагали, что правительственное объясненіе отниметъ у этого визита тотъ односторонній смыслъ, который могъ быть приданъ ему врагами освободительнаго движенія.

Мы должны теперь откровенно сказать, что, прочтя полный текстъ объясненій сэра Грея въ палатѣ общинъ, мы встрѣтили въ нихъ нѣсколько иной оттѣнокъ, чѣмъ ожидали. Конечно, это есть разсужденіе на тему о невмѣшательствѣ, но аргументація сэра Грея направлена не столько по адресу русской думы, ищущей поддержки въ борьбѣ со старымъ режимомъ, сколько по адресу г. Бенкендорфа, ищущаго защиты противъ агитаціи радикальныхъ лондонскихъ газетъ.

Сэръ Грей, безъ сомнѣнія, доказываетъ, что визитъ англійской эскадры не можетъ имѣть односторонняго смысла, такъ какъ направленъ заразъ и къ русскому правительству, и къ русскому на-

*) „Рѣчь“, № 14, 1 іюля.

роду. Но въ своихъ усиліяхъ подчеркнуть обѣ эти стороны, онъ, какъ намъ кажется, не совсѣмъ осторожно распредѣлилъ краски, и впечатлѣніе получилось такое, что сэръ Грей старается разсѣять не столько недоразумѣнія демократіи, сколько опасенія правительства. Сэръ Грей беретъ на себя задачу доказать, что русское правительство не потеряло того моральнаго права на англійскій визитъ, въ которомъ ему отказываютъ англійскіе радикалы. Для доказательства ему приходится формально отвѣтить на вопросъ, самая постановка котораго есть уже отступленіе отъ строгой позиціи невмѣшательства. Виновато ли русское правительство въ бѣлостокскомъ погромѣ? Сэръ Грей отвѣчаетъ: нѣтъ, не виновато! Мы полагаемъ, что, дѣлая это рѣшительное утвержденіе, сэръ Грей перешелъ границу корректности по отношенію къ той сторонѣ, которая только что отвѣтила въ официальномъ постановленіи: «да; виновато», Мы готовы согласиться съ сэромъ Греемъ, что, чѣмъ меньше говорить въ палатѣ о русскихъ дѣлахъ, тѣмъ было бы лучше, и что, если уже надо говорить, то слѣдуетъ хорошенько разобраться въ положеніи. Мы, однако, опасаемся, что сэръ Грей не вполнѣ выдержалъ свой собственный рецептъ и, пытаясь доказать свое безпристрастіе въ тяжбѣ между думою и министерствомъ, обнаружилъ пристрастіе въ обратную сторону. Мы не сомнѣваемся, что сэръ Грей не хотѣлъ произвести своими объясненіями такого впечатлѣнія. Но фактъ тотъ, что впечатлѣніе произведено, а вмѣстѣ съ тѣмъ и положеніе вопроса о визитѣ эскадры скорѣе ухудшено, чѣмъ улучшено неосторожными разсужденіями сэра Грея.

Наша предыдущая статья, встрѣтившая благопріятную оцѣнку въ англійской прессѣ, даетъ намъ право теперь обратиться къ общественному мнѣнію Англіи съ этими замѣчаніями и съ выраженіемъ нѣкотораго пожеланія, чтобы официальная ошибка была официально исправлена. Въ противномъ случаѣ, мы опасаемся, что борющимся сторонамъ окажется неудобно принимать одинаковое участіе въ встрѣчѣ англійской эскадры. Большого значенія мы всѣмъ этимъ неловкостямъ, произошедшимъ и могущимъ произойти, конечно, не приписываемъ и полагаемъ, что, среди возрастающаго напряженія внутренней борьбы, визитъ англійской эскадры, вообще, не привлечетъ большого вниманія. Но, тѣмъ не менѣе, именно въ настоящую минуту всякая попытка казаться безпристрастными со стороны дружественныхъ намъ демократій поневолѣ превращается въ пристрастіе въ обратную сторону; и, можетъ быть, если внутренняго примиренія не послѣдуетъ до момента пріѣзда эскадры,

все-таки лучше всего было бы, вообще, не ставить себя въ такое положеніе, при которомъ соблюсти безпристрастіе окажется фактически невозможно.

P. S. Наша статья была уже набрана, когда мы прочли телеграмму спб. агентства, сообщающую, что визитъ англійской эскадры отложенъ по взаимному согласію правительствъ и, притомъ, — по русской иниціативѣ.—Весьма вѣроятно, этотъ результатъ уже имѣлся въ виду, когда сэръ Грей давалъ свои объясненія: такимъ образомъ, результатъ корректнаго вмѣшательства въ русскія дѣла достигнутъ самымъ блестящимъ образомъ, безъ малѣйшаго нарушенія международныхъ конвенансовъ. Но цѣль англійской агитаціи, конечно, идетъ дальше простой отсрочки визита, и въ этомъ отношеніи мы не совсѣмъ понимаемъ указаніе на степень продолжительности отсрочки («можетъ быть, до будущаго года»). Неужели въ высшихъ сферахъ полагаютъ, что раньше слѣдующаго года не создадутся условія, которыя позволятъ англійской эскадрѣ прибыть въ Кронштадтъ, не рискуя никакими инцидентами? Такъ далеко мы не шли въ своихъ предположеніяхъ. Мы готовы были думать, что, не отмѣняя визита, правительство поспѣшитъ окончить внутреннюю борьбу серьезными уступками. Значитъ ли отмѣна визита, что борьбу рѣшено продолжать, «можетъ быть, до будущаго года»?

137. Неловкое отступленіе *).

«Россія», кажется, начинаетъ смутно понимать, что она сдѣлала напечатаніемъ статьи г. Diplomaticus'a объ австро-германскихъ сношеніяхъ по вопросу о вооруженномъ вмѣшательствѣ во внутреннія дѣла Россіи. Поняла, должно быть, и всю пикантность своей ссылки на то, что заинтересованный во вмѣшательствѣ намѣстникъ Галиціи есть въ то же время крупный русскій помѣщикъ. И газета, въ роли проговорившагося преступника, старается сохранить развязный и невинный видъ, притворяясь, что совсѣмъ, совсѣмъ ничего не случилось: просто въ русскихъ редакціяхъ не читаютъ иностранныхъ газетъ, а все, что изложено г. Diplomaticus'омъ, есть «только изложеніе мнѣній нѣкоторыхъ австрійскихъ газетъ, каковы львовскій Przeglad, Gazeta Lwowska, Czas, и нѣкоторыхъ германскихъ, како-

*) „Рѣчь“, № 120, 8 іюля.

вы: Fremdenblatt, Vaterland, Norddeutsche Allgemeine Zeitung и другія, а также передача отчетовъ рейхсрата и палаты господъ». Мы напомнимъ г. Diplomaticus'у, что въ его статьѣ было не только «изложеніе мнѣній», но и «изложеніе фактовъ», что факты эти были переданы офиціальнымъ стилемъ, чуть не языкомъ подлинныхъ дипломатическихъ документовъ, и, наконецъ, что все это было изложено тономъ полнаго сочувствія съ предметомъ изложенія и изложено въ газетѣ, официально признанной за выражающую «дѣйствительныя намѣренія правительства» (русскаго, а не германскаго и не австрійскаго). Что же дѣлаетъ г. Diplomaticus, чтобы ослабить впечатлѣніе громового удара, произведеннаго его неосторожными разоблаченіями? Цитируетъ ли онъ подлинныя выраженія тѣхъ печатныхъ источниковъ, на которые ссылается? Доказываетъ ли онъ, что все, безъ остатка, содержаніе его статьи было давно извѣстно изъ австрійскихъ и нѣмецкихъ газетъ? Нѣтъ, онъ только цитируетъ послѣднюю телеграмму въ Tribune изъ Вѣны, телеграмму, передающую лишь глухіе слухи о томъ, о чемъ г. Diplomaticus говоритъ цитатами изъ подлинныхъ документовъ. И вѣнскій корреспондентъ Tribune, передавая эти слухи, указываетъ свой источникъ: не газеты, а частные разговоры «вожаковъ польскихъ политическихъ партій», «повидимому, хорошо освѣдомленныхъ», потому что они постоянно «трутся около министра внутреннихъ дѣлъ гр. Голуховскаго». Корреспондентъ Tribune, очевидно, не думаетъ, что его сообщенія редакція могла бы и безъ него узнать изъ газетъ; напротивъ, онъ сообщаетъ свои случайныя свѣдѣнія, какъ нѣчто новое и сенсаціонное. Г. Diplomaticus скоро увидитъ, какое впечатлѣніе произведутъ заграницей его свѣдѣнія, не случайныя, изложенныя въ видѣ фактическаго communique въ официальномъ органѣ правительства.

Мы ожидали, конечно, что правительство поспѣшитъ опровергнуть статью своей газеты, ибо не сдѣлать этого—было бы еще невѣроятнѣе, чѣмъ помѣстить самую статью. Но, раньше чѣмъ мы прочли такое опроверженіе отъ имени правительства, мы читаемъ сегодня двѣ телеграммы: по одной изъ нихъ, по словамъ агентства Вольфа, правительство «предписало (въ Берлинѣ) опровергнуть» статью «Россіи», а по другой, Neue Freie Presse заявляетъ, что «Россія до сихъ поръ не предпринимала никакихъ шаговъ, которые могли быть объяснены желаніемъ иностраннаго вмѣшательства», и на этомъ основываетъ свое утвержденіе, что «о вмѣшательствѣ въ русскія внутреннія дѣла нѣтъ и рѣчи». Другими словами, «Neue Freie

Presse» даетъ показаніе, почти дословно совпадающее съ разоблаченіями г. Diplomaticus'a, и, вмѣсто опроверженія, блестяще подтверждаетъ ихъ. О вмѣшательствѣ нѣтъ рѣчи, потому что Россія до сихъ поръ не выразила яснаго и формальнаго «желанія» вмѣшательства... А г. Diplomaticus говоритъ: «съ австро-венгерской точки зрѣнія, необходимымъ условіемъ вмѣшательства является прямо и ясно высказанное желаніе русскаго правительства, безъ коего о какомъ бы то ни было активномъ воздѣйствіи не можетъ быть и рѣчи». Не ясно ли, что передъ глазами сотрудника «Freie Presse» и передъ глазами г. Diplomaticus'a лежали одни и тѣ же слова и строки, написанныя чернымъ по бѣлому? Г. Diplomaticus выдалъ головой своихъ покровителей, а Neue Freie Presse головой выдала г. Diplomaticus'a, и мы не видимъ, какимъ образомъ можно замести теперь слѣды ужасныхъ фактовъ, разоблаченныхъ въ Петербургѣ и въ Вѣнѣ. Государственная дума, какъ намъ кажется, должна предъявить запросъ министру иностранныхъ дѣлъ: народъ имѣетъ право знать правду о заговорѣ, который подготовляется противъ него, за его спиной.

138. Германское вмѣшательство и германское общественное мнѣніе *)

Въ одинъ и тотъ же день, 14 іюля, въ двухъ главныхъ вѣнскихъ газетахъ, «Die Zeit» и «Neue Freie Presse», появились статьи, цѣль которыхъ—успокоить русское общественное мнѣніе относительно опасности, яко бы грозящей освободительному движенію съ западной границы. Обѣ статьи написаны въ Берлинѣ, и любопытно, что для успокоительныхъ статей берлинцы предпочитаютъ искать мѣсто на столбцахъ вѣнскихъ газетъ. Газеты Германіи предпочитаютъ относиться къ русскому движенію очень осторожно и сдержанно; ихъ тонъ, напр., по отношенію къ перевороту 9 іюля, въ нѣсколько дней измѣнился изъ рѣзко осуждающаго переворотъ въ сдержанно-сочувствующій новому министерству.

Въ разбираемыхъ статьяхъ вѣнскихъ газетъ тонъ, конечно, иной, и пріемы успокоенія, выбираемые авторами, заимствованы

*) „Рѣчь“, № 130, 19 іюля.

вовсе не изъ офиціальнаго арсенала. Авторы не берутся доказывать, что слухи объ австрійскомъ и германскомъ вмѣшательствѣ— невѣрны. Они только стараются доказать, что эти слухи, съ точки зрѣнія германской демократіи, неправдоподобны. И доказывается эта неправдоподобность такъ горячо и настойчиво, что читатель невольно начинаетъ думать: а не боятся ли сами авторы успокоительныхъ статей, что тревожные слухи могутъ оказаться справедливыми.

Статья «Die Zeit» прямо признаетъ, что германское правительство своимъ содѣйствіемъ русскимъ властямъ при преслѣдованіи русскихъ неблагонадежныхъ элелентовъ дало полное основаніе русскому обществу заключить, что въ Берлинѣ боятся и враждебно относятся къ русской политической борьбѣ. И газета признаетъ только, что «при такихъ условіяхъ нѣмецкое общественное мнѣніе тѣмъ болѣе обязано рѣзко отдѣлить себя отъ того, какъ думаетъ о русской революціи германское правительство» По словамъ автора статьи, «$^{9}/_{10}$ германскаго народа симпатизируютъ русскому движенію, а остальная $^{1}/_{10}$ все-таки считаетъ русскій абсолютизмъ осужденнымъ исторіей. Поэтому, весь германскій народъ, до послѣдняго человѣка, возсталъ бы противъ правительственнаго вмѣшательства». И авторъ статьи въ «Freie Presse», г. Нотанъ, подтверждаетъ: «Если бы у Гогенцоллерновъ и Габсбурговъ были совѣтниками революціонеры, которые сознательно стремились бы къ цѣли подвергнуть тяжкому испытанію монархическую форму правленія обѣихъ странъ, тогда было бы вѣроятно, что австрійскія и нѣмецкія войска пойдутъ противъ русскаго народа и возбудятъ кабинетную войну при содѣйствіи національныхъ военныхъ силъ. Но это нѣчто невозможное». И обѣ газеты стараются успокоить опасенія, не совсѣмъ точно переданныя въ заграничныхъ газетахъ отъ имени нѣкоторыхъ русскихъ общественныхъ дѣятелей: «Петрункевичъ и Милюковъ переоцѣниваютъ одно: степень вліянія нашей реакціи. Общественный слой, который цѣпляется за абсолютистскую Россію, у насъ очень тонокъ. Масса народа присоединяется къ клику: «да здравствуетъ дума, да здравствуетъ русская свобода». И «Freie Presse» повторяетъ: «Проф. Милюковъ можетъ найти надежныхъ союзниковъ въ самой Австро-Венгріи и Германіи, и эти союзники представляютъ то преимущество, что они могутъ активно вмѣшаться, если бы предполагаемая ими опасность оказалась существующей въ дѣйствительности».

Мы чрезвычайно рады этимъ разъясненіямъ отъ имени герман-

скаго общественнаго мнѣнія. Можемъ прибавить, что въ симпатіи къ намъ демократическихъ круговъ германскаго и австрійскаго общества мы никогда не имѣли основанія сомнѣваться. Всѣ наши опасенія идутъ немногимъ дальше того, чѣмъ опасенія самихъ цитированныхъ нами авторовъ, которые считаютъ необходимымъ отдѣлять дружественное Россіи общественное мнѣніе отъ намѣреній правительства. А мы только о правительственныхъ намѣреніяхъ и говорили и съ этой стороны видѣли опасность для русской свободы. Теперь мы съ удовольствіемъ констатируемъ, что, косвенно подтверждая самые слухи о правительственныхъ переговорахъ, наши германскіе друзья значительно помогаютъ намъ ослабить опастность этихъ слуховъ своими энергичными протестами.

IX. Послѣ роспуска думы.

139. Подъ первымъ впечатлѣніемъ. *).

Въ Лондонѣ сегодня открываетъ засѣданія междупарламентская конференція, въ которой должна принять участіе и делегація, посланная изъ русской государственной думы. Конференція призвана обсуждать вопросъ международнаго мира... Какой горькой насмѣшкой звучатъ теперь эти простыя фактическія сообщенія. Думы больше нѣтъ, а вопросы международнаго мира уступили мѣсто вопросу о междоусобной войнѣ... Такова жестокая иронія русской исторіи. Чтобы быть справедливыми, мы должны сказать, что въ такомъ положеніи нѣтъ ничего новаго и ничего неожиданнаго. Русская дѣйствительность только подтверждаетъ самое себя,—подтверждаетъ то, что въ ней господствуетъ всегда и во всѣхъ случаяхъ не законъ разумности и цѣлесообразности, а законъ непредвидѣннаго и неожиданнаго. Если, въ самомъ дѣлѣ, счастливы тѣ страны, которыя не имѣютъ исторіи, въ которыхъ все разумно и предусмотрѣно, то Россія къ числу счастливыхъ странъ отнесена быть не можетъ.

Однако, потребность реагировать разумно на стихійные удары не атрофировалась совершенно и въ нашей несчастной странѣ Напротивъ удары, подобные удару 9 іюля, должны встряхнуть страну

*) „Рѣчь“. № 122.

до глубочайшихъ низовъ, и тамъ, въ этихъ низахъ, должны пробудить сознаніе въ каждомъ рядовомъ обывателѣ, что теперь наступило такое время, когда каждый рядовой обыватель изъ пассивнаго наблюдателя превращается въ активнаго участника событій. Всякій чувствуетъ, что стоять на высотѣ положенія въ такіе дни есть долгъ и обязанность каждаго. Поднимается ли рядовая Россія въ уровень съ высотой положенія? Вотъ тотъ мучительный вопросъ, отвѣтить на который могутъ только факты жизни и отъ отвѣта на который зависитъ весь дальнѣйшій ходъ событій.

Покажите примѣръ, говорятъ намъ изъ этой обывательской толпы. Вы стоите вверху, отъ васъ мы ждемъ слова, скажите его, и мы будемъ съ вами. Въ двухъ словахъ это обывательское настроеніе отразилось очень вѣрно. Обыватель обѣщаетъ «защищать думу».

Защищать думу: тутъ указаны два условія. Нужно, во-первыхъ, чтобы было кого защищать. Нужно, во-вторыхъ, чтобы это нѣчто нуждалось въ защитѣ. Есть эти два условія—и обывательскія слова могутъ воплотиться въ факты. Нѣтъ ихъ—и обывательское настроеніе, безформенное и скоропреходящее, какъ оно постоянно бываетъ, грозитъ раствориться въ потокѣ тихихъ, нескоропреходящихъ настроеній. Фиксировать настроеніе, кристаллизовать его на опредѣленной точкѣ для опредѣленной цѣли — такова ближайшая задача момента.

Но существуетъ ли самое настроеніе, которое можно фиксировать? Кажущееся равнодушіе, съ которымъ столица приняла роковую вѣсть 9-го іюля, какъ будто свидѣтельствуетъ объ обратномъ. Планъ людей, совершившихъ дѣло 9-го іюля, очевидно, расчитанъ на эту низкую расцѣнку общественной сознательности.

Мы думаемъ, что на этотъ основной вопросъ — отвѣтъ въ настоящую минуту невозможенъ. Только сама жизнь, сама русская дѣйствительность можетъ опрокинуть или подтвердить разсчеты, построенные на ней обѣими сторонами.

Но другой элементъ учета — есть дума, объектъ ближайшихъ дѣйствій. Читатель пойметъ, почему отъ обсужденія этого вопроса мы въ настоящую минуту уклоняемся. Какъ учрежденіе, разумѣется, дума перестала существовать со времени указа 8-го іюля. Но, какъ идея, дума существуетъ и будетъ существовать до тѣхъ поръ, пока сама не нанесетъ себѣ какого нибудь удара, разрушающаго сложившіяся о ней представленія. Нѣсколько дней тому назадъ мы сказали—и мы повторяемъ это теперь,—что, каковы бы ни были собственныя дѣйствія думы, одно ея имя будетъ свѣтящейся точ-

кой, во имя которой и около которой будутъ сходиться люди. Съ тѣхъ поръ событія показали, что дума—болѣе чѣмъ простое имя, хотя и менѣе, чѣмъ учрежденіе. Дума есть длящійся фактъ, можетъ быть, безсильный, можетъ быть, всемогущій,—во всякомъ случаѣ существующій.

Теперь третій элементъ учета. Нужно ли «защищать» думу? И здѣсь намъ приходится выражаться гадательно и энигматично Защищать идею? О да, эта мысль скоро станетъ неотвязной мечтой всей сознательной Россіи. Но, защищая идею, нужно ли вмѣстѣ защищать и фактъ? Опять только жизнь можетъ отвѣтить на эту загадку. Если дума есть, то надо защищать не думу вообще, не будущую думу, не новые выборы въ будущую думу. Надо защищать эту думу, которую народъ знаетъ, въ которую онъ научился вѣрить. Политическій первенецъ русскаго народа, эта дума останется навсегда тѣмъ любимымъ ребенкомъ, отъ котораго всего ждутъ и которому все прощаютъ. Пусть она ошиблась, пусть она безрасчетно рисковала и безполезно гадала — но ея воля и идея были чисты, она хотѣла того, чего хотѣлъ послѣдній человѣкъ въ глухомъ углу Россіи, и въ своихъ заблужденіяхъ, своихъ ошибкахъ и паденіяхъ эта дума останется нынѣ дорогой и милой народному сердцу. О да, дума, какъ фактъ, сливается въ народной мысли съ думой, какъ идеей. Эта дума можетъ зажечь сердца и окрылить волю.

Итакъ, нашъ выводъ? Читатель насъ извинитъ, если на этотъ разъ нашего вывода мы не скажемъ. Если онъ не написанъ въ сердцахъ, безполезно писать его на бумагѣ; если же нашъ выводъ есть миражъ, жизнь, все равно, насъ жестоко накажетъ.

140. Министерство переворота и люди изъ общества *).

По словамъ офиціозной «Россіи», «въ составъ новаго кабинета, составляемаго нынѣ предсѣдателемъ совѣта министровъ П. А. Столыпинымъ, войдутъ представители нѣкоторыхъ общественныхъ группъ». Какъ бы въ pendant къ этому обновленному персоналу, «Правительственный Вѣстникъ» сообщаетъ и обновленную программу будущаго министерства. «Проникнутая духомъ широкихъ реформъ, Россія и на будущее время будетъ держаться благодѣтельныхъ путей обновленія», стремясь цѣлесообразно сочетать въ цѣляхъ государственнаго созиданія начала свободы и порядка».

Итакъ, правительство государственнаго переворота хочетъ идти путемъ либеральнымъ. По выраженію «Россіи», «оно ясно понимаетъ, отъ кого оно можетъ ждать, что будетъ поддерживаемо, и отъ кого не можетъ ничего ждать, кромѣ противодѣйствія».

Какъ мы слышали, для выполненія намѣченной задачи, нашъ новый премьеръ обратился къ А. И. Гучкову. Отъ А. И. Гучкова г. Столыпинъ, очевидно, «могъ ждать, что будетъ поддерживаемъ» Однако же, по нашимъ свѣдѣніямъ, А. И. Гучковъ отказался отъ предложеннаго ему министерскаго портфеля. Такимъ образомъ, на этотъ разъ, по крайней мѣрѣ, репутація «яснаго пониманія» того, кто будетъ за и кто противъ переворота,—не подтвердилась.

Если даже А. И. Гучковъ противъ участія въ министерствѣ г. Столыпина, понимаетъ-ли «ясно» новый предсѣдатель совѣта министровъ, что это значитъ? Понимаетъ ли онъ, что, даже съ его собственной точки зрѣнія, А. И. Гучковъ не можетъ быть отнесенъ къ категоріи тѣхъ людей, «кому не дорога Россія, кто и сы группъ, партій, отдѣльныхъ честолюбцевъ ставитъ выше хъ интересовъ государства, предательски отходятъ къ сторонкѣ». Если А. И. Гучковъ отказался не потому, что ему «не дорога Россія», не потому, что онъ ставитъ личные или партійные интересы выше общихъ, то почему же онъ отказался?

Мы думаемъ, что если бы нашъ премьеръ хотя на мгновеніе «ясно понялъ», почему отказался А. И. Гучковъ, то онъ бы понялъ ясно, что это опредѣляетъ вполнѣ и его позицію. По отношенію къ прошлому, правительственныя газеты обнаруживаютъ разительную

---

*) «Рѣчь», № 124, 12 іюля.

«ясность пониманія». Онѣ хорошо понимаютъ, что въ роспускѣ думы не было «никакой неожиданности» и что этотъ актъ «явился неизбѣжнымъ послѣдствіемъ того положенія», которое «Россія» кратко характеризуетъ «невозможностью совмѣстной работы совѣта министровъ съ народными представителями». Но они не говорятъ намъ, какимъ образомъ въ будущемъ они предполагаютъ избѣгнуть тѣхъ же самыхъ «неизбѣжныхъ послѣдствій» созыва новой думы и какимъ образомъ тогда окажется «возможной совмѣстная работа».

Впрочемъ, нѣтъ: они говорятъ объ этомъ; но какъ и что говорятъ? Они говорятъ, что прежняя дума «не оправдала надеждъ» страны, надѣясь, очевидно, что новая дума ихъ оправдаетъ. Правительственныя газеты утверждаютъ, что въ думѣ «не оказалось ни выдающихся дарованій, ни людей крѣпкихъ государственнымъ смысломъ, способныхъ въ пробудившемся яркомъ чувствѣ здороваго національнизма объединить стремленія и пожеланія подавляющей массы населенія». Пусть будетъ такъ. «Но откуда же и какимъ образомъ новые министры возьмутъ другихъ людей,—тѣхъ, которыхъ они призываютъ? Вѣдь недостаточно для этого воскликнуть: «они существуютъ, эти богатыри!... Русскій народъ слишкомъ могучъ и великъ!... они не могутъ не существовать!...» «Правительственный Вѣстникъ» намекаетъ, правда, что «свѣтлые умы въ нашемъ отечествѣ» явятся въ результатѣ воспитанія «въ такомъ направленіи, чтобы они не были иностранцами среди глубокой народной стихіи». Но, увы, это старый, очень старый совѣтъ, давно испробованный и давно оказавшійся негоднымъ. Такъ разсуждалъ императоръ Николай I въ началѣ своего царствованія, когда реакція почти тѣми же словами говорила о декабристахъ. Такъ разсуждалъ графъ Уваровъ, составляя свою тріединую формулу «офиціальной народности». Потомъ такъ стали думать люди помельче, графы Толстые и Деляновы. На наше несчастье, за старыми рамоликами послѣдовали юные невѣжды и вознамѣрились, повидимому, продѣлать нашу общественную исторію опять съ самаго начала.

Успокоимся, однако. «Русскій народъ слишкомъ могучъ и великъ!» Онъ, дѣйствительно, слишкомъ великъ и слишкомъ могучъ, чтобы выносить эксперименты in anima vili. Было когда-то такое время, когда этотъ великій и могучій народъ отличался феноменальной выносливостью. Но теперь это время прошло. Теперь объ «оправданіи надеждъ» говорятъ, обыкновенно, но не по отношенію къ надеждамъ, возлагаемымъ просвѣщеннымъ и попечительнымъ правительствомъ на «ограниченныхъ разумомъ» подданныхъ, а по отно-

шевію къ надеждамъ, возлагаемымъ народомъ на исполнителей его воли. И судьей того, кто «крѣпокъ государственнымъ смысломъ» и кто этого смысла совершенно лишенъ, является опять онъ же, этотъ народъ, рѣшительно выросшій изъ дѣтскихъ пеленокъ.

Вотъ это и есть то, что, повидимому, понимаетъ А. И. Гучковъ— и что пойметь также и П. А. Столыпинъ,... когда будетъ поздно.

141. „Мирные обновители“ *).

«Партія мирнаго обновленія» выпустила тоже свой манифестъ «къ избирателямъ». Этотъ манифестъ могъ быть напечатанъ въ газетахъ, и «Новое Время» даже заявило, что ему «пріятно указать» на произведеніе гг. Стаховича, гр. Гейдена и Н. Н. Львова. Газета г. Суворина справедливо называетъ группу гр. Гейдена «новой партіей». Въ государственной думѣ въ послѣднее время постоянно ходили слухи, что партія организуется, совѣщается, собирается выступить. Но выступить ей пришлось уже послѣ закрытія думы; и даже теперь ея основатели все еще принуждены подписывать свой первый печатный документъ «по уполномочію» — неизвѣстно кого: очевидно, даже правильно избраннаго комитета «новая партія» еще не имѣетъ.

Это, однако, не мѣшаетъ «новой партіи» выступать съ большимъ апломбомъ. Изъ воззванія мы, къ большому удивленію, узнаемъ, что это именно она, партія мирнаго обновленія, «отстаивала въ государственной думѣ увеличеніе площади крестьянскаго землевладѣнія»; и именно она настолько была энергична въ своей борьбѣ за «увеличеніе площади», что въ министерствѣ «встрѣтила не помощь, а противодѣйствіе, вызвавшее насъ (партію) на борьбу съ нимъ, при которой совмѣстная работа явилась невозможной». Очевидно, только скромность — совершенно ложная, по нашему мнѣнію, — мѣшаетъ партіи мирнаго обновленія открыто заявить, что и роспускъ думы есть прямое слѣдствіе того трагическаго положенія, въ которое гг. Стаховичъ, Гейденъ и Н. Н. Львовъ поставили министерство своей настойчивостью, съ которой «отстаивали увеличеніе площади крестьянскаго землевладѣнія».

Какъ бы то ни было, съ момента роспуска думы энергія «мирныхъ обновителей» сильно ослабѣла. Передъ фактомъ роспуска они

*) „Рѣчь“, № 125, 13 іюля.

преклоняются и спѣшатъ доказать его конституціонность. Партія мирнаго обновленія хотѣла «увеличить площадь», министры не хотѣли: очевидно, только и оставалось—«провѣрить соотвѣтствіе нашихъ заявленій съ дѣйствительными желаніями народа» и распустить думу. Если народъ не хочетъ «увеличенія площади» своего землевладѣнія, то онъ пошлетъ въ думу сторонниковъ г. Гурко; если же народъ хочетъ, тогда... тогда онъ пошлетъ партію мирнаго обновленія.

Естественно, что при такой умилительной картинѣ заботъ партіи о народѣ, «мирнымъ обновителямъ» не особенно выгодно знакомить своихъ «избирателей» съ тѣмъ, что въ дѣйствительности говорили въ думѣ гг. Гейденъ, Стаховичъ и Львовъ по аграрному вопросу. Не останавливаясь на своихъ старыхъ грѣхахъ, партія обращаетъ свою мысль въ грядущее и предлагаетъ народу «направить усилія къ будущимъ выборамъ». Воззваніе забываетъ, что отъ этихъ выборовъ отдѣляетъ Россію цѣлыхъ семь мѣсяцевъ, тогда какъ двухъ мѣсяцевъ больше чѣмъ достаточно было бы для повторенія выборовъ по старой системѣ. Очевидно, для самой «старательной подготовки къ выборамъ» этого времени слишкомъ много, и на досугѣ народъ можетъ отвлечься отъ прямой своей задачи—выбирать партію мирнаго обновленія—другими дѣлами, не только преступными, но «среди переживаемой смуты прямо безумными.»

Дальнѣйшая—самая главная послѣ пропаганды собственной партіи—цѣль воззванія и заключается въ строгомъ внушеніи по адресу тѣхъ, кто «вѣрилъ и выбиралъ» гг. Гейдена, Стаховича и Львова. «Мирные обновители» грозятъ ослушникамъ своихъ совѣтовъ «крутыми мѣрами правительства», множествомъ жертвъ и безплодныхъ потерь, «разореніемъ, распаденіемъ и погибелью» «нашей святой родины», notre sainte Patrie; и истощивъ всѣ эти средства внушенія, они, наконецъ, напоминаютъ «тѣмъ, кто имъ вѣритъ», о великой нравственной отвѣтственности, о «несказанномъ грѣхѣ» тѣхъ, кто принуждаетъ правительство стрѣлять въ себя и, насилуя самыя святыя чувства попечительной власти, заставляетъ его «проливать кровь» собственныхъ подданныхъ. «Несказанный грѣхъ» жертвъ карательныхъ экспедицій, заставившихъ власть поднять на себя руку,—это, несомнѣнно, высшая точка, до которой поднималось до сихъ поръ русское политическое краснорѣчіе—по крайней мѣрѣ, со времени кровавыхъ покаяній Ивана Грознаго.

Словомъ, «партія мирнаго обновленія»—прекрасная партія и совсѣмъ не новая къ тому же. Разсказавъ избирателямъ, что это

она своими заботами о народѣ поссорила думу съ министерствомъ, партія заявляетъ, что она и дальше будетъ продолжать свою «упорную работу», и если населеніе «дорожитъ своимъ представительствомъ въ дѣлѣ правленія и участіемъ въ созданіи законовъ», то, во-первыхъ, въ теченіе семи мѣсяцевъ оно спокойно обойдется безъ этого представительства и безъ этого участія, а въ концѣ семи мѣсяцевъ, «старательно подготовившись къ выборамъ», выберетъ въ новую думу партію мирнаго обновленія. Выберутъ, конечно, «тѣ, кто ей вѣритъ». Навѣрное, это будутъ тѣ, кто «среди переживаемой смуты» «безпрекословно подчиняются» распоряженію, лишающему народъ того «представительства и участія въ изданіи законовъ», которыми народъ такъ сильно «дорожитъ». Если все-таки народъ не выберетъ въ слѣдующую думу гг. Стаховича, Гейдена и Львова, значитъ онъ, очевидно, не «дорожитъ» своими политическими правами и расширеніемъ своего землевладѣнія... Убѣдительно пишутъ гг. Стаховичъ, Гейденъ и Львовъ.

142. По поводу отвѣта гр. Гейдена *).

Гр. Гейденъ напрасно расширяетъ предѣлы нашей полемики, выискивая причины, за которыя, «можетъ быть», мы обвиняемъ его и его единомышленниковъ. Намъ, напротивъ, всегда нравилась «благовоспитанность» гр. Гейдена, и мы только желали бы, чтобы онъ обнаруживалъ ее не только по отношенію къ министрамъ, но и по отношенію къ «честнымъ журналистамъ». Съ этой точки зрѣнія, такія выраженія, какъ «злоба и клевета», или намеки на «многихъ и многихъ», обвиняющихъ гр. Гейдена исключительно «за призывъ къ миру и спокойствію», кажутся намъ печальными результатами двухмѣсячнаго общенія гр. Гейдена съ нѣкоторыми, не одобряемыми имъ ораторами гос. думы. Мы, конечно, не перестанемъ считать вредными въ общественномъ смыслѣ людей, которые выбираютъ настоящій моментъ, чтобы утверждать, что «все старое прошло безвозвратно и что въ новой свободной Россіи нѣтъ мѣста насилію». Но мы считаемъ ихъ вредными не потому, чтобы сомнѣвались въ ихъ личной «добросовѣстности». Напротивъ, они тѣмъ вреднѣе, что добросовѣстно утверждаютъ абсурды, вродѣ только что приведеннаго, и страдаютъ скорѣе неумѣніемъ, чѣмъ нежеланіемъ

*) „Рѣчь“, № 128, 16 іюля.

видѣть и понимать, что творится вокругъ. Мы должны, однако, признаться, что въ опубликованномъ воззваніи гг. Гейденъ, Стаховичъ и Н. Н. Львовъ ужъ слишкомъ злоупотребили своимъ правомъ непониманія и,—конечно, невольно—очутились въ томъ положеніи общественныхъ Тартюфовъ, которое требовало надлежащей оцѣнки со стороны «честнаго журналиста», добросовѣстно исполняющаго свои общественныя обязанности. Гр. Гейденъ и теперь продолжаетъ не понимать и чистосердечно насъ спрашивать: о чемъ же умолчалъ онъ въ своемъ воззваніи? Отвѣчаемъ: онъ умолчалъ именно о томъ, о чемъ теперь говоритъ, а долженъ бы былъ сказать тогда. Онъ умолчалъ какъ разъ о томъ, что ихъ партія «была малочисленна въ думѣ», что она составляла лишь «частицу цѣлаго», что ихъ позиція въ аграрномъ вопросѣ была очень далека отъ той, которая вызвала «противодѣйствіе» министерства. Если бы онъ обо всемъ этомъ упомянулъ, то намъ не понадобилось бы подчеркивать комическій характеръ утвержденій его манифеста, приписывавшихъ членамъ партіи «мирнаго обновленія» возбужденіе конфликта между думой и министерствомъ.

Мы готовы согласиться съ гр. Гейденомъ, что готовность быть привлеченнымъ по 129 статьѣ «не исчерпываетъ всѣхъ достоинствъ хорошаго гражданина». Но бываютъ времена, когда это достоинство оказывается довольно существеннымъ въ общемъ каталогѣ гражданскихъ доблестей. Мы согласились бы съ гр. Гейденомъ и въ томъ, «что теперь, когда мы получили возможность вести мирную борьбу, мы не должны отвѣчать насиліями на насилія», если бы могли согласиться съ первымъ словомъ этой фразы. Къ сожалѣнію, именно теперь мы согласиться съ гр. Гейденомъ не можемъ, и, можетъ быть, въ добровольномъ заблужденіи гр. Гейдена насчетъ того, что дѣлается теперь, и заключается секретъ малочисленности его группы и трагикомическаго безсилія его аргументовъ.

143. Тишина передъ бурей и лозунги момента *).

Первое гнетущее впечатлѣніе, произведенное роспускомъ государственной думы, нѣсколько улеглось. Сторонники переворота торжествуютъ и спѣшатъ уличить во лжи и заблужденіяхъ тѣхъ, кто, въ случаѣ насилія надъ думой, грозилъ движеніемъ въ странѣ. По

*) „Рѣчь“ № 128, 16 іюля.

нашему мнѣнію, эти люди торжествуютъ прежде временно. Немножко больше вниманія къ настроенію страны,—и самый покой и тишина, наступившіе послѣ 9 іюля, должны были бы напугать людей переворота гораздо больше, чѣмъ самыя яркія общественныя демонстраціи. Настроеніе въ странѣ не успокоилось, оно только вошло внутрь и теперь переживаетъ какой то тяжелый подготовительный процессъ. Страна затихла и притаилась, какъ бы сразу почувствовавъ, что тѣ мелкіе обыденные эпизоды уличной революціи, о которыхъ мы устали читать въ каждомъ номерѣ газетъ, уже не къ лицу торжественному моменту. Въ наступившемъ сразу молчаніи сказался не простой испугъ: въ немъ сказалось инстинктивное чувство человѣка, который, лицомъ къ лицу со смертельной опасностью, сразу становится спокоенъ и въ послѣдній разъ собирается съ силами. Биржа на этомъ успокоилась—и она права: на сегодня довольно, а завтра ей придется реагировать на новое положеніе. Но если и правительство успокоилось на своей мнимой побѣдѣ, оно глубоко неправо и скоро оно почувствуетъ свою ошибку.

Когда огромному и сложному организму приходится реагировать на внезапное раздраженіе,—первыя движенія этого организма отличаются полной несогласованностью мѣстныхъ и главныхъ нервныхъ центровъ. Получается какой то кругъ: мѣстные центры не могутъ цѣлесообразно реагировать безъ центральнаго импульса, а главный центръ не можетъ дать импульса, не получивъ отклика на раздраженіе изъ мѣстнаго центра. И чѣмъ совершеннѣе организація, тѣмъ этотъ промежутокъ между раздраженіемъ на поверхности и директивой изъ центра становится значительнѣе, — и тѣмъ грандіознѣе бываетъ окончательное разряженіе нервной энергіи.

Такимъ образомъ, глубокое и внезапное молчаніе, охватившее страну послѣ переворота 9 іюля, кажется намъ трагическимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствуетъ, что прошло то время, когда общественное мнѣніе въ странѣ было неорганизовано и хаотично. Теперь страна ждетъ указаній отъ центровъ.

Мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ возможности обсуждать то единственное указаніе, которое было дано изъ центра, наиболѣе авторитетнаго для страны въ настоящую минуту. Мы знаемъ, что указаніе это вызвало разное отношеніе къ себѣ въ провинціи, и что отъ него ожидали скорѣе больше, чѣмъ меньше того, что оно дало въ дѣйствительности. Офиціальные органы печати его вышучивали, крайнія лѣвыя партіи его критиковали; но обсуждать этотъ шагъ мы теперь не можемъ. Какъ бы то ни было, шагъ этотъ былъ един-

ственнымъ и послѣднимъ въ своемъ родѣ. Если бы даже и были возможны своевременно какіе-либо иные шаги, теперь психологическій моментъ для нихъ прошелъ. Думы нѣтъ больше, и всякіе дальнѣйшіе шаги могутъ исходить только отъ партій и группъ, входившихъ въ ея составъ. Думы нѣтъ, хотя живы ея завѣты: и эти завѣты должны послужить исходной точкой для всякой дальнѣйшей общественной проповѣди.

Конечно, завѣты думы каждая партія понимаетъ по своему, и возможность сговориться на общихъ лозунгахъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, въ эти тяжелыя минуты дѣйствовать сообща, для насъ совсѣмъ не ясна. Вокругъ самаго факта роспуска думы уже начинается споръ, и только что совершившіеся, всѣмъ извѣстные факты уже извращаются и перетолковываются въ угоду извѣстному партійному пониманію. Мы не будемъ сейчасъ входить въ разборъ этого, обѣщающаго сдѣлаться безконечнымъ, спора о томъ, виноваты ли въ роспускѣ думы сторонники «конституціонныхъ иллюзій», или сторонники «революціонныхъ иллюзій», или еще кто-нибудь третій. Мы теперь, вообще, не хотимъ выискивать матеріала для разногласій, а стараемся только установить возможныя точки соприкосновенія для общаго и единодушнаго протеста.

Такихъ точекъ соприкосновенія, по нашему мнѣнію, должно быть три: всѣ партіи безъ различія взглядовъ должны быть единодушны, какъ по отношенію къ самому факту перерыва въ дѣятельности народнаго представительства, такъ и къ вопросу о срокѣ возстановленія дѣятельности народнаго представительства. La douma est morte: vive la douma! Эта удачная формула главы англійскаго кабинета чрезвычайно удачно выражаетъ то, что должно быть, по нашему мнѣнію, центральной мыслью всѣхъ защитниковъ народнаго представительства. Россія безъ думы больше немыслима: это внушаетъ теперь даже и правительственный органъ гг. Гринмутамъ и Дубровинымъ. Оставить страну теперь безъ представительства на долгіе семь мѣсяцевъ—значитъ вести ее навстрѣчу всевозможнымъ приключеніямъ и катастрофамъ.

Другая мысль, которую съ неожиданнымъ успѣхомъ укрѣпила въ умахъ населенія упорная борьба первой думы съ бюрократическимъ министерствомъ, есть мысль о думскомъ министерствѣ. Осуществленіе этой мысли будетъ равноспильно торжеству идеи парламентской монархіи. Въ свое время мы указывали причины, почему привить эту мысль въ Россіи несравненно легче, чѣмъ было на западѣ. Дѣйствительность, повидимому, подтверждаетъ наши ожиданія.

Наконецъ, рядомъ съ первыми двумя должна быть немедленно выдвинута, какъ предметъ для общей пропаганды, и третья идея: та идея, на которой основанъ проектъ земельной реформы, встрѣтившій наибольшее противодѣйствіе и, несомнѣнно, послужившій одной изъ самыхъ главныхъ причинъ роспуска думы—идея принудительнаго отчужденія. Несомнѣнно, есть цѣлый рядъ другихъ существенныхъ вопросовъ, связанныхъ съ дѣятельностью первой думы и подлежащихъ дальнѣйшей популяризаціи среди населенія. Можно было бы сказать, что все это содержаніе могло бы быть выражено въ одномъ общемъ лозунгѣ: продолженіе и окончаніе работъ, начатыхъ первой думой. Однако, прежній лозунгъ, указанный нами выше, представляется, какъ мы могли убѣдиться при обмѣнѣ мыслей со многими нашими товарищами по взглядамъ, болѣе конкретнымъ и цѣлесообразнымъ.

Намѣчая эти цѣли, мы пока вовсе не указываемъ средствъ для ихъ достиженія. Обсужденіе этихъ средствъ въ настоящую минуту было бы болѣе затруднительнымъ. Мы также далеко не исчерпываемъ всѣхъ тактическихъ задачъ момента, а лишь ставимъ вопросъ объ общихъ лозунгахъ. Къ другимъ сторонамъ вопроса мы еще будемъ имѣть случай вернуться.

144. Растерянность побѣдителей и планы либеральной реакціи *).

Какая странная перемѣна декорацій! Въ теченіе двухъ съ половиной мѣсяцевъ государственная дума подготовляла законы, намѣчала реформы, составляла планъ дѣйствій,—словомъ, опредѣляла все теченіе внутренней политики надолго впередъ. Правительство молчало и абсолютно бездѣйствовало. Теперь, наоборотъ, общественныя группы, составлявшія думу, упорно молчатъ о своихъ намѣреніяхъ и планахъ. Правительство составляетъ планъ дѣйствій, намѣчаетъ свою программу внутренней политики и спѣшитъ повѣдать о ней urbi et orbi. Сегодня мы узнаемъ, что министерство собирается потѣсниться и дать мѣсто возлѣ себя представителямъ либеральныхъ общественныхъ группъ. Завтра намъ говорятъ, что правительство готово издать чуть не всѣ тѣ законы, къ проведенію которыхъ стремилась дума. И насъ наивно спрашиваютъ: что же перемѣнилось и чѣмъ, собственно, мы недовольны? Хотимъ участво-

*) „Рѣчь“, № 129, 18 іюля.

вать въ министерствѣ?—Сдѣлайте одолженіе, пожалуйте!—Хотимъ обновить Россію новыми законами?—Безъ думы это еще легче сдѣлать, чѣмъ при думѣ!

И тѣмъ не менѣе, въ этой суетливой разговорчивости, въ этомъ видѣ развязности есть что-то безпокойное, глубоко неувѣренное въ себѣ. И въ этомъ грозномъ молчаніи другого лагеря есть какая-то увѣренность и скрытая сила. И побѣдители не радуются побѣдѣ; побѣжденные не чувствуютъ пораженія.

Всмотримся ближе въ положеніе и мы поймемъ причины этой своеобразной разницы въ настроеніи двухъ лагерей.

Что, въ самомъ дѣлѣ, выиграли побѣдители и какъ они смогутъ воспользоваться побѣдой? Задумывая свой coup d'état, они, несомнѣнно, очень хорошо понимали, чего они не хотятъ; но чего именно они хотятъ и что они будутъ дѣлать въ случаѣ успѣха переворота,—объ этомъ они не подумали. Они не хотѣли шумливой думы, которая всюду совала свой носъ, не различая дозволеннаго отъ запрещеннаго; они не хотѣли дать этой безпокойной и подозрительной думѣ заглянуть слишкомъ глубоко въ ихъ карманъ. Послѣ большихъ колебаній, продолжавшихся до послѣдней минуты, они, наконецъ, рѣшились на роспускъ. Но именно потому, что вся ихъ мысль была поглощена самымъ этимъ шагомъ и вся ихъ энергія была истрачена на его выполненіе, имъ некогда было думать о дальнѣйшемъ. Какъ мы предсказывали когда-то, они, какъ плохіе шахматные игроки, обдумали только ближайшій ходъ, но не обдумали ни всѣхъ возможныхъ отвѣтовъ противника, ни своихъ отвѣтовъ на его возможные ходы.

И вотъ теперь они стоятъ въ недоумѣніи. Если бы противникъ обнаружилъ сопротивленіе въ доступной ихъ пониманію элементарной формѣ,—о, тогда они знали бы, что имъ дѣлать. Ихъ военныя диспозиціи были составлены, пулеметы были готовы, блиндированные поѣзда стояли подъ парами. И вдругъ, ничего этого не понадобилось. Ходъ противъ нихъ былъ сдѣланъ иной, чѣмъ они ожидали. Ничего другого, кромѣ маленькихъ, неуловимыхъ бумажекъ, правда, безконечно и быстро растущихъ въ числѣ, какъ гаттоновы мыши! Маленькій, безсильный врагъ! И, однако... Что же дѣлать, что дѣлать дальше?

И имъ начало овладѣвать безпокойство. Вокругъ себя они почувствовали странную пустоту. Еще вчера была жизнь кругомъ, обиліе жизни, изліяніе жизни: и вдругъ все мертво, и всѣ ресурсы, всѣ орудія воздѣйствія на жизнь ускользаютъ изъ рукъ.

Эти общественные дѣятели, еще вчера такіе, казалось, сговорчивые, одинъ за другимъ оглядываются назадъ, отрекаются отъ солидарности, чего-то боятся — боятся пустоты. Эти либеральные законы, казалось, полные самаго животрепещущаго содержанія въ рукахъ народныхъ посланниковъ, вдругъ какъ-то теряютъ смыслъ; тѣ же самыя слова не вызываютъ ни прежняго энтузіазма, ни прежняго довѣрія; самыя надежныя орудія народнаго успокоенія ломаются, какъ гнилая солома, въ рукахъ либеральныхъ бюрократовъ. Никто ничему не вѣритъ; всѣ сторонятся и уходятъ. Пустота становится жуткой; молчаніе начинаетъ говорить... незримая и неслышная, въ немъ чувствуется Немезида государственнаго переворота.

Призвать ихъ опять, народныхъ избранниковъ? Невозможно. Невозможно расписаться въ собственной ошибкѣ. Они, правда, выговорили свои самыя страшныя слова и привыкли къ ихъ звуку. Ихъ утомили вынужденныя отступленія отъ настоящей работы; они рвались къ дѣлу, къ спѣшному обсужденію очередныхъ законопроектовъ; въ своемъ большинствѣ они твердо держали свою опредѣленную линію, противодѣйствовать которой не рѣшались даже ихъ противники, довольствовавшіеся строгимъ отграниченіемъ себя отъ думскаго большинства.

Имъ не хватало только увѣренности въ продуктивности результатовъ ихъ законодательной работы,—увѣренности, которую могло имъ дать только думское министерство. А это министерство... оно слишкомъ много хотѣло и обнаружило, въ своей несговорчивости, очевидную непрактичность. Оно хотѣло, чтобы участіе его во власти было настоящее, а не фиктивное; чтобы его призывъ къ довѣрію страны сопровождался наглядными доказательствами, что этому министерству можно вѣрить. Оно имѣло наивность предлагать завоевать довѣріе страны довѣріемъ къ странѣ. Оно, наконецъ, хотѣло назвать конституцію конституціей, хотѣло обезпечить за народнымъ представительствомъ право «кошелька» и устранить возможность крушенія законодательной думской работы у бюрократическаго «средостѣнія». Нѣтъ, такое министерство было невозможно, а безъ него невозможно было бы сохранить далѣе и старую думу.

Но, вѣдь, la douma est morte: vive la douma. Принципъ признанъ и въ документѣ, распускающемъ думу. Правительственный органъ увѣряетъ даже, что осуществлено и требованіе закона о назначеніи срока новыхъ выборовъ: вѣдь сказано же, что срокъ этотъ будетъ назначенъ впредь! Принципъ признанъ, хотя его осу-

ществленіе и отодвинуто на семь мѣсяцевъ. Черезъ семь мѣсяцевъ. Черезъ семь мѣсяцевъ дума оживетъ. Подумали ли виновники переворота, какая будетъ эта дума?

Они, правда, намекали не разъ и въ русской, и въ иностранной прессѣ, что съ своей стороны они мѣры примутъ, чтобы на сей разъ это были дѣйствительно «богатыри», «лучшіе люди». Старый урокъ не пройдетъ даромъ: теперь они сумѣютъ найти въ странѣ настоящихъ людей и соберутъ настоящую думу. При случаѣ они даже не постѣсняются нарушить конституцію и измѣнятъ избирательный законъ.

Для того, чтобы подготовить страну къ созыву такой думы, имъ понадобилось семь мѣсяцевъ. Поразительная слѣпота и фатальная ошибка расчета.

Черезъ семь мѣсяцевъ,—говорятъ намъ,—страна будетъ имѣть хорошіе законы, изданные министерствомъ; слѣдовательно, народнымъ представителямъ не на что будетъ сердиться, и они будутъ заниматься дѣломъ, а не словопреніями.

Тѣ, кто разсуждаетъ такимъ образомъ, пусть остановятъ на минуту вниманіе на слѣдующемъ размышленіи. Дума, имѣя за плечами полное довѣріе всей страны, не успѣла за два мѣсяца удосужиться для правильной законодательной работы, потому что ей пришлось день за днемъ вести борьбу съ худшими проявленіями бюрократическаго режима. Худо ли, хорошо ли дума централизовала эту борьбу въ себѣ самой и готовилась централизовать работу законодательства? Теперь этотъ живой центръ общественнаго настроенія разрушенъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ разрушено и довѣріе къ государственной власти. Движеніе вернулось къ тому хаотическому состоянію, въ которомъ оно находилось до созыва народнаго преставительства. Всѣ соединительныя нити между властью и общественнымъ мнѣніемъ безнадежно порваны. Полагаетъ ли министерство, что подобное положеніе дѣла создаетъ обстановку, болѣе благопріятную для его законодательной работы, чѣмъ та обстановка, которая создавалась работой государственной думы? Отвѣтить не трудно на этотъ вопросъ: стоитъ вспомнить благія намѣренія министерства Витте,—намѣренія, сокрушившіяся о недостаточность его полномочій и близорукость его понятій о благонамѣренныхъ элементахъ общества и о степени ихъ готовности пожертвовать свободой—порядку. Стоитъ вспомнить, что за октябремъ 1905 г. послѣдовалъ ноября и декабрь.

Министерство Столыпина вступаетъ на тотъ же роковой путь

и придетъ къ тѣмъ же фатальнымъ послѣдствіямъ. Очень скоро оно убѣдится въ тщетности своихъ намѣреній—удовлетворить общество поддѣльнымъ либерализмомъ. Порвавъ нить организованной борьбы, оно скоро окажется лицомъ къ лицу съ борьбой неорганизованной. Не пожелавъ уступить требованіямъ, прошедшимъ черезъ горнило народнаго представительства, оно будетъ принуждено въ послѣднюю минуту склониться передъ гораздо болѣе широкими требованіями, которыя выставитъ новая революціонная волна. И все это случится раньше, чѣмъ наступитъ 20 февраля. Чтобы предсказать это, достаточно заглянуть въ календарь нашихъ народныхъ движеній. Іюль—это мертвый сезонъ. Черезъ мѣсяцъ начнетя подъемъ, а къ зимѣ народное движеніе будетъ въ зенитѣ.

Тѣмъ временемъ г. Столыпинъ будетъ успокаивать страну своими либеральными законами и вздыхать о старой, благонравной и уравновѣшенной, безвременно погубленной имъ государственной думѣ.

145. Первые признаки общественнаго довѣрія *).

Событія развертываются быстрѣе, чѣмъ можно было предусмотрѣть. Столыпинъ еще не успѣлъ найти себѣ министровъ, которые бы согласились поставить на его циркулярахъ штемпель общественнаго довѣрія, а общественное «довѣріе» къ министерству переворота начинаетъ проявляться самымъ драматическимъ образомъ.

Всѣмъ партіямъ и общественнымъ группамъ казалось, что сигнала надо опасаться изъ деревни, и что только, какъ слѣдствіе аграрнаго движенія, возможна поддержка рабочаго класса и войска. Неожиданно для всѣхъ взрывъ произошелъ съ противоположнаго конца. Сегодня въ приложеніяхъ къ выборгской газетѣ «Karjala» мы прочли рядъ оглушающихъ вѣстей. Если вѣрить имъ, крѣпость Свеаборгъ находится въ рукахъ возставшаго гарнизона. Свеаборгъ господствуетъ надъ Гельсингфорсомъ, и тотъ, въ чьихъ рукахъ эта крѣпость, владѣетъ ключемъ къ Финляндіи, т. е. прочнымъ военнымъ базисомъ. Сочувствіе финской «красной гвардіи» и желѣзнодорожниковъ начавшемуся движенію, повидимому, обезпечено, и движеніе русскихъ войскъ черезъ границу будетъ затруднено перерывомъ желѣзнодорожнаго сообщенія.

Отсрочка англійскаго визита и недавнее распоряженіе русскимъ

---

*). „Рѣчь“, № 130, 19 іюля.

судамъ не возвращаться въ Кронштадтъ показываетъ, что правительство считаетъ и Кронштадтъ легковоспламенимымъ очагомъ революціоннаго движенія. Итакъ, мы стоимъ передъ возможностями, развитіе которыхъ трудно предусмотрѣть.

Лозунгъ возстанія на этотъ разъ уже не экономическій. Этотъ лозунгъ—возстановленіе старой думы. Правительство, распускавшее думу, не понимало, какой могущественный призывной кличъ оно даетъ въ руки движенію, до сихъ поръ не концентрированному. 6-го іюля, т. е. за три дня до роспуска думы, мы говорили: «итакъ, мы накапунѣ гражданской войны, потому что роспускъ думы—въ этомъ сомнѣнія быть не можетъ—равносиленъ гражданской войнѣ. Независимо отъ того, какъ поступитъ сама дума, когда ей будетъ предложено отдохнуть или разойтись совсѣмъ,—одно имя думы будетъ лозунгомъ, около котораго стекутся массы».

Мы боимся, какъ бы не оказаться пророками. Все, что будетъ отнынѣ предпрниматься противъ министерства переворота, будетъ предприниматься во имя думы — и притомъ не во имя думы вообще, а во имя старой думы. Лозунгъ этотъ настолько несомнѣнно обѣщаетъ сдѣлаться популярнымъ въ массахъ, что даже такіе доктринеры революціонизма, какъ русскіе соціалъ-демократы, поняли его значеніе и поспѣшили соединить съ нимъ свой обязательный офиціальный лозунгъ—учредительнаго собранія. Комбинація, которая, такимъ образомъ, получилась, довольно искусственна: с.-д. требуютъ возвращенія старой думы для созыва учредительнаго собранія. Какъ мы слышали, этой формулой центральнаго комитета очень недовольны большевики, и едва ли бы она имѣла шансы быть принятой, если бы не это движеніе въ Финляндіи. Теперь успѣхъ лозунга «возвращеніе старой думы» можно считать гораздо болѣе вѣроятнымъ.

Надо признаться, что при всей необычности и странности этого требованія, съ точки зрѣнія строго-конституціонной, въ сущности, отмѣна указа 9-го іюля и возстановленіе депутатскихъ полномочій членовъ старой думы было бы самымъ простымъ и практическимъ выходомъ изъ труднаго положенія, въ которое поставило себя правительство. Въ сущности, за указомъ этимъ, вслѣдствіе формальныхъ неправильностей, съ которыми онъ изданъ, самый строгій юристъ могъ бы съ чистой совѣстью отрицать юридическую силу. На эту точку зрѣнія могла бы стать и дума. Ея члены, однако, предпочли другой исходъ, менѣе формалистическій и болѣе согласный съ духомъ конституціонализма. Теперь аннулировать указъ 9 іюля могло бы само правительство, съ огромной пользою для власти и

для всей страны. Грозный ураганъ, первые признаки котораго появились вчера, тогда пронесся бы мимо; странѣ возвращенъ былъ бы миръ, и она избѣжала бы дальнѣйшихъ потрясеній, размѣры которыхъ трудно опредѣлить.

Гг. «мирные обновители», покажите же теперь, что, въ самомъ дѣлѣ, вы цѣните условія, при которыхъ возможна въ Россіи «мирная борьба»! Очередь теперь за вами. Отъ васъ зависитъ продлить кризисъ или, своимъ устраненіемъ, сдѣлать необходимой быструю развязку. Знайте только, что, если вы продлите кризисъ, послѣдствія будутъ ужасны, и вся кровь жертвъ междоусобной войны падетъ на ваши головы. Будьте разъ въ жизни прозорливы: признайте, что ваше время еще не пришло; термидоріанская реакція не наступила.

146. Невозможность министерства „общественныхъ дѣятелей“ *).

Министерство вчера почтило насъ конфискаціей нашего номера. Перебирая въ умѣ его содержаніе, мы никакъ не можемъ догадаться о причинѣ такого лестнаго вниманія. Большая часть номера была посвящена памяти нашего безвременно погибшаго, незабвеннаго М. Я. Герценштейна. Мы говорили языкомъ чувства; мы строили нѣкоторыя догадки; мы формулировали нѣкоторыя требованія. Неужели эти догадки задѣли министерство за живое? Можетъ быть, эти требованія показались ему черезчуръ революціонными?

Не желая подвергать риску конфискаціи и этого номера, мы не будемъ воспроизводить въ подробности нашихъ вчерашнихъ соображеній. Развивать тезисъ князя Урусова, очевидно, дозволительно будетъ только слѣдующей думѣ: для нашего «мирнаго» времени такіе разговоры, повидимому, неумѣстны. Но мы можемъ, повидимому, свободнѣе говорить о нашихъ требованіяхъ, такъ какъ съ ними мы адресовались не къ министерству г. Столыпина, а къ тѣмъ «общественнымъ дѣятелямъ», которые готовы были его реабилитировать въ общественномъ мнѣніи. Мы находимъ, что присутствіе Н. Н. Львова или гр. Гейдена въ министерствѣ какъ то не клеется съ офиціознымъ покровительствомъ черносотеннымъ организаціямъ, и отъ нихъ требовали закрытія этихъ организацій.

*) „Рѣчь“, № 132, 21 іюля.

Общественные дѣятели, поставившіе въ число своихъ условій амнистію, хотя и неполную, и отмѣну исключительныхъ законовъ, хотя и «постепенную», едва ли будутъ чувствовать себя хорошо въ сосѣдствѣ съ подпольными и надпольными погромными организаціями.

Мы ставили вопросъ такъ: министерство переворота, переодѣваясь въ костюмъ «общественныхъ дѣятелей», должно поступиться хотя бы наболѣе «національной» изъ своихъ привычекъ и способовъ дѣятельности. Но мы не сомнѣвались, что, лицомъ къ лицу съ этой ясно поставленной дилеммой, министерство рѣшитъ остаться при старинѣ и обойтись безъ «общественныхъ дѣятелей». Повидимому, къ этому дѣло и идетъ, и русская общественность будетъ пощажена отъ этого ненатуральнаго сочетанія: desinit in piscem mulier formosa superne.

Интересно прослѣдить въ офиціальной «Россіи», какъ развивалась въ правительствѣ эта правильная мысль о необходимости однородности новой министерской комбинаціи. Нѣсколько дней назадъ, подъ вліяніемъ первой счастливой мысли объ «общественныхъ дѣятеляхъ», мы прочли въ «Россіи» необыкновенную статью, провозглашавшую необходимость сдѣлать уступку обществу и открывавшую объятія правительства для всѣхъ, кромѣ «соціалистовъ и республиканцевъ». Черная сотня приглашалась бросить упорство и вступить въ ряды конституціоналистовъ. Это было въ то время, когда г. Столыпинъ рѣшился вытолкнуть изъ министерства господъ вродѣ Стишинскаго и Ширинскаго-Шахматова—и пробовалъ отдѣлаться отъ г. Гурко. Затѣмъ послѣдовалъ рядъ нюансовъ и переходовъ. «Россія» стала доказывать «общественнымъ дѣятелямъ», что амнистіи дать никакъ невозможно. Потомъ офиціальная газета объявила, что министерство вовсе не намѣрено дѣлать уступокъ какой-либо программѣ, привнесенной извнѣ. Если оно соглашается на «общественныхъ дѣятелей», то только потому, что находитъ ихъ программу сходной со своею. Читая эти статьи, мы находили совершенно естественнымъ заявленіе гр. Гейдена англійскому корреспонденту, что онъ ѣдетъ въ деревню. За гр. Гейденомъ, можетъ быть, скоро послѣдуютъ и другіе кандидаты въ министерство изъ «общественныхъ дѣятелей».

Событія послѣднихъ дней, мы надѣемся, показали обѣимъ сторонамъ нелогичность и невозможность затѣянной министерской комбинаціи. Если бы она была возможна, то не нужно было бы распускать думу. Если дума распущена, то единственная возмож-

ная для правительства позиція есть позиція откровенной борьбы противъ всего, что проводила и защищала дума. Либеральное законодательство безъ законодателей, подготовка реформъ при содѣйствіи ихъ непримиримыхъ противниковъ—таковъ тотъ исторический и логическій nonsens, которымъ хотѣли прикрыть отъ общества голый смыслъ переворота. Первое дыханіе событій, повидимому, развѣяло фанатическую затѣю, и, кажется, намъ не придется требовать отчета въ смерти Герценштейна у его бывшихъ друзей. Русское общество должно будетъ считаться съ откровенной реакціей. Это, по крайней мѣрѣ, послѣдовательно.

147. Либерализмъ quand même *).

Министерство хочетъ быть либерально во что бы то ни стало. Оно хочетъ быть либерально и потому конфискуетъ нумера газетъ, въ которыхъ доказывается, что ходъ событій фатально ведетъ его отъ переворота къ реакціи. Что же дѣлать. если. по несчастью, либеральному министерству приходится принимать репрессивныя мѣры! Вся вина не въ тѣхъ, кто толкаетъ министерство на эту дорогу сверху, а на тѣхъ, кто его толкаетъ снизу. Не благоразумные элементы будутъ обузданы и, на зло и досаду революціонерамъ, министерство останется либеральнымъ, хотя бы для этого пришлось закрыть всѣ газеты.

Министерство хочетъ быть либеральнымъ, и потому не потерпитъ, чтобы на него падала хотя бы тѣнь подозрѣнія въ сообщничествѣ съ дѣятельностью тайныхъ и явныхъ черныхъ сотенъ. Конечно, эти элементы есть въ Россіи, и «нельзя не пожалѣть, что они не считаютъ для себя возможнымъ сойтись съ правительствомъ въ признаніи представительнаго начала». Но, какъ бы то ни было, правительство будетъ твердо и либерально; оно «не можетъ и не должно выступать на революціонный путь и брать назадъ тѣ конституціонныя права, которыя оно дало своему народу». И потому оно воспитаетъ для пользованія «конституціонными правами» эти упрямыя черныя сотни, оно организуетъ «консервативныя партіи» на защиту «данной народу» настоящей, здравой и разумной русской конституціи отъ посягательства тѣхъ, кто, вслѣдъ за предсѣдателемъ Муромцовымъ, видитъ въ этихъ «правахъ»—естественныя, вытекающія

*) „Рѣчь“, № 132, 21 іюля.

изъ самой природы вещей, права русскаго народа. Правительство будетъ либерально, хотя бы для этого пришлось остановить все пресловутое «освободительное движеніе». Оно дастъ конституцію, хотя бы для этого пришлось посадить въ тюрьму всѣхъ конституціоналистовъ: все равно, конституцію будутъ защищать другіе «благонамѣренные и устойчивые элементы русскаго общества». А пока эти устойчивые элементы не научатся «истинному» конституціонализму, либеральное министерство будетъ продолжать «тушить» «свѣточи» ложнаго конституціонализма «тѣмъ же конституціоннымъ порядкомъ», какимъ сдѣлало это относительно первой думы. Это будетъ либерально, потому что будетъ дѣлаться «въ интересахъ конституціоннаго строя», во имя «дѣйствительныхъ идеаловъ свѣта и правды». И «правда» восторжествуетъ... на развалинахъ всего живого.

Но, прежде всего и болѣе всего, правительство хочетъ быть и будетъ либеральнымъ, чтобы о немъ не подумали ничего дурного «общественные дѣятели» мирнаго обновленія Россіи. Злые газетчики выдумываютъ легенду о реакціонныхъ стремленіяхъ министерства, и эта легенда грозитъ поссорить съ министерствомъ «общественныхъ дѣятелей» и закрыть дорогу къ мирному обновленію. Вѣдь это было бы величайшимъ несчастьемъ и бѣдствіемъ для Россіи. Исторія показываетъ, что Россія до сихъ поръ всегда обновлялась мирнымъ путемъ, и, слѣдовательно, если невозможно «мирное», то невозможно и никакое обновленіе Россіи. Но нѣтъ, не бывать тому, чтобы злая интрига газетчиковъ нарушила добрый миръ министерства съ «общественными дѣятелями». Не нужно, чтобы ихъ совѣсть тревожилась газетными выдумками; пусть хранятъ чистую и свѣтлую вѣру въ то, что «теперь мы получили возможность вести мирную борьбу», «что все старое прошло безвозвратно и что въ новой свободной Россіи нѣтъ мѣста насилію». Пусть только «общественные дѣятели» не читаютъ газетъ,—или пусть читаютъ «Вѣче», «Маякъ» и «День»,—и пусть спокойно предадутся чистоплотной работѣ мирнаго обновленія Россіи. Всю черную работу г. Столыпинъ самоотверженно беретъ на себя.

Правительство будетъ либеральнымъ, хотя бы этому никто не повѣрилъ въ Россіи, кромѣ «добросовѣстныхъ» дѣятелей мирнаго обновленія.

Приложеніе: три смерти.

148. С. Н. Трубецкой *).

Какая смерть!... Трагическая, прекрасная и неумолимо логичная. Кн. Трубецкой скоропостижно скончался на «боевомъ посту» и въ разгарѣ борьбы, защищая дѣло русской свободы,—не академической только, а свободы вообще,—въ самомъ станѣ противниковъ. Онъ поѣхалъ только третьяго дня въ Петербургъ, уполномоченный своими товарищами сказать, что свобода для университета можетъ существовать только при свободѣ для общества. Онъ сказалъ это, какъ кн. Трубецкой умѣлъ говорить вещи, въ которыхъ былъ убѣжденъ; онъ горячо поддерживалъ свое утвержденіе, волновался, почувствовалъ себя дурно и черезъ нѣсколько часовъ умеръ въ больницѣ. Кн. Сергѣй Николаевичъ передъ синклитомъ чиновниковъ, выступающій со своими горячими доводами передъ людьми глубоко равнодушными къ тому, чѣмъ болѣлъ, отъ чего истекалъ кровью благородный общественный дѣятель,—какое это трагическое положеніе!... Смерть кн. Трубецкого была его послѣднимъ доводомъ, и русское общество сумѣетъ оцѣнить его. Покойный былъ однимъ изъ послѣднихъ, которые еще вѣрили, что общественную борьбу можно вести доводами моральнаго убѣжденія и что возможно какое-то примиреніе; и за свою вѣру онъ заплатилъ своей жизнью. Смерть кн. Трубецкого есть крупная, незамѣнимая утрата для освобождающейся Россіи, и она вмѣстѣ съ тѣмъ есть крупное общественное событіе. Онъ занялъ трудный постъ, хотѣлъ сдѣлать невозможное возможнымъ; но, занявъ его и увидѣвъ роковыя препятствія, онъ не отступилъ, не согнулся, прямо пошелъ имъ навстрѣчу и былъ сломленъ въ борьбѣ. Смерть его—не капитуляція передъ жизнью, не малодушная уступка, а гордый вызовъ и залогъ грядущей побѣды.

Кн. Трубецкой жилъ и умеръ, какъ, дай Богъ, жить и умереть всякому. Среди общей переоцѣнки цѣнностей, среди ломки именъ и репутацій, онъ былъ и остался цѣльнымъ, неподкупнымъ, незапятнаннымъ и честнымъ. Этотъ ни передъ кѣмъ не искалъ и ни къ чему не приспособлялся. Тамъ, гдѣ свѣтило ему убѣжденіе, гдѣ

*) „Русск. Вѣд.“, № 260, 5 октября. 1905 г.

онъ видѣлъ ясно свою цѣль и свой долгъ, онъ смѣло шелъ впередъ,—шелъ на всякое положеніе, даже затруднительное, даже двусмысленное, ни минуты не думая о себѣ, а только о дѣлѣ. И онъ могъ быть увѣренъ, какъ и другіе вѣрили кругомъ него, что ни при какой житейской конъюнктурѣ ни одна соринка клеветы не прикоснется къ его честному имени. Такое совпаденіе внутренней нравственной силы съ вѣрной общественной оцѣнкой ея, вѣры въ себя, соединенной съ довѣріемъ другихъ, достается въ удѣлъ немногимъ избранникамъ и само по себѣ ручается за исключительныя нравственныя качества лица, которому достается.

Кн. Трубецкому это исключительное положеніе досталось не даромъ: онъ заплатилъ за него дорогой цѣной. Мягкій и почти женственный по натурѣ, одаренный необыкновенно деликатной и хрупкой психической организаціей, онъ становился твердымъ, прямымъ и смѣлымъ, когда дѣло шло объ исполненіи общественнаго долга. Отвлеченный мыслитель, почти мистикъ по умственному складу, онъ самоотверженно несъ на себѣ непривычные и тяжелые доспѣхи бойца. Чувствительный къ тончайшимъ оттѣнкамъ личныхъ отношеній, онъ всей грудью становился подъ удары общественной критики и молча копилъ въ себѣ всю горечь уколовъ, градомъ сыпавшихся не на него лично, а на положеніе, занятое имъ въ общественной борьбѣ.

Но чего стоила ему вся эта твердость и стоицизмъ, знаютъ всѣ, кто имѣлъ счастье въ послѣднее время ближе знать покойнаго. Застигнутый нѣсколько врасплохъ быстрымъ ходомъ жизни, кн. Трубецкой неустанно работалъ надъ собой, и слѣды этой нервной работы были написаны на его лицѣ. Еще совсѣмъ молодой, онъ смотрѣлъ старикомъ въ послѣдніе годы; яркое горѣніе русской жизни быстро сжигало и его, а онъ не только не уходилъ отъ жизни, но рвался впередъ и все тѣснѣе связывалъ себя со всѣмъ ходомъ русскаго освободительнаго движенія. Крупный и индивидуальный мыслитель, человѣкъ со своеобразными традиціями и убѣжденіями, онъ шелъ въ ногу со всѣми и хотѣлъ быть однимъ изъ многихъ.

И, однако, онъ остался самимъ собой, и неумолимая жизнь смяла и смела его самымъ неудержнымъ ходомъ. Яркой вспышкой, торжественнымъ заключительнымъ аккордомъ его смерть запечатлѣла особенности его личности и взятой на себя общественной роли; и съ такимъ концомъ кн. Трубэцкой перейдетъ въ исторію, какъ одна изъ самыхъ крупныхъ историческихъ фигуръ переходного момента. Многое, во что, скрѣпя сердце, долго и упорно вѣрило русское

общество, умретъ вмѣстѣ съ нимъ; его смерть подчеркнетъ съ особой яркостью безысходность политики, похоронившей его подъ своими развалинами. Но высокая нравственная красота этой фигуры невольнаго бойца, съ смертной раной въ груди стоявшаго на посту, останется въ памяти общества...

Близкіе кн. Трубецкому люди не могутъ не чувствовать жгучей боли безвозвратной потери. Но въ этой боли нѣтъ жала. Кн. Трубецкой умеръ недаромъ. Такая смерть завидна всякому.

149. Лейтенантъ Шмидтъ. *).

I.

День за днемъ проходитъ для лейтенанта Шмидта и его товарищей по приговору въ тяжеломъ, мучительномъ ожиданіи. Одинокіе, отрѣзанные отъ всѣхъ, беззащитные сидятъ эти люди теперь въ своихъ каютахъ, ожидая съ минуты на минуту, что отворится дверь и имъ скажутъ: пора идти!... Палачъ будетъ плакать, какъ плакали судьи... но ихъ поведутъ на позорную казнь, и рука не дрогнетъ у палача, какъ голосъ не дрогнулъ у читавшаго приговоръ, и хрупкая, непрочная грань, отдѣляющая жизнь отъ смерти, сломится, и то, что было человѣкомъ, однимъ изъ лучшихъ среди насъ, однимъ изъ свѣтлыхъ и чистыхъ, превратится въ безжизненный комокъ мяса! Пусть вѣритъ въ это, кто хочетъ: я не могу вѣрить! Нѣтъ, лейтенантъ Шмидтъ и его товарищи не одни тамъ, на «Прутѣ». Милліоны невидимыхъ нитей тянутся къ намъ оттуда и у каждаго изъ насъ эти нити зацѣпились за что-нибудь самое дорогое, самое завѣтное, то, что въ себѣ самихъ мы больше всего любимъ и цѣнимъ. Убить этихъ людей—не значитъ ли это перерѣзать всѣ эти нити, милліоны нитей, и у милліоновъ человѣческихъ существъ съ болью оторвать отъ сердца остатокъ вѣры, что люди не совсѣмъ еще превратились въ звѣрей. Кто можетъ сдѣлать это, у кого поднимется рука, кто посмѣетъ? Нѣтъ, защитникъ Шмидта былъ правъ, когда съ угрозой поднималъ свою руку и властно говорилъ его судьямъ: вы не посмѣете, вы не убьете! Эту власть и силу угрозы талантливый адвокатъ почувствовалъ въ себѣ недаромъ, и не въ пустынѣ прозвучало его сильное слово. Газеты полны каждый день горячими откликами ему; каждый день повторяется съ печатныхъ столбцовъ все тотъ же отчаянный крикъ—и неужели есть мѣсто въ Россіи, гдѣ этого крика не слышно? Неужели есть кто нибудь, кто не почувствовалъ, что эта властно под-

*) „Рѣчь“, № 12, 6 марта.

нявшаяся рука можетъ тяжело опуститься, подъ непзмѣримой тяжестью всего накипѣвшаго гнѣва и злобы,—опуститься и больно ударить? Лейтенантъ Шмидтъ волею судьбы теперь преступникъ, но такъ еще недавно онъ былъ однимъ изъ насъ; лейтенантъ Шмидтъ—это были тогда всѣ тѣ, кто могъ представить себя самого въ этомъ неудержимомъ потокѣ, среди стихійнаго разлива человѣческихъ страстей,—и кто былъ способенъ возвыситься до желанія вложить умъ и мысль въ эту слѣпую силу, силу порыва, чтобы направить безумную волю къ разумной цѣли. Эти цѣли—судъ показалъ это ясно—были умѣренны и лояльны. Пусть безуміе играло роль въ готовности Шмидта отдаться потоку, въ его отчаянной попыткѣ добиться успѣха средствами, относительно которыхъ у него не было выбора. Но не одна патологія въ этомъ безуміи: кто слишкомъ уменъ для такого безумія, тотъ не владѣетъ средствомъ спаять со своей волей волю тысячъ людей. Вотъ то незримое, но спльное, могучее, что стоитъ въ эту минуту между беззащитнымъ государственнымъ преступникомъ и всемогущей властью государства, готоваго отмстить за свою обиду. Истина та, что тутъ нѣтъ обиды для государства, и тупой клеветой было бы назвать Шмидта простымъ разрушителемъ. На развалинахъ власти онъ только хотѣлъ создать новую, лучшую форму власти, чтобы предупредить разрушеніе. Виновать ли онъ, что разрушеніе произошло безъ него, что авторитетъ мѣстной власти лежалъ въ развалинахъ и что въ его головѣ крѣпко засѣла та самая идея лучшей формы власти, за которую боролось и борется все русское освободительное движеніе? Передъ судомъ формальнаго закона Шмидтъ, можетъ быть, виновенъ; но передъ судомъ русской современности,—не говоря уже о томъ судѣ исторіи, на который лейтенантъ Шмидтъ съ законной гордостью возложилъ свои надежды, —Шмидтъ не виноватъ. И если мнѣніе русскаго общества, если возмущенная общественная совѣсть чего-нибудь стоитъ то лейтенантъ Шмидтъ и его товарищи по преступленію не умрутъ

II.

Ниже мы печатаемъ разрывающія душу строки телеграммы сестры лейт. Шмидта, г-жи А. Избашъ. Неужели невѣроятное совершится? Неужели безличная идея государства требуетъ этой новой человѣческой жертвы? Насъ упрекала одна развязная газета, что мы взглянули на приговоръ Шмидта, какъ на м е с т ь, и не хотѣли понять, что рѣчь идетъ о справедливой и законной к а р ѣ. Тысячу разъ нѣтъ! Кара въ общественномъ сознаніи связана съ

преступленіемъ, и если слѣпой формальный законъ караетъ преступника, общественная совѣсть только тогда остается спокойной, когда эта связь сознается всѣми. Этого нѣтъ въ дѣлѣ Шмидта. Высокопоставленное лицо, одно изъ первыхъ лицъ въ государствѣ, открыто говорило ходатаямъ Шмидта, что Шмидта можно было казнить въ первый день, но надо помиловать спустя недѣли и мѣсяцы послѣ событій. Теперь прошли еще недѣли, и самая задержка въ исполненіи приговора явилась уже новымъ смягчающимъ обстоятельствомъ. Пусть только подумаютъ, какую добавочную кару вынесъ Шмидтъ въ этомъ долгомъ колебаніи между смертельнымъ страхомъ и надеждой. Казнить могли Шмидта сразу; но прибавить къ казни муки ожиданія и потомъ все-таки казнить—это превышаетъ мѣру человѣческой жестокости. Нѣтъ, это уже не кара, не справедливость, это—дѣйствительно дикая м е с т ь. И кто же является въ роли мстителя? Общественная совѣсть, вслѣдъ за Анной Избашъ, называетъ это лицо,—и успокоиться не можетъ. Какъ адмиралъ Чухнинъ стоитъ между жизнью и смертью Шмидта? Онъ—не судья, а сторона въ этомъ дѣлѣ! И это къ нему обращены мольбы и вопли со всѣхъ концовъ Россіи: къ его милости, къ человѣческому состраданію адмирала Чухнина? Отъ него Россія не ждала помилованія Шмидта!

Эти строки были написаны, когда мы получили вечернія телеграммы. Шмидтъ помилованъ—на разстрѣляніе, вмѣсто висѣлицы! И съ этимъ послѣднимъ словомъ его траурный корабль отплываетъ въ послѣдній путь...

150. Памяти М. Я. Герценштейна *).

Я видѣлъ его лицо, пожелтѣвшее, точно восковое, скорѣе лицо мыслителя и ученаго, чѣмъ лицо политическаго дѣятеля, съ широкимъ лбомъ и голымъ вмѣстительнымъ черепомъ, съ губами, какъ будто, еще готовыми сложиться въ ироническую улыбку.

И въ той же комнатѣ мнѣ показали маленькую визитную карточку въ траурной каймѣ, съ изображеніемъ черепа и съ безграмотной надписью печатными буквами: «коморра народной расправы». Я смотрѣлъ на трупъ и на карточку, и безсмысленность этого сопоставленія складывалась у меня въ головѣ въ яркій символъ безсмысленности, нелѣпости момента, который мы переживаемъ. Въ этой головѣ кристаллизовалась мысль и строилось дѣло, самая важная мысль и самое насущное дѣло нашего времени, мысль о крестьянской

*) „Рѣчь“, № 131, 20 іюля.

землѣ, и «народная расправа» не дала этой мысли созрѣть и выйти наружу. Изъ многихъ головъ, въ которыхъ та же мысль зрѣетъ. это была центральная голова; въ этомъ вмѣстительномъ черепѣ уживались и срослись въ одно жизненное цѣлое такія стороны вопроса, которыя никакъ не могли помѣститься рядомъ въ другихъ головахъ и отъ разъединенія которыхъ происходило и происходитъ все зло и вся невозможность мирнаго рѣшенія вопроса. Герценштейнъ былъ живъ,—и я вѣрилъ въ это мирное рѣшеніе; я вѣрилъ, что этому человѣку удастся сочетать практическое съ идеальнымъ, требованія холоднаго ума съ стремленіями горячаго сердца; я знаю, что со своимъ обычнымъ тонкимъ анализомъ онъ сумѣетъ разобраться въ средѣ непримиримыхъ, повидимому, точекъ зрѣнія разныхъ членовъ аграрной комиссіи и твердо поставитъ во главу будущей постройки то, что у нихъ окажется общаго. И я вѣрилъ, что это общее окажется возможнымъ и осуществимымъ, и всѣ на немъ помирятся... И всякій разъ, какъ я спрашивалъ его о томъ, что дѣлается въ аграрной комиссіи, я зналъ, что съ своей доброй и умной улыбкой онъ мнѣ отвѣтитъ: «Еще одно непримиримое и неразрѣшимое обстоятельство оказалось примиримымъ и разрѣшимымъ; ничего, я надѣюсь, сговоримся». И точно камень за камнемъ выпадалъ изъ глухой стѣны, о которую, казалось, грозили разбиться всѣ наши упорныя усплія... И этого человѣка отъ насъ взяли. Кто же взялъ его; кто взялъ на себя рѣшимость такъ безразсудно расточить наше національное богатство? Потому что Герценштейны родятся не дюжинами, и на каждое поколѣніе приходится ограниченное колпчество «представительныхъ» людей. Возьмите ихъ прочь, и вы обезглавите цѣлое поколѣніе.

Убійцы называютъ свое дѣло—дѣломъ «народной расправы». Народная расправа надъ народнымъ дѣломъ, надъ своимъ собственнымъ дѣломъ! Нѣтъ, я не могу повѣрить этой безсмыслицѣ Когда-то, много лѣтъ тому назадъ, я, правда, присутствовалъ при одной подобной безсмыслицѣ. Около десятка крестьянъ обвинялись въ покушеніи на убійство врача, котораго они приняли за «холеру». Я смотрѣлъ тогда въ лица подсудимыхъ, простыя русскія лица, добродушныя или угрюмыя, простоватыя или себѣ на умѣ,—смотрѣлъ и не могъ найти между ними виноватаго. Мнѣ только было ихъ безконечно жаль. И вчера я мысленно задавалъ себѣ вопросъ: какъ должны смотрѣть убійцы Герценштейна? Понимаютъ ли они, что сдѣлали? Понимаютъ ли, что они самый большой вредъ нанесли самимъ себѣ этой смертью? Или же...

Или же это были наемные убійцы, которые хорошо знаютъ, чье дѣло дѣлаютъ, но дѣлаютъ дѣло отнюдь не «народной расправы»? Одна газета сказала вчера, что найти убійцъ Герценштейна легко: надо читать московское «Вѣче». Теперь уже съ достовѣрностью извѣстно, что въ Москвѣ о смерти Герценштейна говорилось въ 6 часовъ вечера, а убитъ онъ былъ въ 9 ч. Нѣтъ, «народная расправа», убившая Герценштейна, не сродни той народной расправѣ, которая, въ припадкѣ умопзступленія, линчуетъ человѣка «холеру». Не помню точно, гдѣ именно, но хорошо помню, что еще нѣсколько дней тому назадъ я читалъ газетное извѣстіе о подготовленіяхъ московскихъ черныхъ террористовъ къ убійствамъ депутатовъ—въ первой линіи, конечно, еврейскихъ. Организаціи эти не скрываются; напротивъ, онѣ афишируютъ себя и ждутъ одобренія и награды за свои поступки. Читайте телеграммы послѣднихъ дней и вы увидите, какъ то тамъ, то сямъ возникаютъ вновь или реорганизуются мѣстныя отдѣленія разныхъ союзовъ русскихъ людей и т. п. Даже по телеграммамъ и газетнымъ корреспонденціямъ видно, что эта новая жизнь вдыхается въ «патріотическія» организаціи вовсе не собственнымъ энтузіазмомъ, а прямымъ покровительствомъ мѣстныхъ властей, съ которыми зачастую тайныя патріотическія организаціи дѣлятъ власть, дѣлятъ и доходы. Чего не хватаетъ въ казенныхъ кассахъ, дополняется частной благотворительностью —иногда весьма высокаго происхожденія.

Вотъ гдѣ корень «народной расправы» съ Герценштейномъ. Это дѣло знакомыхъ намъ рукъ—дѣло рукъ вахмистровъ и «погромщиковъ». Брызги крови попадаютъ и на руки новаго кабинета, и, чтобы начать дѣло «мирнаго обновленія» Россіи, имъ придется перешагнуть черезъ трупъ. Да и мало ли черезъ что имъ придется перешагнуть...

Чтобы отклонить отъ себя соучастіе въ темномъ дѣлѣ, что остается имъ сдѣлать? О строжайшемъ слѣдствіи, конечно, нечего и говорить. Но, по моему мнѣнію, минимумъ того, что они сдѣлать обязаны, состоитъ въ немедленномъ закрытіи и роспускѣ всѣхъ черносотенныхъ организацій. Отъ субсидированія къ преслѣдованію переходъ довольно рѣзкій, но переходъ этотъ долженъ быть сдѣланъ немедленно, несмотря на всю вліятельность высокихъ покровителей. Отъ рѣшительности и силы этого перваго шага будетъ зависѣть и мнѣніе общества о кабинетѣ общественныхъ дѣятелей.

инв. 27363

1

3-00

Л31
М60-Г